ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВСЕСОЮЗНОГО
ОБЩЕСТВА
ПОЛИТИЧЕСКИХ
КАТОРЖАН
И
ССЫЛЬНО
ПОСЕЛЕНЦЕВ

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО ПОЛИТИЧЕСКИХ
КАТОРЖАН И ССЫЛЬНО-ПОСЕЛЕНЦЕВ

ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННАЯ БИБЛИОТЕКА

ВОСПОМИНАНИЯ, ИССЛЕДОВАНИЯ,
ДОКУМЕНТЫ И ДР. МАТЕРИАЛЫ
ИЗ ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО
ПРОШЛОГО РОССИИ

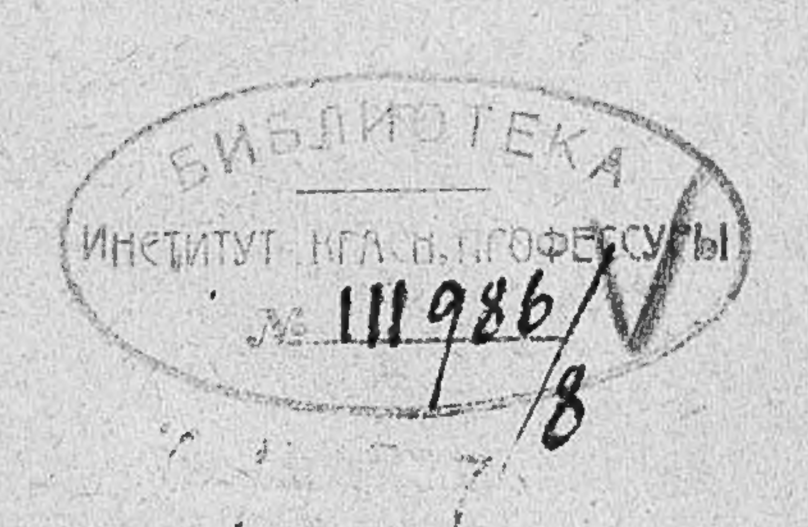
1930

№ 8-10 (LVII-LIX)

МОСКВА

В. НЕВСКИЙ

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В ЯНВАРСКИЕ ДНИ 1905 ГОДА



ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА
ПОЛИТКАТОРЖАН и ССЫЛЬНО-ПОСЕЛЕНЦЕВ

Мособлит № 20366. Тираж 4.000.

Типо-литография им. Воровского, ул. Дзержинского, 18.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Выпуская в свет настоящее исследование о великом движении русского рабочего класса в январе 1905 г., мы должны дать несколько пояснений, необходимых читателю.

Исследование это печаталось разновременно, начиная с 1922 г. в различных исторических журналах и отдельных выпусках (напр., «Красная Летопись», «Пролетарская Революция», предисловие к изданию документов и т. п.).

Отсюда, однако, не следует, что здесь в книге собран старый, всем известный материал. Во-первых, все старые работы мною пересмотрены, исправлены и дополнены в свете новых исследований и нового архивного материала; во-вторых, некоторые, правда, небольшие части этого сочинения написаны заново специально для настоящего издания: очерк движения в Поволжье (кроме Саратова), в Центральном промышленном районе (кроме Москвы), в Западном крае и районе Бунда, на Урале и в Сибири, на юге, а также вся вступительная часть главы I, V, IX, X и части глав VI и VII. Сделано это на основании нового, мною извлеченного архивного материала и новых уже опубликованных работ.

Главным архивным материалом для работы служат дела б. департамента полиции (ныне историко-революционного архива, — архива революции и внешней политики), дела б. министерства финансов (донесения фабричных инспекторов) и некоторые другие, на что читатель найдет указания в сносках и подстрочных примечаниях (напр., охранного отд. г. Ростова-на-Дону, Воронежского жандармского управления, частная переписка, фабричные архивы и т. п.).

Отчеты фабричных инспекторов и несколько других документов я даю в приложении. Следовало бы для полноты и удобства обозрения включить в книгу собрание опубликованных мною январских листков и отчет присяжных поверенных о событиях 9—11 января 1905 г. («Красная Лет.» 1922, 1), но том и так очень велик и поэтому это невыполнимо.

Я предпочел, вообще говоря, уклониться от полемики и лишь только в одном примечании позволил себе указать на неправильность одного замечания по моему адресу.

Не все работы, написанные мною о весеннем движении рабочих в 1905 г. введены в эту книгу; так, напр., оставлена статья о комиссии Шидловского, не введена подробная работа о движении в Одессе. Сделано это преднамеренно, так как эти работы лучше включить в другой том и в другой связи.

Читателя, жаждущего лишь методологических выводов, не удовлетворит моя работа, ибо это только небольшая часть давно задуманной большой истории первой русской революции. Чреда лет унесла розовые мечты о возможности выполнения такой работы силами одного человека: нет еще ни достаточного количества материалов, ни достаточного количества работ по истории предшествующего периода,— экономической и политической истории второй половины XIX в.

Это обстоятельство и натолкнуло меня и моих молодых друзей, во-первых, заняться изучением этих предпосылок 1905 г. и погрузиться в далекую седую старину, отделенную почти столетием от наших времен, а во-вторых—изучением человеческого материала, выступившего в 1905 г. на арену истории большой исторической силой.

Само собой разумеется, что такое изменение задач для меня навсегда отдалило возможность написать что-нибудь законченное о 1905 годе.

Однако, было бы жаль, имея в руках новые данные, не пустить их в общенаучный оборот. Это (не больше) я и делаю сейчас, выпуская этот том работ о 1905 г. и надеясь выпустить второй том, где будут собраны мои исследования о Советах и вооруженном восстании 1905 г.

Мы не даем общей критики источников, ограничиваясь пространными критическими замечаниями в тексте и довольно подробными рассмотрениями и указаниями в подстрочных сносках. Отлагаю этот общий критический обзор до следующего выпуска.

Книга эта не увидела бы света, если бы не то любезное содействие, которое оказывает мне издательство и редакция «Каторги и Ссылки», беря на себя бремя обнародования этой работы и если бы не великодушная помощь и дружеское содействие, выказанное моими ближайшими друзьями по научной работе т.т. П. И. Анатольевым и П. П. Парадизовым. Горячую благодарность и сердечную признательность и высказываю я им здесь.

ГЛАВА I

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

I

Массовое рабочее движение 1905 года бесспорно носит прежде всего ярко-политический характер. Эта черта рабочего движения первой русской революции установлена твердо и определенно как официальными статистическими сводками, так и работами иного, неофициального происхождения. При этом яркая политическая окраска массового рабочего движения 1905 года явилась не сразу, не внезапно, а была только логическим завершением той политической борьбы, какую вел русский рабочий класс уже давно, и в особенности начиная с конца 90-х годов прошлого века[1]. Что это действительно так и было, явствует даже из далеко неполных цифр официального характера о забастовочном движении до 1905 года. Данные В. Варзара начинаются с 1895 г.; цифры и данные о стачках 70-х, 80-х и первой половины 90-х годов (до 1894 г. включ.) см. в моих специальных исследованиях в собрании моих работ, охватывающих революционное движение за эти периоды[2].

По данным министерства финансов, обработанным В. Варзаром, данным далеко неполным и охватывающим только предприятия, находящиеся в ведении фабричной инспекции, следует, что с 1895 по 1900 год стачки происходили на 860 предприятиях или заведениях и охватили 250.629 ч. рабочих; при чем в 34 заведениях стачки носили политический и вообще неэкономический характер, захватившие из общего числа бастовавших 9.618 человек. Таким образом из 860 заведений, бастовавших в течение 1895—1900 годов

---

[1] Лучший анализ стачечного движения 1905 г. содержится в статье В. И. Ленина „Рабочее движение в эпоху первой русской революции", „Нов. Москва", 1928 г. и соч. т. XI, ч. 2, „О статистике стачек в России".

[2] Сборник „От Земли и Воли" к группе „Освобождение Труда", М., 1930 г.

3,9% бастовало по политическим и вообще неэкономическим причинам, а из 250 тысяч с лишком человек забастовщиков за это же время 3,8% их участвовали в движении по политическим, и, во всяком случае, по мотивам неэкономического характера. Процент политических стачек значительно повышается в девятисотые годы. Число заведений, охваченных стачками в течение 1901—1904 годов, было 905, с 180.625 участниками, при чем из этого числа по политическим и, во всяком случае, неэкономического характера причинам, бастовало 144 зав. с 25.085 участниками, или 15,9% всех заведений и 13,2% всех бастовавших.

Эти данные можно свести в следующую более наглядную таблицу:

Периоды	Число всех стачек	Число участников в них	Число полит. и неэконом. стачек	В % к общему числу стачек	Число участн. в полит. и неэком. стачках	В % к общему числу всех бастовавших
1895—1900	860	250.629	34	3,9	9.618	3,8
1900—1904	905	180.625	144	15,9	25.085	13,2

По годам распределение стачек на экономические и политические таково:

Годы	Число всех стачек	Число участников в них	Число политических стачек	В % к общему числу стачек	Число участников в политич. стачках	В % к общему числу участников
1896	118	29.527	5	4,2	239	0,8
1897	145	59.870	2	1,3	517	0,8
1898	215	43.150	6	3,6	1.560	2,7
1899	189	57.498	11	5,4	3.123	5,8
1900	125	29.389	10	14,2	4.179	8,0
1901	164	32.218	5	16,1	520	3,0
1902	123	36.671	11	13,7	5.042	8,9
1903	550	86.832	126	2,1	19.022	22,9
1904	68	24.904	2	2,0	501	2,9
Всего	1.697	400.059	178	7,9	34.703	10,0

Из этих таблиц видно, что в пятилетие конца прошлого века (1895—1900 гг.) политические стачки и число участников в них составляли ничтожное меньшинство всех стачек; число это сразу возростает, начиная с 1900 года, и в течение периода 1900—1904 гг. составляет уже 15,9% всех стачек, а число участников в этих стачках доходит до 13,2%.

В высшей степени показательны цифры по отдельным годам, так как они отражают те экономические изменения, какие переживала страна за эти годы.

Процент политических стачек, возроставший, начиная с 1898 года, вдруг понижается в 1901 году, что вполне понятно, если принять во внимание, что в этом году промышленный кризис уже был в полном разгаре. Процент политических стачек растет, достигая в 1903 году очень большой для того времени цифры 22,9%, и затем снова падает до 2,9%, что тоже вполне понятно: в 1903 году кризис стал менее острым, и рабочие, оправившиеся от тяжелых явлений его, снова обратили все свои силы и энергию против главного зла—самодержавного режима. Вспыхнувшая война снова вызвала к жизни те явления, которые только что изживались страной—депрессию промышленности и торговли, нажим капиталистов и власти на пролетариат; эти обстоятельства снова поставили рабочих в положение не нападающих, а обороняющихся. Вместе с уменьшением стачек вообще уменьшается и число политических стачек, падая до 2,9%, т.-е. почти до такого же числа, какое было в 1898 году. Число участников политических стачек, возроставшее беспрерывно до 1901 г., с 1902 года, т.-е. с того времени, когда промышленный кризис принимает особенно тяжелый и острый характер, начинает уменьшаться и доходит до 2% в год войны.

Повышение политической сознательности не только рабочего, но и всего населения отмечается решительно всеми источниками и документами, какого бы они происхождения ни были.

Остановимся на двух категориях документов прямо противоположного характера: официальных отчетах губернаторов за 1904 и 1905 годы и на документах нелегального происхождения, исходящих из революционного лагеря.

Как оценивали положение дел в своих губерниях их начальники, давая политические обзоры за 1904 год? Решительно во всех этих отчетах отмечается повышение политического недовольства в стране, которое особенно усилилось под влиянием военных неудач на Дальнем Востоке.

«С начала настоящей зимы,— пишет в своем докладе царю варшавский генерал-губернатор,— нормальное течение общественной жизни в пределах Варшавской губернии нарушено. Началось с всеобщей забастовки фабричных и промышленных заведений; к движению этому примкнули подонки населения: профессиональные грабители, ножевщики, люди порочные, живущие преступлениями. После подавления производившихся ими бесчинств, забастовки приобрели характер экономического движения; хотя в требованиях, предъявляемых рабочими, и оказывались требования политического свойства, но им сами рабочие не придавали никакого значения. Результатом движения явилось улучшение материального положения рабочего класса; поощренные успехом, и другие категории лиц, существующие трудом, прибегли к тому же средству: железнодорожные служащие, мастеровые, даже частная прислуга.

«В настоящее время движение охватило батраков, служащих в помещичьих экономиях, труд их действительно плохо оплачивается. На ряду с этим началось движение на почве национально-польской против русского языка в школах и в гминном управлении»[1].

В политических обзорах других губерний Польши (за 1904 год) также слышатся тревожные ноты. Так, в политическом обзоре по Калишской губернии говорится: «Доходящие слухи из столиц об «эре доверия к обществу», «нарождающейся весны», предоставление печати свободно высказываться о грядущих событиях и пожеланиях обновления государственного строя, ряд убийств административных лиц, уличные демонстрации в городах—все это породило и давало обильную пищу не только местному интеллигентному обществу, но и простому населению, суждениям и ожиданиям особых государственных преобразований, с резким порицанием существующих порядков и строя жизни. Часть и скудного русского общества, занимаясь такими же критическими суждениями и оценкой событий, мало проявляла русского патриотического самосознания...»[2].

Война и неудачи на Дальнем Востоке усилили политическое недовольство в стране, и это отмечается во многих политических обзорах по губерниям. «В виду событий на Дальнем Востоке,— читаем мы в обзоре по Ковенской гу-

---

[1] Истор.-революц. арх. 3-е дел., № 1, ч. 4, 5 л. Б., 1905 г.

[2] Истор.-революц. арх. 3-е дел., № 1, ч. 44, л. А., 1905 г. Полит. обзор по Калишской губ.

бернии,— общее настроение населения было тревожное. Война с Японией была встречена как в интеллигентных слоях населения, так и в низших—несочувственно, а следовавшие, к сожалению, неудачи наших войск увеличили эту неприязнь к войне.

«Эмиграция, с целью уклонения от призыва в действующую армию, дошла в отчетном году до небывалых размеров, при чем эмигрировали преимущественно литовцы и евреи...

«...Отношение к властям в крае не вполне доверчивое. Особенной же непопулярностью и недоверием к себе пользуется здесь полиция, которая, по справедливости, зачастую является не на высоте своего назначения...» [1].

В высшей степени важно то, что в этом докладе, как и во многих других, отмечается стихийный рост всякого рода слухов, усиление революционной пропаганды, отказ запасных от мобилизации и т. п. Отмечается какой-то стихийный процесс нарастающего недовольства. «Неоднократно распространялись среди сельского населения различные слухи по поводу войны с Японией—о лишениях, будто бы претерпеваемых нашими войсками на Дальнем Востоке, о поражениях наших войск и т. п., но особого волнения слухи эти не возбуждали»...

«Затем, в конце года стали носиться слухи, что будто по селам и деревням разъезжают какие-то лица, предлагая крестьянской молодежи записаться у них для каких-то темных целей и для производства беспорядков. Возможно, что слухи эти,— как и подобные им слухи о погромах и восстаниях,— праздные, но тем не менее они порождали в населении весьма тревожное состояние и опасения, которым поддавались также помещики и чиновники, служащие в деревне» [2].

Как бы ни относиться к цитируемым обзорам, но они до известной степени верно отображали предреволюционную действительность, быть может, часто и не достаточно тонко рисуя взаимоотношения различных классов и групп населения. В обзорах с окраин страны, где к классовой борьбе пролетариата примешивалась и борьба национальная, рисуется и эта борьба. «Коренное население губернии,—повествует политический обзор по Лифляндской губ. за 1904 год,— состоящее преимущественно из немцев, латышей и эстов, как и в прежние годы, продолжало в общем относиться недруже-

---

[1] Истор.-революц. арх. 3-е дел., № 1, ч. 35, л. А, 1905 г. Полит. обзор по Ковенской губ.

[2] Полит. обзор по Ковенской губернии.

любно к правительству и особенно к правительственным мероприятиям, к слиянию Прибалтийского края с остальными частями империи. Такое настроение населения ослабляется, однако, антагонизмом, который проявляют немецкая, латышская и эстонская народности по отношению друг к другу.

«Немцы, особенно дворяне-помещики, не могут помириться, что латышское и эстонское население, при содействии правительства, ускользнуло от их влияния и что они потеряли то руководящее положение, которым пользовались ранее. Со своей стороны латыши и эсты не могут забыть притеснения немцев и прилагают все старания, чтобы закрепить за собой влияние в губернии, что, при известном их трудолюбии и стремлении к образованию, ими достигается. Латышская и эстонская народности настолько усилились и окрепли, что нашли возможность вступить в открытую борьбу с немцами, преимущественно экономическую, и в настоящее время их интеллигенция, особенно латышская, начинает преобладать во всех делах губернии. Иной раз борьба эта принимает острый характер, особенно при столкновении сельского населения с помещиками немцами и пасторами, продолжающими эксплоатировать сельское население попрежнему, пользуясь той зависимостью, которую для населения создало продолжающееся действие здесь старых балтийских законов и установлений и безземельность населения, состоящего из мелких арендаторов и батраков».[1]

Это вступление, право, ничем не отличающееся от любой корреспонденции в нашем нелегальном органе, служит только прелюдией для подробнейшего описания той революционной пропаганды и агитации, которую вели латышские и эстонские соц.-демократы и бундовцы.

Движение рабочих, интеллигенции, пресса—все это, по словам обзора, кипит ненавистью к правительству. Эта ненависть к правительству проникает даже в толщи «христолюбивого воинства». Прямо тревогой и бессилием дышит политический обзор Эстляндской губернии. «Настроение народонаселения в губернии в общем тревожное, возбуждаемое подстрекателями, революционерами, рассылающими и разбрасывающими по городам, местечкам и деревням множество прокламаций и воззваний возмутительного содержания. За-

---

[1] Истор.-революц. арх. 3-е дел., № 1, ч. 38, л. А, 1905 г.

мечено, что агитаторы—большею частью люди интеллигентные, быстро появляющиеся и так же быстро исчезающие, и, к сожалению, ни полициею, ни местною администрациею никто из них до сих пор не был разыскан и задержан... Агитаторы-революционеры всеми средствами стараются проникнуть в военную среду для преступной пропаганды, что отчасти и постепенно им и удается...»[1].

Итак, даже армия, этот оплот самодержавия, даже в самый момент военных действий ненадежна.

Нечего говорить о рабочих—это горючий материал по своему экономическому положению. Так и рисует еврейских ремесленников отчет по Виленской губернии. «Главную массу рабочих в г. Вильне—говорится в отчете по этой губернии,—составляют еврейские ремесленники, распадающиеся на мелкие группы по мастерским, содержимым также евреями. Огромный наплыв рабочих, с одной стороны, и конкуренция, с другой—удерживают минимальную заработную плату, и самые мастерские по малодоходности обставлены весьма неудовлетворительно. Это ставит рабочих, вынужденных держаться черты еврейской оседлости, в весьма тяжелое экономическое положение, чем и пользуются революционные деятели для ведения социалистической пропаганды, главным образом на почве необходимости достижения экономического переворота путем ниспровержения существующего государственного строя»[2].

В обзоре подробно описывается работа Бунда, но и эта работа не внушает автору особых опасений в сравнении с той национальной ненавистью, которую обнаруживают к правительству поляки. Политический обзор Могилевской губернии, отметив усиленную революционную деятельность Бунда и вообще соц.-демократии среди рабочих, обращает внимание центрального правительства на тревожное настроение белорусских крестьян. «Можно скорее опасаться,—читаем мы здесь,—агитаторов аграрного движения тем более, что таковое как нельзя более отвечает настоятельным нуждам крестьян в земле и лесе. На этой почве среди крестьян Могилевской губ. существует некоторое брожение, и были отдельные случаи мелких правонарушений относительно пользования чужой землей и лесом, но все эти попытки

---

[1] Истор.-революц. арх. № 1, ч. 40, л. А, 1905 г.

[2] Истор.-революц. арх. 3-е дел., № 1, ч. 33, л. А, 1905 г.

завладеть землей помещика пресекались обыкновенными полицейскими мерами»[1].

Кто же поднимает крестьян против помещика? Обзор и на этот вопрос дает весьма ясный и недвусмысленный ответ. Рабочие, сами живущие в тисках капитала, не лучше крестьян. Они «...являются и главными агитаторами среди местного крестьянского населения; что же касается городов и местечек, то там требования рабочих сводятся не столько к экономическим, сколько к политическим целям. Всякие невзгоды рабочих, вытекающие из их бедности, плохой оплаты и тяжести труда и тому подобное, всегда объясняются ими не чем иным, как только недостатком современного образа правления в России»[2].

Пессимизмом веет и от политического обзора по Подольской губернии. «Общее настроение его, (т. е. населения, состоящего из украинцев, поляков и евреев—*В. Н.*), нельзя признать спокойным,—так начинается обзор.—Причиной тому послужила вспыхнувшая в отчетном году война, вызвавшая собой призыв в ряды войск нижних чинов запаса армии и тем обнаружившая различные взгляды населения как на самое дело ведения войны, так и на обязанности, возлагаемые ею на каждого гражданина»[3].

Оказывается, что «граждане» царской России воевать не желают и в лучшем случае бегут за границу, а в худшем в армию хотя и идут, но занимаются там пропагандой против правительства. А тут еще, как на грех, «чины полиции, за редким исключением, отличаются взяточничеством, переходящим даже в вымогательство».

Итак, «граждане» в армию и на войну итти не желают, в войсках ведется пропаганда, крестьяне волнуются, интеллигенция враждебна правительству, полиция—сплошь занимается вымогательством; на кого же после этого опереться? На духовенство, быть может? Увы! «Местное духовенство, вследствие своего украйнофильства, распущенности и алчности, не только не стоит на высоте своего призвания, но даже вредно влияет на крестьян ссорами с ними и между собой, всякого рода интригами и сутяжничеством. А, главное, духовенство, ради корыстных целей, возбуждает в крестьянах недоверие и вражду к министерской школе».

---

[1] Истор.-революц. арх. 3-е дел., № 1, ч. 6, л. А, 1905 г.
[2] Истор.-революц. арх. 3-е дел., № 1, ч. 6, л. А, 1905 г.
[3] Истор.-революц. арх. 3-е дел., № 1, ч. 46, л. А, 1905 г.

И дальний юго-запад России, с точки зрения власти, был неблагонадежен и вот по каким причинам.

«Местные интеллигенты и так называемые господствующие классы населения,— читаем мы в докладе по Бессарабской губ.,—состоят из высшего сословия дворян, купцов и разночинцев, из коренных молдаван и пришлых других разных национальностей, землевладельцев, купцов, промышленников, садовладельцев и арендаторов-посессоров.

«Между интеллигентным и коренным земледельческим населением никакой связи и общности не существует. Богатые и зажиточные классы не пользуются симпатиями и особенным уважением со стороны низшего населения. Последнее почти повсеместно в губернии считает себя обделенным земельными наделами и обманутым при введении уставных грамот. На этой почве часто возбуждаются населением разные бесплодные споры, жалобы, неосновательные ходатайства и даже судебные иски.

«...Вспыхнувшая в начале отчетного года война с Японией первоначально вызвала во всех классах населения патриотические порывы, выразившиеся в обильном притоке пожертвований вещами, материалами, деньгами на Красный Крест, для раненых и больных воинов и на усиление флота и военных средств государства. Затем, под влиянием последовавших неудач для России на театре войны, а также и противоправительственной пропаганды и массового распространения среди населения разных преступных прокламаций и воззваний, обвинявших существующие в России порядки и правительство в этих неудачах, первоначальные патриотические порывы сменились общим глухим недовольством, особенно усилившимся вслед за призывом запасных на действительную службу и отправлением их с войсками на Дальний Восток. Это недовольство и ропот особенно усилились к концу лета, когда к общему бедствию, присоединился еще и небывалый по своему значению полный неурожай, почти по всей Бессарабской губернии, всех хлебов, плодов, огородных овощей, картофеля, винограда и кормовых трав, при чем от полного голода население было спасено отчасти избытком урожая предшествовавшего отчетному года и отчасти полученной, хотя и немного запоздалой, продовольственной ссудой»[1].

---

[1] Истор.-революц. арх. 3-е дел., № 1, ч. 23, 1905 г.

Необходимо отметить, что даже агенты самого правительства (да еще какие агенты, начальники жандармских управлений) понимали, что существующие пережитки и остатки феодального строя уже не удовлетворяют населения и должны быть отменены. Так, в том же отчете по Бессарабской губернии мы читаем: «Затем в Измаильском уезде нельзя не отметить общего недовольства населения существующими до настоящего времени румынскими коммунальными Электоральными законами, уже давно отмененными в Румынии, как непригодные, обеспечивающие произвол лиц, стоящих во главе этих учреждений, и совершенно не гарантирующие важное дело охраны общественных и народных хозяйственных интересов и порядка. Народонаселение Измаильского уезда уже давно и с нескрываемым нетерпением ждет введения существующих в прочих уездах губернии городового и земского положения».

Плохо было дело самодержавия, если даже его собственный агент, поставленный для того, чтобы «тащить и не пущать», выступал сторонником введения, хотя и дворянско-буржуазного, но все же земского и городского самоуправления.

Таково политическое настроение западных частей страны, где живут поляки, евреи, латыши, эстонцы, немцы—все эти, за исключением последних, сжатые в тисках исключительных положений народности.

Земельная теснота, черта оседлости, эксплоатация бедных ремесленников хозяйчиками и капиталистами, национальный гнет, господство полицейского произвола—все это не могло служить факторами, создающими в населении лояльное настроение к правительству.

Каково же было политическое настроение населения в прекрасных долинах и горах «счастливого» Кавказа?

Но от политических обзоров кавказских губерний веет прямо паникой. Здесь, на Кавказе, оказывается, все бурлит, как в котле,—и рабочие, и интеллигенция, и учащиеся, и даже буржуазия.

«В Батумской области и г. Поти,—говорит обзор по Кутаисской губернии,— на 43 заводах и фабриках работает около 10.000 рабочих, в число коих входят и портовые рабочие, количество коих сильно колеблется. По национальности, преобладающим по численности контингентом этих рабочих являются гурийцы и армяне...»

«...В общем настроение рабочих остается попрежнему с социал-демократическим оттенком, при чем такие не поддающиеся скорому успокоению народности, как гурийцы, по свойству своего темперамента в высшей степени чутки ко всему тому, что происходит в больших промышленных и административных центрах, и стараются по возможности придерживаться той же программы образа действий, какой придерживаются рабочие вышеупомянутых пунктов...» А в вышеупомянутых пунктах, оказывается, программа действия выражается «в виде забастовок, демонстраций и вообще уличных беспорядков».

«Противоправительственная пропаганда, невзирая на противопоставляемые ей препятствия, прогрессивно развивалась...», и 1904 год в Кутаисской губ. и Сухумском округе «с политической точки зрения прошел далеко не спокойно»[1].

Но, если гурийцы и прочие кавказские народы настроены так революционно, то не меньше опасений внушают агентам центрального правительства и армяне.

«Вообще армяне,—говорит автор политического обзора по Эриванской губернии,—являются для России совершенно ненадежным и даже в высшей степени опасным элементом»[2].

Все классы армянского общества питают ненависть к русскому правительству: буржуазия—потому, что не может в пределах самодержавного государства национально определиться, рабочие—потому, что к капиталистическому гнету присоединяется гнет правительства, буржуазная интеллигенция—потому, что нет ни свободы печати, ни свободы собраний, духовенство, наконец,—потому, что русское правительство отняло земли, принадлежащие армяно-григорианской церкви. «Главною причиной,—говорится в обзоре,—побуждающей духовенство к возбуждению в армянах ненависти к русским, было отобрание церковных имуществ...»

Кавказ вообще не представлял для правительства отрадной картины в политическом отношении. «Общее настроение многоразличного народонаселения Терской области,—говорится в политическом обзоре за 1904 г. —сильно приподнялось, в особенности к концу отчетного 1904 г., когда революционная пропаганда стала распространяться и среди туземного населения, проникая даже в отдаленные от местных центров

---

[1] Истор.-революц. арх. 3-е дел., № 1, ч. 22, л. А, 1905 г.
[2] Истор.-революц. арх. 3-е дел., № 1, ч. 14, л. А, 1905 г.

городские аулы»[1]. И в этом обзоре приподнятое политическое настроение населения к концу 1904 года ставится в связь с русско-японской войной.

Нет губернии, нет места в стране, где бы так или иначе не обнаруживалось роста политического самосознания, где самые различные группы и классы населения не выражали бы недовольства явно или скрыто, где бы все они не волновались. Даже в самых глухих углах отмечается это недовольство и желание перемен. Вот, например, Псковская губерния. Никакого здесь пролетариата в больших количествах нет, и все же, «касаясь общего настроения народонаселения губернии,—говорится в политическом обзоре,—нельзя не отметить, что оно в отчетном году проявилось в форме ненормальной, при заметном недовольстве существующими порядками в империи, главным образом под влиянием наших неудач на театре военных действий»[2].

Только-что приведенные выдержки, рисующие повышение политической активности страны в течение 1904 года, принадлежат, как уже сказано выше, не каким-либо крайним элементам, а исходят из самых правых кругов правительственных—губернаторов и начальников губернских жандармских управлений. Картина, рисуемая ими, это не картина, набросанная пером какого-либо соц.-демократа или даже освобожденца, это слова самой власти, констатировавшей перьями своих агентов завершение того процесса, сущность которого иллюстрировали цифры о повышении стачечного политического движения.

Политические обзоры по губерниям тем и характерны, что писал их рядовой губернатор или жандарм, в голове которого, пускай своеобразно, искаженно, но все же отражался политический сдвиг, который переживала страна.

Это было своеобразное отражение этого сдвига на верхах, среди командующих и удушающих политическое развитие групп общества.

Внизу, в тех слоях населения, которые переживали этот сдвиг, рост политического самосознания отражался уже давно и еще более рельефно и ярко.

Еще в 1901 году, стало-быть в начале промышленного кризиса, когда тиски нужды, казалось бы, должны были бы убить всякую энергию и протест, политическое возбуждение

---

[1] Истор.-революц. арх. 3-е дел., № 1, ч. 13, л. А, 1905 г.
[2] Истор.-революц. арх. 3-е дел., № 1, ч. 61, л. А, 1905 г.

охватило не только радикально-настроенные элементы буржуазии, как, напр., учащуюся молодежь, но и самые широкие слои рабочего класса. Вот отрывок из того замечательного рабочего письма, которое напечатано в № 7 «Искры» от августа 1910 года: «...Я многим товарищам показывал «Искру» и весь номерок истрепался, а он дорог, много дороже «Мысли», хоть и нет там наших строк. Тут про наше дело, про все русское дело, которое копейками не оценишь и часами не определишь; когда его читаешь, тогда понятно, почему жандармы и полиция боятся нас рабочих и тех интеллигентов, за которыми мы идем. Они, и правда, страшны и царю, и хозяевам, и всем, а не только хозяйским карманам. Конечно, я—простой рабочий и совсем уж не такой развитой, но я очень чувствую, где правда, знаю, что нужно рабочим. Рабочий народ теперь легко может загореться, уже все тлеет внизу, нужна только искра—и будет пожар. Ах, как это верно сказано, что из искры возгорится пламень!

«Сейчас все рабочие—точно керосином облитые, многие даже на лицо переменились, и это все видят; теперь уж мастера многих не трогают, и в праздник полиция вежливенько просит на нашей стороне толпой не стоять, и так просит, будто рабочий завтра свободу получит. Раньше каждая стачка была событие, а теперь всякий видит, что одна стачка ничего, теперь свободы нужно добиваться, грудью брать ее..... Теперь уж нам не кассы нужны, не кружки, даже не книжки, теперь просто учи, как в бой итти, как в бою воевать» [1].

Конечно, русский рабочий еще очень долго видел перед собой далеко не мирного мастера, который не только «трогал» рабочего, а просто гнул его в бараний рог; вне сомнения, что русский пролетариат еще долго имел дело далеко не с «вежливенькой» полицией, но автор письма поразительно хорошо передал боевое настроение столичных рабочих в самом начале кризиса первой половины девятисотых годов. Кризис этот (о нем речь будет ниже) нисколько не умиротворил русского рабочего; наоборот, русский рабочий, сдавленный нуждой и последствиями кризиса, растет политически еще быстрее, чем прежде. Правда, во время кризиса ему приходится отстаивать те завоевания, какие он сделал в предшествовавшую эпоху расцвета, о политике как-будто бы и некогда думать, и тем не менее боевое настроение не глохнет, а растет с каждым годом. И растет это настроение

[1] «Искра» № 7, авг., 1901 г., стр. 4.

2*

повсюду, не только в столице и в крупнейших центрах промышленности, но даже в самых глухих углах провинции. Вот письмо рабочего с Урала. Оно, повидимому, написано не позже конца 1902 года, т.-е. в самый разгар кризиса на Урале, но каким боевым духом проникнуто оно! «Уведомляю, товарищи, что здесь, в д. Алапаихе, разыгралась одна из драм, без которых не обходится ни одно движение: они напали на несколько частей рудников, сделали разрушения и грабежи; никакие веские доводы ни к чему не привели; довольно, говорят, натерпелись. Что вперед будет, не знаю. Первые удары грома и молнии революционеров стоят жертв. Взято пять человек, в том числе Гав. Ив. Кабаков, патриархальный тип крестьянина. Да, кулак самодержавия бьет прямо сверху... Народ обездолен; не может выносить экономической борьбы, да и верно, братья, она не по силам, везде слышится глухой ропот волн народных»[1].

Это писалось во время кризиса, а в 1903 году, когда кризис стал уменьшаться, мир был потрясен невиданным массовым движением пролетариата, прокатившимся в июле по всему югу, от Баку до Одессы, и захватившим около сотни тысяч рабочих.

Война на время остановила это бурное стремление пролетариата, но и она не могла прекратить его. Как только стал проходить искусственный военный угар, нарастание политического недовольства в самых толщах пролетариата стало опять заметно всякому мало-мальски вдумчивому наблюдателю. Неудивительно поэтому, что это политическое возбуждение заметно и в документах официального характера. Рост политического недовольства, политический характер движения рабочих, ярко-красная окраска этого движения—бесспорный факт уже с самого начала девятисотых годов. Этого не могут скрыть даже те, кто, по должности удушителей этого движения, постоянно тянули надоевшую всем песню, что злонамеренные агитаторы подбивают на бунты верноподданную рабочую массу. Как показывают приведенные выше отрывки из политических обзоров по губерниям, теперь, накануне революции, этой ложью перестают прикрываться даже жандармы. Среди рабочих и крестьян ростет политическое брожение, недовольство, неприязнь к правительству,—констатируют они.

---

[1] «Искра» № 32, 15 янв., 1903 г., стр. 6.

Дело зашло, стало-быть, очень далеко, если даже они, эти охранители устоев самодержавия, принуждены сознаться, что волнуются массы и что вопрос идет о политической борьбе против самодержавия.

Все это, конечно, так: политический характер массового рабочего движения бесспорен, но за всем тем это массовое движение абсолютно нельзя понять и осмыслить, если совершенно отбросить в сторону экономическое его содержание, экономический характер тех требований, во имя которых выступил российский пролетариат на борьбу в революции 1905 года.

II

Экономический кризис, охвативший русское народное хозяйство в конце девяностых и в начале девятисотых годов, характеризуется в области рабочего движения наступлением капитала на пролетариат. Это наступление выразилось прежде всего и ярче всего в понижении заработной платы, увеличении штрафов (что равносильно понижению платы) и в увеличении рабочего времени. Нелегальная пресса того времени по всему фронту рабочей жизни констатирует эти явления. Уже в №№ 4—5 «Рабочего Дела» обозреватель рабочего движения касается этого вопроса. «Рабочие в Петербурге,— говорится в этой хронике,— как и во многих промышленных городах и местностях центральной России, переживают в последние годы очень трудные времена. Некоторое исключение составляют горно-промышленный юг и северо-западный край. Быстро разоряющаяся деревня давно уже высылает на заработки в города, на фабрики и заводы, целые массы своих бывших хлебопашцев. Но за последние два голодные года разорение деревни пошло еще более быстрым шагом, а вместе с тем из деревень хлынули новые волны ищущих работы, вынужденных искать заработка на стороне, чтобы хоть как-нибудь добыть себе кусок хлеба на пропитание.

«Всего этого притока свободных «рабочих рук» совершенно не в состоянии поглощать наша, хотя и гигантскими шагами развивающаяся, промышленность. Постоянно и быстро ростущая армия безработных стала очень тяжело давить на занятых рабочих, способствовать ухудшению их положения и мешать их борьбе за его улучшение. Этим, повидимому, и объясняется, помимо усиления полицейских мер, ослабление статечного движения среди рабочих Петербурга и

центральной России, которое замечается за последние 1—2 года»[1].

Понижение заработной платы и увеличение рабочего времени прежде всего коснулось текстильных рабочих, о чем и сообщается в корреспонденциях «Рабочей Мысли». В корреспонденции с фабрики Торнтона говорится прямо о сокращении рабочих с тем, чтобы на их место взять новых за пониженную плату, удвоивши при этом работу[2]. О понижении заработной платы в некоторых случаях сообщают и с таких заводов, как Путиловский, Обуховский, Александровский. Понижение платы достигается и прямым путем и косвенным,— увеличения штрафов. Так, на Путиловском заводе, напр., в лафетной мастерской, получавшие раньше 30 р. стали получать 15 р., т. е. понижение платы достигло 50%, но оно шло и дальше[3]. Об увеличении штрафов, понижающих заработную плату, говорят и корреспонденции с заводов Александровского и Обуховского. Понижение заработной платы продолжалось и далее, в 1900 и 1901 годах. Об этом имеются также сообщения в нелегальной прессе. Так, в № 4 петербургского «Рабочего Листка»[4] сообщается о понижении заработной платы на текстильных фабриках Петербурга на 30% (фабрики Торнтона, Максвелля, Паля, Кенига, Шаво, Малоохтенская, ткацкая и др.). Заработок ткачей, напр., у Торнтона понизился до 6—8 рублей в месяц; у Максвелля заработок ткачих дошел до 3—4 рублей, а ткачей до 8—11 р. в месяц; заработок поденщиков у Паля спустился до 20 коп. в день[5]. Сокращение числа рабочих и понижение заработной платы коснулось и Центрального промышленного района: здесь в Шуйско-Ивановском районе и в Костромской губернии понижение расценков достигло уже в начале 1901 года 30%[6].

Сообщения хроникера «Рабочего Дела», относившиеся к концу 1899 г. и говорившие о том, что кризис не коснулся юга и северо-запада России, уже не соответствовали дей-

---

[1] «Рабочее Дело», сентябрь—декабрь 1899 г. №№ 4—5, хроника раб. движения. Петерб., стр. 93.

[2] «Рабочая Мысль», Газета Петерб. раб., №№ 5, 6, 7 и 8.

[3] Там же.

[4] «Рабочий Листок», № 4, декабрь 1900 г. «Союз борьбы за осв. раб. класса».

[5] См. корреспонденции с заводов и фабрик в «Раб. Мысли», в №№ от 5 до 9 включ. См. также ст. Ф. Семенова-Булкина в кн. 9-ой «Архива истории труда в России».

[6] «Искра» № 3, февраль 1901 г., «Безработица», стр. 5.

ствительности всего через несколько месяцев, а через год кризис тяжело ударил и рабочих юга.

Нелегальная пресса наших южных организаций—«Южный Рабочий» и «Вперед» очень подробно в своей хронике освещают этот процесс наступления капитала на пролетариат, выразившийся прежде всего в понижении заработной платы, увеличении штрафов и в удлинении рабочего дня.

Падение заработной платы отмечается этими органами уже в конце 1900 года в Юзовке, Екатеринославе, Харькове, Николаеве, Одессе, Мариуполе и других центрах южной промышленности. При небывалом сокращении числа рабочих, сокращение заработной платы дошло до того, что нигде на всем юге рабочие не могли выработать аккорда. Для иллюстрации приведем выдержку из органа Киевского комитета РС-ДРП о Южно-Русском машиностроительном заводе: «Промышленный кризис, пронесшийся ураганом по всей России и оставивший тысячи людей без работы, крова и хлеба, не миновал и наш завод. За последние годы все хуже и хуже жилось нам, прижимки и притеснения мастеров и администрации все усиливались, но особенно стало скверно с наступлением осени. Уменьшение работы на заводах дало полный простор мастерам делать с рабочими все, что им угодно. И они не клали охулки на руку. Понижали до невозможности расценки, забирали себе все процентные деньги,—так обирали рабочих, что заработок понизился более, чем на половину: кто раньше зарабатывал 60—70 рублей в месяц, теперь едва мог выработать 25—35 р. Недовольных этими нововведениями рабочих без разговоров увольняли» [1]. В статье «Кто виноват?» другой нелегальный орган «Южный Рабочий», обрисовав промышленный расцвет юга в девяностых годах, говорит далее: «...Среди этих опьяняющих успехов русской промышленности было всем хорошо, даже русским рабочим. Правда, работа на заводах была тяжела и непривычна, уносила много здоровья и сил, превращала человека в машину, но хотя то было хорошо, что рабочий был сыт, одет, обут и почти всегда имел работу. Ни один мастеровой не зарабатывал меньше 60—70 р. в месяц... А теперь дело обстоит как раз наоборот: спрос значительно сокращается, а предложение рабочих все растет и растет. Средняя плата мастерового не свыше 30—40 рублей...» [2].

---

[1] «Вперед», Киевская рабоч. газета, №№ 8—9 за 1899—1900 гг., стр. 7.

[2] «Южный Рабочий» за 1901 г., № 4, стр. 3, 4 и 5.

Понижение заработной платы на южных механических заводах можно иллюстрировать и следующим примером: «Года три тому назад на заводе Эзау за вагонн. колесо платили 4 руб.; через год расценки съехали на 3 р. 50 к., через два—на 2 р. 50 к., а теперь платят за колесо 1 р. 80 к. Еще пример: за окраску вагона всюду платили 300 р., затем стали платить 250 р. и 200 руб., теперь едва платят 150 р. На всех почти ростовских заводах расценки понижены на 30%, на мариупольских — больше чем на 50%»[1].

Нас интересует здесь не общая картина кризиса, охватившая русское народное хозяйство в начале двадцатого века (это обстоятельство достаточно хорошо известно), а те результаты, которые кризис оказал на положение рабочих России.

Увольнение рабочих и сопровождавшее это увольнение понижение заработной платы и удлинение рабочего времени продолжалось вплоть до 1903 года и захватило даже и этот год.

В 1900 году кризис охватил уже достаточно большую область и коснулся Польши, где также произошло уменьшение заработной платы и увеличился рабочий день. В 1901 году безработица и связанные с нею понижение платы и удлинение рабочего дня охватывают еще в большей степени Петербург, Москву, Иваново-Вознесенск, Кострому, Кинешму, Лодзь, Донецкий бассейн.

В Москве, напр., на заводе Бромлей литейщики получают не более 14—16 р.

На юге понижение заработной платы достигает небывалых размеров, падая более чем на 50%. Так, напр., в Батуме плата поденных рабочих падает с 2 р. до 60 к. в день. В 1902 году кризис, достигший максимума развития, снова выбрасывает на улицу новые толпы рабочих в Варшаве, Москве, Брянске, Твери, Вильне, Петербурге и других городах; на юге происходит понижение заработной платы на рудниках на 30%. Сокращение расценков происходит к концу года почти во всех отраслях промышленности. К концу 1902 года безработица становится массовой, охватывая Урал, юг и центр России. В некоторых городах закрываются целые заводы (напр., Ивановские в Нижегородской губернии). Понижение расценков, которое пережили рабочие Центрального

[1] «Южный Рабочий» за 1901 г., № 4, стр. 6 и 7.

промышленного района в 1901 и 1902 годах, снова ударило их в 1903 году летом в Твери, Костроме, Шуе и Александрове.

Это понижение заработной платы и удлинение рабочего дня происходило как прямым, так и косвенным путем. Понижение платы часто достигалось чрезмерными штрафами и вычетами.

«В мастерских Юго-Западных железных дорог,— пишет корреспондент киевской газеты «Вперед»,—установились два главных способа обирания рабочих: путем постепенного сокращения аккорда (процент. денег) и посредством произвольно налагаемых штрафов» [1]. Причиною стачки на Николаевских заводах были чрезмерные штрафы от 25 коп. до 5 р. Жалобы рабочих на усиленные штрафы переполняют бесчисленные корреспонденции решительно во всех нелегальных органах первой половины девятисотых годов. Быть может, лучшим отражением этой стороны бытия русских рабочих в русской нелегальной прессе была так называемая книга «порочных», выдержка из которой приводится в № 15 «Искры». Под именем книги «порочных» среди рабочих «Товарищества никольской мануфактуры» была известна книга, куда администрация этой фабрики в Орехове заносила проступки рабочих. Вот этот человеческий документ, говорящий о рабочем при подъемной машине Иване Васильевиче Смирнове.

«Сведения квартирного отдела:

«1) На его боченке с маслом загорелась тряпка—штраф 1 рубль.

«2) Пьяный в коридоре громко говорил, что старшие все подлецы и грабители. Обходные просили его замолчать, но он не слушался, за что взят в сторожку,— штраф 2 руб.

«3) На улице пел громко песни, за непослушание посадили в сторожку, о чем доложено заведующему хоз. частью».

Пометка Г. Егорова.

«Просит вознаграждения за увечье» (пометка кварт. отдела).

«Сведения фабрики:

«За поздний выход на работу—50 к.

«За поздний выход—50 к.

«За грубость мастеру—1 р.

«Оделся за пять минут до окончания —50 коп.

---

[1] «Вперед», Киевская рабочая газета за 1899—1900 г., № 8—9, стр. 4 и 35.

«За непослушание—40 к.

«За многоглаголание—50 к.

«Жаловался инспектору, что ему выдали плохую говядину—1 р.».

Подписано: И. Гаранин (старш. конторщ. бумагопр. фабрики).

Аттестация либерала, заведующего фабрикой:

«Человек неблагонадежный, грубиян, работник так себе. Просимого не заслуживает». Подписано: Александр Федотов.

«Замечания больницы об увечьях:

«1) Как передано с фабрики, он находился в нетрезвом виде, по своей неосторожности попал в кожаный блок, при чем ему отрезало два пальца правой руки и помяло конец третьего. Особых увечий не было».

Подписано: врач Базилевич.

«2) При разборе ящиков, по своей неосторожности получил ушиб в спину. Находился на излечении в больнице 28 дней».

Подписано: врач Базилевич.

Резолюция Саввы Морозова:

«Дать 50 руб. на дорогу. На фабрику вновь не принимать». Подписано: С. Морозов.

Этот бессмертный документ не нуждается ни в каких комментариях.

Увеличение рабочего дня при пониженных расценках достигалось очень просто—введением чрезмерных сверхурочных работ, сокращением рабочих и уменьшением числа рабочих дней. «Завод работает всего 4—5 дней в неделю,—пишет корреспондент «Южного Рабочего» о заводе Ланге в Екатеринославе.—Увольнения идут беспрерывно; там, где работали раньше 6 слесарей, теперь работают 3; вместо 3 кузнецов в каждой смене 1—2.

«Оставшиеся на заводе рабочие живут в вечном страхе перед расчетом. Расценки понижены вдвое-втрое; рабочий день, благодаря практикующимся сверхурочным работам, теперь длиннее прежнего: очень часто заставляют работать по 3—4 смены подряд, без всякого промежуточного отдыха; слесарей заставляют работать через день ночь. Впрочем, только при такой усиленной работе и можно что-нибудь заработать»[1].

---

[1] «Южный Рабочий» за 1901 г., № 7, г., стр. 27 и 28.

О таких же способах удлинения рабочего дня говорится в другой корреспонденции с юга России: «С декабря 99 г. контора Франко-Русского завода, за неимением работы, беспрерывно увольняла рабочих и сократила на два часа рабочий день, а между тем каждый вечер оставалось на работу до 40 столяров. Шодуар из 35 токарей увольняет 30, а оставшихся заставляют работать 36 часов подряд. У Эзау, где дело особенно плохо, чернорабочие и теперь работают во время обеда»[1].

Можно наполнить целые томы самыми потрясающими картинами рабочей жизни, содержащимися в нелегальной прессе, и все-таки можно сказать, что это только картины, субъективно передающие положение дел. Что же, однако, говорят объективные факты, рисующие те же картины не в потрясающих с первого взгляда деталях и черточках, а в колоннах сухих цифр и расчетов?

Они еще красноречивей и убийственней говорят о наступлении капитала в годы, предшествующие революции.

Кризис, прежде всего, выбросил массы рабочих на улицу. Вот цифры, рисующие уменьшение числа рабочих в главных отраслях тяжелой индустрии.

Число рабочих в каменноугольных копях было:

в 1889 году	64.069
„ 1900 „	82.420
„ 1901 „	80.987
„ 1902 „	76.031
„ 1903 „	76.015

В нефтяной промышленности уменьшение числа рабочих началось тоже в 1902 году и особенно было велико, когда кризис в других отраслях шел на убыль, т.-е. в 1903 году.

Точно так же уменьшилось число рабочих в придоменных заводах.

Вот убыль рабочих в нефтяной промышленности:

в 1899 году	16.898
„ 1900 „	21.253
„ 1901 „	26.637
„ 1902 „	24.018
„ 1903 „	20.389

Одновременно с этим добыча нефти в 1904 г. снизилась до 444 м. пуд. с 642 м. пуд. в 1903 г.

---

[1] «Южный Рабочий» за 1901 г., № 4, стр. 4, 6 и 7.

Число рабочих при доменных заводах изменялось так:

в 1899 году	45.416
„ 1900 „	41.442
„ 1901 „	38.590
„ 1902 „	35.870
„ 1903 „	38.071

Более чем сотня тысяч рабочих была выброшена на улицу за время кризиса из всех горных предприятий России, что очень хорошо видно из следующих цифр[1]:

Годы	Число рабочих, занятых в горнозаводских предприятиях всей России
1895	498.351
1896	492.980
1897	547.901
1898	592.510
1899	634.009
1900	715.497
1901	683.150
1902	626.929
1903	609.911
1904	599.276

Если взять цифры числа рабочих по главным центрам горнозаводской промышленности, то видно очень хорошо, как наступление кризиса влияло на изменение этого числа рабочих:

Число задолженных рабочих

Районы	Годы			
	1901	1902	1903	1904
Польша	47.287	44.265	46.558	50.748
Юг России	169.665	158.329	152.362	160.670
Урал	251.976	253.568	230.100	231.397

Кризис, почти одновременно наступивший в Польше и на юге России, отозвался на уменьшении числа рабочих тоже одновременно, при чем юг оправлялся более медленно, чем Польша, которая уже во время войны снова увеличила количество рабочих, занятых в горнозаводской индустрии, в то время как на юге новая депрессия, вызванная

[1] Эти цифры по горнозав. промышленности взяты из известных «Сборников статист. сведений о горнозаводской промышленности», составл. по офиц. данным. Изд. Горн. учен. ком. Спб., за годы от 1900 по 1904.

войной, еще препятствовала предприятиям поглощать избыточные кадры армии безработных.

О влиянии кризиса на сокращение производства можно судить по тому, что Уральские заводы выплавили в 1903 г. всего лишь 79,5% того количества, которое было выплавлено в 1900 г.; сортового железа выделали в 1903 г. только 67% того количества, которое выделали в 1900 г. (исключая заводы Богословские и Камского акц. общ.). Сократилось так же производство кровельного железа и добыча угля.

Можно было бы заполнить множество страниц цифрами, показывающими как кризис отразился на увеличении армии безработных, но ограничимся еще одной наглядной иллюстрацией из области производства, связанного с сельскохозяйственной промышленностью.

Периоды	Число рабочих на сахарных заводах России[1]			
	На собственном содержании	%	На заводских харчах	%
1899/900	76.292	73	28.767	27
1900/1	77.794	73	28.566	27
1901/2	83.482	76	26.296	24
1902/3	81.561	75	27.534	25
1903/4	79.349	74	28.587	26

Что же говорят цифры о заработной плате за этот период кризиса?

Обыкновенно принято думать, что заработная плата, и номинальная и даже реальная, несмотря на кризис в течение периода 1900—1904 гг., росла[2].

Так ли это на самом деле? Возьмем заработную плату петербургских рабочих, наиболее хорошо организованных, высококвалифицированных и хорошо оплачиваемых.

С первого взгляда, если подойти к этим цифрам без надлежащего критического анализа, получается впечатление, что рост заработной платы несомненен.

---

[1] Цифры взяты из «Сб. статист. сведений о фабр. и зав., обложенн. акцизом за 1904 г.». Изд. Минист. фин.

[2] См., напр., К. А. Пажитнов. «Положение рабочего класса в России». Изд. 3-е, Лен. 1924 г., т. II, стр. 47—87 и т. III, стр. 47—77.

Вот, например, рост заработной платы путиловских рабочих за 10 лет[1]:

Годы	Средний заработок 1 рабочего в рублях
1890	382
1891	393
1892	414
1893	409
1894	402
1895	420
1896	427
1897	422
1898	443
1899	452
1900	461

Еще показательнее цифры, относящиеся к заработной плате всех рабочих Петербургской губернии[2].

Годы	Средний заработок 1 рабочего в рублях
1900	299,00
1901	302,45
1902	336,21
1903	335,26
1904	366,17
1905	294,83
1906	375,39
1907	380,95

Цифры эти взяты из «Сводов отчетов фабричных инспекторов». Но, оставляя пока в стороне некоторые выводы и из этой таблицы, зададимся вопросом: отражают ли эти

[1] Вычислено С. Бернштейном-Коганом: «Численность, состав и полож. пет. раб. Опыт стат. исследов.». Изд. С.-Пет. полит. инст. Пет. 1910 г., стр. 123.

[2] Там же, стр. 125.

цифры действительность? Получали ли рабочие указанную в таблице плату?

Прежде всего необходимо принять во внимание цены на продукты первой необходимости. Возьмем изменение цен на хлеб и на мясо в Петербурге[1].

	Стоили:	
	в 1891—1900 гг.	в 1901—1904 гг.
Куль ржаной муки в 9 п.	8 р. 12 к.	8 р. 07 к.
1 ф. печеного хлеба	2,1 к.	2 к.
	в 1890—1899 гг.	в 1900—1904 гг.
Мясо пуд	4 р. 44 к.	4 р. 78 к.

Вздорожание мяса как будто бы покрывается уменьшением стоимости хлеба, а, стало-быть, принимая во внимание увеличение номинальной заработной платы, нужно притти к заключению, что реальная заработная плата петербургских рабочих, хотя и незначительно, но все же повысилась.

Ф. Семенов-Булкин в 9-й книжке «Архива истории труда в России» приводит другие цифры о вздорожании продуктов первой необходимости: если принять цены 1890 г. за 100, то повышение цен с 1900 по 1904 г. в процентах выразилось для хлеба в 104,0%, для животных продуктов в 121,4%, для мануфактуры в 119,3%, для керосина в 113,1% и для бакалеи в 104,1%. («Эконом. полож. рабочих металлистов до 1905 г.», стр. 94).

Но прежде всего приведенные цифры о заработке рабочих приведены в среднем по всей Петербургской губернии. Если же взять заработные платы рабочих по категориям, то оказывается, что повышение заработной платы коснулось далеко не всех рабочих.

Возьмем цифры за два года—1900 и 1902, т. е. как раз рисующие положение дел в начале и в разгар кризиса[2].

---

[1] А. Рыкачев. «Цены на хлеб и на труд в С.-Петербурге», 1911 г., К. Пажитнов. «Полож. раб. кл.». Изд. 3-е, т. II, стр. 78.

[2] Бернштейн-Коган. «Численность, состав и положение петербургск. раб. Опыт стат. исследов.». (Труды студ. эконом. отд. Спб. полит. инст. № 4), Спб., 1910 г.

Группы производств	На 1 рабочего приходится в год.	
	По „Статистическим сведениям за 1900 г."	По данным фабр. инспектора о сверхурочн. раб. в 1902 г.
Обработка хлопка	236	233
„ шерсти	209	226
„ шелка	273	263
„ льна пеньки и джута	148	190
Полиграфическ. производства	312	332
Механ. обработка дерева	331	361
Обработка металлов	407	429
„ минеральных веществ	272	173
„ животных продуктов	284	314
„ питат. продуктов	258	214
Химическ. производство	276	294

Эти данные касаются Петербургской губернии и вычислены на основании одних и тех же данных, которые разрабатывались в б. министерстве финансов: «Статистические сведения о фабриках и заводах не обложенных акцизом, за 1900 г.» по «Своду отчетов фабричных инспекторов» и по изд. «Сверхурочные работы в промышленных заведениях С.-Петербургского фабричного округа за 1902 г.».

Выходит из этих данных, что в четырех отраслях промышленности в Петербургской губернии в 1902 году произошло понижение заработной платы:—в производствах по обработке хлопка с 236 до 233 р., шелка с 273 до 263 р., по обработке минеральных веществ с 272 до 173 р. и питательных продуктов с 258 до 214 р.

О замедлении темпа заработной платы даже у металлистов в годы кризиса говорят и следующие цифры: процент увеличения минимальной и максимальной зар. платы за период 1891—1901 гг. был для мастеровых мин. 21,7 и макс., для 1891—1910 гг. был для мастеровых мин. 21,7 и макс. 60,9, а за период 1901—1904 гг. 10,7 мин. и 1,5 макс., для чернорабочих с 1891—1901 гг. мин. 21,7, макс. 5 и в 1901—1904 гг. мин. 8,3, макс. 4,7. Иными словами, в период 1901—1904 гг. рост заработной платы замедлился [1].

[1] «Архив истории труда о России», кн. 9, Ф. Семенов-Булкин, «Эконом. полож. рабочих металлистов до 1905 г.», стр. 93.

Впрочем, независимо от того, повысилась или нет заработная плата петербургских рабочих в разных отраслях промышленности, из вышеприведенных средних цифр о Петербургской губернии видно, что в годы кризиса заработная плата рабочих Петербургской губернии, если и не уменьшалась, то повышение ее незначительно (299 р. и 320 р. 45 к.).

Однако, даже к петербургским рабочим капиталисты применяли такие приемы, которые тем или другим способом понижали реальную заработную плату.

В Петербургской губернии было:

Годы	Выдано рабочим наличными деньгами	Уплачено за продукты рабочим из фабричных лавок	Уплачено за продукты, забранные рабочими из других лавок
1900	100	—	—
1901	92,5	1,1	5,9
1902	93,3	1,3	5,0
1903	93,3	1,4	4,7
1904	93,2	1,5	5,0
1905	94,7	0,4	4,6
1906	93,9	1,4	4,4
1907	94,5	1,3	4,1

Мы видим из этой таблицы, во-первых, что даже рабочие Петербургской губернии не избавлены от забора продуктов в фабричных лавках, т. е. от своеобразной формы понижения платы, и, во-вторых, что доля заработной платы, попадающая к капиталисту таким способом, была наименьшей в 1901 г. и наибольшей как раз перед революцией.

Если даже взять цифры заработной платы по «Сводам отчетов фабричных инспекторов», то и тогда давление кризиса на размер заработной платы видно отчетливо.

Всюду видно относительное понижение заработной платы в годину кризиса. Даже в Петербургском округе в 1903 году заработная плата понизилась по сравнению с таковой же в 1902 году (с 288,35 до 287,64 р.). Это понижение имеется и в Московском округе—172,48 р. в 1902 г. и 175,30 р. в 1901 г., и в Поволжском—194,05 р. в 1902 г., 211,67 р. в 1901 г. В трех же округах—Варшавском, Киевском и Харьковском

Годы	Средняя годовая заработная плата в рублях по округам					
	Округа					
	С.-Петербург.	Московский	Варшавский	Поволжский	Киевский	Харьковский
1900	265.25	169,48	227,94	155,72	133,21	246,19
1901	273,04	175,30	223,94	211,67	127,23	191,68
1902	288,35	172,48	229,82	194.05	131,35	194,15
1903	287,64	194,64	234,02	200,48	154,19	211,09
1904	301,17	177,53	247,97	196,72	141,75	225,77
1905	262,58	177,27	245,75	212,29	138,52	209,55
1906	313,83	197,63	296,63	234,57	155,44	221,18

мы видим понижение заработной платы по отношению к 1900 году, при чем в Харьковском округе мы имеем абсолютное уменьшение заработка рабочих. В этом округе, включавшем такие губернии, как Харьковская и Екатеринославская, заработная плата за семь лет понизилась с 246,19 р. до 221,18 р., при чем особенно сильное понижение наблюдается в годы кризиса и войны—в 1901, 2 и 3 годах.

Но деление на фабричные округа производилось фабричной инспекцией весьма произвольно. Так, в Петербургский округ включались губернии—Архангельская, Витебская, Курляндская, Лифляндская, Новгородская, Олонецкая, Псковская, С.-Петербургская, Тверская, Эстляндская. В Московском округе находились такие губернии, как Владимирская, Ярославская, и такие, как Вологодская. В Харьковский округ включались, на ряду с Екатеринославской и Харьковской, Бакинская и губернии центральной России, как Тульская и Тамбовская.

Само собой ясно, что средние итоговые цифры по округам дают неверное представление о колебаниях заработной платы, так как высота ее весьма различна не только в разных районах, но даже в отдельных губерниях, тем более таких, как промышленные и губернии с преобладанием сельского хозяйства.

Если же выделить цифры по отдельным губерниям, то тогда картина понижения заработной платы в годы кризиса и войны вырисуется более наглядно и, главное, более пра-

вильно. Чтобы не утомлять читателя рядом цифр, возьмем наиболее промышленные губернии во главе с Петербургской.

Губернии	Заработная годовая (средняя) плата рабочих в рублях								
	Годы								
	1900	1901	1902	1903	1904	1905	1906	1907	1908
Петербургская . . .	299,00	302,45	336,21	335,26	366,17	294,83	375,39	380,95	373,83
Владимирск.	153,39	160,65	160,51	159,75	163,47	161,77	190,53	202,68	191,84
Костромская	140,37	139,71	142,40	143,24	147,59	144,93	162,62	175,10	182,19
Ярославская	153,88	151,34	165,68	155,39	157,63	160,98	185,70	207,81	220,07
Тверская . .	187,41	190,59	197,10	192,65	195,50	196,57	189,02	218,17	220,91
Московская	197,44	202,68	191,19	242,41	204,45	202,16	220,96	321,97	237,76

Эти средние цифры, взятые из «Сводов отчетов фабричных инспекторов», несмотря на то, что они средние по губернии, и, стало-быть, несмотря на то, что в них скрадывается огромный процент понижения индивидуальных случаев, с несомненностью доказывают, что кризис тяжело отозвался на положении рабочих: во Владимирской губернии мы наблюдаем понижение заработной платы как раз в годы 1902 и 1903, при чем повышение заработной платы не так уже велико в год войны; в Костромской губернии понижение платы приходится уже на самое начало кризиса, т. е. на 1901 и 1902 годы; в Ярославской губернии падение заработной платы происходит два раза—в первый период кризиса в 1900 и 1901 годах и в 1902 и 1903 годах, что вполне вероятно, так как в Иваново-Вознесенском районе общее чрезвычайно большое понижение расценков происходило несколько раз в течение годов депрессии промышленности; Московская губерния испытала понижение заработной платы также два раза—в 1902 году и в 1903 и 1904 годах, при чем вторичное падение заработной платы несомненно было вызвано военными обстоятельствами; в Тверской губернии понижение платы пришлось на конец кризиса в 1902 и 1903 годах.

Цифры, подчеркнутые на нашей таблице указывают на то странное с первого взгляда обстоятельство, которое никак не связывается с победоносной борьбой пролетариата в 1905 году,—понижение заработной платы в этом году после небы-

3*

валых по своему героизму стачек первой русской революции. Не останавливаясь сейчас на этом обстоятельстве, подчеркнем, что оно находит отчасти свое объяснение, между прочим, в той огромной потере пролетариатом рабочих дней, какой сопровождалось забастовочное движение 1905 года.

Еще более наглядную картину понижения заработной платы мы находим в наших горнозаводских районах, что видно из следующих цифр:

Губернии	Заработная (средняя) годовая плата								
	Годы								
	1900	1901	1902	1903	1904	1905	1906	1907	1908
Бакинская	296,82	268,07	265,84	250,65	287,96	276,56	311,87	365,76	383,78
Екатеринославская	342,06	323,23	292,92	327,61	337,38	338,72	340,15	382,76	420,77
Харьковская	—	180,55	210,78	206,22	213,09	193,37	186,61	207,41	200,94

Как видно из этих данных, в двух центрах горнозаводской промышленности—в Бакинском и Донецком бассейне—за годы кризиса произошло абсолютно понижение заработной платы, при чем в Бакинском районе ее повышение обозначилось в 1906 году, а в Донецком бассейне—только в 1907. В Харьковской губернии понижение заработной платы совпадает с годами конца кризиса (1902 и 1903 гг.).

Относительно Баку мы имеем более точные сведения и данные. Известно, что более или менее реальные результаты от забастовки рабочих в Баку получились в декабре и январе 1904—5 года после известной декабрьской стачки, но ведь и борьба в эту забастовку велась как раз за увеличение заработной платы, страшно низкой до этого времени [1]. Этого не отрицают даже официальные источники, напр., сенатор Кузьминский в своем докладе [2]. «Заработная плата рабочих,—говорит он,—до последнего времени была весьма низка: чернорабочий на своем содержании получал всего 15—16 руб-

[1] См., напр., хотя бы—Юрий Ларин: «Рабочие нефтяного дела» (из быта и движения 1903—1908 гг.). Москва, 1908 г.; или В. И. Фролов, «Очерк забастовочного движения рабочих бакинского нефтепромышленного района за 1903—1906 годы». Баку, 1907 г.

[2] Всеподданнейшая записка, содержащая главнейшие выводы отчета о произведенной в 1905 году по высочайшему повелению сенатором Кузьминским ревизии города Баку и Бакинской губ., стр. 19.

лей в месяц. Только с начала текущего года плата значительно повышена вследствие требований, заявленных на декабрьской забастовке 1904 г.». (Более подробно бакинская забастовка рассмотрена нами ниже). Но давно уже установлено, что повышение заработной платы в Баку на 20% и даже в некоторых фирмах на 50% произошло как раз в результате стачек 1905—6 годов.

Обратимся теперь к цифрам, рисующим изменение заработной платы на Урале.

По данным «Сводов отчетов фабричных инспекторов» по Пермской и Уфимской губерниям изменения заработной платы представляются в следующем виде.

Губернии	Средняя годовая заработная плата								
	Годы								
	1900	1901	1902	1903	1904	1905	1906	1907	1908
Пермская .	195,98	181,87	181,46	185,54	167,97	199,32	203,32	207,53	214,53
Уфимская .	171,51	161,02	180,62	164,64	180,87	259,23	212,49	195,37	214,10

Понижение заработной платы под влиянием кризиса и войны здесь точно так же налицо.

Понижение заработной платы коснулось решительно всех категорий рабочих.

Заработная плата текстильных рабочих, как уже сказано выше, понижалась в течение кризиса несколько раз, что и было видно из таблиц, приведенных выше, по губерниям с преобладающим числом текстильных рабочих.

Заработная плата железнодорожников, как это видно из «Статистических сборников мин. путей сообщения», изменялась так, как это показано в таблице на стр. 38.

И в этой отрасли труда, стало быть, годы кризиса и войны понизили заработную плату, при чем у поденных рабочих эта плата в 1904 году немногим была выше, чем в 1900 году, а у постоянных служащих и рабочих в 1904 г. плата была ниже, чем в 1903 году.

И из этих цифр видно, как колебалась заработная плата в зависимости от изменяющейся экономической конъюнктуры: годы кризиса в общем понижали заработную плату. Под-

Годовая заработная плата железнодорожников:

Годы	Постоянных служащих и рабочих	Поденных рабочих
1895	379,4	238,4
1896	381,3	233,4
1897	386,2	233,7
1898	390,0	243,3
1899	391,4	236,0
1900	400,5	242,3
1901	398,6	239,7
1902	413,8	241,7
1903	416,0	246,5
1904	415,7	245,3

Заработная плата в месяц в рублях на сахарных заводах.

Периоды	На собственном содержании							
	Мужчине		Женщине		Малолетним			
					Мужского пола		Женского пола	
	Среднее	Колебания	Среднее	Колебания	Среднее	Колебания	Среднее	Колебания
1899/900	15	4—60	7	4—16	7	12	7	5—9
1900/1	18	6—70	7	4—15	7	12	4	4—5
1901/2	18	4—60	7	4—15	5	14	6	4—9
1902/3	19	4—63	7	4—19	7	18	5	3—7
1903/4	19	5—60	7	4—12	7	12	6	5—8
	На заводском содержании							
1899/900	10	3—48	5	3—10	4	1—2	—	—
1900/1	11	3—48	5	3—11	6	3—8	—	—
1901/2	10	3—48	5	3—10	5	3—8	—	—
1902/3	11	4—50	5	3—16	5	3—9	—	—
1903/4	11	4—48	6	3—17	6	3—11	—	—

нявшись в общем по окончании кризиса, она все же в некоторых случаях понижалась с наступлением войны.

В качестве иллюстрации влияния кризиса на положение рабочих в других районах можно указать на Сормовский промышленный район. Число рабочих, начиная с 1898 по 1905 год, изменялось в этом районе так[1]:

Годы	Число рабочих
1898	10.316
1899	10.748
1900	10.863
1901	10.654
1902	11.847
1903	11.443
1904	11.339
1905	10.716

Изменения заработной платы за это время таковы:

Годы	Средний дневной заработок
1898/99	134,3
1899/900	139,3
1900/1	141,6
1901/2	147,4
1902/3	143,4
1903/4	156,3
1904/5	172,0

Влияние войны на промышленность, а стало-быть—на положение рабочих и на понижение заработной платы, констатируется самыми разнообразными свидетельствами. Для нас в высшей степени важны свидетельства из тех кругов, которые войну эту затеяли и всяческими способами стреми-

[1] С. Архангельский. «Пролетариат Сормовского промышленного района. Труд в России». Истор. сб. Изд. лен. губ. сов. проф. союз., 1924 г., стр. 56.

лись подогреть патриотические чувства населения. Даже в цитированных уже выше политических обзорах по губерниям чувствуется это влияние войны, так как депрессивное состояние промышленности отражалось и на политическом состоянии страны. «Промышленный кризис в России за последнее время,—говорится в обзоре по Тульской губернии,—сопровождавшийся сокращением производства, повлек за собою в одном случае уменьшение заработной платы и в большинстве—сокращение числа рабочих, каковое обстоятельство имело место и в Туле. Масса рабочего люда, очутившись в критическом материальном положении, стала особенно интересоваться экономическими вопросами. Последним обстоятельством воспользовались преступные организации, которые почти во всех своих воззваниях, рисуя сгущенными красками ужасы экономического быта рабочего, всю ответственность за таковой возлагают на правительство, а корень всех бед видят в самодержавии»[1].

Это свидетельство идет, можно сказать, из самого центра страны, а вот как власти предержащие отражают явления, вызванные войной на окраинах страны. Политический обзор по Калишской губ. так говорит по поводу войны: «Влияние войны сильно отозвалось на промышленности и фабричной производительности. Количество безработных увеличилось, и начался все усиливающийся экономический кризис»[2]. Выводы для составителя отчета, как и следовало ожидать, таковы: революционные партии воспользовались затруднительным положением и т. п.

«В городах Керчи и Феодосии,—читаем мы в отчете по Таврической губ.,—в виду нынешнего тяжелого времени, заметно пали как торговля, так и промышленная деятельность, в особенности же это заметно в г. Керчь-Еникале, где с окончательным прекращением работ на металлургическом заводе в конце 1902 г. стало теряться значение этого города как торгового центра, результатом чего являлось развитие большого количества безработных рук»[3].

Те самые агенты правительства, которые в начале войны организовали патриотические манифестации, через год констатируют далеко не радостные явления. Вот что, напр., пишет автор политического обзора по Бессарабской губер-

---

[1] Истор.-революц. арх. 3-е дел., № 1, ч. 30, л. А, 1905 г.
[2] Истор.-революц. арх. 3-е дел., № 1, ч. 44, л. А, 1905 г.
[3] Истор.-революц. арх. 3-е дел., № 1, ч. 12, л. А, 1905 г.

нии. Сказав о неурожае, постигшем губернию, он продолжает: «Вследствие такого выдающегося неурожая, а также вследствие полной безработицы и повсеместного застоя в делах, население страшно бедствовало и, израсходовав все свои запасы от предыдущего урожая, начиная с сентября, под влиянием безысходной нужды и голодания, бросилось продавать за бесценок рабочий скот и свой домашний скарб разным кулакам и торговцам. Начиная же с ноября население южных уездов буквально голодало.

«Ссуды продовольственная и на обсеменение полей также не везде были выданы своевременно. Описанная тяжелая экономическая нужда населения особенно осложнилась после объявления мобилизации. Последняя явилась новым тяжким гнетом и лишним расходом для бедствовавшего населения» [1].

Даже такие окраины, как Тобольская губерния, и те почувствовали тяжесть кризиса и войны. «Настроение народонаселения Тобольской губ.,—говорится в политическом обзоре,—под влиянием военных неудач России, отклонилось несколько в отрицательную сторону: чувствуется повсюду недостаток в рабочих руках, что сильно отражается на экономическом быте губернии. Возможность призыва запасных воинских чинов старших сроков службы усиливает такое положение» [2].

Но не только от агентов правительства идут жалобы на то, что война снова возвратила страну почти в то же самое состояние, из которого она стала только-что выходить в конце 1903 года. На это жалуются и промышленники. Под влиянием их жалоб, министерство финансов вынуждено было даже заняться вопросом, как повлияла война на промышленность и торговлю, и запросило об этом своих фабричных инспекторов. Их ответы с подробно разработанными данными, к сожалению, не сохранились, но все же хоть отчасти мы можем познакомиться с их мнениями на этот счет. Фабричный инспектор Херсонской губернии в своем отчете министру финансов по поводу январских стачек так выражается по вопросу о влиянии войны на промышленность Одессы: «Промышленные заведения Одессы, особенно лишившиеся рынков Сибири и Дальнего Востока, находятся с 1904 года в очень угнетенном состоянии; многие из них сократили производство путем сокращения рабочего времени

---

[1] Истор.-революц. арх. 3-е дел., № 1, ч. 23, л. А, 1905 г.
[2] Истор.-революц. арх. 3-е дел., № 1, ч. 55, л. А, 1905 г.

или уменьшения числа рабочих, а некоторые и совсем просто приостановились»[1].

В таком же, примерно, духе высказываются и фабричные инспектора других губерний. Так, напр., старший фабричный инспектор Московской губ. говорит: «На основании переговоров с рабочими и обсуждения их требований фабричные инспектора пришли к убеждению, что доминирующим пунктом недовольства рабочих оказались жалобы на необеспеченность существования вследствие низкого заработка, с одной стороны, и все возрастающей дороговизны жизни и отсутствия сносных жилищных условий в Москве и Московской губ. — с другой»[2].

Отзывы и мнения фабричных инспекторов читатель найдет в приложении, и мы не будем больше цитировать их.

Приведем лучше другое свидетельство, очень ярко рисующее положение дел в Центральном промышленном районе, тем более, что свидетельство это исходит от фабриканта, которого никак нельзя заподозрить в желании представить житье-бытье рабочих в мрачных красках. Свидетельство это принадлежит правлению компании Богородско-Глуховской мануфактуры, учрежденной Захаром Морозовым.

Правление, направляя свои сведения министру финансов, прежде всего опорочивает те данные, которые собирались фабричными инспекторами с целью выяснения влияния войны на промышленность. «Эти «сведения»,—говорит директор правления Арсений Морозов: — не могут служить материалом для правильного суждения о переживаемом ныне промышленном тяжелом кризисе»[3].

В качестве корректива сведений, собранных фабричными инспекторами, А. Морозов и дает свои данные.

Остатки готового, запакованного товара в кладовой отбельно-красильного заведения видны из таблицы на стр. 43.

Кроме того, Морозов показывает, что в 1904 г. выработано на 7.000 кип товара меньше, чем в 1903 г., что и составляет потерю в 1.610.000 р.

Отпуск товара с фабрики в 1904 г. был меньше, чем в 1903 г., на сумму в 3.160.890 р.

---

[1] Истор.-революц. арх., Эконом. секция, Арх. б. мин. фин., Отд. промышл., Делопр. Главн. по фабр. и горнозав. делам присутствия № 1, ч. 1, л. 88, 1905 г.

[2] То же дело, л. 129.

[3] Отд. промышл. Делопр. Главн. по фабр. и горнозав. делам присутствия со сведениями о влиянии происходящих на Дальнем Востоке военных событий на ход промышленности. № 25, 1905 г., л. 185 и 186.

Название месяцев	Количество кип		
	В 1903 г.	В 1904 г.	В 1904 г. более кип
На 1-е июня	6.073	10.978	4.905
„ 1-е июля	5.414	11.660	6.246
„ 1-е августа	2.607	11.569	8.962
„ 1-е сентября . . .	2.617	10.447	7.830
„ 1-е октября . . .	3.489	10.232	6.743

Остатки пряжи на бумагопрядильной фабрике компании был на 1 октября 1903 г. — 39.389 п., а на 1 октября 1904 г.—54.515 п., что составляет убыток в сумме 378.650 р.

Так исчисляет свои убытки фабрикант и добавляет, что он, «не взирая на всю тяжесть переживаемого положения, не находит возможным увольнять часть своих рабочих, ни убавлять им средства к жизни».

Но говоря эти гордые слова, капиталист забыл только об одном, а именно, что цифры, как и факты—упрямая вещь. Далее он приводит данные о числе рабочих и заработной плате. Вот эти данные:

	В 1903 году			В 1904 году		
	Июнь	Июль	Август	Июнь	Июль	Август
1. Сколько всего числилось рабочих на 1-е число месяца	10.628	10.587	10.713	10.993	10.935	10.998
2. Сколько причиталось заработка всем рабочим за работу в течение месяца	171.893,82	178.992,99	155.750,21	163.151,30	170.221,25	104.969,42
3. Сколько рабочих часов в общей сложности проработано всеми рабочими (или, другими словами, сколько часо-рабочих потреблено заведением), считая как работы по расписанию, так и сверхурочные в течение месяца	2.706.482	2.854.233	2.439.730	2.614.424	2.689.165	2.595.587
4. Сколько человек из числа рабочих оставили работу в текущ. году вследствие призыва на военн. службу при мобилизации	—	—	—	—	—	48

Из этих цифр видно, что число рабочих на фабрике увеличилось во время войны, но заработная плата в течение июня и июля была выплачена в меньшей сумме, чем в 1903 г. Правда, было затрачено меньшее число рабочих часов, но эти цифры составлялись так, что в подсчет входили и рабочие часы при 11½-часовом дне и при 10-часовом и при разном числе рабочих дней в месяц.

Если же высчитать среднюю плату рабочего по месяцам, то окажется, что она изменялась так:

1903 г.			1904 г.		
июнь	июль	август	июнь	июль	август
161,7	169,0	145,4	148,4	155,8	140,9

Как видно из этих цифр, самопожертвование фабриканта во время кризиса совершалось за счет рабочего.

Другой иллюстрацией, показывающей, как отражалась война на промышленности Центрального района, может служить сводка по Москве из дела о безработице на фабриках. Министр внутренних дел, обеспокоенный жалобами капиталистов, обратился с запросом к московскому обер-полицмейстеру, тот запросил фабричных инспекторов, и вот какой получился ответ[1].

	Количество рабочих
На фабриках, закрытых на неопределенное время	2.192
Сокращение рабочего дня без уменьшения числа рабочих коснулось	2.877
Фабрики, на которых после пасхи 1904 г. работы не начинались, осталось без работы	1.900
Фабрики, где произошло сокращение рабочих	3.995
Всего безработных. .	8.087

[1] «О безработице на фабриках и заводах и других промышленных предприятиях г. Москвы». Дело отд. по охр. общ. безопасности г. Москвы, № 590, 1905 г. Запрос Плеве за № 1255 от 21 апр. 1904 г., л. 2.

Вот данные, рисующие характер кризиса, охватившего далеко отстоящую от Москвы окраину, Черноморскую губернию[1].

Годы	Число предприятий	Количество рабочих	%% отношение колич. рабочих к 1897 году
1897	26	1.774	100
1899	44	2.834	159
1901	169	3.725	210
1903	269	3.863	219
1904	274	3.217	180

«Начавшийся в 1904 году промышленный кризис—говорит Н. Янчевский,—резко ударил по промышленности Черноморской губернии: к 1905 г. сократилось число предприятий и количество рабочих, упала сумма производства. По годам это сокращение выражалось в следующих цифрах:

Годы	Число предприятий	Количество рабочих	Общая сумма производства
1903	269	3.863	4.434.054
1904	274	3.217	3.474.087
1905	194	2.789	3.115.809

Тот же автор, т. Янчевский, приводит характерную выдержку из новороссийской газеты «Черноморское Побережье»: «...Влияние войны уже сказывается на местных промышленных и заводских предприятиях, работы сокращены до минимума... Сокращение работы местных заводов весьма тягостно отражается на быте рабочих. Заводы, правда, рабочих

[1] Таблица взята из работы Н. Янчевского «Новороссийская и Сочинская республика в 1905 г.» Ростов Дон, 1926 г., стр. 12. Цифры эти т. Янчевским взяты из сб., изданного Черном. окружн. план. комис. «Черноморский округ и его производительные силы». Новороссийск, 1923 г., стр. 18.

не увольняют, но число рабочих дней, под давлением общего, крайне угнетенного и тяжелого положения, созданного войной, уменьшено до минимума. Те рабочие, которые вырабатывали до 50 р. в месяц, теперь получают не более 20 рублей»[1].

Возвращаясь снова к Центральному промышленному району, укажем на Ярославскую губернию, где, вообще говоря, с 1900 г. по 1907 г. число рабочих увеличилось с 32.293 чел. до 33.890 чел., т. е. возросло до 104,9% при одновременном уменьшении числа предприятий с 251 до 180 и где вместе с тем, если принять число рабочих каждого предыдущего года за 100, уменьшение числа рабочих в годы кризиса таково:

1900	1901	1902	1903	1904	1905	1906	1907
100	—	114,1	97,5	93,9	98,3	101,3	100,2

Застой промышленности в годы кризиса налицо[2].

О влиянии кризиса имеются данные и по Тверской губ.

Кризис здесь осложнился неурожаем 1902 г., постигшим Тверскую губернию. Число промышленных предприятий губернии сократилось на 32%, правда, сократились, главным образом, предприятия мелкие и число рабочих и сумма производства на более крупных предприятиях даже растет, но этот рост происходит за счет рабочих, положение их становится хуже. (См. стр. 47).

Как видно из таблицы (см. стр. 47), на 4 предприятиях число рабочих сократилось, при чем на двух фабриках Прохорова число сокращенных было около 1.000 чел. О том, как отразился кризис на промышленности Центрального промышленного района, возьмем цифры по Костромской губернии (по губернаторским отчетам).

Как видно, число предприятий и число рабочих в самый острый год кризиса уменьшились.

Правда, за годы же кризиса обозначалась резче и концентрация производства. По данным «Свода отчетов фабрич-

---

[1] «Черноморское Побережье», 1905 г., № 587, см. в книге т. Янчевского «Новороссийская и Сочинская республика в 1905 г.», Р. Д., 1926 г., стр. 12—13.

[2] «Ярославль в первой русской революции». Ярославль, 1925 г., стр. 9.

Год	Наименование предприятия	Число рабочих	Общая сумма заработка	Год	Число рабочих	Общая сумма заработка
1901	Фабр. т-ва Мороз. мануфакт. .	8.322	2.584.320	1902	9.315	3.031.350
	Фабр. Рождеств. мануфакт. .	2.106	350.160		2.314	359.840
	Вагоностр. завод	1.726	587.052		3.796	750.980
	Ткацк. фабр. Залогина . . .	1.344	197.700		1.353	183.984
	Фаянс. фабр. Кузнецова . . .	1.597	351.120		1.556	386.100
	Бумагопр. фабр. Прохорова .	1.070	180.350		645	157.040
	Его же в уезде	1.998	435.000		1.418	528.290
	Фабр. Рябушинского	1.782	260.300		1.864	373.520
	Писчебум. фабр. Кувшин. . .	914	179.724		900	182.436
	Писчебум. фабр. Образцова .	477	228.482		537	233.530

Годы	Число промышл. заводов	Число рабочих (в тысячах)	Сумма производства (в миллион. р.)
1896	2.017	46,9	47,0
1897	2.082	51,4	53,5
1898	2.030	55,2	54,2
1899	2.035	60,9	58,0
1900	2.059	61,7	63,5
1902	2.114	66,2	71,7
1903	1.971	65,6	72,2
1905	2.240	73,4	83,7

ных инспекторов» в Костромской губернии, в предприятиях, подчиненных фабричной инспекции, значилось:

Годы	Число заведений	В них рабочих	Среднее число рабочих на одно заведение
1901	260	60.481	232
1902	253	63.663	251
1903	242	65.444	270
1904	243	68.346	281
1905	232	69.075	298

Положение рабочего, однако, не улучшалось. Вот цифры, рисующие падение заработной платы в Костромской губернии в годы кризиса:

Годы	Сумма валового зараб. (в тысяч. руб.)	Число рабочих	Средний годовой зараб. (в рублях)	То же в переводе на один месяц
1900. . . .	7.728,0	55.035	140,4	11,7
1901. . . .	7.839,1	57.524	136,3	11,4
1902. . . .	8.392,7	59.960	140,1	11,7
1903. . . .	8.735,4	61.528	142,0	11,8
1904. . . .	9.156,1	64.709	141,5	11,8
1905. . . .	9.750,5	69.293	140,9	11,3

Реальная заработная плата

	Годы			
	1902	1903	1904	1905
Номинальный средний заработок	11,7	11,8	11,8	11,3
Средняя цена пуда ржаной муки (в коп.) .	91,0	88,0	78,0	95,0
Реальная заработная плата (в пудах муки) .	12,9	13,4	15,1	11,9

По данным Горбунова, падение заработной платы в годы кризиса шло так:

	Годы						
	1899	1900	1901	1902	1903	1904	1905
Заработок в один харчевой (1) день в копейках	38	39	40	40	40	40	47
Дневной расход	37,26	37,57	38,01	39,83	39,02	40,56	42,85
Остаток	0,74	1,43	1,99	0,17	0,98	—	4,15
Дефицит	—	—	—	—	—	0,56	—

Возьмем еще Калужскую губернию в качестве иллюстрации того, как отразился промышленный кризис на рабочих.

Вообще и для Калужской губернии правильно то положение, что, начиная с 80-х годов, идет усиленная концентрация производства: так, в 1896 году в Калужской губернии было 356 фабрик и заводов с 15.479 раб. и производством на 8.410.222 руб., а в 1901 году только 339 фабрик и заводов с 18.446 раб. и суммой производства в 12.892.013 рублей. В 1880 г. в среднем на одно предприятие приходилось рабочих 21,3 чел., в 1896 г.—43,5 и в 1910 г.—54,6 чел.

Таковы факты, но их необходимо корректировать тем, что строение нашей промышленности вообще по всей России, ее техника сильно отставали от Запада и там, где на Западе работало 500 чел., у нас—1.000 чел.

Кризис дал себя сильно почувствовать в Калужской губ.:

Годы	Число предприятий	Число рабочих	Сумма производства (в тыс. руб.)
1901	339	18.446	12.892
1902	331	17.336	13.467
1903	117	11.500	9.500
1904	101	9.242	—
1905	95	8.337	8.700

Понижение заработной платы калужских рабочих за годы кризиса видно из того, что в 1904 году средне-годовое содержание рабочего, по данным фабричной инспекции, было 158,10 руб., т. е. в среднем было таково, как в 1880 г. у металлистов, т. е. рост номинальной заработной платы выражался в 12—20% за 20 лет, так что, если принять в расчет вздорожание продуктов первой необходимости, штрафы и вычеты (которые составляли 9% содержания), то станет ясным неправильность утверждения тех экономистов, которые говорят вообще о росте заработной платы в 90-х и 900-х годах.

Из этих иллюстраций видно, как отражался кризис на рабочем Центрального района.

К сожалению, данные, представленные фабричными инспекторами о других губерниях и фабриках, или погибли, или находятся где-нибудь в архивных залежах.

Но фабриканты имели в своем распоряжении и много других средств понижать заработную плату. Остановимся на излюбленном ими средстве — штрафах.

Годы	Сумма взысканных штрафов (в рублях)	На 10 руб. заработной платы было взыскано штрафов (в копейках)	Средняя сумма штрафных взысканий на рабочего (в копейках)
1900	570.523,66	24,4	47,7
1901	555.041,47	22,5	45,4
1902	529.465,59	21,2	43,1
1903	527.433,00	19,4	42,0
1904	535.945,24	29,9	42,5
1905	316.808,76	12,2	25,0
1906	276.625,93	9,6	22,1
1907	312.234,68	10,1	25,9
1908	432.658,35	13,9	33,9

Из этой таблицы видно, как сумма штрафных денег, уменьшившись в 1900—1903 гг., снова скакнула вверх в год войны перед революцией. Точно также и средняя сумма штрафных взысканий на одного рабочего, вообще уменьшающаяся, в 1904 г. также увеличилась.

Другой способ уменьшать заработную плату—это взыскание за продукты, забираемые рабочими из фабричных лавок и из лавок потребительских.

Из нижеследующей таблицы видно, как велика была эта сумма, начиная с 1900 г., при чем видно, что она возросла и в начале кризиса, и в 1904 г., в то время как и число рабочих увеличилось не так уж значительно. Доля этой составной части заработной платы в процентах по отношению ко всей заработной плате по годам составляла: 1900—7,5%, 1901—7,7%, 1902—9,1%, 1903—8,1%, 1904—8,3%, 1905—8,2%, 1906—8,0%, 1907—8,7%, и 1908—9,0%.

В общем, из кармана рабочих и из их заработной платы почти десятая часть уходила обратно к тому же самому предпринимателю, хотя, впрочем, и в обмен за гнилые продукты питания.

Что это действительно так, об этом говорят и следующие цифры[1]:

Годы	Выдано рабочим наличными деньгами	Уплачено за продукты, забранные рабочими из фабричных лавок	Уплачено за продукты, забранные рабочими из других лавок
1900	91,5	6,0	1,6
1901	89,7	5,7	3,2
1902	89,5	6,0	3,0
1903	90,5	5,5	2,7
1904	89,5	5,7	2,8
1905	89,7	5,4	2,9
1906	90,8	6,1	2,0
1907	90,2	6,6	2,3

Если же учесть вздорожание продуктов первой необходимости перед революцией по сравнению с концом XIX и началом XX в. (т. е. в 1900 и 1904 гг.), то окажется, что и то ничтожное повышение заработной платы, которое замечается в некоторых районах и в некоторых отраслях труда, сводится почти на-нет. В самом деле, вот средние цифры заработной платы по всей России.

[1] С. Бернштейн-Коган. «Числ., состав и полож. пет. раб.», стр. 121.

4*

Годы	Выдано рабочим наличными деньгами	Уплачено за съестные припасы и товары, забранные рабочими из фабричных лавок	Уплачено за продукты, забранные рабочими из лавок потребительских обществ и др.	Итого весь заработок рабочих деньгами	Число рабочих
1900	208.884.540,03	13.892.635,82	3.820.857,43	226.598.033,28	1.175.404
1901	220.761.825,11	14.058.247,93	8.086.175,00	242.906.248,34	1.222.382
1902	222.736.750,37	15.003.263,06	7.589.723,27	245.329.736,70	1.228.908
1903	246.483.936,75	14.994.034,44	7.513.409,73	268.991.380,92	1.254.528
1904	241.385.975,04	15.291.100,31	7.566.215,58	264.243.290,93	1.261.311
1905	233.744.064,48	14.036.455,54	7.455.632,08	255.236.152,23	1.268.283
1906	263.106.547,80	17.575.945,53	5.825.067,17	286.507.560,50	1.250.148
1907	279.900.463,05	20.474.674,48	7.029.776,72	310.310.081,08	1.204.070
1908	281.487.350,28	21.639.121,51	6.468.859,94	309.595.331,73	1.276.835

Годы	Средний заработок одного рабочего в год в рублях по всей России	
		В %, если принять плату 1900 г. за 100
1900	194,08	100,0
1901	202,88	104,5
1902	202,40	104,2
1903	217,03	111,3
1904	213,92	110,2
1905	205,52	105,8
1906	231,68	119,3
1907	257,71	132,7

В то же время вздорожание продуктов первой необходимости видно из следующей таблицы, где цифры 1889—1894 гг. приняты за сто[1]:

Наименование продуктов	Годы: 1889—1894	1895—1899	1900—1904
Хлебные	108,6	91,4	104,0
Животные	88,8	100,2	121,4
Текстильные	101,6	98,4	119,3
Керосин	91,1	108,9	113,1
Чай, кофе	100,8	99,2	104,1

Из всего вышесказанного можно заключить, что реальная заработная плата рабочих перед революцией 1905 г., по сравнению с заработной платой 1900 г., в некоторых отраслях и районах, хотя и незначительно, но возросла, в некоторых отраслях и районах почти *не изменилась*, а в *некоторых районах, как, например, в Бакинской и Екатеринославской губерниях, она стала ниже*, спустившись почти до уровня конца 90-х годов, так что перед рабочими в сущности стоял вопрос о завоевании того, что было потеряно во время кризиса и войны, о возвращении условий конца 90-х годов.

---

[1] Ф. Семенов-Булкин. «Архив истории труда в России», кн. 9, стр. 94.

Вообще, возростание[1] заработной платы было настолько незначительно, что вопрос об ее повышении перед революцией 1905 г. для русских рабочих сделался одним из актуальнейших вопросов их борьбы. Поэтому в 1905 году, когда 62,4% всех стачек носили не экономический характер, большую часть всех остальных экономических стачек составляли стачки по вопросу о заработной плате, именно 22,9%.

Стачки, так или иначе имевшие целью уменьшение рабочего дня, составляли только 11,3%.

Действительно, в области сокращения рабочего дня русское рабочее движение достигло уже к 1905 году более значительных успехов, чем в какой бы то ни было другой области. Но на это можно сказать, что все же 1905 год— это есть год политической борьбы. Это верно. Вообще, из распределения стачек 1905 г. видно, что политические мотивы играли в рабочем движении 1905 года преобладающую роль.

Вот распределение стачек по их причинам.

Разряды причин стачек	Число стачек	В % к общему числу	Число участников стачек	В % к общему числу забастовщиков
А. Заработная плата	2.679	20,4	620.145	22,9
Б. Рабочее время	1.317	10,0	306.269	11,3
В. Порядок в заведении, действия заводоуправления и условия труда	193	1,5	92.085	3,4
Г. Разные политические причины	8.915	68,0	1.691.012	62,4
Неизвестные причины	6	0,04	184	0,01
Всего	13.110	100	2.709.695	100

Итак, 68% всех стачек и 62,4% всех участников—это движение чисто политическое. Это бесспорно. Но было бы неправильно подходить к массовому рабочему движению 1905 года с такой чисто узкой формальной стороны. Неправильно было бы думать, что деление забастовок 1905 г. на политические и экономические все разъясняет. Ленин сейчас же после 9 января писал: «Русское рабочее движение за несколько дней поднялось на высшую ступень»[2].

[1] Частичное и только в некоторых районах и некоторых отраслях труда.

[2] «Вперед», № 4, «Что происходит в России».

В чем заключалось поднятие на высшую ступень—и необходимо определить и изучить.

III.

Политический характер движения 1905 г. был ясен для всех. Это понимали даже фабричные инспектора, даже жандармы, прекрасно знавшие, что теперь дело не в «подстрекателях». Петербургский фабричный инспектор так об этом и говорит и добавляет: «Действительно мы видим, что забастовки 1903 г., устроенные так называемыми зубатовскими организациями и проведенные исключительно на экономической почве, почти ничего не дали, несмотря на то, что руководители этих организаций усердно и всячески распространяли между ними брошюры, наглядно показывая, чего добились стачками заграничные, преимущественно английские рабочие»[1].

Рабочие поняли наконец,—рассуждает фабричный инспектор,— что без политической борьбы нельзя добиться более или менее прочных экономических завоеваний, а понявши это, они и начали борьбу политическую.

П. Струве, знавший гораздо лучше, когда и как начали политическую борьбу рабочие под влиянием январских событий, вскоре по поводу депутации рабочих к царю писал: «Не подобранные и подученные начальством рабочие (рабочие из тех, что состоят на жалованьи у полиции), не эти, в раззолоченных каретах привезенные в царскосельский дворец, актеры полицейско-монархического фарса 19 января, войдут нравственной силой в современность и в историю. Нет, такой силой явятся действующие лица народной трагедии 9 января, те сраженные царскими пулями рабочие, которых кучами зашитых в рогожи, сваливали в братские могилы на Преображенском кладбище. Они не умерли для дела освобождения, они—его страшная боевая сила, его незримый, но неотразимо разящий легион. Им воздвигнется национальный памятник на улицах Петербурга, о них, погибших без имени, без счета, мы будем рассказывать нашим сыновьям и внукам. День 9 января создал кровавую традицию. И это—страшная сила, господа Романовы!»[2].

---

[1] Истор.-революц. арх. 2-е отд., Эконом. секц., д. № 35/1904, Главн. по фабр. и горнозав. делам присутствия, л. 122.

[2] «Освобождение», № 65, от 9 февр. (27 янв.) 1905 г.

А тотчас же после 9 января Струве восклицал: «Вчера еще были споры и партии. Сегодня у русского освободительного движения должны быть едино тело и един дух, одна двуединая мысль: возмездие и свобода во что бы то ни стало»[1].

Призывал к единению всех оппозиционных сил и Ленин. Но, призывая к этому единению, он добавлял: «Пролетариат всегда должен итти своим самостоятельным путем, не ослабляя своей связи с социал-демократической партией, памятуя о своих великих конечных целях избавления всего человеческого от всякой эксплоатации»[2].

Впрочем, друзья Струве справа, в своих деловых сношениях с правительством, против которого редактор «Освобождения» метал громы и молнии, очень хорошо говорили о том, что значит единение всех оппозиционных сил и партий и как они оценивают события 9 января.

В докладной записке по рабочему вопросу в России Совещательная контора железозаводчиков, представители крупнейших капиталистов писали:

«Нет спора, что жизненные условия нашего рабочего люда неудовлетворительны; но не от доброй или злой воли промышленников зависит изменить или удержать эти печальные явления, так как жизненные условия нигде в мире не являются продуктом усмотрения того или другого промышленника, той или другой промышленной группы, а представляют собой результат развития всего народного хозяйства и всего государственного строя данного народа».

Петербургские заводчики и фабриканты в своей докладной записке министру финансов расшифровали эти туманные общие фразы.

Указывая министру на то, что в стране разлито общее недовольство и что правительство не обращает на него должного внимания, они говорили: «Если рабочее волнение обращает на себя такое исключительное внимание, то только потому, что оно массовое и выражается более резко, стихийно, но волнение есть везде и оно не только не прекращается, а прогрессирует. Едва ли не ошибка в том, что правительство быстро реагирует на грубое проявление рабочего волнения и в то же время дает так мало внимания гораздо более сильному, более обширному и, по существу своему, бо-

---

[1] «Освобождение», № 64, от 25 янв. (12 янв.), 1905 г.
[2] «Вперед», № 4—«Начало революции в России».

лее важному общему волнению, проявляющемуся, конечно, не в насилии и в грубых демонстрациях, а в формах мягких и корректных. Ни один слой общества не имеет такой удачи в своих домогательствах, как рабочие, которые уже отлично усвоили и помнят, что каждая крупная забастовка приносила им существенное улучшение, они помнят даты стачек и даты узаконений по рабочему вопросу. Они уверены и сейчас, что настойчивым, единодушным домогательством, подкрепленным массовыми демонстрациями, они быстро достигнут всего возможного и даже, быть может, более чем возможного при существующем режиме. Руководители рабочего движения, достигнут снизу таких результатов, какие для верхних общественных слоев будут недостижимы, и это будет опасное логическое последствие того факта, что к грубым демонстрациям прислушиваются внимательнее, чем к заявлениям корректным».

К чему же сводились корректные заявления капиталистов, видно хотя бы из того, что железозаводчики полагали, что «личность отдельного рабочего должна быть законным порядком ограждена от насилий рабочих-стачечников, если, не сочувствуя объявленной стачке, рабочий не желает к ней присоединиться, ибо право устраивать забастовку для желающих участвовать в ней не должно означать обязанности примкнуть к ней для нежелающих стачки».

Капиталисты очень хорошо понимали не только политический характер массового рабочего движения, но и то, во имя чего совершается это движение. Они понимали, что в основе этого движения лежит стремление пролетариата к освобождению от того экономического гнета, который накладывает на рабочий класс капитал. Они прекрасно понимали также и то, что свобода союзов, собраний, слова и печати, которыми будут пользоваться рабочие—ничто, если власть останется в руках буржуазии.

Вот почему они говорили правительству: обрати внимание на нас, на наше недовольство, столкуйся с нами. Вот почему они с беспокойством указывали растерявшемуся правительству на то, как опасно уступать под давлением приходящих в движение масс.

А эти массы приходили, действительно, еще в невиданное дотоле движение: поднимались, на ряду с передовыми слоями рабочего класса, самые отсталые, самые забитые слои его.

Ленин дал бесподобную характеристику именно этой стороны январского движения 1905 года в том месте своего обзора январских событий, где он говорит, как и во имя чего эти темные и забитые массы приходили в движение.

Приведя то место гапоновского письма, в котором Гапон от имени рабочих говорит, что у русского пролетариата нет больше царя, Ленин продолжает:

«Это не священник Георгий Гапон говорит. Это говорят те тысячи и десятки тысяч, те миллионы и десятки миллионов русских рабочих и крестьян, которые до сих пор могли наивно и слепо верить в царя-батюшку, искать облегчения своего невыносимо тяжелого положения у «самого» царя-батюшки, обвинять во всех безобразиях, насилиях, произволе и грабеже *только* обманывающих царя чиновников.

«Долгие поколения забитой, одичалой, заброшенной в медвежьих углах мужицкой жизни укрепляли эту веру.

«Последнее десятилетие рабочего движения выдвинуло тысячи передовых пролетариев социал-демократов, которые вполне сознательно порвали с этой верой. Оно воспитало десятки тысяч рабочих, у которых классовый инстинкт, окрепший в стачечной борьбе и в политической агитации, подорвал все основы такой веры. Но за этими тысячами и десятками тысяч стояли сотни тысяч и миллионы трудящихся и эксплоатируемых, унижаемых и оскорбляемых, пролетариев и полупролетариев, у которых еще могла остаться такая вера. Они не могли итти на восстание, они способны были только просить и умолять. Их чувство и настроение, их уровень знания и политического опыта выразил свящ. Гапон...».

Указав затем на то недоверие, с которым сначала соц.-демократы смотрели на стихийно возникающее движение, возглавляемое Гапоном, путавшимся с охранкой, Ленин говорит: «История, которую творили рабочие массы без соц.-демократии, подтвердила правильность этих взглядов и этой тактики. Логика классового положения пролетариата оказалась сильнее ошибок, наивностей и иллюзий Гапона».

Итак, два элемента различает Ленин в январском движении 1905 года: стихийное движение темных и отсталых масс пролетариата, выразителем стремлений которых на мгновение оказался Гапон, и сознательное революционное движение передовых слоев рабочего класса, которые на мгновение оказались не во главе движения. Темные и отсталые миллионы пролетариата в один момент творили историю без социал-демократии так, что в следующий момент «русское

рабочее движение за несколько дней поднялось на высшую ступень», где уже руководителями движения были именно эти передовые слои, авангард пролетариата.

Проследить победу вот этого сознательного элемента в массовом рабочем движении и значит дать историю этого движения.

А для того, чтобы это сделать, необходимо изучить детально процесс этого движения и, прежде всего, борьбу миллионов этих темных и отсталых слоев, о которых говорит Ленин.

Проследить же эту борьбу—это значит изучить движение в мельчайших его деталях и проявлениях, изучить динамику этой борьбы, ее подъемы и упадок, рассмотреть те требования, во имя которых массы поднимались, связать эту борьбу с движением предшествующих лет и показать, что в требованиях петербургских рабочих отразилась не индивидуальная воля какого-то героя, а стремления, интересы и требования, в которых подытоживалась борьба целых поколений пролетарских масс. Вот почему нельзя отделять при изучении массового движения пролетариата в 1905 году экономической его стороны от политической, как бы они ни казались с первого взгляда оторванными друг от друга.

Выше мы показали на примере заработной платы, как русский рабочий класс кризисом и войной был приведен в конце 1904 года почти к такому положению, в каком он в этом отношении находился до кризиса, т. е. в конце 90-х годов прошлого века, когда в эпоху расцвета промышленности он своим наступлением вырвал у капиталистов определенные уступки.

Кризис и война поставили пролетариат в положение обороняющегося. Правда, уже в конце кризиса, еще в 1902 году, оправляющийся пролетариат снова переходит в наступление, борясь за отвоевание утерянных во время кризиса позиций. Война на время умиряет эту борьбу, но она все же идет и в области экономической, идет именно во имя отвоевания того, что было потеряно в годы безвременья.

Темные и отсталые слои пролетариата мобилизовались его авангардом именно на этой борьбе, близкой и понятной этим слоям. Для того, чтобы привести движение на высшую ступень, авангард пролетариата вел эти отсталые и забитые слои во имя того, что было завоевано еще в конце 90-х годов и что нужно было как

бы то ни было отстоять и во время кризиса и во время войны. Даже в 1905 году во многих местах, как это будет показано ниже, рабочие во время забастовок требовали увеличения заработной платы по расценкам конца и даже середины 90-х годов. Так, рабочие Сестрорецкого оружейного завода в январскую забастовку 1905 года между прочим требовали:

«§ 3. Расценки на изготовление винтовок восстановить существовавшие в 1895 г.»[1].

---

[1] Истор.-революц. арх., 4-е делопр., № 4, ч. 1, л. 104, 1905.

ГЛАВА II

ЯНВАРСКИЕ ДНИ В ПЕТЕРБУРГЕ В 1905 ГОДУ

1. НАЧАЛО СОБЫТИЙ 9 ЯНВАРЯ. ЗАБАСТОВКА НА ПУТИЛОВСКОМ ЗАВОДЕ И ЕЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ НА ВЕСЬ ПЕТЕРБУРГ

В статье Л. Гуревич: «Народное движение в Петербурге 9-го января 1905 г.»[1] в таких словах описывается начало январских событий: «Есть все основания думать, что «Собрание русских фабрично-заводских рабочих» сыграло очень существенную роль в самом возникновении общей январской забастовки: оно подготовило в довольно широких кругах рабочего класса сознательное недовольство существующим положением вещей и с самого начала поддержало первых протестантов и самую мысль о забастовке. Один из рабочих Шлиссельбургского тракта говорит об этом так: «Мысль о забастовке явилась у рабочих благодаря речам, которые говорились в Собрании, где стали открыто высказывать про все злодеяния существующего порядка». Другой документ анкеты, составленный на основании коллективного опроса 28 рабочих с разных фабрик и заводов Шлиссельбургского тракта говорит об этом в следующих словах: «Толчок забастовке был дан Собранием, последним же поводом была забастовка на Путиловском заводе. 28 декабря в городе было собрание представителей от всех отделений (280 человек), и Гапон предложил выступить на более широкую арену деятельности; как уже было сказано выше, решимость эта созрела в нем благодаря настояниям кружка наиболее близких ему рабочих».

Поводом к выступлению послужило незначительное событие, подобные которому происходили тогда в Петербурге сотнями: увольнение четырех рабочих Путиловского завода.

[1] «Былое» 1906 г., № 1, январь, стр. 199.

Забастовочное движение в Петербурге стало намечаться уже в начале декабря: 3 декабря было брожение на мануфактуре Кожевникова, где рабочие требовали увольнения какого-то подозрительного служащего Полковникова; 17 декабря забастовали ткачи Ново-Сампсониевской мануфактуры, требуя установления наименьшего заработка в 70—80 коп. в день, окончания работ по субботам в 2 часа, увольнения ткацкого мастера, отметчика и ремизника; забастовка эта закончилась соглашением рабочих с предпринимателями 21 декабря.

Во время этой последней забастовки дело дошло до столкновения между рабочими и закончилось даже вмешательством полиции, и однако забастовка не привела к тем осложнениям и событиям, которые связаны с забастовкой на Путиловском заводе. Дело в том, что рабочие, уволенные с завода—Сергунин, Субботин, Уколов и Федоров—все состояли членами «Собрания русских фабрично-заводских рабочих»[1]. Г. Гапон в своих «Записках» рассказывает об этом так: «В декабре 1904 года, на Путиловском заводе без видимой причины были уволены 4 человека. Два из них очень давно служили на заводе, а два других—уже семь лет. Несомненно, увольнение было вызвано тем, что они принадлежали к нашему Союзу, так как, рассчитывая их, им сказали: «Несомненно ваш Союз поддержит вас». В течение двух недель я лично не вмешивался в это дело, ожидая, что рассчитанные рабочие будут снова приняты после всего, что было сделано, чтобы повлиять на фабричную администрацию. Когда же все усилия оказались тщетными, я счел своим долгом перед Союзом стать на защиту исключенных и довести дело до конца, каков бы он ни был. Если мы оставим уволенных на произвол судьбы, доверие к нашему Союзу неизбежно и навсегда поколеблется, не говоря уже о том, что это поощрило бы произвол. Если же нам удастся отстоять их, престиж нашего Союза неимоверно бы поднялся в глазах рабочих»[2].

---

[1] «Беспорядки рабочих 9—11 января 1905 года в С.-Петербурге и С.-Петербургской губ.». Дело особого отдела № 4, ч. 1, 4-е делопр. за 1905 г., Архив б. департамента полиции.

[2] «Записки Георгия Гапона». Очерк рабочего движения в России 1900-х годов. Москва, 1918 г., Гл. II, «Начало кризиса», стр. 55. См. также стр. 76 в новом прекрасном издании «Записок» под ред. А. А. Шилова: «Г. Гапон. История моей жизни». Изд. «Прибой». Ленинград, 1925 г.

В действительности, как это выясняется из документов, уволен был один только Сергунин[1]. Обстоятельства его увольнения, по словам фабричного инспектора Чижова, сводились к тому, что еще в сентябре или ноябре он был заподозрен в краже меди из заводского склада, где он работал. Работой его были недовольны, и его заработок с 43 р. упал до 29 р. Помощник директора Белоножкин, полагая, что Сергунин вообще не может работать на сложных станках, перевел его на более легкую работу, на распиловку спиц на ленточной пиле. Но и здесь Сергунин выполнял работу неудовлетворительно: вместо 320—350 спиц, как это обычно успевали делать другие рабочие, он приготовлял в день только 120 спиц. В начале декабря Сергунина уволили.

Остальные трое рабочих: Уколов, Федоров и Субботин, несмотря на столкновения, которые у них происходили с мастерами, уволены не были. Правда, Уколову предложили дать подписку, что он не будет пьянствовать, а Федорову, назначенному к увольнению, снова, еще до забастовки дали работу, и он числился рабочим Путиловского завода.

Но, как бы то ни было, среди рабочих шли слухи об увольнении четырех человек и виновником увольнения называли мастера Тетявкина[2]. А так как все четверо названных рабочих являлись членами гапоновского Союза, то и там этот вопрос возбуждал самые страстные прения. Тогда-то и созывается то общее собрание представителей всех отделов, которое происходило 27 декабря на Васильевском острове.

Гапон рассказывает в своих записках, что он после этого направил депутацию к директору завода Смирнову с просьбой об обратном приеме уволенных рабочих. Когда депутация добилась удовлетворительного результата, то Гапон созвал делегатов 12 отделений Союза и «представителей революционной партии».

---

[1] В № 65 «Освобождения» сообщается об увольнении только двух рабочих. Об увольнении см. вышеназванное дело 2 отд. Эконом. секции истории революц. арх., Делопр. Главн. по фабр. и горнозав. делам присутствия, 1904 г., № 35, л. 97.

[2] Истор.-революц. арх. 4-е делопр., 4 ч., л. 1, л. 1, 2 и 3 «О волнениях и стачках среди рабочих. Беспор. раб. 9—11 янв. 1905 г. в С.-Петербурге и С.-Петербургской губ.». Между прочим, И. Павлов неверно называет другого мастера Иогансона, см. И. Павлов, «Из воспоминаний о «Рабочем Союзе» и священнике Гапоне». «Минувшие Годы», 1908, кн. III и IV, стр. 81.

Здесь решено было отправить три депутации, каждая из семи или девяти человек, одну—к Смирнову, другую—к фабричному инспектору и третью—к градоначальнику Фуллону.

Собрание это Гапон относит к 19 декабря 1904 года; на следующий день, по словам Гапона, депутации рабочих ходили к Смирнову и к фабричному инспектору и от обоих получили отрицательный ответ. К Фуллону ходил с рабочими сам Гапон, и, по его словам, Фуллон обещал «сделать все от него зависящее, чтобы удовлетворить нашу просьбу».

Это было 20 декабря, а 21 Гапон снова пошел к фабричному инспектору и к Фуллону, но и эти свидания остались безрезультатными; еще накануне решено было, в случае неудачи, начать забастовку.

«Я рассчитывал,— говорит Гапон,— что стачка на Путиловском заводе немедленно побудит администрацию к уступке в виду того, что в данный момент завод окончил чрезвычайно серьезный заказ для правительства. В тот же вечер мы решили сделать забастовку».

Так рассказывает Гапон, но в его рассказе много неточностей. У фабричного инспектора Чижова он действительно был, но это посещение произошло не раньше 29 декабря[1]. Точно так же ошибается Гапон, говоря о том, что четверо уволенных рабочих или депутация «Общества русских фабрично-заводских рабочих в С.-Петербурге» была у директора завода Смирнова до 29 декабря. Уполномоченные Общества были у директора завода Смирнова, но и это произошло 29 декабря[2]. Эти на первый взгляд маловажные обстоятельства имеют очень большое значение для выяснения той роли,

---

[1] В деле Истор.-революц. арх., во втором отделении Экономической секции (б. арх. министерства финансов по отделу промышл.), делопр. Главн. по фабр. и горнозав. делам прис. 1904 г., № 35, имеется три доклада С. Чижова, представленные им с.-петербургскому градоначальнику и в отдел промышленности: один, написанный в момент событий под свежим впечатлением и помеченный 30 дек. 1904 г., и другой от 4 февраля 1905 г. В первом докладе днем свидания Гапона с Чижовым назван день 29 декабря (л. 104 указанного дела), а во втором—30 декабря 1904 г. Так как первый доклад писался Чижовым на другой день после посещения (доклад помечен 30 дек., и в нем Чижов говорит, что Гапон у него был 29 дек.), то дата 29 декабря и есть дата встречи Гапона с Чижовым. Во всяком случае, ни о каком другом посещении Гапона (ни 21 дек., ни 20 декабря) Чижов не говорит.

[2] См. в д. 4-го делопр. 4 ч. 1905 г., л. 1, объявление директора Смирнова, начинающееся так: «Вчера, 29 дек. ко мне явилась депутация». Объявление помечено 30 дек.

какую играли и сам Гапон и его штаб (руководящая группа рабочих Общества) в путиловской забастовке и во всех дальнейших событиях. Гапон не был у старшего фабричного инспектора до 29 декабря, повидимому, потому, что прежде всего он бросился к градоначальнику Фуллону, крестному отцу Общества, чтобы узнать, поддержит ли его тот самый Фуллон, который помогал ему устраивать его Союз. И только тогда, когда он заручился словесным обещанием Фуллона «сделать все от него зависящее», только тогда он решается действовать во-всю.

По инициативе рабочих вагонной мастерской Путиловского завода и, главным образом, Александра Ребрантова, состоялось экстренное собрание Союза 27 декабря, где было до 350 членов, и здесь снова было решено отправить депутации к градоначальнику, Смирнову и к фабричному инспектору, а на 2 января решено собраться вновь для обсуждения результатов ходатайства.

Так об этом собрании рассказывается в официальном полицейском документе; но, сопоставляя показания всех участников движения, необходимо заключить, что охранный документ говорит о собрании, происшедшем 27 декабря на Васильевском острове, которое произошло по инициативе центра Союза. Собрание было созвано, конечно, не только по инициативе одного Александра Ребрантова. За это собрание стояли и руководители других отделов, а не только Нарвского. Успех, который одержали члены Общества, начиная с забастовки на мануфактуре Кожевникова и на Ново-Сампсониевской, окрылил их. (Как мы увидим ниже, есть основания предполагать, что и эти забастовки—дело рук Общества). И они решили и руководство забастовкой такого большого завода, как Путиловский, взять в свои руки. Что это действительно так, показывает дальнейший ход событий, когда и в других районах руководство забастовкой переходило в руки гапоновцев.

На этом собрании были представители от всех 11 отделов, по 20 от каждого, а также, как уверяет корреспондент «Революционной России», и представители с.-д. и ср.-р.[1].

Вот на этом-то собрании, где действительно присутствовало более 300 человек, и решено было отправить делегатов к директору завода Смирнову и к градоначальнику.

---

[1] «Революционная Россия» за 1905 г., № 60.

По словам указанной нами корреспонденции, собрание вынесло следующую резолюцию: «1) Заявить через градоначальника высшему правительству, что отношение труда и капитала в России ненормально. Это проявляется, между прочим, и в отношениях мастеров к рабочим. 2) Потребовать от администрации Путиловского завода, чтоб мастер Тетявкин немедленно был удален с завода. 3) Уволенные за принадлежность к «Обществу» рабочие должны быть немедленно приняты обратно. 4) Через особую депутацию довести до сведения градоначальника и фабричного инспектора о случившемся и просить, чтоб впредь подобные факты не повторялись. Если законные требования рабочих не будут удовлетворены, то собрание фабр.-зав. рабочих не ручается за спокойное течение жизни города».

29 декабря депутация отправилась к директору Смирнову, а 30 декабря появилось объявление директора.

В этом объявлении, между прочим, говорилось, «что ни один из указанных рабочих не заявлял ему жалоб на неправильное его увольнение, кроме того выяснилось, что из 4 рабочих уволен только один за неумелую работу, да и тот окончательно уволен был уже после перевода его на испытание к другому мастеру, показавшее малую его способность к работе по сравнению с другими мастеровыми; из остальных 3 рабочих, указанных депутацией, одному в декабре даже не было объявлено об увольнении, второму, хотя и был заявлен расчет за прогулы, но после его письменного обещания не делать больше прогулов, расчет отменен, а третий, явившись за больничной запиской после невыхода на работу, сам прекратил посещение завода—чем и подвергает себя увольнению.

«Мною было указано депутации, что я считаю ее заявление малоуместным и что разборы претензий рабочих должны прежде всего производиться на самом заводе, по заявлению рабочих, а не по заявлению учреждения, постороннего заводу, которое легко может впасть в ошибку и, кроме того, вопреки утвержденному уставу, обнаруживает вмешательство во внутренние дела завода, что мною и усматривается по тому тону, с которым говорила со мной депутация.

«После этого депутация решилась даже прибегнуть к угрозам, выразив, что такое мое отношение к делу может кончиться для завода очень плохо.

«Убедившись окончательно, что депутация от имени «Собрания русских фабрично-заводских рабочих города С.-Пе-

тербурга» проявила явное стремление нарушить утвержденный правительством устав для этого Общества, я считаю своим долгом поставить об этом в известность всех тех рабочих завода, которые состоят в вышеупомянутом Обществе, которому я до сего времени оказывал содействие.

«Вместе с сим о таком нарушении устава «Собрания русских фабрично-заводских рабочих города С.-Петербурга» мною доведено до сведения г. с.-петербургского градоначальника. 30 декабря 1904 года».

Директор завода Смирнов принял депутатов очень грубо, ответил отказом на их требования, подчеркивая незаконность вмешательства Собрания в дела завода; фабричный инспектор «расследовал» жалобу рабочих, при чем, по его мнению, оказались виновными рабочие; а градоначальник Фуллон, бывший крестным отцом Союза, указал, что последний пункт требований есть уже настоящая революция, на что Гапон возразил ему напоминанием, что он обещал помогать рабочим. Фуллон смутился и пообещал принять все зависящие от него меры для улажения конфликта.

Эти переговоры происходили в течение 29 и 30 декабря, а в тот же день, 30 числа, все рабочие Путиловского завода прочли вышеприведенное объявление Смирнова. Ясно было, что дело шло к забастовке[1].

1 января, по словам Гапона, состоялось совещание, очевидно, представителей отделов, на котором и решено было начать забастовку.

2 января было созвано экстренное совещание Союза (Нарвского отдела), на которое собралось свыше 600 человек.

На этом собрании были и представители с.-д.[2]

Это был, повидимому, с.-д. Явич, выступавший очень неудачно в Нарвском отделе. Полицейские документы также

[1] Между прочим, В. Святловский в своей книге говорит следующее: «...Накануне, именно 27 декабря, все петербургские заводы забастовали. Так дело шло до 2 января». Это, очевидно, явная ошибка, ибо, во-первых, ни один из участников движения (напр., И. Павлов, а также Л. Гуревич) ничего не говорят о том, что весь Петербург забастовал 27 декабря, а во-вторых, как могли забастовать все заводы столицы 27 декабря, когда Путиловский завод забастовал только 3 января? Это число фигурирует как в воспоминаниях Павлова, в корреспонденциях в газетах, так и в документах деп. полиции и, между прочим, в докладе о 9 января, где ни о какой всеобщей забастовке, начавшейся 27 декабря, не говорится ни слова (В. Святловский. «Профессиональное движение в России». СПБ. 1907, стр. 86).

[2] «...Три интеллигентных еврея и три еврейки, повидимому курсистки». 4-е делопр., д. № 4, ч. 15, 1905 г.

очень определенно говорят о выступлениях на собраниях гапоновского Союза и других членов организации с.-д., например, в Городском районе—Александра Харика и Юлии Жилевич[1].

Но на этом собрании были не только рабочие Путиловского завода (гл. обр. вагонной и лесообделочной мастерской), но и рабочие Семянниковского завода, резиновой мануфактуры и некоторых других фабрик и заводов.

Председателем собрания был рабочий пароходно-механической мастерской Путиловского завода Владимир Иноземцев.

Он «сделал разбор по пунктам» объявления директора завода. При этом Иноземцев указал, что рабочие: Сергунин, уволенный «за неумелую работу», работает на заводе 15 лет и одно время, когда на заводе работа шла в две смены, назначался за мастера; Субботин, уволенный «за прогулы», пропустил только один день и то по болезни, для лечения коей обращался даже к заводскому доктору, который прописал ему лекарство, когда же Субботин пришел на другой день к доктору за запиской, то доктор, кем-то, очевидно, предупрежденный, записки не дал, а сказал: «Ты, вот, грубишь мастеру, а потом являешься за записками». С рабочего Уколова совершенно незаконно и насильно взяли подписку, что у него не будет более прогулов, тогда как такой подписки никто дать не может, так как прогулы иногда происходят по независящим от рабочего обстоятельствам.

Следующим говорил некто Архангельский, сотрудничающий в какой-то газете и бывший в составе депутации, отправившейся к фабричному инспектору. Он рассказал, что фабричный инспектор отказался принять его как депутата от «Собрания фабрично-заводских рабочих», а принял его лишь как представителя прессы, и притом на своей частной квартире. Инспектор выразил мнение, что в данном случае нет никаких серьезных оснований к неудовольствию рабочих и что весь этот инцидент раздут рабочими, которые часто заявляют разные вздорные претензии из-за того, что мастер «назовет кого-либо дураком», и тому подобных пустяков. В виду этого оратор полагает, что рабочим нечего ожидать содействия от фабричной инспекции, а надо самим сплотиться и поддержать товарищей.

---

[1] Особ. отд., д. № 5, ч. 1, л. А, 1905 г.

После этого Иноземцев предложил на открытое голосование: «желают ли рабочие поддержать своих товарищей», на что все ответили: «желаем поддержать», и собравшиеся перешли к обсуждению вопроса о форме поддержки. По предложению одного невыясненного рабочего лесообделочной мастерской, решено было завтра, 3 января, с утра, не приступая к работам, но отнюдь без крика и шума и, тем более, какого-либо насилия, собраться к заводской конторе и, вызвав директора завода, потребовать увольнения мастера Тетявкина и обратного приема уволенных рабочих. В это время, один из присутствующих на собрании евреев, предложил итти заявлять свои требования с красными знаменами и притом добавить к вышеуказанным требованиям, требование политической свободы. На это Иноземцев заявил, что необходимо держаться на чисто экономической почве, не затрагивая политических вопросов. Тогда тот же еврей попытался разбросать несколько штук каких-то прокламаций, но, в виду общего протеста рабочих, сейчас же это оставил и был выгнан из собрания вместе с остальными евреями. Что же касается трех евреев, то они были даже сначала задержаны, но затем из опасения, что их могут обвинить в произволе, отпущены»[1].

Рабочие Ребрантов и Петр Приклонский предлагали рабочих, которые добровольно не пойдут на забастовку, принудить силой.

Разбрасывали прокламации на собрании помощник организатора ремесленной группы Городского района Мендель Явич и его брат Израиль Явич[2].

3 января, действительно, на Путиловском заводе работы прекратились сначала в столярной, лесообделочной и механической мастерских, а затем к 8 часам стал весь завод.

После этого рабочие потребовали к себе директора и, когда он явился к заводской конторе, они предъявили ему свои требования об увольнении мастера Тетявкина и об обратном приеме 4 уволенных рабочих. Директор ответил отказом. Забастовка началась.

В это же время шли беспрерывные собрания в Отделе.

В час дня, 3 января, в Отдел явился Гапон и огласил проект требований путиловских рабочих. Проект был одобрен и после этого читался все новым и новым толпам рабочих, которые беспрерывно вливались в помещение Отдела.

[1] Истор.-революц. арх. 4-е дел., д. № 4, ч. 1, 1905 г.
[2] Там же, л. 9.

Как видно из этих требований, главным пунктом было требование об учреждении постоянной комиссии из выборных от рабочих, которая совместно с администрацией разбирает все претензии рабочих.

Вот эти требования:

«Рабочие Путиловского завода требуют, чтобы заводская администрация пошла навстречу их нуждам, откровенно и не прибегая к уловкам, обещаниям, которые потом не выполняются, и к содействию полиции.

«Для выяснения исхода забастовки должно состояться совещание между выборной самими рабочими депутацией и представителями акционерного общества Путиловского завода.

«При совещании рабочие имеют равное число голосов с представителями завода.

«Членам депутации должны быть обеспечены личная неприкосновенность и безопасность; их отнюдь нельзя увольнять от работ. Общее решение должно считаться обязательным и быть вывешенным по всем мастерским завода за подписью администрации и старшего инспектора.

«Никто не должен потерпеть от забастовки. Время, когда работы не производились вследствие забастовки, не должно считаться прогульным, и администрация обязуется уплатить за него по средней расценке рабочей платы 1 рабочего дня.

«Расценка новых изделий после испытаний должна устанавливаться мастером по добровольному соглашению с выборными рабочими из мастеровых и затем считаться обязательной.

«Что же касается старых расценок на изделия, то они должны быть пересмотрены на том же основании.

«При Путиловском заводе должна быть учреждена постоянная комиссия из выборных рабочих, которая совместно с администрацией разбирает все претензии рабочих. Увольнение рабочих не должно состояться иначе, как по постановлению этой комиссии»[1].

Конечно, ограничиться такими общими требованиями рабочие не могли, и Гапон, под давлением и по указанию рабочих, выработал ряд уже более конкретных требований, которые и предъявил 4 января вместе с депутатами-рабочими директору завода.

---

[1] Вышецитированное дело № 4, ч. I, л. 9, 4-е делопр., 1905 г.

Эти требования были таковы: 1) введение 8-часового рабочего дня, 2) работа на три смены, 3) отмена сверхурочных работ, 4) повышение платы чернорабочим: мужчинам с 60 коп. до 1 рубля, а женщинам с 40 коп. до 75 коп. за день, 5) улучшение санитарной части на заводе и 6) бесплатная врачебная помощь заводских врачей заболевшим рабочим[1].

Директор, конечно, удовлетворить эти требования отказался, при чем заявил, что повысить заработную плату теперь—это значит «пустить акционеров общества Путиловских заводов по миру».

«Эта фраза вызвала общий смех»[2].

Между тем бестактности и насилия полиции повышали спокойное дотоле настроение рабочих; в тот же день, 2 января, когда группа рабочих собралась в одной из мастерских, полиция заперла их и долго не выпускала.

Это очень взволновало рабочих, и они решили на 5-е число устроить собрание в одной из самых отдаленных мастерских, у «Морских ворот», и оттуда пройти со смотром по всем остальным мастерским.

Движение шло, как видно, совершенно стихийно; руководства у рабочих не было; что касается Гапона, он, не искушенный в стачечной борьбе, идет ощупью за стихийным ростом движения: сначала переговоры с администрацией, градоначальником Фуллоном, потом призыв к забастовке, затем предъявляются общие требования о примирительной комиссии, далее, уже под давлением непосредственных нужд рабочих, вырабатываются более конкретные требования.

Но, к сожалению, не только Гапон и его Союз не были подготовлены к вспыхнувшей забастовке, к ней не были готовы и соц.-демократические организации.

Их было в это время две, и уже создавалась третья: большевистский Петербургский комитет, меньшевистская Петербургская группа центрального комитета и примиренческая группа.

Как же реагировали эти организации на происходящие события?

Как мы видели, увольнение 4 рабочих произошло еще по крайней мере в середине декабря 1904 года. Гапон интересовался этим делом, а ни большевистский комитет, ни меньшевитская группа даже не отозвалась на это событие.

---

[1] Там же, л. 17.
[2] Там же, л. 17.

Забастовка началась 3 января, этого же числа Гапон уже предъявил свои требования о примирительной комиссии, 4 января он уже, после неоднократных сношений с администрацией, предъявляет дополнительные, более конкретные требования, и только после этого меньшевистская группа в прокламации от 4 января обращается к рабочим Путиловского завода. Большевистский комитет опоздал еще более,— его прокламация подписана 5 января 1905 г.

Понятно, что и в меньшевистской и в большевистской прокламации вопрос ставился шире, чем его ставил Гапон: чисто местная экономическая забастовка Путиловского завода связывалась с общим политическим положением страны, выдвигалось требование политических свобод и учредительного собрания, но между той и другой прокламацией была существенная разница.

Меньшевики требовали учреждения третейских судов и выдвинули ряд чисто местных требований: 1) повышения расценок на 25%, а в тех мастерских, где установлена попудная плата, увеличения ее от 40 до 50%, по соглашению между выборными данной мастерской и администрацией завода, 2) отмены праздничных и сверхурочных работ, 3) упорядочения вопроса о штрафах и т. п.

Самая же важная черта меньшевистской прокламации заключалась в том, что здесь высказывалось отношение с.-д. к гапоновскому Союзу. Прокламация начинается так:

«Общее оживление русской жизни отразилось и на так называемом «Собрании фабрично-заводских рабочих». Как известно, это общество было основано слугами правительства для того, чтобы отвлечь доверчивых и малосознательных рабочих от действительной социал-демократической борьбы за свои интересы. И пока правительство было сильно, общество являлось его верным союзником. Теперь и оно подняло голову; надеясь на слабость правительства, оно осмелилось заговорить о забастовке и предъявить самые ничтожные требования».

Большевистская прокламация, наоборот, ни единым словом не касается гапоновского Собрания, не высказывает своего отношения к нему и занимается полемикой с директором завода Смирновым.

Конкретных требований в прокламации совершенно нет, выдвигается только мысль, что для выработки общих требований должны собраться представители всех цехов, да высказывается угроза, что «мы обратимся ко всем петербургским

рабочим и все вместе будем дружно бороться против наших врагов-капиталистов и правительства».

Ясно, что эти прокламации не могли захватить широких слоев рабочих,— одна потому, что в ней сквозило враждебное чувство к гапоновскому Союзу, пользовавшемуся огромным авторитетом у рабочих, а другая потому, что не выдвигала никаких конкретных мер, отвечавших данному моменту на Путиловском заводе.

Только восьмого числа, т.-е. накануне самих событий, Петербургский комитет выпустил листок, в котором ясно и определенно высказывался о шествии к Зимнему дворцу и разъяснял, что не петициями, а силой вооруженного восставшего народа можно добиться выполнения своих требований.

А события между тем развивались с поразительной быстротой.

Путиловцы разослали делегатов по разным фабрикам и заводам Петербурга с предложением поддержать забастовку; 4 января путиловцы явились на Франко-Русский завод, где в тот же день рабочие, предъявив требование о сокращении рабочего дня до 8 часов, прекратили работы. На Франко-Русском заводе работало тогда 2 тысячи человек. Представители Путиловских заводов были на Металлическом заводе, в мастерских Варшавско-Венской дороги, на Семянниковском заводе, на бумагопрядильной и ниточной фабриках Штиглица и Екатерингофской бумагопрядильне, на Обуховском и Александровском вагоностроительном заводах, на фабриках Российской бумагопрядильной и резиновой мануфактуры и вообще на всех крупнейших предприятиях.

Эта мобилизация рабочих сил происходила в течение 4, 5 и 6 января[1]. Обыкновенно дело шло так: устраивалось заседание отдела гапоновского Союза в каждом районе; на это собрание являлись представители путиловских рабочих, просили о поддержке, а на утро главнейшие фабрики и заводы района уже стояли.

Так, напр., прошла забастовка за Невской заставой: 4 января состоялось собрание Невского отдела гапоновского Союза, а так как председателем Невского отдела был рабочий Николай Петров, слесарь корабельной мастерской Семянниковского завода, то забастовка была решена немедленно.

Утром 5 января, после призывных свистков, рабочие стали на работы, но вскоре один из рабочих подошел к

[1] См. уже указанные дела Истор.-революц. арх. за 1905 г., № 5 О. ю. и 4, 4-е делопр.

звонку в пароходно-механической мастерской и подал сигнал, означающий прекращение работ. После этого рабочий прошел по всем мастерским и предложил бросить работы. Завод остановился.

Таким образом, 5 января остановились: Семянниковский завод (6.500 чел.), фабрика Штиглица (4.800 чел.) и Екатерингофская бумагопрядильня.

Забастовка перекинулась на Охтенскую бумагопрядильню, Спасскую и Петровскую мануфактуру Губборда и К°, а также на Обуховский завод.

Кроме других требований, бастующие предъявляли требование 8-часового рабочего дня.

В этот же день, 5 января, депутаты путиловских рабочих—Творогов, Андриянов и Рожков, как было условлено накануне, явились в правление акционерного общества Путиловских заводов и предъявили свои требования.

Акционеры ответили, что главный вопрос о введении 8-часового рабочего дня отдельно на одном Путиловском заводе решен быть не может и что его можно разрешить только вместе с другими заводовладельцами, а что касается понижения расценок, то они заявили, будто директор Смирнов производил это понижение, не ставя в известность об этом акционеров.

В общем, хотя акционеры и шли на уступки, до чего-либо определенного все же не договорились, и с 6-го числа гапоновский Союз решил приступить к выдаче пособий по 70 коп. в сутки семейному рабочему.

Среди рабочих стали появляться соц.-демократические прокламации, но Гапон рекомендовал листков «не читать и жечь, разбрасывателей гнать и никаких политических вопросов не затрагивать»[1]. 6 числа брожение рабочих на Васильевском острове стало увеличиваться, а 7 января группа рабочих, человек в 300, из Трубочного и Балтийского заводов, остановленных по распоряжению администрации, прошла по 23-й и Косой линиям Васильевского острова и остановила работы на всех мелких фабриках и заводах.

Затем толпа, увеличившись до 1.500 чел., подошла к пироксилиновому заводу Морского ведомства в Гребном порту. Ворота были заперты, толпа требовала их отпереть, но начальник завода пригрозил стрельбой. Толпа стала ожидать,

---

[1] Истор.-революц. арх., 4-е делопр., д. № 4, ч. I, л. 19, 1905 г.

что рабочие сами прекратят работы, а в противном случае намеревалась избить рабочих пироксилинового завода.

Тогда были поставлены под ружье две роты моряков, находящиеся в заводе, и расставлены патрули [1].

7-го же числа на Васильевском острове примкнули к забастовке газовый завод и электрическая станция Смирнова, так что большинство улиц и зданий на острове погрузились во тьму.

В этот день окончательно примкнули к забастовке обуховцы и александровцы в Невском районе, и порешили забастовать конножелезные дороги.

Шестого и седьмого числа забастовал Выборгский район, при чем как здесь, так и в городских районах рабочие крупных заводов останавливали средние и мелкие предприятия, и забастовка захватила и типографии «Общественной Пользы» «Нивы» и другие.

Словом, 7 января охранное отделение, в своем докладе департаменту полиции, могло констатировать факт, что «сего числа с утра забастовали все крупные фабрики и заводы столицы, и, кроме того, прекратили работу и некоторые мелкие производства, частью самостоятельно, частью по принуждению забастовавших» [2].

Охранному отделению пришлось только констатировать факт.

И официальные правительственные органы и все наблюдатели определяли число забастовавших не менее чем в 150 т., напр., Л. Гуревич определяет число бастовавших в 140 т. челов., но их в действительности было больше, ибо забастовка уже 8 января была всеобщей [3].

---

[1] Истор.-революц. арх., 4-е делопр., д. № 4, ч. I—1905 г., л. 23

[2] Истор.-революц. арх., 4-е делопр., д № 4, ч. I, л. 24, 1905 г.

[3] В докладе министра финансов Коковцова царю о всероссийском движении, численность забастовавших рабочих и остановившихся заведений указана цифрами — 125 т. человек и 62 заведения. Но, как само собой ясно, эта цифра меньше действительной, так как министр финансов пользовался цифрами, доставленными в министерство фабричными инспекторами: 1) о заведениях, подчиненных фабричной инспекции и, 2) о крупнейших и крупных предприятиях Петербурга. В подсчет и фабричных инспекторов и полиции, которая пользовалась сведениями инспекторов, не входили многие мелкие предприятия, ремесленные заведения, хлебопекарни, прачечные, слесарные, даже типографии и т. п., что в общей сложности составляло, вероятно, больше тех 25 т. человек, которые мы прибавили к официальной цифре. Дать точную цифру, к сожалению, нельзя, так как движение было настолько стихийно и неожиданно, а главное—настолько увлекло всех, что о точных записях речи быть не могло. В известном смысле 9 января на улицах был весь трудящийся и интеллигентный Петербург.

В нашей большевистской газете по этому поводу писалось так:

«Россия не видывала еще такого гигантского взрыва классовой борьбы. Вся промышленная, торговая, общественная жизнь гигантского, полутора миллионного центра оказалась парализованной. Пролетариат на деле показывал, что им и только им держится современная цивилизация, его трудом создаются богатство и роскошь, на нем покоится вся наша «культура». Город оказался и без газет, и без освещения, и без воды. И эта всеобщая стачка носила определенно выраженный политический характер, являясь непосредственным прологом революционных событий.

«Вот как один очевидец описывает, в письме к нам, канун исторического дня».

Далее дано это письмо, из которого приводим пока несколько строк.

«С 7 января забастовка в Петербурге сделалась всеобщей: остановились не только все крупные заводы и фабрики, но и многие мастерские; сегодня, 8 января не вышло ни одной газеты, кроме «Правит. Вестника» и «Ведомостей С.-П. Градоначальства»[1].

Прежде чем, однако, перейти к описанию событий 9 января, остановимся на состоянии с.-д. организации этого времени в Петербурге.

2. СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ В ПЕТЕРБУРГЕ НАКАНУНЕ 9 ЯНВАРЯ

В письме от 7 января одного из тогдашних деятелей с.-д. большевиков в Петербурге, приводимом в № 4 «Вперед» за 1905 г., между прочим, говорится следующее:

«Только столкнувшись лицом к лицу с стачечной, стихийно выливающейся лихорадкой, охватившей с сегодняшнего дня почти все заводы, фабрики и даже мелкие мастерские, только сегодня мы можем учесть всю дезорганизованность партии. Результат ее тот, что мы, спб. организации, совершенно бессильны перед стихийным рабочим движением: стоит только выйти на улицу и посмотреть, что делается кругом, чтобы понять, до чего мы бессильны. Ведь теперь необходимы организованные рабочие собрания, необходимы подготовленные опытные ораторы, которые могли бы от попа

---

[1] «Вперед», 1905 г., № 4.

Гапона привлечь толпы рабочих к нам. А что мы можем сделать? Выпустить несколько сотен листков, которые будут буквально незаметны, послать несколько ораторов, предоставив их самим себе...».

Картина, нарисованная этим письмом, ушла не далеко от действительности.

Этого, конечно, не отрицает и меньшевистский историк партии, говоря: «Как это ни странно, но революционные организации столицы, проглядели тот рост и, вместе с ростом, то постепенное перерождение основанных Г. Гапоном легальных рабочих организаций, которое уже к началу осени 1904 года сделало их своего рода рабочими клубами, а не простыми лишь обществами взаимопомощи, какими они являлись при своем зарождении. Причиной этого частью было то, что гапоновские «отделы», в отличие от зубатовских обществ 1902—1903 гг., не взяли агрессивной политики против рабочего движения. Таким образом, события конца декабря 1904 г., когда на почве местного конфликта на Путиловском заводе, гапоновское начало открыло борьбу с союзом фабрикантов и заводчиков, застали соц.-демократию врасплох».

Оставляя под большим сомнением вопрос об отсутствии «агрессивности» гапоновского Союза, необходимо сказать, что внезапность для соц.-демократии январских событий объясняется в сильной степени состоянием самой организации.

После второго съезда в Петербурге существовал единый с.-д. комитет. До известной степени разногласия, возникшие на съезде, не мешали работе комитета. Но чем дальше углублялись эти разногласия, чем больше жизнь подтверждала правильность большевистской тактики, тем и на местах, в особенности в Петербурге, становилось труднее работать в одной и той же организации большевикам и меньшевикам.

Эти трудности возросли до чрезвычайности, когда меньшевистский и большевистский центры должны были приложить свои теоретические положения к текущей действительности; когда же Святополк-Мирский объявил свою «весну» и соц.-демократия должна была выявить свое отношение к начавшемуся либерально-буржуазному движению, то глубокая пропасть во взглядах меньшевиков и большевиков на роль пролетариата и буржуазии в революции обнаружилась тотчас же в их тактике.

Меньшевики выступили с планом использовать это буржуазное движение, посылая на буржуазные банкеты с.-д.

ораторов, которые там выявляли бы свою точку зрения, а большевики ответили на этот оппортунистический план беспощадной критикой и призывами к рабочим выходить на улицу, и, путем своих рабочих манифестаций и демонстраций, начать действительную борьбу с самодержавием, не плетясь таким образом, как меньшевики, в хвосте буржуазии[1].

Пока в Петербурге дело не доходило до открытого выступления рабочих, совместная работа меньшевиков и большевиков еще кое-как шла; но, когда большевистская часть Петербургского комитета поставила в октябре вопрос о демонстрации, непримиримость двух тактик дала себя чувствовать и окончательно дезорганизовала работу.

История этой неудачной демонстрации 28 ноября, когда кучку интеллигенции казаки буквально превратили в рубленое мясо, очень показательна.

Вопрос о демонстрации решался на заседании комитета.

Демонстрации требовали организованные рабочие, и, так как некоторая часть горячих с.-д. торопила с этим делом, то необходимо было выявить свое отношение к этому вопросу.

В начале ноября появился листок одной студенческой с.-д. организации с призывом итти на демонстрацию 14 ноября; комитет обсудил создавшееся положение и постановил назначить демонстрацию на 21 ноября, оттягивая ее для того, чтобы лучше подготовить рабочие районы. Для проведения в жизнь выбрали особую комиссию, которая и должна была организовать демонстрацию; предполагалось выпустить три прокламации—две агитационных и одну призывную.

За три дня до демонстрации состоялось заседание комитета, на котором случайно в большинстве оказались меньшевики, так как три члена комитета—большевики—не присутствовали, заранее не извещенные об этом заседании.

Постановление комитета гласило: демонстрацию отложить, а листки уничтожить. Постановление проводится в жизнь, и охранное отделение с чувством глубокого удовлетворения в своем обзоре деятельности комитета констатирует: «Этой розныю объясняется колебание, которое проявил местный комитет, состоявший из представителей той и другой фракции, при выборе дня демонстрации: первоначаль-

---

[1] См. брошюру Ленина «Земский план и кампания «Искры» 1904 г. и «Вперед» за 1905 г., а также воспоминания т. Н. Дорошенко: «Роль социал-демократической большевистской организации в январских событиях 1905 г.», «Кр. Лет.» № 3 (14) за 1925 г.

но демонстрация предполагалась 7 ноября, затем 14 и, наконец, 28 ноября.

«Насколько сильны были колебания, видно из того, что еще 26 ноября, т. е. за день до демонстрации, в квартире студента С.-Петербургского университета Константина Александрова Масленникова было сожжено до 8 тысяч призывных прокламаций, а затем, когда в тот же день вечером окончательно была решена демонстрация, оставшиеся листки были распространены учащейся молодежью. На заводах эти листки не появлялись»[1].

Не надо при этом думать, что это только «мутное» охранное свидетельство: факт сожжения прокламаций подтверждается и членом комитета в письме, напечатанном в первом номере «Вперед». Расхождение есть только в одном: автор письма называет цифру сожженных листков в 12 т.[2].

Почти накануне демонстрации созывается экстренное заседание комитета, на котором уже присутствуют и те три члена комитета, которые не были на предыдущем заседании, ибо их просто тогда не известили. Вопрос пересматривается, и, после долгой борьбы с меньшевиками, демонстрация назначается окончательно, но тогда уже всем было ясно, что демонстрация провалится. Да и как она могла удатстя, если листки были сожжены, если рабочие их не видели и если один из членов-меньшевиков заявил: «не все рабочие достаточно развиты для того, чтобы сознательно принять участие в демонстрации!»

Борьба в центре, в комитете, конечно отражалась и в районах.

Дело в том, что к концу 1904 года единой с.-д. организации в Петербурге уже не было: так как в комитете преобладали большевики, неугодные меньшевистскому центру, то ЦК РС-ДРП предложил Петербургскому комитету распустить себя. Комитет отказался сделать это. Тогда образовалась самостоятельная меньшевистская организация под названием «Группа рабочих соц.-демократов». В самом же конце года образовалась и третья группа, болотная, стоявшая между этими двумя и пытавшаяся примирить два крайние

---

[1] Истор.-революц. арх. Особ. отд., д. № 5, ч. I, л. А, 1905 г. Записка охр. отд.

[2] «Вперед», № 1—1905 г., ст. «Пора кончить», в отд. «Из партии», а также «Пролет. Revol.» за 1924 г., № 11(34), ст. «К расколу партии». Здесь количество уничтоженных большевистских листков исчисляется в 17 тысяч. См. также в вышеназв. воспом. Н. Дорошенко.

течения. Она носила название: «С.-Петербургская группа ЦК РС-ДРП», или «С.-Петербургская группа при ЦК», как она иногда называла себя.

Из действовавших в то время меньшевиков документы истор.-революц. архива называют следующих лиц: студенты инст. инж. путей сообщения Николая Николаевича Соколова, студента технологического института Александра Афанасьевича Сухова, слесаря Александра Павловича Шакера, наборщика Ивана Николаевича Дементьева и библиотекаря политехнического института Александра Евлампиевича Плотникова.

Соколов, бывший член комитета, работал на Выборгской стороне, Сухов—за Невской заставой, Шарек—на Петербургской стороне, а Плотников и Дементьев—в Городском районе.

Афанасия Александровна Кудрявцева или «Евгения Николаевна», слушательница вечерних женских курсов, быв. студент Юрьевского университета Николай Александрович Волжин и Дымшиц считались пропагандистами этой группы раб. соц.-демократов. В этой группе был переплетчик Григорий Леонидович Мазурин, имевший отношение к технике.

В большевистском комитете работали большевики—нелегальные «Лев Львович», живший по паспорту крестьянина Могилевской губ. Михаила Моисеевича Кугаева, и «Петр Порфирьевич». «Лев Львович» считался ответственным организатором сначала Городского района, а затем, повидимому, и всей организации. Студент Александр Львович Харик был сначала организатором Городского района, а затем Невского; на Выборгской стороне организатором была медичка Ольга Михайловна Генкина. Студент Петербургского унив. Николай Васильевич Дорошенко исполнял функции ответственного пропагандиста комитета. Упоминается еще и агитатор Юлия Ивановна Жилевич.

Из рабочих большевиков выделялись: обуховец Василий Кузьмич Кузьмичев, Александр Иванович Булыгин, Петр Иванович Константинов, Иван Васильевич Карпов, Василий Степанович Макаров, Дмитрий Никитич Вересов, Василий Игнатьевич Синица и Яков Филиппович Филиппов.

К большевистской же организации примыкали, повидимому, и рабочие Трубочного завода на Васильевском острове: Павел Евгеньевич Хариузов, Михаил Иванович Выборнов, Иван Петрович Тинаков, Василий Фаддеевич Швецов, Семен Игнатьевич и Иван Игнатьевич Германовичи, Степан Денисо-

вич Денисов и Александр Петрович Набоков, организатор Городского района, а также рабочий зеркальной фабрики Антон Францевич Панько.

Руководящую роль из большевиков в те времена в Петербургской организации играли: С. И. Гусев, Р. С. Землячка, А. А. Богданов, П. П. Румянцев. Из протоколов Петербургского комитета большевиков, относящихся как раз к этому времени (неудавшейся ноябрьской демонстрации 1904 г.), видно, что в Петербурге находились далеко незаурядные члены большевистской партии—Е. Д. Стасова, Голубева, М. М. Эссен («Зверь»), Доссер («Леший») и другие. Здесь были не только члены ПК, но и члены ЦК, как А. А. Богданов, одни из лучших большевистских организаторов, как С. И. Гусев, Е. Д. Стасова и др.[1].

К С.-Петербургской группе ЦК РС-ДРП относились: студент Петербургского университета Александр Васильевич Коробов, студент Павел Степанович Радецкий, студ. Дмитрий Захарьевич Мануильский, Павел Николаевич Смолянский.

Само собой разумеется, что перечисленными лицами не исчерпывались члены названных трех организаций (установлением состава организаций мы займемся впоследствии[2] и мы привели эти сведения, почерпнутые из архивов деп. полиции, только для того, чтобы пояснить некоторые факты из жизни Петербургской организации, к изложению которых и переходим.

Каждая из трех центральных групп вела свою самостоятельную работу, имела технику, издавала листки и, без сомнения, старалась привлечь на свою сторону рабочих: так, «С.-Петербургская группа при ЦК РС-ДРП» издала листок «Кого судить», также листок, о коем мы упоминали уже по поводу Путиловской стачки; «Группа рабочих социал-демократов» издала листок «Падение Порт-Артура»; комитет также издавал свои листки.

Борьба за рабочих между этими группами велась ожесточенная.

Происходили собрания, где выступали со своими платформами представители фракций перед рабочими.

---

[1] См. «Пролет. Револ.» за 1924 г., № 11 (34), «К расколу партии», примеч. редакции, стр. 46.

[2] Факт разделения Петербургской с.-д. организации на 3 группы устанавливается не только охранным документом (Ос. отд. д. № 5, ч. I, л. А, Записка охр. отд.), но и показаниями членов комитета, как это мы увидим далее.

В декабре, напр., когда рабочие Петербурга, под влиянием агитации, которую вел центральный кружок гапоновского Союза, уже вырабатывали основные положения своих требований, именно 19 числа, за Невской заставой такой словесный бой произошел между большевиком «Львом Львовичем» и меньшевиком. В результате часть рабочих перешла к большевикам.

Такой же переход рабочих на сторону большевиков произошел на Васильевском острове после дискуссионного собрания того же 19 декабря, когда от большевиков выступали «Петр Порфирьевич», а от меньшевиков Дементьев и Шарек.

На этих собраниях присутствовали все вышеперечисленные рабочие.

К каким приемам прибегали противники в своей борьбе, видно хотя бы из письма члена комитета в № 1 «Вперед»: «В одном районе,—говорит автор письма, рабочий,—в последние 5—6 месяцев представителем был «меньшевик». Благодаря оторванности от общей работы, этот район страшно ослаб. Вместо прежних 15—20 кружков, теперь с трудом насчитывается 4—5. Рабочие недовольны таким положением дел, и их представитель старается использовать это недовольство против «большинства», восстановляя на этой почве рабочих против комитета».

Насколько успешна была эта борьба меньшевиков, видно хотя бы из того, что даже охранка в своем докладе о состоянии петербургской организации должна была признать: «В настоящее время многие рабочие Васильевского района, который почти весь был на стороне «меньшинства», переходят к «большинству»[1].

Такое хаотическое состояние организации подтверждается и еще одним документальным источником—письмом к тов. Ленину от нелегального, подписывавшегося кличкой «Нация».

Правда, только после событий 9 января, этот товарищ писал о борьбе трех упомянутых выше с.-д. организаций Петербурга[2]. «На этой почве (т.-е. на почве разногласий. *В.Н.*) возникают группки и кружки—«внефракционные», «сторонники положительной работы» и т. п. И замечательная вещь—всякая такая попытка ставит эти кружки и группочки

---

[1] Истор.-революц. арх. Особ. отд. д. № 5, ч. I, л. А, 1905 г.

[2] Там же. Перлюстрированное письмо к тов. Ленину из Петербурга. Эти письма опубликованы нами в № 3 «Пролет. Револ.». Автор писем за подписью «Нация»—С. И. Гусев (Драбкин).

в необыкновенно фальшивое, лицемерное или попросту глупейшее положение. Одна группа отказывается печатать листки с подписью «Бюро комитетов большинства» (фракционная подпись), но печатают листки с подписью «Группа ЦК», и когда им указывают, что это тоже фракционный ведь листок, то они отвечают: из подписи этого не видно. А свои собственные листки они подписывают: РС-ДРП. Другая группа, в которую входят и рабочие, готова работать под руководством комитета, но непременно хочет сохранить свою техническую и организационную самостоятельность. Получается нечто нелепое, путанное; в конце-концов они и сами не могут определить, чего хотят».

Тяжелое положение Петербургской соц.-демократической организации подтверждают и меньшевики, члены «Петербургской группы при ЦК РС-ДРП». Так, С. Сомов в своих воспоминаниях называет свою меньшевистскую группу «главой социал-демократического пропагандистского общества», не имевшего никакого влияния на действительный ход широкого массового рабочего движения. Вместе с тем он не скупится и на отрицательную характеристику Петербургского комитета, состоявшего из большевиков и меньшевиков [1]. Во главе всей организации стоял Петербургский комитет РС-ДРП [2]. Город был разделен на районы: Городской, Петербургская сторона, Василеостровский, Выборгский, Невский и Нарвский с Московской заставой. В каждом из районов руководил работой ответственный организатор, входивший от района в ПК; под его руководством находились районные пропагандисты и агитаторы. Руководителем и объединителем работы всей организации и всех организаторов был секретарь ПК в то время т. С. И. Гусев («Нация»).

Вследствие множества причин: необыкновенно тяжелых условий работы, отсутствия достаточного числа хороших ор-

[1] См. Сомов. «Из истории соц.-демократического движения в Петербурге в 1905 году». «Былое» за 1907 год, № 4 (16) апрель, стр. 22—30.

[2] Точный состав его определить не удалось. В примечаниях редакции «Пролет. Револ.» за 1924 г. № 11(34), стр. 46, к протоколам Петерб. ком. за ноябрь 1904 г. также нет определенных указаний на этот счет— расшифрованы некоторые клички и инициалы, но состав ПК не указан. Во всяком случае, точно известно, что он состоял из большевиков и меньшевиков и что руководящая роль среди комитетчиков-большевиков принадлежала т. С. И. Гусеву. Т. Дорошенко в своих воспоминаниях называет состав ПК на одном из заседаний из следующих лиц: А. А. Богданова, С. И. Гусев, П. П. Румянцев, П. И. Квита, Л. Л. Лившиц, А. Л. Харик, Р. С. Землячка, Г. Т Смиттен и Н. Дорошенко. («Кр. Лет.» № 3 (14) за 1925 г.).

ганизаторов и, главным образом, того, что комитет и районные организации состояли из двух враждующих групп — большевиков и меньшевиков, — и комитет, и районные организации, и меньшевистская группа ЦК были оторваны от широкой рабочей массы. Организация охватывала буквально ничтожное число рабочих. Вот что по этому поводу пишет меньшевик С. Сомов: «Правильно функционировавшие организации оказались лишь в Нарвском районе, на Петербургской стороне и отчасти на Васильевском острове. Да и в них организованность следует понимать с значительными оговорками. В Нарвском районе, напр., с его 30.000 рабочих, вся соц.-демократическая организация состояла из 6—7 кружков рабочих Путиловского вагоностроительного завода, из которых в каждом было 5—6 рабочих, при чем работа велась по стародавним приемам с продолжительными занятиями по политической экономии и по первобытной культуре» [1].

Если даже принять, что во всех районах организация стояла на такой высоте, как в Нарвском, то и тогда число организованных рабочих было ничтожно мало: шесть районов, в каждом максимум шесть кружков, в каждом кружке по шести человек, итого 6×6×6 = 216 чел. С организаторами, пропагандистами-агитаторами, техниками и прочими работниками вся Петербургская организация насчитывала максимум 500 чел. Допустим, что и у меньшевиков и у большевиков было по 500 человек (что абсолютно невероятно, так как организация сначала была объединенная), то и тогда Петербургская организация включала не более тысячи человек, а это едва-едва доходило до ½% всех рабочих, если считать, что их в Петербурге было только двести тысяч. Что в действительности членов в организации было меньше, об этом свидетельствуют протоколы ПК за ноябрь 1904 года. Здесь число организованных рабочих определяется от 550 до 700 человек [2]. Если прибавить к этому числу неучтенных в протоколах рабочих Выборгской стороны и Васильевского острова и весь остальной аппарат ПК, то и выйдет число всех членов Петербургской организации до 1.000 человек максимум [3].

---

[1] С. Сомов. «Былое» за 1904 г., № 4 (16), апр., стр. 25.

[2] «Пролет. Револ.» за 1924 г., № 11 (34), стр. 55. Меньшевики определяют число организованных в 550 ч., с поправкой большевиков выходит человек 700.

[3] О такой же слабости и отсутствии связи с рабочими, напр., в Городском районе у большевиков говорит и большевик Н. Дорошенко («Кр. Лет.», № 3 (14) за 1925 г., стр. 212).

А гапоновская организация уже в ноябре 1904 г. насчитывала 6 т. человек, при чем все эти члены «Общества» были связаны с самой толщей рабочего класса Петербурга, жили ее жизнью, знали ее, словом—были связаны неразрывными узами с самыми широкими слоями трудящихся.

Если принять, кроме того, во внимание, что налицо была еще одна сильная рабочая организация, именно центральный кружок гапоновского Союза, то станет понятным, что движение петербургского пролетариата, огромное и стихийное, при таком организационном хаосе, какой царил в петербургском подполье, перелилось через все комитеты, группы и группочки, и руководителем, правда—на один момент 9 января, вождем и кумиром рабочих масс стал священник Гапон, человек весьма темного политического прошлого.

Правда, уже на другой день после 9 января рабочие пошли не по той дороге, какую им указывал Гапон, а по пути, на какой их звала социал-демократия, но факт остается фактом: накануне 9 и в самый день 9 января социал-демократия не была руководительницей пролетарского движения в Петербурге.

До какой степени дезорганизации доходило дело в Петербурге 9-го видно хотя бы из письма Н. К. Крупской от 5 января 1905 года, обращенного к одному из товарищей Пет. ком.

«А где же прокламации,—пишет тов. Крупская,—которыми комитет сулился засыпать весь город? Мы их не получаем. Также нет совсем корреспонденций. Из иностранных газет узнали, что на Путиловском заводе стачка. Есть ли у нас там связи? Неужели не удастся раздобыть сведений о стачке? Надо бы только поскорее... Приложите все усилия организовать писание корреспонденций самими рабочими»[1].

Начиналось одно из величайших движений пролетариата, уже шла борьба передового отряда его—путиловцев с капиталистами, а центр за границей узнавал об этих столкновениях из иностранных газет, так как большевистский комитет в Петербурге должен был почти целиком отдаться борьбе с меньшевистскими соглашательскими организациями[2].

---

[1] Истор.-революц. арх., Особ. отд., д. № 5, ч. I, л. А, 1905 г.

[2] Непонятно поэтому, как можно оспаривать эти факты слабости нашей с.-д. организации и силы гапоновского Союза, что, напр., делает т. Н. Дорошенко, впадая в явное противоречие (см. «Кр. Лет.» № 3 (14) за 1925 г., стр. 211 и 214).

3. РАБОЧИЕ РАЙОНЫ НАКАНУНЕ 9 ЯНВАРЯ. УЧАСТИЕ В ДВИЖЕНИИ СОЦ.-ДЕМОКРАТОВ. СОЦ.-РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ. ЛИБЕРАЛЫ. ПРИГОТОВЛЕНИЕ ВЛАСТЕЙ

7 и 8 января Гапон написал свои известные письма царю и Святополк-Мирскому, а при личном свидании с министром юстиции убеждал его принять меры к предотвращению столкновений рабочих с войсками.

В письмах Гапона ясно и определенно говорилось о готовящемся шествии ко дворцу. Но как появилась сама мысль об этом шествии?

И. Павлов рассказывает об этом так: «Мысль итти к царю принадлежит самому Гапону. От кого-то из штабных, задолго до 9 января, может быть за год, я слыхал, что в разговоре, при обсуждении средств, которыми можно было бы достигнуть намечаемых рабочими целей, Гапон между прочим сказал, что, если бы обстоятельства могли сложиться таким образом, чтобы депутация от рабочих могла явиться непосредственно к царю, то, принимая во внимание психологию момента, таким шагом можно было бы достигнуть многого. Тогда поговорили, поспорили о целесообразности такого шага и оставили эту мысль. Но как раз эта мысль кому-то вспомнилась теперь. У Гапона же с тех пор, очевидно, произошли изменения во взглядах на тактику. Теперь он отнесся к этой мысли отрицательно, находя, что положение с тех пор совершенно изменилось и такой шаг в настоящее время, по его мнению, должен считаться безрассудным. Но оказалось, что штабные, до сих пор продолжавшие еще не вполне доверять ему, видя как он решительно восстал против мысли итти к царю, и, увлеченные общим массовым настроением, также высказались за эту мысль. Между штабными и Гапоном произошел резкий обмен мнений, ему сказали, что теперь именно наступил предсказанный им самим момент, когда пролетариат должен выступить во всеоружии своих требований, хотя бы в форме непосредственного обращения к царю, и что он должен совершиться или теперь или никогда. Страсти у руководителей «Собрания, с одной стороны и у Гапона, с другой, жестоко разгорелись, и Гапон сдался».

Думается, что даже в этом замечательном моменте событий 9 января—хождение к царю, в этой мысли, принадлежащей Гапону, пришедшей ему в голову, по словам Павлова, за год до 9 января 1905 г., видна рука Зубатова. Если верно, что мысль о депутации к царю была в голове Гапона

в конце 1903 г. или в начале 1904 г., то невольно напрашивается сопоставление с тем шествием московских рабочих к памятнику Александра II, которое устроил Зубатов. В 1903 и 1904 гг. связи Зубатова с Гапоном были так прочны, что слава московского охранника витала перед глазами честолюбивого священника.

Как это видно из только-что сказанного, Гапон и штабные разошлись вначале в вопросе о том, как повести создавшееся и все ростущее движение рабочих: итти ли на Дворцовую площадь, или ограничиться обычной формой забастовки. Штабные, т. е. руководящий центр, руководящая группа рабочих, победила. Да иначе и быть не могло. Так должно было это произойти потому, что настоящими организаторами и руководителями масс являлись именно штабные, именно старые рабочие (с небольшой группой энергичных и молодых товарищей), опытные, бывшие революционеры, по тем или иным соображениям примкнувшие к организации Гапона. Как это видно из всех воспоминаний, да и из официальных документов, именно эти руководители рабочие собирали, спаивали массы вокруг отделов Общества, старались вести за собой массы и руководить ими в их повседневной борьбе. Еще задолго до январских событий 1905 г. и до путиловской забастовки члены возникающего Общества старались так или иначе руководить борьбой рабочих и повлиять на органы власти. В докладе старшего фабричного инспектора С.-Петербургской губернии имеется интересное место, уясняющее, хотя и косвенно, эту роль руководящей группы Общества. Сказав о том, что в 1903 году было устроено много забастовок, которые, повидимому, получали какое-то единое руководство, Чижов продолжает: «С весны 1904 г. к чинам фабричной инспекции стали поступать анонимные заявления, написанные в том же духе, как и перед забастовками 1903 года.

«Лето прошло спокойно.

«С осени 1904 года число анонимок увеличилось, они приходили от рабочих разных районов г. С.-Петербурга, причем замечалось, что они начинали появляться из тех округов, в которых открывались союзы так называемых «гапоновцев». Сущность их сводилась к жалобам на кого-либо из мелких представителей фабричной инспекции, на тяжесть штрафов и на несоблюдение закона о продолжительности рабочего времени.

«Расследование показывало обыкновенно, что жалобы несправедливы.

«Все это вместе, а также по большей части одинаковый слог и почерк жалоб заставляли думать, что они пишутся не самими рабочими, а кем-то другим, посторонним данной фабрике»[1].

Что же это были за посторонние?

Это, вне сомнения, были руководители гапоновских отделов. Это не могли быть зубатовцы, ушаковцы, так как руководящая группа рабочих Общества заставила Гапона порвать с ушаковцами и зубатовцами. С первыми Гапон порвал решительно и определенно; что же касается его связей с охранкой и властями вообще, то он старался во всяком случае показать, что эти связи он имеет настолько, насколько это необходимо и вызывается обстоятельствами и пользой того дела, во имя которого он действует.

Во всяком случае, авторами анонимок и руководителями забастовок, о которых говорит инспектор Чижов, были члены гапоновского Общества.

В высшей степени важно то обстоятельство, что инспектор С. Чижов, правда,—уже после событий, называет ходатайства и анонимки рабочих петициями. Описывая деятельность Гапона в одной из своих записок, он выражается так: «Но, видя, что масса рабочих, хотя и сознает, что для улучшения своего быта ей нужно что-то сделать, колеблется между, хотя и медленным, но верным путем, заключающимся в стремлении к достижению своей цели законными средствами, т. е. выяснением своих пожеланий и доведением о них до сведения кого следует при посредстве петиций, и путем быстрого и решительного заявления фабрикантам о том же от имени тысяч рабочих, хотя и не сплоченных и в большинстве не отдающих себе строгого отчета, что именно сейчас для них особенно необходимо, свящ. Гапон вынужден был перейти к активной деятельности»[2].

Неважно, что Чижов ставит здесь во главу движения Гапона; важно, что он называет здесь все эти заявления рабочих, все эти «анонимки», ходатайства—«петициями», приписывает гапоновцам мысль о воздействии на власть при посредстве таких петиций.

---

[1] См. приложение:—доклад инспектора Чижова.

[2] См. доклад Чижова уже цитированный неоднократно в деле Истор.-революц. арх.

А мы видели, что таких «петиций» рабочие посылали в 1904 г. начальству очень много и что авторами, вдохновителями их были повсюду одни и те же лица, они исходили из одного какого-то центра.

Напрашивается сама собою мысль, что, если в голове Гапона идея о хождении к царю могла явиться под влиянием опыта Зубатова, то масса рабочих была подготовлена к этой идее той практикой, какую, независимо от Гапона, проделывали с маленькими «петициями»,—прообраз которых следует видеть в «анонимках» Чижова,—руководители отделов Общества, сами рабочие, вышедшие из рабочей среды, хорошо ее знавшие и понимавшие.

Такое истолкование просто и понятно объясняет то сочувствие, какое встретила в огромной массе пролетариата предложенная Обществом форма воздействия на власть. Иначе непонятно это быстрое, как бы повальное, увлечение этой формой, одобрение ее массой.

Правда, мысль о хождении к царю для рабочих и в старину была не чужда: вспомним забастовку на Новой бумагопрядильне в конце 40-х годов. Традиции очень долговечны. Но с того времени прошло уже тридцать с лишним лет, и нужно было, чтобы кто-нибудь оживил эту мысль и преподнес ее в новой, реформированной оболочке. Это и сделали руководители Общества.

Так это или не так, но во всяком случае уже 4 января, Гапон, на одном из многолюднейших рабочих собраний, бросил в рабочие массы мысль, что в случае, если требования рабочих не будут удовлетворены, то нужно итти к самому царю. Мысль эта быстро разнеслась по всему рабочему Петербургу—и рабочие районы закипели.

К счастью, остались многочисленные описания свидетелей и участников январских событий, так что картину того, что происходило накануне в предместьях столицы, можно восстановить полностью.

7 числа весь Петербург бастовал, но еще задолго до этого союзные отделы кипели, как муравейники.

С раннего утра и до поздней ночи в этих отделах толпились рабочие—мужчины и женщины, старики и дети. Массы народа не помещались в зданиях, тысячные толпы стояли на улицах. Внутри помещений руководители собраний читали петицию, разъясняли ее рабочим. Когда одна толпа, наполнявшая зал, выслушивала петицию и объяснения, какие давались ораторами, и выходила, ее сменяла другая, чтобы затем

уйти, дав место третьей, и так, иногда в течение круглых суток. Рабочие слушали, хором выражали свое согласие с теми требованиями, какие читались ораторами, вносили поправки и дополнения, и с каждым часом их настроение становилось все сознательнее, левее и решительнее.

Массы рабочих были настолько велики, что иногда приходилось ораторам говорить прямо из открытых окон в ночной темноте; иногда, как это было в отделе на Петербургской стороне, в здание по лестнице все время шла одна толпа, а из здания ей навстречу другая.

В эти дни Гапон пользовался невиданным, колоссальным авторитетом среди серой массы петербургских рабочих.

Его слушали, как пророка, по одному его слову готовы были умереть сотни тысяч людей: священническая ряса и крест были тем магнитом, за которым тянулись эти сотни тысяч измученных людей.

Гапон с утра до вечера в эти дни переезжал из района в район и всюду говорил.

Его страстные, горячие речи наэлектризовывали толпу, и она в каком-то благоговейном экстазе повторяла за ним: «К царю».

Приведем несколько отрывков из писем участников и из статьи Л. Гуревич, чтобы словами самих очевидцев, кипевших в море движения, нарисовать картину жизни районов:

«Гапон лично объехал все отделы[1]. Он говорил с возростающим возбуждением и страстью, все более и более поднимая настроение толпы. Он надорвал себе голос, еле держался на ногах, но продолжал ездить и говорить до последнего часа — до позднего вечера 8 января. Повидимому, речи его не везде были одинаковы по тону—быть может, в зависимости от степени подготовки толпы. В некоторых отделах он говорил спокойно, сообщая толпе уверенность в успехе. В других—он уже разбрасывал слова о возможности неуспеха, о предстоящих опасностях, о том, что царь может отказаться принять и выслушать народ свой. Эти речи он кончает словами: «и тогда у нас нет царя». «И тогда у нас нет царя»,—как эхо, откликалась толпа. «Все умрем. Клянемся стоять все до одного. Батюшка, благословляем тебя на подвиг, веди нас». «Все были в восторженном состоянии,— рассказывают свидетели.—«Многие плакали, топали ногами,

[1] Л. Гуревич, стр. 203.

стучали стульями, колотили кулаками в стены и, поднимая руки вверх, клялись стоять до конца».

«Один рабочий пишет: «Все говорили: пойдем к отцу и скажем ему, как мучают нас наши обдиралы. Скажем ему: отец прими нас, мы пришли к тебе, помоги нам, т. е. детям твоим; мы знаем, ты рад жизнь отдать за нас и только живешь для нас, но ты ничего не знаешь, как бьют и мучают нас, как мы голодаем, как всегда измучены и притом невежественны, подобны скотам, почти-что все неграмотны. Ожидали все получить, это все, что говорили, и притом говоря так: ведь и в Евангелии сказано, что отец принял блудного сына, а ведь мы не блудные, мы все стараемся, убиваемся и притом сидим голодные».

«Речи Гапона и других ораторов о бесправном положении рабочих, об их страданиях производили на толпу потрясающее впечатление, многие плакали, и все с отчаянием в ночной темноте во время одной из речей Гапона повторяли: «Помрем на площади».

«Вечером, при свете уходящих вдаль тускло мерцающих фонарей, виднелось у помещения отделов море человеческих голов. На улице, в отдельных группах, слышались разговоры о войне, о тягостных ее последствиях для народа, о всеобщей забастовке. Иногда какой-нибудь вопрос, связанный с петицией и обсуждавшийся в зале отделов, выносился на улицу. Ораторы взбирались на какую-нибудь импровизированную трибуну, вроде опрокинутой бочки, и говорили толпе. В некоторых отделах петиция читалась народу из открытого окна собрания, и народ слушал ее благоговейно, «как в церкви». Многие, несмотря на мороз, стояли без шапок. Недостаточно понятные места петиции вновь и вновь толковались, каждый отдельный пункт ее вновь и вновь ставился на баллотировку. Толпа выражала свое сочувствие криками и далеко уносящимся гулом голосов. Иногда она повторяла в знак сочувствия последние слова оратора, подхватывала их, как хор подхватывает запевалу...

«Все недоразумения между фабрикантами и рабочими должны решать представители от фабрикантов и рабочих поровну»,—говорит оратор,—и толпа откликается: «поровну, поровну». «Чем так жить, не лучше ли нам пойти в могилу»,—заканчивает свою речь оратор—и толпа отвечает ему: «лучше в могилу, в могилу». «Когда чтение петиции было закончено,—пишет один очевидец с Васильевского острова,—председатель задал рабочим вопрос: «Что, товарищи, если госу-

дарь нас не примет и не захочет прочесть нашей петиции,— чем мы ответим на это?» Тогда точно из одной груди вырвался могучий потрясающий крик: «Нет тогда у нас царя!»—И, как эхо, повторилось со всех концов: «Нет царя... Нет царя»... И в тот момент послышались возгласы: «Долой самодержавие». Толпа не поддержала их».

Эта картина, нарисованная Л. Гуревич на основании слов живых свидетелей, подтверждается положительно всеми наблюдателями и участниками событий.

Вот, что, например, пишет корреспондент-большевик в газету «Вперед» о собраниях 6 января за Невской заставой: «Возбуждение страшное. Оратор-рабочий чуть ли не в десятый раз читает петицию перед все сменяющимися рядами слушателей (зал собраний вмещает до 700 человек и весь он битком набит) и обращается все с теми же вопросами: «Смеют ли полиция и солдаты не пустить нас, товарищи?» «Не смеют»,—гремит ему в ответ гул 700 голосов. «Товарищи,—продолжает оратор,—лучше умереть нам за наши требования, чем жить так, как мы жили до сих пор».— «Умрем»—несется ответ.—«Все ли клянетесь умереть?»—«Клянемся».—«Кто клянется, пусть поднимет руку». Сотни рук дружно поднимаются в воздухе.—«Товарищи, а что тем, кто клянется умереть сегодня, а завтра струсит и не пойдет с нами?» «Проклятие», гремит толпа»[1].

В письме от 8 января, помещенном в «Искре», корреспондент пишет: «100.000 рабочих забастовали. Газеты не выходят. На улицах толпятся рабочие, хотят остановить фабрики. Собираются, говорят и т. д. Громадные собрания с попом Гапоном, который фанатизирует толпу...».

В том же номере «Искры» (№ 84) член С.-Петербургской группы при ЦК РС-ДРП пишет: «Суббота (вечер 8 января). На улицах толпы рабочих. Полиции тьма-тьмущая. Повсюду, где рабочие, там и полиция, но еще столкновений не было. Настроение среди рабочих мирное, и они этим гордятся. Мирное—не в смысле понижения требований, а в смысле отсутствия бурных проявлений».

Вот еще отрывок из письма, приведенного в № 58 «Революционной России». Описывается собрание 8 января за Невской заставой:

«Сначала мы не могли войти и стали ожидать выхода толпы. С 8 часов утра до 10 часов вечера происходили

---

[1] «Вперед», № 4, 1905 г.

часовые заседания. Присутствовавшие в одном из них рабочие выходили, чтобы дать место другим. Все это спокойно, без шума и толкотни. Наконец мы вошли; нас пропустили в первые ряды. На небольшой эстраде было несколько человек рабочих и одна работница. Председатель звонит, и все стихает. Тогда один из рабочих объявляет, что будут прочитаны письма Гапона и что каждый параграф будет поясняться. Работница встает и начинает читать, рабочий комментирует. Он делает это в самых простых словах, без фраз, чтобы быть понятным для слушателей. После каждого пункта спрашивает: «Верно, товарищи?» На что все отвечают: «Верно». По окончании чтения все клянутся добиться свободы или умереть. Это производит большое впечатление. При выходе производится сбор в пользу стачечников».

Итак, в течение 6, 7 и 8 января на улицах петербургских предместий происходило небывалое дотоле движение: сотни тысяч рабочих всколыхнулись и шли за внезапно, казалось, появившимся «вождем» в священнической рясе.

Что же делала революционная организация, как она отнеслась к этому движению, что, наконец, она могла сделать в тот момент, когда ее собственные ряды раздирали раздоры?

Меньшевики потом пытались задним числом доказать, что их «С.-Петербургская группа при ЦК» играла большую роль в движении; по крайней мере, эта мысль сквозит в отчете, напечатанном в № 86 «Искры»[1].

Но если проанализировать письма людей, непосредственно участвовавших в событиях, то придется согласиться, что руководство движением в руках соц.-демократии не было.

Большевики имели мужество сознаться в этом, чтобы сделать надлежащие выводы из своих ошибок.

«Руководство движением,—пишет один из очевидцев-большевиков по этому поводу,—находится до сих пор в руках зубатовцев. Мы наблюдаем невиданную в Петебурге картину, и сердце сжимается страхом перед неизвестностью, окажется ли соц.-демократическая организация в состоянии взять хотя через некоторое время движение в свои руки. Положение крайне серьезное...» («Вперед», № 4).

Это же подтверждает и т. Дорошенко. 7 января на совещании ПК еще были убеждены, что петербургский про-

---

[1] Впрочем, есть некоторые основания предполагать (об этом будет сказано ниже), что меньшевики принимали некоторое участие даже в составлении петиции.

летариат не выступить. «Общее впечатление,—говорит Дорошенко, — было таково, что собрание как-то не представляет себе вероятным, что шествие ко дворцу состоится»[1].

Но, быть может, лучшим доказательством того, как умели большевики безбоязненно смотреть правде в глаза, служат слова Ленина, выразившегося о роли соц.-демократии в январские дни весьма ясно и определенно. В своем очерке событий в № 4 «Вперед» он прямо говорит, что в январские дни 1905 г. историю творили массы без соц.-демократии.

Но было бы, конечно, неправильным предполагать, что соц.-демократы не принимали участия в движении. Наоборот, несмотря на разногласия, они попытались в эти великие моменты действовать сообща и так или иначе взять движение хотя в некоторых местах в свои руки.

В тех районах, где нелегальная с.-д. организация была сильна и где рабочие были наиболее сознательны, там, если соц.-демократам и не удалось взять движения в свои руки, то они добились, по крайней мере, одного: с ними считались, а по мере того, как движение принимало массовый характер соц.-демократы получили доступ к толпе независимо от гапоновской организации, с соц.-демократами уже прямо советовались, к ним обращались и приглашали их на заседания.

Так было особенно в двух районах, где были сильны соц.-демократы: в Невском и на Васильевском острове.

В других районах, особенно в начале движения, даже рабочих соц.-демократов на собраниях не слушали, а интеллигентов иногда заставляли уходить из помещений. Это отмечается и охранкой, и самими соц.-демократами. Так, на собрании 2 января в Нарвском отделе, когда соц.-демократ пытался разбросать листки, рабочие его хотели избить, но затем, не желая нарушать мирного характера своей забастовки, просто вывели его из собрания вместе с его товарищами[2].

Этого не отрицают и сами соц.-демократы. Так, говоря о массовых собраниях рабочих на улицах перед помещениями отделов, происходивших уже со 2 января, автор только что цитированного письма рассказывает, что здесь, на улицах соц.-демократических ораторов слушали, но всякий раз,

---

[1] Истор.-революц. арх., 4-е делопр., д. №4, ч. 1—1905 г.
[2] «Кр. Лет.» за 1925 г., № 3 (14), стр. 214.

как они предлагали решительные резолюции зубатовцы кричали: «Это нам ни к чему, самодержавие нам не мешает».

Масса поддерживала гапоновцев особенно в первое время и вместе с тем принимала все соц.-демократические требования, вплоть до требования созыва учредительного собрания, наивно уверяя себя, что это не означает свержения самодержавия.

Но такова уже логика массовых движений. По мере того, как все бо́льшие и бо́льшие массы вовлекались в стачку, масса становилась революционнее и соц.-демократы стали пользоваться все бо̀льшим и бо̀льшим успехом. Этот успех констатируют и большевики и меньшевики одинаково.

«Соц.-демократы говорят также,—пишет большевик-очевидец,—и в помещениях Союза их речи встречаются сочувственно, но инициатива практических предложений исходит от зубатовцев» («Вперед», № 4).

В меньшевистской «Искре»[1] тоже рассказывается о том, как, несмотря на хорошую организацию Невской заставы (там меньшевики располагали одним организатором, двумя его помощниками, двумя агитаторами и одним агитатором-организатором), и у них там сначала дело шло плохо. «Агитатор-организатор выступил на собрании зубатовцев; сначала ему не давали говорить, так как он говорил резко и ему противодействовал упомянутый зубатовец» (упомянутый зубатовец—это председатель Невского отдела Петров). А ведь это было в самом сильном меньшевистском районе.

Большевики не отставали от меньшевиков и, кроме ораторских выступлений (особенно часто выступал член организации А. Харик), пытались вместе с меньшевиками на Васильевском острове подготовляться и к вооруженной борьбе.

И большевики, и меньшевики, да и все вообще в Петербурге прекрасно понимали, что может выйти из шествия к Зимнему дворцу в случае, если солдаты начнут стрелять. Но, кроме мучительных мыслей, что оружия нет, ничего придумать не могли, и все в сущности фаталистически ждали рокового дня.

«Дело было пущено в ход. Удержать все это социалдемократам не было смысла, да и невозможно было бы. Оставалось использовать как можно больше»,—так, покорный судьбе, пишет один из участников совещания соц.-демократов с Гапоном в Невском районе.

[1] Все отрывки из писем, помещенных в «Искре», цитируются из №№ 84, 85 и 86.

«Несмотря на влияние соц.-демократии на весь ход событий, помешать организации депутации не удалось», — пишет другой корреспондент-меньшевик и самодовольно добавляет: «В конце концов соц.-демократы решили не противиться этому, так как мы видели, что, как бы дело ни кончилось, в выигрыше останется соц.-демократия».

Корреспондент-меньшевик, говоря о влиянии, очевидно, меньшевиков, «на весь ход событий», забывает о том, что только накануне 9 января соц.-демократических ораторов стали слушать на гапоновских собраниях.

Это подтверждает и отчет, написанный членом меньшевистской «Петербургской группы при ЦК» в № 86 «Искры».

Автор откровенно говорит о том, что вследствие неумения подходить к серой массе рабочих, а также вследствие противодействия гапоновцев, «масса рабочих, в высшей степени серая, неблагоприятно реагировала на резко выраженные политические требования». Требовалось большое уменье, знание этой массы, близость к ней, чтобы преодолеть тот гипноз, который наводила на нее ряса Гапона.

При этом нужно учесть, что и меньшевистская организация была в общем далеко не в блестящем положении. Автор той же статьи в № 86 «Искры», так же как и автор письма большевик, чистосердечно признается: «Возбуждение массы растет, она требует все новых и новых речей, требует листков. А листков, увы, нет».

Тем не менее, активное отношение соц.-демократов к событиям, их хотя бы и слабые попытки овладеть хотя бы в отдельных районах движением, заставили Гапона считаться с соц.-демократами.

Гапон предлагает устроить совместное заседание с соц.-демократами.

Такое заседание и было устроено в пятницу вечером, т. е. 7 января, за Невской заставой.

На этом заседании присутствовали, кроме Гапона и председателя отдела Невского района Петрова, еще два агитатора-интеллигента (один из них автор статьи в № 86 «Искры»), член меньшевистской «группы при ЦК», один рабочий соц.-демократии и двое рабочих-гапоновцев [1].

---

[1] Дорошенко говорит, что и т. С. И. Гусев виделся с Гапоном, но когда и при каких обстоятельствах, не разъясняет («Кр. Лет.» за 1925 г., № 3 (14), стр. 214).

В виду важности выяснения, как вели себя и чего требовали представители соц.-демократов-меньшевиков на собрании, приведем это место из статьи члена «группы при ЦК».

Гапон так формулировал—в передаче автора статьи—намерения своего Союза: «Масса в настоящее время до того наэлектризована, что ее можно повести куда угодно. Мы идем в воскресенье ко дворцу и подаем петицию. Если нас всех пропустят беспрепятственно, мы пройдем на площадь и вызовем царя из Царского Села. Будем ждать его до вечера. Когда он приедет, я пойду к нему с депутацией из нескольких рабочих, предъявлю ему петицию и скажу: «Ваше величество, так нельзя, пора дать народу свободу». И если он согласится, то мы потребуем, чтобы он клятву дал перед народом. Только тогда мы уйдем и станем на работу. Но, прежде всего, с понедельника же будем работать 8 часов. Теперь, если нас задержат на окраинах, мы будем просить, умолять, чтобы нас пропустили, если же не пропустят, мы силой прорвемся. Задние ряды будут напирать на передние, и вся масса прорвется через войска. Допустим, что мы прорвались; мы идем на площадь, там будут войска, мы просим их перейти на нашу сторону. Если нас будут бить, мы отвечаем тем же; будут жертвы, но часть войск перейдет на нашу сторону, и мы тогда, будучи, кроме того, сильны количеством, устроим революцию. Устроим баррикады, разгромим оружейные магазины, разобьем тюрьму, займем телефон и телеграф, словом—устроим революцию. Соц.-революционеры обещали бомбы, демократы—деньги, и наша возьмет».

«...В тот вечер обсуждалось многое. Между прочим, просили соц.-демократов до тех пор пока все будет носить мирный характер петиции, не вносить ничего революционного, т. е. флагов, возгласов. Но как только начнут бить, то всем развязываются руки. На это пришлось согласиться, тем более, что вся толпа рабочих была настроена мирно».

Как бы ни относиться к этим переговорам соц.-демократов-меньшевиков с Гапоном, один факт остается несомненным: соц.-демократы стремились оказать влияние на события, и, конечно, не прав корреспондент соц.-революционеров, писавший в своем органе по этому поводу следующее: «Гапон вступил в сношения с революционными организациями. Соц.-демократы отнеслись к нему с недоверием. Соц.-революционеры обещали свое содействие»[1].

---

[1] Цитаты приводятся из писем, помещенных в 58, 59 и 60 номерах «Революционной России».

Что соц.-демократы правильно не доверяли Гапону (особенно большевики), это было очень хорошо. Хорошо было, конечно, и обещание содействия со стороны соц.-революционеров, но совсем уже плохо было то, что соц.-революционеры, зная свою слабость («социалисты-революционеры были слишком слабы»,—говорит тот же корреспондент), обещали то, чего выполнить не могли. А между тем так и вышло: бомбы, обещанные соц.-революционерами, оказались только пустым обещанием.

После этого смешным кажется замечание другого корреспондента в той же «Революционной России», что член ЦК соц.-демократ во время событий 9-го стоял близ департамента полиции и не сумел организовать боевого выступления толпы... для разгрома департамента полиции.

Отношение к надвигающимся событиям со стороны либералов было еще более безнадежное: там царила полная растерянность.

В рабочих районах царило невиданное возбуждение, рабочая масса кипела, правительство, несомненно, готовилось дать бой, в Петербург стягивались войска, раздавались боевые патроны, мобилизовалась кавалерия, готовилась артиллерия, по всему городу ходили самые фантастические слухи, а либеральная интеллигенция устраивала совещания в редакциях газет.

О таком совещании в редакции либеральной газеты рассказывают многие авторы. Из этих рассказов видно одно, что либеральная интеллигенция читала петицию, письма Гапона к Святополк-Мирскому и слушала одного из гапоновцев, оказавшегося тоже в редакции.

Гапоновец и здесь, как и у себя на собрании в отделе, повторил только то, что он повторял рабочим. На вопрос, а что будет, если царь не захочет разговаривать с рабочими, гапоновец ответил: «Тогда... тогда он—не царь».

Выслушав это заявление, буржуазные литераторы решили... помочь рабочим: они снарядили депутацию к Святополк-Мирскому и Витте. Первого не оказалось дома, и принял депутацию товарищ министра генерал Рыдзевский, посоветовавший либералам обратиться с уговорами к рабочим и разъяснивший им, что правительству все известно и что меры приняты. А Витте депутацию принял, но заявил, что это дело—не его ведомства.

Сам Витте в своих записках рассказывает об этом посещении так: «Вечером 8-го, ко мне вдруг явилась депутация

переговорить по поводу дела чрезвычайной важности. Я ее принял. Между ними я не нашел ни одного знакомого. Из них по портретам я узнал почетного академика Арсеньева, писателя Анненского, Максима Горького, а других не узнал. Они начали мне говорить, что я должен, чтобы избегнуть великого несчастья, принять меры, чтобы государь явился к рабочим и принял их петицию, иначе произойдут кровопролития. Я им ответил, что дела этого совсем не знаю и потому вмешиваться в это не могу; кроме того, оно до меня, как председателя комитета министров, совсем не относится. Они ушли недовольные, говоря, что в такое время я привожу формальные доводы и уклоняюсь. Как только они ушли, я по телефону передал Мирскому об этом инциденте»[1].

Депутация состояла из К. К. Арсеньева, Н. Ф. Анненского, А. В. Пешехонова, И. В. Гессена, В. А. Мякотина, В. И. Семевского, М. Горького, Е. И. Кедрина и Н. И. Кареева; депутатом был и гапоновец Д. В. Кузин.

На основании ордера директора деп. полиции Лопухина, от 10 января 1905 г. за № 204, все названные лица, за исключением Арсеньева и Кузина (он был арестован позднее), были обысканы, арестованы и заключены в Петропавловскую крепость.

Так быстро было ликвидировано «временное правительство», как называли в обществе и в газетах либеральных журналистов, пытавшихся помочь рабочим усовещением царских министров.

Впрочем, этим фактом не ограничивалось участие интеллигенции в движении: некоторые из либералов, имевшие связи с соц.-демократами и соц.-революционерами, появлялись на собраниях в отделах.

Об одном таком появлении рассказывается в № 60 «Революционной России».

«Интеллигенты-либералы появились в Нарвском отделе. Их было человек 20. Они долго сидели в маленькой комнате, где обычно собирались представители районов, расспрашивали входивших рабочих, и на все уговоры подняться наверх, где почище и посветлей, упорно отказывались. Наконец их повели на собрание, и там они заняли места на трибуне, выделяясь своим чистым и новым платьем, выхоленными фигурами. Это очень раздражало толпу, и, когда

---

[1] Граф С. Ю. Витте. Воспоминания. Царствование Николая II. Том I, стр. 308, Берлин, 1922.

соц.-демократ начал говорить, толпа вылила свое раздражение на нем, стала кричать «долой» и даже немного помяла его».

Отчуждение массы рабочих от интеллигенции было настолько велико, что даже в то время, когда врачи с медикаментами явились рано утром 9-го в район, рабочие говорили им: «Не надо нам вас». «Спасибо, но... не надо нам вас. Лучше уходите, пожалуйста».

Впрочем, в этом отношении интеллигенция исполнила свой долг, и врачебные пункты были организованы в шести районах города как раз по пути следования рабочих.

Власти между тем вели себя в высшей степени загадочно: полиция неизменно присутствовала на всех рабочих собраниях и, либо хранила молчание, либо даже как-будто сочувствовала рабочим. По крайней мере, нижние чины полиции (например, городовые) положительно были настроены в пользу рабочих, которые это чувствовали и сплошь и рядом не только не гнали прочь городовых, но еще говорили: «Пусть послушает, и ему не сладко живется!».

Вместе с тем чувствовалось какое-то невиданное напряжение: происходили совершенно открыто грандиозные собрания, рабочие собирались итти ко дворцу, начальство об этом знало и, казалось, ничего не предпринимало.

Правда, дня за два до 9 января появилось на заборах объявление градоначальника о том, чтобы на улицах не собирались толпами, так как в противном случае с неподчиняющимися будет поступлено по закону, но объявлений этих было мало, их почти никто не читал, да и странно как-то было обращать внимание на такое ничего не говорящее объявление при обстоятельствах, когда весь город знал, что готовится грандиозное шествие сотен тысяч людей.

Но чувствовалось уже всеми какое-то загадочное напряжение. За Гапоном стали следить, и ясно было, что его хотят арестовать, так как, действительно, то там, то здесь появлялись около него подозрительные лица.

Действительно, еще 8 января тов. министра вн. дел генерал Рыдзевский подписал ордер за № 182 следующего содержания: «Секретно. С.-Петербургскому градоначальнику. Препровождая при сем отношение на имя коменданта крепости от 8 января за № 181, имею честь просить ваше превосходительство не отказать в распоряжении о личном задержании священника Георгия Гапона и о препровождении его для содержания под стражей в С.-Петербургскую крепость».

Гапон в своих воспоминаниях рассказывает, как он, предупрежденный одним из рабочих, избежал ареста утром 9 января, когда полиция шла его арестовать за Нарвской заставой, где он ночевал накануне.

И этот факт и сотни мелких фактов другого характера (например, объявления, приглашавшие рабочих присоединиться к шествию, свободно висели на дверях собрания и полиция не срывала их) говорили о том, что власти что-то замышляют.

Самым же главным фактором являлись войска: они заполняли все улицы, патрули разъезжали повсюду, солдаты грелись у костров, как на бивуаках, в разных концах города были устроены штабы, офицеры получили распоряжение действовать по своему усмотрению, как во время боя, они были одеты в походную форму, дежурили, не раздеваясь, в шубах, войска были везде—около дворца, у застав, при выходе из рабочих районов, в самых районах, на заводах и фабриках; артиллерия находилась в боевом порядке.

Из доклада Дедюлина видно, как шли эти военные приготовления. Из этого же доклада нужно заключить, что версию об особенном участии в разработке военного подавления народного движения б. великого князя Владимира нужно оставить: руководителем всех войск 9, 10 и 11 января был князь Васильчиков, и все они—и Фуллон, и князь Владимир, и Васильчиков, и Дедюлин, и многие другие—внесли свою лепту в расстрел народа в январе 1905 г. в Петербурге[1].

Мирный Петербург превратился в военный лагерь. Развязка была недалека.

4. КРОВАВОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ.

Наступило 9 января.

С утра во всех рабочих районах к отделам стали сходиться рабочие. Шли все—старики, молодые, женщины и дети.

Настроение рабочих всюду было мирное, исполненное понимания того важного шага, который решено было сделать.

Это особенное настроение очень хорошо передано одним документом, приведенным Л. Гуревич в своей статье.

---

[1] См. доклад Дедюлина, опубликованный в «Красн. Лет.» № 1 за 1925 г.

Мы его выписываем почти целиком, потому что он с непередаваемой простотой говорит о тех чувствах, с какими народ шел в этот день к своему царю.

«В воскресенье утром, в 10-м часу, я отправилась на 4 линию В. О. На улицах еще было тихо. На одном углу стояла кучка дворников или сыщиков, которые, когда я проходила, со смехом сказали: «Ну, их сегодня перебьют»... Толпа все прибывала. К 10 часам двери собрания были открыты, и мы вошли. Настроение толпы было напряженно-спокойное, чувствовалась какая-то связь, какое-то дружески-взаимное отношение. Были и женщины, молодые и старые, хотя немного. Громадное помещение сплошь было заполнено народом. Стояли на скамьях, на окнах. Разговора не слышно было... На эстраде появился пожилой рабочий и обратился к толпе: «Товарищи! Вы знаете, за чем мы идем. Мы идем к царю за правдой. Невмоготу нам стало жить. Помните ли вы Минина, который обратился к народу, чтобы спасти Русь? Но от кого? От поляков. Теперь мы должны спасти Русь от чиновников, под гнетом которых мы страдаем. Из нас выжимают пот и кровь. Вам ли описывать нашу жизнь рабочую? Мы живем в одной комнате по 10 семей, так же и холостые. Так ли я говорю?»—«Верно! Верно!»—раздалось со всех сторон... «И вот, товарищи, мы идем к царю. Если он нам царь, если он любит народ свой, он должен нас выслушать. Мы послали ему через министра письмо, в котором просили выйти к нам в 2 ч. дня на Дворцовую площадь. Мы представим ему петицию, в которой выражены все наши требования, известные вам. Не может быть, чтобы он нас не принял. Мы идем к нему с открытой душой. Мы гарантировали ему неприкосновенность его личности. Он должен нас выслушать, он это сделает. Товарищи! Так идем же все к царю! Я первый пойду, в первых рядах, и когда мы пойдем, вторые ряды за нами. Но не может быть, чтобы он велел в нас стрелять». Где-то в толпе поднялся студент и хотел говорить, но толпа крикнула: «Нам студентов не надо, не надо». Тогда выступил на трибуну оратор и сказал: «От гнета правительства терпим не только мы, рабочие; терпят многие и студенты. Есть студенты из среды рабочих; терпят и дворяне. Не отталкивайте их, товарищи. Пусть все идут, кто страдает от гнета правительства, с нами»... Затем на трибуну стала женщина с речью: «Матери и жены! Не отговаривайте ваших мужей и братьев итти за правое дело. Идите вместе с ними. Если на нас нападут или будут стрелять,

не кричите, не визжите, явитесь сестрами милосердия. Вот вам перевязки с красным крестом. Обвяжите эту перевязку кругом рукава, но только тогда, не раньше, когда в нас начнут стрелять».—«Идем! Идем»!—раздалось вокруг меня, где стояло несколько девушек и несколько пожилых женщин. «Все должны итти. Дайте кресты»,—потянулись со всех сторон женские руки. А девушка, стоявшая подле меня, обратилась к подруге в сильном возбуждении, говоря: «Пойди скажи маме, я пойду. Все равно, убьют, так убьют. Что же это! Одних будут убивать, другие воспользуются—это нехорошо. Все, все должны итти». И опять в сильном возбуждении стала просить красный крест, так как на ее долю не хватило. Одна старуха с заплаканными глазами сказала: «Я только сбегаю домой, посмотрю, что там делается. Я приду. Я еще успею»... И, действительно, я ее потом видела в толпе, направляющейся к Дворцовой площади».

По словам автора этого рассказа, толпа закончила собрание пением «Отче наш». На смену этой толпе явилась новая. И в этой толпе такие же речи, такое же молитвенное настроение, пение этой же молитвы «Отче наш».

Это религиозное сосредоточенное настроение наблюдалось везде. Из Нарвского отдела, во главе с Гапоном, толпа выступила с пением молитвы «Спаси господи».

Это настроение, полное какого-то экстаза, граничащего с религиозным, отмечают решительно все участники и наблюдатели. Эту черту подметили и иностранцы.

Петербургский корреспондент «Юманитэ» такими словами характеризует толпу: «Сказать, что манифестация 9 января была мирной, недостаточно. В ней было что-то наивное, душевное, религиозное, и в ней невольно видишь характерное и глубокое проявление русского народного духа. Нельзя представить себе, с каким детским доверием большая часть рабочих присоединялась к кортежам, которые в воскресенье со всех концов потянулись к Зимнему дворцу».

«Мирное поведение толпы единогласно подтверждается,—добавляет этот иностранец,—со всех сторон представителями всех партий».

Относительно мирного настроения сотен тысяч петербургских рабочих свидетельствует, как мы видели, и вся подготовка ко дню 9 января в районах, где на всех собраниях руководители движения заявляли представителям революционных партий, что они не возражают против присоединения соц.-демократов и соц.-революционеров к шест-

вию, но с условием, что не будет красных знамен, так как иначе войска подумают, что это демонстрация.

Этот же мирный характер подчеркивали и рядовые рабочие, когда они протестовали на своих собраниях против выступлений соц.-демократов и студентов и когда они старались отгородить себя от всего того, что могло бы показать, что шествие носит революционную окраску.

Как это видно из документа (этот документ опубликован мною в № 1 «Красной летописи» за 1922 г.)—«доклада комиссии, избранной общим собранием присяжных поверенных», где дается общая картина движения,—и масса рабочих, и большинство посторонних людей, и люди, далеко не сочувствующие рабочим, и даже монархисты (как, напр., доктор Дьячков) смотрели на шествие ко дворцу как на мирный крестный ход.

Действительно, толпы рабочих, которые направлялись во главе с Гапоном, шли с хоругвями, иконами и портретом царя.

Даже полиция, как это было как-раз за Нарвской заставой, помогала шествию: помощник пристава Жолткевич и околоточный надзиратель шли впереди толпы и первые пали от выстрелов.

Из «доклада прис. поверенных» и из других документов следует, что рабочие, как это было условлено, должны были рано утром собраться к отделам и двинуться оттуда с таким расчетом, чтобы к 2 часам попасть на Дворцовую площадь. Там предполагалось ожидать царя, если его не будет во дворце, ожидать до вечера, так или иначе вручить ему петицию и заставить всенародно дать клятву исполнить требование народа.

Шествия направлялись: от Шлиссельбургского тракта, из-за Невской заставы, из-за Нарвской заставы—во главе с Гапоном, с Выборгской и Петербургской стороны и с Васильевского острова. Сборными пунктами были назначены здания отделов. Путь следования намечался такой: от Нарвских ворот и Невской заставы по Невскому, с Васильевского острова через Дворцовый мост, а Выборгский и Петербургский отделы должны были соединиться у Троицкого моста. Остальные отделы должны были соединиться с товарищами в этих пунктах. Колпинский отдел должен был притти вместе с Невским.

За Нарвской заставой собралась толпа от 4 до 5 тысяч, на Шлиссельбургском тракте—от 5 до 10 тыс., а что ка-

сается остальных пунктов, то, по показаниям решительно всех очевидцев, толпы народа заполняли все улицы: Большой и Малый проспекты Васильевского острова, набережную до Дворцового моста, все улицы Петербургской стороны, выходящие к Троицкому мосту, Невский проспект и все улицы, прилегающие к нему. К кортежам, двигавшимся из районов по пути примыкали новые толпы, так что, по свидетельству очевидцев, уже с утра Петербург представлял необычайное зрелище: весь пролетариат, масса публики и войска сгрудились в центре города, при чем из районов подходили все новые и новые толпы. На улицы вышло несколько сот тысяч людей, главным образом рабочих.

Рабочие шли мирно, желая во что бы то ни стало попасть на площадь.

Но, как только массы их дошли до тех пунктов, где расположились войска, они были встречены залпами пехоты, кавалерией, бросившейся в атаку, и конными жандармами.

Войска преградили рабочим путь у Нарвских ворот, у Шлиссельбургской части, на 4-й и 5-й линиях Васильевского острова, на Большой Дворянской улице и у Троицкого моста.

На всех этих пунктах точно так же как и на Невском у Полицейского моста, на Мойке, у Казанского собора, на улице Гоголя, на Адмиралтейском проспекте, у Певческого моста, у Александровского сада и на Дворцовой площади войска, пешие и конные, без предупреждения напали на мирную безоружную толпу — и началось великое кровавое воскресенье.

Отсылая читателя к докладу присяжных поверенных, опубликованному в № 1 «Красной Летописи» за 1922 г. из которого вырисовывается общая картина движения и действия войск, мы остановимся здесь на некоторых подробностях.

Расправа с безоружной толпой, очевидно, была хорошо подготовлена и зрело обдумана. Прежде всего поражает одно обстоятельство: везде войска стреляли сначала в упор, подпустивши народ на очень близкое расстояние: за Нарвской заставой—на расстоянии 200—300 шагов, на Троицком мосту—150 шагов, а на Невском у Полицейского моста—прямо сойдясь с рабочими почти грудь с грудью, напр., на расстоянии 25—30 шагов. Холостыми зарядами почти не стреляли, во многих случаях не играл даже рожок, а после двух

часов дня в районе Невского и на Васильевском острове стреляли как во время боя по неприятелю.

Действия кавалерии также напоминали действия войск, хорошо знающих, что они должны делать, заранее инструктированных.

Трудно теперь установить, сколько и в каком месте было дано залпов, но несомненно, что войска стреляли, не жалея патронов, и, как в этом сходятся все очевидцы и участники, 9 января 1905 года в Петербурге, с 1½ ч. дня до 4 ч. пополудни регулярные царские войска—пехота и конница—беспрерывно действовали горячим и холодным оружием против безоружных рабочих, женщин и детей[1].

О том, что заранее был выработан план, свидетельствуют очень многие данные. Корреспондент английской газеты «Daily Telegraph» д-р Диллон говорит по этому поводу следующее: «Я спросил одного придворного, почему сегодня без соблюдения формальностей убивают безоружных рабочих и студентов. Он отвечал: «Потому, что гражданские законы отменены и действуют законы войны. Вас удивляет, что этого никто не знает, и удивление ваше естественно, но в России мы не можем смотреть на вещи, как смотрите на них вы в Англии. Прошлой ночью его величество решил отменить гражданскую власть и вручить заботу о поддержании общественного порядка великому князю Владимиру, который очень начитан в истории французской революции и не допустит никаких безумных послаблений. Он не впадет в те ошибки, в которых были повинны многие приближенные Людовика XVI; он не обнаружит слабости. Он считает, что верным средством для излечения народа от конституционных затей является повешение сотни недовольных в присутствии их товарищей; но до сих пор его не слушали. Сегодня его высочество обладает высшей властью и может испробовать свой способ incorpore vili сколько душе угодно... Великому князю Владимиру предоставляется необыкновенный случай обнаружить свои способности государственного человека и наполеоновские качества, и он ничуть не опасается за результат, что бы ни случилось: он будет укрощать мятежный дух толпы, даже если бы ему пришлось для этого послать против населения все войска, которыми он располагает»[2].

---

[1] Теперь по архивным данным, извлеченным В. Д. Бонч-Бруевичем число залпов и выстрелов приблизительно известно: выстрелов было 2 тысячи. См. «Прол. рев.» за 1929 г., № 1 (84).

[2] «Освобождение» за 1905 г., № 64.

Что, действительно, правительство заранее намерено было допустить шествие и расправиться с рабочими, об этом свидетельствует ряд фактов: правительство знало о предполагавшемся шествии из докладов охранки, из письма самого Гапона, об этом знали градоначальник Фуллон, товарищ министра внутренних дел, сам министр Святополк-Мирский, Витте, Муравьев, словом—знали все за несколько дней до побоища; правительство не приняло никаких мер заранее, даже не вывесило вразумительного объявления с предупреждением о недопустимости шествия; правительство не прибегло, наконец, к своему излюбленному предупредительному средству—арестам, тем более, что охранке все организаторы движения были хорошо известны [1].

Наоборот, «для организации расстрела безоружной толпы 9 января Петербург был разделен на части, в каждой был свой штаб. Обстановка штаба была на военную ногу. Поставлены были походные кровати. Офицеры и адъютанты сидели в шинелях по-походному, пили и курили. Время от времени являлись с донесением, требуя «диспозиции» на завтрашний день и донося, где какие части действуют. Что касается права стрелять, то оно было дано отдельным офицерам на их усмотрение, об этом говорил им кн. Васильчиков—командир гвардейского корпуса. Толпу не разрешалось пропускать 9-го ближе 50 шагов, а 10-го—300 шагов» [2].

Во главе всей бойни формально стоял кн. Васильчиков. На Васильевском острове были расположены следующие части: Финляндский полк—весь, уланы—2 эскадрона, казаки—2 эскадрона, Беломорский полк—около роты. Командовали укрощением из 1-го кадетского корпуса — полковник Орлов (улан, флигель-адъютант его величества) и генерал Смагин. На Загородном и в окрестностях первая роль принадлежала генералу Лангофу. Стреляли следующие части: у Полицейского моста—Семеновский полк (первый залп дан по приказу —ген. Сиверса); у Зимнего дворца—Преображенский полк; на Васильевском острове—Финляндский полк «...Егерский и Московский—не стреляли, и офицеры считали, что не было надобности стрелять» [3].

[1] См. об этом также данные, приводимые в статье т. В. Бонч-Бруевича «Девятое января 1905 г.» «Прол. рев.» 1929 г. № 1 (84).

[2] «Основождение» за 1905 г., № 66. См. также «Записку о мерах предпринятых управл. Петерб. градоначальника» в «Кр. Лет.» за 1925 г., № 12.

[3] Новые данные о военной подготовке правительства и о диспозиции войск 9 января см. в опубликованных нами материалах в «Красн. Арх.» за 1930 г. № 38: «Описание действий войсковых частей 9 янв. 1905 г.».

В докладе департамента полиции говорится следующее о применении войсками оружия: «Наэлектризованные агитацией, толпы рабочих, не поддаваясь воздействию обычных обще-полицейских мер и даже атакам кавалерии, упорно стремились к Зимнему дворцу, а затем, раздраженные сопротивлением, стали сами нападать на воинские части. Такое положение вещей привело к необходимости принятия чрезвычайных мер для водворения порядка, и воинским частям пришлось действовать против огромных скопищ рабочих огнестрельным оружием. Произведены были залпы на Шлиссельбургском тракте, у Нарвских ворот, близ Троицкого моста, на 4 линии и Малом проспекте Васильевского острова, у Александровского сада, на углу Невского проспекта, и улицы Гоголя, у Полицейского моста и на Казанской площади»[1].

Нападения на воинские части не было; наоборот, как это было удостоверено тысячами свидетелей и очевидцев, нападение начали войска, и рабочие, безоружные и мирно настроенные, сначала долго не могли себе дать отчета в том, что происходит: ни один рабочий, который шел с наивной верой в царя, не мог себе представить, что в него будут стрелять.

Жандармы, конечно, лгут самым наглым образом. Еще в декабре они предупреждали высшую власть о забастовке. 2 января они уже прекрасно знали, что ожидаются большие осложнения. Начиная с 3 января, число которым помечена первая записка (под № 3) охранного отделения о событиях в рабочих районах, в деле особ. отдела департамента полиции за 1905 год № 4, ч. I, л. А, имеется 17 такого же рода записок, отправленных охранкой директору департамента в течение 5 дней (эти записки за №№ 3, 4, 5, 8, 9, 10, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 22, 23, две за № 24 и 28), т. е. на каждый день приходится более трех записок.

Когда толпа рабочих, во главе с Гапоном, с хоругвями, с иконами, с пением «Спаси господи люди твоя» двинулась к Нарвским воротам, шагах в 300 им преградили путь войска, стоявшие на мостике через Таракановку и по бокам его. Отряд конницы бросился на толпу, разрезал ее на две части и снова промчался назад, рубя направо и налево беззащитную

---

[1] Истор.-революц. арх. Особ. отд., д. № 4, ч. I, л. А, 1905 г. Записка охр. отд. № 29.

толпу. Но рабочие снова сомкнулись и продолжали путь. Тогда из-за конницы, освободившей место, выступила пехота, и последовал залп. Гапон в своих воспоминаниях говорит, что может быть и был сигнальный рожок, но за пением его не слышали.

Помощник пристава Жолткевич, который шел впереди, услыша выстрелы, крикнул: «Что вы делаете? Как можно стрелять в крестный ход и портрет царя?», и пал, сраженный пулею. Первыми же пулями был убит и старик несший царский портрет, и мальчик, несший фонарь. Толпа бросилась бежать. Кресты, иконы, хоругви валялись на земле вместе с трупами, залитыми кровью, а солдаты дали второй и третий залп вдогонку толпе. Первые выстрелы были в живот, вторые—в ноги и в лежачих людей. Пули поражали бежавших людей в спину, настигали их во дворах и в квартирах, а когда действие огня окончилось, в ход пустили конницу, и она стала действовать шашками: людей рубили, топтали ногами лошадей и отбрасывали в стороны.

Гапон упал, но его быстро подняли, перебросили через забор и в рабочей квартире наскоро переодели, а инж. Рутенберг остриг ему бороду и волосы на голове. Жандармы прекрасно знали, что Гапон жив, что видно из донесения нач. мест. жанд. управл. от 10 янв. 1905 г., где говорится, что Гапон «ни убит, ни ранен не был, а упал после выстрела, притворился убитым, тотчас же был подхвачен и унесен соумышленниками»[1].

Такая же картина была и в других районах. Из-за Невской заставы рабочих вел председатель отдела Петров. Когда толпа подошла к Шлиссельбургскому участку, ей преградили путь войска. Напрасно рабочие умоляли пропустить их, женщины и старики плакали, становились на колени, но офицеры были неумолимы. Когда же, под напором задних рядов, близко от войска стоявшие рабочие почти вплотную подошли к солдатам, был дан холостой залп и в дело была пущена конница.

Здесь, уже когда казаки стали бить народ шашками, рабочие кричали им: «Умрем, товарищи! Шагу нет назад» и, проклиная царское войско, бросали ему: «Братоубийцы! Опричники! Креста на вас нет!»

---

[1] См. воспом. П. М. Рутенберга в № 11—12 загр. «Былого» и в «Былом» за 1917 г. № 2 (24).

Однако, пробиться сквозь колонну войск толпа не могла. Тогда разломали ворота, ведущие к Неве и бросились на лед и на другой берег реки, чтобы присоединиться к Выборгскому району, пробиться ко дворцу.

В этот день дворец царя был каким-то чудесным магнитом, притягивавшим к себе сотни тысяч людей.

Выборгский и Петербургский отделы должны были соединиться у Троицкого моста. Здесь, как и на Васильевском острове, толпа буквально заполнила все улицы. Но как только рабочие стали входить в Большую Дворянскую улицу, на густые толпы рабочих бросилась кавалерия. Народа было так много, что конница, врезаясь в толпу, терялась в ней, ибо толпа тотчас же смыкалась. Три раза бросалась конница в атаку, прорезая толпу и действуя шашками. Стоны и проклятия неслись отовсюду. Тогда раздался сигнал, и началась стрельба залпами. Дело ружей доканчивала кавалерия, но рассеять толпу было невозможно, и черные потоки людей все же стремились ко дворцу.

Толпа с Петербургской стороны, не успела также добраться до моста. Точно, по диспозиции, когда густые колонны рабочих, взявшись за руки, сомкнутыми рядами подошли шагов на 200 или 300 к Троицкому мосту, офицер что-то крикнул толпе, быстро отбежал на тротуар и скомандовал. Проиграл рожок, и раздались три залпа. Действие огня по густой толпе было ужасно: падали старики, женщины, дети. Люди окровавленные и недоумевающие, в лужах крови со стонами ползали и лежали на снегу. Проклятия носились в воздухе. И здесь дело пехоты довершила кавалерия, рубя направо и налево, настигая убегающих людей и бросаясь на мирно стоявших и глядевших на шествие граждан.

Только на Васильевском острове толпа в ответ на нападение конницы и пехоты попыталась ответить сопротивлением: здесь организовали дело соц.-демократы.

Когда густая толпа стала подходить к набережной, ее остановили войска, расположенные на 4-5 линиях. Не доходя 30 шагов, толпа остановилась, как и везде, и тут она выслала парламентеров с белыми платками. Офицер был неумолим и отдал распоряжение стрелять. Но, когда рабочие бросились на колени, обнажили свои груди и кричали «умрем, стреляйте», солдаты не решились стрелять.

Тогда была пущена в ход конница. Раненые и умирающие падали на землю, но здесь толпа не бежала назад, а быстро сорганизовалась и бросилась громить оружейную

мастерскую Шаффа. Но там, к сожалению, оказались только старые шашки и ятаганы. Тогда бросились строить баррикады; рубили телефонные столбы, валили киоски, протягивали проволоку. В ответ на это была пущена и здесь пехота. Началось действие огня.

На Невском проспекте, улице Гоголя, Адмиралтейском проспекте, как и вообще на всех улицах, прилегающих к Невскому, от Знаменской площади до Дворцовой площади, и в Александровском саду были такие густые толпы народа, что, несмотря на то, что конки не ходили, кавалерия ничего не смогла сделать с толпой. Не успевала она оттеснять народ к панелям, как толпы людей снова смыкались и медленно двигались к одной цели—Зимнему дворцу.

Народ заполнял всю площадь, теснился у здания Генерального штаба, у штабной арки, заливал все пространство у решетки Александровского сада и соединялся с толпами, напиравшими из улиц, вливавшихся в площадь.

Много людей взобралось на решетку сада, кое-кто сидел на деревьях, в саду играли дети. Несмотря на присутствие войск, толпа была настроена мирно, вела себя очень сдержанно. У всех было сосредоточенное настроение, никто не ожидал нападения.

Но уже раздавались выстрелы в разных частях города, кое-кто подоспел из рабочих районов, и среди толпы циркулировали слухи о расстрелах.

Но здесь никто этому не хотел верить. Около двух часов среди толпы стало проявляться нетерпение, что царь долго не показывается. Все, впрочем, твердо решили ожидать его. Кое-кто из толпы обращался к офицерам с просьбой убрать войска. В ответ на это какой-то из офицеров предложил толпе расходиться, угрожая стрельбой. Рабочие колпинцы, стоявшие у штабной арки отвечали: «Стреляйте. Мы пришли искать правды». Вдруг выделилась рота Преображенского полка: выстроилась против Александровского сада. Первый ряд солдат стал на колено, раздалась команда—и воздух прорезали залпы.

Падали люди, корчились в судорогах раненые, кричали о помощи, посылали проклятья солдатам и царю. Несколько человек, сидевших на решетке сада, пронзенные пулями, повисли на ней; много детей, игравших в саду, погибли от пуль. Преображенцы, не обращая внимания на стоны и проклятья, повернулись направо и стали стрелять по направлению к Дворцовому мосту и Адмиралтейству, а затем, по-

вернувшись,— снова по направлению к штабу, где стояли колпинцы.

После этого началось настоящее кровавое избиение беззащитных. Вперемежку с действием огня пехоты в дело пускалась и конница: казаки, кавалеристы-уланы и жандармы бросались на безоружных людей на Невском, Гороховой, улице Гоголя, Адмиралтейском проспекте, у Казанского собора, у Полицейского моста. Казаки рубили шашками, добивали раненых, отнимали убитых и раненых у публики, подбиравшей их и оказывавшей им помощь.

Настроение толпы резко изменилось.

Несмотря на то, что солдаты стреляли вдоль Невского, по улице Гоголя, вдоль Мойки (пули убивали людей, находившихся очень далеко—на Знаменской площади и у Исаакия), у Полицейского и Певческого мостов, у городской думы,—народ теперь не боялся. В ответ на действия конницы народ кричал солдатам: «Ура! Победители! Пулями угостили!».

Толпа подбирала раненых и с пением «Со святыми упокой» заставляла солдат криками «Шапки долой!», «На колени перед мучениками!» снимать шапки перед убитыми.

Теперь вместо мирной, верившей в царя толпы была прозревшая революционная масса, готовая на все. Но у толпы не было оружия. Что она могла сделать? Разбили стекла во дворце б. великого князя Сергея, зажигали киоски, ломали фонари.

Впрочем, как уже сказано выше, кое-где рабочие под руководством революционеров пытались оказать революционное сопротивление.

Но дадим слово очевидцам.

«На Дворцовой площади был положительно военный лагерь,— пишет в «Искре» один из очевидцев.— Все время публика беспрепятственно собиралась на Невский, только близко ко двору не давали подходить. Вдруг, в 2 часа, без всякого предупреждения, раздаются выстрелы у Дворцовой площади, и валится на землю целая масса убитых. То же самое произошло в нескольких местах на Невском. Офицеры и солдаты неистовствовали. В одном месте перебита кучка в несколько человек, прижавшихся к стене. Один уцелел. Он выходит вперед, расстегивает пальто, подставляет грудь и говорит демонстративно: «Вот стреляйте!». В это время раздается выстрел, и он падает мертвым, пораженный в грудь. Пристреливали падавших. Но, несмотря на все ужасы, паники

среди публики, а в особенности среди рабочих не было. В одном месте расстреливали, а в десяти шагах от него собирался народ и говорились речи. Когда проезжают солдаты, то раздаются крики отовсюду: «Убийцы, палачи, опричники, воронье!» Революционирующее значение этих событий не имеет пределов. О первом дне и говорить нечего. Тогда на каждом перекрестке только и говорилось: «Нет у нас царя, что это за царь!» По Невскому, при виде войска, простые женщины кричали: «От японцев побежали, а на нас свою храбрость показываете»... и все в таком же роде. Проходишь по улице и видишь кучку людей. В центре стоит чуйка и, размахивая руками, кричит: «Как царь с нами, так и мы с царем! Он хочет, чтобы мы за него умирали в Манчжурии— пускай теперь дожидается». Два человека теперь не могут пойти рядом, чтобы не заговорить. А речи все какие!.. О царе все говорят со страшной ненавистью, не стесняясь, что перед ними стоят совершенно незнакомые люди. В первый день ночью рабочие метались, спрашивая: «Что же нам теперь делать?».

Другой участник движения, такими же словами описывает в «Искре» борьбу рабочих с войсками на Васильевском острове: «На четвертой линии были устроены баррикады, на которых огромная горячая страстная толпа готова была умереть. Их тоже не пускали в город, так они у себя, на острове говорили о своих требованиях и пожеланиях. Видя, что количество и настроение толпы все ростет, офицер велел солдатам выстроиться в ряды. Он скомандовал; толпа теснее сомкнулась и выступила вперед. Ружья засверкали в одном стройном движении, толпа замерла; раздалось «пли»—и ни одного выстрела»... «Один студент, недавно выпущенный на волю, высоко поднял знамя, в него раздались выстрелы, но мимо, тогда он был поднят на штыки и тут же умер,— затем началась пальба, пока враг не отступил».

Тот же автор так описывает настроение толпы: «Хотя до многих дошли вести о кровавых столкновениях с войском на окраинах города, но этому не верили. Толпа группировалась маленькими группами около ораторов, подчас импровизированных. Теснимая сзади как нарядом казаков, так и прибывающей публикой, толпа все ближе подступала к блокирующим Дворцовую площадь кирасирам. Вдруг какой-то звук, вслед за ним залп, люди начали падать как подкошенные, затем другой залп, через несколько секунд еще один, и победа была решена. Толпа заволновалась, забу-

шевала, занегодовала, как море, послышались стоны, крики, плач, проклятья, возгласы; начали носить раненых, убитых; за ними бежала гневная, рыдающая, проклинающая толпа, им кричали: «Вечная слава товарищам», но,— боже мой,— какая ужасная процессия! Эти окровавленные лица, руки, ноги!»

Такие же картины повторялись на Полицейском мосту, где опять было скопление народа; убитых на Полицейском мосту товарищей взяли и с пением: «Вы жертвою пали в борьбе роковой» понесли по всему Невскому. Конные наряды врезывались в печальную процессию, давили людей, но расстроить ее они не могли. Когда крикнула вся находящаяся на Невском публика: «Шапки долой!», то даже офицеры, даже городовые стали под козырек. «...Рабочие подняли тяжело раненую девушку, они бережно понесли ее и говорили ей: «Товарищ! умрите спокойно, мы за вас отомстим, за каждую каплю вашей крови мы заплатим сторицей».

Вот еще одно описание того, что происходило на улицах Васильевского острова уже после расстрела.

«Возбужденная, готовая итти куда угодно, толпа стояла. Но вот привезли на извозчике окровавленного мальчика и рассказали о массовых расстрелах около дворца. Я взобрался на сиденье извозчичьих саней и сказал приблизительно так: «Теперь ко дворцу нам нечего ходить; вы убедились, что царь хочет сосать только народную кровь, а выслушать народ о нуждах он не желает. В безоружных людей он велел стрелять. С голыми руками мы ничего не добьемся. Нам нужно оружие! За оружие, товарищи!»—«За оружие!»—подхватила толпа. Все двинулись. Своротили на Малый проспект. По дороге обезоружили городовых. Несколько человек хотело остановить конку, но их уговорили оставить. По дороге приказчики поспешили запирать лавки. «Не беспокойтесь, не беспокойтесь,— говорили им,— лавок трогать не будем». Пошли по 14-й линии, растянулись почти на целый квартал, передние не шли, а бежали. Я, помню, кричал отстававшим: «Товарищи, скорее бегом, вы губите рабочее дело!» Наконец, сворачиваем в переулок. «Вот мастерская»,— воскликнул рабочий проводник. «Дворник, открывай!» Дворник что-то бормочет, дрожащими руками еле вставляет ключ в замочную скважину и открывает железную калитку. Другой дворник на вопрос: где мастерская, не может произнести ни слова, он только указывает рукой на подвальный этаж. Основательная дверь мастерской не поддается нескольким дружным натискам; дворник побежал за ключами на второй этаж,

я последовал за ним; он ткнулся в дверь, ему не открыли, окна мастерской находятся на уровне земли. Не осилив дверь, принялись за окно; выбили ногами и локтями стекла, переплет вышибли, кажется, оглоблей, ее применяли как таран.

«Сабли, шашки, старинные ятаганы, клинки без ручек — хватали целыми снопами и выкидывали на улицу через окно. Брали ключи для отвинчивания гаек, напильники, и просто подходящие увесистые куски железа. Когда мастерская уже была очищена, с улицы крикнули: «солдаты!» Одним прыжком я очутился на улице. Солдаты выстроились на 14-й линии при начале переулка, на котором находится мастерская, и, кажется, готовились стрелять или наступать. Потом я слыхал, что офицер, увидя оружие в руках народа, не решился сразу броситься на мастерскую. Мы, экспроприаторы, успели улизнуть за угол. Тут лежал ворох оружия, и всякий, кому нужно было, вооружался. Мне достался старинный ятаган, я храню его как святыню».

Рассказав дальше о том, как вооруженные шашками и саблями рабочие разоружали проходивших и проезжавших офицеров, городовых и юнкеров, автор этого письма в «Искре» говорит о постройке баррикад: «Баррикады строились с редким воодушевлением. Хотя первоначального плана не было, а пришедшая каждому в голову мысль сейчас же обсуждалась и приводилась в исполнение, постройка шла удивительно хорошо. Большая часть строительного материала для баррикад была взята со двора строящегося дома против «рабочего собрания»: шкафы, лестницы, дрова, доски, кирпичи — все это быстро выносилось на улицу, и баррикады росли все выше и выше. Кто-то предложил перерезать телефонные проволоки, так как телефон служит незаменимым вспомогательным средством в руках правительства. Притащили лестницу, полезли на столб, и в короткое время, под несмолкаемые возгласы снизу: «скорее, скорее!» все проволоки были перерезаны; за свесившиеся концы ухватились и стали раскачивать столбы, но они долго не поддавались. Достали пилу, и, перебивая один у другого, принялись пилить. Столб рухнул. Его уложили на баррикаду. Опрокидывание телефонных столбов очень нравилось и вдохновляло публику. Падение каждого из них приветствовалось громким «ура». Столбы повалили не только на 4-й линии, но и на Малом и на 6-й линии...» Затем автор описывает захват типографии и печатание воззвания.

«...Крикнули наборщиков. Они сейчас же появились из толпы. Я с ними пошел в типографию. Мы позвонили, подождали—не отпирают; встряхнули дверь. «Что вам угодно?» спросил кто-то через форточку. Я ответил: «Нам нужно отпечатать воззвание. Именем народа я требую открыть типографию». Мы вошли в просторное помещение, уставленное кассами и печатными машинами. Пахло типографской краской. Я положил мой ятаган на кассу, взял на окне лист бумаги и быстро стал писать. «Несколько фраз!»—кричали мне. Карандаш заскакал по бумаге, оставляя за собой след в виде ужасных каракуль. «Не спешите! Успеете!» Написанное я сейчас же прочел всем бывшим в типографии. Вот копия этого воззвания: «Товарищи, на 4-й и 5-й линиях Васильевского острова уже устроены баррикады. Мы готовы положить жизнь за свободу, бороться до конца—до полной победы! Нам нужно только огнестрельное оружие. С вооруженной силой царя мы можем бороться только с оружием в руках. За оружие, товарищи граждане! Мы ждем, что все товарищи рабочие присоединятся к нам. Мы уже захватили несколько шашек у офицеров и разобрали одну мастерскую оружия». Чтоб дело шло быстрее, решили сделать два набора. Один из присутствующих, который, видимо, был причастен к типографскому искусству, взялся переписать написанное мною. Работа закипела в руках наборщиков. Вскоре был готов один набор. Пришлось печатать на тискальном станке, так как валики американки и больших станков замерзли...».

Тот же автор сообщает о борьбе на баррикадах.

«...На баррикадах 4-й линии умирали мужественно безоружные бойцы за свободу. После первого (холостого) залпа один рабочий взобрался на баррикаду и, с красным знаменем в руке сказал солдатам: «Если не совестно, стреляйте!». Раздался залп и сраженный несколькими пулями, он пал, этот истинный народный герой»...

Мало того, рабочее население Васильевского острова пустило в ход все то, что мог пустить в ход безоружный рабочий: в казаков и солдат бросали из окон домов бутылки, камни, а у кого оказались револьверы, стреляли.

Факт захвата типографии революционерами точно так же подтверждается документами, находящимися в деле деп. полиции о событиях 9 января.

По этому поводу охранное отделение доносило, что на Васильевском острове уже после стрельбы войск толпа рабочих на 5-й линии напала на типографию Гаевского, «силой

отворила ворота фабрики, сломав замок, и проникла в типографию, где под диктовку студентов было набрано и отпечатано около 250 прокламаций; при чем в типографии работало человек 10, а остальные, в том числе и Бессонов, находились у ворот, у которых также стоял вооруженный шашкой рабочий...»[1].

Охранный документ, подтверждая рассказ корреспондента «Искры», называет вместе с тем и руководителей этого захвата типографии, рабочих: это—Михаил Бессонов и Антон Рахонин, рабочие фабрики Гаевского.

Что факты, приводимые в этом письме не выдумка,— кроме неподдельного искреннего тона рассказа, говорят и официальные сведения. Вот как в одном документе охранного отделения описываются эти события... «Была разгромлена оружейная лавка Шаффа (в районе Суворовского участка), где толпа, не найдя заблаговременно припрятанного оружия, захватила около 50 старых шашек и ими вооружилась. Толпу эту рассеял вызванный наряд войск и отнял около 20 шашек. Тут же был задержан студент С.-Петербургского университета Леонид Давидов Давидов, который руководил толпой. При личном осмотре у него отобран револьвер заряженный и одна прокламация»[2].

Эти же факты подтверждаются и другим документом, в котором говорится: «...9 января на 4-й линии Васильевского острова, во время производства беспорядков массой народа в несколько тысяч, особенно выделяющееся активное участие в организации беспорядков принимал, по дошедшим до полиции сведениям, неизвестный молодой человек, полного телосложения, небольшого роста, вышесреднего, без усов, который произносил противоправительственные речи, стоя на бочке перед толпой и держа красный флаг, у д. № 35, по 4-й линии, организовывая разрушение телеграфного и телефонного сообщения, руководил устройством проволочных заграждений и возведением баррикад, вызвал толпу на разграбление оружейной фабрики Шаффа, при чем, по вооружении холодным оружием, вернулся с 15 линии, где находится фабрика, на 4-ю линию и продолжал руководить толпой. Затем, во главе толпы предпринял нападение на управление

---

[1] Истор.-революц. арх., 4-е делопр., дело № 4, ч. I, т. 2, 1905 г. Записка охр. отд. за № 755 от 15 января.

[2] Дело № 4, ч. I, л. А, 1905 г.

участка»[1]. Охранный документ называет этого молодого человека Семеном Николаевичем Рехтзаммером.

Был ли упомянутый выше Давидов или Рехтзаммер тем самым лицом, которое, как это видно по приведенному нами из «Искры» письму, руководило вооружением в мастерской Шаффа,— неизвестно.

Точно также в донесении петербургского градоначальника о событиях на Васильевском острове говорится о баррикадах на 4-й линии с водруженным на них красным флагом. «Из окон соседних домов бросали камни и раздавались револьверные выстрелы», говорится в донесении. Здесь же рассказывается о нападении на участок.

О расстреле у Троицкого моста один из участников такими словами рассказывает в газете «Вперед»:

«...Дошли до Троицкого моста, и, так как у моста была расставлена пехота, то подождали вторую группу. Двинулись вместе. К одному взводу пеших солдат подошел и другой. Дорога была загорожена. Решив, что солдаты, взявшие уже «наперевес», не пропустят нас, а штыками разгонят, я стал отходить от панели и по тропинке хотел пробраться к Кронверкскому проспекту, чтобы дойти кругом до Дворцовой площади; не успел я отойти от панели, как послышался рожок и моментально последовали два залпа боевыми патронами. Мимо моих ушей просвистало несколько пуль, и я увидел перед собой несколько лиц, копошащихся в снегу. Я, растерявшись, не сообразил в чем дело, и лишь сочащаяся кровь привела меня к сознанию. Тут, у моих ног, лежала одна барышня, по виду интеллигентная, с лицом, утопающим в крови. Пуля ей попала в лоб. Ее уложили на извозчика и отправили в больницу с двумя знакомыми».

Приведем еще одну выдержку из письма в газете «Вперед», рисующую расстрел на Дворцовой площади:

«Я пробрался на Дворцовую площадь. Кавалерия лошадьми и шашками разгоняла демонстрантов, но, освободившись от солдат, место сейчас же занималось демонстрантами. Ругали солдат и офицеров, на чем свет стоит. Иронически кричали: «ура». Александровский парк был заперт вместе с публикой, и многие из демонстрантов перелезли решетки и оттуда кричали к солдатам. Многие сидели на решетке (удобно в том отношении, что кавалерия не может достать до них). Я пробовал туда попасть, но не мог

[1] Дело № 4, ч. I, л. А, 1905 г.

взобраться. Пришлось под напором лошадей итти на Невский. Немного погодя, послышался тоже рожок, и павловцы вместе с кавалерией дали 3 залпа по рабочим в парке. Последствия были ужасны. Многие из убитых, сидевших на решетке, зацепившись брюками за гвозди от решеток, так висели в воздухе. Другие валялись убитыми и ранеными. Перевязывать их некому было и убирать их тоже невозможно—сад закрыт. Нас стали сильно теснить и я очутился у Красного моста. Убитых увозили обыкновенно знакомые. Видел даму, по виду торговку, убитую на извозчике: ноги висели в воздухе, по дороге потеряли один валенок. Скоро увезли убитого студента и рабочего. Рабочего взяли на руки и несли до Мойки на руках. Публика снимала шапки и кричала «ура», «долой деспотизм!». От смирения тут уже ничего не осталось» [1].

К вечеру 9 января царские войска победили безоружных рабочих, на Васильевском острове баррикады были разобраны, но город имел необычайный вид.

На улицах стояли войска, горели костры, конница разъезжала по всему городу, на Невском пылали кем-то подожженые киоски, а толпа, теперь уже не покорная и смиренная, а буйно-революционная, не боясь казаков и кавалерии, издевалась над войсками, посылала им проклятия и то с пением революционных песен, то с насмешливыми криками «ура» в честь победителей, перекатывалась с одного места на другое.

Толпа сосредоточилась в центре. Здесь же продолжали действовать и войска. Действовала, главным образом, кавалерия, при чем попрежнему пускалось в ход оружие.

В рабочих районах, наоборот, царила мертвая тишина, хотя постепенно рабочие возвращались туда—измученные, но преображенные. Центр же еще долго кипел, и толпа еще долго приходила в столкновение с вооруженными войсками. У всех теперь было сознание своего бессилия борьбы против войск без оружия. Только к ночи брожение стало затихать, и с наступлением темноты город погрузился в зловещую тишину.

Действия войск против безоружных граждан продолжались и на другой день, и в течение 11 и 12 января.

Но здесь уже не было даже прикрытого лицемерного оправдания, что на улицах скопление народа, угрожающее

---

[1] Описание январских событий 1905 г. мы находим, конечно, и в частной переписке. В архивных делах, которые мы использовали, такие письма имеются. Они, впрочем, мало добавляют к тому, что дано нами. См. «Красн. Арх.» за 1930 г. № 39 «Из записной книжки архивиста» «Кровавое воскресенье в Петербурге».

безопасности города и царя: производилось просто циничное, беззастенчивое избиение интеллигенции и прежде всего студенчества. Избиения производились агентами охранки и черной сотней при помощи казаков, солдат и дворников.

Студентов и интеллигенцию ловили на улицах, стаскивали на глазах у прохожих с извозчиков, избивали и бросали тут же на улице в кучу, и потом, либо убивали их, либо отправляли в участок. Били шашками, кололи штыками, добивали сапогами; чтобы побольше избить студентов, раздевали проходящих, и, если находили под пальто студенческую тужурку, влекли и новую жертву к той куче, где уже лежали убитые и раненые, и ударами шашек валили в общее место, врывались в квартиры, вытаскивали оттуда и добивали на улицах.

Доклад охранного отделения такими классическими строчками описывает эти факты:

«После прекращения забастовки, в рабочей среде, понявшей, что она сделалась жертвой обмана, появилось недружелюбное отношение к студенчеству, и 11 января на Васильевском острове значительною толпою рабочих была избита кучка студентов. Побоище было прекращено разъездом казаков»[1].

Действительно, на Васильевском острове избиение интеллигенции было особенно значительно, но и в других частях города было много пострадавших.

Начиная же с вечера 9 января, полицией были пущены в ход громилы, которые беспрепятственно грабили магазины и расхищали склады.

Таким образом, неистовства казаков, солдат и хулиганов продолжались четыре дня.

Мы привели достаточно выдержек из писем соц.-демократов, принимавших непосредственное участие в событиях, чтобы убедиться, как на деле обе части партии относились к грандиозному народному движению рабочих: несмотря на разногласия, несмотря на слабость организации, соц.-демократы сделали, что могли, и во всяком случае они исполнили основное свое положение—жить и умереть с массой.

«Соц.-демократы,—говорит член Петербургской группы при ЦК, меньшевик, — решили поставить все на карту. Каждый работник шел с рабочим с тем, что, если будут заставы, то устраивать в каждом районе политические де-

---

[1] Истор.-революц. арх. д. № 4, ч. 1, л. А, 1905 г.

монстрации со знаменами, пением и речами; если дойдут до площади, то там устроить политические митинги в самом широком масштабе. Итти вместе со своим районом. Держать себя мирно до первого столкновения...»

Большевики, относившиеся более критически к Гапону, однако, также были с массами, в толпе, во время демонстраций во главе их.

Действительно, соц.-демократы руководили борьбой на баррикадах Васильевского острова, соц.-демократы и пали от царских пуль вместе с рабочими в первых рядах на этих баррикадах, как это случилось с Марией Львовной Бердичевской, сказавшей умирая: «Ни на минуту не раскаиваюсь, что пошла на баррикады»[1].

Что же делало так называемое общество, не те сотни тысяч рядовых обывателей, мелкой буржуазии, которые пугливо закрывали свои магазины при приближении толпы, а те образованные либералы и радикалы всех оттенков, которые всегда так боролись с соц.-демократией и претендовали на то, что они-то и есть истинные руководители народа?

Они не дрались на баррикадах, в лучшем случае они были свидетелями и очевидцами движения, а, вообще, они собирались и говорили.

В редакции газеты «Сын Отечества» толпилось много народа—литераторов, писателей, просто либеральной публики, и туда же иногда заходили рабочие.

— Что нам делать?—спрашивали пролетарии, обвеянные порохом царских винтовок.

Но ответа на эти вопросы они не получали и с прежним недоумением уходили в свои темные и грязные районы.

Вечером 9 января в помещении Вольно-Экономического общества состоялось многолюдное собрание. Отчет об этом собрании сохранил какой-то репортер.

В высшей степени интересно сопоставить то, что делалось на этом собрании, с тем, что происходило на улице.

Здесь рассказывали друг другу о том, что происходит на улице, толковали о необходимости выделить немедленно группу техников-специалистов для изыскания способов снабдить население оружием, постановили привлечь к движению мелкую буржуазию, выработали обращение к офицерам и выслушивали речи попавших с улицы рабочих.

Один из таких рабочих обратился к собравшимся со следующей речью: «Господа либералы! Вы собрались здесь

---

[1] См. также Н. Дорошенко в «Кр. Лет.» за 1925 г. № 3 (14).

для обсуждения важного вопроса, а сами занимаетесь словопрением, развлекаетесь такими пустяками, как выбитие стекол во дворцах, точно малые дети. Рабочие гибнут в неравной борьбе с существующим правительством и его приспешниками, за так называемую вами, конституцию. Я ставлю вам прямо вопрос: что сделали вы, господа интеллигенты, чтобы помочь нам, дать деньги и оружие, с которыми мы могли бы отстаивать ваши и наши права и свободу? От имени рабочей партии я требую немедленного и точного ответа».

«Прямого ответа,—замечает репортер,—на свой вопрос представитель рабочей партии, однако, не получил...»

Очень хорошо характеризует состояние либеральных кругов Петербурга близкий им по своему классовому содержанию орган мелкой буржуазии «Революционная Россия»:

«Вечером 9 января в Вольно-Экономическом обществе собралась интеллигенция. Собрание было неорганизованное, пестрое по составу. Здесь, как и всюду, во все дни до и после выстрелов 9 января резала глаза, душу и сердце страшная историческая драма. Интеллигенция, революционная и либеральная, радикальная и просто пустозвонная, люди искренно готовые головы положить за обездоленный народ, люди проведшие много лет и месяцев по тюрьмам, по ссылкам, в лишениях и невзгодах, отказавшиеся от всего личного ради того же народа—и тут же люди, состоявшие при народе на предмет красивых разговоров, на предмет заполнения своей сытой жизни «интересами» народа, а то и просто для получения соответствующего гонорара по одному из департаментов либеральных профессий—все они образовали пестрое целое, оторванное от живой жизни, оставленное за бортом проснувшимся народом»[1].

Эти «оставленные за бортом» еще пытались, правда, что-то сделать и вечером устроили узкое конспиративное заседание, где были Гапон и Рутенберг, но, по словам соратника Гапона, из этого совещания ничего не вышло[2].

В той же «Революционной России» рассказывается, как на одном из таких либеральных заседаний один из либералов заявил, что и он готов протестовать против насилий правительства... отъездом за границу!

---

[1] «Революц. Россия», № 60.

[2] «Былое» за 1917 г. Записки П. Рутенберга и бурцевское «Былое» 1909 г.

Герой 9 января, Гапон, также был на этом знаменитом заседании в Вольно-Экономическом обществе, «...произнес,—говорит Рутенберг,—перед разношерстным собранием интеллигентов «от имени отца Георгия Гапона» речь, никому не нужную, ничего не значившую... и это в то время, когда на Невском продолжался еще расстрел...»[1].

А между тем по городу ходили самые фантастические слухи вроде того, что рабочие районы громят артиллерией, что колпинские пролетарии двинулись в Царское Село, куда скрылся Николай II, называли десятки тысяч убитых и раненых.

Нужно сказать, что в этом отношении погрешили и левые партии. В первоначальных отчетах соц.-демократических и эс-серовских газет также стояли эти огромные цифры.

В листке «Петербургского комитета РС-ДРП», как и в газетах «Вперед», в «Искре» и в либеральном «Освобождении», назывались убитые и раненые тысячами. «Убитые... Раненые... И их насчитывают сотнями, тысячами»,—так говорится в листке.

В первом правительственном сообщении сказано, что общее число пострадавших, по сведениям, полученным из приемных покоев и больниц, выражается числом: 76 убитых и 233 раненых.

Это сообщение, очевидно, прямо, если не списано, то составлено целиком на основании тех записок, которые охранное отделение посылало в департамент полиции; по крайней мере, в записке охранного отделения от 9 января тоже указываются, приблизительно, те же цифры.

Доклад департамента полиции министру внутреннних дел называет окончательной цифру: 96 для убитых и 333 для раненных, при чем из этого числа раненых умерло до 27 января еще 34 человека.

Таким образом, по официальным данным в день 9 января было убито (вместе с умершими затем от ран) 130 человек и ранено 299 человек, а всего пострадало 429 человек.

Цифра эта, несомненно, неправильна, ибо, во-первых, доклад департамента полиции говорит только о пострадавших в один день 9 января, во-вторых, несомненно, очень многие раненые в приемные покои не обращались, а прибегали к помощи частных врачей, что и удостоверяется не-

---

[1] Там же стр. 35.

которыми свидетелями, в-третьих, многих из раненых и даже некоторых убитых знакомые отвозили прямо домой, и, в-четвертых, правительство просто не знало точной цифры, а если бы и знало, то публиковать ее особенно не стремилось.

О пострадавших в дни 10, 11 и 12 января в докладе ничего не говорится, а их было не мало, в особенности на Васильевском острове.

Что у самого правительства не было точных сведений, об этом свидетельствует и донесение от 9 января, в котором даются предварительные цифры, но в котором, между прочим, говорится, что о числе убитых и раненых в самой гуще движения на Дворцовой площади «сведений не имеется».

Здесь просто трудно было установить число пострадавших, потому что отсюда, как это можно заключить из всех свидетельств, публика больше всего и увозила пострадавших не в приемные покои больницы, а домой.

Правительство, наконец, просто и не было заинтересовано в опубликовании точных цифр: все власти понимали, какое озлобление повсюду царит против них. В той же записке охранного отделения прямо так и говорится: «Озлобление во всех слоях общества страшное; им пользуются революционеры всех оттенков и склоняют народ вооружаться и действовать активно».

Если принять все вышесказанное во внимание и предположить, что по крайней мере наполовину уменьшена цифра раненых (пропущены не обращавшиеся в больницы, приемные покои, легко раненые), то учтя то обстоятельство, что хотя и единичные, убийства производились еще 10, 11 и 12 января, можно приблизительно, цифру раненых определить от 450 до 800, а убитых—от 150 до 200, так что все число пострадавших исчисляется от 800 до 1.000 человек максимально со всеми умершими от ран и пострадавшими в эти дни до полуторы тысяч человек, при чем максимальное число убитых могло быть около 500.

---

[1] К характеристике социального состава убитых приведем деление убитых по их социальному происхождению,—по списку, помещенному на 24 листе 2 тома части I дела № 4 б. департамента полиции за 1905 г. «О беспорядках среди рабочих 9—11 января 1905 г. в С.-Петербурге и Петербургской губ.»: из 101 человека, упомянутых в этом списке, было 55 крестьян, 14 мещан, один околоточный надзиратель (Шорников), зубной врач, студент, звание остальных не установлено. Пролетариат и здесь имел свою львиную долю.

Во всяком же случае, 5 и больше тысяч, какие назывались в первые дни, явно неверны, как неверна, по всей вероятности, и правительственная цифра 429; цифра в тысячу человек, повидимому, и есть приблизительно верная цифра: наши газеты определяли число убитых в 976 человек, а организационный комитет технологического института— в 1.216 человек. О том, что число убитых и раненых сильно увеличивалось не только обывателями, но и такими серьезными органами, как «Вперед» и «Искра», нечего говорить, ибо не трудно понять, что иного представления о числе пострадавших не могло и получиться, принимая во внимание варварское поведение войск.

Но, что мы правы, утверждая, что число всех пострадавших, в том числе убитых и легко раненых, едва ли доходит до тысячи, это вытекает и еще из одного замечательного факта: некоторые части войск стреляли вверх, явно не желая бить по толпе[1].

За это говорят многие соображения и факты. Во-первых, за это говорит тот факт, что люди, сидевшие на деревьях Александровского сада, погибли от выстрелов,—войска стреляли вверх; во-вторых, карнизы многих домов были изрешетены пулями; в-третьих, в некоторых письмах, напр., в одном из приведенных нами, говорится о том, что иногда войска стреляли вверх и, наконец, прямые указания очевидцев, что пули летели высоко над толпой.

Витте рассказывает в своих записках, что, когда он вышел на балкон своей квартиры на Каменноостровском проспекте как раз во время стрельбы, то пуля пролетела у него над головой.

О случаях отказа солдат стрелять в безоружную толпу говорит и Кранихфельд в своей статье в «Мире Божьем» за 1906 год.

Но так же несомненно и то, что в правительственных сообщениях число убитых и раненых сильно уменьшено.

---

[1] Тов. Бонч-Бруевич в своей статье в «Пролет. Револ.» за 1929 г. № 1 (84) на основании того, что дано было более 2 т. выстрелов полагает, что убитых и раненых было около 4 т. человек. Быть может его расчеты и верны, но по больничным спискам убитых, находившихся в наших руках, таких чисел получить нельзя. Нельзя также отрицать и факта стрельбы вверх и, думается, что цифра 1.000—1.500 ч. ближе всего к действительности. Если даже все 2 тысячи пуль попали в цель, то и тогда, вероятно, убитых было около трети и около двух третей раненых.

За это говорит и прямое свидетельство: в том списке убитых и раненых, который находится в делах департамента полиции, упомянуты всего 3 или 4 человека, лета коих показаны ниже 20, и нет ни одного детского имени, между тем достоверно известно, что в Александровском саду в числе убитых находились и дети.

Слухи же по городу ходили, действительно, самые невероятные. Впрочем, некоторые основания для всех этих слухов были, если даже охрана Царского Села, куда выехал царь, забила тревогу, так как до нее дошли слухи, что колпинские рабочие собираются двинуться в Царское.

«Докладываю вашему превосходительству,—писал начальник охр. отделения в деп. пол.,—что, по полученным сегодня ночью от находившихся в посаде Колпино филеров вверенного мне отделения сведениям, фабричные рабочие названного посада на состоявшейся многочисленной сходке решили, вооружившись кто чем может, а также револьверами и, по слухам, даже взрывчатыми метательными снарядами, двинуться завтра, 12 сего января, в С.-Петербург».

«К сему считаю нужным присовокупить,—пишет в своем донесении в департамент полиции также нач. петерб. жанд. управления,—что в посад Колпино выезжал начальник дворцовой полиции генерал-майор Ширинкин и на случай появления массы рабочих в Царском Селе приняты надлежащие меры, а в Колпино на 10 января будет послана из Царского Села стрелковая рота для воспрепятствования неблагонамеренным рабочим производить буйства во время работ» [1].

В другом донесении того же жандарма Касаткина сообщается, что прошел слух, будто рабочие из Петербурга решили двинуться на Царское; в виду этого решено было предложить рабочим до города не доходить, избрать из своей среды депутатов и послать в Царское Село.

«В случае несогласия на это рабочих,—добавляет полковник Касаткин,—решено принять против них самые крутые меры». А для принятия этих мер в Царское Село прибыл «лейб-гвардии кирасирский ее величества полк».

Эта бумага помечена 10 января: еще не окончились убийства в Петербурге, а верные царские слуги готовы были в случае чего угостить рабочих новым кровопусканием даже в Царском Селе.

---

[1] То же дело б. деп. пол. за № 4.

Полиция боялась того «страшного озлобления», которое царило повсюду против царя и его слуг, и потому постаралась скрыть от публики и от родственников похороны убитых.

Убитые и раненые долго лежали вместе в подвалах и других помещениях больниц—в Мариинской на Литейном, в Обуховской на Загородном, в Придворной-Конюшенной, за Нарвской заставой и в других местах. Начиная с 10 января, целые толпы родственников и знакомых ходили по больницам, разыскивали своих близких, слышали стоны умирающих, видели их искаженные страданием лица, и понятно какие чувства к виновникам расстрела возникали в душе этих людей.

Полиция же приняла все меры к тому, чтобы поскорее скрыть следы своего преступления: было дано распоряжение похоронить убитых тайно, не выдавая трупов их родственникам и не допуская публичных похорон, по возможности ночью или пораньше утром.

«На Преображенском кладбище,—говорится в донесении охранного отделения от 12 января,—в 6-м часу утра было доставлено 54 покойника, в том числе три личности коих не были установлены. По окончании отпевания все они были похоронены в общей могиле. Когда могила уже была засыпана, на кладбище нахлынула толпа рабочих, студентов и курсисток, которые потребовали разрытия могилы, а когда им было в этом отказано, попытались отобрать у могильщиков лопаты. Могильщики разбежались, а для удаления от кладбища толпы, которая постепенно прибывая, дошла до нескольких тысяч человек, были вытребованы три роты пехоты и конный наряд. Означенному наряду удалось удалить толпу без употребления в дело оружия, и к 4 часам дня порядок был восстановлен».

Так же тайно похоронили убитых и на Успенском и на Смоленском, Волковском, Охтенском и на кладбище за Нарвской заставой. До каких ухищрений доходила полиция, скрывая следы своего преступления, видно хотя бы из того, что администрация больниц просто не пускала публику опознавать убитых под предлогом, что в покойницких находятся трупы заразных больных. Но не удалось этого сделать за Нарвской заставой. Рабочие там хоронили убитых 9 января; десятитысячная толпа опустила своих «невинно убиенных 9 января», как писали многие на могилах, в землю, и в присутствии войск и полиции были произнесены горячие политического содержания речи. «Шапки долой, палачи!»—кричала

толпа, и смущенные солдаты и напуганная полиция покорно снимали шапки.

Так окончились великие события 9 января, но внутри, в душе многих миллионов трудящихся русских людей, происходила небывалая великая работа, великий переворот.

5. ПЕТЕРБУРГ ПОСЛЕ 9 ЯНВАРЯ

Быть может, лучше всего рисует настроение среднего типичного рабочего Петербурга после 9 января то письмо, которое отправили мастеровые Обуховского завода генералу Власьеву в ответ на его приглашение стать на работу[1].

«Милостивый государь, Геннадий Александрович. Мы, сознательные рабочие, считаем своим долгом заявить, что депутации, вроде бывших у вас 10 января, никоим образом не могут разрешить исхода забастовки. Во-первых, эти депутации совершенно не имеют никаких полномочий от рабочих вверенного вам завода; во-вторых, их просьба приступить к работам противна здравому смыслу потому, что она идет вразрез с требованиями всех рабочих города Петербурга; в-третьих, подобные требования могут печальным образом повлиять как на их участь, так и на участь завода. Мы требуем, чтобы работы не начинались впредь до благоприятного разрешения общих условий забастовки всех рабочих города Петербурга, которые должны быть вам хорошо известны без всяких депутаций... Кроме того, Обуховский завод имеет местные недочеты, как увольнения некоторых мастеров и подмастерьев, которые должны быть устранены; эти требования будут вам выяснены депутацией от нас, сознательных рабочих.

«При этом считаем не лишним (курсив везде наш. *В. Н.*) присовокупить, что объявления, подобные вывешенному вами, мы, как честные люди, предлагаем впредь не вывешивать, да поменьше упоминать бога, изображение которого у нас расстреляли, по распоряжению начальства, 9 января.

«Толковать же о войне с Японией в настоящий исторический момент даже с людьми и не вполне сознательными совершенно излишне. Мы, рабочие, как вы сами можете наблюдать, решились теперь биться до последней капли крови, до последнего изды-

---

[1] См. вышецитированное дело б. деп. полиции.

хания, что ярко показывают текущие события.

«Более своевременно напомнить теперь о лесных концессиях, о грабежах Красного Креста, по милости которых гибнут от голода и холода наши родные братья, что в настоящее время распространяет даже самая дешевая пресса.

«Сознательные рабочие Обуховского завода, 10 января 1905 г.».

Итак, рабочие-обуховцы «решились биться до последней капли крови». Но, быть может, скажут, что обуховский, даже средний рабочий выше общего уровня петербургского рабочего вообще. Что касается металлистов, то рабочий-обуховец не выше металлиста-питерца вообще, и, значит, их решение биться до последнего издыхания—есть решение всякого среднего металлиста Петербурга. А вот ткачи, чернорабочие? Может быть, они после 9 января остались прежними?

Ответ на этот вопрос дает письмо малоразвитого рабочего резиновой мануфактуры. Рассказав простым языком о расстреле 9 января, этот рабочий заканчивает свое письмо так: «Слава нашему царю и его правительству! С Японией не справится, а с людьми русскими с большим удовольствием победит. Нет больше правды, как у царя, нет больше блага, как у князей! Чья власть, того и правда»[1].

Об этом перевороте взглядов рабочего говорят все современные документы и свидетельства,—частные письма рабочих, показания очевидцев, анкеты, по которым был составлен упомянутый выше доклад присяжных поверенных,—решительно все.

Но, если так думали средние и малоразвитые рабочие, то что же думали передовые рабочие?

В статье «Две тактики», напечатанной в № 6 «Вперед», приводится текст прокламации, составленной и напечатанной самими рабочими в захваченной ими легальной типографии 9 января.

Вот текст этой прокламации:

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Граждане! Вчера вы видели зверства самодержавного правительства! Видели кровь, залившую улицы! Видели сотни убитых бойцов за рабочее дело, видели смерть, слышали стоны раненых женщин и беззащитных детей! Кровь и мозги рабочих забрызгали мостовую, мощеную их же руками. Кто же направил войско, ружья и пули в рабочую грудь? Царь, великие князья, министры, генералы и придворная сволочь.

[1] «Вперед» № 4.

«Они — убийцы! Смерть им! К оружию, товарищи, захватывайте арсеналы, оружейные склады и оружейные магазины. Разносите, товарищи, тюрьмы, освобождайте борцов за свободу. Расшибайте жандармские и полицейские управления и все казенные учреждения. Свергнем царское правительство, поставим свое. Да здравствует революция, да здравствует учредительное собрание народных представителей! Российская соц.-дем. раб. партия».

Не один ли и тот же смысл всех этих трех документов самой сознательной части рабочего класса—пролетария соц.-демократа, мало развитого рабочего и рабочего-середняка? Без сомнения, один и тот же—будем биться до последнего издыхания!

Произошел колоссальный, невиданный сдвиг в сознании рабочего: он прозрел и вдруг понял, где зло и что ему нужно делать. И произошло это в течение нескольких часов на улицах Петербурга, когда царские войска своими пулями прояснили сознание пролетариата.

«Революции у нас не было,—говорит отчет о событиях в «Искре».—Был один высоко психологический момент—вера в царя, под влиянием которого толпа пошла в город. Реакция наступила быстро. Но события 9 января показали рабочим, что просьбы больше не могут ничего дать. Они убили веру в царя...».

Это говорит интеллигент соц.-демократ и повторяет только те крики, что носились по улицам Петербурга после расстрела: «Нет у нас царя! Нет у нас царя!»

Что было до 9 января?

Стихийное рабочее движение бессознательных масс, где «все перемешалось: и гапоновщина и здоровые зерна соц.-демократического мировоззрения, зароненного в течение последнего десятилетия на эту благодарную почву».

И вот на этой благодарной почве выросло огромное движение, а из его хаоса появилось сознание, жгучая мысль: нет царя, не нужно его, долой его.

Это, вдруг выросшее сознание, сейчас же стало давать плоды.

Во-первых, не только рабочие, но и вообще все граждане поняли, что царя не нужно, что это зло, а во-вторых, что они, рабочие—сила и что им не нужны герои, ибо весь рабочий класс герой.

Первое следствие обнаружилось очень скоро после 9 января.

Когда царь и его слуги решили разыграть комедию с депутацией рабочих, которые явились во дворец к царю с повинной головой, и царь, как отец, пожурил, но простил и обласкал их, то весь рабочий класс Петербурга, как один человек, завопил: это наглый царский обман, это не наши депутаты.

В своей речи на приеме депутации от рабочих, царь, между прочим, сказал: «Я верю в честные чувства рабочих людей и в непоколебимую преданность их ко мне, а потому прощаю им вину их».

Действительно, с этими депутатами вышла жалкая комедия: их буквально силой набирали, арестовывали и чуть ли не под конвоем отправляли к царю. Да и что это были за депутаты! Когда они предстали пред царские очи, то сама охранка могла радоваться за царя,—делегаты были не хуже филеров.

В письме одного нелегального работника-большевика из Петербурга к В. И. Ленину по этому поводу говорится следующее: «... Депутат от путиловцев был изловлен при посредстве полиции, которая взяла его на квартире, отвезла в охранку, а оттуда он уже был переправлен в Царское Село и, таким образом, из арестованного превратился в депутата. Путиловцы страшно возмущены этой комедией и повсюду с негодованием заявляют, что никакого депутата они не выбирали, что на них клевещут и т. п. То же было и на некоторых других заводах. Из документа вы увидите, что в ход был пущен и подкуп. Наконец, рабочий Сорокин (список депутатов можете найти в «Нов. Вр.»)—заведомый шпион. Положение депутатов крайне опасное: везде рабочие грозятся их убить, или, по крайней мере, избить»[1].

В следующем письме этот же товарищ, близко стоящий к делу, рассказывает об этой депутации: «... Представители Путиловского завода под конвоем отправились сначала в Зимний дворец, где теперь живет Трепов. Показания депутатов насчет того, что происходило в Царском Селе, сбивчивы и противоречивы. Одни утверждают, что царь обедал вместе с ними, другие, что ничего подобного не было, одни говорят, что впечатление у них осталось прекрасное, другие, наоборот, что царь оставил жалкое впечатление, особенно после Трепова, а последний весьма внушительных размеров. Вот рассказ одного из делегатов. Их всех собрали в зале и

---

[1] Истор.-революц. арх. Особ. отд. № 5, ч. 1, л. А, 1905 г.

выстроили в ряд. Здесь им пришлось ждать, затем явился царь и обошел ряды депутатов, спрашивая поочередно у первого имя, у второго—фамилию, у третьего—из какой губернии, у четвертого—на каком заводе служит, а затем опять сначала. Затем он вынул из обшлага и прочитал бумажку, потом помолчал и, что-то пробормотав, ушел. После этого их повели обедать»[1].

Это описание товарища соц.-демократа, деятеля петербургской организации того времени, очень точно совпадает с описаниями и рассказами рабочих о гнусной комедии, которую проделали с петербургским пролетариатом 19 января 1905 г.

Но после 9 января не только петербургских, но и вообще русских рабочих обмануть было трудно.

Ведь движение носило чисто массовый характер, оно охватило пролетарский Петербург, и, как вскоре показали события во всей России, имея глубокие экономические и политические причины, охватило всю страну.

Стоит только взглянуть на петицию, выработанную петербургскими рабочими, и сравнить ее с требованиями, которые вырабатывались на отдельных петербургских фабриках и заводах, а затем и по всей России, чтобы убедиться в справедливости сказанного.

Восьмичасовой рабочий день, свобода профессиональных союзов, нормальная заработная плата, охрана труда законом—вот сущность тех требований, которые с поразительным единообразием предъявлялись решительно по всей России рабочими всех профессий и квалификаций, конкретизируясь и применяясь, конечно, к местным условиям.

В дальнейших главах мы увидим, как эти требования выдвигались повсюду в России и как они в соприкосновении с русской действительностью сейчас же получали и политическую окраску, превращая, таким образом, мирное экономическое движение в политическое столкновение с самодержавием.

Петербургские рабочие только раньше других сумели своим массовым движением выразить нужды всего пролетариата России.

Мало того, написав в политической части своих требований требование о свободах и о созыве учредительного собрания, они только ясно и резко поставили на очередь во

[1] Истор.-революц. арх. Особ. отд. № 5, ч. 1, л. А, 1905 г. Письмо принадлежит т. Гусеву С. И.

всеуслышание назревший вопрос о свержении самодержавия, а самодержавие практически доказало всем гражданам России, насколько его существование несовместимо с развитием страны и насколько правы рабочие, выдвигая это требование.

Движение было истинно массовым, и каждый рабочий понимал, что он сам его творец и двигатель: ведь петиция, в сущности, вырабатывалась самими массами, и уж, конечно, не священник Гапон составил ее и написал. С утра до вечера десятки тысяч рабочих слушали эту петицию, вносили в нее поправки и дополнения, впитывали ее содержание, и только после того, как не осталось ни одной фабрики или завода, где рабочие не прослушали бы петиции, не внесли в нее замечаний, не согласились с ее требованиями, она стала достоянием всего петербургского пролетариата, а затем и рабочих всей России.

Замечательнее всего, что самые темные рабочие говорили: да, мы за свободу и за учредительное собрание, но не против царя.

Говоря это, они не понимали, что подписывают смертный приговор самодержавию, которое их кровью на улицах Петербурга скрепило его.

Поэтому понятно, что личность минутного вождя этого движения не имела никакого значения: это был священник Гапон, ряса и крест которого тянули за собой отсталые массы; но это мог быть и кто-либо другой—какой-либо рабочий, или присяжный поверенный, вроде Носаря, или особенно любимый агитатор из рабочих.

Даже то обстоятельство, что Гапон был по сути дела охранник, не играло роли: массовое революционное движение только на несколько часов его шествия до Нарвских ворот очистило его от его охранной скверны, а как только царские пули пронзили иконы и портрет царя, Гапона уже не было, остался только охранник, маленький и ничтожный, самовлюбленный и трусливый.

Оно и ясно: героем 9 января был только сам пролетариат, и в этом величие движения и состоит.

Сознательные рабочие, а также соц.-демократы только оформили, отшлифовали стилистически требования и чаяния сотен тысяч петербургских пролетариев. Историю творила масса, а кто держал в руках карандаш, который записывал требования рабочих, это почти не имело существенного значения: если бы его в тот момент держали только соц.-демократы, все равно дальше того, во что вылилось

движение, оно не пошло бы, как оказались бессильными удержать его на чисто экономической почве такие люди, как Гапон, который ведь делал сначала дело охранного отделения.

Тов. А. А. Шилов произвел изыскания по вопросу о составе и характере петиции. Вот к чему вкратце сводятся эти изыскания. Согласно воспоминаниям всех участников и деятелей, ближайших сотрудников Гапона и его самого, уже в марте 1904 года Гапон набросал основные тезисы своей петиции. По мнению А. А. Шилова, это могли быть только те части известной всем петиции, которые озаглавлены: I «Меры против невежества и бесправия русского народа», II «Меры против нищеты народной», III «Меры против угнетения капиталом труда». На большее, по мнению А. А. Шилова, Гапон самостоятельно не был способен. Эти-то положения Гапон и предложил на обсуждение ближайших из своих сотрудников и друзей. В октябре, когда мыслью о таком или ином воздействии на власть снова заинтересовались гапоновцы, произошло то совещание Гапона и его друзей с Кусковой и Прокоповичем, о котором упоминается в некоторых документах. Здесь, на этом совещании, никто из присутствующих представителей демократии никаких поправок в тезисы, предложенные Гапоном на обсуждение, не внес. Тезисы же эти и были набросанные Гапоном «меры».

Затем, уже незадолго до выступления, произошло какое-то совещание Гапона с неизвестным соц.-демократом на Гороховой (об этом рассказывает Павлов в своих воспоминаниях). Здесь этот неизвестный соц.-демократ набросал тезисы и предложил их собранию. Что же это были за тезисы? А. А. Шилов полагает, что это была та резолюция, которая потом была опубликована в № 65 «Освобождения» и которую в тот же вечер Гапон читал на собрании за Нарвской заставой. Когда эта резолюция была одобрена и принята на собрании, Гапон, по мнению Шилова, уже сам приделал к резолюции то начало, которое всем известно и начинается словами: «Государь! Мы, рабочие г. Петербурга, и т. д.». А затем это обращение к царю читалось в районах и там уже с поправками, вставками, предложенными рабочими, получило ту окончательную форму, которая известна под именем петиции и текст которой напечатан в приложении [1].

Верны или нет предположения А. А. Шилова (мы думаем, что в них есть очень большая доля истины), важно в выс-

[1] «Красная Летопись» за 1925 г., № 2 (13). А. Шилов: «К документальной истории «петиции» 9 января 1905 г.».

шей степени одно обстоятельство, которое им указывается, именно то, что та часть резолюции, которая была составлена неизвестным соц.-демократом, находится и в петиции и, что важнее всего, в прокламации... большевистского комитета! Прокламация эта, «Ко всем петербургским рабочим», была выпущена 8 января 1905 г., и в ней, после небольшого вступления, приведены пять требований — созыв учредительного собрания, уравнение в гражданских правах, гарантии гражданской свободы, амнистии и прекращение войны—с буквальной точностью так же, как и в петиции Гапона.

Это замечательное обстоятельство не может быть случайным совпадением: прокламацию нужно было не только написать, но и напечатать, для этого нужно было по крайней мере дня два-три, стало-быть она могла быть написана числа 5 или 4 января, а так как в № 65 «Освобождения» корреспонденция, в которой приводится резолюция с частью текста, слово в слово совпадающей с частью текста прокламации Петербургского комитета, помещена 6 января 1905 г., то безусловно остается только два предположения: либо Гапон взял кое-что из прокламации большевистского комитета, либо большевистский комитет взял кое-что из петиции. Но первое предположение нужно отбросить, так как большевистская прокламация вышла 8 января, а петиция была готова уже 6 января. Остается только второе предположение, что большевики вставили в свою прокламацию слово в слово часть гапоновской петиции. Но как же это могло быть, если большевики всячески стремились отгородиться от Гапона? Ведь даже в той же прокламации Петербургского комитета, где помещены пять требований, слово в слово совпадающих с требованиями, напечатанными в петиции, сейчас же вслед за этими требованиями идет такое место: «...И теперь Петербургский комитет РС-ДРП приветствует рабочих, понявших необходимость политической свободы. Но петербургские рабочие должны понять, что те требования, которые они выставляют, ничего другого не означают, как конец самодержавия...».

С другой стороны, автором указываемой нами части петиции (совпадающей с частью прокламации ПК и написанной каким-то соц.-демократом) не мог быть и меньшевик, ибо никто из меньшевиков, и в том числе Сомов, не говорит о совещании с Гапоном, кроме как 7 января за Невской заставой. О совещании 5 января указаний нигде нет. Стало-быть, есть вероятность, что в составлении петиции принимал

участие какой-то большевик, который, как автор упомянутой выше резолюции, и внес ее в текст прокламации ПК.

Верно или нет это наше предположение, из всего вышесказанного следует, что изыскания А. А. Шилова только подтверждают наше мнение. Гапоновская петиция есть результат коллективного творчества, авторами ее нужно считать, во-первых, Гапона и руководящую группу рабочих, во-вторых, какого-то соц.-демократа и, наконец, массу петербургских рабочих, внесших поправки и добавления.

Таким образом, на этом документе, который полит и скреплен крепчайшей печатью—кровью трудящихся, как нельзя лучше выясняется характер самого движения,—стихийного, массового, коллективного. Быть может, никогда в истории человечества, лучше и ярче не подтверждалось положение Маркса, что бытие определяет сознание, что в основе хода идей лежит ход вещей, как в январские дни, когда массовые, коллективные процессы движения масс так хорошо, так полно отразились в коллективном создании петиций [1].

Героем движения был только пролетариат, многоликий и единый, стоустый и мощный, наивный и самоотверженный, кровью своей оросивший первые шаги к свободе.

Вот почему личность и дальнейшая судьба Гапона мало интересны. Читатель, конечно, найдет литературу, при помощи которой можно подробно выяснить зарождение гапоновщины, ее корни и связи [2], это, конечно, важно знать, чтобы выяснить себе истинную полицейскую физиономию Гапона и его дела, но заниматься подробным изучением, как предавал рабочих Гапон после 9 января, нет смысла: это дока-

---

[1] Вот часть резолюции, входящая в одно и то же время и в текст прокламации ПК и в текст петиции:

«Созыв учредительного собрания из представителей всего русского народа, избранных всеобщим, равным, прямым, тайным голосованием. Учредительное собрание должно выработать реформы по управлению государством, именно передачу власти из рук чиновников в руки представителей народа, избираемых также всеобщим голосованием (парламент). Необходимыми условиями для осуществления этого требования являются:.. 2) Уравнение в гражданских правах всех сословий (крестьян, мещан, купцов, дворян и духовных), народностей и вероисповеданий. 3) Гарантии гражданской свободы: неприкосновенность личности и жилища, свобода слова, печати, собраний, всевозможных обществ и рабочих союзов, свобода стачек. 4) Освобождение из тюрьмы и ссылки лиц, понесших наказание за так называемые политические преступления, в том числе за рабочие стачки и крестьянские беспорядки. 5) Прекращение войны по воле народа».

[2] Литература эта приведена нами в № 1 «Кр. Летописи» за 1922 г.

зано и этого довольно. За свое предательство он был повешен рабочими, его прежними товарищами по организации Союза, 28 марта 1906 года.

Гораздо правильней можно было бы вождями движения назвать ту группу честных рабочих, которые, отчасти не зная о службе Гапона в полиции, отчасти только догадываясь об этом, думали использовать рясу священника и его связи во имя интересов рабочих, но и они, в конце-концов, сделались только выразителями интересов масс, которые в бурном своем стремлении к свободе перешагнули не только через полицейский союз Зубатова-Гапона, но даже через тогдашние организации нашей партии.

Но прежде чем перейти к вопросу о том, как отразилось движение 9 января на нашей нелегальной организации, скажем несколько слов о том, как преломлялись великие события в умах людей, выражавших стремления и интересы непролетарских слоев населения.

Партия тогда еще революционной мелкой буржуазии в своем органе «Революционная Россия» так оценивала момент: «Наступило критическое время. И в ширь, и в глубь разростается поток массового движения; это уже не волнение, не стачка, не демонстрация, не бунт; это—народное восстание, это—начало, преддверие революции».

И определив так движение 9 января, эсеры призывали к дальнейшей борьбе во имя интересов десятков миллионов крестьян, к борьбе за землю против частной собственности, и заканчивали призывом к вооруженной борьбе: «Развивайте силу движения! Вооружайте народ, идите сами с оружием в руках в его первых рядах...».

Орган либеральной буржуазии «Освобождение» устами П. Струве тоже призывал к борьбе за свободу, но выводы, к каким он приходил, сводились к призывам объединиться всем партиям воедино: «Вчера еще были споры и партии. Сегодня у русского освободительного движения должно быть едино тело и един дух, одна двуединая мысль: возмездие и свобода во что бы то ни стало».

Как добиться этой свободы, об этом Струве не говорил ни слова,—путем ли вооруженного восстания, или путем соглашения и компромиссов с тем самым Николаем Кровавым, которого лидер либералов называл весьма нелестными именами, с которым так единодушно в декабре того же 1905 года либералы подавляли восстание рабочих в Москве.

Другой почтенный орган наших народников «Русское Богатство» пером В. Г. Короленка старался кого-то убедить,

что: «...растущее сознание является лучшим залогом спокойного общественного развития и общественного здоровья, если только отнестись к нему правдиво и истинно»...

Уподобляя русскую жизнь кипящему котлу с закрытыми клапанами, В. Короленко вопрошал: «И вот... еще один опыт... и неужели клапаны опять будут закрыты?

«Жизнь не ждет. Перед русским обществом и перед русским народом все явственнее встает загадка его существования, и возврата уже нет и быть не может.

«Это ясно, и что касается русского общества, то оно сознало это бесповоротно»[1].

Кранихфельд в «Мире Божием» так формулировал суть пережитых в 1905 году событий: «Рабочие поставили ставку и проиграли ее. Но ставкой их была и без того изъеденная ржавчиной монета с истертой надписью: «вера в царизм», и потеря ее ни мало, конечно, не ослабила их энергии бороться за лучшую долю»[2].

Но, быть может, самым характерным выражением тех мнений, которые царили в различных слоях русского общества о событиях 9 января, является обзор в «Вестнике Европы»[3].

Обозреватель, признав, что 9 января 1905 г. — день для России исторический, мало равных ему по значению дней было в прошлом; немного будет, наверное, и в будущем», — признав это, обозреватель сознается далее, что, когда на собрание интеллигентов в Вольно-Экономическом обществе пришел рабочий и сделал свои категорические заявления (а они сводились, как известно, к требованию оружия), «на фоне его категорических и кратких заявлений особенно ярко выступали расплывчатость речей и явная непрактичность предложений ораторов, непрерывно сменявших один другого».

Стало-быть, цвету русской буржуазной интеллигенции пришлось расписываться либо в своей неподготовленности к революции, либо в стремлении к соглашению со старым порядком.

Особенно интересна та нотка, звучащая в этом обзоре, где подчеркивается с радостью, что рабочие 9 января стремились «обособить себя и свои действия от революционных

---

[1] «Русское Богатство» за 1906 г., № 1, «Хроника внутр. жизни».

[2] Вл. Кранихфельд. «Кровавое воскресенье» (9 января 1905 г. в Петербурге). «Мир Божий» № 1 за 1906 г.

[3] «Вестник Европы» за 1906 г., № 2, «Из общественной хроники».

элементов, в обычном о них у нас представлении, и от их действий».

Обозреватель «Вестника Европы», впрочем, дошел до того, что нашел в движении 9 января какие-то славянофильские корни и нити, до такой степени ему самому хотелось избежать вооруженного столкновения с самодержавием.

Впрочем, так называемые интеллигентные слои общества на словах были очень левыми.

Не говоря уже о студентах и курсистках высших учебных заведений, заявлявших на своих сходках протесты против расстрелов и свою солидарность с рабочими, даже редакторы петербургских газет потребовали конституции. Под постановлением в этом духе стоят подписи редакторов таких журналов, как «Право», «Наши Дни», «Сын Отечества», «Биржевые Ведомости», «Русь», «Слово», «Новости», «Петербургские Ведомости» и даже «Новое Время» и «Свет» с «Петербургским Листком».

Протест присяжных поверенных вылился даже в виде некоторых практических шагов: они предприняли обследование по вопросу о том, кто виновник событий, и в особой записке, на основании собранного богатого анкетного материала, нарисовали яркую картину движения и требовали суда над виновниками [1].

Записка эта была напечатана в мае 1905 года и тотчас же конфискована.

Словом, все слои общества так или иначе выражали свой протест против существующего режима и свое сочувствие, по крайней мере на словах, рабочим.

Существенной же помощи в виде денег и оружия общество оказало немного, а между тем нужда среди рабочих царила невиданная. Хотя фабриканты и в особенности инженеры тоже говорили о конституции, однако, кошельки свои открывали неохотно.

В деле департамента полиции за 1905 год «О волнениях и стачках среди рабочих» имеется отчет «Красного Креста» за время от 9 по 24 января. За это время собрано всего 44.947 руб. 71 коп. и израсходовано 33.586 руб. 20 коп., это в то время, когда бастовал весь Петербург и когда какой-нибудь маленький цех Путиловского завода должен был выплачивать своим рабочим сотни тысяч рублей.

Между тем, в этом же отчете «Красного Креста» написано: «И администрация и многие заводоуправления так

---

[1] Записка опубликована нами в «Кр. Лет.» № 1 за 1922 г.

вызывающе держат себя в отношении рабочих, что некоторые заводы в последние дни вторично забастовали. Нет ничего невозможного, что забастовка снова примет широкие размеры».

При этом необходимо принять во внимание, что большая часть собранных «Красным Крестом» средств шла не на стачечников, а в виде помощи ссыльным и заключенным.

Так сочувствие либерального, буржуазного общества рабочим на словах было одно, а на деле другое. Такова логика классовой борьбы.

И, хотя сама охранка 13 января с грустью констатировала, что рабочие в ответ на объявление градоначальника, призывавшего рабочих стать на работы, относятся «с недоверием к данным в воззвании обещаниям, говоря, что если они теперь станут на работу, то все останется по-старому», однако нужда заставила забастовку на время прекратиться, и то же охранное отделение, того же 13 января, с радостью извещало департамент полиции, что к работам приступили 24 предприятия, в числе которых были такие, как Обуховский и Александровский заводы.

Голод и свинец сломили протест, но всем было ясно, что все это временно.

Не касаясь пока вопроса, как отразились события 9 января на провинции, что является содержанием дальнейших глав, остановимся хотя бы кратко на том впечатлении, какое произвело кровавое воскресенье на весь цивилизованный мир.

Нечего говорить, что среди левых партий, выражавших интересы пролетариата, события в России нашли единственное истолкование: 9 января—начало русской революции.

Каутский так и высказывался в своей статье «Революция в России».

В конце этой статьи он говорит: «Русский пролетариат выйдет из катастрофы ровесником европейского, быть может, его передовым бойцом в великой международной борьбе против всякого господства и всякой эксплоатации. Его победа даст новые силы в борьбе пролетариям всех стран, она повсюду смутит и ослабит врагов пролетарского дела.

«Не для одной только России началась новая историческая эпоха; 22—9 января нынешнего года она началась для целого мира. Нам предстоят великие события. Пусть великий момент найдет достойное его поколение».

Роза Люксембург в Neue Zeit, тоже в специальной статье, посвященной «Революции в России», рассмотрев развитие русской соц.-демократии, указав на то, что даже соц.-демократы не сумели захватить в свои руки движения, подчеркивает, что, тем не менее, соц.-демократия оказалась единственной партией, которая не растерялась при виде массового восстания пролетариата.

«Девятое января облекло слово плотью и кровью и показало всему миру русский пролетариат в самостоятельной политической революции. Духом Маркса веяло от первой большой битвы за русскую свободу на улицах Петербурга, и он же рано или поздно, с необходимостью закона природы, приведет к победе».

Так хорошо и правильно писали тогда не только «Красная Роза», но даже и Каутский.

Менее решительно высказывался Жорес в L' Humanite, но и он разделял мнение, что дни самодержавия сочтены.

«Международное социалистическое бюро», за подписью Эмиля Вандервельде, Эдуарда Анселе и Виктора Серви, обратилось с воззванием к рабочим всех стран, призывая их помочь русским рабочим не только на словах, но и на деле своими средствами.

От имени русских заграничных организаций выступили Плеханов, Аксельрод, Засулич, Дейч и Второв с воззванием к «Цивилизованному миру».

Бунд также в специальном воззвании приглашал еврейских рабочих на борьбу с самодержавием вместе с русским пролетариатом.

Но все такие искренние горячие знаки сочувствия были каплей в море по сравнению с той всеобщей волной собраний, митингов и демонстраций в знак сочувствия русским рабочим, которые прокатились по всему миру.

Прежде всего откликнулась Германия.

Огромные митинги, с десятками тысяч участников, произошли в Штутгарте и Мюнхене.

На этих митингах выступали лучшие тогдашние вожди рабочих. В Мюнхене на митинг собралось около 12.000 человек, выступали с речами Фольмар, Брентано и др. Один из ораторов, характеризуя события в России, сказал: «Это — общее дело всего человечества».

В Штутгарте митинг вынес резолюцию протеста и постановил добиваться от своего правительства, чтобы в Германии право убежища для русских политических борцов

было неограничено. Такие же многолюдные митинги происходили и в других городах.

В Австрии произошли митинги и демонстрации во многих городах, а в Кракове демонстрантов было 20.000 человек. И здесь выносились резолюции сочувствия и производились сборы пожертвований. Австрийские соц.-демократы в первый же день пожертвовали в пользу русских рабочих 1.000 крон. В Швейцарии, в Женеве произошел грандиозный международный митинг, где выступали кроме иностранцев и русские соц.-демократы-эмигранты, как Троцкий, Луначарский, Ленин и др.[1].

В Италии, во Франции и Америке—всюду собирались митинги, происходили демонстрации, собирались деньги в помощь русским рабочим.

К этим демонстрациям и протестам присоединялись не только рабочие, но и студенты, адвокаты, художники, журналисты, писатели и ученые.

Так, по поводу ареста Горького, журналисты и ученые Франции, Германии, Австрии, Италии, Америки и других стран выразили свой протест и постановили добиваться освобождения Горького.

Мало того, даже на заседаниях западно-европейских парламентов вносились левыми депутатами запросы по поводу событий 9 января.

Так, в итальянском парламенте депутат-республиканец Мирабелли предложил выразить сочувствие русским рабочим, а социалисты—депутаты Турати и Биссолати внесли запрос своему правительству, почему оно не исполнит своего долга и не вынесет своего протеста и негодования русскому самодержавному властителю.

Такое же предложение было внесено в астрийский парламент; многие муниципалитеты во Франции, Австрии и Германии не только выразили знаки своего сочувствия, но и собрали значительные суммы в пользу русских рабочих.

Таким образом, высказываемая многими писателями и ораторами мысль о том, что дело русской революции есть дело всего человечества, оправдывалась в действительности.

И авторами, виновниками этого дела всемирно-исторического значения, были петербургские рабочие.

---

[1] См. «Кр. Лет.» за 1922 г. Н. Р-ов, «Митинг в Женеве 13 января 1905 г.».

6. СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ В ПЕТЕРБУРГЕ ПОСЛЕ 9 ЯНВАРЯ

И большевики и меньшевики, да и социалисты всего мира, сходясь в оценке общего значения январских событий, очень сильно расходились, когда подходили к вопросу о непосредственной практической задаче момента.

Особенно большая разница, можно сказать—глубокая пропасть, образовалась между левым и правым крылом русской соц.-демократии.

Меньшевики, в большой статье в № 85 «Искры», под названием «Девятое января», в общем практически сводили вопрос к пропаганде и агитации среди народных масс идеи восстания.

Все старания подпольных организаций, по мнению меньшевиков, «не будут иметь никакого значения, если они не сумеют вооружить народ одним незаменимым оружием жгучей потребностью напасть на самодержавие и вооружиться для этого».

Большевики же, в противовес меньшевикам, не придававшим почти никакого значения практической подготовке восстания, видели в такой подготовке и в вооружении масс непосредственную важнейшую задачу момента.

В передовой статье № 4 «Вперед» большевики выразили это отношение в следующих словах: «Немедленное вооружение всех рабочих и всех граждан вообще, подготовка и организация всех революционных сил для уничтожения правительственных властей и учреждений—вот та практическая основа, на которой могут и должны соединиться для общего удара все и всякие революционеры. Пролетариат должен всегда итти своим самостоятельным путем, не ослабляя своей связи с соц.-демократической партией, памятуя о своих конечных целях избавления всего человечества от всякой эксплоатации. Но эта самостоятельность соц.-демократической пролетарской партии никогда не заставит нас забыть о важности общего революционного натиска в момент настоящей революции».

Не «жгучая потребность напасть на самодержавие», а практическая подготовка этого нападения, при чем использование для этого всякой революционной силы—вот задача момента.

Это коренное расхождение определило и дальнейшее расхождение по важнейшим вопросам тактики двух частей

русской соц.-демократии и, конечно, прежде всего отразилось на той самой организации, где пролетариат поднял знамя восстания против самодержавия, в Петербурге.

Очертим, однако, хотя бы кратко, те последние, какие имели события 9 января для нашей нелегальной соц.-демократической организации, по крайней мере в ближайшие дни после событий.

В уже цитированных письмах соц.-демократа большевика С. И. Гусева, работавшего в это время в Петербурге, вот что говорится по этому поводу. «Правда, теперь предложение услуг со всех сторон огромное, но все народ молодой, неопытный, неизвестно насколько верный и т. д. А между тем работы целые монбланы, так что в отчаянии складываешь руки и пишешь письма за границу, потому что не знаешь,— с чего прежде всего начать, за что ухватиться. Нужно и то, и другое, и третье. Кружки растут, как грибы, целыми сотнями, новых пропагандистов и агитаторов—конца нет, со всеми нужно поговорить, всякого выслушать, иначе мы обижаемся и идем к меньшинству, где достаточно сил, чтобы и дело делать и болтать: солдаты требуют листков, рабочие требуют листков, крик—«литературы» стоит над всем Питером, и листок выпускается—10 тыс. в день, когда необходимый минимум—100 тыс., литературы на складе 20 ф. (!?), когда ее нужно 20 пудов. Давайте нам объяснение программы-минимум,—требуют серые рабочие,—нам это нужно прежде всего знать. И потребуется быть может месяц-два для того, чтобы выпустить серию таких листков, а они нужны теперь, немедленно. Организаторы ругают техников, техники—организаторов, и, наконец, техники вместе с организаторами—распространителей. Каша везде невозможная, а главное потому, что нет хозяина, потому, что везде, во всем нужен хозяйский глаз, во всякой мелочи, во всяком пустяке. А хозяева вынуждены сразу в двух магазинах торговать, и, что хуже всего — нет приказчиков вообще, а в особенности таких, на которых можно было бы положиться, которым можно было бы доверять».

Разумеется ли здесь под хозяином и приказчиками техника и ее работники—неизвестно, но, действительно, с типографией дело в те времена обстояло не блестяще; спрос, действительно, на литературу был огромный, а выполнение ничтожное.

В таких же приблизительно чертах рисует настроение рабочих после 9 января и другой свидетель и участник

движения в Петербурге: «Настроение после 9 января в рабочих кварталах все время было возбужденное. Пропагандистские кружки не удовлетворяли рабочих. Даже партийные заводские и районные ячейки собирались плохо. Рабочее движение рвалось из подполья на волю. То здесь, то там вспыхивали стачки. Митинги на фабриках и заводах становились обычным явлением. Массы, казалось, в любой момент готовы были выйти на улицу» [1]. Неудивительны после этого жалобы Гусева на недостаток сил по сравнению с теми огромными запросами, которые вдруг хлынули такой лавиной на нашу соц.-демократическую организацию.

С каждым днем, однако, приток революционных сил к большевистской нелегальной организации увеличивался. Только что приведенные строки писались 20 января, т. е. неделю спустя после событий, а через пять дней тот же автор писал: «События пробудили огромную массу сил. От предложений (самых разнообразных) нет отбоя. Фактически у нас имеется огромный конспиративный аппарат, который остается только усовершенствовать в некоторых его частях, чтобы он действовал прекрасно. Достаточно упомянуть, что у нас теперь около 60 агитаторов (более половины, правда, очень молодых), масса народа, выполняющего и готового выполнять самые мелкие функции беготни, передачи, разноски, явок, переписки, экспедиций и посылки писем, наконец простого переписывания различных материалов».

Конечно, и этих сил нехватало, как нехватало сил и у меньшевиков, у которых всегда бывало больше молодежи из буржуазии, о чем не без основания писал автор большевистского письма:

«Положение у меньшевиков в этом отношении лучше, ибо они двинули 30—40 девок из-за границы, верных и преданных до истерики, которые скорее выцарапают вам глаза, чем дадут обидеть своего Христосика—Мартушку или свою «Матерь Долороза»—Засулич».

Действительно, до приезда «Ивана Сергеевича», т. е. Гусева, в 1904 году в Петербург, т. е. до его вступления на пост секретаря Петербургского комитета нашей партии,

---

[1] Комиссия по изучению истории профессионального движения в России и материалы по истории професс. движения в России, сб. 2, изд. ВЦСПС, Москва 1924. П. Колокольников (К. Дмитриев). Отрывки из воспоминан., стр. 219.

ответственных выдающихся работников в местной нелегальной организации было очень мало.

Документы, находящиеся в нашем распоряжении, не дают возможности восстановить полной картины Петербургского комитета того времени.

В Петербурге, как упомянуто выше, в конце 1904 и начале 1905 годов, работали выдающиеся представители большевистского направления. Так в Петербурге находились члены большевистского ЦК — А. А. Малиновский-Богданов и П. П. Румянцев, работали там Е. Д. Стасов, Р. С. Залкинд-Землячка, в конце 1904 г. был М. Н. Лядов, работали также Голубева, Смиттен, М. М. Розенберг-Эссен («Зверь») и другие. С. И. Гусев («Нация») был секретарем ПК. Но большинство этих работников в непосредственной массовой работе среди пролетариата не участвовало.

Документы устанавливают немного таких работников, которые в самый разгар январских дней пытались так или иначе вмешаться в события, броситься в массы и там, в рабочих низах повлиять на ход этих событий.

К числу таких работников относятся Петр Иванович Квита [1], Александр Львович Харик, Вениамин Вениамино-

---

[1] Петр Иванович Квита, по конспиративной кличке «Петр Порфирьевич» (см. стр. 80), бывший студент Московского университета, естественник, сын кишиневского жандармского унтер-офицера, мещанина г. Бендер, был в свое время, хотя и мало известный широким кругам подполья, но выдающийся, оригинальный революционер соц.-демократ.

Окончив кишиневскую гимназию и еще там проявив известную строптивость, он поступил в 1897 году в Московский университет и там же вместе с товарищами студентами А. Ф. Нефедовым и В. И. Кровобоковым организовал довольно обширный соц.-демократический кружок, просуществовавший до начала 1899 года, когда он был ликвидирован жандармами. В этот кружок входило много рабочих и были хорошие и прочные связи с рабочими Гужона, Гакенталя, Прохоровской мануфактуры и других менее крупных заводов.

В 1900 году Квита был выслан под гласный надзор полиции в г. Мензелинск Уфимской губернии. В 1903 году он возвратился из ссылки в г. Кишинев, но уже в июне опять был выслан в Вологодскую губернию на 5 лет, откуда бежал 8 июля 1908 года.

После этого Квита работал нелегально в разных местах и, наконец, в 1904 году оказался в Петербурге, где и работал под кличкой «Петр Порфирьевич», живя по фальшивому паспорту на имя Болеслава Осиповича Бартасевича.

Другой работник носивший конспиративную кличку «Лев Львович» и проживавший по фальшивому паспорту, на имя Михаила Моисеевича Кугаева, был Вениамин Вениаминович Лившиц.

Он работал в Одессе в местном соц.-демократическом комитете, в 1901 году был арестован и в 1903 году выслан под гласный надзор

вич Лившиц, Явич, Жилевич, а также рабочие Приклонский, Ребрантов[1].

Эти товарищи выступали на гапоновских собраниях, спорили с гапоновскими ораторами, указывали массе на вероятный исход развертывающихся событий, звали рабочих в ряды социал-демократии.

Полиция, не обращавшая внимания или, вернее, допускавшая развиваться движению, исходящему из гапоновского Союза, зорко следила за соц.-демократами и уже за несколько дней до 9 января приступила к арестам.

Выследив меньшевичку курсистку Блох, которая переносила прокламации из квартиры студ. Павла Степановича Радецкого, она 3 января арестовала ее, при чем у нее в портфеле оказалось 650 штук листков «Правда о войне», изданных Центральным комитетом партии.

6 же января были арестованы и переносчицы литературы, курсистки Клавдия Дмитриевна Машарина и Вера Григорьевна Фриденсон. У Машариной было взято 304, а у Фриденсон 286 штук прокламаций «К борьбе» «С.-Петербургской группы при ЦК». (Прокламации находились в особых холщевых мешках в платье).

А так как полиция выследила квартиры, откуда выносили листки, то вскоре были арестованы и студенты, где эта литература хранилась: Александр Дмитриевич Лобанович и Альфред Адольфович Нейман.

Установив связь курсистки Блох с Радецким, полиция, таким образом, напала на одну из техник меньшевиков.

полиции с запрещением права жительства в губерниях столичных, а также в Саратовской, Полтавской и Таврической.

Оба нелегальных товарища Квита и Лившиц вели очень энергичную работу как раз в период январских событий. Они и еще Александр Львович Харик, Явич и Жилевич и были теми большевиками, которые, с одной стороны, как Квита и Лившиц, вели борьбу с меньшевиками во время дискуссий, на рабочих собраниях, как это уже указано на стр. 82, а Харик, Явич и Жилевич были теми агитаторами, с другой стороны, которые выступали на собраниях гапоновского Союза.

Александр Львович Харик—сначала студент Московского университета, а затем Казанского, который он окончил еще в 1898 и 1899 году—был в близких сношениях с кружком Квита в Москве.

[1] Состав ПК установить сейчас весьма нелегко, так как даже участники движения не в состоянии точно фиксировать имена членов комитета.

См., наприм., разноречие по этому поводу в «Пролет. Революц.» № 11 (34) за 1924 г., стр. 46., примечание к протоколам заседания ПК за ноябрь 1904 г. см. об этом выше на стр. 83.

6 же января при обыске у студента Павла Степановича Радецкого обнаружена маленькая техника «Петербургской группы при ЦК». Жандармы нашли в квартире Радецкого в комоде его матери 4 желатиновых валика для печатания на гектографе, деревянный вал, грифельную доску для растирания краски, папиросную бумагу для просушки и 2½ стопы чистой бумаги.

Так потерпела урон меньшевистская группа.

Большевики подверглись разгрому одновременно.

«Петр Порфирьевич», или Квита, был арестован 11 января на улице и вместе с ним курсистки-медички Анна Антоновна Маркевич и Мария Лаврентьевна Иванова, у которых была какая-то явочная квартира.

Вслед за арестом Квиты жандармы «ликвидировали» еще ряд лиц, так или иначе соприкасавшихся с только-что указанными соц.-демократами.

Аресты эти произошли вскоре же после январских событий: были арестованы почти все лица, перечисленные нами на стр. 80—81.

Арестованы были: Бартасевич-Квита, Бронштейн-Блюма[1], Гагин С. А., Генкина О. М., Губельман Э. И., Денисов С. Д., Иванова М. Л., Маркевич А. А., Савельев И. М., Кугаев-Лившиц В. В., Кузьмичев В. К., Моргиева Г. Ш., Макаров В. С., Набоков А., Приклонский П. Д., Ребрантов А. П., Слиозберг В. Е., Хариузов П. Е., Явич М. П. и Харик А. Л.

Деменьев скрылся.

Таким образом Гусеву «Ивану Сергеевичу» предстояла огромная работа как раз в тот момент, когда организация была очень сильно ослаблена как у меньшевиков, так в особенности и у большевиков.

Этим, а также колоссальным расширением работы вследствие огромного притока рабочих в организацию после 9 января, объясняются те жалобы, какие слышатся в приведенных выше отрывках из писем большевика-питерца в ЦК.

Аресты, однако, не помешали Петербургскому комитету надлежащим образом осветить январские события. ПК выпустил семь специальных «листков о революционных днях в Петербурге»—9, 10 и 12 января (четвертый и пятый листок без указания числа), 15 января (седьмой листок без

---

[1] Бронштейн-Блюма—меньшевичка.

даты) и «Бюллетень ПК» за 18 января, а также несколько прокламаций.

Конечно, листки эти не могли удовлетворить той огромной потребности в соц.-демократической литературе, которая теперь ощущалась в среде петербургских рабочих: нелегальная типография могла дать в лучшем случае несколько тысяч листков, тогда как их требовались сотни тысяч[1].

Вскоре, впрочем, убыль, причиненная арестами, заполнилась, так как приток интеллигентных сил из учащейся молодежи настолько возрос, что жаловаться на недостаток сил уже не приходилось.

Уже 24 января корреспондент Петерб. комитета писал в центр большевиков за границу: «...Изложу вам план организации... Кружки разбиваются на три типа: 1) Низшие кружки—«летучки»—непостоянного состава, нерегулярно собирающиеся. Такие летучки должны устраиваться каждый день по нескольку в каждом районе. Агитатор по данному ему плану (заготовляемому специально литераторами) и материалам составляет речь, которую он произносит несколько раз в нескольких кружках, заготовляя в то же время другую речь. Таким образом, достигается экономия времени и сил, и, что главное, каждая речь строго обдумывается и хорошо приготовляется. Каждая речь должна представлять нечто цельное и законченное по одному определенному вопросу и должна подчеркивать основные наши лозунги (вооруженное восстание, освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих, демократическая республика, как единственная гарантия полной борьбы за социализм, конечная цель соц.-демократии). 2) Кружки среднего типа—уже постоянного состава и регулярно собирающиеся, которые посещаются одним и тем же агитатором, произносящим 4—6 речей по определенной программе. Наконец, кружки пропагандистские—из лучших рабочих, с которыми ведется серьезная пропаганда.

«Организация агитаторов отделена от пропагандистов и представляет очень подвижную, быстро приводимую в действие организацию, действующую вместе с тем, несмотря на свою обширность, по одному и тому же, строго определенному конкретному плану.

«Существует довольно сложная, но быстродействующая специальная организация, дающая возможность организато-

---

[1] См. «Пролет. Револ.» № 11 (34) за 1924 г., стр. 62—78.

рам «летучек» быстро раздобывать себе агитаторов с уже готовыми речами. Агитаторы и пропагандисты обязаны каждую неделю доставлять подробные отчеты».

Как видно из этого письма, сама жизнь заставляет организацию изменять и расширять свой аппарат, превращаться из узкой маленькой кучки нелегальных и полулегальных деятелей в организацию с очень сложными и широко разветвленными щупальцами.

Весь Петербург делится на районы: Выборгский, Петербургский, Василеостровский, Городской, Нарвский и Невский. В каждом районе имеется ответственный организатор, пропагандисты и агитаторы, которые, как видно из письма, составляют два обособленных аппарата. Самые формы работы изменяются, делаются подвижнее, изменчивее, могут впитывать и обслуживать широкие массы рабочих.

Самый характер агитации и пропаганды делается более злободневным, более жгучим, и форма и способы агитации приспособляются к все более и более повышающемуся темпу жизни. Самое содержание агитации становится более конкретным, более жизненным и действенным.

«... Рабочие настойчиво требуют популярных листков, разъясняющих нашу программу-минимум,—пишет тот же корреспондент,—и значение этих требований для свободы классовой борьбы. Поэтому ряд таких статей, написанных с таким расчетом (размер и форма—каждая статья должна представлять нечто цельное и законченное), чтобы можно было перепечатывать в России, был бы весьма своевременен. Но ошибкой было бы,—добавляет автор письма,—если бы эти статьи были только пропагандистского характера—это лучше для брошюр. Эти статьи не должны быть абстрактны, наоборот они должны быть полны конкретного содержания (а мало ли его теперь), должны быть живыми и агитационными».

В качестве примера таких конкретных вопросов, которыми интересовались рабочие, автор указывает, например, государственное страхование рабочих и закон 24 декабря 1904 г. об этом.

Наконец, комитет принимается за устройство военной организации и всякого рода технических подсобных аппаратов.

Кроме всего только что сказанного, пробудился интерес к одному из важнейших вопросов, волновавших тогда соц.-демократию,—к созыву третьего съезда.

«События сильно помогли нам,—пишет за границу все тот же корреспондент.—Еще месяц назад можно было думать, что нам удастся добиться главной своей цели не раньше, чем через 8—10 месяцев. Ну, а теперь—не то, множество народа, раньше колебавшегося в этом вопросе, теперь горой за нас».

Но организация «Бюро комитетов большинства», как и та работа, которая велась по созыву третьего съезда, не входит в задачи настоящей главы.

Быть может, стоит только упомянуть здесь, что большевики, призывая к созыву третьего съезда, как к единственному выходу из той партийной разрухи, какую переживала русская соц.-демократия, не боялись сознаться что ни они, ни меньшевики не были во главе движения в январские дни в Петербурге. Так, в обращении к партии от 21 января 1905 г. «Бюро комитетов большинства» указывает, что при таком состоянии, в каком находится партия, она едва ли в состоянии разрешить задачу политического руководства пролетариатом. «Незачем доказывать это,—говорится в листке:—фактов слишком много, они слишком известны. Довольно одного, самого яркого, самого ужасного. В Петербурге, главном центре, где собрана масса партийных сил—и лучших сил,—руководство движением в январские революционные дни принадлежит не партии, а совершенно чуждому партии лицу—священнику, с группой полусознательных людей, слепо в него верящих, увлеченных его религиозным, утопическим энтузиазмом»[1].

И, быть может, именно потому, что большевики не боялись сознаться в этом, они быстрее и оправились от растерянности, наступившей в январские дни. Во всяком случае, из только-что изложенных фактов видно, как забившая ключом работа мысли в рабочих районах в после-январские дни сейчас же оказала свое действие и на нашу подпольную организацию— в сторону ее расширения и приспособления к широкой организационной, пропагандистской и агитационной работе.

«События пробудили массу сил»,—так очень удачно формулирует автор цитируемых писем результаты январских дней.

Можно считать бесспорным, что до января 1905 г.,—начиная со второй половины девяностых годов,—и идеологи-

---

[1] «Пролет. Револ.» № 11 (34) за 1924 г., стр. 79.

чески, и практически решительно во всех выступлениях пролетариата, во всей его борьбе, единственным руководителем являлась русская соц.-демократия, та подпольная партийная организация, которая, несмотря на тяжелые удары, наносимые ей правительством, все же росла и крепла с каждым днем.

Бывали, конечно, такие моменты в жизни русской соц.-демократии, когда в отдельных случаях пролетариат как будто бы шел за кем-то другим, за вождем не из своей собственной среды, не из соц.-демократии. Но это было лишь тогда, когда все эти вожди маскировались требованиями, выдвигаемыми соц.-демократией. И эти моменты только резче подчеркивали могущество идей революционного марксизма среди пролетариата, так как всякий раз вслед за кратковременным уклонением от правильного пути, указываемого соц.-демократией, пролетариат в своем движении делал гигантские шаги вперед, и влияние соц.-демократии росло и укреплялось еще больше.

Так было после известного многотысячного шествия рабочих в Москве к памятнику Александра II, так было после временных успехов независимой рабочей партии в Западном крае, так было на юге, когда попытки независимца Шаевича повести за собой рабочих превратились в грандиозное массовое движение, во главе которого стояла наша партия, так было всегда и везде, коль скоро наша организация существовала в данном месте.

Мы отчасти уже говорили в каком положении оказалась русская соц.-демократия в момент величайших событий в Петербурге, 9 января 1905 года, когда, по удачному выражению Розы Люксембург, «духом Маркса» веяло от борьбы русских рабочих.

В оценке значения и роли нашей организации в январские дни в главном сошлись решительно все соц.-демократы, без различия фракций и направлений,—и меньшевики, и большевики, и бундовцы, и латыши, и поляки. Перед огромной важности фактом, как-то сами собой отошли на второй план фракционные разногласия.

События были настолько грандиозны, а роль организации была настолько слаба, что над этим фактом призадумались и сделали надлежащие выводы все, хотя каждый посвоему, но решительно все сумели взглянуть правде прямо в глаза.

Как оценивал события соц.-демократ большевик, член петербургской организации, в письме от 7 января 1905 г., напечатанном в газете «Вперед», мы уже видели (стр. 144—5)[1].

Если к этой оценке роли нашей организации в январском движении можно отнестись скептически, как к оценке, данной рядовым членом партии, то ведь и сам вождь партии, В. И. Ленин, в своем известном обзоре январских событий в том же номере 4 «Вперед» характеризует события в Петербурге, как «историю, которую творили рабочие массы без соц.-демократии»[2].

И письма соц.-демократов меньшевиков в «Искру» пестрят подобными же выражениями, указывающими на бессилие соц.-демократической организации не только помешать шествию петербургских рабочих к царю, но даже повлиять на характер этого шествия.

«Удержать все это,—пишет в «Искру» один из членов меньшевистской организации,—соц.-демократам не было смысла, да и невозможно было бы»[3].

«Несмотря на влияние соц.-демократов на весь ход событий,—пишет другой корреспондент,—помешать организации депутации не удалось»[4].

Член петербургской организации меньшевиков соц.-демократ С. Сомов (Пескин) в следующих выражениях говорит о роли организации в январские дни в Петербурге: «Об участии соц.-демократии в январских событиях существует в литературе два совершенно противоположных мнения. Одни—противники соц.-демократической партии—утверждают, что январские события прошли без всякого ее участия и влияния, что она не только не была причастна к подготовке движения, но что роль ее даже в самые январские дни равна нулю. Напротив, в соц.-демократической прессе можно было читать такие описания указанных событий, на основании которых легко вывести заключение, что соц.-демократия была душой движения, что если лозунги и требования рабочих росли и оформились в процессе событий, то это произошло благодаря растущему влиянию соц.-демократии. Мы склонны думать, что и другие мнения одинаково далеки от истины»[5].

---

[1] «Вперед» № 4, стр. 2.

[2] Там же, стр. 4, «Царь-батюшка» и «Баррикады».

[3] «Искра» № 85, стр. 4.

[4] Там же, та же страница.

[5] «Былое», 1907 г., № 4—16, апрель, С. Сомова. «Из истории соц.-демократического движения в Петербурге в 1905 г.», стр. 30—31.

Как бы то ни было, из приведенных выше свидетельских показаний обеих враждующих фракций русской соц.-демократии несомненен один вывод: влияние соц.-демократической организации в Петербурге на ход событий в январские дни было очень незначительно. Историю пролетариат совершал если и не без соц.-демократии, то во всяком случае не соц.-демократия была вождем движения.

Чем же объясняется это поразительное явление?

Дезорганизованностью соц.-демократических рядов еще задолго до январских событий. Как на пример такой дезорганизованности Ленин в своем обзоре январских событий указывает на неудавшуюся демонстрацию в Петербурге 28 ноября 1904 года.

История этой демонстрации против войны известна. Вопрос о ней решался три раза, и всякий раз различно, в зависимости от числа членов большевиков и меньшевиков, оказывавшихся в тот или другой момент на заседании комитета. Этого не отрицают и меньшевики[1]. В результате такой дезорганизованности демонстрация превратилась в избиение студентов и курсисток, а четыре района отказались считать Петербургский комитет своей руководящей организацией.

Как сказано выше, к началу 1905 г. в Петербурге действовали две претендовавшие на руководство пролетариатом организации: Петербургский комитет РС-ДРП, где были большевики, и Петербургская группа при ЦК РС-ДРП, где сидели меньшевики. О состоянии работы этих организаций мы имеем свидетельства, принадлежащие людям обеих фракций, стоявшим во главе движения — меньшевику Сомову и большевику Гусеву.

Сомов рисует мрачными красками работу своей группы. По его словам, центр меньшевистской организации, о которой он склонен думать, как об организации, имевшей более обширные связи, чем большевистский Петербургский комитет, этот меньшевистский центр был оторван от широких рабочих масс. На бумаге у меньшевиков существовала организация, город делился на районы (Московско-заставский, Нарвский, Невский, Городской, Выборгский, Василеостровский и Петербургский), в каждом районе был организатор, пропагандисты и агитаторы, но это было на бумаге, на самом деле рабочие массы жили своей жизнью.

---

[1] С. Сомов, «Былое», 1907 г., № 4/16, апрель, стр. 24, «Вперед» № 4, см. об этом выше.

В самом большом революционном в те времена районе, Невском, у меньшевиков было всего 3 кружка,— на Обуховском и на Семянниковском заводах и один смешанный на фабриках Торнтона и Наумана. А этот район считался одним из лучших по соц.-демократической работе. Что могли сделать эти три кружка с теми сотнями тысяч рабочих, среди которых эти члены кружков тонули, как в море? Но быть может, эти люди были особенно влиятельными рабочими, вождями массы? И на этот вопрос находим мы отрицательный ответ у того же Сомова.

Вот что он говорит [1] по этому поводу: «Правда, была также и районная организация из представителей кружков, но содержание ее работы довольно трудно определить. Заводская жизнь не находила в кружках никакого отклика; глухое брожение, которое началось тогда в петербургском пролетариате и нашло себе выражение в мощно развивавшемся гапоновском движении, в котором столь ярко проявилось стремление рабочих масс к широкой организации и к классовому объединению, игнорировалось, как зубатовщина. Да и рабочие—члены наших кружков были по большей части люди крайне молодые, только что вышедшие ученики, не пользовавшиеся никаким влиянием в своей заводской среде».

Рабочая масса, сочувствуя и даже одобряя лозунги и цели, которые проповедовала соц.-демократическая организация, не верила обещаниям партии, относилась к ним с насмешливым скептицизмом. Причинами такого недоверия явилось игнорирование организацией самых насущных нужд и интересов пролетариата. Как на пример такого игнорирования Сомов указывает на то, как на Обуховском заводе рабочие просили издать специальные листки по поводу понижения расценок в одной из мастерских завода, и как они так и не дождались издания такого листка, в то время, как та же соц.-демократическая организация, остававшаяся глухой к запросам широких масс пролетариата, «старалась очень интенсивно реагировать на общее оппозиционное движение других классов, на либеральное движение в земствах и на банкетах» [2].

Дело доходило до того, что так называемый ответственный организатор района не знал не только рабочих—членов своего района, но даже и пропагандистов, занимавшихся в кружках.

---

[1] С. Сомов, «Былое», 1907 г., № 4/16, апрель, стр. 25.
[2] С. Сомов «Былое», 1907 г., № 4/16, апрель, стр. 29.

Мы увидим несколько ниже, что к этой мрачной картине необходимо внести некоторые поправки. Но и с поправками, которые не меняют общего тона картины, все же получается безотрадное впечатление. Организация меньшевиков была узкой пропагандистской группой, включавшей три сотни членов, молодых людей, не пользовавшихся авторитетом среди широких рабочих масс, не выражавшей их нужд и потребностей.

Мало того, и та работа, какую вели пропагандисты в кружках совершалась разрозненно и кустарно, без общего плана и руководства, касалась, быть может, и очень интересных вопросов, но в общем далеких от жизни масс.

Поправка, о которой говорилось выше, сводится к тому, что отдельные члены организации, соц.-демократы, делая в организации свою оторванную от жизни работу, нередко у себя на заводе старались вести свою особую работу, связанную с жизнью массы, но и эта работа шла опять же сама по себе, вне зависимости от планов и намерений соц.-демократической организации. Такую работу вели, например, соц.-демократы меньшевики в гапоновской организации за Невской заставой.

Вот почему то огромное движение, которое сосредоточивалось вокруг гапоновских организаций, прошло мимо соц.-демократической организации и вот почему с некоторой оговоркой прав меньшевик Сомов, когда он говорил, что «в непосредственной подготовке событий, в выработке плана их мы не принимали никакого участия» [1]. Меньшевики, как известно, принимали участие в обсуждении 7 января вместе с Гапоном характера предстоящего выступления, но это обсуждение уже не имело влияния на тот план, который разработали гапоновцы; здесь, на совещании 7 января за Невской заставой вносились мелкие поправки, детали, обсуждался вопрос об участии соц.-демократов в шествии, но основной характер, суть самого выступления меньшевики соц.-демократы изменить уже не могли.

Если до такой дезорганизованности дошла меньшевистская организация, то, быть может, организация большевиков отличалась другими чертами?

Свидетельские показания говорят, однако, обратное: недостатки, присущие меньшевистской группе, были свойственны и большевистскому комитету.

---

[1] С. Сомов «Былое», 1907 г., № 4/16, апрель, стр. 31.

Это ясно прежде всего из истории той несчастной ноябрьской демонстрации, о которой говорилось выше: каковы бы ни были дезорганизаторские поступки меньшевиков-комитетчиков, если бы у комитета были связи с широкими слоями пролетариата, он вышел бы на улицу. Но и помимо этого прямые свидетельства самих большевиков достаточно ясно говорят об оторванности нашей организации от широких масс и неосведомленности ее о жизни и интересах этих масс.

В самом деле, шло большое забастовочное движение, нарастала какая-то неизвестная огромная волна, а большевистский комитет живет своей обособленной жизнью; раз навсегда квалифицировав гапоновское движение, как зубатовское, он даже не в состоянии уловить, что на Путиловском заводе не простая стачка, а движение, связанное самыми тесными узами со всеми гапоновскими отделами, со всем могучим стачечным движением всего пролетарского Петербурга.

Картина этой оторванности Петербургского комитета от широких рабочих масс, как это ни странно на первый взгляд, гораздо острее ощущается не самим Петербургским комитетом, стоявшим, так сказать, вблизи поля битвы, а большевистским центром в далекой Женеве.

Мы уже приводили выше запрос Петербургскому комитету, исходивший от секретаря большевистского центра в Женеве, т. Крупской Н. К. и ответ на него т. С. И. Гусева.

От этого письма получается впечатление, как будто бы петербургский пролетариат до 9 января 1905 г. не нуждался в брошюрах и листовках, в которых бы ему разъяснялась программа-минимум социал-демократии, как будто бы необходимость связать свою агитацию с самыми насущными интересами, с текущей жизнью пролетариата выяснилась только после кровавого урока, данного самодержавием русскому рабочему классу.

Об этом действительно, раньше не думали и в кружках пропаганды разбирались самые сложные вопросы теории, но не животрепещущие вопросы, близкой и понятной рабочим жизни. Недостаток сил и подготовленных работников ощущался всегда, но только после 9 января выяснилась вся бедность организации в этом направлении. Хаос, царивший в организации, очевидно, достался в наследство от прошлого, но только после 9 января стало ясно, что все ругают друг друга и что толку от этого никакого не получается. Мы уже видели выше, как в письме от 24 января тот же корреспон-

дент (т. Гусев) дает план пропаганды и агитации, который наметился под давлением невиданных событий 9 января.

Стоит ли распространяться о том, что план этот остался на бумаге, что не только 60 (таково число агитаторов, по словам товарища Гусева) отчетов о занятиях агитаторов послано за границу не было, но что и занятия то в кружках по сути дела не велись.

Рабочие просто не шли в кружки. Рабочие массы переросли эту форму организации; стихийное движение охватило массы, и эти массы стремились к созданию таких организаций, которые могли бы охватывать именно широкие массы и помогать им в борьбе за свои требования.

И мы, действительно, знаем, что очень скоро, под давлением этих широких рабочих масс, и партии пришлось перестроить свою организацию и в основы ее положить не кружки, в которых ведут занятия пропагандисты и агитаторы, а то жизненное, что выдвинули сами массы в своем стихийном движении.

Как известно, очень скоро после январских событий, в связи со стачечным движением и, в частности, в связи с выборами в комиссию Шидловского, рабочие массы создали институты выборщиков, депутатов по цехам и мастерским, которые и составляли ту живую организацию, которая связывала наш партийный аппарат с самой широкой массой рабочих.

Прежде всего за Невской заставой, на Обуховском, а затем на Семянниковском заводах из выборщиков в комиссию Шидловского составились своеобразные рабочие организации, зачаток рабочего представительства, с которым вынуждены были считаться и меньшевики, которые участвовали в выборах в комиссию Шидловского, и большевики, эти выборы проводившие на деле. На Обуховском заводе остались выборщики от комиссии Шидловского, на Семянниковском заводе рабочие, отвергнув предложение администрации выбрать старосту, выбрали постоянных депутатов от цехов, и начальство признало этих выборных. Приходилось как то и в построении своей партийной организации считаться с этими беспартийными организациями, выдвинутыми самими массами, строить свою организацию, опираясь не на кружок пропаганды, а на ядро рабочих в каждом заводе близких и понятных массе, горевшей жгучим огнем злободневных текущих вопросов, возникавших в каждом цехе и мастерской.

«Настроение после 9 января в рабочих кварталах все время было возбужденное,—пишет П. Колокольников в своих воспоминаниях,— пропагандистские кружки не удовлетворяли рабочих. Даже партийные заводские и районные ячейки собирались плохо. Рабочее движение рвалось из подполья на волю» [1].

Но приспособление нашей партийной организации к тем организационным формам, которые были выдвинуты стихийным рабочим движением, произошло уже позже, когда эти формы более или менее определились и установились. В момент же январских событий наша партийная организация состояла из узких подпольных кружков пропаганды, очень часто оторванных от массы и живущих своей обособленной жизнью.

Только в марте большевистская организация под ударами действительности учитывает огромное стремление рабочих масс к самодеятельности и самостоятельности, пытается оживить свою интеллигентскую организацию притоком живых сил из самой рабочей гущи.

«Необходим циркуляр по организационным вопросам,— —пишет товарищ Гусев за границу,—и специально по вопросу о введении рабочих в комитеты. Необходимо подчеркнуть важность последнего условия, при котором это может быть сделано. Рабочих следует вводить не по степени их начитанности, а по степени их революционности, преданности, энергичности и влиянию. Теперь таких много и большею частью из неорганизованных рабочих, которые, большею частью очень молоды и хотя начитаны в соц.- демократической литературе, но не обладают политическими качествами политических вождей. Затем я уже писал вам о перенесении базиса организации—конспиративной работы— на рабочие квартиры. Конкретно это означает то же, что часть наших нелегальных лучших сил должна внешним образом орабочиться» [2].

Но это орабочение нашей организации произошло уже после 9 января, а до того и спустя еще долго после того это была очень узкая пропагандистская нелегальная орга-

---

[1] П. Колокольников (К. Дмитриев),—«Отрывки из воспоминаний», стр. 219, «Материалы по истории професс. движения в России», вып. 2, изд. ВЦСПС, Москва, 1924 г.

[2] Истор.-революц. арх., дело. Особ. отдела деп. полиции за 1905 год, № 5, ч. I, л. А, лист 62.

низация, включавшая в себя из среды более чем сотни тысяч рабочих самое большее 300—500 человек. Вся соц.-демократическая организация в Петербурге—и большевики, и меньшевики, как мы видели выше, к концу весны включали в себя только от 800 до 1.000 человек рабочих.

Если же прибавить ко всему сказанному, что партийная среда жила главным образом разногласиями и что на этой почве тратилось много сил напрасно, то станет ясно, почему в январские дни массами руководили не наши, а гапоновские организации.

Вот какими чертами, говоря о партийных разногласиях, тов. Гусев характеризует круг интересов наших петербургских организаций в письме за границу от 25 января 1905 г. «... На этой почве возникают группки и кружки—«внефракционные», «сторонники положительной работы» и т. д. И замечательная вещь—всякая такая попытка ставит эти кружки и группочки в необыкновенно фальшивое лицемерное или попросту глупейшее положение. Одна группа отказывается печатать листки с подписью «Группа ЦК», и когда им указывают, что это тоже «фракционный» ведь листок, то они отвечают: из подписи этого не видно. А свои собственные листки они подписывают: РС-ДРП. Другая группа, в которую входят и рабочие, готова работать под руководством комитета, но непременно хочет сохранить свою техническую и организационную самостоятельность. Получается нечто нелепое, путанное; в конце концов они и сами не могут определить, чего хотят. Они настаивают, чтобы им ничего не говорили о разногласиях, они не хотят о них и слышать, а когда им задают вопрос, имеют ли они какое-нибудь мнение по поводу созыва съезда, хотят ли они демократического устройства выборного начала и т. д., они не знают, что ответить, ибо ответить, это значит, говорить о разногласиях, они же поклялись ими не заниматься больше, а говорить все ж таки, как ни кружись, и как ни клянись, приходится» [1].

Не удивительно после этого, что рабочие сами, без социал-демократии, как выразился Ленин, делали свою историю 9 января 1905 года.

Как же оценили соц.-демократы движение 9 января и как учли описанное выше хаотическое состояние организации?

---

[1] Истор.-революц. арх., дело Особ. отдела деп. полиции за 1905 г., № 5, ч. I, л. А, лист 42.

Ленин, выражавший полнее и лучше всех революционные стремления пролетариата, так оценивал движение 9 января: Приведя слова Гапона: «У нас нет больше царя. Река крови протекла сегодня между ним и русским народом. Пора русским рабочим без него начать вести борьбу за народную свободу...» Ленин писал:

«Это не священник Георгий Гапон говорит. Это говорят те тысячи и десятки тысячи, те миллионы и десятки миллионов русских рабочих и крестьян, которые до сих пор могли наивно и слепо верить в царя-батюшку, искать облегчения своего невыносимо-тяжелого положения у «самого» царя-батюшки, обвинять во всех безобразиях, насилиях, произволе и грабеже только обманывающих царя чиновников.

«Долгие поколения забитой, одичалой, заброшенной в медвежьих углах мужицкой жизни укрепляли эту веру; каждый месяц жизни новой, городской, промышленной, грамотной России подкапывал и разрушал эту веру. Последнее десятилетие рабочего движения выдвинуло тысячи передовых пролетариев соц.-демократов, которые вполне сознательно порвали с этой верой. Оно воспитало десятки тысяч рабочих, у которых классовый инстинкт, окрепший в стачечной борьбе и политической агитации, подорвал все основы такой веры. Но за этими тысячами и десятками тысяч стояли сотни тысяч и миллионы трудящихся и эксплоатируемых, унижаемых и оскорбляемых, пролетариев и полупролетариев, у которых еще могла остаться такая вера. Они не могли итти на восстание, они способны были только просить и умолять. Их чувства и настроения, их уровень знания и политического опыта выразил священник Георгий Гапон, и в этом состоит историческое значение той роли, которую сыграл в начале русской революции человек, вчера еще никому неведомый, сегодня ставший героем дня Петербурга, а за Петербургом всей европейской печати» [1].

Указав далее, что соц.-демократы совершенно правильно с недоверием смотрели на гапоновские общества, так или иначе связанные с полицией, Ленин говорит: «История, которую творили рабочие массы без соц.-демократии, подтвердила правильность этих взглядов и этой тактики. Логика классового положения пролетариата оказалась сильнее ошибок, наивностей и иллюзий Гапона».

---

[1] «Вперед» № 4, стр. 4, «Царь-батюшка и баррикады».

Какие же выводы делал Ленин и наша большевистская организация в Петербурге из тех уроков, какие дало выступление петербургского пролетариата «без соц.-демократии»?

Ленин в своих статьях в №№ 4 и 5 «Вперед» указывал на два главнейших вывода,—«вооружение народа становится одной из ближайших задач революционного момента», «немедленное вооружение рабочих и всех граждан вообще, подготовка и организация революционных сил для уничтожения правительственных властей и учреждений, вот практическая основа, на которой могут и должны соединиться все и всякие революционеры»—это одна задача; но для того, чтобы удачно разрешить эту задачу, нужно уничтожить ту дезорганизованность, которая и создала условия, давшие возможность не соц.-демократии, а Гапону повести за собой массы, нужно, стало быть, добиться единства партии, отсюда важнейший вывод из событий 9 января—немедленный созыв третьего съезда, немедленное объединение всех соц.-демократов, принадлежащих к революционному крылу русского марксизма.

«Среди всех задач,—говорит Ленин,—которые теперь выдвигаются решительно на первый план,—не надо забывать главной: соц.-демократия должна быть цельной, сплоченной, проникнутой единством.

«Никогда еще работа, направленная на организацию сил партии, не была более плодотворно направлена».

Но к единству всех революционных элементов русской соц.-демократии возможно было притти только борьбой с оппортунистическими, соглашательскими элементами той же соц.-демократии.

Отсюда борьба за третий съезд, как за необходимую ступень к такому объединению всех революционных сил русского марксизма.

Петербургская организация большевиков поняла эту ближайшую задачу прежде и лучше всего. Вот что писал Ленину товарищ Гусев из Петербурга сейчас же после январских событий: «Что касается общей позиции, то большинство от последних событий выиграло. Не знаю, много ли у нас найдется теперь в партии мерзавцев, которые открыто посмели бы отрицать необходимость экстреннейшего съезда... Теперь, я думаю, нужно сконцентрировать все на во-

просе о съезде, отбросив всю остальную полемику с меньшевиками».[1]

Можно было не соглашаться с товарищем Гусевым по вопросу о характере и объеме полемики, но нельзя было не согласиться с ним, что вопрос о съезде становился отныне самой важнейшей из ближайших задач. Это ясно выразила петербургская организация большевиков, к этому выводу пришли и важнейшие из русских соц.-демократических организаций остальной России: «история, которую творили рабочие массы без соц.-демократии», заставила задуматься даже самых беззаботных из соц.-демократов.

[1] Истор.-революц. арх., дело Особ. отдела деп. полиции за 1905 год, № 5, ч. I, л. А, лист. 26.

ГЛАВА III

ЯНВАРСКИЕ ДНИ В ПОЛЬШЕ

1. ВАРШАВА

Провинция очень скоро отозвалась на петербургские события: не осталось самого маленького городишки, где бы рабочие так или иначе не реагировали на расстрелы в столице; разница заключалась только в том, что в одном городе это выражалось в форме бурного протеста, а в другом, рабочие как будто бы были разбужены эхом петербургских залпов от долгой, вековой спячки.

Окраины страны, где и до того шло большое рабочее движение, выступили впереди центральной России, где бурные потоки революции до января давали лишь небольшие покойные струйки.

Наиболее чутко и сознательно откликнулись Польша, Западный край и Прибалтийские крупные промышленные центры.

Своей грандиозностью, глубиной, шириной и сознательностью, события отличались особенно в Варшаве.

Здесь почва подготовлялась еще задолго до января в связи с другими фактами и событиями: 15—28 января была годовщина казни пролетариатцев Бардовского, Куницкого, Петрусинского и Оссовского. Местные революционные организации и впереди всех соц.-демократия королевства Польши и Литвы откликнулись на эти события.

«В течение предшествовавших трех недель,—говорится в сообщении С.-Д. ЦП и Л.[1],—нашей организацией велась оживленная устная агитация для подготовки этой демонстрации на многочисленных собраниях, а на последней неделе были распространены в значительном количестве (8 ты-

[1] «Искра», № 90, 1905 г.

сяч) прокламации правления и призывные листки местного комитета. При таком настроении рабочих распространение прокламаций по поводу петербургской революционной стачки (в 6 тыс. экземпляров) было достаточно, чтобы вызвать сильнейшее брожение среди рабочих».

Об этой подготовке революционеров к ответу на кровавую бойню в Петербурге говорит и официальный полицейский документ.

В записке нач. охранного отделения г. Варшавы от 11 января сообщается: «Последние события в С.-Петербурге, нашедшие, как сообщают газеты, уже отражение в Москве, Ковне и Вильне, в сильной степени воодушевили здешние революционные организации, среди которых в настоящее время происходят совещания о том, каким образом отозваться на эти события, при чем многие настаивают на необходимости устройства в самом недалеком будущем противоправительственной демонстрации, приурочив ее хотя бы к годовщине казни государственных преступников Бардовского, Куницкого, Петрусинского и Оссовского»[1].

Оставляя пока в стороне вопрос о том, насколько близкое участие в подготовке январских событий в Варшаве принимали другие, кроме соц.-демократов, революционные организации, заметим, что правительство к этим событиям готовилось тоже довольно основательно.

В то время, когда в подпольных комитетах и кружках шло обсуждение вопроса и вырабатывались планы, а среди широких слоев пролетариата велась агитация, в правительственных кругах тоже шли подготовка, совещания, выработка планов и стягивание войск к Варшаве.

В только что цитированной записке на этот счет говорится следующее: «...Варшавским обер-полицмейстером организовано сего числа совещание при участии варшавского губернатора, президента города, варшавского коменданта, начальника варшавского жандармского полицейского управления жел.-дор. и представителя штаба варшавского военного округа и прокурорского надзора, каковым выработаны меры к усиленной охране некоторых правительственных учреждений и городских сооружений, в случае возникновения беспорядков сделан расчет потребного количества войск в помощь полиции и установлено, что для предупреждения беспорядков, как в случае скопления безработных при массо-

[1] Истор.-революц. арх., О.О., дело № 5, ч. 35 за 1905 г., «Пропаганда среди населения империи», л. 2.

вом прекращении работ, так и при намерении произвести уличную демонстрацию необходимо употребить все усилия к рассеиванию толпы в самом начале, дабы не дать ей собраться в значительном количестве».

Несмотря, однако, на эти приготовления уже 12 января соц.-демократические организации из разных концов города сообщали, что рабочие готовы к забастовке. Варшавский комитет С.-Д. ЦП и Л., однако, не призывал к стачке ни 12, ни 13 числа, а только в пятницу 14 января приостановил работы на тех фабриках и заводах, где брожение было особенно сильно. Сделано это было для того, чтобы придать стачке планомерный и организованный характер. В пятницу 27 (14) января забастовал завод Лильпоп. «Только что,—пишет корреспондент из Варшавы за границу,—прекратили работу рабочие крупнейшего чугунолитейного завода в Польше, Лильпоп, Рау и Левенштейн в Праге (Варшава). Пока еще порядок не нарушен. Вокруг фабрик ездят патрули. Газовый завод и водопровод заняты войском. Население запасается керосином, углем, съестными припасами» [1].

И другие документы и источники, согласно с только что приведенным, началом стачки называют пятницу 14 января, хотя частично бастовали некоторые фабрики уже 13 января [2].

Обер-полицмейстер гор. Варшавы 14 января телеграфировал директору департамента полиции: «По сведениям агентуры завтра четверг следует ожидать начала забастовки различных производств, предупредительные меры приняты»; а уже на другой день и барон Нолькен и жандармы должны были констатировать факт: «Сегодня с утра забастовали рабочие многих фабриках заводах, толпы бродят по улицам, принуждая силою примыкать к забастовке...» [3].

Только в мастерских Варшавско-Венской жел. дор. забастовка началась раньше—еще 11 числа. «Сегодня,—телеграфировал в Петербург генерал-майор Корнаковский,—восемь часов утра около 1.500 человек забастовали в мастерских Варшавско-Венской жел. дор. Требуют выдачи взносов и изменить устав сберегательно-вспомогательной кассы» [4].

---

[1] «Вперед», № 5, 1905 г.

[2] См. «Последние Изв.» Бунда—1905 г., № 213, «Револ. России» № 58.

[3] Истор.-революц. арх. 4 делопр., дело № 4, ч. 15, 1905 г.

[4] То же дело и часть.

Забастовали не только варшавские мастерские, но и мастерские прушковские, которые после разрешения директором дороги взять взносы, к работам приступили, правда, не надолго.

Действительно, по мере развития всеобщей забастовки повышалось настроение и железнодорожных рабочих и служащих.

По сообщению корреспондента, в № 5 «Вперед», уже к 5 часам пятницы, 14 января, стачка стала всеобщей: остановились все фабрики, типографии, пекарни, цукерни и т. п.

И здесь, в Варшаве, рабочие применяли те же способы, как и в Петербурге, и в Москве, и в других местах, где только существует рабочий, чтобы перебросить движение из одной фабрики на другую; рабочие уже стоявших фабрик заставляли и остальных товарищей еще работавших заводов и фабрик присоединяться к забастовке. «Рабочие ходили по фабрикам и мастерским и заставляли бросать работу»[1].

Бастовали не только фабрики и заводы, но и железная дорога, как об этом упоминалось выше. Толпа забастовавших рабочих, находящегося вблизи жел.-дор. завода Гантке, 14 января сначала пыталась остановить скорый поезд и, потерпев здесь неудачу, бросилась снимать с работ ремонтных рабочих первых околотков 1-й и 7-й дистанций. Однако, когда после небольшого перерыва работы здесь возобновились, другая толпа со стороны Хмельной улицы вошла в мастерские и остановила работы, при чем выделившиеся из толпы рабочие проникли в отделение паровых двигателей, выпустили пар из котлов и потушили топки. Остановить работы все же не удалось, так как в мастерские были направлены солдаты железнодорожного батальона. Однако, и это средство не помогло: на другой день, 15 января, утром забастовщики заставили прекратить работу в складе, в 2 часа пополудни были прекращены работы в паровозном депо, а в 4 часа, тоже под влиянием стачечников, остановились работы в пассажирском депо. В этот день прекратились работы под влиянием забастовавших фабричных рабочих и на остановочном пункте Грохов узкоколейной дороги Яблоно-Ваверской. Движение поездов прекратить не удалось, ибо рабочих заменяли солдаты железнодорожного батальона. Таким образом, к 16 января не работали: мастерские Варшавско-Венской дор., станции Варшава-товар-

---

[1] «Посл. Изв.», № 23, 1905 г.

ная, Лодзь-фабричная, Лодзь-Королев, Видзев, Варшава, Обводная, Варшава-Ковельская и Прага Привисл. жел.-дор., так что 17 января железнодорожное начальство должно было констатировать уже и остановку товарного движения. «Доношу,—писал жандармский ротмистр Афанасьев шефу жандармов, — что сего числа, под угрозой забастовавших рабочих, в городе Варшаве прекращены работы мастеровыми в железнодорожных мастерских и депо на станции Прага и Варшава-Ковельская Привислинских жел. дор. в числе 1.600 человек. На станции Варшава-Ковельская и Варшава-Обводная рабочие по перегрузке грузов в числе 200 человек отказались от работы, рабочие заменены солдатами; машинисты на станции Прага в виду угрозы забастовщиков отказались нести службу, почему товарное движение прекращено. Порядок поддерживается войсками»[1]. Насколько был восстановлен порядок, видно хотя бы из того, что уже 16 января стачечники избивали штрейкбрехеров, железнодорожных сторожей, при чем толпа рабочих в 150 чел. пыталась с утра снять с работы стрелочников. Это удалось сделать только к вечеру, а когда стачечники добились прекращения работы на складе № 1, снабжавшем паровозы топливом, то остановилось и товарное движение. Семнадцатого января забастовали ремонтные рабочие 1-й дистанции, а за ними мастеровые и рабочие Прушковских мастерских. «Прекращение работ в Прушковских мастерских последовало по принуждению толпы в 400 человек,—пишет генерал-майор Корнаковский, — которая, сломав забор, ограждающий территорию мастерских, ворвалась в здания, повыпускала пар из котлов и одного маневренного паровоза, и, под угрозой разгрома мастерских, заставила железнодорожных рабочих прекратить работу. Эта же толпа, среди которой было много нетрезвых, явилась на станцию, разогнала стрелочников и сторожей и потребовала от начальника станции паровоза в Юзефов на сахарный завод. Беспорядок начинал принимать уже крупные размеры, когда с поездом № 45 прибыли на станцию экстренно командированные пехотные части, быстро восстановившие порядок и удалившие толпу из района станции. Отсутствие некоторого числа паровозной прислуги повлияло на отмену товарных и местных пассажирских поездов»[2]. Несмотря на воинскую охрану, 18 января местное

---

[1] См. Истор.-революц. арх., 4-е делопр., дело № 4, ч. 15, 1905 г. Донесения генерала-майора Корнаковского, а также телеграммы жандармов в Петербург.

[2] Там же. Донесение жандармск. отдел. жел. дер.

сообщение Варшава—Скерневицы прекратилось в виду забастовки машинистов, в этот же день были попытки остановить и скорые поезда. 20 января часть железнодорожных рабочих варшавских мастерских, депо газового завода и электрической станции (железнодорожных) приступили к работам с утра, но уже в 8 часов утра снова работы бросили и к 2 часам прислали депутатов с выработанными на общем собрании требованиями. Вот эти требования железнодорожников варшавских мастерских.

Просим:

«1) О восьмичасовой работе при сохранении ежедневного заработка в прежнем размере.

«2) Повышения на 30 процентов поштучной платы и неограничивания при этом заработка.

«3) Распределения поштучной платы поровну между всеми участниками одной какой-либо работы.

«4) Оплачивания табельных дней.

«5) Одинакового вознаграждения рабочих депо и главных мастерских и вознаграждения вдвое за работу в праздничные дни.

«6) Чтобы роспись цен за поштучные работы вывешена была на видном месте в мастерских.

«7) Увеличения на 30 процентов платы поденным рабочим»[1].

Мы так подробно описываем эту стачку варшавских железнодорожников, бывшую лишь эпизодом всеобщей забастовки в Варшаве, между прочим потому, что существует в литературе неосновательное мнение, будто в январские дни нигде, кроме Саратова, железнодорожники не примкнули к движению и что саратовская железнодорожная забастовка была прелюдией октябрьской железнодорожной стачки. Как мы видим здесь, это далеко не так, и если уж говорить по этому вопросу, то, очевидно, необходимо не обходить молчанием и варшавских железнодорожников. Это тем более необходимо, что уже в Варшаве бастовали не только рабочие мастерских, но и движенцы (напр., стрелочники), и грузчики, и извозчики (грузоотправители вследствие этого вынуждены были даже прекратить отправку грузов), и даже управленские служащие частично бросали работы.

Об этих служащих помощник варшавского генерал-губернатора по полицейской части в своем докладе департаменту

---

[1] Там же, л. 55.

полиции выражался так: «Старшие станционные служащие во все время забастовки от 15 января до сих пор продолжали службу, но относились к забастовке младших служащих довольно равнодушно, не препятствовали им уходить с работ, оставляли очень охотно службу сами, оправдываясь боязнью за свою жизнь. Дело охраны пути, сооружений и имущества дороги предоставили заботам железнодорожной полиции и войсковой охраны. Сочувствие старших служащих к забастовке ясно выражается тем фактом, что 24 сего января свободные от службы по линии Варшавско-Венской железной дороги служащие разных наименований и служб, не исключая и агентов управления, в большом количестве явились в Варшаву к директору названной дороги и обратились приблизительно со следующей просьбой:

1) Образовать с 1 января 1905 г. сберегательно-вспомогательную кассу, уничтожив старую пенсионную кассу.

2) Увеличить жалованье на 40% и прибавить квартирные деньги.

3) Отменить старое положение о служащих, а главное § 41 этого положения, дающий право увольнять служащего без объяснения причин, и составить новое такое же положение.

4) Предоставить служащим после 12-часовой работы—24 часа отдыха.

5) Завести книгу старшинства служащих и кандидатов.

6) Назначить срок исполнения их требований.

Эти требования интересны тем, что в них выдвинуто изменение устава пенсионной кассы и образование новой ссудо-сберегательной кассы, требование, которое объединило большинство железных дорог и на почве которого, как увидим это при рассмотрении вопроса об организации съездов железнодорожных служащих, детально удалось построить прочную организацию.

Это требование особенно резко подчеркнули служащие Варшавско-Венской жел. дор., когда 24 января агенты служб движения, пути и тяги, собравшись на площадке у ст. Варшава-Венская, подали, как выражается один жандармский документ, «петицию» и. д. директора инж. Лапчинскому. «В ходатайстве своем агенты, главным образом, настаивают на изменении устава пенсионной кассы, десятилетнее существование коей не оправдало надежды учатников».

Требования этой петиции таковы:

1) Упразднение пенсионной кассы и учреждение взамен ее кассы сберегательно-вспомогательной.

2) Увеличение жалованья до 40%.

3) Увеличение квартирных до 30%.

4) Отмена порядка, по коему агент, подверженный судебным взысканиям долгов, при повышении не пользуется до уплаты долга присвоенным новой должности окладом содержания.

5) Выдача при повышениях сразу полного оклада, присвоенного новой должности.

6) Сохранение агентам при повышениях в должности денег, лично присвоенных им за выслугу лет.

7) Отмена правила, по коему в случае увольнения агента от службы в пенсию засчитывается капитал, образуемый из вкладов, а не выдается полностью уволенному, независимо от пенсии.

8) Пересмотр положения о служащих и выработка его при участии самих служащих.

9) Отмена § 41 положения о служащих, коим предусматривается увольнение от должности без объяснения причин.

10) Изменение графика служебных занятий, при чем ввести правило, по коему находившийся на службе 12 часов имел бы вслед за тем 24 часа отдыха.

Кроме того, было предъявлено еще одно требование: ограничить прием на службу православных. Вся эта петиция сопровождалась заявлением, присланным директору желдор. по почте.

Вот это заявление:

„Zniesierlivieni wysyskiem i niehprawiedliwocia, a nie ce c robić zamiesch i stagnacyi droga petraktacyi, upominamy sih o przynadezne nam prava. Nie majac zamiaru korzystaé z sy. tuacyi, stawiamy zadania skromme, lecz w ka ej literze stuszne-

„Chodzi nam mianowicie:

„1-o. O zlikwidowanie dotychczasowej Kasy emerytalnej i ustanowienie nowej na dogodniejszuch dla pas warunkach;

„2-o. O podwyzszenie pencyi o 50%;

„3-o. O zmnigszenie godzin pracy;

„4-o. Oguniczenie przyjmowania prawoslavnych.

„Mamy nadzieje ze Zarz nd uwzgledni nasze stuszne postulatu i okaze to najdalej w przeciagu 10 dni, nie smuszaj ć nas do represui, poci gajacej za soda zawach na wyzej postawione osobu stagnacue u ruchu oraz straty materyalne.

Komitet Socyaldemokratów Wydzistu Ruchu Dr. W. W“.

«Как видно из этой прокламации, соц.-демократический комитет службы движения Варшавско-Венской жел. дор. предъявив по существу те же требования, что и вышеуказанные, угрожал, что, в случае, если в течение 10-дневного срока эти требования не будут исполнены, последуют остановка движения, материальные убытки и покушение на высокопоставленных лиц».

Таким образом из всего этого видно, что в Варшаве и забастовка железнодорожников в январские дни началась одновременно с движением прочих рабочих, тянулась довольно продолжительное время, изобиловала фактами столкновения рабочих с администрацией, поставила на очередь дня существеннейшие вопросы жизни железнодорожников и находилась в связи с общим январским движением рабочих.

Но все же эта забастовка была лишь маленьким эпизодом всеобщей стачки, тех грандиозных событий, какие происходили в Варшаве.

Из верхней части города забастовка быстро перекинулась в нижнюю его часть[1], и в субботу стачка была в полном смысле всеобщей, чему много способствовало, как увидим ниже, и поведение властей.

И действительно события в Варшаве развернулись нисколько не меньше, чем в Петербурге.

Уже в пятом часу 14-го произошло кровавое столкновение рабочих с войсками. В предместье Воле, когда рабочие мирно переходили от одной фабрики к другой и останавливали их, на углу Хлодной и Вронской улиц на рабочих бросились казаки с нагайками. «Рабочие принесли камней со строившегося нового дома на улице Хлодной и осыпали солдат камнями. Тогда последовала атака с холодным оружием, а затем и залп выстрелов. Много раненых и убитых»[2].

Официальный источник это столкновение описывает подробно и указывает, что на полицейский наряд и жандармов напирала толпа рабочих в 1.000 человек, действуя камнями и стреляя, при чем жандармы: Макалов получил тяжелую рану, Семенов—контужен, а Кузнецов и Слуцкин пострадали от ударов камнями. От выстрелов пострадала также одна женщина, вышедшая на балкон посмотреть на толпу. «В виду такого действия толпы, наряд вынужден был произвести отдельные выстрелы, коими убиты два человека, личность коих еще не установлена...»

---

[1] См. «Искру», № 90, 1905 г.

[2] «Вперед», № 5.

Но рабочих эти жертвы не остановили и только еще больше вызвали озлобление против царских войск и энтузиазм: они бросились бить и тушить фонари, останавливали извозчиков и трамваи, закрывали рестораны. «Мальчики 8—16 лет заставляли извозчиков и служащих на конках примкнуть к забастовкам. Они становились поперек улиц и заставляли седоков высаживаться из санок, а кучеров с санками отсылали домой»[1].

К вечеру на Хлодной улице произошло новое столкновение с войсками, но и это не остановило рабочих: в субботу стачка приняла характер настоящего сражения.

Но дадим слово очевидцам этих событий.

«...Уже в первый день, т. е. 27 (14) января, произошла серьезная схватка рабочих с войском (на улице Хлодной); толпа была тут рассеяна жандармами и драгунами лишь после того, как пало несколько убитых и раненых (убито 2 человека). Рабочие отражали нападения кирпичами и убили также двух жандармов и несколько городовых. С субботы забастовка в Варшаве и Праге стала всеобщей; остановились все фабрики и заводы, прекратили работу ремесленные заведения, было приостановлено движение конки и извозчиков, прервано телефонное сообщение, была закрыта масса лавок. Газеты не издавались, ощущался недостаток хлеба, вечером весь город погрузился в мрак, так как хотя и не удалось прекратить деятельности газовых заводов в виду сильной охраны войсками, но повсюду были разбиты фонари...» «С субботы началась кровавая расправа. Для этого царским властям прежде всего потребовалось придать движению характер «нападения на частную собственность». Конечно, для этого недостаточно было того факта, что рабочие (более пылкие и менее сознательные) начали разрушать монопольные лавки (всего разорено 22 лавки из числа сорока с лишком); некоторые лавки поджигались, нигде при этом рабочие не позволяли пользоваться вином, но приказывали его выливать»[2].

Тогда власти пустили в ход другие средства: там, где жила еврейская беднота, агенты охранки пытались сорганизовать еврейский погром, и когда, как это было на Железной улице, организованные рабочие дали отпор и не только не допустили погрома, но и сами перешли в наступление, власти

---

[1] «Посл. Изв.», № 213.

[2] «Искра», № 90.

выпустили из тюрем уголовных преступников, которые начали грабить магазины, лавки и квартиры при свете подожженных рабочими монополек. Эти грабежи происходили в центре города на Маршалковской, Краковском предместье, Новом Свете в то время, как в рабочих кварталах в этом отношении все было благополучно и, наоборот, едва хватало войск, чтобы залпами рассеивать мирно демонстрирующие толпы рабочих.

В центре города тоже стреляли, но не так часто, как на окраинах, потому что в центре движение захватило не только пролетариат, но и буржуазию, особенно молодежь,— не только студенты и курсистки, но и воспитанники средних учебных заведений бросали занятия и присоединялись к рабочим. В пятой гимназии воспитанники выбили стекла в квартире директора, который отказывался распустить учеников; к гимназистам присоединились и женские гимназии, а затем и начальные училища[1].

Как мы уже знаем, еще 14 января к стачке присоединились железнодорожники. Улицы представляли то бушующее море людей, шедших с красными флагами, с революционными песнями, то вступивших в бой с прекрасно вооруженными войсками; ночью город был погружен в мрак, и хулиганы занимались грабежом; кое-где горели лавки; войска наполняли город—по улицам разъезжали патрули или солдаты располагались бивуаками; днем, при отсутствии обычной жизни (не работали не только фабрики, заводы и мастерские, но и кондитерские, столовые и даже аптеки) толпы рабочих снова выходили на улицы и снова начинались столкновения.

По словам некоторых очевидцев, в субботу, на Железной улице, рабочие для защиты от войск воздвигли баррикаду. Войска действовали беспощадно. Уже в первый день событий было 2 убитых и 35 раненых, а 29 января их насчитывали больше сотни, если верны известия очевидцев.

«Несмотря, однакож, на это беспощадное, прямо-таки зверское расстреливание (в субботу некоторые солдаты стреляли вверх: обер-полицмейстер пришел к заключению, что убитых мало, и строжайше приказал получше целиться), нашим товарищам удалось,—пишется в отчете С.-Д. ЦП и Л.,—организовать демонстрацию. Ходили по улицам с пением и революционными возгласами: «Долой войну! Долой самодержавие! Да здравствует революция! Да здравствует

---

[1] „Z pola walki“ № 4—1905 г., „Z ruchu streykowego w szkolach srednich“.

демократическая республика! Да здравствует соц.-демократия!» в продолжение нескольких часов. Встречали несколько раз отряды войска, последние стреляли в толпу, падали трупы, многие отставали, но демонстранты шли дальше по всем рабочим кварталам в окрестностях. Хлодной ул. К шествию присоединялись все новые рабочие, и, таким образом, к 9 часам вечера, когда демонстрирующие достигли площади Витковского, толпа насчитывала уже, по меньшей мере, около 5 тысяч человек. К демонстрантам присоединились члены ППС. Но жертв на этой демонстрации было много, и полиция увезла ночью с площади Витковского на двух платформах массу трупов. В воскресенье ожидалась демонстрация, уже раньше назначенная нами на этот день; к ней в последний момент обещал присоединиться Бунд. Звала на демонстрацию (перед памятником Мицкевича) и ППС. Эта демонстрация не состоялась вовсе; соц.-демократическая демонстрация, правда, состоялась, но в стороне от всех назначенных пунктов (демонстрировать там не было никакой возможности, в виду огромного скопления войск). Небольшая группа наших товарищей, сопровождавших знаменосца, выбросила знамя на углу улицы Долгой и Фрета и устроила демонстративное шествие (пелись песни, раздавались революционные возгласы, распространяли в публике прокламации) по Московской ул., при чем в шествии приняла участие масса посторонней публики».

Движение в Варшаве тем и отличалось от петербургского, что, как увидим это ниже, оно было подготовлено революционными соц.-демократическими организациями и потому рабочие действовали по заранее выработанному плану. Только что цитированный отчет говорит по этому поводу следующее: «Последовавшие дни стачки изобиловали столкновениями с полицией и отдельными небольшими отрядами «охранителей порядка»: где только представлялась малейшая возможность, там рабочие везде вступали в борьбу с царскими слугами. Еще в первые дни стачки были разграблены две оружейные лавки и одна с холодным оружием; значительно позже нашими товарищами было организовано нападение еще на одну лавку, из которой было взято штук 40 револьверов. Имея в своих руках хоть сколько-нибудь оружия, рабочие начали вести партизанскую борьбу с полицией: множество полицейских были тяжело ранены еще в первые дни забастовки, были также раненые, а, может быть и убитые, среди солдат и офицеров; были также отдельные

случаи, что казаки изгонялись из фабрики, и рабочие отнимали у них оружие (например, на Лешне); нападали также на патрули и отнимали у солдат винтовки (например, на Праге). Настроение было страшно возбужденное; прокламации читались нарасхват, объявления обер-полицмейстера в рабочих кварталах моментально срывались; несмотря на исключительные меры, принятые властями, стачкой мы не перестали руководить, и агитаторы постоянно собирались. Происходили даже и более многочисленные собрания рабочих отдельных фабрик».

Только что приведенные выдержки, рисующие стачку, взяты из отчета главного правления соц.-демокр. ЦП и Л., но такими же, если не более яркими красками рисуют забастовку и другие источники, например, рассказы очевидцев. В органе польской соц.-демократии «Красное Знамя» „Czerwony Sztandar" за январь 1905 г. довольно подробно описывается начало стачки, и особенно ярко передается то революционное настроение, какое в то время царило в Варшаве.

Описав начало стачки, корреспондент-очевидец так рассказывает о событиях в течение ночи с 15 на 16 января[1]: «Наступает вечер: город утопает во мраке, лишь кое-где мерцают фонари. В атмосфере чувствуется что-то зловещее. Люди среди тьмы перекликаются, повсюду мелькают силуэты, все ворота переполнены народом.

«Ворота не закрывают; полиции нет. Рабочие громят монопольные лавки, разливают вино, бьют бутылки: слышны голоса, что вино надо уничтожать, чтобы люди не пили, когда станут голодать. Этим пользуются хулиганы и поджигают винные лавки. Вспыхивают пожары. С улицы Вроньей слышны выстрелы, стихающие лишь около 11 часов. По улице Сенной около винной лавки завязалась стычка». Поведение войск было ужасно; об этом единогласно говорят все очевидцы. Один лейб-гвардейский Петербургский полк, как говорят корреспонденции из Варшавы, расстрелял в эти дни 60 тысяч патронов. Натиск рабочих масс, однако, был так велик, что этот храбрый полк просил подкреплений у 184 Варшавского полка.

Лейб-гвардии Волынский полк действовал еще более решительно и бесчеловечно: солдаты стреляли прямо из окон

---

[1] Цитирую по «Искре» № 85. См. также подробное описание стачки в „Z pola walki" № 3 и 4 1905 г. и в „Czerwony Standar" №№ 23, 24 и 25.

казармы в проходящих мимо людей, при чем, если верны сообщения очевидцев, в результате оказались убитыми даже дети.

Пехоте помогала кавалерия, и, что замечательно в этой классовой борьбе—национальность не играла никакого значения, так как особенное зверство по отношению к рабочим проявили поляки-командиры (корнеты Долинский и Пшездецкий). Вот как в одном письме из Варшавы описывается поведение войск: «Ужасы, которые я переживал в последнее время, я не могу выразить на бумаге... Зрелище, которое представляли убитые, валявшиеся в грязи и крови, наводило на публику ужас. В воскресенье с самого утра прибыло масса войск, и без всяких поводов стреляли в каждого встречного, просто в одиночных людей, ибо толпы не было...

«Ах, если б ты видел солдат, гонявшихся за каждым человеком! С какой страстью они это совершали, с какой жаждой они хватали свою жертву! В понедельник же, когда все утихло, люди, проходившие по улицам мимо войск, также подвергались разным пыткам. Били их или же просто убивали. Убивали тех, нос которых почему-то не понравился. Офицеры в таком роде командовали: «а ну-ка подстрели вон того, вот этого» и т. д. На людей напала какая-то паника, никто не выходит из дома, чтобы не быть убитым...»

В польских нелегальных соц.-демократических журналах подробно описываются все подвиги храброго христолюбивого воинства. Так в четвертом номере журнала «С поля битвы», в корреспонденции от 30 января рассказывается о тех военных силах, которые стянули в Варшаву начальник укрепленного района Боголюбов и генерал-лейтенант Новосильцев: первую бригаду второй дивизии, резервную бригаду из Ново-Минска, два драгунских полка оттуда же и казачий полк. «Словом к 40 тысячам войска, говорится в корреспонденции, он вызвал себе «на помощь» еще шесть тысяч солдат» [1]. Солдатам было роздано по 120 боевых патронов на каждого; в субботу 15 (28) состоялось заседание начальников отделов под руководством Новосильцева, где было решено разделить город на участки, так что каждый полк с присоединением к нему кавалерии, имел свой участок для усмирения. На этом же заседании дебатировался вопрос о том, как брать баррикады. «Словом,—говорится в корреспонденции,—готовились к бою не на живот, а на

[1] „Z pola walki" № 4—18 lutego, 1905.

смерть». Кроме уже упомянутых выше офицеров-поляков Пшездецкого и Долинского, ранивших 6 чел., особенно отличились; подпоручик лейб-гвардии Петербургского полка Петров, застреливший двух человек, приказывая стрелять в группы 5 или 10 человек; подпоручик Макаров Варшавского полка, лейб-гвардии Волынский полк, 183-й, полк, на долю которого выпало 16 убитых и раненых, 184-й Варшавский полк, на долю которого пришлись 1 убитый и раненый. Только Пултусский полк не имел на своем счету ни одного убитого и раненого. Войска и особенно офицеры действовали заодно с полицией и жандармами, при чем офицеры, которые либеральничали, не желая на словах играть роль полиции, на деле находились у нее под командой и выполняли ее приказания.

«Однако,—замечает корреспондент,—народная стачка выявила и среди офицеров острый разлад»[1]. Даже на них, оберегаемых начальством, варшавская стачка произвела большое впечатление, о солдатах и говорить нечего. Они стреляли в рабочих по приказанию начальства, но в то же время формулировали свой взгляд на забастовку так: «они бунтуют ради хлеба» и с жадностью ловили каждое слово революционеров.

Словом, и здесь в Варшаве, как и в Петербурге, после окончания политической стачки мирное население было отдано во власть полиции, солдат и дворников, и здесь полиция вымещала свое бессилие в дни самого бурного протеста на ни в чем неповинных людях.

Кульминационным пунктом политической стачки были дни 28 (15), 29 (16) и 30 (17) января.

Во вторник 31 (18) января стачка стала ослабевать, и хотя в течение среды 1 февраля (19 янв.) еще продолжались отдельные столкновения рабочих с войсками, в четверг 2 февраля (20 янв.) соц.-демократия П. и Л. призвала рабочих к окончанию политической стачки, не прекращая в то же время экономической забастовки, направленной против хозяев.

Если так описывают революционные источники политическую стачку в Варшаве, как же рисуется дело другого сорта документами?

Полицейский документ, в общем, довольно верно определяет те задачи, какие ставили себе совершенно сознательно

---

[1] „Z pola walki" № 4—1905.

революционные организации. «Агитация,—говорится в донесении охранного отделения [1],—за устройство этой демонстрации отходит, однако, пока на задний план, так как все усилия революционных организаций устремлены ныне к возбуждению здесь, по примеру петербургской, всеобщей забастовки, при наличности которой и будет затем осуществлена демонстрация.

«Прекращения работ надеются достигнуть к субботе 15 января, после чего, а именно в воскресенье, намерены устроить уличную демонстрацию. Вопрос о забастовке, впрочем, нельзя считать уже окончательно решенным, так как многие рабочие интересуются результатами петербургской забастовки».

Первое донесение властей с отчетом о ходе забастовки помечено 14 числом января. Здесь так описывается начало забастовки: «На некоторых фабриках и заводах работы прекратились с 7 часов утра, при чем забастовавшие рабочие сплоченными группами начали обходить другие промышленные заведения, где по их требованию сейчас же прекращали работу и рабочие выходили на улицу... Таким образом, к 3 часам пополудни в большинстве фабричных, заводских и ремесленных заведений работы были прекращены, и рабочие большими толпами начали бродить по прилегающим улицам».

Отметив нападения рабочих на винные лавки, доклад отмечает факты задержания рабочими фургонов с хлебом, гашение фонарей, участие в движении мальчишек (лобузу) и с недоумением извещает начальство, что рабочие никаких требований к хозяевам не предъявили, если не считать политических прокламаций, выпущенных революционными организациями. В этот день было убито 2, несколько ранено и 69 человек арестовано.

Следующий доклад обер-полицмейстера г. Варшавы от 15 января старается свалить всю вину за грабежи магазинов на рабочих и студентов: «Вечером в некоторых местах были замечены руководившие толпами грабителей интеллигентные лица и студенты». Стачечный комитет, организованный П. П. С., ответил на эту наглую ложь следующим листком: «Обращаем внимание всего населения, что в виду охватившей Варшаву революции провоцируемые полицией грабители, пользуясь темнотой, грабят магазины самым гнусным

---

[1] Истор.-революц. арх., 1905 г., Особ. отд., дело № 5, ч. 35.

образом. Товарищи рабочие! Употребляйте всевозможные средства для воздержания этих подонков общества от грабежа. Помните, что царское правительство воспользуется этими фактами, дабы приписать их нам, обесчестить наше революционное знамя. Варшавский стачечный комитет польской соц.-партии, 30 янв. 1905 г.».

Доклад называет поведение рабочих «бесчинством», однако это бесчинство было особого рода. «Бесчинство началось порчею телефонных распределителей, затем бесчинствующие стали обходить магазины, требуя их закрытия, останавливали легковых извозчиков, снимали с них ливреи и высаживали седоков, побоями заставляли извозчиков отправляться домой. То же проделывали с ломовыми извозчиками и городскими посыльными. С угольных возов толпою был расхищен уголь. Одновременно толпы забастовщиков принялись бить уличные фонари. Воинские патрули не успевали являться во все те пункты, где производились беспорядки».

«После полудня бесчинствующие толпы значительно увеличились, перейдя к еще более резким проявлениям насилия: вагоны конно-железной дороги были остановлены на окраинах, стекла в них перебиты камнями, пассажиры высажены, так что пришлось прекратить движение».

В этом же донесении подтверждается факт разгрома винных лавок и разграбления рабочими двух оружейных магазинов—Сосновского на Трембацкой улице и Нижаловского на Королевской. Как видно из этого же донесения, рабочие умели не только защищаться, но и нападать: в этот день были ранены городовой и околоточный надзиратель.

Рабочих пало 9 чел. убитыми, 13 ранеными и арестовано 157 чел.

Убитые и раненые оказались главным образом при столкновении у баррикады, сооруженной рабочими. «В некоторых пунктах,—говорит пом. варш. генерал-губернатора,—толпа оказывала вооруженное сопротивление, стреляя залпами, а на Маршалковской улице в полицейский наряд стреляли из магазина в доме № 129. На углу Вороньей и Грибной улиц около 7 час. вечера появилась баррикада из ящиков, взятых из разграбленных винных лавок; из-за этой баррикады стреляли в воинскую часть, которая затем оружием рассеяла нападавших. При проходе воинского патруля на углу Товарной и Грибной было произведено в него несколько выстрелов из окон углового дома, по которому вследствие этого дан был залп».

Следующий день стачки характеризуется докладом варшавского генерал-губернатора такими красноречивыми словами: «Отличаясь от предшествующего дня меньшим числом грабежей, 16 января охарактеризовалось зато значительно большим упорством сопротивления войскам сгруппировавшихся в толпы буйствовавших элементов, встречавших выстрелами не только разъезды, но и безоружных нижних чинов, не участвовавших в прекращении бесчинств: так, например, на углу Дельной и Смочьей улиц был ранен шедший без оружия вестовой.

«В нескольких пунктах толпа нападала на одиночных городовых и стремилась их обезоружить. При объезде оберполицмейстером города, было сделано несколько выстрелов по сопровождавшему полковника барона Нолькена разъезду. Столкновения воинских частей с толпой, стрелявшей в них из револьверов, оканчивались обыкновенно после первого же залпа рассеянием бесчинствующих, стремившихся унести с собой раненых и убитых, почему установить точную их цифру не представляется возможным. По имеющимся сведениям убито 56 человек».

Сколько же, однако жертв стоила пролетариату варшавская всеобщая стачка?

Политическая стачка началась 13-го, продолжалась недолго, т. е. закончилась, или вернее была превращена, по призыву революционных организаций в стачку экономическую через неделю, т. е. 21 января; пролетариат Варшавы в течение недели дрался с полицией и войсками на фабриках и заводах, на баррикадах, на улицах и площадях, обстреливался войсками в домах и сам стрелял в войска из домов, приходил в столкновение с патрулями и разъездами, нападал на городовых и казаков, устраивал митинги и демонстрации, которые разгонялись силой оружия, останавливал поезда и работу на железных дорогах, разбивал фонари, забирал в магазинах оружие и жег винные лавки,—спрашивается, как дорого он заплатил за эти революционные выступления?

Официальный доклад варшавского обер-полицмейстера от 22 января 1905 года, когда уже «жизнь в городе начала принимать обычное течение», указывает такие цифры: убитых 65 человек, раненых «до сего времени обнаружено 201, из коих 25 человек умерли».

Выходит, стало быть, 90 убитых и 176 раненых или всего 266 человек пострадавших; если же принять во внимание, что сами власти сомневаются в том, все ли пострадавшие

обнаружены, то число пострадавших значительно увеличится. Да это и понятно, ибо сами власти неоднократно указывают в своих докладах на то, как рабочие, дравшиеся с войсками, отступая, всякий раз подбирали своих раненых и уносили их с собой [1]. Нужно при этом не забывать еще и того, что пролетариат потерял еще выбывшими из своего революционного строя 733 человека, попавших в городские тюрьмы, полицейские дома и особо отведенное место в цитадели. Из этих 733 арестованных, 366 человек засели в тюрьму надолго, так как дела о них были переданы следственным властям. Остальная часть арестованных была подвергнута административным взысканиям. Варшавский обер-полицмейстер мог с полным правом сказать в своем объявлении по окончании стачки: «Чрезвычайными мерами... возникшие в городе беспорядки пресечены». Таким образом, можно смело считать, что и в Варшаве январские события обошлись пролетариату очень дорого, хотя вместе с тем ясно, что здесь было жертв все же гораздо меньше, чем могло бы быть, ибо на варшавских улицах происходили настоящие боевые стычки рабочих с войсками, в то время как в Петербурге шла мирная невооруженная толпа. И именно потому, что в Варшаве войска встречали хорошо организованную, сознательную массу пролетариата, что этот пролетариат выходил на улицу без всякой надежды на царя, что он надеялся только на себя и давал отпор войскам при малейшей возможности, именно поэтому здесь и было гораздо меньше жертв, чем в Петербурге, хотя по интенсивности варшавские события нисколько не уступали петербургским.

Чем же объясняется такая интенсивность и организованность политического январского движения в Варшаве?

В течение короткой «весны» Святополка-Мирского польская буржуазия подняла голову: повсюду в больших городах, а в особенности в Варшаве происходили собрания либералов, часто организуемые П. П. С., которые на этих банкетах говорили речи о польской конституции и польском сейме, о свободе собраний, союзов, печати, совести и всякого рода польских национальных нуждах. Собрания были немноголюдны и допускались полицией, смотревшей на них сквозь пальцы. Но скоро «весне» пришел конец: полиция спохватилась, и начались аресты.

---

[1] См. Истор.-революц. арх., 4-е делопр., дело № 4, ч. 15, 1905 г. Докл. варш. обер-полиц. за № 253, л. 58.

Это, однако, не остановило движения, потому что недовольство еще глубже и серьезней охватило рабочий класс. То в одном, то в другом городе происходили стачки и демонстрации. Слухи о новой мобилизации еще более волновали широкие круги населения. Все революционные партии так или иначе пользовались недовольством рабочих и пытались выливать это недовольство в организованные формы забастовок и демонстраций. Так, 25 декабря в Люблине П. П. С. устроила рабочую демонстрацию; такая же демонстрация была этой партией организована 2 января в Лодзи.

Но впереди всех в этом отношении шла соц.-демократия.

Можно смело утверждать, что если январское движение в Варшаве приняло грандиозный размах, о каком мы говорили выше, то это объясняется большой подготовкой, проделанной соц.-демократами. Конечно, в этой подготовке участвовали и другие партии.

По словам корреспондента в № 58 «Револ. России», как только пришли в Варшаву известия о петербургских событиях, «варшавский комитет рабочих П. П. С. преобразовался в стачечный комитет с целью организовать весобщую стачку. По всем частям города были образованы местные стачечные комитеты, числом 7, представители которых образовали центральный комитет. Решено было начать стачку 12-го, а на воскресенье назначить демонстрацию. 13-го была выпущена прокламация, описывающая петербургские события и призывающая к революции. В тот же день образовался студенческий комитет, решивший в день всеобщей рабочей стачки провести в университете и политехникуме общую забастовку».

Все это верно, но верно также и то, что П. П. С. выступала перед рабочими, убеждая их в том, что у них, польских рабочих, существуют какие-то специальные нужды, мешающие им выступать нога в ногу с русскими рабочими.

Впрочем, в прокламации П. П. С., изданной 28 января 1905 г. по поводу петербургских стачек, польские рабочие призываются к борьбе с самодержавием вместе с петербургским пролетариатом. Еще раньше, во вторник, в другой прокламации П. П. С. расценивала петербургские события[1] как «нападение русского пролетариата» на самодержавие.

«Настоящий момент,—говорится в прокламации,—необы-

---

[1] Прокл. Варш. ком. П. П. С. Истор.-революц. арх., О. О., дело № 5, ч. 35—1905 г.

чайно важный. В столице царя началась уже революция. Вы должны, следовательно, сказать себе: сегодня или никогда. При дружном штурме пролетариата разлагающийся трон царя не устоит. Итак, к работе, к революционной работе! Под натиском наших сил да рухнет царизм! Решимся на жертвы, и засияет для нас свобода! Долой царизм! Да здравствует независимость! Да здравствует социализм!»

В номере 3 „Z pola walki“ по поводу этой прокламации П. П. С. и вообще ее выступления говорится, что эта «партия выступала только с требованиями экономическими» и что прокламация политического характера, отрывок из которой только что приведен нами, подписана 28 января, а «выпущена в понедельник в день окончания всеобщей стачки». В статье не без основания указывается на то, что в своей политической декларации П. П. С. выдвигает требования автономные только без автономии. „Y abu pokazać, не без яда добавляет газета, ze groch z Kapusta jest gotow, dodano jeszczew „de Rlaracyi“ zadanu wlasnego sejmu Konstytuujacego, niewiapamo doczego przyczpjoncgo: czy do mepodleglaglej Polski, czy do republiki rosyjkiej“.

С. Пестковский, один из старейших деятелей польской соц.-демократии, теперь, спустя 20 лет, так оценивает роль и значение П. П. С. в январские дни в Варшаве и вообще в Польше. «9 января 1905 г. в Питере,—говорит он,—оказалось тем толчком, который всколыхнул рабочие массы во всей России.

«Польские рабочие массы сразу поднялись и вышли на улицу. Вспыхнула всеобщая забастовка во всей Польше, которая была настолько всеобщей, что не было такого захолустного городка в Польше, где бы она не нашла отзвука.

«П. П. С. и ее организация были захвачены врасплох. Ведь все время твердили рабочим, что в России никакого рабочего движения не существует и что польские рабочие должны бороться «самостоятельно». Этим объясняется бездействие П. П. С. во время январской забастовки. Ведь нелепо бросать в массы лозунги независимости Польши в то время, когда эти массы бастуют и выступают на улицу по сигналу, поданному из Питера. Вся тяжесть руководства забастовкой выпала на плечи С. Л.»[1].

Это совершенно правильно. Неопределенную, невыдержанную позицию П. П. С. отметили выше и мы; ее прокла-

[1] С. Пестковский. «Борьба партий в рабочем движении в Польше в 1905—1907 гг. «Пролет. Револ.» 1922 г. № 11, стр. 40—41.

мации, о которых говорилось выше, не давали ответа на вопрос: что же делать теперь, когда выступил ее пролетариат. Но факт остался фактом,—рабочие пэпээсовцы прокламации свои читать читали, а на улицу все же выходили и дрались вместе рядом с рабочими соц.-демократами и беспартийными.

Бунд тоже сделал свою долю дела в разрыхлении той почвы, из которой выросли бурные январские дни 1905 г. в Варшаве. Бундовские организации вели большую агитацию и пропаганду в связи с тем брожением, какое вызывалось несчастной войной и мобилизациями. В своей агитации Бунд подчеркивал бесправное положение в России угнетенных национальностей, особенно евреев, но в то время как П. П. С. приглашала польских рабочих бороться за независимость Польши, Бунд выдвигал лозунг равноправия национальностей в единой российской демократической республике. Еще в декабре в Варшаве были распространены две прокламации центрального комитета Бунда: «Чего мы не должны забывать» и «Либеральная оппозиция и пролетариат»[1]. В первом из этих листков указывается, что в России единственным классом, который пойдет в борьбе с самодержавием до конца, является пролетариат и, как часть его, еврейский пролетариат. В классовой борьбе не только с самодержавием, но и с буржуазией завоюет рабочий свободу для всех слоев пролетариата и, стало быть, для угнетенных национальностей. Прокламация заканчивается призывом взяться за вооруженную борьбу. В другом листке этот пролетарский характер грядущей русской революции разъяснен еще лучше и подробнее: «Широкие рабочие массы не пойдут за блуждающими огоньками, вспыхивающими то тут, то там на мрачном фоне русской буржуазии. Мы не можен и не должны ограничиваться предъявляемыми либеральной буржуазией политическими требованиями. Нам недостаточно конституционной монархии, мы требуем демократической республики и парламента, основанного на всеобщем, непосредственном и тайном избирательном праве».

Об оппортунистической позиции Бунда в революции 1905 г. можно сказать тоже не мало, или во всяком случае не меньше, чем о позиции П. П. С., но и здесь трудно спорить против фактов: необыкновенно героическое поведение еврейских рабочих бундовцев в январские дни в Поль-

[1] Истор.-революц. арх., О. О., дело № 5, ч. 35—1905 г.

ше вне сомнения: мощная организация Бунда помогала это выступление еврейского пролетариата оформить, отлить в необыкновенно организованный натиск на самодержавие.

Но, не отрицая подготовительной работы, произведенной другими партиями, нужно определенно сказать, что большую часть работы выполнила польская соц.-демократия. Как это видно и из официального жандармского документа, приведенного вначале, соц.-демократы еще в декабре готовились к демонстрации в память погибших борцов «пролетариата».

«В течение предшествующих трех недель, говорится в отчете С.-Д. К. П. и Л. о январских днях в Варшаве — нашей организацией велась оживленная устная агитация для подготовки этой демонстрации на многочисленных собраниях, а на последней неделе были распространены в значительном количестве (8 тысяч) прокламации правления и призывные листки местного комитета. При таком настроении рабочих распространения прокламаций по поводу петербургской революционной стачки (в 6 т. экземпл.) было достаточно, чтобы вызвать сильнейшее брожение среди рабочих».

Вот эта небольшая прокламация Варшавского соц.-демократического комитета с призывом к демонстрации:

«Товарищи рабочие и работницы! 28 января 1886 года по повелению царя повешены в цитадели четыре борца пролетариата, которые шли на эшафот с возгласом: «Да здравствует свобода!» Ныне приближается эта свобода, за которую столь мужественно боролись и умирали наши бойцы. Приближается конец царскому правлению.

«Годовщину смерти наших бойцов почтим демонстрацией!

«Помянем повешенных и погибших на каторге и в тюрьмах, помянем всех борцов пролетариата, замученных свирепым царским правительством, демонстрациями во имя великих наших героев, павших за свободу и социализм.

«Пусть люд Варшавы громадной толпой поспешит на улицу, дабы почтить своих борцов и выразить свою ненависть самодержавному правительству.

«Долой правление царя!

«Да здравствует свобода!

«Да здравствует законодательное собрание!

«Да здравствует соц.-демократизм!

Январь 1905 г.

«Варшавский ком. соц.-демократов королевства Польского и Литвы»[1].

Подобного же рода, но только обширнее была выпущена прокламация и главным правлением С-Д К. П. и Л.

А как только известия о петербургских событиях достигли Варшавы, главное правление выпустило специальный листок под заглавием «Всеобщая забастовка и революция в Петербурге»[2].

В этом листке подробно описывались и оценивались с соц.-демократической точки зрения петербургские события, а в конце листка указывались главнейшие требования рабочих всей России—демократическая республика—и путь к ней—борьба всего российского пролетариата с самодержавием. «Что бы ни случилось в ближайшем будущем, ничто уже не удержит революции», так выражала свой взгляд польская соц.-демократия на январские события.

Листок этот был выпущен 23 января по новому стилю, т.-е. 10-го по старому или на другой день после выступления петербургских рабочих. В прокламации Варшавского комитета С.-Д. К. П. и Л. по поводу январских событий, выпущенной в это же время, кроме оценки петербургской стачки, как начала русской революции, излагаются подробно требования революционной соц.-демократии. В листке рабочие Варшавы приглашаются к стачке, и, хотя эта «стачка должна носить мирный характер и поэтому нам следует избегать столкновений с полицией и войсками», тем не менее в прокламации указывается, что в случае, если царское правительство обагрит кровью народа улицы Варшавы, то пролетариат «поспешит на баррикады под красное знамя—символ прав и свободы». В конце листка излагались политические и экономические требования соц.-демократии.

Рабочие, как мы уже это видели выше, дружно ответили на этот призыв. Политическая стачка варшавских рабочих продолжалась неделю. «По истечении недели,—говорится в отчете С.-Д. К. П. и Л.,—мы решили призвать рабочих к прекращению стачки, как политической демонстрации; были выработаны требования, которые следовало выставить в отдельных фабриках, и таковые предложены предпринимателям»...

---

[1] Истор.-революц. арх., О. О., дело № 5, ч. 35 за 1905 г.
[2] То же дело и часть.

«...Лозунгом стачки, с того момента, как она приняла экономический характер, стал «восьмичасовой рабочий день», и, благодаря этому, забастовка еще и в данный момент имеет ярко соц.-демократический характер»[1].

Действительно соц.-демократы с полным правом могли сказать, что именно они являлись организаторами стачки, которая по их же плану была продолжена уже как экономическая и распространена на всю Польшу. Поэтому неудивительно, что в своей полемике против других партий соц.-демократы, осыпая насмешками своих противников, подчеркивали огромное организующее значение соц.-демократии. Да и, несомненно, они были правы, так как ни одна из прочих партий не в состоянии была уловить сути тогдашнего пролетарского движения. Так П. П. С. уже в момент январских событий, поразивших всех своей грандиозностью, утверждала, что русские рабочие еще не в силах выступить, как революционная сила, и что они еще недостаточно созрели до того, чтобы начать организованную борьбу с самодержавием. Между тем в действительности, в то время как соц.-демократия Польши, выступая солидарно со всем российским пролетариатом, выдвигала общероссийское требование— демократической республики—П. П. С. в цитированной выше прокламации говорила о польском сейме, не упоминая ни одним словом о том государственном устройстве России и Польши, какого она добивалась.

Буржуазные и реакционные партии, конечно, были прямо отброшены движением в сторону, и им оставалось выявлять свое враждебное отношение к социалистической сущности, общероссийскому характеру варшавской стачки. Центральный комитет Лиги народовой в своей прокламации по поводу январских дней в Варшаве, говоря, о том что январские события в Петербурге, «не было революцией, но всеобщей стачкой, превратившейся в резню беззащитных рабочих», утверждает, что «стачка была основана на индифферентности русского люда», и продолжает так: «Посланные русских социалистов прибыли также в Варшаву и Лодзь, которые по их убеждению такие же русские города, как и другие. Они, разумеется, не обращались к людям, от которых могли бы

---

[1] Впрочем, конец политической стачки был назначен на один и тот же день не только соц.-дем. партией, но П. П. С. и Бундом. («Наша организация, П. П. С. и Бунд назначили конец всеобщей стачки, как политической манифестации на пятницу»,—говорится в отчете главного правления С.-Д. К. П и Л.).

услышать ответ: «мы поляки, и у нас иные цели, иные пути», но явились к своим единоверцам-социалистам, не делающим разницы между Польшей и Россией и повторившим по примеру своих предшественников: «долой Польшу». На их призыв отозвались социалистические организации: космополитическая социал-демократия и еврейский Бунд, которые безо всякого колебания решились вовлечь польского рабочего в стачку, дабы этим путем отметить единение его с русским рабочим». Самое ужасное в варшавской стачке, по мнению центрального комитета Лиги народовой,—было то, что «произошел факт, лишенный здравого смысла и идеи. Неизгладимое впечатление, которое он оставит после себя в Европе, будет таково, что Варшава стала наряду с Петербургом, Москвой, Киевом и Одессой в движении, ничем в Польше не отличающемся от всероссийского—что в движении этом окончательно стерты все польские стремления»[1].

Таким образом, как раз именно в том, в чем была сила и революционное значение январских событий, партия буржуазии видела слабость этих событий. Соц.-демократия как раз и подчеркивала именно эту солидарность русского и польского пролетариата, указывая на то, что в январских событиях двигателем событий была не давнишняя историческая борьба между Польшей и Россией, а более глубокие причины, коренящиеся в самых основах буржуазного общества, одинаково поднимающие на восстание как польский, так и русский пролетариат.

Кроме того соц.-демократы правильно оценивали и другую сторону движения; пролетариат увлекал в своем движении и все, что было революционного в самой буржуазии. Нисколько не боясь сознаться, что «движение переросло силу всех организаций, его бурный и горячий поток выступил из организованных берегов и разлился самостоятельно по всей стране», передовица „Z pola walki“ говорит, что только политические шарлатаны могут утверждать, что стачка была назначена и сорганизована каким-то комитетом или партией.

За всем тем соц.-демократия отмечает, что стачка охватила не только рабочих и ремесленников, но даже школьников; «факт небывалый в нашей истории, беспримерный; ибо это не какая-либо особая стачка, а революционная в полном смысле этого слова»... «... это народное восстание только не вооруженное, а в форме стачки»[2].

[1] Истор.-революц. арх., О. О. дело № 5, ч. 35—1905 г.
[2] „Z pola walki“ № 3—1905 г.

Студенческая и учащаяся молодежь вообще, несмотря на свою буржуазную сущность, все же, действительно, горячо откликнулась на призывы рабочих. В университете студенты устроили сходку, выгнали чинов инспекции и предъявили требование преподавания на польском языке: пытались устроить сходку и студенты Ветеринарного института. Студентами же были устроены революционные похороны своего товарища Болеслава Дзержбицкого, убитого во время событий 17 января, при чем на крышке гроба красовалась красная лента с надписью «жертва насилия», которую, правда, очень скоро сорвала полиция.

Принимали участие в беспорядках и учащиеся средних учебных заведений. Так, 40 гимназистов V классической гимназии по окончании уроков пытались прервать занятия во второй женской гимназии. Движение вообще захватило среднюю школу Польши, как это мы в особенности увидим при описании январской стачки в польской провинции, хотя оно зачастую и носило националистический оттенок. В этом отношении, вообще говоря, далеко не беспристрастные, официальные сведения в данном случае близки к истине. «Охватившее за последнее время,—пишет варшавский обер-полицмейстер от 29 января,—все слои польского населения сепаратическое движение, стремление к введению польского языка в правительственных и общественных учреждениях и учебных заведениях, настолько сильно проникло в сознание масс, что не только студенты высших учебных заведений выносят на своих сходках соответствующие этим стремлениям резолюции, но даже и воспитанники средних учебных заведений, в том числе и ученицы женских гимназий, предъявляют аналогичные требования, прекращая самовольно занятия; так 27 января в помещении IV женской гимназии, во время перемены после первого урока, воспитанницы старших классов столпились в нижнем коридоре вокруг ученицы 6-го класса Ржевусской, которая громко читала им какое-то воззвание. Явившийся на место заведывающий гимназией коллежский советник Нарбеков вырвал у Ржевусской из рук воззвание и настоятельно требовал, чтобы она шла в чайную комнату, где предполагал ее изолировать от других. Окружавшие ученицы стали требовать отпустить и всех их по домам и бросились в раздевальную, где Ржевусская выбила окно и пыталась выскочить на улицу. В это время с улицы влез в окно молодой человек в форме ученика коммерческого училища и произвел еще больший шум;

тогда были открыты двери, и одевшиеся воспитанницы разошлись по домам».

Этот маленький детский, почти комический эпизод среди того большого политического события, каким являлась всеобщая стачка в Варшаве, знаменовал собою, однако, не менее важные факты в жизни Польши, да и вообще России: вовлечение в сферу политической борьбы с самодержавием юношества. Здесь в Польше юношество выступало часто, окрашивая свои требования в националистический оттенок, точно так же как и на Украине, зато в других местах России уже в 1904 году это движение в значительной доле питало и соц.-демократию.

Как бы то ни было, но небольшое движение среди школьников в январские дни в Варшаве скоро перекинулось и в другие польские города.

Молодежь средне-учебных заведений не останавливалась ни перед участием в демонстрациях, ни перед выпуском своих прокламаций подобно следующей:

«Принимая во внимание, что нынешняя школа не отвечает нашим потребностям, мы, ученицы Варшавской IV гимназии, протестуем против нее и требуем:

«I) Национальных школ, т. е. права каждой народности открывать школы со своим национальным языком.

«II) Уничтожения ограничений национальных, религиозных и сословных как для молодежи, так и для учителей.

«III) Уничтожение в школах полицейской системы и всех институций, с ней связанных.

«IV) Контроля общества над школою.

«V) Признания за молодежью права корпораций и права голоса в своих делах.

«Существующей же школы мы не признаем и объявляем забастовку до исполнения наших требований, призывая подруг оставить гимназию.

«Молодежь Варшавской IV женской гимназии».

О студенчестве говорилось выше, его сочувствие к рабочим вылилось в особенности в самые острые моменты стачки тем, что оно принимало как непосредственное участие в демонстрациях пролетариата, так и в организации материальной помощи. В этом отношении и все польское общество проявило большую чуткость (мы говорим о средней и мелкой городской буржуазии), и полицейские документы не однажды с негодованием говорят о тех денежных сборах

в пользу стачечников и арестованных, пресечь которые у полиции не было ни средств ни возможности.

Итак, всеобщая пролетарская забастовка привела в движение все слои населения, и, как ни старались умалить ее значение буржуазные партии, оно было очень велико.

Политическая забастовка превратилась в экономическую, вернее сказать, забастовка, коренившаяся во всем самодержавно-капиталистическом режиме, сначала, в первую неделю носила ярко-политический характер, а затем ее экономические стороны вышли на первый план.

Еще в начале февраля экономическая забастовка в Варшаве была в самом разгаре, а на Варшавско-Венской дороге 9 февраля были попытки даже начать всеобщую железнодорожную стачку. Об этом необходимо сказать здесь, так как самый факт движения варшавских железнодорожников указывает, что почва и на железных дорогах к движению была готова и ждала только хорошего сеятеля; не только в Саратове, но и в других важнейших узлах нужны были организаторы. В Варшаве, где уровень железнодорожных рабочих был значительно выше, чем в остальной России, всеобщая стачка толкнула революционный поток и на железнодорожные пути.

На свои требования, предъявленные на Варшавско-Венской дороге 24 января рабочие и служащие дождались ответа от начальства дороги за № 17. Ответ этот рабочих не удовлетворил, и скоро появилась прокламация, призывающая их и служащих, если требования не будут удовлетворены, начать всеобщую забастовку на Варшавско-Венской железной дороге. 7 февраля забастовали истопники поездов и машинисты паровиков для отогревания поездных составов; это ускорило общую забастовку, и 9 февраля с утренними поездами начали прибывать на вокзал Варшавско-Венской дороги со всей линии агенты всех служб, категорий и разрядов. К 12 часам собралось около 600 человек; сейчас же из этой толпы были выделены делегаты, которые обошли все службы: депо, мастерские, склады, конторы, посты, и централизация стрелок станц. «Варшава-пассажирская», «Варшава-приемная» и «Варшава-обводная» остановились; готовый к отходу пассажирский поезд № 45 был задержан, и машинист покинул паровоз. В это же время по всей линии прекратили свое действие телеграф и телефон, а так как по всей линии из всех паровозов забастовавшие выпустили пар, а из всех водоемных башен—воду, то движение по всей дороге оста-

новилось. Началась всеобщая забастовка. Вызванный к толпе и. д. директора дороги Лапчинский объяснялся со стачечниками часа 3, но никаких положительных результатов это совещание не дало. Забастовка стала фактом. Станции заняло войско. Но это не помешало забастовке переброситься на другие дороги узла: 11 февраля забастовали Привислинские жел. дор. (участок Ковель—Митава), Лодзинская фабричная жел. дорога [1], Гербы—Келецкая и Гроецкая жел. дор.

Рабочие и служащие в первых двух пунктах требовали прибавки для постоянных поденных рабочих, прослуживших более года, по 5 коп., и более 2-х, по 10 коп., а также повышения квартирных денег: получающим жалованье до 1.000 р. в год—на 50%, получаемого жалованья; получающим от 1.001 до 1.500 р. жалованья ассигновать 300 р. квартирных в год и получающим свыше 1.500 р.—20% жалованья. Лапчинский ответил, что выполнение этих требований потребует увеличения расходов на 600.000 р., чего правление выполнить не может, и что только 200.000 р. может быть ассигновано на этот предмет. Третье требование касалось того, чтобы 5-процентная, так называемая лично присвоенная прибавка, распространялась на всех служащих, получающих до 2.000 р. в год. Четвертый пункт гласил: «Платить служащим то вознаграждение, какое присвоено данным обязанностям и должностям полностью, за исключением случаев не выдержания ответственных экзаменов». Лапчинский согласился удовлетворить эти требования. В пятом пункте требовалась отмена предписания о воспрещении повышения служащих, имеющих судебные аресты. Администрация согласилась удовлетворить это требование. В требовании отменить § 41 общего положения о служащих (увольнение без объяснения причин) Лапчинский отказал, мотивируя свой отказ тем, что этот параграф существует на всех дорогах. Далее выдвигались улучшение врачебно-санитарной службы, пересмотр положения о служащих с участием представителей последних и решение путем общего голосования служащих и рабочих всей дороги, необходимо ли упразднить существующую пенсионную кассу и заменить ее ссудо-сберегательной, а также требование 8-часового рабочего дня и участия представителей от служащих при выработке графика движения. На все эти пункты последовал отказ, за исключением пункта о пересмотре вопроса о кассе, при чем

[1] О. О., № 5, ч. 35 за 1905 г., л. 82 и след.

Лапчинский только потребовал, чтобы служащие предварительно ознакомились с уставами обеих касс.

Отчасти потому, что некоторые наиболее вопиющие экономические требования были удовлетворены, отчасти потому, что вся дорога была занята войсками, отчасти, наконец, потому, что прочной организации среди железнодорожников не существовало, стачка прекратилась 11 февраля, и поезда пошли.

Так же более или менее спокойно протекала экономическая забастовка на фабриках и заводах, выдвинувшая главными своими требованиями 8-часовой рабочий день и повышение заработной платы (в зависимости от местных условий и особенностей производства на соответствующий процент). Но, без сомнения, и во время экономической забастовки не обходилось без столкновений, кончавшихся даже жертвами. Капиталисты, чтобы сломить забастовку, пускались на всякие уловки, вплоть до возбуждения вражды между самими рабочими. На этой, повидимому, почве произошло столкновение на фабрике железных изделий Эбергардта и Вольского между некоторыми рабочими и выборными Люцианом Янковским и Францем Тржохом и некиим Генрихом Козловским, который выстрелами ранил в голову Янковского и напал на проходившего городового Рубаху. Подобный же случай произошел и на проволочно-гвоздильном заводе Бельгийского общества. В общем же экономическая забастовка протекала мирно, захватывая, однако, в свой водоворот и слои рабочих и служащих, дотоле не решавшихся выступать на арену открытой борьбы с хозяевами. Началось движение среди парикмахеров. Забастовкой они вынудили пойти хозяев на совместное совещание и добились уменьшения рабочих часов и прекращения работы в праздничные дни. За парикмахерами выступили приказчики мясных, колбасных, мануфактурных и подобных торговых предприятий. Они добились таких же уступок, как парикмахеры. Бастовали фармацевты, добившиеся аналогичных уступок, банковские служащие, завоевавшие кое-какие улучшения, и даже врачи варшавских больниц заговорили о создании своего общества и борьбе с правительством. Словом, выступление пролетариата сразу всколыхнуло огромную трудящуюся массу большого города и сразу же показало, каким незаменимым орудием в виде всеобщей стачки обладает рабочий класс.

Как бы то ни было, к середине февраля движение, порожденное в Варшаве январскими петербургскими собы-

тиями, закончилось, и начальник охранного варшавского отделения мог писать: «Возникшая со второй половины минувшего января месяца забастовка рабочих г. Варшавы потеряла ныне свой первоначальный массовый характер, и рабочие постепенно возвращаются к своим занятиям. Во всех ремесленных заведениях и на большинстве фабрик и заводов работы уже возобновились, там же, где к работам еще не приступлено, рабочие через своих депутатов ведут переговоры с владельцами фабрики» [1].

Буржуазные партии, вроде Лиги народовой, могли сколько угодно упрекать польскую соц.-демократию в семи смертных грехах, к числу которых они причисляли и ее интернационализм, но факт остался фактом: если кто мог назваться хотя бы идущим нога в ногу с бурным революционным рабочим движением, то это была польская соц.-демократия, к голосу которой присушивались не только рабочие, но и остальные трудящиеся массы и даже интеллигенция.

2. ПОЛЬСКАЯ ПРОВИНЦИЯ

Политическая стачка из Варшавы очень быстро перекинулась на главнейшие промышленные центры Польши—Лодзь, Ченстохово, Домбровский район, а затем и на менее значительные пункты: Радом, Стараховице, Скаржиско, Люблин, Сувалки, Сосновицы и другие города и местечки. «... В Царстве Польском,—говорится в отчете главного правления С.-Д. К. П. и Л.,—не было столь отдаленного и глухого местечка, которое, насчитывая несколько сотен рабочих, не отозвалось бы на голос петербургских рабочих, призвавших 9 января всю Россию к первому генеральному сражению с самодержавием» [2]. Ход забастовки очень подробно вырисовывается как из официальных полицейских документов, так и из нашей нелегальной печати. Прежде всего стачка охватила Лодзь. «Перед началом всеобщей стачки происходила забастовка на фабрике Штейнерта, проводимая под руководством местного комитета нашей партии. Эта забастовка дала нашим товарищам повод созывать массовые собрания. Эти собрания заинтересовали и пробудили рабочих, а там, где появились известия о событиях в Петер-

---

[1] Истор.-революц. арх., 4-е делопр., дело 4, ч. 15 за 1905 г.
[2] «Искра», № 90.

бурге и где было распространено воззвание наше о 22 января, там почва ко всеобщей стачке была подготовлена» [1].

Как только началась забастовка, сейчас же полетели телеграммы жандармов в Петербург. Вслед за жандармами 14 января доносил телеграммой и петроковский губернатор Арцимович по начальству, министру вн. дел.

«Со вчерашнего дня начались в Лодзи, отдельных фабриках забастовки, сегодня забастовавших до шести тысяч человек, требованием выставляют восьмичасовой труд и 15 копеечный заработок, беспорядков нет, толпа держится спокойно» [2]. Жандармы в своем донесении по почте от того же числа давали уже более подробные сведения. «Под влиянием корреспонденций разных газет о стачках в Петербурге, Москве, Вильно и т. д., в Лодзи также замечается брожение. Со всерашнего дня начались забастовки на разных фабриках, при чем забастовало до 6.000 рабочих, у Швейкерта, Штейнерта, Рихтера, Розенблята, Гейера, Добраницкого, Леонгардта и Столярова. Рабочие требуют по 15 коп. в час и образования больничной кассы за счет фабриканта» [3].

Действительно стачка в Лодзи началась независимо от Петербурга на экономической почве на большой фабрике Штейнерта. Забастовали ткачи, предъявивши экономические требования. Стачка протекала под руководством соц.-демократического комитета и отличалась организованностью и выдержанностью рабочих, так что стачкой заинтересовалась даже лодзинская интеллигенция. Происходили многолюдные рабочие собрания, где выступали ораторы соц.-демократы.

Но напрасны были ожидания жандармов и губернатора, смотревших на эту стачку, как на чисто экономическую. Прежде всего неверно в сообщениях губернатора и жандармов число рабочих, бастовавших уже 14-го числа: бастовало не 6 т. человек, а 10, как совершенно правильно сообщает корресподент „Z pola walki“ от 26 января, ибо у одного Гейера было до 6.000 раб., а ведь кроме этой фабрики забастовали и другие, как например, Штейнерт и Бирибаум. На другой день, 27-го, т. е. 14-го по старому стилю, день, когда полетели жандармские депеши в Петербург, уже присоединились к стачке фабрики Леонгардта, Зильберштейна, Столярова и другие. Накануне произошла большая сходка

---

1. „Z pola walki“ № 3. „Streik powszechny w Lodzi“
2. Истор.-революц. арх., 4-е делопр., дело № 4, ч. 67 за 1905 г.
3. Там же.

рабочих, где, по выяснении того, что Штейнерт и прочие фабриканты отказывают рабочим в удовлетворении их требований, а также под влиянием известий из Петербурга, решено начать всеобщую забастовку. 15 января губернатор Арцимович должен был констатировать это в своем телеграфном донесении министру: «В Лодзи забастовали все фабрики, типографии; некоторые промышленные заведения, забастовавших рабочих до семидесяти тысяч»...[1].

14 января с раннего утра уже бастовало, как сообщает корреспон. „Z pola walki" половина всех рабочих (официальное донесение жандармов указывает цифру в 23 т. чел.), а к вечеру число забастовавших достигало уже не менее 70 т. человек[2]. В этот день остановились трамваи и закрылись театры. На следующий день, в субботу 28 (15) под давлением рабочих закрылись монополии, рестораны, кофейни, почта, конторы и школы; к забастовке примкнули пекаря, телефонистки, официанты, конторщики. Губернатор Арцимович, прибывший в Лодзь, начал с того, что издал объявление на трех языках,—русском, польском и немецком, в котором угрожал, что «всякое насилие со стороны толпы вызовет решительные меры и будет подавлено силою оружия», и заявлял, что правительство только тогда готово обсудить требования рабочих, когда они приступят к работам. А в это время уже бастовал газовый завод. В банки, вокзалы, на телефонную станцию, бойню и почту посланы усиленные наряды войск, а на газовый завод отправили сначала солдат, но те не сумели справиться с делом, тогда поступили очень просто: «рабочие газового завода арестованы ночью и доставлены на завод для принудительной работы под надзором солдат, что дало возможность освещать беспрепятственно город».

В этот же день 28 (15) в субботу произошла демонстрация, организованная соц.-демократией: толпы рабочих двинулись по Петроковской улице, собирались на площадях, на углах, соц.-демократы говорили речи в течение 10—15 минут, в толпе раздавались крики: «Да здравствует конституция! Да здравствуют русские рабочие и всеобщая стачка!» Публика относилась сочувственно к выступлению рабочих, а забастовавшие воспитанники школ присоединялись к стачечникам

[1] Истор.-революц. арх., 4-е делопр., дело № 4, ч. 67—1905 г.

[2] «Z pola walki» Истор.-революц. арх., 4-е делопр., дело № 4, ч. 67—1905 г. Доклад губернатора царю называет цифру 70 т., а доклад жандармов в деп. пол.—100 т.

и разбрасывали революционную литературу. Полиция сначала молчаливо взирала на все происходящее вокруг нее, и только к концу дня начала вести себя вызывающе,— когда рабочие, собравшиеся группами, подошли к Гранд-Отелю закрыть ресторан, она еще действовала вяло, но уже при дальнейших попытках такого же рода полиция и войска начали действовать, и даже сам полицмейстер Хржановский с нагайкой в руке разгонял рабочих и бил их направо и налево. В этот же день солдаты уже стреляли и убили одного человека.

В то же время губернатор Арцимович стягивал войска в Лодзь, так что по его словам (в докладе его царю) [1] «с 15 по 21 января лодзинский гарнизон усилен тремя батальонами Тобольского, двумя Томского, четырьмя Муромского и двумя Нижегородского пехотных полков, двумя эскадронами Новомиргородского драгунского, тремя сотнями 5-го и тремя 6-го донских казачьих полков». «К этим 3.100 штыкам и 670 саблям необходимо прибавить имевшийся в Лодзи Екатеринбургский пехотный полк и сводную казачью сотню. Разделив город на районы, образовав резервы, губернатор почувствовал себя прочно и уверенно, и заявлял с гордостью царю, что у него теперь имеются силы, чтобы быть в состоянии подавлять буйство и бесчинство».

Почувствовав за собой силу, жандармы начали действовать и занялись провокацией, стараясь вызвать еврейский погром. В толпе, особенно на рынках, шныряли какие-то подозрительные личности, подговаривавшие темную массу бить евреев; так на Новом рынке, какой-то провокатор уверял, что видел собственными глазами, как евреи замучили до смерти какого-то ксендза, но оказавшиеся там к счастью двое организованных рабочих предотвратили начинавшийся погром. Точно также полиция пыталась сорганизовать погромы лавок и магазинов, но и это ей не удалось, ибо рабочие вели себя в высшей степени организованно и выдержанно, они не только не грабили лавок, как это было в стачку 1892 г., а, наоборот, наблюдали за тем, чтобы в заведениях, обслуживающих нужды широких слоев населения, работали регулярно и не повышали цен. Так, когда пекаря попытались повысить плату за хлеб, рабочие просто избили одного из них и это явление прекратилось, хотя однако, цена хлеба повысилась до 10 к. за фунт.

---

[1] Истор.-революц. арх., 4-е делопр., дело № 4, ч. 67—1905 г. Доклад губернатора.

Между тем, полиция и войска начали действовать все решительнее и агрессивнее. Рабочие отвечали на это собраниями, демонстрациями и снятием с работ штрейкбрехеров. «По улицам,—так описывает положение дел доклад жандармов,—особенно в первые дни шлялась толпа забастовщиков, требуя закрытия ресторанов, кондитерских и других заведений. На гостиницу, где остановился губернатор, в первый и второй день толпа повела атаку, но была рассеяна ротой солдат. В последующие дни с увеличением гарнизона до указанной выше нормы, все-таки достигнута некоторая возможность воспрепятствовать рабочим массироваться». Выше мы указывали, что никакого нападения на Гранд-Отель не было, а рабочие просто потребовали закрытия ресторана и, добившись этого, удалились. Самого высшего подъема стачка достигла 19 января (1февр.), при чем в предместье Лодзи, Видзеве столкновение рабочих с войсками кончилось жертвами. Только что цитированный документ так рисует это событие: «Несмотря, однако, на принятые меры, не везде удается помешать рабочим сбиваться в многочисленные толпы, особенно на окраинах города. Толпа, наэлектризованная сознанием своей силы, нередко дерзко нападает на войсковые части, ругает их, бросает камнями и стреляет. В расчет агитаторов-революционеров, конечно, не входит мирное разрешение вопроса, и они всеми силами добиваются кровавой расправы, жертвы которой служат одним из успешных средств агитации. Хотя приказом начальника гарнизона рекомендуется прибегать к стрельбе только в крайности, не обращая внимания на вызывающее поведение рабочих, тем не менее в отдельных случаях не всегда удается избежать употребления оружия. Так в деревне Видзеве, около фабрики Гейнцеля и Куницера, после выплаты собралась тысячная толпа, требуя выдачи заведывающего Езерского; часть ее, преимущественно женщины, ворвалась на фабрику, а остальная прижала роту к стенке и стала бросать камнями и стрелять. Когда же казаки пытались врезаться в середину, то двое из них были ранены: один выстрелом, другой камнем, при чем казака, свалившегося с лошади избили и отняли у него шашку. После этого одна полурота дала последовательно два залпа. Рассеянная толпа вновь собралась в прилегающем к фабрике лесу и оттуда производила стрельбу вследствие чего другая полурота была вынуждена открыть огонь по лесу, и только тогда рабочие разбежались, оставив на месте 4 убитых и 24 раненых». Однако, нашей пар-

тийной прессой дело рисуется несколько иначе, при чем казаки рисуются далеко не такими мирными овечками, которым пришлось защищаться; как раз наоборот, волнение на фабрике Гейнцеля приняло особенно острые формы потому, что обращение казаков здесь было крайне грубо и дерзко; казаки первые напали на толпу, а один из них дал пять выстрелов в группу рабочих, совершенно мирно настроенных. Результат столкновения по данным революционной прессы также иной: убитых не 4 чел., а 9 в первый раз, и 3 убитых во второй раз и несколько раненых. Соц.-демократы не умалчивают и о 3 убитых казаках.

После этого столкновения настроение рабочих достигает величайшего напряжения, и борьба лодзинского пролетариата с войсками принимает характер настоящих вооруженных стычек. Расстрел рабочих у фабрики Гейнцеля не остановил их, и они густыми толпами наполняли улицы и, не обращая внимания и не боясь угроз о применении оружия, срывали губернаторские объявления, избивали шпионов, опрокидывали фонари и на выстрелы солдат и полиции отвечали выстрелами в городовых и офицеров; 20 января произошло столкновение рабочих Любартовского, Розена и Германа с полицией, из которых первый стрелял в городового Пиотровского, а вторые ответили выстрелами в дворников, пытавшихся их задержать; подобное же столкновение произошло у ворот фабрики Гейера, где, в результате схватки толпы рабочих с часовым и городовыми, убито двое рабочих и ранено трое.

Иногда толпы рабочих достигали такого внушительного количества, что для их рассеяния приходилось пускать в ход все роды войск,—пехоту, драгун и казаков.

Но особенной силы борьба достигла 27 января, когда толпы рабочих подступили к фабрикам Штейнерта и Гейера и под предводительством партийных организаторов ворвались в фабричные конторы, требуя уплаты за дни забастовки. Чтобы оттеснить рабочих, власти сначала пустили в ход полицию, но рабочие вооружились камнями и кольями, у некоторых из них были револьверы. Горный рынок также представлял из себя клокочущее море, и, когда полицмейстер Хржановский начал наступательные действия на толпу, рабочие ответили выстрелами, при чем в полицию стреляли и из домов. Сам полицмейстер был контужен, и толпа была на время рассеяна только действием войск, при чем и здесь залпами было убито двое и ранено

шестеро. Но и это не остановило рабочих; на помощь рабочим, вступившим в борьбу с войсками в городе, «из пригорода двигались по двум направлениям к Горному рынку на соединения с находящейся там толпой густые массы рабочих. Чтобы закрыть им доступ в город, начальник земской стражи выставил две заставы, по полуроте каждая. Через эти заставы рабочие во что бы то ни стало хотели прорваться, почему солдаты были вынуждены дать несколько выстрелов, коими убито три человека и ранено восемь, что заставило толпу разойтись».

Таким образом, в результате этих столкновений царскими войсками было убито 18 и ранено 37 человек, и это по официальным данным, но несомненно, что и число убитых и число раненых в действительности превысило эти цифры.

Письма очевидцев, помещенные в партийной прессе, рассказывают о таких случаях, когда разъяренные солдаты убивали рабочих штыками, а казаки шашками.

В то же время, когда на улицах Лодзи шла настоящая борьба с оружием в руках, губернатор Арцимович совещался с фабрикантами, требуя удовлетворения некоторых нужд рабочих. Фабриканты признали возможным пойти на следующие уступки—уменьшить рабочий день до 10 часов и увеличить плату: получающим до 3 р. в неделю на 15%, получающим от 3 до 4 р. на 12%, от 4 до 5 р. и более на 5% и работающим сдельно ткачам и прядильщикам на 15%. Но напрасно фабриканты сулили рабочим великие и богатые милости, рабочие на работу не становились, несмотря на то, что по распоряжению губернатора ежедневно фабрики пускались в ход и освещались: фабрики в ход пустить было невозможно, ибо даже под конец стачки рабочие приходили не более как в количестве 15—20%.

Какие же требования предъявляли рабочие? Они были выработаны соц.-демократическим комитетом и напечатаны в листках, обильно распространенных по фабрикам и заводам.

Вот эти требования:

1) Восьмичасовой рабочий день; 2) окончание работы в субботу в 12 ч. пополудни; 3) отмена сдельной платы; 4) минимум заработной платы в 20 коп. в час одинаково для всех; 5) отмена вычетов и штрафов; 6) удаление полиции с фабрик; 7) пользование больницей и лекарствами для всякой работницы-роженицы; 8) право пользования

рабочими лекарствами и больницами; 9) выбор представителей от рабочих; 10) бесплатная школа для детей; 11) запрещение работы детей до 16-летнего возраста; 12) уплата заработка за все дни забастовки и 13) удаление за дурное и грубое обращение мастера Клеймана с фабрики Штейнерта, Шнейдера—фабрики Громана и некоторых других с прочих фабрик.

В понедельник 3 января, после 18 дней самой ожесточенной борьбы, соц.-демократический комитет объявил политическую стачку законченной и предложил рабочим каждой фабрики начать с хозяевами борьбу экономическую, предъявив экономические требования; фабриканты со своей стороны соглашались пойти на уступки, если рабочие приступят к работам. Кто же являлся руководителем лодзинской забастовки? Две организации имеют преимущественное право на это—Лодзинский соц.-демократический комитет и комитет Бунда.

В «Последних Известиях» Бунда (№ 217) дано подробное описание лодзинских событий. Здесь, между прочим, также устанавливается факт, подчеркнутый и нами выше, именно, что Бунд и П. С.-Д. являлись главнейшими руководителями забастовки. «Единственные,—говорит автор статьи «События в Лодзи»,—кто деятельно работает среди христианской массы—это П. С.-Д.». Но и еврейская рабочая масса проявила себя в эти дни своим героическим, полным революционного пыла поведением.

Приведем несколько отрывков из этой статьи, чтобы обрисовать тот массовый подъем, который царил тогда в Лодзи.

«Нам удалось устроить громадное шествие тысячной толпы с Дзельной на Петроковскую; у Нового рынка увидели издали двигающуюся навстречу огромную толпу. Стали махать платками, шапками, кричать: «наши, наши! ура!» когда убедились, что это не войско. Потом все вместе двинулись по Константиновской, Длугой и Петроковской, останавливаясь несколько раз и разбрасывая прокламации. Когда уже часть массы свернула на Длугую, наскочил конный отряд. Полицейский скомандовал разогнать нагайками, но тут унтер-офицер громко заявил: «Я начальник отряда,—против такой массы ничего не поделаешь нагайками». В это время авангард приблизился к тюрьме; раздалось несколько выстрелов: то стреляли наши рабочие. Лошади моментально остановились и повернули

обратно, а манифестанты, ободренные и воодушевленные, продолжали свой путь. При выходе на Петроковскую им загородил дорогу отряд солдат и полицейских и не хотел пропустить их. Вступили в переговоры с офицерами, и отряд отступил. Трудно решить, что на них повлияло: убеждения ли рабочих или малочисленность солдат. Затем манифестанты встретились с конным отрядом и солдатским патрулем. Отряд бросился галопом на рабочих, те раздались в обе стороны, и отряд проскакал мимо, разделив манифестантов на две части. Солдаты стали действовать прикладами, вталкивая в ворота. Нужно заметить, что солдаты только на глазах начальства усердствуют, а вообще они больше показывают вид, что бьют, и лишь официально отделываются криком, а неофициально шепчут: «проходи, ну!»

Вот как автор той же статьи описывает многотысячный митинг в эти дни в Лодзи: «Воскресенье 18-го. Утром наша организация передала массе название улицы, где нужно было собраться, и к 12 часам туда начали стекаться громадная еврейская рабочая масса, к которой затем пристало довольно большое количество немецких и польских товарищей. Боевой отряд окружал 3.000 массу. Раздался возглас рабочего: «Сюда товарищи!»—и вся масса сплотилась. Оратор был поднят на руки. Он говорил о наступающей революции, о желании правительства в лице Трепова и Коковцева обмануть рабочих лицемерными обещаниями. «Дадим ли мы себя обмануть?» крикнул он. Масса, как один человек, крикнула: «Нет!» Кончил он призывом продолжать борьбу до полной победы. Послышались возгласы; масса подхватила их с энтузиазмом. В массе засверкали кинжалы, раздались выстрелы: то стрелял боевой отряд. Было сделано 80 выстрелов. Вслед затем масса двинулась по улице с пением; пели «Ди швуэ». Во всех окнах масса народу. На плечи двух товарищей взбирается другой оратор. «Кровавое солнце революции показалось»—начал он. Он говорил о необходимости продолжать борьбу до конца:

«Два слова должны быть написаны на нашем знамени: победить или умереть».

Лодзинская и варшавская стачки тем и отличаются, что, имея массовый характер, они уже носят вместе с тем и вполне организованный характер; они заранее подготовлены, сорганизованы соц.-демократией и бундовцами; толпой ру-

ководят либо члены этих организаций, либо вожди, выдвигаемые массой тут же в момент борьбы, рабочие выходят на улицу, хотя и плохо, но вооруженные, толпу охраняет вооруженный боевой отряд, толпа не боится солдат, она знает, зачем она выступила на улицу, национальные рамки стираются,—поляки, евреи, немцы, русские действуют заодно, погромные попытки полиции подрываются в корне, наконец, стачка начинается и заканчивается по призыву организации. И только потому, что рабочие проявили такую организованность и стойкость, они уже в начале стачки выиграли некоторые из своих требований: в первую же неделю фабриканты заплатили за прогульные дни. К сожалению, у наших соц.-демократических организаций не хватало сил и средств, чтобы ответить на все запросы массы. «Теперь, в виду неожиданности событий,—говорится в статье «События в Лодзи» в № 217 «Посл. Изв.»,—нет, подходящих прокламаций с указанием требований петербургских рабочих, и масса большею частью говорит о 8 часах и 20 коп. за час, как о чем-то близком и реальном, и не видит более реального и близкого—связи всеобщей забастовки с возможностью прекращения войны и ликвидацией самодержавия»[1].

Действительно, неожиданность движения хотя и не помешала лодзинскому соц.-демократическому и бундовскому

---

[1] Мы называем стачки в Польше и Лодзи организованными и подготовленными польской революц. соц.-демократией. Т. С. С. Пестковский в своей работе (Ст. Пестковский и Юз. Красный «Революционное движение в Польше» 1905 «История революционного движения в отдельных очерках под ред. М. Н. Покровского т. III, вып. 1-й от октября к декабрю. Революц. движение нац. и окраин 1927 г., стр. 260) считает, что „забастовка имела преимущественно стихийный характер». Однако, и т. Пестковский согласен с тем, что „самое течение этой длительной забастовки носило в высшей степени организованный характер" т. е. то же, что утверждаем и мы.

Конечно и польская соц.-демокр. в начале 1905 г. не была подготовлена в должной мере к событиям, что видно хотя бы из того, как утверждает т. Пестковский, что польские соц.-демократы не сумели вполне оценить стихийно созлававшихся на фабриках и заводах выборных рабочих органов (так наз. „делегации", см. напр., работу т. Пестковского в № 5—6 изд. польского истпарта „Z pola walki" № 5—6 за 1929 „Metody organizacyjne SLK PiZ w 1904—1906" стр. 84.... partja... niedoceniala ich zaczenia"...)

Кроме только что названных работ о польском движении 1905 г. нужно отметить след.: Юз. Красный „Состояние организации социал-демократии Польши и Литвы в 1905—1907 гг. Пролет. Револ. за 1926 г. № 5 (52), по-польски в № 1 „Z pola walki" за 1926 г. „stan organizacji SLK PiZ w. r. 1905—1907" и воспоминания некоторых польских товарищей в № 4,5—6 и 7—8 журнала польского истпарта „Z pola walki" за 1928—29 гг.

комитетам выступить организованно и руководить стачкой, тем не менее даже литературой—листками, прокламациями, газетами—эти организации не могли удовлетворить те запросы, какие предъявляла масса. Кроме соц.-демократических прокламаций, выпущенных главным правлением соц.-дем. Кор. Польск. и Литвы, появилась и прокламация лодзинского комитета Бунда «Ко всем работникам и работницам Лодзи». Написанная горячо и кратко, прокламация верно оценивает январские события, как начало великой революции, и заканчивает призывом к вооруженной борьбе: «Готовьте оружие, товарищи! Рабочие Лодзи поддержат честь красного штандарта! Да здравствует революция, да здравствует социализм!» Было бы смешно отрицать то или иное участие других партий в январском движении, оно было, но только для одних оно, как в Варшаве, выражалось в весьма слабом соприкосновнении с рабочими массами, напр. П. П. С., а для других в прямом противодействии движению. Лодзинский комитет П. П. С. в начале стачки ограничился только формулированием экономических требований [1], и только уже в конце движения, когда как раз, именно, политическая стачка солидарностси и протеста по предложению соц.-демократов и бундовцев превращалась в экономическую, местная организация П. П. С. выпустила листок, в котором выдвигались лозунги борьбы с самодержавием и наравне со свободами мысли, слова, печати, собраний, вероисповедания и народности — «школы, судов и управления польских» [2].

Что касается национально-демократической партии, то она в своей прокламации приглашает всех бороться за экономические улучшения жизни рабочих и за конституцию. Однако, призывая всех к борьбе, партия тащит рабочих к соглашению с капиталистами и заканчивает свой листок такими характерными лозунгами: «Да здравствует конституция, да здравствует независимая Польша! Братья рабочие, соблюдайте порядок и спокойствие» [3].

Наиболее сильное движение в польской провинции вслед за Лодзью происходило в Домбровском и Ченстоховском районе—Домброве, Ченстохове, Сосновицах, Томашове и других местах. Официальное извещение о начале забастовки поме-

---

[1] См. «Кр. Лет.» № 1, за 1922 г., прокл. под № 63.

[2] См. прокл. за подписью «Забастовочный комитет П. П. С» дело № 4, ч. 67—1905 г.

[3] Там же.

чено 19 числом января: «Томашове Петроковском рабочие забастовали, поведение их спокойное», доносит полковник Плотто в Петербург; того же числа сообщает о забастовке в Ченстохове полковник Утгоф, а 22 числа он уже с тревогой сообщает, что в Сосновицах и Домброве полная забастовка.

Варшава и Лодзь являлись центрами, откуда исходило движение; опишем сначала движение в наиболее крупных промышленных пунктах после Варшавы и Лодзи. В Ченстохове забастовка началась на заводе Гантке [1] 21 января с 3.000 рабочих, с предъявлением требования 8-часового рабочего дня и повышения заработной платы на 30%. Директор Макомасский предложил выбрать делегатов для переговоров. Отсюда организованная группа рабочих, человек в сто, направилась по всем фабрикам и заводам снимать товарищей с работ. Делалось это очень просто: снимающие предлагали рабочим бастовать, а сами устремлялись прежде всего в котельное отделение, выпускали пары, давали тревожный гудок, в случае же, если находились штрейкбрехеры, то их просто избивали. Впрочем, хотя жандармы в своих донесениях и желают представить дело так, что стачка будто бы была вызвана группой насильников, можно с уверенностью сказать, что случаи сопротивления со стороны рабочих являлись единичными, как об этом свидетельствует и партийная пресса и даже сами жандармы. С завода Гантке рабочие двинулись на фабрику «Ченстоховьянку» с 2.000 рабочих. Здесь их встретил директор фабрики Маршель и мастер Эстеррейхер. Последний, когда рабочие пытались проникнуть в котельную, сам стал защищать ее и два раза выстрелил в рабочих; однако рабочие туда проникли, и фабрика остановилась. Понятно, что хозяева фабрик немедленно вызывали войска, которые еще больше, чем директора и мастера, раздражали рабочих. Фабричная инспекция действовала заодно с полицией и хозяевами. Так, когда рабочие завода Гантке и «Ченстоховьянки» забастовали и предъявили свои требования, директор вызвал фабричного инспектора, который и явился пьяным, и с первого же шага стал ругать рабочих. Когда в 12 часов дня забастовала ткацко-джутовая фабрика «Варта» с 1.000 рабочими и туда явился тот же пьяный фабричный

---

[1] Истор.-революц. арх., 4-е делопр., дело № 4, ч. 67—1905 г. «Z pola walki» № 3, 1905 г.

инспектор, пустивший в ход российскую ругань, рабочие ему предложили объясниться по-польски, на что последовало нападение драгун, при чем один рабочий был ранен в руку. Рабочие отвечали в свою очередь камнями. Это маленькое столкновение только еще более подлило масла в огонь, и около 300 рабочих «Ченстоховьянки» и «Варты» направились к фабрике „Motte“ (около 2.000 чел.) и к шпагатовой фабрике «Страдом» (около 1.800 раб.) и остановили их. Явившаяся полиция и войска уже не застали рабочих, которые остановили завод Пельцерова (1.800 раб.). На следующий день, когда раздались фабричные свистки, рабочие толпами стали стекаться к фабрикам и заводам, но полиция и войска, заметив, что рабочие пытаются устроить митинги, не пустили их внутрь. Тогда рабочие бросились останавливать другие еще стоявшие фабрики и заводы. Так были остановлены: фабрика Гелида и Гуха (300 раб.), пуговичная фабрика Гросманова (200 раб.), красочная фабрика Маркусфельда (500 раб.), фабрика булавок (200 раб.) и другие более мелкие заведения. После этого толпа рабочих, снимавшая с работ товарищей разделилась на две части, и одна остановила фабрики Брасса (500 раб.), Кона и Остерфельда (100 раб.), зав. «Вулкан» (600 раб.), фабрику Малинского и др. Другая часть остановила работы на остальных фабриках и заводах (как, например, Влад. Закса, Вейнберга, Гайслера и др.). После этого рабочие, в количестве не менее 2.000 чел., направились демонстрацией по улицам Варшавской, Оградовой до фабрики Пельцерова. Публика сочувственно приветствовала демонстрантов из окон и балконов.

Полиция молча расступалась перед демонстрантами. Вечером рабочие нарядили по фабрикам и заводам дежурных для охраны машин и поддержания огня в топках, чтобы не замерзли котлы. 21 января в Ченстохове была уже полная всеобщая забастовка. Рабочие, однако, не ограничивались одним Ченстоховом: 22 января были посланы делегаты в деревню Бляхово, Ченстоховского уезда, и понятно, что и здесь остановились чугунолитейный и лесопильный заводы; 24 января были посланы ченстоховские рабочие, около 200 человек; по железной дороге добрались они до деревни Кломницы, где также прекратили работы на лесопильном заводе и на фабрике цикория.

Между тем, в Ченстохове собралось совещание фабрикантов во главе с начальником земской стражи, полицмейстером и фабричным инспектором. Решено было, что

как только рабочие соберутся в понедельник утром, двинуть на них войска, спрятанные в соседних домах. Рабочие же предъявили фабрикантам требования, сформулированные соц.-демократической организацией. Требования эти мало чем отличались от таковых в других районах Польши. Вот они: 1) восьмичасовой рабочий день; 2) повышение заработной платы от 30 до 50% (плата была обычно в день для мужчин 55 к. и для женщин и детей 45 коп.); 3) уничтожение сдельной работы; 4) уничтожение сверхурочной и ночной работы' 5) отмена обысков; 6) учреждение примирительной камеры из фабричной администрации и рабочих; 7) установлене врачебной помощи для рабочего и его семьи за счет фабриканта; 8) выплата заработной платы за дни забастовки; 9) неприкосновенность делегатов; 10) уплата за все дни забастовки; 11) удаление ненавистных мастеров и 12) введение единообразных расценок.

Некоторые фабриканты, как Закс и Басс на другой день согласились уплатить за забастовку, большинство же отказывались удовлетворить требования и взывали к губернатору о помощи, указывая, что о введении 8-часового рабочего дня не может быть и речи.

Узнав о выплате некоторыми фабрикантами за дни забастовки, губернатор пригрозил им административными мерами воздействия и прибавил еще солдат. Но и рабочие продолжали держаться стойко и организованно: стачка проходила под руководством соц.-демократической организации. 19 января стачка перебросилась в Сосновицкий район и скоро приняла здесь такие размеры, что закончилась катастрофой. Забастовка началась с котельного завода Фицнера и Гемпера и быстро охватила все близлежащие фабрики и заводы, а также рудники и заводы Домбровского района; уже 19-го и в течение следующего дня остановились следующие предприятия—Гута Катарзина, Рено, Гульшинских, Дитла, Шена и др. Мельницам и пекарням рабочие разрешили работать дабы не оставить население без муки. В этот же день остановились работы на шахтах в Миловах, Челадзях, Нивес и Сатурн, а 20 января остановился и весь Домбровский район. В этом истинно рабочем районе события быстро развернулись во всю ширину большого пролетарского движения. И партийная пресса и официальные документы рисуют в общем одинаково эти события: беспрерывно шли митинги, где выступали ораторы, главным образом, соц.-демократы, устраивались грандиозные демонстрации с красными знаме-

нами и речами, толпы рабочих переходили от предприятия к предприятию, останавливая их, осаждали фабрики и заводы, предъявляя свои требования администрации, заражая своим настроением даже интеллигенцию [1]. Когда 1 января толпа остановила работы на чугунолитейном заводе «Екатерина», она разделилась на две части,—одна бросилась останавливать заводы и копи, а другая подошла к реальному училищу и потребовала прекращения занятий. Сопротивление директора не могло остановить реалистов и они, сорвавши гербы со своих фуражек, примкнули к рабочим. На заводе «Екатерина» рабочие пытались было потушить домну, но их уговорил директор не делать этого; зато на фабрике Шена выпустили пары из котлов и сорвали все русские объявления. 20 января прошло в распространении забастовки на остальные, по преимуществу, мелкие ремесленные заведения, а 21-го числа состоялся огромный митинг на площади за реальным училищем [2]. К 12 часам собралась огромная толпа не менее 20 тыс. человек. По середине площади была устроена импровизированная трибуна, ораторы говорили стоя на стульях и столах, вынесенных из училища. Развевались красные знамена. Говорили ораторы рабочие и члены организации польской соц.-демократии. В речах ораторов соц.-демократов проводилась мысль, что только борьба рука об руку с русскими рабочими даст возможность польскому пролетариату освободиться от гнета самодержавия, и что польские и русские рабочие должны бороться за общероссийскую конституцию и демократическую республику. Оратор П. П. С. [3] в своей речи тоже говорил о конституции, но только не о всероссийской, а о такой, которая восстановила бы старую автономную Польшу.

И 22-го, и следующие дни происходили демонстрации: 23-го, на той же площади, что и 21-го числа, опять собралась толпа тысяч в 25, произносились речи, колыхались знамена, раздавались крики: «Долой самодержавие!» «Долой войну!» «Да здравствует конституция!», а когда толпа попыталась проникнуть к вокзалу станции Сосновицы, на нее

---

[1] „Z pola walki" — 1905 — №№ 3 и 4. „Streik powzechny w Zaglebui Dadrowskiem". Истор.-революц. арх., 1905 г., 4-е делопр., дело № 4, ч. 67.

[2] Описание этого митинга имеется как в офиц. документах, так в парт. прессе и в буржуазной прессе. См. „Z pola walki"—1905—№ 3 и Истор.-революц., арх. 1905 г., 4-е делопр., дело № 4, ч. 67.

[3] Повидимому, доктор Подчасский из Сосновиц. См. Истор.-революц. арх., 1905 г., 4-е делопр., дело № 4, ч. 67.

бросились казаки, и полиция намеревалась отнять знамена. Но этого сделать было немыслимо. Толпа была очень велика, и беспрерывно раздавались крики: «Не отдадим знамен!» «Долой москалей!» Очень деятельное участие в демонстрации принимали ученики Домбровского горного училища.

И в этот день, и в следующие 24, 25 и 26 января волны народа попрежнему перекатывались от завода к заводу, от рудника к руднику, но значительных столкновений с войсками не происходило; случались маленькие рукопашные стычки, как 23 января, когда один из учеников Домбровского горного училища вступил в пререкания с казачьим сотником.

Важно отметить также и то, что рабочие некоторых заводов не ограничивались снятием с работ своих товарищей, а вместе с домбровскими учениками-горняками заходили в дома и выгоняли оттуда на улицу пассивных или трусливых обывателей. Так поступали рабочие завода «Пушкин», пытавшиеся, кроме того, в этот же день проникнуть к деревне Загурже, но оставили эту попытку в виду большого числа войск, расставленных по пути. Боевое настроение, охватывавшее рабочих, вылилось особенно в бурные формы 27 января, когда фабрикантам удалось уговорить часть рабочих стать на работы. Возмущение штрейкбрехерами достигло сильнейшей степени, когда узнали, что на заводе «Екатерина» начинается усиленная топка доменной печи. Сейчас же толпа рабочих человек в 1.000 бросилась к заводу с целью прекратить работу. Начался штурм завода, под напором толпы разлетелись ворота, и рабочие бросились к машинам. На их пути оказались солдаты. Началась борьба безоружных рабочих с войсками. Офицер дал команду, рабочие отвечали камнями и выстрелами из револьверов. Тогда раздался залп— и на земле осталось 33 убитых и 36 раненых пролетариев.

Ярость и возмущение охватили весь пролетариат района, но не имелось оружия. Похищение 11 пудов 25 ф. динамита из копей «Казимир» в ночь с 27 на 28 января делу не помогло, и, когда в назначенное время для похорон погибших товарищей, рабочие собрались тысячными толпами, их просто не подпустили к кладбищу многочисленные ряды солдат, расставленные по пути.

Петроковская губ., особенно Домбровский район, была вся охвачена забастовкой. Рабочие просто переходили от поселения к поселению и снимали еще работавших. Так в

Стржемешицах, после остановки работ копи «Казимир» забастовщики направились в деревню Немцы, остановили суперфосфатный завод, фабрику клея, захватили с собой директора, прошли на с. Стржемешицы, вытребовали начальника депо Сталолевича, нач. участка Пялобрежского и нач. станции Поповского, которых и заставили нести красные флаги, испортили поворотный круг и после этого возвратились обратно в с. Немцы. Такой же характер носила остановка работ и в пос. Заверце и в других местах.

Большого размаха и напряжения достигала забастовка в Згерже, Томашове и Пабианицах, где также происходили демонстрации, митинги и столкновения с администрацией.

Остановимся теперь на описании забастовки в окрестностях Варшавы, прежде чем перейти к другим губерниям Польши. Кроме Варшавского уезда, забастовка охватила Влоцлавский, Сохачевский, Гостынский, Блонский и Кутновский уезды и пункты Жирардов, Прушков, Блоня, Гродиск, Лович, Марки, Юзефов, Михалов, Влоцлавск, Слубице, Цехомице и многие другие.

Забастовочная волна катилась, как лавина, чем дальше, тем увеличиваясь все больше и больше. 17 января рабочие Прушковских мастерских Варш.-Венск. ж. д. выделили две партии. Одна, человек в 60 направилась по полотну дороги и, добравшись до гмины Голенов, Блонского уезда, прекратила работы на химической фабрике Лепперта, другая, человек в 100, проникла на сахарные заводы «Юзефов» и «Михалов» и остановила их. Затем рабочие, увеличившись снятыми с работ товарищами, двинулись к гор. Блоне и остановили все кирпичные заводы, находившиеся на пути. В самом городе также произошли беспорядки с разграблением лавок. Бастовали, кроме упомянутых выше, и сахарные заводы «Германов» и «Млодзалин» Сохачевского уезда, «Гузов» Блонского уезда, «Саники» Гостынского уезда и фабрики и заводы гор. Влоцлавска, а также Добржелинский, Валентиновский и Томчинский сахарные заводы Кутновского уезда, на Ловичской химической фабрике, на ст. Скаржиско Привисл. дор. и на горных зав. Островецких, Цмелевском, и Ченстоховском.

Все эти забастовки носили хотя и бурный, но все же организованный характер: снятие с работ организованными, ударными группами, митинги, демонстрации со знаменами и речами, срывание русских объявлений, революционные песни и возгласы, речи ораторов—все это характеризует за-

бастовку, как в Варшаве и Лодзи, так и в их окрестностях.

Вот, например, типичный ход забастовки в Варшавской губернии Влоцлавского уезда: «Около 250 рабочих некоторых сахарных заводов прибыли на завод «Модель» и потребовали директора завода Яна Зелинского, которому объявили, что они прекращают на заводе работы на 14 дней, в течение коих завод должен исполнить следующие их требования:

«1) Вместо двух смен по 12 часов—установить три смены рабочих по 8 часов для каждой.

«2) Установить всем рабочим одинаковое жалованье по 20 коп. в час, а женщинам за смену 50 коп.

«3) Не пользоваться рабочими для услуг фабричным официалистам.

«4) Чтобы на заводе не было швейцаров.

«5) Увеличение платы рабочим отнести на счет уменьшения акциза на сахар, а также уменьшения жалованья официалистам, и

«6) Увеличить плату подводчикам, доставлявшим на завод уголь из гор. Ловича.

«Затем пришедшие рабочие, забрав с собой рабочих с завода «Модель» и двух официалистов: Адама Прусского и Павла Палчинского, отправились на завод в Санники, где также прекратив работы, предъявили директору завода Станиславу Гржибовскому те же требования, и, в случае неисполнения, угрожали употребить насилие.

«После этого большинство рабочих возвратилось в «Модель», а остальные, вместе с забастовавшими в Санниках около 200 человек, на другой день, т. е. 20 числа, на подводах отправились на писчебумажную фабрику в дер. Сычевку, куда прибыли около 11 часов вечера, потушили электричество и предъявили директору Эпштейну означенные выше требования, заявив при этом, что если условия будут приняты, то фабрика может начать работы, в противном же случае она должна стоять 14 дней. На это директор ответил, что без ведома акционерного общества он ни в какие соглашения с рабочими входить не может.

«Прибывшие на фабрику рабочие потребовали от местных прекращения работы, угрожая прибегнуть в случае отказа к ножовой расправе, а сами после этого выехали обратно в Санники.

«Местные рабочие, в числе более 200 человек, утром 21 января выехали из Санник в Боровички»[1].

Из этой сухой выдержки из официального документа прекрасно видно, как распространялась и ширилась стачка; 19 января стачка перекинулась из Варшавы на сахарные заводы уезда, 20-го группа рабочих этих заводов поднимает стачку на зав. «Модель», отсюда эта группа передвигается на заводы в Санники для того, чтобы в свою очередь перекинуться в Боровички.

Как-будто бы гигантский бикфордов шнур, состоящий из людского взрывчатого материала, зажженный в Варшаве, продолжает гореть по направлению от центра к окраинам.

Огромная фабрика Жирардовской мануфактуры вступила в забастовку 24 января прекращением работ в механической ткальне, откуда стачка распространилась и на другие отделения; 25 января остановились чулочное и белильное отделения, за ними бумагопрядильня, а затем стала и вся фабрика.

Эта огромная массовая забастовочная волна производила сильное впечатление не только на перепуганную буржуазию, но и на властей. В донесении варшавского генерал-губернатора в Петербург, эта паника буржуазии очень хорошо отражается в следующих словах: «Под воздействием событий последних дней, среди обывателей распространились не подтверждаемые агентурными сведениями слухи о том, что в Варшаву идут большими толпами рабочие из ближайших городов и из Кракова, а также, что руководители беспорядков намерены возобновить их в больших размерах, устроив ночью резню русского населения и разгром правительственных учреждений посредством взрывчатых снарядов»[2]. Так обывательский шкурный страх переплетается здесь с провокационными слухами о резне, пущенными правительственными агентами.

В К а л и ш с к о й губернии забастовка охватила город Калиш, местечко Озорково Ленчицкого уезда и местечко Здунскую Волю. Здесь стачка возникла, как отраженная волна лодзинской забастовки, и под влиянием лодзинских рабочих, которые в числе 300 человек пришли из Лодзи и Згержа в гор. Озорков и остановили работы на самых

---

[1] Истор.-революц. арх., 1905 г., 4-е делопр., дело № 4, ч. 41.
[2] Истор.-революц. арх., 1905 г., 4-е делопр., дело № 4, ч. 67.

крупных бумагопрядильных фабриках Шлоссера, а затем стали и все прочие фабрики.

«...Если бы не близость,—говорит калишский губернатор Новосильцев в своем докладе царю,—расположения г. Лодзи и Згержа и постоянное сношение фабричных рабочих этих городов с рабочими гор. Озоркова, забастовка в сем последнем не имела бы места, так как местный фабричный люд, сравнительно спокойный и не требовательный, прекратил работы лишь из боязни насилия и разгрома»...[1].

Это оптимистическое мнение не нуждается в опровержении, ибо уже самая длительность забастовки (с 15 января по 8 февраля) говорит о том, что кроме тесной связи с Лодзью имелись и свои внутренние причины для забастовки.

Эти внутренние причины очень хорошо вскрываются одной короткой фразой жандармского донесения: «Рабочие просят,—говорится здесь,—8-часового рабочего дня и по 20 коп. за час, т. е. суточную плату в 1 р. 60 к. До настоящего времени ткачи работали поштучно и вырабатывали от $1\frac{1}{2}$ р. до 3 рублей в два-три дня. Кроме того, много браковалось выработанных штук при сдаче работ, что крайне уменьшало и так небольшую плату»[2]. Тем не менее несомненно большое влияние Лодзи на Калиш и в особенности Здунскую Волю отрицать нельзя. В Здунской Воле забастовка началась 17 января на ткацкой фабрике Винера в отделении ручных станков. Рабочие предъявили требования об увеличении заработной платы—1 рубль за восемь часов и сверх восьмичасовой работы по 20 коп. за каждый час. Затем стало и механическо-ткацкое отделение, после чего часть рабочих бросилась на соседние фабрики Фукса, Бонке, Арлет и другие и остановила их. Остановлен был также пивоваренный завод Анштадта и лесопилка Варшавского. Все это делала толпа рабочих, человек в 200, под руководством Яна Хоентовского. К вечеру 18 января закрылись все фабрики, заводы и мелкие ремесленные заведения, а вечером рабочие заставили закрыть и магазины. Движение носило вначале мирный характер, и только 18 и 19 января рабочие пытались собраться на площади для митинга, но были рассеяны войсками и полицией. Впрочем, были произведены какими-то хулиганами грабежи. В общем бастовало около

---

[1] Истор.-революц. арх., 1905 г., 4-е делопр., дело № 4, ч. 34.
[2] Там же.

10 тыс. человек по всей Калишской губернии (в одной Здунской Воле более 7 тыс. чел.). Рабочие Озоркова и Здунской Воли, на предложение фабрикантов стать на работу ответили, что станут только тогда, когда станет и Лодзь. В этом несомненно чувствуется та связь, о которой мы говорили выше, и причины которой коренятся, несомненно, в том, что Здунская Воля, со своими 18 ткацкими фабриками и 45 ткацкими мастерскими, находясь всего в 39 верстах от гор. Лодзи по железной дороге, является как бы предместьем Лодзи, которая и дает работу предприятиям Здунской Воли. Кроме небольших столкновений рабочих с полицией, забастовка в общем протекала мирно и не носила такого бурного характера, как, например, в Варшаве. Были здесь еще, правда, и ученические беспорядки, но о них мы скажем несколько слов ниже.

В Плоцкой губернии забастовки начались также под непосредственным воздействием рабочих из крупнейшего пролетарского центра, гор. Варшавы и Варшавской губернии. 21 января забастовали рабочие бумажной фабрики «Сачевка», находящейся на берегу Вислы в Варшавской губ.; отряд забастовщиков в 200 человек направился тотчас же на соседний сахарный завод «Боровички», расположенный уже в Плоцкой губ. [1]. Здесь рабочие сняли еще работавших товарищей, вызвали администрацию завода и заявили, что требования рабочих—8-часовой рабочий день, увеличение поденной платы мужчине до 1 р. 50 коп. и женщине до 1 р. 20 к.—должны быть удовлетворены администрацией, иначе рабочие не станут на работы. Отсюда варшавские рабочие, узнав, что вслед за ними посланы драгуны, перешли Вислу и возвратились в свою губернию, успев, однако, передать весть о забастовке и на соседний завод «Новая Весь», который также остановился.

Мы видели выше, как забастовка, расходясь лучами из Варшавы и Лодзи, захватывала сначала близлежащие местности, как отсюда в свою очередь она перебрасывалась дальше и дальше, пока не захватила самых глухих промышленных пунктов; мы видели также, что в зависимости от условий места она то достигала характера вооруженных столкновений, то приобретала форму мирного оставления работ.

В Радомской губернии стачка закончилась, как и в Варшаве и в Лодзи, катастрофой с человеческими жертвами.

---

[1] Истор.-революц. арх., 1905 г., 4-е делопр., дело № 4, ч. 75.

Здесь уже через два-три дня после начала движения в Варшаве и Лодзи власти констатировали признаки забастовки. «Настроение рабочих,—пишет нач. жанд. управл. Сандомирского, Опатовского и Илжецкого уездов, Радомской губернии,—Островецких горных заводов за последние дни совершенно изменилось, приняло вид тревожный, и ожидается со дня на день забастовка» [1]. Это донесение помечено 16-м числом января, а уже 18 января, в семь часов утра забастовали рабочие четырех заводов и фабрик, расположенных вблизи города. В этот же день примкнули частично железнодорожные рабочие Радомских мастерских (они бросили работу после обеда, часть их явилась в мастерские после обеденного перерыва, но на другой день бастовали все рабочие, и мастерские пришлось закрыть). Через два дня, в 9 часов утра 21 января забастовал прокатный цех Островецких горных заводов, рабочие этого цеха остановили весь завод. Отсюда стачка перекинулась на Цмелевский завод, где работы прекратились в 10 часов утра, после обеда в 3 часа остановился и Ченстоцицкий сахарный завод. С самого начала забастовки и здесь чувствуется организующая ее рука: рабочие расходятся с пением революционных песен, собираются сходки, где вырабатываются требования, толпа настроена революционно и сплоченно.

Островецкие рабочие в тот же вечер 21 января собрались на митинг человек в 500 и, обсудивши свои требования, подали их директору завода. Требования разделялись на экономические и политические. Экономические требования: 1. Свобода стачек. 2. Восьмичасовой рабочий день. 3. Минимальная плата рабочим поденно: для мужчин 1 руб. 50 коп., женщин 1 руб. 20 коп. 4. Контроль со стороны рабочих при назначении мастера над кассами и лечебной помощью. 5. Страхование на старость. 6. Уничтожение личного обыска и снесение (?) [2] фабричной полиции. Политические требования: 1. Свобода совести, слова и печати. 2. Равноправность для всех, без различия вероисповедания и происхождения. 3. Абсолютная свобода. 4. Неприкосновенность лиц и квартир. 5. Народное самоуправление в городах и гминах.

Требования эти совпадали с теми, что выдвигались соц.-демократической прокламацией, распространенной заранее по

---

[1] Истор.-революц. арх., 1905 г., 4-е делопр., дело № 4; ч. 51.

[2] Цитируем по полицескому документу Истор.-революц. арх. 1905 г., 4 делопр., дело № 4, ч. 51.

заводу и городу. В этот день, 21 числа, начались и более решительные действия бастующих: так, рабочие ст. Скаржиско, Привислинских железных дорог в 11½ ч. бросили работы и небольшими группами рассеялись по соседним фабрикам и заводам, снимали еще работающих товарищей и пытались прекратить железнодорожное движение,—сняли с поста стрелочника и порвали телефонные провода. 22 января островецкие рабочие собрались опять на сходку уже более внушительную, их было теперь около 1.500 чел., они предъявили снова свои требования, но и в этот день им ответили решительно отказом, угрожая закрытием завода и расчетом. А забастовка между тем распространялась далее: 23-го к ней примкнули рабочие Староховецких горных заводов Илжецкого уезда, а также кирпичный завод инженера Клиницкого близ гор. Островца. Забастовка носила вполне мирный характер, если не считать тех действий рабочих, какие они пускают в ход всегда, когда снимают с работ своих товарищей; казалось бы, не имелось никаких оснований для применения вооруженной силы, и, однако, 21 и 22 января произошли столкновения рабочих с войсками, окончившиеся кровавыми жертвами. Вот как рисуются эти события официальными документами[1].

В Радоме в 7 ч. утра забастовавшие рабочие устроили демонстрацию и в количестве человек 700 двинулись из предместья (д. Глиницы) в город. На окраине города их встретил губернатор и предложил им выбрать уполномоченного и разойтись. Часть толпы разошлась, а часть, разбившись на группки в 15—20 человек, проникла в город и стала снимать с работ мастеровых мелких ремесленных заведений. На другой день с утра рабочие закрыли магазины и сняли с работ товарищей с электрической станции.

Губернатор, под давлением такого настроения рабочих, разрешил им собраться за городом, что, впрочем, рабочие и сделали сами безо всякого разрешения. Собравшись в деревне Глиница, рабочие двинулись с красными знаменами и пением «Червонного Штандарта» в город, преградивший дорогу патруль демонстрацию дезорганизовал, часть рабочих, однако, проникла в город, закрывала магазины, принудила к забастовке извозчиков и пыталась даже снять с работ служащих, окружного суда и казенной палаты.

---

[1] Там же. Донесение пом. варш. генер.-губерн. в деп. пол.

День 20 января прошел сравнительно спокойно вследствие сильного дождя, а 21 января рабочие снова пытались устроить демонстрацию. Они опять двинулись в город и опять встретили войска; разбившись на группы, они все же с революционными песнями, выстрелами и криками подошли к губернаторскому дому. Здесь уже стояла рота солдат, но и у рабочих имелось кое-какое оружие. При виде солдат раздражение, накопившееся за предшествующие дни, достигло большого напряжения и началась перебранка с полицией.

Что послужило причиной расстрела рабочих неизвестно, но был дан сигнал и вслед затем залп. На месте осталось 14 убитых и 29 раненых.

Толпа рассеялась, но весть об этом быстро разнеслась по округе. Возбуждение рабочих всюду поднялось, и, когда 22 января на ст. Скаржиско, Привисл. ж. д., после неудачной попытки остановить движение на дороге накануне (причем и в этот день уже происходили мелкие стычки между толпой и рабочими), рабочие в числе тысячи человек опять попытались остановить соседние фабрики, их встретили войска. Толпа перешла через полотно и бросилась к чугунолитейному заводу «Новый Бзин» Любчинского. На ее пути выстроилась рота Витебского полка; началась обычная в таких случаях перебранка солдат с рабочими, из толпы раздались выстрелы; тогда командир полка отдал приказание стрелять залпами в упор по толпе. На месте осталось 25 убитых и 40 раненых.

«После этого,—говорит губернатор со спокойствием летописца,—беспорядки не возобновлялись». Действительно, после такого кровопускания рабочим, в общем безоружным и не собиравшимся вообще вступать в бой с войсками, пришлось ликвидировать забастовку. 25 января рабочие Островецких заводов стали на работу, а за ними пошли в ход и остальные предприятия.

В Седлецкой губернии забастовочное движение охватило, главным образом, мелкие ремесленные заведения. В г. Седлеце забастовка началась 17 января,—забастовали сапожники, столяры, пекаря, рабочие фабрики детских игрушек, мастерские сельскохоз. орудий Милковского и две паровые мельницы. Агитаторы пытались проникнуть в казармы 188-го резервного пехотного Красноставского полка, им это не удалось, но зато увенчалась успехом попытка снять с работ рабочих железнодорожного депо. Днем на улицах города происходили демонстрации с пением революционных

песен и криками «долой царя!». С наступлением вечера город погрузился в тьму, так как все фонари были разбиты. Движение, однако, скоро прекратилось, и 19 января все заведения уже работали. Кроме г. Седлеца забастовки в этой губернии произошли в городах: Межиречье, Соколове и Венгрове. Забастовка охватила, главным образом, ремесленников и носила мирный характер, хотя во всех этих городах были устроены сходки и демонстрации. Полиция постаралась даже здесь, в мирной забастовке еврейских ремесленников найти признаки чуть ли не бунта, и всюду были посланы военные части, которые, впрочем, к помощи залпов здесь не прибегали.

Однако, небольшие столкновения все же были во время демонстраций, когда демонстранты кричали: «Долой царя!» и пели революционные песни. В Межиречьи рьяное местное начальство арестовало даже целую сходку в 400 чел., причем в качестве арестованных оказались и дети, так что их пришлось на другой же день возвращать или родителям или знакомым. Доклад губернатора стремится представить всех участников сходки, как самых опасных преступников, и скромно умалчивает о том, что детям пришлось просидеть всю ночь без еды сначала за городом в месте сходки, пока земская стража, окружившая собравшихся, ожидала солдат, а затем в участке, куда были направлены арестованные [1].

И в Седлецкой губернии были предъявлены требования, аналогичные тем, что предъявлялись в других местах Польши. Вот, например, чего требовали работницы-еврейки в игрушечном заведении Файгенбаума в г. Седлеце: 1) чтобы было сокращено рабочее время на 1½ ч., 2) чтобы по пятницам и в кануны еврейских праздников еврейки работали только до 3 часов дня, а плату бы получали за целый день, и, кроме того, 3) чтобы плата всем рабочим и работницам была увеличена на 50%.

Стачка в трех вышеназванных городах началась 17 и закончилась 19 января. Губернатор такими словами резюмирует свой доклад: «Забастовки в Седлецкой губернии и Межиречьи вызваны забастовками в Варшаве и в С.-Петербурге и сделаны были рабочими, чтобы показать свою солидарность с последними. В Межиречьи, Соколове и Венгрове исключительно, а в Седлеце, главным образом, участвовали в стачках рабочие-евреи ремесленных заведений; им принад-

[1] Истор.-революц. арх., 1905 г., 4-е делопр., дело № 4, ч. 63.

лежала инициатива, и между ними несомненно существует организация [1].

В Ломжинской губернии, прежде всего, забастовали (18 января) железнодорожные рабочие, деповские при ст. Остроленка, Привислинских дорог. И сюда забастовочная волна докатилась, как это и понятно, из Варшавы. Документы называют даже имена носителей забастовочной заразы,—Самарая, рабочего, выезжавшего накануне стачки в Варшаву и Яна Гржимана, приехавшего оттуда с вестями о стачке.

24 января забастовали рабочие, занятые на постройке фортов близ деревни Пиотница. Забастовки эти носили вполне мирный экономический характер, по словам официальных документов. В самой Ломже тоже происходила забастовка, к которой примкнули учащиеся.

В Сувалкской губернии забастовка тоже носила мирный характер. Официальный документ так описывает стачечное движение в гор. Сувалках: «В виду распространившихся слухов, что в гор. Сувалках местные рабочие намерены в четверг 20 и воскресенье 23 сего января произвести беспорядки, начальником губернии были приняты меры предупреждения—и никакие демонстрации в эти дни места не имели.

«Движение рабочих ограничилось лишь тем, что в воскресенье евреи-рабочие не явились на работу после обеда и разошлись в некоторых мастерских перед обедом. Вечером одиночные лица пробовали ходить по магазинам и требовать прекращения торговли [2].

Несомненно, что большого движения в самом городе Сувалках быть не могло, так как крупных промышленных предприятий там не существовало, ремесленников же насчитывалось всего несколько сот. Однако, движение все же отличалось более яркими чертами, чем это указано в официальном документе.

Еще в декабре 1904 года бундовские организации проявили большую деятельность в Сувалкской губ. В Сувалках происходили собрания организованных рабочих (100 чел.), выяснялся текущий момент, произносились речи, распространялись прокламации. Такие собрания в Сувалках происходили 11 и 18 декабря (25-го были распространены про-

---

[1] Истор.-революц. арх., 1905 г., 4-е делопр., дело № 4, ч. 63.
[2] Истор.-революц. арх., 1905 г., 4-е делопр., № 4, ч. 41.

кламации); в Августове состоялось собрание 72 организованных рабочих 25 декабря тоже с политическими речами по текущему моменту, такое же собрание было в Сейнах [1]. В городе местной организацией Бунда было получено предложение начать забастовку 19-го, и 23-го забастовка началась.

«...К забастовке и демонстрации готовилось также все население нашего города, готовилась и полиция. Население стало запасаться провизией; хлеб даже черствый, давно залежавшийся, брался нарасхват и по очень высоким ценам. Полиция и жандармы наводняли улицы; сильно вооруженные патрули встречались на каждом шагу. Еврейские рабочие приглашались бросить работу к полудню в воскресенье и быть к назначенному времени на месте предполагавшейся демонстрации. Отряду, назначенному для остановки работ на фабриках и мастерских, оставалось очень мало делать: большинство рабочих явились сами; остальные бросали работу после нескольких слов агитатора и присоединялись к общей массе. К назначенному времени все рабочие были на месте. Был на месте и боевой отряд, вооруженный кинжалами, револьверами и разным тупым оружием; были и знаменосцы. Но были также солдаты, полицейские и жандармы, почти шпалерами стоявшие на всем расстоянии от костела до полицейского управления. Вооруженные отряды были еще, кроме того, спрятаны на полицейском дворе, готовые ринуться на «врага» по первому знаку. Для внушения кому следует еще больше спасительного страха, по городу демонстративно продефилировала целая батарея пушек»...[2].

Что могла сделать горсть ремесленников в виду таких приготовлений властей? Демонстрация, конечно, не удалась, но зато расправа с демонстрантами была ужасна: одного из членов отряда Д. Джиди арестовали и подвергли в участке истязаниям. Забастовки это, однако, не предотвратило, и она состоялась в течение 23, 24 и 25 января, хотя местная организация П. П. С. совсем не содействовала бундовской организации.

В Келецкой и Люблинской губерниях дело тоже не обошлось без волнений. К сожалению, по этим губерниям в нашем распоряжении имеются весьма скудные данные. В первой из названных губерний бастовали 22 января

[1] «Посл. Изв.», 1905 г., № 213.
[2] «Посл. Изв.», 1905, № 222.

рабочие лесопильного и чугунолитейного заводов Штарке (600 человек). Забастовка носила мирный характер: рабочие предъявили следующие требования:

«Наши политические требования:

«1) Свобода забастовки (стачки) с целью побудить улучшение положения рабочих.

«2) 8-часовой рабочий день.

«3) Не принимая в расчет сдельной платы, минимальная плата фабричного рабочего должна быть 1 рубль 50 к.

«Исключить из числа рабочих малолетних до 18 лет.

«4) Уничтожение сдельной платы и введение везде платы поденной.

«5) Контроль рабочих с согласия фабриканта над выбором мастеров для заведывания кассами и над врачебной помощью, при чем семьи рабочих должны пользоваться бесплатно медицинской помощью.

«6) Прием и увольнение рабочих должны производиться с согласия самих рабочих.

«7) Мастера должны быть польского происхождения, а также названия машин и инструментов на польском языке. Все объявления тоже должны быть на польском языке.

«8) Уничтожение обысков при выходе и удаление полиции из фабрик.

«9) Обеспечение в старости и в несчастных случаях.

«10) Содержание школ для детей рабочих на счет казны или фабрикантов. Учителя должны быть поляки и выбираемы самими рабочими.

«11) Уничтожение резких обращений со стороны мастеров, обращение на «вы» или «pni e».

«12) Свобода труда без различия вероисповедания и происхождения.

«13) Неприкосновенность личности и домашнего очага.

«14) Народное самоуправление в городах и гминах.

«15) Непременное удаление мастеров за взятки и грубое обхождение с рабочими[1].»

Забастовка прекратилась через три дня, и автор официального донесения о ней не без ядовитой иронии по поводу этих требований рабочих говорит: «Единственная уступка, сделанная им Штарке, это—что старшие мастера вместо прежнего «ты» говорят им «вы» и за опоздание на работу не налагают штрафов».

---

[1] Истор.-революц. арх., 1905 г., 4-е делопр., дело № 4, ч. 35.

В Люблинской губ. бастовал Александрийский институт; в самом городе Люблине, как и в Кельцах были забастовки.

Ясно, что в нашем обзоре стачечного движения в Польше мы далеко не исчерпали всех городов и местечек, по которым прокатилась стачечная волна, но и из того, что было сказано, можно с полным правом вывести заключение, что в эти знаменательные январские дни не осталось ни одного сколько-нибудь заметного промышленного пункта Польши, где бы не раздавались возгласы: «Долой самодержавие!» и где бы не выдвигалось требование восьмичасового рабочего дня. В той или иной форме, то достигая характера настоящих вооруженных стачек с войсками, то нося форму экономической забастовки, январское движение в Польше по сути своей было сочетанием политической забастовки-протеста с забастовкой экономической.

Этот политический характер забастовки особенно резко проявлялся в крупных рабочих центрах, где рабочие массы своим революционным энтузиазмом увлекали за собой и дотоле индифферентные политические слои мелких служащих, конторщиков и даже интеллигенцию. Интеллигенция принимала участие в январском политическом протесте Польши против самодержавного строя в лице, главным образом, учащейся молодежи.

Для уяснения этого участия польской учащейся молодежи в январском движении необходимо вспомнить, что в Польше действовало несколько нелегальных политических партий: 1) Соц.-демократия Царства Польского и Литвы, 2) Бунд, 3) Польская социалистическая партия, 4) партия «Пролетариат», 5) Лига народова и 6) всякого рода иные буржуазные и националистические группки и кружки. В то время, как соц.-демократия Царства Польского и Литвы и Бунд являлись выразителями интересов польского и еврейского пролетариата, остальные партии выражали в общем интересы тех или иных слоев польско-еврейской буржуазии—так идеологом средних слоев польской буржуазии была, несомненно, Лига народова с большим националистическим душком и с туманной программой в области политической, в общем целиком буржуазной; польская социалистическая партия—партия мелкой буржуазии отражала на себе и на своей программе, своей тактике—колебания того класса, интересы которого она защищала, недоговоренность, например, в области политических требований («свободная демократическая система, основанная на всеобщем голосовании» вместо

демократической республики), группы крупной польской буржуазии, действовавшие легально и полулегально, хотя и работали на русское самодержавие, но тоже были заражены националистическим душком,—партия «Реалистов» (угодовцев)[1].

Все эти партии, за исключением буржуазных, развили большую политическую деятельность за год войны, накануне первой русской революции. Январь 1904 г. начался в Польше покушением на ломжинского губернатора бар. Корфа, совершенное членом партии «Пролетариат» Кельчевским (принадлежность его к этой партии, впрочем, оспаривалась П. П. С.). Вспыхнувшая война с Японией послужила причиной широкой агитации всех партий и против войны и против самодержавия. Польша была засыпана прокламациями и статьями в нелегальных изданиях, где разъяснялись причины войны, ее виновники, указывался путь освобождения и от военных тягот и от режима, их вызвавшего—свержение самодержавия. И в то время, как крупная польская буржуазия шла даже на соглашение с царским самодержавием, пролетариат и мелкая буржуазия переходили к активным действиям.

Незадолго до первомайского праздника произошло вооруженное сопротивление при аресте члена партии соц.-демократов Ц. П. и Л. Мартына Каспржака, убившего жандармского офицера и помощника пристава и ранившего трех городовых.

В день первого мая во всех крупнейших пунктах Польши были забастовки, а в Варшаве и Лодзи произошли демонстрации, сопровождавшиеся избиениями и арестами демонстрантов полицией, и с вооруженным отпором со стороны демонстрантов.

В июне совершенно случайно в Варшаве возникли беспорядки по случаю пожаров, при чем во время вооруженного столкновения толпы с войсками были и человеческие жертвы. Такое же столкновение рабочих с войсками произошло и в день суда над Мартыном Каспржаком в конце июля. После уличных демонстраций и столкновений в Белостоке и в Варшаве в начале октября началась в Польше повсюду агитация против мобилизации, демонстрации против войны и всякого рода столкновения с полицией и войсками на этой почве.

---

[1] Анализ соотношения классовых и партийных сил см. в уже цитированной превосходной работе тт. Ст. Пестковского и Юз. Красного «Революц. движ. в Польше».

Демонстрации против войны в течение октября почти все кончались человеческими жертвами—10, 15, 23 и 31 октября в Варшаве, 17 октября в Ченстохове. Демонстрация 31 октября, плохо организованная П. П. С., закончилась колоссальными арестами и несколькими десятками убитых и раненых. Весь ноябрь и декабрь тоже прошел в демонстрациях и столкновениях с войсками в Варшаве, Лодзи, Радоме, Калише, при чем революционеры не останавливались перед взрывом мостов, чтобы помешать отправлению мобилизованных. Словом, атмосфера в Польше к началу 1905 года была уже достаточно накалена, а «весна» Святополка-Мирского развязала языки и либералам и либеральной интеллигенции, но все же главным действующим активным борцом революции был только один пролетариат. Неожиданно разразившееся движение пролетариата в Петербурге было тем толчком, который разорвал плотину, преграждавшую путь польскому пролетарскому революционному движению: польский пролетариат распрямился во весь свой рост и в своем движении увлек и все остальные слои населения. Мы уже говорили выше о том движении непролетарских и полупролетарских слоев, какое проявилось в Варшаве в январские дни,—о сочувствии движению студентов, банковских служащих, среди конторщиков и среди фармацевтов. Это движение захватывает такие слои тем больше, чем больше вся забастовка, теряя свою политическую окраску, превращается постепенно в экономическую стачку, как это заранее и было намечено польскими соц.-демократами. Забастовка охватила пекарей, портных, сапожников, служащих конки, банковских служащих, фармацевтов, врачей, фельдшеров и фельдшериц, парикмахеров, приказчиков, кельнерш, и даже дворники частично присоединились к стачке. В еврейской больнице «врачи отказались писать рапорты в полицию о больных и раненых во время кровавых дней; эту почетную обязанность выполняет теперь старший врач»[1].

Большинство таких, чисто экономических, стачек оканчивалось частичной победой стачечников, и это было толчком, заставлявшим присоединяться к движению новые инертные слои.

Размах движения был настолько велик, что своей грандиозностью поразил воображение обывателя. «Мы все еще не можем притти в себя,—говорится в одной корре-

[1] «Посл. Изв.», 1905 г., № 220.

спонденции из Варшавы,—обыватели только и говорят, что о событиях последних дней»[1].

«Театры пустуют, несмотря на то, что гастролирует любимец варшавской публики—Баттистини. Только вчера театр был переполнен, так как ставили пьесу из времен великой французской революции: «Андре Шенье». Обстановка на сцене напомнила последние дни в Варшаве. Публика, особенно «высшие сферы»—галерка—неистовствовала, кричала, аплодировала без конца. На завтра был назначен тот же спектакль, но по распоряжению полиции отменен»...

Это сочувствие интеллигенции бурному выступлению пролетариата особенно ярко выразилось среди учащихся—студентов и учащихся средних школ.

Студенты университета, объявившие забастовку, выдвинули в своей резолюции политические требования польской соц.-демократии и, выражая «свою полную солидарность с революционным движением пролетариата и его борьбой в настоящий момент за свержение абсолютизма в Российском государстве и за освобождение из-под общего ига», в конце прокламации заявляли: «Требования эти выставляются соц.-демократией, солидарно с которой во имя этих требований мы выступаем»[2].

Эта волна политического сочувствия особенно сильно захватила средние школы[3].

Совершенно правильно говорится в статье о забастовке в средних школах в газ. "Z pola walki", что причиною движения польской учащейся молодежи было движение пролетарское, ибо все видели, что пролетариат в своей борьбе защищает не только свои собственные классовые интересы, но и интересы общенародные, интересы и нужды всех угнетенных и обездоленных, борется за полнейшую свободу во всех областях жизни. Важно также отметить в этом движении учащихся средних школ и то обстоятельство, что в Польше, как и в других городах империи, среди учащихся функционировали и соц.-демократические организации.

Кроме уже отмеченных выше фактов, касающихся движения учащихся, необходимо указать, что в Варшаве вой-

---

1 «Посл. Изв.», № 215.

2 «Посл. Изв.», № 223—1905 г.

3 О движении среди учащихся в янв. дни много корреспонденций в «Посл. Изв.» за этот год, например, в №№ 217, 223, 220 и др. „Z pola walki", № 47, ст. „Z ruchu streikowego w szkolach Srednich" и в деле 4-е делопр. № 4, ч. 15, 34 и 51—1905 г.

ска и полиция не церемонились и с гимназистами и гимназистками: когда забастовка захватила уже большинство школ, то солдаты не останавливались и перед стрельбой в юношей и девушек, так, например, в забастовавших воспитанников классической гимназии было дано два залпа (правда, вверх). Понятно, что такие действия только углубляли и расширяли движение. Учебному начальству пришлось закрыть все средние школы, и, когда в конце января попытались начать ученье (в женской гимназии на Краковском предместье), то ученицы устроили сходку; начальство распорядилось запереть 20 учениц в отдельную комнату. На выручку девочкам явились гимназисты с палками. Кончилось дело битьем стекол, введением в здание гимназии полиции и солдат и... исключением из гимназии 120 воспитанниц.

Движение молодежи не ограничилось одной Варшавой, оно охватило и всю польскую провинцию—Лодзь, Радом, Ломжу, Калиш и менее значительные уездные города, напр., Лович, и затянулось на продолжительное время. «Проявляемое за последнее время,—говорится в донесении варшавского охранного отделения от 13 февраля,—польским населением усиленное сепаратическое движение в наибольшей степени отразилось на учащейся молодежи обоего пола. Последние, под влиянием родителей и опекунов, предъявляют учебному начальству целый ряд требований, главным образом, национального характера и, в виду неисполнения их требований, прекращают занятия, срывают с фуражек гербы, производя при этом в некоторых случаях различные беспорядки»...[1]. Что националистический оттенок в этом движении был, это конечно верно, но еще вернее то, что в январские дни он тонул в море совершенно справедливых национальных требований, выдвигавшихся и соц.-демократией: обучение на родном языке, право иметь преподавателей не только русских и т. д. (См. требования учащихся в 4 номере 1905 г. «Z pola walki»). Соц.-демократические организации среди учащихся были тогда уже не редкостью, и они-то и придавали революционный характер выступлениям молодежи. Вот, например, как учащиеся соц.-демократы лодзинских средних школ мыслили себе выход из того хаоса, какой воцарился в школе в результате январской забастовки: «Есть один выход—к нему ведет р е в о л ю ц и я». И, заявляя это, уча-

---

[1] Истор.-революц. арх., 1905 г., 4-е делопр., дело 4, ч. 15.

щиеся соц.-демократы предлагают преподавателям не возобновлять занятий и присоединиться к ним.

Движение учащихся во многих местах носило очень бурный характер (в Варшаве, Калише, Радоме), и что интересно, приемы, применявшиеся учащимися во время забастовки были заимствованы из области чисто пролетарского движения: гимназисты одного учебного заведения, начав забастовку, устраивали сходку, выделяли отряды, которые шли и снимали учившихся товарищей, били стекла, разбрасывали пузырьки с вонючею жидкостью в классах, устраивали демонстрации и действовали даже оружием. В некоторых местах, как в Ломже и Калише против демонстраций учащихся пускались в ход регулярные войска, так как полиция не могла с ними справиться.

Скольких же жертв стоило январское движение польскому правительству? По официальным данным убито и ранено за эти дни было: в Варшаве убитых—90, раненых—176; в Лодзи убитых—18, раненых—37; в Домбровскм и Ченстоховском районах 53 убитых и 76 раненых и в Радомской губернии убитых 14 и раненых 29. Таким образом, только по официальным данным и только со стороны рабочих было убитых 175 и 318 раненых. Сравнивая эти официальные цифры с такими же данными о пострадавших в Петербурге (130 убит. и 229 раненых), мы видим, что войска в Польше действовали куда энергичнее, чем в столице. При этом нужно не забывать, что только что приведенные цифры не охватывают пострадавших со стороны войск и полиции (чего не было в Петербурге), а их необходимо считать также десятками. Но как и к официальной цифре петербургских жертв, к числу январских жертв в Польше нужно отнестись скептически, и, если мы при обозрении январских событий в Петербурге, официальную цифру пострадавших увеличивали вдвое, то, очевидно, и здесь приходится сделать, повидимому, то же самое, а это дает число пострадавших гораздо более тысячи человек. Действительно, много погибло от ран, незарегистрированных врачами, так как были дни, как мы видели, когда вследствие волнения среди врачей эти последние просто отказывались записывать пострадавших в своих книгах (см. выше); много пострадало в тюрьмах от избиений и истязательств; много, наконец, пострадало и должностных лиц.

Само собой ясно, что этими жертвами дело не исчерпывалось. Были произведены многочисленные аресты. О чи-

сле арестованных в Варшаве мы уже говорили. Не мало их было и в других местах. Так за лодзинские события привлечены к ответственности стрелявшие в городовых Розен, Герман и Любартовский, и за нанесение ран фабричному инспектору Ян. Водзинский. На границе с нелегальными соц.-демократическими изданиями арестованы: Болеслав Гурский, Владислав Лихарский и Иван Войнарский. Кроме того было начато следствие о следующих лицах, подвергнутых тюремному заключению: Яне Йохимяке, Юлиане Цищевском, Гинде Кершенбауме, Аполлинарии Шаланском, Басе Мерлинской, Антоне и Яне Качубах, Борухе Эйхнере, Александре Поплавском, Густаве, Груне, Вавржице Ярчинском, Людовике Пренуком, Хаиме Кавлоре, Лейбусе Фрейденрейхе, Иде Байн, Майере Тейхмане, Томаше Смане, Юзефе Янине, Франце Сроке, Михаиле Яворском, Антоне, Иосифе и Войцехе Друхах, Франце Краевиче, Франце Кацельсоне, Франце Томашевском, Антоне Карчмарковиче, Иване Курнатовском, Мрувчинском, Перке Шимоне Тененбауме, Моисее Волке, Менделе Ваксберге, Хаиме Вацмане, Перце Шитенберге, Ицеке Кмензоне, Янгеле Грабовском и Иделе Собаге.

В Седлецкой губернии подверглись аресту 123 человека.

Таким образом, только в Варшаве, Лодзи и Седлецкой губ. (Седлеце, Межиречье, Венгрове и Соколове) арестовано более 900 человек, если же принять во внимание и другие пункты, где происходили менее многочисленные аресты, то можно с уверенностью сказать, что польский пролетариат потерял выбывшими из строя около 2.000 человек.

Какие же выводы необходимо сделать при изучении только что описанных событий? Прежде всего бесспорным является факт, коренным образом отличающий польскую январскую забастовку от январских событий в Петербурге: в то время, как движение петербургских рабочих было огромным, почти стихийным движением, развившимся помимо какого-либо партийного руководства, польское движение являлось выступлением организованного пролетариата, начавшего забастовку по определенному, заранее разработанному плану и руководимого революционными партиями и прежде всего соц.-демократией. Затем, движение это было в подавляющем большинстве случаев в первую половину ярко-политическим и только затем с о з н а т е л ь н о превращенным в экономическое. Мало того, это движение носило характер настоящего революционного столкновения с войсками, часто с оружием в руках. Движение это, наконец, было

массовое, охватившее не один город, а целую большую провинцию государства. Характер и силу событий очень удачно определил журнал „Z pola walki“, когда доказывал, что «это народное восстание, только не вооруженное, а в форме стачки».

Движение это, помимо всего указанного, было народное в том смысле, что все решительно слои польского населения, заинтересованные в свержении самодержавия, видя сплоченное могучее движение пролетариата и, главное, понимая что именно пролетариат, а не какой-либо иной класс, вместе со своими защищает и интересы всех трудящихся слоев, всего народа, были вовлечены пролетариатом в борьбу, как гегемоном в этой борьбе (см. выше признания студентов и группы учащихся средних школ). Вместе с тем борьба, развернувшаяся в Польше, как ни старались буржуазные партии придать ей узко-националистический характер, носила все черты пролетарского интернационального движения, ибо польский пролетариат выступил по зову польской соц.- демократии и Бунда из солидарности к восставшим петербургским рабочим; рядом с польским пролетарием, под пулями царских войск погибали рабочий еврей, русский, немец; на знаменах демонстрировавших и дравшихся с войсками рабочих сияли лозунги революционного международного пролетарского движения.

И если верно то, что это было «народное восстание, хотя и невооруженное», то это было восстание, хотя и за достижение буржуазных форм жизни, но опять же особенное, так как оно совершалось во имя не буржуазных, а чисто пролетарских социалистических целей.

Естественно, что такая сущность этого движения, его сознательность и высота наложили очень резкий отпечаток и на формы его. Требования, предъявляемые повсюду рабочими, были одни и те же: свержение самодержавия и установление демократической республики в области политической, и восьмичасовой рабочий день и повышение заработной платы на 30—50% в области экономической. Эти требования предъявляются одинаково повсюду и в центре крупной промышленности в Лодзи на заводе-гиганте, и в маленькой карликовой мастерской еврея, в каком-то провинциальном городишке Венгрове. Вокруг же этих основных требований, как гирлянды, навешиваются десятки менее существенных требований и требований чисто местного характера. Это единообразие требований указывает, конечно, на планомерность,

организованность и зрелость движения. На эти же свойства указывают и самые формы движения; фабрики и заводы останавливаются организованно. Рабочие остановившегося крупного предприятия выделяют боевую группу товарищей, которой и поручается снимать еще работающих людей; также поступает вторая, третья фабрика и т. д. Вот почему стачка в течение нескольких дней, без помощи телеграфа и телефона (за исключением, быть, может, железной дороги) и почты охватила весь пролетариат Польши, страны, равной доброй половине тогдашней Германии. Правда, вся пролетарская масса тогда была подобна легко воспламеняющемуся пороху, но нужно было, чтобы этот порох горел так, как хотелось руководящему центру.

И, наконец, важной чертой этого движения приходится считать те попытки рабочих, какие они проявили здесь: не только пассивно защищаться от нападения царских войск, но и самим вооруженной рукой нападать на врага. Правда, эта черта движения только проявлялась, только начинала обрисовываться, но уже ясно было, что недалек день, когда загремят выстрелы настоящего вооруженного восстания.

ГЛАВА IV

ЯНВАРСКИЕ ДНИ В ПРИБАЛТИЙСКОМ КРАЕ

В Прибалтийском крае движение охватило также все наиболее крупные промышленные центры. Прежде всего забастовала Рига.

Здесь, еще в декабре 1904 года и в начале января 1905 г., революционное движение приняло яркий политический оттенок и выразилось демонстрациями[1]. Римский комитет латышской соц.-демократической рабочей партии 23 октября 1904 года организовал политическую демонстрацию, при чем демонстрация одновременно происходила в разных концах города,—несколько сот рабочих с красными знаменами и революционными песнями прошло по Выгонной Дамбе, и в то же время рабочие фабрики Кузнецова, преимущественно русские, устроили демонстративное шествие менее внушительное, но имевшее большое значение, так как участвовали в ней русские рабочие и демонстрировали они в такой части города, где до этого времени подобных выступлений не было.

6 января 1905 года рижский федеративный комитет (состав федеративного комитета в январе 1905 г. был таков: Клеванский (Максим) от Бунда; Кобозев, Бородин и Розовский от большевиков; Дерман, Бета, Гамма и Дельта (парт. клички) от латышей; Милашепский от П. С.-Д. и Браун-Янсон от меньшевиков; Богдан Малкин и Алексей)[2], устроил большую и внушительную демонстрацию против войны. Демонстрация, собравшая под красными знаменами около полутора тысяч рабочих, имела большое моральное значение, заставила говорить о себе весь город, а, главное, подняла и так довольно бодрое настроение рабочих и, несмотря на

---

[1] «Посл., Изв.» № 211 и «Искра» № 84.

[2] Настоящий сотав федер. комитета сообщен т. П. А. Кобозевым.

аресты, еще более укрепила влияние соц.-демократии среди пролетариата.

Петербургские события, таким образом, должны были и, действительно, нашли в Риге хорошо подготовленную почву. Как только достигли сюда вести о кровавом воскресеньи, в революционных организациях началась усиленная подготовка и объединение сил. В течение двух дней 10-го и 11-го подготовка закончилась, и на 12-е была объявлена политическая забастовка: к забастовке призывали федеративный комитет и вместе с тем отдельные организации, как рижский комитет лат. соц.-демократической партии и Бунд.[1]. В гектографированной прокламации, распространенной 12 января, рижский комитет латышской соц.-демократической раб. партии писал: «Товарищи! Стыдно нам работать и трудиться в пользу богачей, когда снег на улицах Петербурга обагряется кровью рабочих. В эту роковую минуту долг всего трудящегося народа бросить работу и присоединиться к нашим петербургским товарищам: мы объявляем всеобщую стачку!» [2]. Выпустили прокламации и Бунд и рижский комитет рос. соц.-демократической раб. партии [3]. «Вы не станете на работу,— обращалась последняя прокламация к рабочим,—пока не добьетесь свободы». 12 января забастовка действительно началась [4]. В Прибалтийском крае, как и в Польше, сразу же правительство почувствовало организованность, выдержанность и дисциплину пролетариата. Забастовка проводилась опытной рукой. Это обстоятельство констатируется не только партийной прессой, но и официальными документами. «Забастовавшие рабочие ходили густыми толпами от одного завода к другому и везде приостанавливали работы». В подтверждение этого свидетельства бундовских корреспонденций, донесение лифляндского губернатора и жандармов определенно указывает завод, откуда пошла забастовка. В 6 ч. утра группа рабочих человек в 40—50 подошла к замочной фабрике Германгауза и Формана на Балдонской улице, сняла

[1] Т. П. Стучка в своей очень хорошей работе «1905 г. в Латвии» (1905, История революцион. движ. в отд. очерках под ред. М. П. Покровского, т. III, вып. 2-й, стр. 187) говорит о том, что забастовка в Риге была объявлена на 12 янв., прокламацией Центр. ком. латв. соц.-дем. партией.

[2] Истор.-революц. арх., 1905 г., 4-е делопр., дело № 4, ч. 11.

[3] Истор.-революц. арх., 1905 г., 4-е делопр., дело № 5, ч. 33.

[4] События в Прибалт. крае рисуются делами О. О., № 5, ч. 33, 36 и 42, 31, 11 и нелег. прессой, особ. «Искрой» и «Посл. Изв.» №№ 211, 212, 213, 214, 215).

с работ своих товарищей, вместе с ними двинулась к проволочному заводу на Дюнамюндской ул., остановила его и устремилась дальше, увеличиваясь в числе и останавливая все фабрики и заводы. Образовалась огромная толпа; она двинулась на Ильгецемскую рыночную площадь, где и состоялся импровизированный митинг. Рабочий Юлиус Калонип произнес речь, взобравшись на крышу торговой будки, и прочел прокламацию. Отсюда двинулись к цементному заводу, но здесь уже толпу встретили войска. Произошло столкновение, полиции и войскам удалось задержать нескольких рабочих. Толпа двинулась дальше и к полудню остановила все фабрики и заводы задвинской части города. Теперь перед рабочими стала задача остановить остальные фабрики и заводы; пытаясь проникнуть в центр города, рабочая масса встретила мосты и переправы через Двину уже занятые войсками; пришлось итти по льду. Прорвавшись в город, рабочие начали останавливать работы и здесь, устраивая демонстрации и митинги. Войска, занимавшие площади и улицы, и полиция сопровождали рабочих, в ход пускалось холодное оружие, происходили маленькие стычки, но все же в этот день удалось устроить огромный многотысячный митинг на Суворовской площади. Атмосфера накалялась, и во вторую половину дня происходили уже более решительные столкновения с войсками, как, например, у картонной фабрики Каплана на Столбовой улице, где войска пустили в ход винтовки, а рабочие камни, ножи и револьверы. Жертв, однако, не было. К вечеру большая часть фабрик и заводов стояла, в том числе «Проводник», «Феникс», «Балтийский вагонный завод». Еще работала, однако, фабрика Кузнецова (около 8 т. раб.), типографии, трамвай, железная дорога, электрические станции и мелкие заведения[1]. Официальный документ кратко так характеризует этот день стачки: «Сегодня утром прекратились работы на 13 окраинных фабриках, заводах Риги; забастовщики стараются прекратить работы на других промышленных заводах, работающие заводы охраняются войсками. Требования пока рабочими не предъявляются, разбрасываются воззвания политического характера. Порядок пока нарушен не был[2].

---

[1] В корресп. «Революц. России», № 58 неверно указывается, что уже 12 января бастовали трамвай и типографии, в этот день они еще работали.

[2] Истор.-революц. арх., 4-е делопр., дело № 4, ч. 11—1905 г.

Хотя в этом донесении и говорится, что порядок нарушен не был, однако полиция при помощи войск уже в этот день арестовала 100 человек. Точно также неверны сведения, что рабочими не предъявлялись требования. Весь пролетариат Риги, за малым исключением, забастовавший по призыву соц.-демократических организаций, предъявил требования, каковые и были кратко формулированы в прокламации рижского комитета лытышской соц.-демократии. «Мы требуем,—говорится в этом листке:—1) созыва учредительного собрания на основах всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права; 2) свободы слова, печати, собраний и стачек; 3) 8-часового рабочего дня; 4) уничтожения поштучной и поденной платы; 5) упразднения сверхурочных работ; 6) увеличения заработной платы; 7) чтобы ежедневный заработок как мужчины, так и женщины был не менее 1 (одного) рубля в день; 8) окончания преступной войны!» Здесь кратко были формулированы все существенные требования, которые затем были развиты, когда стачка превратилась в экономическую, более подробно, сообразно местным условиям на каждом заводе и фабрике.

На другой день, 13 января, с утра забастовали все фабрики и заводы, типографии и трамвай. Бастовала даже фабрика Кузнецова, хотя рабочих этой фабрики и пришлось снимать силой с работ. К 12 часам закрылись и конторы газет (в редакциях и конторах черносотенных газет еще накануне толпа выбила стекла). Наступила полная забастовка. Массы рабочих двигались по городу, устраивались митинги, произносились речи, распевались революционные песни; магазины закрылись и множество служащих—приказчиков, конторщиков, приказчиц—увеличивало толпы рабочих; студенчество политехникума, где происходили сходки, также принимало деятельное участие в событиях. К забастовке примкнули и железнодорожники: еще накануне, 12-го, около 4 часов дня, рабочие с заводов явились на станцию Торенсберг Риго-Орловской жел. дор. и заставили рабочих-железнодорожников бросить работу; затем забастовщики прекратили работы и в депо станции Рига-первая, так что на утро 13-го прекратилась жизнь и в железнодорожных мастерских. После полудня к 5 часам скопление народных масс на улицах достигло невиданных в Риге размеров—до 25 тысяч; эти массы двигались от Московской улицы по направлению к железнодорожному мосту. На пути рвущихся в город масс оказались войска—рота железнодорожного

батальона. Произошло столкновение, и полилась кровь[1].

Толпа стремилась из Задвинья в город, солдаты не пускали ее. Начались сначала словесные, а затем и более серьезные стычки. Все же настроение рабочих, хотя и боевое, было не таково, чтобы вступить в вооруженную борьбу. Выстрелов никто не ожидал, и тем не менее раздались залпы и повалились убитые и раненые. Солдаты стреляли без сомнения безо всяких сигналов, и стремление властей оправдать эту бойню агрессивным поведением толпы не выдерживает критики, ибо после первого залпа «толпа моментально отшатнулась и начала бежать, войско бросается в догонку и стреляет в бегущих»[1]. Корреспондент «Искры» так описывает этот момент: «До моста никаких препятствий не было, но тут конная полиция и две роты солдат отрезали толпе путь. Толпа остановилась, но рассеяться не хотела. Раздалась команда «пли», и один залп последовал за другим... толпа рассеялась, оставив на месте 40 убитых и около 100 раненых».

В либеральном «Освобождении» дается еще более потрясающее описание. «... Кто-то из полицейских приставов просил только не кричать «долой самодержавие», и вдруг без предупреждения, без предварительного холостого залпа, толпу начали перестреливать перекрестным огнем. Повалились раненые, убитые... Солдаты перебегали с места на место и палили по всем направлениям. Один офицер стоял с револьвером и веером рассыпал пули»[2].

После этих свидетельств не остается сомнения, что полны лжи и официальные правительственные сообщения и донесения жандармов и губернатора о том, будто нападение толпы на солдат вызвало залпы последних. По этим донесениям выходит так, что толпа бросилась на солдат, «сорвала с барабанщика тесак, набросилась на унтер-офицера, нанесла каким-то твердым предметом удар по голове офицеру, а поднявшиеся из толпы на мост стали бросать в солдат камни и производить выстрелы...»[3].

---

[1] Описание этого столкновения имеется как в архивных материалах (4-е делопр., дело № 4, ч. 11), так и в нелегальной прессе и влегальных газетах: «Революц. Россия» № 58, «Освобождение» № 65, «Искра» № 85, «Последние Известия» № 212 и след., «Вперед» № 4, правит. сообщения в «Приб. Крае» и т. д. Если исключить бледную корреспонденцию «Революц. России», то все источники рисуют примерно одно и то же.

[2] «Посл. Изв.», № 212.

[3] «Освобождение», № 65.

[4] Исчтор.-революц. арх., 1905 г., 4-е делопр., дело № 4, ч. 11.

Подобные факты, конечно, были, но были они уже после варварского нападения на мирную толпу, и совершенно правильно замечает только что цитированная корресподенция «Освобождения», что солдаты получили раны от своих же солдатских пуль, ибо рабочие могли «отбиваться только кулаками». Если даже последнее замечание не совсем верно, так как в распоряжении соц.-демократических организаций имелись вооруженные товарищи, то, в конечном счете, что они могли сделать кроме попыток защищаться? Да и странно было бы, если бы рабочие в ответ на зверское нападение ответили не самозащитой, а молча подставляли свою грудь под царские пули в то время, когда негодование переполняло их души. А каково действительно было это негодование, видно из рассказов очевидцев и участников событий.

«...Что вчера было у нас,—пишет 14 января один из участников рижской забастовки в «Искру»,—не поддается описанию. Нельзя сидеть на месте, хочется мстить, видеть их кровь, как мы вчера видели нашу братскую кровь... И сколько крови! Боже мой! Ведь еще сегодня кровь громадными красными пятнами расстилается по всей набережной, как красный ковер, а надо заметить, что всю ночь шел густой снег и не мог он покрыть или смыть эту горячую кровь. Снег таял, делал ее более бледной, но не уничтожил. Да, никогда не смыть им этой крови!» [1].

Число пострадавших точно установить в высшей степени трудно. Правительственные документы называют такие цифры: 20 убитых мужчин и 2 женщины и более 60 раненых, при чем из числа раненых в больнице умерло 19 человек. Со стороны власти убит помощник пристава Билев, 2 солдата и 6 ранено. Всего, таким образом, убито 44 человека, из них из толпы 41 человек, и раненых более 46, из них 6 со стороны солдат. Цифры эти, очевидно, явно уменьшены, так как по словам корреспондентов «Последних Известий», убито 70—80 человек, «Освобождения»—не менее 60 человек, «Искры»—убитых 40 человек и раненых около 100 чел., «Вперед» (№№ 6 и 7)—около 150 чел., ибо считает, что только в Двине погибло не менее 90 человек. («Революционная Россия» говорит неопределенно: «масса убитых»). Если даже взять средние цифры из всех этих данных, то получается около сотни, а раненых не менее 150 человек. Так, пожалуй, и было на самом деле, ибо много народа погибло

[1] «Искра», № 85.

еще в Двине, когда толпа, бросившись от солдат, устремилась на лед, который проломился и увлек за собой в воду бегущих людей, погибших в волнах реки. Очень картинно и драматично описывает эти минуты борьбы рижского пролетариата корреспондент буржуазной газеты „Frankfurter Zeitung".

«...Свечерело. Снежная буря продолжается. Окна покрыты льдом. Вой ветра наполняет весь дом. В соседней комнате лежит застрелянный муж моей хозяйки. Его принесли сюда друзья четверть часа тому назад. В нижнем этаже принесены еще трое тяжело раненых студентов. Шум и крики на бульваре, которые я слышал давеча, были криками ужаса и ярости во время страшной битвы, происшедшей на берегу Двины и унесшей неожиданно большое число жертв. Мне не сидится за письменным столом.

«Я на Двине со многими из публики, у которых любопытство и участие борцам пересилили чувство страха за себя. Перед домом, нижние окна, двери и стены которого прострелены, лежит еще длинный ряд мертвых и раненых. Подъехали сани Красного Креста. И живых и мертвых подобрали и увезли в больницу. Около меня стоит горбатая женщина. Ноги отказываются ей служить, и она падает. Солдаты и публика молча смотрят на следы крови на снегу. В шагах тридцати от нас, по круто падающей на Двину набережной, несколько мужчин и женщин сбегают вниз, на лед, о чем-то горячо толкуют и жестикулируют» [1].

Как и следовало, конечно, ожидать, расстрел мирной толпы нисколько не уменьшил революционной энергии пролетариата. Наоборот, теперь даже буржуазные и мелкобуржуазные элементы настроились воинственно, не говоря уже о членах наших организаций. «У нас революция! На улицах бойня. Много товарищей убито и ранено. Как лава, с одного конца города на другой перебрасывается тысячная масса народа»,—пишет корреспондент «Последних Известий», а далеко не воинственно настроенная меньшевистская «Искра» заговорила о действительном вооружении масс (впрочем, не от лица редакции, а устами одного из участников событий). «Без оружия выходить нельзя, и притом нужно иметь не какой-нибудь дурацкий револьвер, а оружие должно быть

---

[1] Цитирую по «Вперед», № 4 за 1905 г. См. также № 6 и № 7 «Вперед», 1905 г., где дается описание гибели людей в Двине и картина больницы, куда свезли раненых и умирающих.

вполне годное, а то 200 солдат расстреливают и разгоняют 100.000»[1].

В следующие дни—14, 15, 16 и вплоть до 20 января, когда соц.-демократическими организациями решено было стачку закончить, забастовка была всеобщей. Негодование по поводу поведения властей выражалось совершенно открыто. В пятницу около политехникума была отслужена панихида по убитым (в числе коих был и студент Печуркин) при громадном стечении публики. В то же время в самом политехникуме происходила бурная сходка, где присутствовали и представители рабочих. Директор политехникума проф. Шварц по приказанию полиции пытался сходку распустить, но это не удалось и пришлось брать политехникум войскам; впрочем, студенты разошлись, закончивши сходку до вступления войск внутрь здания. На другой день, в субботу 15 января происходили похороны убитого студента Печуркина. На Гертрудинской улице у квартиры покойного образовалась толпа тысяч в 12 и двинулась к политехникуму, где гроб ожидала новая толпа, тоже в несколько тысяч человек. Из окна политехникума вывесили черный флаг с надписью: «Слава павшим», «Проклятие убийцам»[2]. Процессия двинулась к кладбищу. На углу Александровской и Невской улиц толпа остановилась: произносились речи, пелись революционные песни. На кладбище опять произносились речи и пелись революционные гимны и вечная память. Полиция и войска держались тут же наготове по пути всего шествия и в действие не пускались, хотя толпа остановила трамвайное движение; разбрасывались и расклеивались речи. Вечером настроение рабочих еще более повысилось,— они гасили фонари, останавливали движение извозчиков, но в кровавые вооруженные стычки с войсками не вступали.

И на следующий день революционные организации пытались произвести демонстрации в связи с похоронами убитых, но власти не допустили этого, просто не выдавая трупов родственникам. Тем не менее и 17 и 18 революционным организациям удалось устроить похороны. Полиция разгоняла собиравшихся и арестовывала ораторов. Однако, при похоронах рабочего Яна Функера, убитого у железнодорожного моста, демонстрацию устроить удалось. Собралось

---

[1] «Искра», № 86.

[2] Эти слова называются официальными документами. Партийная печать говорит иное: «Слава товарищам, погибшим в борьбе за свободу».

тысяч до двух; благополучно донесли покойника до кладбища, похоронили, но когда попытались выйти демонстрацией с кладбища, на толпу напали казаки. Произошло столкновение, во время которого рабочие уже не пассивно ожидали ударов, а своей дружиной давали отпор войскам: взобравшись на пригорок, демонстранты открыли стрельбу по казакам. Завязалась перестрелка, жертв, однако, не было. Таким образом, рабочие не только не пали духом после расстрела, а поняли, какое огромное значение имеет вооруженный отпор войскам. Это боевое настроение росло, когда 19 в 8 часов утра часть рабочих Балтийского завода, под давлением полиции, решила стать на работу, организованные рабочие просто не пускали запуганных товарищей на завод. Подоспели войска и полиция, началась стычка, но рабочие и здесь не оставались только мишенью для царских пуль: они действовали револьверами и ножами. Рабочий Микель Янсон даже ранил смертельно городового. Но силы были не равны, и рабочих все же рассеяли. (Нападения рабочих на полицию в эти дни после расстрела вообще были не редкостью: так 19-го произведено нападение на околоточного и на городового).

13 и 14 января в Риге приходится считать кульминационным пунктом стачки, когда пролетариат проявил максимум воли и энергии. С 15 числа энергия падает, и в этот день приступили к работе четыре завода, но подавляющая часть рабочих еще бастует и ждет призыва соц.-демократического комитета окончить стачку. 18 января вступают на работу железнодорожники, 19-го соц.-демократический комитет, констатируя ослабление энергии, решает стачку прекратить, и 20-го рабочие выходят на заводы и фабрики [1]. Нужно, однако, отметить, что рабочие не без сопротивления и не сразу подчинились требованию федеративного комитета; в прокламации, призывавшей к прекращению стачки, подчеркивался политический характер ее и указывалось, что окончанием забастовки, бывшей забастовкой солидарности с петербургским пролетариатом, борьба рабочих с капиталистами и правительством не прекращается, наступает момент борьбы на отдельных фабриках и заводах и вместе с тем собирания сил, расширения и укрепления организации. Про-

[1] В указанной выше работе т. П. И. Стучки днем прекращения стачки также называется 19 янв. Подробное описание январской стачки нами дается потому, что ни в одной работе, посвященной революции 1905 г., такого описания нет.

кламация эта мало подействовала на рабочих. «Очень многим рабочим эта прокламация не понравилась, и они ее рвали и бросали в печку. Они говорили, что не нужно прекращать **всеобщей** стачки до тех пор, пока не будут удовлетворены требования рабочих на **всех** заводах» [1]. Требования эти были выражены в особой прокламации, изданной рижским соц.-демократическим федеративных комитетом.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Наши требования:

Мы, бастующие рабочие рижских фабрик, мастерских, держимся следующих требований, выставленных нашими товарищами в других городах. Если произойдет соглашение между работодателями и рабочими на основании нижеприведенных требований, то мы, бастующие рабочие, согласны приняться за работу, как только рижский федеративный комитет объявит стачку оконченной.

1) 8-часовой рабочий день.

2) Отмена поштучной сверхурочной работы, в случае же неизбежности последней выдается удвоенная плата.

3) Поденная плата должна быть не меньше одного рубля как мужчинам, так и женщинам.

4) Правила внутреннего распорядка фабрики вырабатываются рабочими и работодателями сообща, при чем рабочие наблюдают также за точным выполнением упомянутых правил.

5) Для разрешения всех возникающих между рабочими и работодателями недоразумений учреждается особая комиссия из выборных представителей со стороны рабочих и работодателей в одинаковом числе и с равными правами.

6) Упразднение всех штрафов.

7) В случае прекращения работы на фабрике и в мастерской заработная плата выдается сполна, без всяких вычетов за все время, которое фабрика или мастерская бездействует.

8) Страхование рабочих от старости и беспомощности; в случаях увечья выдается пенсия в полном размере; также и поденная плата выдается сполна в случае болезни, при чем рабочие имеют право обращаться за счет работодателя к врачу по своему выбору.

---

[1] «Посл. Изв.», № 226.

9) Освобождение женщин от работы 6 недель до и 6 недель после родов, при чем за это время выплачивается заработная плата сполна.

10) Упразднение ночных работ для женщин.

11) Дети и подростки моложе 10 лет не могут быть заняты в промышленных предприятиях ни в каком случае.

12) Отмена унизительных для рабочих обысков и безусловно приличное обращение работодателей с рабочими.

13) Улучшение гигиенических условий труда и устройство предохранительных от несчастных случаев приспособлений.

14) Устройство на заводах и фабриках школ, библиотек и читален за счет работодателей, управляют этими учреждениями рабочие.

15) Накануне праздничных дней работа кончается в 2 часа дня, при чем вычетов из зарплаты не делать.

16) Расчеты производятся еженедельно и в рабочее время.

17) За участие в стачке никто из рабочих не может быть уволен.

18) За все время забастовки должна быть выплачена заработная плата сполна.

19) Что касается местных нужд отдельных фабрик и мастерских, то в каждом отдельном случае предоставляется работодателям входить в соглашение со своими рабочими по обоюдному договору.

Рижский соц.-демократический федеративный комитет [1].

Настроение рабочих было действительно боевое, и правильно, пожалуй, будет сказать, что силы организации не могли охватить этого настроения. Хотя стачка как будто бы окончилась, однако, рабочие пытались самочинно ввести 8-часовой рабочий день, являясь на работу в 9 ч. утра и уходя домой в 5 ч. вечера. В ответ на репрессии властей и прижимки фабрично-заводской администрации рабочие отвечали забастовками и вооруженной борьбой. Вскоре после прекращения всеобщей забастовки снова забастовали крупные заводы, как Рихард Поле, Кузнецова, мастерские Риго-Орловской жел. дор., где дело дошло до остановки поездов, что вынудило власть поставить для обслуживания станции и депо

[1] 4-е делопр., дело № 4, ч. 11—1905 г. «О волнениях и стачках среди рабочих по Лифляндской губ.».

жандармов и солдат. Начинаются аресты делегатов рабочих, избиения их в участках, расчет рабочих; пролетариат отвечает стачками и террором. Такие стачки за освобождение арестованных делегатов происходили на заводах «Феникс» (освобождение делегата Поронянца), «Текстиль» (освобождение делегатки Апаля), Рихард Поле (освобождение делегата Пулкстена). Рабочие Балтийского завода избили мастера Балина, рабочие других заводов не отставали от балтийцев. Полиция и шпионы в свою очередь всеми средствами старались уничтожить самых видных и влиятельных рабочих. Так, на Зассенгофской мануфактуре ночью шпионы ворвались в квартиру делегатки-работницы Кнейст и убили ее. Понятно, что эта помощь полиции фабрикантам еще более раздражала рабочих, и они в ответ открыли военные действия против полиции и войск. Стычки рабочих с солдатами уже после окончания всеобщей стачки сделались обычным явлением: у завода Фельзера произошло столкновение рабочих с солдатами, на Александровской и Гоголевской улицах стреляли в офицеров, солдат и казаков, казаки и солдаты боялись показываться на улицах в одиночку. На солдат такое настроение произвело огромное впечатление, они после январских событий были уже не те, что до января, а рабочие в общем бессильные бороться с войсками, кратко формулировали свои выводы из только что законченной борьбы так: «Давайте нам бомбы, давайте ручные гранаты».

Чтобы понять это настроение рижских, главным образом, латышских рабочих, необходимо учесть, что как в Польше большая часть пролетариата состояла из поляков и евреев (с небольшим числом русских и немцев), так и в Прибалтике подавляющее большинство рабочих были латыши, за ними шли эстонцы, евреи, русские, немцы. К капиталистическому гнету здесь присоединялся еще и гнет национальный, гнет господствующей нации великорусской, а если прибавить к этому еще гнет немецкой знати и рабское поведение латышских националистов и руссификаторской части господствующих чиновников, то станет понятным, что под воздействием таких многосторонних политических влияний и сравнительно высоко развитой индустрии, латышский пролетариат значительно раньше русского сделался политически сознательным и самостоятельным. Поведение же русских властей, которые во время всеобщей экономической забастовки летом 1899 г. в Риге и Либаве открыто стали на сторону капиталистов и не жалели патронов для стачечников, еще более открыли

латышским рабочим глаза, какую и с кем они должны вести борьбу.

«Латышский пролетарий культурнее своего русского собрата», пишет автор статьи «О латышском рабочем движении»[1]. Он не только читает газету, но и умеет разбираться в том, что пишется в газетах. Вот почему рабские статьи в рептильной рижской и русской прессе не могли убедить латышский пролетариат; он верил только подпольным и, в первую очередь, соц.-демократическим прокламациям. Поэтому статьи местной газеты «Düna Zeitung» уверявшей, что стачку строили злонамеренные лица «Рижского Вестника», продажного черносотенного листка и «Прибалтийского Края», серьезно распространявших легенду о зачинщиках забастовки евреях и студентах, только еще больше поселили в рабочих массах недоверие к правительству.

Своеобразные условия, имевшиеся в Прибалтике, и были причиной существования нескольких подпольных организаций как в Риге, так и во всем крае. К январю 1905 года существовали следующие нелегальные организации: латышская соц.-демократическая партия, местный комитет ее, российская соц.-демократическая партия, местный комитет ее, Бунд, местный комитет, рижский комитет партии соц.-революционеров, соц.-демократический союз, примыкающий к соц.-революционерам, организация польск. соц.-демократии и несколько внепартийных, боевого характера, организаций. Самой влиятельной, имеющей большие связи не только среди городских рабочих, но и среди батраков, была латышская соц.-демократическая рабочая партия, за нею следовали росс. соц.-демократическая рабочая организация, состоявшая в январе из двух фракций—большевиков и меньшевиков, и затем Бунд. Эти три организации имели обширные связи среди рабочих, работа велась ими по определенному плану, город делился на районы (около 15), в каждом районе имелся центр, связанный с нелегальными партийными ячейками на заводах и фабриках («кружки»). В кружках велись пропагандистские занятия, массовая же агитация велась на массовках и тайных собраниях. Кроме двух центральных органов газеты «Борьба» и журнала «Социал-Демократ», местный комитет имел свою нелегальную типографию. Рижский комитет росс. соц.-демократической партии являлся второй по силе организацией в Риге. Крупнейшими объединениями организации были рай-

[1] «Искра», №№ 88 и 91.

оны—Московский, Городской, Задвинский, Краснодвинский и Петербургский. В каждом районе имелся центр, связанный с заводскими и фабричными ячейками, а в городском районе так называемые цехи (центр его сходки). Для издания своей русской литературы имелись две подпольные типографии, меньшевиков и большевиков. Латыши, комитет росс. соц.-демократической рабочей партии и бундовская организация имели уже тогда, или по крайней мере формировали, боевые дружины и вели работу в войсках [1]. Латышский и бундовский комитеты в Риге объединялись в федеративный комитет, а в январские дни 1905 г. в федеративном комитете были представители и остальных партий.

Существование всех этих подпольных организаций, особенно большое влияние латышской, российской и бундовской соц.-демократических организаций на пролетариат, высокий уровень развития по сравнению с Россией прибалтийского рабочего, развитая промышленность—все это дало возможность вылиться январскому движению в Риге, да и во всем Прибалтийском крае в сознательное движение рабочего класса, руководимого рабочей соц.-демократической партией.

Хотя полемика о характере революции в Прибалтике и не входит в круг рассматриваемых нами вопросов, однако, думается, в этом отношении точка зрения т. П. И. Стучки и т. Р. Вакмана более правильна: при всем огромном значении крестьянского движения в Латвии и Эстонии гегемоном в революции был все же пролетариат. Даже т. Янсон-Браун, считающий, что «не борьба городского пролетариата наложила свой отпечаток на революцию 1905 года, а поход демократических масс деревни против прибалтийских помещиков», говорит: «Не будь январских генеральных забастовок в городах Прибалтики, не будь экономической и политической борьбы фабричных рабочих, не будь массовых митингов и демонстраций в городах,—мы не явились бы свидетелями забастовок батраков, их демонстраций в церквах и их открытой вооруженной борьбы с «самоохранниками» и казаками, а равно и «крестьянской войны» и изгнания помещиков в ноябре месяце» [2]. Вот почему мы и говорим так подробно о событиях в январские дни [3].

---

[1] См., напр., «Голос Солдата», издававшийся в Риге.

[2] «Революция в Прибалтике», стр. 15.

[3] По вопросу о революции в Прибалтике и в частности массового рабочего движения в январе 1905 г. на русском яз. существует очень мало работ, но и в тех, что вышли в свет, специально январским со-

Другие партии, в особенности местные националистически настроенные либеральные и, конечно, контр-революционные круги, не имели на рабочих никакого влияния. В Прибалтийском крае, как и в Польше, движение рабочих достигло такого развития, что там уже было немыслимо появление своего польского или латышского Гапона.

Очень быстро движение перекинулось из центра Риги в другие промышленные пункты—Ревель, Либаву, Митаву, Кренгольм, Пернов и Юрьев. Первые известия о забастовке в Ревеле находятся в телеграмме эстляндского вице-губернатора Гирса, извещавшего Петербург о всеобщей забастовке, но забастовка началась раньше, именно 10 января на химической фабрике Майера, где прижимки фабричной администрации, произвольно наложенный директором штраф по 5 рублей на человека и угроза остановить фабрику через две недели, заставили рабочих явиться к дому фабричного инспектора Шевалева. На предложение полицмейстера Нарбекова, явившегося на место происшествия, выбрать делегатов и прислать их на другой день для переговоров, рабочие ответили согласием, но обещания не выполнили: соц.-демократические организации уже назначили всеобщую забастовку на 12 января; день 11 января прошел в подготовке, а 12—дело началось с завода «Двигатель»: рабочие в количестве 300 человек выпустили пары, сняли остальных товарищей с работ и двинулись к целлулоидной фабрике, где также выпустили пары и целлулоидную массу из чана и сняли всех с работ. Отсюда увеличившаяся в числе толпа

бытиям уделяется мало внимания. Работы эти касаются либо общих вопросов, какой характер носила революция в Латвии и Эстонии, либо описывается ход крестьянской революции. Лучшей работой по нашему мнению является вышеуказанная работа т. П. И. Стучки. «1905 год в Латвии». Интересная работа и Янсона-Брауна «Революция в Прибалтике». Перевод с латышского П. Свирис (Блумфельд). Предисл. к русск. изд. В. Кнорина. Изд. «Прометей». М. 1924 г. посвящена историко-экономическому очерку и главным образом восстанию крестьян. Работа тов. Я. Пальвадре «1905 г. в Эстонии». Изд. Прибой Л. 1925 г. трактует революцию в Прибалтике как буржуазно-демократическую революцию, по преимуществу крестьянскую. Такую же оценку дает т. Я. Пальвадре и в ст. «Характер революции 1905 г. в Прибалтике» («Прол. рев.» 1930 г. № 6 июнь). Полемику по этому поводу см. в ст. Р. Вакман «Революция 1905 г. в Эстонии» («Прол. рев.» 1928 г. № 11—12 (82/83), очень основательные указания на ошибки и недоности в работе т. Я. Пальвадре); Р. Хабас. Я. Пальвадре «1905 г., в Эстонии» («Прол. рев.» 1927 г. № 11 (70). А. Выдрина-Рубинская. Рецензии о работе т. Пальвадре («Печать и революция» 1927 г. кн. 8-я). Ответ т. Я. Пальвадре «О революции 1905 г. в Эстонии» («Прол. рев.» за 1929 г. № 2—3 (85—86).

двинулась к деревообделочной фабрике Лютера и остановила ее. После этого отдельные отряды рабочих бросились по фабрикам и заводам и к 11 час. утра остановили их. Еще раньше, в 7 часов утра, рабочие завода «Двигатель» остановили ревельские мастерские, выпустив из котлов пар и прекратив даже маневры паровозов, так что пришлось на станцию вести войска; остановилась конно-железная дорога и газовый завод, где по требованию рабочих был выпущен газ. К полудню город замер, закрылись не только крупные фабрики и заводы, типографии, газовый завод, но и мелкие мастерские и все магазины. Наступила, действительно, всеобщая забастовка. Толпа двинулась за город и остановила последнюю крупную бумагопрядильную мануфактуру, несмотря на то, что она охранялась ротою 89-го пех. Беломорского полка[1]. В то же время на лугу у завода Лаусмана собрался огромный митинг, на котором после речей и призывов держаться стойко, рабочие, по предложению губернатора, выбрали депутацию, которая должна была на другой день изложить свои требования властям. На этом митинге выступал руководитель ревельской партийной организации тов. Дюбуа. На другой день опять состоялся огромный митинг на том же месте и меньшие по числу участников митинги в разных частях города. Толпы рабочих ходили по городу с песнями, разбрасывая прокламации. В этот день, вернее в ночь с 13 на 14 января, при разгроме толпой публичных домов были первые жертвы войск—один человек ранен пулей на вылет. Во избежание воровства, погромов и хулиганства рабочие сами организовали патрули, которые и охраняли город. 14 числа столкновения рабочих с войсками принимают более ожесточенный характер и кончаются жертвами. Дело в том, что губернатор и фабриканты все время стремились разъединить рабочих,—с этой целью губернатор устраивал собрания фабрикантов, склоняя их пойти на незначительные уступки, и разрешал или вернее не пытался препятствовать (у него было очень мало войск) огромным митингам, которые шли, главным образом, под руководством соц.-демократов на лугу у завода Лаусмана. Нелегальная организация в Ревеле была менее сильна, чем в Риге, и часть рабочих уже 14-го решила стать на работы. Тогда наиболее организованные рабочие бросились их снимать с работ,—так в этот

---

[1] Истор.-революц. арх., 1905 г., 4-е делопр. дело № 4, ч. 11.

день снова забастовала фабрика Лютера, приступившая было к работе, были попытки остановить опять газовый завод, где работали матросы флотского полуэкипажа, и работы в порту. Но здесь рабочих встретила рота 91-го пех. Двинского полка, произошло столкновение, рабочие действовали кулаками, палками, камнями, солдаты прикладами и штыками. В результате один рабочий убит, четверо ранено тяжело и 25 человек легко. Несмотря на эти жертвы рабочие продолжали собираться и добивались осуществления хотя бы некоторых из тех требований, которые у них были одинаковыми с рижскими и петербургскими товарищами. Но полиция во главе с губернатором продолжала воздействовать на менее сознательных рабочих, и насколько стойко держались рабочие металлических заводов, настолько быстро пошли на уступки фабричные; 15 января химический завод Майера стал на работу, нужно было его снять. Туда двинулась толпа рабочих тысяч около трех. Ее встретила рота 90-го пех. Онежского полка. Организованное ядро шло впереди. Произошло столкновение, солдаты дали два залпа, рабочие отвечали револьверными выстрелами; на месте наступавшая толпа оставила 1 убитым и 12 человек тяжело ранеными, из коих через несколько часов умерло еще двое[1]. На другой день появилось объявление губернатора, запрещавшее всякие собрания под страхом разгона силой оружия (после того, как он, разрешая собрания, вызывал рабочих на столкновение с войсками и добился успеха), и отчасти вследствие жертв, понесенных рабочими, отчасти вследствие мелких частичных уступок некоторых фабрикантов, часть рабочих приступила к работе. В течение 17, 18 и 19 января число таких рабочих увеличилось и 20 января уже работали до 80% на Балтийской бумагопрядильне, химическом заводе Майера, писчебумажной фабрике Иогансона, целлулоидной фабрике и железнодорожных мастерских. Стойко держались попрежнему механические заводы, пытавшиеся добиться если не 8-часового, то по крайней мере 10-часового рабочего дня. Когда механические заводчики сделали мелкие уступки—частичное повышение заработной платы, урегулирование расценок на сдельные работы, введение института старост, отмена обысков, уменьшение штрафов, рабочие и

[1] «Вперед», № 6. Здесь корресп. называет число раненых 14 человек.

этих заводов стали на работы; 24 января забастовка закончилась [1].

В огромной Кренгольмской мануфактуре близ Нарвы, несмотря на близость ее к Петербургу, забастовка происходила всего один день в течение 19 января. Эта неудачная забастовка замечательна тем, что в ней главное участие принимала рабочая молодежь, подручные и мальчики при взрослых рабочих. Рабочая молодежь предъявила требования об увеличении заработной платы, а подручные и ставельщики, кроме того, уменьшение рабочего дня и прекращения тех незаконных приемов, путем которых рабочий день чрезмерно удлинялся. Вслед за мальчиками и подручными бросили работу и женщины у кольцевых станков. Администрация ответила отказом на все эти требования, тогда рабочая молодежь революционным путем стала выполнять свои требования: в отделении кольцевых машин толпа рабочей молодежи бросилась на особенно ненавистного мастера Петра Казика, вытащила его за ноги и сволокла к реке; однако, что-то помешало рабочим окунуть этого защитника хозяйских интересов в воду. Пристав нашел его лежащим на мосту. Выводу и вызову на тачке подверглись еще человек шесть мастеров на прядильной и суконной фабриках. Власти, испуганные выступлением мальчиков, могущих своей забастовкой остановить всю фабрику, ввела на мануфактуру роту 92-го Печерского полка, и забастовка прекратилась.

Из Ревеля забастовка перекинулась в Пернов и Феллин. В Пернове первой забастовала большая целлулоидная фабрика «Вальдгоф». Организованные рабочие подошли к воротам фабрики и потребовали остановки работ. Вальдгофские рабочие сейчас же сами выпустили пары из машин и, присоединившись к товарищам, вызвавшим их на забастовку, уже отрядом человек в 200 направились к лесопильному заводу Вельгейзена, где точно так же выпустили пары из котлов и остановили работу. Переходя от завода к заводу и выпуская пары, рабочие остановили лесопильный завод Фрелинга, пивоваренный завод Пульса и, пройдя затем по главной улице города, Рижской, заставили остановиться все

---

[1] Несколько страниц январской забастовке в Ревеле посвящает т. Р. Вакман («Прол. рев. 1928 г. № 11—12, стр. 93). Т. Я. Пальвадре в своей работе «1905 г. в Эстонии» приводит краткое описание стачки из книг Nihke Jürison „Punased Avstad Ecstis". (стр. 38). О возникновении ревельской партийной соц.-дем. организации, см. ст. т. Калинина М. И. в «Прол. рев.» за 1922 г., № 3).

заводы и мелкие заведения. В ночь с 22 на 23 января толпа разгромила публичный дом и сожгла его, а 23 снова собралась на фабрике «Вальдгоф» и предъявила следующие требования: 1) 8-часовой рабочий день. 2) Увеличение платы, в особенности в праздничные дни. 3) Отмена строгих штрафов за нарушение фабричной дисциплины. 4) Немедленное увольнение 5 человек главных мастеров и привратника. 5) Вежливое обращение инженера Росмана и других. 6) Осуществление контроля со стороны фабричной инспекции над всеми штрафами, налагаемыми на рабочих. 7) Устройство второго выхода из фабрики при сменах (так как один выход является причиной скопления рабочих и задерживает их). Рабочие вели себя очень революционно и стойко, и, так как забастовка перебрасывалась на Циттенгофскую фабрику и штат полиции в Пернове был не велик, губернатор отправил туда две роты солдат, администрация объявила расчет, и, таким образом, стачка, быстро возникшая, быстро и прекратилась. Из Пернова забастовка перекинулась в Феллин, где не отличалась особой силой и тоже по присылке роты пехотинцев прекратилась[1]. В этой же губернии откликнулся на события в Петербурге и университетский город Юрьев, где в течение трех дней—13, 14 и 15 толпа ремесленников и студентов устраивала демонстрации в центре города, пыталась разгромить казенные винные лавки и полицейское управление. Прибывшие из Виндавы войска прекратили волнения, хотя при столкновениях толпы с полицией и войсками жертв не было[2].

Ревельскому пролетариату всеобщая забастовка сочувствия так же, как мы видели выше, не обошлась даром: четверо убитых, 41 человек раненых и 62 арестованных— являлись жертвами царской полиции и войск.

Из других пунктов Прибалтийского края наиболее яркие выступления произошли в Митаве и Либаве. В первом из этих городов[3] забастовка началась по призыву латышской соц.-демократической организации, бундовского комитета и митавской группы росс. соц.-демократической рабочей партии 14 января. Стачка возникла на чугунолитейном заводе Блюмберга, куда явилось 10 организованных рабочих соц.-демократов и предложили бросить работы, на что и последовало

---

[1] Истор.-революц. арх., 1905 г., 4-е делопр., дело № 4, ч. 11.
[2] Там же.
[3] «Посл. Изв.», № 224 и Истор.-рев. арх., 1905 г., О.О., дело № 5, ч. 36.

согласие рабочих завода. Толпа рабочих остановила затем заводы Феша, Витемкопфа и другие, устроила митинг на ярмарочной площади, и, двинувшись отсюда дальше, остановила мебельную фабрику Креслера; остановив ее, бросились к шоколадной фабрике Трампедаха, но встретили на углу Озерной и Мариинской улиц солдат. Не вступая в столкновение с войсками, рабочие другой дорогой пошли к фабрике, и все же, на глазах подоспевших сюда солдат, фабрику остановили. Таким образом, 14 января остановились почти все заводы; работал еще только пивоваренный завод Кронга. В течение 15 и 16 января большие толпы рабочих устраивали митинги и демонстрации: пелись песни, говорились речи, разбрасывались прокламации и над головами ораторов развевались красные знамена. В понедельник, несмотря на все стремления местных соц.-демократов избежать столкновения с войсками, полиция, однако, нашла случай натравить солдат на рабочих. Когда большая толпа забастовавших решила остановить работы на пивоваренном заводе Кронга, толпу встретили солдаты, произошло столкновение, рабочих загнали во двор, и началось избиение. Затем 80 арестованных повели в участок; один из рабочих пытался убежать, на него бросился городовой, павший тотчас же от револьверного выстрела убегавшего. Попытки его задержать оказались тщетными, так как рабочие завода Крамера поспешили на помощь. Власти пустили в ход войска; солдаты приготовились к стрельбе, тогда рабочие в свою очередь вынули револьверы. Офицер не решился стрелять, и, действительно, вскоре после этого столкновения, когда арестованных привели в участок, рабочие огромной толпой подошли к участку и потребовали освобождения арестованных. Снова были пущены в ход войска, но здесь они встретили такое упорное сопротивление, что к оружию не прибегали, и арестованных пришлось освободить. Забастовка в Митаве, правда, после этого дня (понедельника), когда был ее наивысший подъем, быстро пошла на убыль, но зато в течение тех трех дней стачки, выступление рабочих отличилось большой организованностью и протекало под руководством соц.-демократов. Все местные соц.-демократические организации все время забастовки руководили собраниями, представители их выступали на митингах, шли во главе демонстраций, распространяли листки; бундовская организация распространяла листок «Либеральная оппозиция и пролетариат», «Чего нам не следует забывать», «К борьбе» митавская группа росс. соц.-

демократической раб. партии—специальную прокламацию по поводу январских событий в Петербурге; ею же выпущена особая прокламация к солдатам, приглашавшая царские войска не стрелять в народ. Латышская организация также выпустила несколько листков[1].

Митавская группа в своем листке оценивала январские дни, как «начало конца» и как пролог революции, боевой смотр, который «сметет с лица земли самодержавие, завоюет свободу народу и очистит себе путь к своей конечной цели—к светлому царству социализма».

Выступление либавских рабочих отличалось также своей организованностью, солидарностью и ярко политической окраской и сознательностью. Забастовка началась в заранее намеченный соц.-демократами день, 13 января, и на заранее определенный срок, именно на 2 недели, и полиция, несмотря на предупредительные меры, не могла остановить ее. Как и в Риге, Ревеле и Митаве, организации выделили отряды рабочих, которые, переходя от фабрики к фабрике и обрастая толпой, прекращали работы. В корресп. № 6 «Вперед» рассказывается, как в начале стачки 6 членов соц.-демократической организации, хорошо вооруженные, ворвались в телефонную станцию и, обрезав провода, остановили ее. Уже в этот первый день около маслобойни произошел грандиозный митинг, где говорили ораторы соц.-демократы, латыши, бундовцы и русские, открыто призывая к организации восстания. Здесь произошло столкновение, во время которого, если верить сообщениям очевидцев, демонстранты убили жандарма, пытавшегося отнять красное знамя соц.-демократов. Вечером толпа разгромила публичные дома, причем здесь полиция ранила трех рабочих. На другой день 14 января митинги и демонстрации приняли еще более внушительный характер: речи, знамена, революционные песни, крики «ура!» и «долой самодержавие!»—все это производило сильное впечатление даже на полицию и солдат. По всем фабрикам и заводам распространялась прокламация либавского комитета лат. соц.-демократической рабочей партии. В этот день к забастовке присоединилась конно-железная дорога, а вечером отказались от работы и рабочие в порту Александра III. Попытки городских рабочих проникнуть в порт разбились о солдатскую преграду.

---

[1] Истор.-революц. арх., 1905 г., О. О., дело № 5, ч. 36 и «Красная Лет.», № 1, за 1922 г.

15 января сходки и демонстрации продолжались, и состоялось большое собрание, где были выработаны и единогласно приняты требования, которые затем и распространялись в форме печатной прокламации. Прокламация начиналась так: «Заявление господину курляндскому губернатору всех либавских рабочих, забастовавших 13 января 1905 г., точно также ремесленников и безработных на собрании 13 января с. г.». Заканчивалась она так: «Это решение принято на собрании либавских рабочих 15 января с. г. Это собрание заявляет, что им руководят не смутные элементы, но ясно сознанные собственные интересы, которые, при полнейшем доверии, призван этим собранием проводить либавский комитет латышской соц.-демократической рабочей партии. Ему вверяют ведение этого дела». Двадцать два требования, выдвинутые собранием, ничем не отличались от требования рижского комитета, если не считать одного требования—выдвинутого либавской организацией—отмены осмотра карманов рабочих при выходе из фабрики [1].

16 января рабочим не удалось собраться с утра, но в течение дня все же толпа в две тысячи устроила собрание. Ее оцепили солдаты, всех стали обыскивать и часть арестовали. В то же время забастовавшие рабочие порта пытались воздействовать на матросов экскадры Рождественского. Митавской группой росс. соц.-демокр. рабочей партии была выпущена специальная прокламация к флотским матросам, призывавшая их отказаться от похода на Дальний Восток. Она заканчивалась таким призывом: «Дружно, товарищи, за работу! Мы не намерены отправиться с эскадрой, мы все откажемся от работы, нам ведь жалованья не платят в расчете, что нас, пожалуй, затопят японцы, и тогда деньги достанутся самому начальству. Лучше затопим эскадру, чтобы избавиться от дальнейших страданий, и пойдем на подмогу рабочим!» [2].

Несмотря, однако, на большой энтузиазм и организованность, голод брал свое: либавские рабочие имели обыкновение брать в долг в местных лавчонках продукты питания и первой необходимости. Лавочники им сочувствовали и верили. Но когда губернатор заставил фабрикантов объя-

[1] См. «Посл. Изв.», №№ 216 и 220, а также Истор.-революц. арх., 4-е делопр., дело №. 4 и 5 по Курл. губ. В «Посл. Изв.» ошибочно говорится о двух требованиям, прибавленных либавскими рабочими.

[2] «Красная Лет.», № 1 за 1922 г.

вить расчет и когда, таким образом, все иногородние рабочие по предписанию губернатора должны были, как бродяги, выехать на родину, лавочники струсили и стали отказывать рабочим в кредите. Волей-неволей пришлось итти на уступки, и уже 22 января небольшие заводы приступили к работам. Порт, однако, еще бастовал под руководством соц.-демократических организатора и агитатора, проникших туда. Все же пришлось, как это и было намечено, через две недели, 27 января стачку закончить и приступить к работам, выигравши некоторые из мелких требований. О том, какое большое значение имела январская стачка в Либаве, говорят «Последние Известия»: «На неорганизованных рабочих стачка и ежедневные демонстрации произвели грандиозные впечатления. Все жаждут узнать подробности, спрос на латышскую литературу необычайный. Организованных рабочих прибавилось очень много. Воодушевление всеобщее; многие говорят: «Если теперь не удалось, то удастся в следующий раз». Кровавых жертв либавский пролетариат не имел, но в тюрьму попало около 60 человек».

Как же можно характеризовать январские забастовки в Прибалтийском крае, забастовки, стоившие пролетариату более сотни убитых, около 200 человек раненых и около 150 арестованных? Прежде всего, это выступление отличается ярко политической своей окраской. Политическая революционная сторона движения выражена в призыве, каким заканчивается прокламация Центрального комитета латышской соц.-демократической рабочей партии под названием «Drebeet, warmanki» («Дрожите, варвары»): «Товарищи и товарки! Теперь борьба идет не на жизнь, а на смерть. Царь против нас посылает вооруженных казаков и солдат. Царь приказывает своим слугам стрелять и колоть ряды рабочих. Мы также не пойдем больше с пустыми руками навстречу этих убийц, мы также вооружимся, приобретем оружие, дадим следуемый отпор нападающим негодяям. Отомстим за своих павших товарищей! Товарищи! Оружие в руки! Смерть варварам! Пусть в сердцах наших горит неугасимое пламя злобы против обрызганного кровью царского самодержавия! Мы сдержим свято и непоколебимо свою клятву!»[1]. Затем видна довольно высокая организованность и сознательность движения и, наконец, огромное, как и в Польше, влияние соц.-демократии, и руководство движением с ее стороны.

---

[1] Истор.-революц. арх., 1905 г., О. О., дело № 5, ч. 36.

Забастовка назначается и заканчивается соц.-демократией, требования рабочих вырабатываются нашими соц.-демократическими организациями, им же рабочие поручают их защищать; самый ход забастовки в руках соц.-демократии; она руководит толпой, митингами, демонстрациями, она ведет рабочих против войск, она с рабочими массами на улице в бою, она впереди их, она—признанный и единственный вождь массового движения.

ГЛАВА V

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В ЗАПАДНОМ КРАЕ (В РАЙОНЕ БУНДА) В ЯНВАРСКИЕ ДНИ

Западный край, не исключая Юго-Запада и Северо-Запада, в первой половине девятисотых годов, несмотря на кризис, охвативший и эту часть страны, переживает эпоху невиданного до тех пор расширения рабочего движения.

Это рабочее движение развивается сначала только под идейным влиянием Бунда, а затем и под влиянием соц.-демократии Царства Польского и Литвы и отчасти русских соц.-демократов. Влияние этих соц.-демократических организаций захватывает самые отсталые города и местечки. Каждый более или менее крупный город становится центром, откуда протягиваются организационные нити в медвежьи уголки, спавшие дотоле беспробудным сном.

Не говоря уже о таких центрах как Варшава, Лодзь и Белосток движение захватывает Вильно, Ковно, Гродно, Гомель и множество более мелких пунктов: Свенцяны, Поневеж, Вилькомир, Шавли, Оникисты, Кейдосны, Яново, Шаты, Утяны, Картуз-Береза, Двинск, Борисов, Бобруйск, Минск, Мозырь, Паричи, Пинск, Режица, Бешенковичи, Лиозно, Лясты, Витебск, Мирамполь, Седлец, Плоцк, Сувалки, Могилев, Добрянка, Ветка, Шклов, Орша, Быхов, Копысь, Житомир, Бердичев, Винница, Брацлав, Немиров, Тульчино, Луцк, Вержболово, Вильковышки, Вистенец, Владиславово Кальвария, Креславка, Кнышин, Межричь, Невель, Тростяны, Заблудово, Кринки, Ошмяны, Свислочь, Сморгонь [1].

---

[1] См. «Деятельность «Бунда» за последние 2 года» (от IV до V съезда). Изд. Всеобщ. еврейск. рабоч. союза в Литве, Польше и России, Лондон Окт. 1903 г. Отчет для II съезда РС-ДРП стр. 13; также у М. Рафеса «Очерки по истории «Бунда». М. 1923 г., гл. XI, где приводятся выдержки из этого отчета почему-то без кавычек, также «Посл. Изв.» за 1901—1904 годы.

Таким образом кроме польских губерний, где могучее польское движение не могло не влиять и на еврейских рабочих, и такие губернии, как Минская, Могилевская, Ковенская и Гродненская вовлекаются в общую борьбу.

Как быстро и широко развернулось рабочее движение в Западном крае об этом свидетельствуют цифры, рисующие экономическую борьбу рабочих до 1905 г. За период между двумя бундовскими съездами IV и V, охватывающий время от апреля 1901 по июль 1903 года было зарегистрировано 172 стачки. В 127 из всего числа этих стачек участвовало 8.632 человека, при чем помимо этого в стачке чулочниц участвовало 2½ т. чел.

Исход стачек известен в 95 случаях, из которых 80 стачек с 4.746 участниками окончились в пользу рабочих, 3—с 195 участниками окончились частичной победой и 12—с 1.760 участниками проиграны.

Насколько движение развивалось интенсивно и дальше видно из числа стачек за следующий период, охватывающий только один год от июня 1903 г. до июля 1903 года. За это время экономических стачек произошло 109, при чем из них 101 стачка охватила 24.124 чел. В этот период происходят такие крупные стачки, как стачки с числом участников в 2, 3 и даже 10 тыс. человек[1].

О том, насколько развивалось экономическое движение хорошо видно из сравнения вышеприведенных цифр:

	За период от апр. 1901 г. по июнь 1903 г.	За период от июня 1903 г. по июль 1904 г.
Было всего стачек, в которых известно число участников	172	109
	129	101
	11.132	24.124

Но, как известно, уже в начале девятисотых годов деятельность Бунда, приобретая массовый характер, принимает политическую окраску: независимо от воли вождей вся ситуация в России и на Западе в особенности толкает рабочих на политическую борьбу. Национальный гнет, политическое движение самодержавного режима,—попытки развра-

[1] Доклад Интернац. соц. Конгрессу в Амстердаме. Деятельность Бунда после его V съезда (с июня 1903 до июля 1904 г.). Изд. Всеобщ. евр. союза в Польше, Литве и России. Женева, авг. 1904 г., 7; также немецкое изд.

тить рабочих полицейским социализмом, тюрьмы, аресты и ссылки, подавление экономических стачек военной силой, наконец антисемитская агитация и погромы—все это толкало рабочих на политические выступления.

За период от апреля 1901 по июнь 1903 г. произошло политических забастовок 6, при чем в 5 из них участвовало 6.500 чел., демонстраций 30, из которых в 25 участвовало 7.520 чел., манифестаций 14, майских забастовок 19 и в 12 из них участвовало 10.550 чел., майских собраний было 11.

За годовой период (от июня 1903 по июль 1904 г.) политических забастовок было 41 (включая сюда 35 майских) и в 31 из них 23.035 участников, демонстраций—455 и в 31 из них участвовало 20.340 чел.

Рост движения хорошо виден из нижеследующей сравнительной таблицы:

	За период	
	от апр. 1901 г. по июнь 1903 г.	от июня 1903 г. по июль 1904 г.
Всего полит. забастовок	25	41
Забастовок, в которых число участников известно	17	31
Число участников в них	17.050	23.035
Всего демонстраций и манифестаций	30	45
Демонстраций и манифестаций, в которых число участников известно	25	31
Число участников в них	7.520	20.340

О том, как вместе с этим ростом движения росло и влияние Бунда, видно хотя бы из числа собраний устроенных бундовскими организациям и из числа лиц, посетивших эти собрания.

	Периоды:		
	От апреля 1901 г. по июнь 1903 г.	От июня 1903 г. по июль 1904 г.	Превышение в %
Число всех собраний	260	429	165,1
Число собраний, в которых известно число участников	224	418	186,6
Число участников в них	36.900	74.162	200,9

Политический характер движения в Западном крае бесспорен и ясен. Уже в начале 1903 года это стало ясно для всех. «Настало поэтому время, — говорится в № 28. «Arbeiter

Stimme», — раз навсегда отказаться от растрачивания сил на ныне существующих профессиональных союзов и экономимической борьбы»... «...по нашему мнению наши организации должны стремиться основать повсюду такие политические союзы вместо теперь существующих экономических касс» [1].

Это политическое движение при этом носило не только узко местный характер, но сливалось с общероссийским движением и являлось откликом на такие события, как ростовская стачка или расстрел златоустовских рабочих.

Но было бы совсем неправильно думать, что политическая борьба была преобладающей чертой еврейского движения: на Западе было еще достаточно еврейских рабочих, стонавших под гнетом капиталистической эксплоатации и не вовлеченных в движение. Достаточно сказать, что даже по официальным данным виленского губернатора, находящимся в известной записке, поданной царю и опубликованной Бундом [2], положение еврейского населения вообще и рабочего в особенности рисуется мрачными красками Дантова Ада: по словам самого губернатора заработная плата еврейского рабочего равнялась от 60 до 300 рублей в год, а минимумы ее спускались до ужасающих цифр,—недельный заработок работницы на чулочных фабриках был нередко 70 коп. и доходил максимум до 1 р. 40 коп., что дает, если даже посчитать 52 рабочих недели, от 36 р. 40 коп. до 72 р. 80 коп. в год.

И это было как раз незадолго до первой русской революции.

Правда, Бунд мог гордиться огромными успехами своей работы—рабочее движение уже тогда принесло ощутительную пользу некоторым категориям рабочих. «Оно,— говорит с полным правом от имени Бунда автор «Воззвания к еврейской интеллигенции»,—принесло уже внушительные плоды, и благодетельное влияние его чем далее, тем будет разностороннее, интенсивнее и глубже. Первым делом оно значительно улучшило условия труда. Рабочий день, который раньше повсюду превышал, да и теперь еще в ремеслах и городах, не затронутых движением, превышает

[1] «Наши ближайшие организационные задачи». Лондон, 1903 г., стр. 14—15.

[2] «Тайная докладная записка виленского губернатора о положении евреев в России. Изд. Всеобщ. евр. союза в Польше, Литве и России». Женева, март 1904 г., стр. 40.

15, 16 и более часов,—теперь держится на уровне 12-часового (10, 10½ часов работы). Рабочая плата значительно повысилась, обращение хояев стало неузнаваемым [1].

Однако, несмотря на эти успехи, положение рабочих было очень тяжелым. Кризис начала девятисотых годов очень сильно ударил и еврейскую рабочую массу.

Наступающий капитал нажал на рабочих, и прежде всего этот нажим сказался в понижении заработной платы. Несмотря на борьбу еврейских рабочих, во многих местах в первой половине девятисотых годов заработная плата понижается, что видно из средних цифр официальной статистики.

В Минской губернии это понижение заработной платы видно очень хорошо. Средний годовой заработок по этой губернии был: в 1900 г.—139,81 р., в 1901 г.—133,09 р., а в в 1902 г.—уже только 127,11 р. Такое же понижение замечается и в Могилевскй губ., где средняя годовая заработная плата была: в 1900 г.—139,84 р., в 1901 г.—157,01 р., а в 1902 г. опять с уменьшением—150,98 р.; в Ковенской губ. заработная (годовая) плата была: в 1900 г.—251,26 р., в 1901 г.—259,62 р., а в 1902 г. опять с понижением—255,85 р. Понижение заработной платы замечается и в Гродненской губернии. Но общероссийский кризис, уменьшавшийся с 1903 года, наступил снова уже в 1904 году от особых условий—русско-японской войны.

Влияние его отразилось прежде всего на заработной плате, доведя ее до уровня 1901 г., а иногда даже и до уровня конца 90-х годов: так, средняя годовая заработная плата в Ковенской губернии в 1900 году была 251,26 р., в 1901 г.—259,62 р., а в 1904 г.—259,73 р.; средняя годовая заработная плата в Гродненской губернии в 1900 г. была 165,29 р., в 1901 г.—181,12 г., а в 1904 г.—171,81 р.; в Минской губ. заработная плата в 1904 г. была ниже чем в 1900 г.—125,06 р. против 139,81 р. в начале столетия [2].

В свете этих цифр становятся понятными и цифры, приведенные выше: в то время как за 2 года и 3 месяца (с апр. 1901 г. по июнь 1903 г.) было всего экономических 172 стачки, а в 129 из них участвовало 11.132 чел., за один только год

[1] «Воззвание к еврейской интеллигенции», 3-е изд., «Всеобщ. евр. союза в Польше, Литве и России», с прилож. «Воззв. к еврейскому обществу». Лондон, февраль, 1904, стр. 21.

[2] Свод отчетов фабр. инспекторов за 1900—1905 гг.

с июля 1903 г. по июль 1904 г. произошло 109 стачек, из которых 101 охватила уже 24.124 человека!

Рабочие, несмотря на войну, выходили бороться во имя того, чтобы отвоевать то, что они завоевали в эпоху расцвета и что у них отняли кризис и война, за ту заработную плату, которой они добились еще в конце 90-х годов.

Влияние кризиса, вызванного войной, отразилось даже и на интенсивно развивающейся политической борьбе еврейских рабочих.

Это обстоятельство отмечает и отчет Бунды Амстердамскому социалистическому конгрессу в 1904 году. «Празднование 1 мая,—говорится здесь,—в этом году было сильно затруднено особым положением, созданным в России русско-японской войной. Правительство прилагало все усилия к тому, чтобы не допустить до открытого выступления массы в военное время, и пустило в ход страшные полицейские репрессии: небывалый промышленный кризис и безработица вызвали подавленное состояние у массы, мало располагавшее ее к уличным протестам, полиция повела энергичную агитацию среди христианской черни, распространяя в ней разные нелепые слухи про евреев будто они посылают деньги японцам, покупают для них броненосцы и пр., так что было основание опасаться, что полиции в том или другом случае удастся превратить демонстрации в погром против евреев» [1].

И, однако, несмотря на всю черносотенную пропаганду и агитацию, демонстрации, в которых принимали участие еврейские рабочие и ремесленники, в 1904 году состоялись в Варшаве, Риге и Гомеле.

Бунд был могучей массовой организацией и, несмотря на свою оппортунистическую тактику, на практике не мог не выявлять очень часто революционных тенденций пролетариата: массы, организованные Бундом, давили на центры и выходили на улицу даже тогда, когда, быть может, это было и неприятно центрам.

О силе и влиянии Бунда можно судить потому, что на Амстердамском конгрессе Бунд представлял 23 тысячи организованных рабочих, и даже если уменьшить это число вдвое, то и тогда сила и влияние Бунда на сравнительно небольшой территории равнялось бы силе и влиянию нашей партии во всей стране, где число организованных рабочих

---

[1] Указан. выше «Доклад Интернац. социалист. конгрессу в Амстердаме. Деятельность Бунда после его V съезда». Женева, авг. 1904 г., стр. 6.

было значительно меньше. Бунд располагал такими организациями, как Виленская, где насчитывалось 5.200 организованных рабочих, Двинская с 1.500 членами, Варшавская с 1.200 членами, Лодзинская с 900 членами, Белостокская с 2.240 членами. Если и эти цифры уменьшить на половину, то и тогда наши русские организации самых крупных промышленных центров не могут сравняться с бундовскими организациями: в Петербурге в январе 1905 г. и у большевиков и у меньшевиков было не более 1.000 человек членов организации, в то время как какой-нибудь Могилев насчитывал 800 организованных рабочих. Казань, один из крупнейших промышленных центров Поволжья, к январю 1905 г. имела не более 40—50 организованных рабочих, в то время как никому в России неизвестные пункты Ляды или Быхов имели по 75 членов организации[1].

О силе влияния Бунда,—о том, что его организация носила массовый характер, можно судить по тем многолюдным собраниям в несколько тысяч человек, которые были не редкостью в Западном крае; по тем почти легальным учреждениям, которые носили название «бирж»; по тем профессиональным союзам, которые, существуя полулегально, обнимали тысячи рабочих (союзы щетинщиков и кожевенников); по тем демонстрациям, которые удавалось проводить Бунду,—наконец, по тем боевым организациям, которые создавались на почве самообороны.

Что это действительно так, можно убедиться не только по литературе и документам, исходящим от Бунда. Вот в каких словах характеризовал массовый характер соц.-демократической организации т. М. К. Владимиров, делегат третьего съезда от польского комитета большевиков,—делегат, которого никак нельзя заподозрить в излишнем пристрастии к Бунду.

«Что касается тактики открытого выступления,—говорил он—то я должен обратить внимание на то, что сами рабочие фактически дошли уже до этого, и организации очень часто приходится только констатировать уже завоеванную позицию. Я приведу пример из нашей гомельской жизни, который, мне кажется, будет очень поучительным в смысле картины настроения рабочих. У нас, в Гомеле, имеется одна улица, которая буквально принадлежит рабочим и которую

---

[1] См. «Вестник «Бунда», № 5 за 1904 г. и статью Лившица в «Пролет. Revол.» за 1923 г., № 2 (14).

они отвоевали шаг за шагом. Она принадлежит им всецело. На ней ежевечерно собираются чуть ли не все рабочие. Сюда являются дежурные агитаторы и пропагандисты, члены организации, здесь раздается литература. В последнее время полиция делает попытки отнять фактическое право собраний на этой улице, но две организации (Бунд и наша) решили, во что бы-то ни стало отстоять эту улицу...»[1].

Эта характеристика положения относилась к первой трети 1905 г., но, как увидим ниже, вполне применима и к концу 1904 г. и началу января 1905 года.

Таким образом, становится понятно, почему Западный край, бундовские организации сумели ответить на январские события таким же интенсивным движением, окрашенным в ярко-красный цвет политического выступления, как и в Польше, и не только там, где Бунд выступал совместно с другими организациями (польской соц.-демократией, нашими большевистскими и меньшевистскими организациями и т. д.), но и там, где Бунд выступал в одиночку, как единственный представитель организованного пролетариата.

Наиболее ярко протекало январское движение в Виленской, Ковенской, Могилевской и Гродненской губерниях, не считая Варшавы и Лодзи, где доминирующего значения еврейский пролетариат не имел.

Известия о петербургских событиях в Вильно были получены 11 января и, как это видно из отчета бундовской организации [2], тогда же решено было начать забастовку, но ни листков ни прокламаций уже выпустить не удалось,—стачка была назначена на 12 января. В листках, впрочем, не встречалось надобности, так как их роль сыграли агентские телеграммы.

Эти телеграммы, по словам доклада виленского губернатора министру внутренних дел, «раскупались рабочими и ремесленниками в тысячах экземпляров вечером того же числа и произвели между ними сильнейшее возбуждение. При выходе из ремесленных мастерских и из магазинов после вечернего их закрытия, они приостанавливались группами на улицах и оживленно обсуждали петербургские события. Подробный отчет о ходе петербургских событий оказался в этом случае действительнее прокламаций» [3].

---

[1] Третий очередной съезд Росс. соц.-демокр. раб. партии 1905 г. Полный текст протоколов с пред. и под ред. М. Н. Лядова. Госизд. М. 1924 г., стр. 196.

[2] «Посл. Изв.». Изд. загр. ком. Бунда, № 220 от 11 марта 1905 г.

[3] Истор.-революц. арх., 4-е делопр., д. № 4, ч. 23, л. 16, 1905 г.

Это очень ценное признание в устах губернатора прекрасно характеризует подготовленность еврейских рабочих Вильно в отличие от рабочих, напр., центральной России, где очень часто самые энергичные усилия организации не могли поднять массы даже на экономическую забастовку. Социалистическая организация в Западном крае играла вообще очень большую роль в движении: агитаторы бундовского комитета и других организаций обходили фабрики и заводы и снимали товарищей с работы.

Для руководства стачкой был образован коалиционный комитет из представителей Бунда, виленской группы, росс. соц.-демократической раб .партии, польской соц.-демократии латышской соц.-демократии, ППС и партии соц.-революционеров. Забастовку начали сапожники крупных и мелких мастерских, затем в 11 часов дня бросили работы заготовщики, в 1 час пополудни агитаторы остановили работы на кожевенном заводе Риквинда, завод Суровича остановить не удалось, но вечером к забастовке примкнул кожевенный завод Менке.

В первый день стачки большинство заведений работало, бастовали чулочницы, заготовщицы и заготовщики, некоторые кожевенные заводы, литографии, портняжные мастерские и цветочницы.

По официальным данным забастовка охватила до 2 тыс. рабочих [1].

На другой день число бастовавших увеличилось,— примкнули к забастовке табачные фабрики и булочники, число стачечников достигло максимальной цифры—шести тысяч [2]. Полиция действовала тоже энергично: многие заводы были оцеплены войсками, агитаторы арестовывались. Приходилось прибегать к разным уловкам, чтобы вызывать рабочих на стачку: жены рабочих лично или записками вызывали своих мужей из мастерских и фабрик и таким образом способствовали забастовке. На третий день появился листок Бунда «К борьбе!», призывавший рабочих к стачке (на русском и еврейском языках) и к борьбе за общеполитические требования,—уничтожение монархии, созыв учредительного собрания, 8-часовой рабочий день и т. п.

Но настроение рабочих уже понизилось, а что касается общества, то в нем особенного возбуждения и не замечалось.

Нужно было стачку кончать.

---

[1] Истор.-революц. арх., 4-е делопр., д. № 4, ч. 23, л. 16, 1905 г.
[2] «Посл. Изв.», № 220.

Бунд попытался устроить митинг еврейских рабочих в синагоге, но полиция помешала этому: двор синагоги наполнился городовыми и шпионами и собрание продолжалось недолго.

Из Вильно движение немедленно распространилось в Западном крае повсюду.

Во все более или менее крупные города или местечки Бундом были даны директивы откликнуться на петербургское движение и везде начались забастовки.

В Виленской губернии движение вспыхнуло в Ошмянском уезде, в Сморгони и Ошмянах. В Сморгони выступление решено было соц.-демократической организацией 12 января. «Даже неорганизованная христианская масса поговаривала еще раньше, что как только из Вильно передано будет о забастовке, они немедленно сойдут с работы»[1].

Сморгонская организация РС-ДРП и Бунд создали стачечный комитет. Стачка была в полном разгаре.

Бастовало более 3 тыс. рабочих, за исключением винокуренного завода Коварского и кожевенного Гурвича.

Решено было устроить митинг в 6 час. вечера в центре города, но энтузиазм массы довел возбуждение до апогея уже в 4 часа и ораторы организаций под красным знаменем, не дожидаясь условленного времени, начали свои речи. Говорили по-русски и по-еврейски.

Раздавались крики «Долой самодержавие» и пение революционных песен. Двухтысячная толпа с пением «Варшавянки» двигалась по главным улицам, полиция попряталась и город на несколько часов оказался во власти пролетариата. В Сморгонь выехал сам губернатор гр. Пален; но было уже поздно,—15 января политическая забастовка по распоряжению организации была закончена и аресты уже не помогли.

В Ошмянах забастовка произошла значительно позже, 23 января, но тоже, как только организация Бунда была информирована из центра, и по ее директиве движение началось. Накануне бундовская организация устроила два партийных собрания, а утром в понедельник в 11 часов началась забастовка: на всех кожевенных заводах по звонкам рабочие бросали работу и выходили на улицу. Бастовали повсюду,— на дрожжевом заводе, на мельнице, в казенном винном складе и т. п. На другой день, 24 января, рабочие направились

---

[1] «Вперед» № 7 и Истор.-революц. арх., 4-е делопр., № 4, ч. 23, л. 7, 1905 г., «Посл. Изв.», № 215.

в городские училища и предложили бастовать учащимся. Началась забастовка учащихся. На помощь полиции пришли педагоги и возмущенные рабочие стали бомбардировать училище камнями. Толпа осадила также полицейскую канцелярию и выбила стекла.

Исправник дал телеграмму в Вильно о помощи и губернатор из Сморгони выслал в Ошмяны казаков.

Политический характер забастовки очень ярко был выявлен самой массой.

Когда хозяева в ответ на стачку решили начать расчеты, рабочие вызвали фабричного инспектора, который, как всегда, предложил выбрать депутатов для переговоров.

Но в виду угрожающего поведения полиции, рабочие заявили, что они придут объясняться всей массой.

Инспектор отказался от таких объяснений и в ответ на это рабочие подали ему заявление где, между прочим, писали: «...Забастовка наша с самого начала носила характер чисто политический, как выражение сочувствия восставшим рабочим и протест против самодержавия—главного виновника петербургской и рижской бойнь. Мы решили протестовать однонедельной забастовкой.

«Но в виду того, что полиция без всякого повода начала арестовывать наших товарищей, а хозяева, к которым не были предъявлены никакие требования, решили на своей сходке не платить рабочим за время забастовки и рассчитать некоторых рабочих, как подстрекателей—мы и решили не стать на работу до тех пор, пока не будут удовлетворены следующие требования: 1) освободить всех арестованных товарищей; 2) не рассчитать никого из бастующих; 3) уплатить всем рабочим за неделю забастовки; 4) урегулировать работы по новой норме, а именно: «сухим» вместо 125 кусков шагрени выделывать только 100 кусков; «мокровцам»—50 кож вместо 60—70 кож; платовщикам—70 кусков вместо 80».

Требования эти в конце концов были удовлетворены и даже была выплачена заработная плата за дни забастовки. Переговоры с инспектором окончились политическим митингом [1].

Этот политический характер движения в Западном крае заметен повсюду. Даже в таких местностях, где социалистические организации были не особенно сильны, и там движе-

---

[1] «Посл. Изв.», № 219.

ние вспыхнуло под влиянием социалистической агитации. В Минске забастовка началась 14 января[1]. «Получив приказ нашего ЦК,—говорится в отчете минской бундовской организации,—пристать к восставшим петербургским рабочим, наш комитет решил в тот же день объявить всеобщую забастовку»[2]. Бундовская организация вошла в соглашение с местной группой росс. соц.-демократической рабочей партии и организацией соц.-революционеров. Забастовка охватила более 3 тыс. рабочих, бастовала в течение дня конно-железная дорога, два банка и одна контора.

Главное участие в забастовке принимали еврейские рабочие, так как среди христиан-рабочих организация была слаба и такие крупные предприятия, как, напр., минские железнодорожные мастерские—поднять на забастовку не удалось.

«Снятие рабочих,—говорится в отчете бундовской местной организации,—происходило следующим образом: отряд с «начальником» во главе входил в мастерскую или фабрику и «начальник» выкрикивал: «остановите машины, собирайтесь все вместе!» Машины моментально останавливались и рабочие собирались вокруг «начальника», который рассказывал им о событиях в Петербурге, призывал пристать к петербургским рабочим и формулировал требования»[3].

В числе таких «начальников» действовали не только бундовцы, но и «искровцы» (4 чел.) и соц.-революционеры (3 чел.), Однако, главная масса этих «начальников», т. е. агитаторов, были бундовцами. Вследствие слабости искровской и эсеровской организаций забастовку не удалось сделать всеобщей, но и будучи частичной, главным образом, еврейской она носила ярко политический характер, что особенно проявилось на большом митинге, устроенном бундовцами в синагоге. Здесь говорили бундовские ораторы перед толпой в тысячу человек о значении петербургских событий. Через четыре дня, 18 января, забастовка окончилась.

Почти одновременно с Минском происходили забастовки в Пинске, Бобруйске, Борисове, Паричах и других местностях Минской губернии. И везде рабочие поднимались, не предъявляя никаких экономических требований, а исключительно в знак солидарности с петербурским пролетариатом.

---

[1] Истор.-революц. арх., 4-е делопр., № 4, ч. 7, л. 1, 1905 г.

[2] «Посл. Изв.», № 218.

[3] Тот же номер.

В Бобруйске, где кроме бундовской организации была и организация росс. соц.-демократической рабочей партии, обе организации действовали вместе. «Мы ждали призыва ЦК Бунда,—говорится в отчете бундовской организации,— понимая, что голос Бобруйска может иметь значение лишь в общем хоре»[1].

Забастовка началась 17 января в понедельник и в этот день носила очень внушительный характер, бастовало до тысячи человек.

Рабочие расхаживали группами по городу, собирались небольшими толпами, произносились политические речи и т. п. Это были, главным образом, еврейские рабочие; рабочие христиане в забастовке участвовали слабо и это не дало возможности создать всеобщей политической забастовки. Полиция все время, конечно, занималась натравливанием христиан на евреев.

Приказчики также не примкнули к забастовке, и стачка, несмотря на большое сочувствие интеллигенции, постепенно стала уменьшаться, а через неделю все рабочие уже стояли у станков.

В Борисове, где в течение 16 и 17 января бастовали рабочие спичечной фабрики «Виктория», фабрики «Березина» и все портные и сапожники, забастовка носила также политический характер[2].

Согласно отчету бундовской организации забастовка в Борисове захватила даже часть русских рабочих: бундовцам удалось снять с работ рабочих пригородных фабрик: в понедельник 17 января рабочие этих фабрик вместе с еврейскими рабочими, толпой человек в 500, двинулись в город и полиция была не в силах разогнать этой импровизированной демонстрации, как и других собраний, все время происходивших в городе. Забастовка охватила 1.200 чел. и продолжался два дня[3].

В Мозыре и даже в Паричах рабочие бастовали также, солидаризируясь с петербургским пролетариатом. В Мозыре бундовская организация стала готовиться к забастовке 9—11 января по предложению ЦК Бунда: 20 января было устроено большое предварительное собрание, а 21 прошла однодневная политическая забастовка[4].

---

[1] «Посл. Изв.», № 217.
[2] Истор.-революц. арх., 4-е делопр., д. № 4, ч. 7, л. 6, 1905 г.
[3] «Посл. Изв.», № 215.
[4] «Посл. Изв.» №№ 217 и 220.

Русские рабочие этого района раскачались только к концу января и к началу февраля. В Пинске политическая забастовка солидарности бундовской организацией была назначена на субботу 21 января, но прошла она, не особенно удачно, 22 и 23. Неудача эта произошла потому, что забастовка была плохо подготовлена и потому, что обльшая часть рабочих в Пинске—женщины.

Действовала энергично и полиция: во время забастовки полиция арестовала 19 человек [1].

Общее возбуждение в Западном крае и Польше захватило, наконец, и русских железнодорожников: 29 января в Пинске, а 1 февраля в Минске рабочие пинских и минских железнодорожных мастерских прекратили работы и предъявили администрации свои требования.

В Пинске рабочие требовали: 1) Рабочее время сократить до 8 часов в день. 2) Жалованье увеличить для получающих: а) менее одного рубля—30 коп., б) до одного рубля 50 коп.—20 коп. 3) При поступлении назначать: а) чернорабочему не менее 70 коп., б) ученикам—30 коп. 4) При исчислении выгоды сдельной работы вместо 60% допускать до 100% и выше. 5) Расценка работы должна быть установлена мастером совместно с комиссиею от мастерских и вывешена на видном месте в каждом цехе. 6) Разрешить мастеровым учредить постоянную комиссию из своей среды для защиты своих интересов, возникающих по службе в мастерских. 7) В случае болезни платить полное поденное жалованье до выздоровления. 8) Прослужившие десять лет должны быть зачислены в штат. 9) Выдавать на каждого новорожденного по 10 р., а на похороны по 8 р., разрешив делать гробы по примеру прежних лет. 10) Во всех цехах должно быть достаточное отопление, а для открытых работ устроить навесы. 11) Улучшить медицинское состояние. 12) Неявку на работу до трех дней не считать прогулом [2].

Как видно из этих требований, забастовка пинских мастерских не была политической забастовкой солидарности, а простой экономической стачкой, правда, вызванной могучим толчком январских событий. Забастовка затянулась до середины февраля, когда мастеровые стали на работу, добившись некоторых уступок.

---

[1] «Посл. Изв.», № 221.
[2] Истор.-революц. арх., 4-е делопр., д. № 4, ч. 7., л. 12, 1905 г.

Минские железнодорожные мастерские Либаво-Роменской жел. дор. предъявили аналогичные требования (требования Московско-Брестской жел. дор.).

В Минске местная минская социал-демократическая группа северо-западного комитета РС-ДРП попыталась устроить всеобщую политическую забастовку, но забастовка не прошла: бастовали только ремесленные заведения, рабочие крупных фабричных предприятий к стачке не примкнули.

Это обстоятельство нельзя никак приписывать слабости минской соц.-демократической группы. Группа существовала здесь давно, с осени 1903 г. Она, как известно, входила в состав северо-западного комитета, который возник весной 1904 года,[1] и в состав которого, кроме минской группы, входили еще организации: виленская, витебская, двинская и сморгоньская. Это обстоятельство необходимо иметь в виду, как при рассмотрении фактической стороны движения 1905 года, так и при обсуждении влияния на него политических партий, в частности Бунда. Хотя по своим настроениям северо-западный комитет и был примиренческим, однако, настроение минской группы было чисто большевистским и влияние ее на ход событий было несомненно, как неоспоримо влияние на ход событий и других наших организаций Западного края,—вышеперечисленных групп, северо-западного, полесского и других комитетов.

Толчок, данный январскими событиями, вылился в Минске в волну стачек, которые тянулись весну, лето и осень вплоть до октябрьской забастовки. Вот перечень тех категорий рабочих, которые пришли в движение под влиянием январских событий: кожевники, мельники, рабочие винокуренного завода, одиночки-прачки (2-недельная забастовка). Летом минская группа провела очень удачную стачку коночников (городское управление вынуждено было вести переговоры с представителем большевистской соц.-демократической организации) и, наконец, всеобщую политическую стачку-протест против избиений и расправы царских войск 1 Мая в Лодзи и Варшаве. (Стачка эта окончилась демонстрацией, устроенной Бундом; демонстрация была мало подготовлена и была разогнана и избита полицией).

В Бобруйске, другом пункте Белоруссии, где существовала сильная соц.-демократическая организация и где движе-

[1] Эта дата дана в статье т. Г. Е. Беленького в книге «1905 г. в Белоруссии». Минск, 1925 г., стр. 11; в «Протоколах третьего очередного съезда РС-ДРП» М. 1924 г., стр. 110 неверно указан 1903 г.

ние прошло под руководством соц.-демократов, стычка солидарности началась 14 января, как это было заранее решено объединенным стачечным комитетом из представителей Бунда и бобруйской группы «Искры».

Бобруйская группа «Искры» возникла в сентябре 1903 г. и вскоре же вошла в связь с северо-западным комитетом РС-ДРП (организатором группы был тов. Г. Л. Шкловский). Развивши работу и притянув к себе все лучшие интеллигентные силы города, группа в течение 1904 г. настолько окрепла, что могла и идейно и фактически руководить движением.

По заранее разработанному плану, отряды Бунда и «Искры» являлись в ремесленные заведения и на заводы и приостанавливали работу. Работы легко приостанавливались у ремесленников и с большим трудом на заводах, так как из заводских рабочих были втянуты более квалифицированные рабочие, остальная же масса, главным образом, русская оставалась еще незатронутой пропагандой. Остановив работу на чугунолитейном заводе, на лесопильных, кирпичных и других заводах, отряд явился на дрожжевой и встретил здесь сопротивление некоторой части рабочих. Кто-то дал знать полиции и когда подоспел другой отряд революционеров, подошли и сотня казаков и рота солдат, и внутри завода началась свалка и избиение революционных рабочих. (Были избиты искровцы—Федька, В. Пловский, Хайке ди Клаперн, Э. Левин, Г. Вольфсон, Беднау и Горелик Эф. М.—бундовец).

Магазины закрылись и приказчики также присоединились к забастовке. Бунд и группа «Искры» искусно использовали синагоги. Днем началась политическая демонстрация. Демонстранты, пройдя Татьянинскую (ныне Октябрьская) и Адамовскую (ныне Комсомольская) улицы, вышли на Пушкинскую, где и выбросили красное знамя. Тотчас же налетели казаки и началась борьба за знамя: в этой борьбе против вооруженной силы казаков выступал боевой отряд вооруженных рабочих. Движение рабочих на улицах (с песнями, криками—«Долой самодержавие» и красными знаменами) и столкновение толпы с казаками продолжалось целый день. Были и раненые (напр., боровшийся за знамя Эф. И. Горелик).

Это январское движение послужило толчком, вызвавшим волну экономических забастовок, тянувшихся все лето вплоть до октябрьских дней.

В феврале произошла забастовка столяров, окончившаяся победой (заработная плата была повышена на 50 коп. в неделю). В начале апреля была проведена соц.-демократической организацией забастовка кирпичников при упорном сопротивлении хозяев; забастовка окончилась удачно (частичное удовлетворение). В конце апреля бастовали столяры, плотники и каменщики. В мае устроили удачные стачки маляры, каменщики и веревочники.

1 мая прошла политическая забастовка, а 7 июля, по призыву группы «Искры» и Бунда, была проведена всеобщая политическая забастовка протеста против избиений полицией и войсками демонстрантов 1 мая в Лодзи и Варшаве.

Наконец, 21 июля произошла огромная демонстрация протеста по поводу убийства казаками рабочего Генкина: все решительно население города, за исключением властей и войск, вышло проводить гроб убитого, над которым вместо знамени развевалось его грязное, окровавленное платье.

В Полоцке движение началось в середине января, как только пришло известие из Петербурга о расстреле рабочих. Движением руководили Бунд и организация РС-ДРП. Решено было устроить демонстрацию. Человек 300 собравшихся на дровяном базаре после речей ораторов двинулись с красными знаменами в город. На улице К. Маркса демонстрантов встретила полиция и началось избиение.

На другой день в знак протеста была объявлена политическая забастовка.

Хотя вслед за этим город и был объявлен на военном положении, однако, волну забастовок остановить уже не удалось: весною успешно прошли забастовки кожевников и каменщиков, первомайская политическая стачка, а в начале августа в знак протеста против нападения солдат на мирно собравшихся каменщиков в доме Ривлина (и избиение солдатами рабочих) прошла новая политическая забастовка протеста.

Наконец, летом же была проведена удачная забастовка на постройках Николаевской железной дороги: бастовало около 3 тысяч землекопов и чернорабочих. Забастовка длилась неделю[1].

[1] О движении в Минске, Бобруйске и Полоцке см. в книге: «1905 г. в Белоруссии». Комиссия ЦИК БССР по организации празднования 20-тилетия революции 1905 года и Истпартотдел ЦК ВКП(б). Сборник статей, воспоминаний и материалов под ред. М. Шульмана. Минск, 1925 г., стр. 15, 16, 63—68 и 101—102.

В Могилевской губернии царское правительство с самого же начала движения выстрелами своих войск постаралось придать ярко-красный оттенок и так уже достаточно яркому политическому движению. Дело началось в местечке Горы-Горки, где находилось таксаторское училище и где ученики этого учебного заведения устроили небольшое собрание и демонстрацию в память погибших 9 января в Петербурге.

Когда небольшая группа рабочих (40 человек) и учащихся возвращалась в местечко с места собрания, на них наскочила полиция и потребовала закончить демонстрацию. Демонстранты ответили пением «Марсельезы». Тогда из рядов полиции раздались выстрелы и ими были убиты Бруцер и Арефьев наповал и ранены рабочие и работницы[1].

Могилевская группа полесского комитета РС-ДРП(большевиков) пыталась в ответ на эти зверства и из солидарности с петербургскими рабочими устроить демонстрацию. До 25 января это не удавалось, так как в самом городе крупных заводов и фабрик нет и так как могилевская полиция организовала заранее подготовленное и систематическое избиение всех, кто, по ее мнению, казался подозрительным, в особенности евреев. Проходящих мирно по улице еврейских рабочих и интеллигентов городовые хватали, избивали на глазах у всех и затем тащили в участок, где и доканчивали свое позорное дело. К 25 января организация, однако, сумела собрать силы и в этот день состоялась демонстрация. Демонстрация была небольшая (человек 120—150), но она имела огромное значение. «Во-первых, значительное участие русских рабочих и притом городских, а не из окрестностей (в городе крупная промышленность почти отсутствует, а в окрестностях более развита и наша организация шире). Кто знает отсталось и забитость местного русского населения, взгляд населения на движение, как на дело исключительно еврейское, кто знает, как господствующий здесь антисемитизм тормозит движение,—тот поймет, каким отрадным фактом является участие в демонстрации,—пока хотя бы только нескольких десятков русских рабочих. Вторая особенность нашей демонстрации,—участие в числе демонстрантов до 40 человек учащихся средне-учебных заведений: мужской гимназии, реального училища, семинарии и фельдшерской школы. И опять-таки это участие является особенно

---

[1] В корреспонденции «Посл. Изв.» № 220 число раненых указано четыре.

ценным в нашем несчастном крае, где гнет русской жизни чувствуется особенно тяжело и в соответствии с этим нигде личность учащихся не подавлена так, как у нас»[1].

Нельзя не согласиться с этой характеристикой демонстрации в Могилеве, если вспомнить, что говорилось выше о движении русских рабочих в Минске, Пинске и других местах.

В Гомеле[2], самом крупном рабочем центре Могилевской губернии (здесь находятся железнодорожные мастерские Либаво-Роменской жел. дороги, тогда здесь работало более 1.200 ч.) попытки начать движение обозначились еще 13 января, когда организация гомельской группы полесского комитета РС-ДРП (больш.) старалась устроить забастовку железнодорожных рабочих[3]. Попытка эта окончилась неудачей.

Зато в городе среди еврейских рабочих и ремесленников движение петербургского пролетариата нашло живой и немедленный отклик. По решению бундовской организации один из агитаторов произнес в самой большой синагоге ярко политическую речь, в которой разъяснил значение петербургских событий и призвал всех граждан к протесту против самодержавия и к выражению сочувствия петербургскому пролетариату.

Большой митинг рабочих (до 1.000 ч.) было решено собрать на Кузнечной улице, митинг не удался,— помешала полиция,—но на частичных собраниях, где перебывало до 700 чел., рабочую массу удалось подготовить к забастовке.

Она началась 16-го в воскресенье, в 10 час. утра. Бастовали почти все рабочие, которые толпами ходили по улицам и вступали в борьбу с казаками, пытавшимися разогнать собиравшихся. Группы вооруженных рабочих—соц.-демократов отвечали выстрелами на попытки разогнать демонстрирующих по улицам пролетариев. Бастовали, однако, только еврейские рабочие: железнодорожные мастерские, несмотря

---

[1] «Искра», №№ 88 и 86.

[2] «Посл. Изв.» № 218 и № 215.

[3] Истор.-рево. арх., 4-е делопр., д. № 4, ч. 42, л. 5, 1905 г. См. также подробное описание событий в Гомеле и вообще в районе полесского ком. РС-ДРП в книге «1905 г. в Гомеле и Полесском районе. Материалы по истории соц.-демократического и раб. движения в 1893—1906 гг.» под ред. Испартотдела, Гомель, 1925, см. ст. Я. Драпкина: «1905 год в районе полесского комитета РС-ДРП».

на все попытки агитаторов гомельской группы полесского комитета РС-ДРП на забастовку не пошли.

Забастовка, захватившая более 1.000 чел. продолжалась в понедельник и во вторник. В этот день движение разрешилось кровавым столкновением с войсками. Настроение рабочих все время было приподнятое, днем рабочие по собственному почину устроили собрания в двух синагогах, где и выступали бундовские агитаторы. Вечером было устроено и в помещениях и под открытым небом несколько собраний; один из таких митингов,—небольшое собрание человек в двести,—закончился катастрофой.

Собрание происходило в помещении, и лишь только оратор закончил свою речь, как раздались крики о том, что собрание окружено казаками.

Рабочие, по большей части неорганизованные бросились в окна и двери. Патруль солдат встретил убегавших выстрелами, от которых пали,—убитые наповал—работница Дворкина и двое раненных рабочих; один из последних—рабочий Каган тоже вскоре умер [1].

Похороны Дворкиной в среду 19-го и Кагана в четверг 20 января собрали большие толпы и превратились в настоящие демонстрации: за гробом Кагана шло не менее 3 тыс. человек, на гробах были красные ленты с революционными надписями, у могил произносились политические речи, при чем на похоронах Кагана было много даже интеллигенции.

Гомельские власти, повидимому, сознательно шли на катастрофу, так как после убийства двух человек директор департамента полиции вместо расследования этого случая, запросил могилевского губернатора, достаточно ли войск в Гомеле. Ответ получился успокоительный.

В Горках произошла демонстрация учеников таксаторского училища и рабочих 16 января. В результате столкновения с полицией были убиты двое учеников—Бруцер и Фома Арефьев. На другой день состоялись похороны жертв [2].

---

[1] Истор-революц. арх., 4-е делопр., д. № 4, ч. 42, лл. 13, 14 и 15. В депешах гомельской охранки говорится о том, что рабочие начали стрелять первыми и будто бы выстрел по патрулю раздался из синагоги. Это неверно: рабочие совсем не стреляли в патруль и, как видно из сообщения бундовской организации, были невооружены. См. «Посл. Изв.» № 218.

[2] «Искра» 1905 г. № 86 и «1905 г. в Гомеле и Полесском районе», стр. 88—89.

В Витебске и Невеле, Витебской губернии, забастовки также носили чисто политический характер и были вызваны революционными организациями [1].

В среду 12 января бундовская организация решила начать политическую забастовку,—были распространены листки ЦК Бунда «К борьбе», листки местной организации и устроены предварительные собрания. Сначала не было согласованности в действиях бундовской организации и витебской группы РС-ДРП (меньшевиков), но вскоре произошло соглашение и образовался коалиционный комитет для проведения забастовки.

Однако, в движение вступили по преимуществу еврейские рабочие, организация среди христианских рабочих была очень слаба [2]. Забастовка охватила около 1.200 чел. и продолжалась с 14 по 18 января, когда по приглашению коалиционного комитета рабочие стали на работу. Во время забастовки агитаторы-евреи действовали решительно и смело, входя в мастерские и снимая товарищей с работы. Даже женщины выступали в качестве агитаторов, при чем при выступлениях рабочие проявляли стойкость и солидарность. Так, когда одну женщину, агитировавшую за забастовку, полиция пыталась арестовать, рабочие отбили ее, а когда полиция пыталась задержать одного из этих рабочих, Карклина, то он, защищаясь, ранил ножем в руку рабочего Рогожинского, добровольного помощника полиции.

Политический же характер носила и забастовка в Невеле, где стачка началась 19 января, протекала довольно бурно, сопровождалась демонстрацией и закончилась столкновением с полицией, агенты которой пустили в ход нагайки, избивая демонстрантов. По предложению коалиционного комитета (образованного на время забастовки бундовской и организацией РС-ДРП) забастовка закончилась 24 января.

Конец же января в Витебске ознаменовался неудачной экономической стачкой на Русско-Бельгийской льно-прядильной фабрике (21 января).

---

[1] Истор.-революц. арх., 4-е делопр., д. № 4, ч. 9, 1905 г. «Посл. Изв.», № 215.

[2] Бундовская организация, конечно, склонна приписывать проведение забастовки исключительно себе. Это, безусловно, не совсем верно. И группа РС-ДРП и даже соц.-революционеры помогали бундовцам. Так соц.-революционеры выпустили даже печатный листок, приглашавший рабочих к забастовке. См. 4-е делопр., д. № 4, ч. 9, 1905 г.

Наиболее организованное и ярко выраженное политическое движение, как ответ на январские события в Петергурге, в Западном крае, если не считать Варшавы и Лодзи, происходило в Гродненской губернии. Как совершенно верно замечает начальник гродненского губернского жандармского управления «волнения среди рабочих в январе месяце сего года в С.-Петербурге и Варшаве вызвали забастовки и беспорядки в некоторых пунктах Гродненской губернии»[1].

Забастовочное движение началось 16 января в Гродне, Волковыске и Белостоке, 17 января—в местечке Крынках, 18-го—в м. Городке, Белостоке и Брест-Литовске и, наконец, 24 числа—в колонии Незабудка-Михайлово.

В Гродне забастовка началась 17 января по призыву революционных социалистических организаций. Несмотря на набеги полиции, арестовавшей в ночь с 13 на 14 типографию бундовской организации, 16 января была устроена сходка, где обсуждался вопрос о забастовке. Сходка тоже была застигнута полицией и 61 человек из ее участников был арестован. Однако, другая сходка окончилась благополучно и забастовка началась на следующий день, 17 января.

Прежде всего стали мелкие механические мастерские, а за ними переплетные фабрики Лангборта, Харина и Вайсбрема. Как и в других местах Польши и Западного края группы забастовщиков человек в 10, т.-е. ударные группы организованных рабочих, проходили от заведения к заведению и останавливали работы. Таким образом была остановлена крупнейшая фабрика Гродно—табачная фабрика Шеревского, несмотря на все старания полиции и войск и даже самого полицмейстера не допустить стачки.

Толпы рабочих наполняли улицы города и в особенности предместья, несмотря на то, что улицы были заполнены полицией и пехотными частями. К вечеру забастовали булочные и пекарни. На другой день часть рабочих стала на работу, но зато к забастовке примкнули новые группы рабочих. Забастовка закончилась 19 января. Она носила исключительно политический характер. Это отмечает даже губернатор в своем докладе министру внутренних дел. «Забастовки на гродненских фабриках,—говорит он,—равно как и в других местностях губернии, вызваны, судя по всем признакам, вовсе не какими-либо определенными нуждами фабричного населения или недовольством их известными

[1] Истор.-революц. арх., 4-е делопр., д. № 4, ч. 12, л. 16, 1905 г.

условиями своего быта, но носят чисто социально-политический характер. Как явствует из выше изложенного, всюду замечалось присутствие сильной агитации»[1]. В Белостоке забастовка не разрослась во всеобщую, охватила, главным образом, еврейских ремесленников, но носила ярко политический характер. Точно так же и здесь, как и в Гродно, снимали с работы небольшие ударные группы, точно так же здесь на улицах собирались толпы, которые вступали в столкновения с полицией. В результате таких столкновений двое городовых получили ранения,—один пулей, другой кастетом. Толпа рассеивалась только при приближении войск.

В Волковыске забастовка протекала вяло и из мелких мастерских рабочих приходилось выгонять; окончилась забастовка столкновением рабочих христиан, фабрики Блоха с рабочими-евреями, пришедшими снимать своих товарищей с работы. Успешнее прошла забастовка в Брест-Литовске, где она охватила до 5 тысяч рабочих, главным образом евреев-ремесленников. Христиане-рабочие к забастовке не примкнули: полиция и войска все время охраняли заведения, где работали христиане и натравливали их на евреев[2].

Забастовка в м. Крынках, начавшаяся 17 января, скоро приняла характер настоящих беспорядков. Забастовка охватила все кожевенные заводы и другие предприятия. Рабочие еще 17-го изорвали телеграфные провода, чтобы прервать сообщение фабрик и местечка с центрами, откуда могли бы прибыть войска. На другой день, 18 января, рабочие большой толпой с красными флагами, пением революционных песен и револьверными выстрелами устроили на улицах местечка демонстрацию, при чем часть демонстрантов, ворвавшись в почтово-телеграфную контору, произвела там разгром и, вынеся на улицу портрет царя, прострелила его. Под влиянием этих событий и рабочие местечка Городок, дружно забастовавшие, также устроили демонстрацию.

Всеобщая политическая забастовка в Ковно началась 11 января, случайно совпавши с экономической забастовкой на заводе (гвоздильном и винтовом) Тильманса.

На этом заводе стачка началась по поводу увольнения рабочего Сухоцкого. Рабочие объявили хозяину, что они не станут на работу до тех пор пока хозяин не согласится установить такие условия, какие указали рабочие Путилов-

---

[1] Истор.-революц. арх., 4-е делопр., дело № 4, ч. 12, л. 1, 1905 г.
[2] «Посл. Изв.», № 217.

ского завода в Петербурге. Хозяин, конечно, отказался удовлетворить эти требования и все 800 чел. его рабочих забастовали, предъявив следующие требования: 1) Желаем иметь внутренних распорядителей завода (депутатов), выбранных от имени рабочих приблизительно по одному из каждого цеха. 2) Выбранные комиссионные лица (депутаты) со стороны рабочих должны быть обеспечены в личной неприкосновенности и не могут быть увольняемы от работы со стороны администрации. 3) Увольнение рабочего не может состояться иначе, как с постановлением этой комиссии. 4) Рабочий день—10 часов. 5) Согревательные печи, вентиляторы для очищения несносного дыма. 6) Всякое изранение (изувечье) рабочего должно быть вознаграждено от общества по закону. 7) Никто не должен потерпеть от забастовки. 8) В случае опоздания рабочего на 10 минут—вычета не может быть. Сверх же 10 минут вычитать за время опоздания без штрафов. 9) Нормальная плата поденного чернорабочего не должна быть ниже рубля. 10) Рабочему на станках возвратить расценку 1890 года или же отменить поденную плату не ниже одного рубля пятидесяти копеек (1 р. 50 коп.) в день. Также и мастеровым. 11) Ограничить права: директора завода г-на Ю. Шлингензипена (за грубое обращение с рабочими); также и г-на А. Шерра и других. 12) В случае сверхурочной работы считать час—за два [1].

Стачка на заводе Тильманса очень скоро превратилась во всеобщую политическую стачку. Рабочие Тильманса направились в предместье Шанцы и остановили фабрику Рекушо и мелкие мастерские. Затем небольшая группа рабочих, вырастая в огромную толпу, двинулась в Слободку, другое предместье Ковно, и остановила там работы на спичечной фабрике и пивоваренном заводе. К вечеру забастовка была всеобщей,—погасло электричество, остановилась конка, закрылись магазины. На другой день, 12 января, и затем в среду, 13 января, забастовка пошла на убыль, 14-го движение можно было считать ликвидированным. Не помогли уже и прокламации Бунда (ЦК и местного комитета) и литовских соц. демократов. Настроение рабочих упало между прочим и потому, что губернатор и полиция довольно искусно натравляли рабочих христиан против евреев, представляя все

---

[1] Бунд кроме того выпустил специальный листок: «Требования», в котором в сущности были формулированы те же требования, с прибавлением свободы стачек и союзов.

движение, как движение бунтовщиков евреев. Несмотря на это и несмотря на то, что каких-либо важных экономических уступок рабочие не добились, стачка разбудила инертную дотоле массу христианских рабочих. «В общем у всех наших рабочих,—говорится в отчете бундовского комитета—впечатление осталось бодрящее».

Январское движение отозвалось в самых дальних окраинах страны, в том числе и на юго-западных наших окраинах, например, в Волынской губернии.

В Житомире, кроме бундовской организации, существовали тогда еще комитет партии соц.-революционеров и наши соц.-демократические организации.

Сейчас же по получении известий все эти организации стали готовиться ко всеобщей политической забастовке. Бундовцы устроили собрание агитаторов, где и было решено предварительно устроить массовые собрания, на которых подготовить рабочих к стачке, организовать боевой отряд и вступить в соглашение с «искровской» меньшевистской организацией.

Когда прошли предварительные собрания и был организован боевой отряд (в него входили по большей части бундовские рабочие и человек 8 рабочих искровцев и соц.-революционеров, а всего до 60 чел.), решено было приступить к забастовке. Были выпущены прокламации соц.-революционерами и бундовцами, но с самого же начала, вследствие несогласий и недоговоренности, в дело внесена была дезорганизация: бундовцы решили начать забастовку сначала 20 января, но в виду неподготовленности «искровцев» перенесли ее начало на 24, соц.-революционеры еще раньше призывали своими прокламациями к стачке. Это дало возможность полиции очень хорошо подготовиться и до известной степени повлияло на исход стачки. Кроме того, рабочие-христиане, среди которых главным образом работали искровцы и соц.-революционеры, были слабо организованы и менее подготовлены к борьбе, чем бундовские рабочие. Бундовцы имели прочные связи с еврейскими рабочими, искровцы работали среди заводских рабочих (электрическая станция, чугунолитейные заводы, мельницы, казенный винный склад). В последний момент бундовцы назначили выступление на 25 января, искровцы—на 24, но как бы там ни было, 25 ян-

---

[1] «Посл. Изв., № 216 и № 217.

варя забастовка началась. В 11 часов утра боевой отряд подошел к электрической станции и предложил рабочим оставить работу: огонь в котле был потушен и подача тока прекратилась, трамвай остановился. Вскоре прибывшие войска силой заставили рабочих снова приняться за работу,—к трем часам трамвай был снова пущен в ход. Водопровод остановить также не удалось, так как он был окружен войсками. По городу разъезжали патрули, но боевые группки рабочих, проникая в мастерские и магазины, заставили бросить работу всех рабочих мелких и ремесленных заведений; бастовали все сапожники, портные, мебельщики, каменотесы, пекаря, литейщики, типографщики, табачники и многие другие [1].

На другой день боевые отряды бундовцев и искровцев, при попытках расширить и углубить забастовку, потерпели неудачу, так как повсюду и на улицах и у мастерских встречали конные разъезды и патрули.

Начались столкновения, и целый день Житомир, походивший на город, занятый неприятелем, оглашался выстрелами, которые, впрочем, не причинили большого вреда. Рукопашными столкновениями эти стычки с войсками кончались почти везде, так как войскам помогала черная сотня, организованная полицией, которая натравливала христиан на евреев, представляя забастовку «жидовским» делом.

Утром в этот день у ворот второй гимназии произошло столкновение с полицией. Гимназисты еще в начале занятий устроили химическую обструкцию. В 11 ч. утра к воротам гимназии подошли рабочие, начальство приказало запереть ворота, но толпа рабочих вышибла их, и, вместе с присоединившимися гимназистами, двинулась демонстрацией ко второй гимназии.

Так как гимназисты этой гимназии не присоединились к демонстрации, то толпа демонстрантов в сопровождении городовых двинулась дальше и на Бердичевской улице столкнулась с главными силами полиции. Началось страшное избиение демонстрантов,—«били прикладами, шашками женщин, гимназистов,—пишет какой-то соц.-демократ в письме, перлюстрированном жандармами,—упавших топтали ногами, тащили на извозчиков и снова били» [2].

Избитых демонстрантов отправляли в участок и тюрьму.

В этот день забастовка достигла наибольшего развития,

[1] Истор.-революц. арх., 1905 г., 4-е делопр., д. № 4, ч. 28, л.л. 2—6, 8—10 и 16.

[2] Истор.-революц. арх., 1905 г., 4-е делопр., д. № 4, ч. 28, л. 16.

хотя в первый день бастовало 2.000 чел. (по словам автора цитированного письма) или, во всяком случае, не менее 1.800, а во второй—только 900 чел.

На третий день забастовка прекратилась. Забастовка носила исключительно политический характер, что отмечается в докладах волынского губернатора, который подчеркивает, что «никаких требований или претензий рабочие не заявляли и приступили к работам на прежних условиях»[1].

В районе Волынской губернии это январское движение было наивысшим напряжением энергии, так как в дальнейшем документы не отмечают ничего выдающегося, кроме небольших забастовок: в феврале произошла небольшая забастовка на житомирском механическом заводе Старосветского и Вайнштейна, где рабочие требовали повышения заработной платы и 9-часового рабочего дня (добились некоторых уступок за исключением сокращения рабочего времени), в феврале же на Житинском сахарном заводе произошло столкновение рабочего Франца Жимуля с директором завода Студзинским; в конце марта в г. Ровно бастовали строительные рабочие: каменщики, штукатуры, печники и чернорабочие, предъявившие требования об увеличении заработной платы, уменьшении рабочего дня (день у них был 12-часовой) и прекратившие на один день все работы, в результате чего подрядчики пошли на некоторые уступки; в июне (14 числа) в Житомире произошла неудачная попытка приказчиков и, наконец, в августе (19 числа) тоже неудачная попытка забастовки на электрической станции в Житомире.

Из других пунктов Юго-Западного края, которые были захвачены январским движением, необходимо отметить Бердичев.

Здесь организации—бундовская и искровская—назначили забастовку на понедельник 17 января, предварительно подготовивши рабочих на собраниях и митингах. И здесь забастовка носила политический характер и захватила главным образом еврейскую массу, так как организация среди христианских рабочих (в загородных заводах) была очень слаба и рабочие этих заводов к стачке не примкнули. И здесь, как везде в Западном крае, боевые группы рабочих, вооруженные револьверами, ходили по мастерским и снимали работавших товарищей. На некоторых заводах (напр., на одном кожевенном) удалось во время самой забастовки устроить

---

[1] Истор.-революц. арх., 1905 г. 4-е делопр., дело № 4, ч. 28, л. 5.

митинг, где выступали с ярко-политическими речами. На другой день, 18 января, вооруженные отряды рабочих с утра начали обход города и, производя выстрелы в воздух, заставили приказчиков бросить работы и закрыть магазины. Дело не обошлось без столкновения, и на углу Никольской улицы, при попытке дворников избить какого-то рабочего, двое из них были ранены выстрелами боевого отряда.

Подоспевшая на помощь полиция открыла огонь и рабочие вынуждены были отступить. После этого началось беспощадное избиение беззащитной публики.

Забастовка охватила около 2.000 чел., но через три дня (20 января) по решению организации была прекращена, так как рабочие-христиане продолжали работать [1].

Было бы трудно и утомительно следить за каждой забастовкой в отдельности; здесь описаны наиболее характерные и интенсивные забастовки Западного края, в остальных местах они более или менее повторяли то, что происходило в указанных выше, городах и местечках.

Но о том как широко было движение, можно судить потому, что оно захватило 49 городов и местечек, не считая Риги, Ревеля, Либавы, Митавы, Варшавы, Лодзи, Сувалок, Ченстохова, Калиша, Сосновиц, Люблина, Киева, Одессы, Екатеринослава и Кременчуга, т. е. городов Прибалтики, Польши, Юго-Запада и Юга России, где еврейское движение не было доминирующим и где оно сливалось с движением латышским, польским, русским. Таким образом, вместе с этими последними городами еврейское рабочее движение в январские дни происходило в следующих 64 городах и местечках: Белосток, Бельск, Бердичев, Брест-Литовск, Бобруйск, Борисов, Варшава, Вильно, Витебск, Ветка, Гомель, Горы-Горки, Городок, Гродно, Двинск, Дубровино, Екатеринослав, Житомир, Золотоноша, Здунска-Воля, Згерж, Калиш, Киев, Ковно, Креславка, м. Копыль, Кременчуг, Крынки, Либава, Лида, Лодзь, Люблин, Межеречье, Минск, Митава, Могилев, Мозырь, Невель, Ново-Вилейск, Ново-Радомск, Одесса Ошмяны, Пабияницы, Паричи, Пинск, Поневеж, Полоцк, Ревель, Режица, Рига, Ровно, Рогачев, Смела, Слоним, Сморгонь, Сосновицы, Сувалки, Томашев, Ченстохово, Череп, Черкассы, Шавли, Шадрин и Шклов.

---

[1] «Посл. Изв.», № 219 и Истор.-революц. арх. 1905 г. Особ. отд. свед. по Бердичеву.

Не считая таких крупных центров, как Варшава и Лодзь, где в забастовках участвовало более сотни тысяч человек (например, в Лодзи 70 тыс.) и где еврейские рабочие составляли очень внушительную часть бастующих, только в 21 пункте с чисто еврейским рабочим движением в забастовке участвовало около 23 тысяч человек; если же принять во внимание и рабочих-евреев в других городах и местечках, вошедших в движение, то цифра возростет по меньшей мере вдвое. В самом деле, число участвующих в забастовке в 21 пункте, о которых имеются данные, равно 23.630 человекам, т. е. на каждый пункт приходится не менее 1.000 чел. (1.077 ч.); если принять в круглых числах по тысячи участников и на каждый из остальных пунктов из тех 49 мест с чисто еврейским движением, о которых говорилось выше (за исключением Прибалтики, Польши и Юга и Юго-Запада России), то приходится прибавить еще 28 тысяч рабочих, принимавших участие в движении. Это в общей сложности дает цифру участвовавших в январском движении еврейских рабочих немного более 50 т. человек[1].

Даже если уменьшить среднее число участников на каждый из остальных пунктов, захваченных движением, но с неуказанным числом бастовавших, то и тогда число еврейских рабочих, участвовавших в январской забастовке, нужно считать никак не меньше 40 тысяч человек: в 21 пункте, с известным числом участников, около 23 тыс. и в 28 пунктах—не менее 15 тысяч.

Это—большая армия и если принять во внимание, что эта армия была разбросана по огромной территории, а не сосредоточена, как в Москве, на небольшом сравнительно пространстве, где бастовало всего лишь 43 тыс. чел. (по официальным данным), если затем учесть то обстоятельство, что вся эта масса, все крупные и совсем маленькие группки рабочих вставали по призыву социалистической организации, что рабочие в подавляющем большинстве случаев не предъ-

[1] Вот города и местечки, число бастовавших рабочих, в которых известно: Вильно—2.500 ч., Витебск—1.200 ч., Двинск—3.000 ч., Борисов—1.200 ч., Ковно—3.000 ч., Сморгонь—2.000 ч., Бердичев—2.000 ч., Пинск—1.500 ч., Могилев—1.000 ч., Житомир—900 ч., Полоцк—800 ч., Ошмяны—600 ч., Невель—400 ч., Паричи—400 ч., Брест-Литовск—350 ч., Ровно—300 ч., Рогачев—250 ч., Шклов—200 ч., Ново-Вилейск—198 ч., Череп—30 ч. Всего—22.828 ч. См. об этом Истор.-революц. арх. 4-е делопр., дело № 4—1905 г., части: 23, 24, 28, 31, 34, 35, 39, 40, 41, 42, 48, 49, 51, 53, 56, 63, 66, 67, 68, 69, и 75 и «Посл. Изв.», №№ указанных выше в сносках.

являли экономических требований, а шли совершенно сознательно на политическое выступление, то необходимо согласиться с тем выводом, что Западный край в районе работы Бунда, так же как Польша и Прибалтика, шел в январе в авангарде движения.

Он далеко опередил центральные районы России и уже в начале революции проявил ту стойкость и организованность, которой недоставало центру страны.

О Западном крае, как и о Польше, как и о Прибалтике, как и о Кавказе с полным правом можно сказать, что здесь рабочие массы уже в январе 1905 г. творили историю вместе с соц.-демократией [1].

---

[1] Из новых работ об еврейском рабочем движении в Западном крае см., кроме работ такого знатока еврейского движения, как т. Н. А. Бухбиндер (его работы в Ленинградской «Кр. Лет.»), работу т. С. Диманштейна «Революционное движение среди евреев» в кн. 1905, «История револ. движ. в отд. очерках» под ред. М. П. Покровского, т. III, вып. I.

ГЛАВА VI

ЯНВАРСКОЕ ДВИЖЕНИЕ НА КАВКАЗЕ

1. ЗАМЕЧАНИЯ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОМ И ПРОМЫШЛЕННОМ РАЗВИТИИ КАВКАЗА И БАКУ

Революционные события на Кавказе в течение первых месяцев 1905 года и особенно в январские дни, хотя и были до известной степени отголоском январского движения в Петербурге, но еще в большей степени явились результатом всего предшествующего революционного движения, развивавшегося особенно интенсивно в Баку и других промышленных пунктах Кавказа.

Но само собой разумеется, что интенсивность революционного движения на Кавказе, начиная с 900-х годов, объясняется, главным образом, двумя важнейшими факторами: необыкновенно быстрым экономическим ростом крупнейших промышленных районов Кавказа, как Баку, и ростом и расширением соц.-демократического влияния на рабочие массы всех главных центров богатейшего края страны.

Экономическое значение Кавказа и в особенности Баку находится в самой тесной зависимости от общего экономического развития России и в частности Юга—стало быть, в зависимости от развития крупной промышленности, одним из главных продуктов потребления которой является нефть.

Поэтому, как только развитие железнодорожной сети захватило и Кавказ, так сейчас же начинает развиваться и торговля Кавказа, в том числе и нефтяная промышленность.

В начале 70-х годов добыча нефти в районе Баку едва достигла полумиллиона пудов. До 1872 года еще существовала откупная система, и нефть черпалась прямо из колодцев бурдюками. Нефтеносные земли, принадлежащие казне (в размере 180 дес.) и частным лицам, получившим эту землю

от казны же (142 дес.), стали после отмены откупной системы ходким товаром и объектом капиталистической эксплоатации. Теперь уже пришел на Кавказ господин капитал и, главным образом, иностранный, который взамен примитивного колодца поставил буровую скважину и вообще заменил методы мелкой кустарной эксплоатации методами эксплоатации, обоснованной на самых последних данных техники.

Уже через шесть лет после отмены откупной системы было более 300 буровых скважин, а через десять лет, т. е. в 1882 г., добывалось $12\frac{1}{2}$ миллионов пудов нефти. Добыча нефти с каждым годом возростала: в 1885 году она выразилась цифрой 115 миллионов пудов, в 1895 году—цифрой 377 миллионов пудов и ко времени революции 1905 года, именно в 1904 году, перевалила за полмиллиарда пудов. Один экспорт за границу в 1904 году достиг 110 млн. пудов, а количество нефти, перевозимой по водным путям России, дошло к описываемому времени до 380 млн. пудов. Огромное количество нефтяных продуктов перевозилось и по железным дорогам.

Такое колоссальное развитие нефтяной промышленности прежде всего отразилось на развитии транспорта (само собой разумеется, что развитие русской нефтепромышленности совершенно убило экспорт американского керосина: с максимальной цифры его ввоза в 1876 году в 2.665 тыс. пуд. он понизился до 500 тыс. пудов с лишком в 1882 г., и понижался с каждым годом все больше и больше); для перевозки всего этого огромного количества нефтяных продуктов капиталисты создали целый флот, насчитывавший в 1905 г. 287 наливных судов и почти 200.000 специальных вагонов, перевозящих нефть (131 тысячу одних цистерн). Большое количество пароходов теперь отапливалось нефтью, и целые железные дороги переходили также на этот вид топлива (на одном волжском бассейне ходило 2 тыс. пароходов на нефти, не говоря уже о железных дорогах).

Понятно, что и в самом Бакинском районе развитие добычи нефти вызвало к жизни целые новые отрасли промышленности,—одни заводы по переработке нефти в Белом и Черных городах перерабатывали в день более 3 млн. пудов нефти, а батумские заводы по изготовлению тары изготовляли в год 13 млн. ящиков и 26 млн. бидонов для керосина и нефти. Иностранный и русский капитал, вложивший в нефтяное дело сотни миллионов рублей золотом,

конечно, очень быстро расстался с патриархальными методами добычи и обратился к самым последним словам техники, вроде проведения нефтепровода от Баку к Батуму.

«Быстро выросший центр нефтяной промышленности,— говорит корреспондент «Искры» (№ 24 от 1 сентября 1902 г.),— Баку, еще недавно представлял царство исключительных интересов биржи и ажиотажа. Магическое слово «фонтан» кружило голову всему, имевшему то или иное отношение к нефтяной промышленности. А отношение имел почти всякий бакинский житель; прямо или косвенно все были заинтересованы в нефтяных делах, всякий надеялся отвести в свой канал что-нибудь из золотого дождя миллионов. Деньги лились рекой. Капиталы наживались и проживались с американской быстротой. Напоминание об общечеловеческих интересах прозвучало бы резким и смешным диссонансом в этом царстве рыцарей первоначального накопления...»

Но такая лихорадка мало-по-малу стала проходить; мелкие и средние предприниматели очень быстро погибали в непосильной борьбе с крупным капиталом. Вся нефтяная промышленность к эпохе первой русской революции находилась уже в руках четырех-пяти крупных фирм, среди которых главенствующее положение занимали Нобель и Ротшильд. Как же могли бороться с этими гигантами мелкие хищники и хозяйчики, когда только один Нобель за 1902, 1903 и 1904 годы получил 9.730.000 рублей прибыли? Не меньшие, если не большие барыши получали и другие крупные фирмы: товарищество «Нефть» исчисляло свою прибыль в 957.000 р., а «Бакинское нефтяное общество»—в 1.565.000 р., и это в то время, когда основной капитал Нобелевской компании был 15 млн. р., «Нефти»—2 млн. р., а «Бакинского нефтяного общества»—2.300.000 р. Стало быть, прибыль исчислялась более чем в 50%. Стоило из-за чего хлопотать около бакинских фонтанов.

Нобель и Ротшильд, их синдикат, в сущности, и были единственными хозяевами на нефтяном рынке России; если на Западе, в Европе они еще встречали конкурентов в лице американских нефтепромышленников, то здесь, у себя дома, в России, они диктовали цены на керосин и нефтяные продукты вообще, определяли количество добываемой нефти и душили своих мелких конкурентов безо всякой жалости и сомнения.

Но было бы, конечно, неправильно думать, что только развитием нефтяной промышленности определялась промыш-

ленная характеристика Кавказа. Начиная с 90-х годов прошлого века, Кавказ стал играть все большую роль в рыбопромышленности. Не говоря уже о Каспийском море, богатейшем рыбном бассейне, и такие реки, как Кура и Аракс являются богатым источником рыбопромышленности. Однако Каспийское море—главнейший резервуар, откуда промышленность черпала свои доходы. С каждым годом и здесь крупный капитал вытеснял мелких предпринимателей и увеличивал улов рыбы до небывалых размеров. Так, в 1904 году этот улов достигал 500.000 штук красной рыбы и 36.000.000 штук частиковой, из которой приходилось на долю сельдей 28.500.000 штук.

Развитие марганцевой промышленности Кавказа и развитие хлебной промышленности Северного Кавказа, превратившегося уже ко времени первой революции в сплошную хлебную фабрику, а также открытие грозненских запасов нефти,— все это в общей сложности совершенно изменило картину, которую Кавказ представлял еще в 80-х годах XIX века. Выросли новые молодые города, как Новороссийск, Армавир, Екатеринодар, необыкновенно увеличились старые торгово-промышленные центры, как Тифлис: железная дорога соединила эти пункты с морем и остальной Россией, а растущая промышленность потребовала десятки тысяч новых рабочих.

Что же представляли из себя эти последние и откуда являлись они к услугам торжествующего капитала? Об источнике, из которого черпала кавказская промышленность свой главный человеческий материал, тот же автор только что цитированной корреспонденции «Искры» говорит: «Мусульманское население в Баку самое многочисленное (по неточным сведениям здесь около 70 тысяч мусульман, около 50 тысяч армян, 30—40 тысяч русских, остальные грузины, немцы, евреи, иностранцы). Мусульмане—большей частью персидско-подданные—приезжают сюда временно для заработков. Привыкнув у себя на родине к еще худшему политическому и экономическому гнету, они смотрят на Россию чуть ли не как на страну свободы и благополучия. К тому же, крайне узкий уровень их потребностей делает их опасными конкурентами для рабочих-христиан и служит постоянной причиной взаимного недовольства и вражды. Из них-то состоит вся масса «амбалов»—рабочих на пристанях и низших промысловых рабочих. Обученных рабочих и ремесленников среди них нет».

Действительно, квалифицированные рабочие Баку, да и других крупных центров Кавказа составлялись из грузин, армян, русских, и почти вся подавляющая часть чернорабочего, неквалифицированного люда черпалась из среды мусульманского населения.

А между тем число рабочих исчислялось на Кавказе в крупнейших центрах десятками тысяч. В одном Баку число рабочих доходило до 50 тысяч человек, при чем одних промысловых рабочих было не менее 30 тысяч [1]. В Батуме только на заводах, выделывающих тару для нефтяных продуктов, числилось 5 тысяч рабочих, не считая 5—6 тысяч рабочих грузчиков и других профессий. В Тифлисе в одних мастерских Закавказских жел. дорог работало около 3 тысяч человек, и даже Новороссийск,—город, вообще говоря не промышленный,—насчитывал более 10 тысяч человек рабочих.

2. ПОЛОЖЕНИЕ БАКИНСКИХ РАБОЧИХ

Каково же было положение этих рабочих? Автор изданной за границей брошюры: «Бакинская стачка в декабре 1904 г.» такими красками описывает положение рабочих:

«Капиталисты, пользуясь полуторагодним молчанием бакинского пролетариата, дошли до наглости. Они отняли у рабочих решительно все, что добыто было ими дорогой ценой в июльскую стачку 1903 года. Рабочие, напр., добились трехсменной системы для тартальщиков и четырехдневного отдыха для рабочих буровых партий, при двухсменной, и несмотря на то, что эти условия были фиксированы в рабочих книжках, первое выполнялось отдельными фирмами, а второе совсем нигде не выполнялось. Совершенно не был урегулирован квартирный вопрос. Рабочие почти повсюду ютились в отвратительных помещениях, а у Нобеля рабочие-амшари зимою даже ночевали в отхожих местах.

«Квартирная плата выдавалась в ничтожных размерах (напр., полтора рубля в месяц) или совсем не выдавалась. Воду, мазут и керосин рабочие покупали. Были попытки, напр., у Ротшильда, увеличить обычный рабочий день. Заработная плата без всяких видимых причин понижалась. Вводились систематические сверхурочные работы. Свирепство-

---

[1] В брошюре «Бакинская стачка в декабре 1904 г.», напечатанной за границей, число рабочих в Балаханах считается в 60 тыс. и в Биби-Эйбате—в 30 тысяч.

вали подрядчики. Во всем Баку рабочий буквально стонал, изнемогая под бременем произвола и грабежа капиталистов. Всякие же попытки рабочих улучшить свое положение отдельными забастовками не приводили ни к чему. А между тем небывалый подъем нефтепромышленности был налицо. Пуд мазута стоял в цене 17 коп. Загребались миллионные барыши».

Но, быть может, это говорит только нелегальная брошюрка, изданная за границей в целях агитации? Далеко нет: и официальные источники, авторов которых никак нельзя заподозрить в любви к рабочим, говорят то же самое. Даже такие свидетели, как сенатор Кузьминский, обследовавший условия и причины, вызвавшие февральские погромы 1905 г. в Баку, выражается на этот счет весьма определенно на основании материала, охватившего условия жизни 61 тыс. человек рабочих.

«Исследование показало,— говорит он,— что положение рабочих на промыслах представляется неудовлетворительным во многих отношениях. Жилища рабочих большею частью плохи, в особенности для промысловых чернорабочих, не мастеровых, в большинстве случаев жилища их не удовлетворяют самым даже скромным требованиям гигиены: рабочие размещаются до 80 в одной комнате-казарме, где спят, едят, просушивают одежду, пропитанную грязью и вонью; жилища при этом лишены необходимых устройств, как бани, умывальники, прачечные. За недостатком помещения у нефтепромышленников рабочие вынуждены селиться в частных домах, где занимают совершенно невозможные квартиры. Санитарное состояние промыслов и прилегающих к ним татарских деревень до крайности неудовлетворительно, и для оздоровления этой местности никаких действительных мер не принимается». «...В отношении продовольствия рабочие также испытывают на себе отсутствие заботливости со стороны хозяев предприятий: они лишены сносной питьевой воды, и на всем пространстве промыслов устроено советом съездов нефтепромышленников, и то лишь в самое недавнее время, всего две общедоступные столовые, в которых, впрочем, большинство рабочих чернорабочих—персы, которые кормиться не могут, за неимением в этих столовых необходимого, по их верованию повара из числа их единоверцев».

«...Заработная плата рабочих до последнего времени (до 1905 г.— *В.Н.*) была весьма низка: чернорабочий, на своем содержании, получал всего 15—16 руб. в месяц. Только с

начала текущего года плата значительно повышена вследствие требований, заявленных на декабрьской забастовке 1904 года. Рабочий день продолжался двенадцать часов. Поездка рабочего на побывку домой рассматривалась не как временный отпуск, а как оставление службы, при возвращении с которой он принимался обратно на низшее жалованье»[1].

О заработной плате бакинских рабочих мы можем судить по тем беспристрастным в этом отношении источникам, какие оставила нам борьба рабочих (не обращаясь даже к таким работам, как работа, известного статистика Фролова)—по требованиям, предъявленным рабочими к предпринимателям во время стачки.

До стачки 1904 г. в декабре рабочие в Баку получали:

Рабочие	буровых партий	18 р. в месяц
„	тартальщики	17 „ „ „
„	ведерщики	15 „ „ „
„	кочегары	19 „ „ „
„	масленщики	18 „ „ „
„	чернорабочие	18 „ „ „
„	молотобойцы	80—90 к. в день
„	ученики	20 „ „ „

Квартирная плата:

Мастеровым семейным	8—7 руб.
„ одиноким	4—3 „
Молотобойцам семейным	3 „
„ одиноким	1½ „
Чернорабочим в Белом городе:	
семейным	6 „
одиноким	2—3 „

Правовое положение рабочих тем же сенатором Кузьминским рисуется самыми безотрадными чертами: и суд, и полиция, и горный надзор—все было на стороне хозяев. Преступное поведение политической полиции, по словам Кузьминского, характеризуется уже тем, что организатором первой нелегальной типографии бакинского соц.-демократического комитета являлся провокатор, секретный сотрудник охранного отделения, агент известного жандарма Карпова.

Подвиги жандармской полиции достаточно хорошо иллюстрируются таким, напр., фактом, как попытка полковни-

---

[1] Из докладов сенатора Кузьминского «Всеподданнейший отчет о произведенной в 1905 году, по высочайшему повелению сенатором Кузьминским, ревизии города Баку и Бакинской губернии». См. «Рабочий вопрос», стр. 160 и 161. «Право», №№ 4—10, 1906 г.

ка Дремлюги при аресте подполной типографии присоединить нелегальную литературу, украденную в типографии провокатором раньше обыска, к найденной в момент обыска: даже царский товарищ прокурора не мог согласиться с таким приемом следствия.

Тот же сенатор Кузьминский, отмечая бесправное положение рабочих, указывает еще на один факт: запрещение рабочим иметь свои экономические организации в то время, как объединение предпринимателей («Совет съездов нефтепромышленников») пользовалось всяческим вниманием и поддержкой правительства. «Такое неравенство в положениях обеих сторон,— замечает по этому поводу сенатор Кузьминский,— естественно вызывало у рабочих озлобление против нефтепромышленников, выражением которого являлись забастовки, наносившие последним большие убытки и тем самым заставлявшие их итти на уступки».

Можно себе представить, каково же было положение рабочих в действительности, если даже официальный доклад царского сенатора рисовал положение пролетариата такими мрачными красками. Вот какими красками рисует это положение пролетариата корреспондент «Искры»[1]. Указав, на то, что персы, составляющие очень большой процент промысловых рабочих, отличаются неразвитостью и забитостью по сравнению с товарищами других национальностей, корреспондент продолжает:

«Миновавший уже теперь нефтяной кризис повлек за собой прекращение и уменьшение работ на многих нефтяных площадях, а следовательно, и массовый расчет рабочих. Среди рассчитанных было много законтрактованных, контракты с которыми были нарушены на основании мелочных придирок. Выгнанный народ получал жалованье за последний день работы, выбрасывался на улицу, а на его протесты решительно никто не обращал внимания. Подача жалоб в суд также не приводила ни к каким результатам. Рабочий подавал в мировой суд, выигрывал в нем дело, а хозяин подавал апелляцию, и дело затягивалось на несколько месяцев. В случае же выигрыша дела рабочим и в окружном суде, хозяин подавал кассационную жалобу, дело тянулось годы, а за это время рабочий, не имевший места, или спивался и умирал где-нибудь под забором в городе, или махал рукой на всю эту канитель и исчезал из Баку. Непрочное положение

---

[1] В № 47 от 1 сентября 1903 г.

рабочего, отсутствие союзов и рабочих касс в этот период времени дали себя почувствовать с особенной силой...» «Вот несколько примеров положения рабочих. Лестница на резервуаре не закреплена. Рабочему приказывают лезть на нее, он лезет, падает вместе с лестницей и калечит себе руку или ногу. Он подает в суд (начальство в эти дела не входит), хозяин тянет дело по всем инстанциям два-три года. Искалеченный человек, неспособный к труду, оставшись без хлеба, идет на нищенство. Его ловит полиция и отправляет этапным порядком на родину. Не находя там пищи, калека снова уходит в город, и начинается странствование по острогам и этапам. А тем временем его вызывают в суд: повестка до него не доходит, и дело прекращается за неявкой истца...»

«...На некоторых промыслах практикуется продажа мест. Чтобы получить место, рабочий уплачивал управляющему от десяти до двадцати пяти рублей за полугодие вперед».

«...О сокращении срока работы ни сами рабочие, ни печать не смели и заикаться...» «...Рабочие стали направляться в полицию и к губернатору. Но там их ждало не строгое расследование, а свирепые окрики властей, называвших их бунтовщиками и «вредными элементами». Наиболее смелых начальство снабжало проходными свидетельствами и высылало из города, остальных запугивало».

Баку, как известно, являлся и центром рыбопромышленности; здесь собирались десятки тысяч голодного и безработного люда, чтобы с началом весны наняться на рыбные промыслы. «Тут собирается наиболее голодный народ, а, следовательно, и наиболее приниженный. Грамотных мало и хозяева широко пользуются этим обстоятельством. Например, когда рабочий нанимается, хозяин отбирает у него паспорт, но рабочей книжки не дает. Рабочие загоняются, словно скот, в грязные тесовые бараки, о которых ни уездная полиция, ни промысловое начальство никогда не заботится,— и работа начинается...» «Самое главное зло,—это материальная необеспеченность рыбопромышленного рабочего. Улов хорош—жалованье платится, улов плох—рабочий не получает ничего».

До какой степени забитости и приниженности доходил промысловый рабочий, видно хотя бы из примера, приводимого тем же корреспондентом «Искры»: хозяин закупорил промыслового рабочего в бочку и катал его до тех пор, пока рабочий не был весь изранен. Хозяин остался безнаказанным,

а со стороны рабочих не последовало протеста; полиция же, вместо рассмотрения жалобы, избила все того же рабочего.

Но, быть может, все приведенные показания страдают пристрастием, потому что они принадлежат соц.-демократам?

Возьмем, в таком случае, источники другого рода, исходящие из противоположного лагеря,—«Объявление», изданное хозяевами в ответ на требования, предъявленные рабочими во время известной декабрьской стачки в Баку в 1904 году. В этом объявлении заключается перечень тех уступок, которые сделали хозяева под давлением рабочих.

Самые существенные уступки состоят в введении 9-часового рабочего дня в будни и 8-часового—под праздники, отмене обязательных сверхурочных работ и в повышении заработной платы. Как мизерна эта плата, можно видеть из следующих норм, на какие согласились хозяева:

Для рабочих	буровых команд оклада в	20 р. в мес.
„ „	тартальщиков	21 „ „ „
„ „	ведерщиков	18 „ „ „
„ „	кочегаров	22 „ „ „
„ „	масленщиков	21 „ „ „
„ „	чернорабочих	20 „ „ „

Для поденных чернорабочих—70—90 коп. в день без квартиры и 60—80 коп. при хозяйской казарме. Для учеников—40 коп. при поступлении, без обязательства давать помещение в хозяйской казарме[1]. В разъяснение этого пункта говорится, что минимальная плата означает, что если, например, тартальщик получал доселе 17 р., то теперь он должен получать 21 р., это означает попросту то, что до стачки рабочие получали прямо ничтожное жалованье за свою, поистине, каторжную работу.

Правда, хозяева вынуждены были согласиться и на выдачу квартирных денег:

Мастеровым семейным	по	13 р. в мес.
„ одиноким	„	7 „ „ „
Молотобойцам семейным	„	6 „ „ „
„ одиноким	„	3 „ „ „

Это в районе промыслов, а в районе Черного города те же категории рабочих получали соответственно 8, 4, 6, и 3 рубля. Квартирный вопрос в Баку был одним из самых острых, и вот почему рабочие в своих требованиях заявляли: «...в виду того, что промысловые и городские квартиры рабочих вообще никуда не годны, и в виду того, что сами пред-

[1] Истор.-революц. арх., 4-е делопр., дело № 4, ч. 4, 1904 г.

приниматели оказались неспособными оборудовать удобных рабочих квартир—мы, рабочие, заявляем следующие требования к Совету съезда нефтепромышленников и Бакинскому городскому самоуправлению: 1) оборудование достаточного числа рабочих квартир как в г. Баку, а также и в следующих частях промыслов: Балаханы, Романы, Сабунчи, Биби-Эйбат, Черный и Белый городки. Рабочие квартиры должны удовлетворять всем требованиям здорового человеческого существования: электрическое освещение и ванные отделения, паровое отопление и прочее; 2) Совету съезда ставим в обязанность оборудование в населенных промысловых районах общественных бесплатных бань на тех же основаниях, как теперь существуют амбулатории и больницы».

Предприниматели ответили на эти два пункта отказом, сославшись на то, что вопрос остается открытым в виду отказа казны, отвести землю для постройки квартир.

В 21 пункте своей декларации хозяева объявляют, что «на каждом промысле устраиваются специальные помещения без плиты для приема пищи рабочими», стало быть, пили и ели грязные и немытые люди там же, где и работали,—в грязи и вони.

Уже это малейшее прикосновение к первоисточнику исходящему из стана капиталистов, не склонных рисовать положение рабочих мрачными красками, показывает поистине ужасное положение рабочих: более чем девятичасовой рабочий день при невыносимой жаре Баку—в грязи и смраде; отсутствие хотя бы сносных человеческих жилищ, отсутствие бань, где можно было бы омыться от нефтяной грязи, принятие пищи в тех же помещениях, где идет работа, и нищенская плата в 17 и ниже рублей!

Так из-за сухих и бесстрастных строк исторического первоисточника выступают пот и кровь, унижение и гнет десятков тысяч бакинских рабочих, как результат классового господства капиталистов, получающих чистой прибыли более 50% на свой капитал!

Если же обратиться к другому первоисточнику, к требованиям, выдвинутым бакинскими рабочими[1], то это ужасное, бесправное, почти доходящее до границы человеческого существования, положение бакинского пролетариата, выступает еще ярче.

---

[1] Истор.-революц. арх., 4-е делопр., дело № 4, ч. 4, 1904 г.

Эти «требования бакинских рабочих» были отпечатаны в нелегальной типографии и выпущены 1 декабря 1904 г. Эти требования, как в зеркале отражают тот мир нищеты и ужаса, в котором жили бакинские рабочие, и вскрывают те причины, вследствие которых девятое января в Петербурге так легко всколыхнуло кавказских, как и всех вообще русских рабочих.

Требования касаются буквально всех сторон жизни рабочих: продолжительности рабочего дня, характера их работы (7 пунктов требований), заработной платы (13 пунктов), увольнения, приема и штрафов (6 пунктов), квартирного вопроса, культурной жизни—школ, больниц,—отношения к рабочим администрации, отпусков и безработицы и, наконец, политической жизни. По поводу сверхурочных работ в требованиях рабочих (примеч. 2) говорится: «Так как существующие работы—сверхурочные, сдельные и воскресные увеличивают число безработных, а безработные по необходимости начинают конкурировать с рабочими же и понижают заработную плату вообще, то мы особенно настаиваем на отмене этих работ. Только несознательный, темный рабочий или явный враг нашего дела могут стоять за эти работы, поэтому несознательного товарища мы должны научить, а явному нарушителю общих интересов, очевидно, придется внушить». Так, нищенская заработная плата толкала рабочих на сверхурочные работы, а эти последние, создавая кадр безработных, еще больше понижали эту нищенскую плату. Рабочие по этому вопросу выдвинули особое требование: «Для всех безработных Совет съезда и Бакинское самоуправление должны организовать общественные работы».

Конечно, предприниматели отвергли это требование рабочих, как отвергли они и еще множество других, в высшей степени жгучих требований: установление высоты заработной платы при приеме самими рабочими по соглашению с предпринимателями, оплату прогульных дней по вине администрации, а также дней первого мая и демонстраций, вызванных общеполитическим гнетом, увольнение по требованию рабочих мастеров и приказчиков, отличающихся жестоким обращением, регулярные отпуска, открытие школ и т. д., и т. п.

Нечего говорить, что во главе всех требований бакинские рабочие выдвинули все главнейшие политические требования момента—созыв учредительного собрания, свободы, окончание войны и т. п.

Может с первого взгляда показаться, что ведь требования, предъявленные 1 декабря 1904 г., были выработаны при участии соц.-демократов и потому-де они чрезмерны и в них не вполне точно отражается положение бакинского пролетариата. Вот, однако, частичные требования, частично предъявленные самими рабочими (39 человек) «Общества для добывания русской нефти» на Биби-Эйбате:

1. Прибавка жалованья: ниже 2 р.—20%, свыше 2 р.—10%.

2. Кузнецам и молотобойцам выдавать рукавицы ежемесячно.

3. Воду доставлять на дом ежедневно каждому.

4. Получку жалованья производить не позже 5 и 20 каждого месяца (за каждые истекшие 2 недели).

5. Уничтожить сверхурочные и обрядные работы; в случае надобности назначать на работы лишь только по соглашению.

6. Предложить механику вежливое обращение с мастеровыми и рабочими или же увольнение от службы.

7. Ученикам желонщикам прибавлять по 30 коп. каждому.

8. Удовлетворить учеников квартирными деньгами в размере 3 р. каждому.

9. Устроить в мастерской умывальник и шкафы для вешания верхнего платья.

10. За 15 минут до свистка кончать работы.

Это требование более квалифицированных рабочих, но и в них мы находим почти все то же—и сверхурочные, и отсутствие квартир, и низкую заработную плату, и требование доставки чистой питьевой воды (острый недостаток ее всегда чувствуется в Баку), и грубое обращение мастеров!

Вот забастовка (20 января 1904 г.) рабочих механического завода Эйзеншмидта, и в числе требований, предъявленных рабочими, значится: повышение платы, уничтожение штрафов и наем фельдшера! На механическом заводе с 150 рабочими нет даже фельдшера. Вот еще три январские (1904 г.) забастовки: на заводе Ленца, «Товарищество по бурению» и в мастерской Мухтарова, и здесь все те же требования—выдача квартирных денег, питьевой воды и т. д.

Словом—какую забастовку ни изучать, какие требования ни рассматривать—везде из требований рабочих, из-за этих замасленных нефтью бумажек с их требованиями глядит ни-

щета, жалкая заработная плата, отсутствие примитивных условий человеческого существования, и остается только удивляться, почему так долго, все это терпели все русские и, в частности, бакинские рабочие.

В Баку, в этом мировом центре добычи нефти были еще в 1904 году такие предприниматели, на заводах которых рабочим не уплачивали жалованья по 2—3 месяца[1].

И не только рабочие промыслов и механических заводов жили в ужасных условиях, рабочие и служащие других отраслей труда находились не в лучшем, а сплошь и рядом в худшем положении.

В том же 1904 году, 23 января, забастовавшие служащие конно-железной дороги в Баку предъявили все те же требования об увеличении заработной платы, выдаче квартирных денег и т. д., и т. п.

Приказчики Баку, забастовавшие 15 марта 1904 года, предъявили следующие требования: 1) 12-часовой рабочий день с перерывом в 2 часа на обед; 2) 10-часовой рабочий день для женщин и детей с перерывом в 2 часа на обед; 3) полный отдых в празничные дни и 4) вежливое обращение хозяев и распорядителей.

Как видно из этого маленького перечня требований, в этой отрасли труда даже женщины и дети работали и в будни и в праздники без перерыва и более 12 часов в день.

После только что приведенных фактов не покажется преувеличением следующее место из цитированной уже корреспонденции «Искры»: «До апреля месяца кондуктора и кучера бакинской конки работали не более и не менее как по 18 часов в сутки, от 5 часов утра до 11 часов вечера, имея на обед всего полчаса (вставали в 5 часов, к шести приходили в парки, в 7 часов выезжали, ездили до 9 часов вечера и в 10 часов уезжали домой). Изнуренные этой адской работой, они подали просьбу в городскую управу, прося город притти к ним на помощь. Но губернская власть оставила жалобу под сукном. Не видя никакого улучшения, служащие забастовали, но нагайками полиции были поставлены на свои места, при чем на этот раз было объявлено, что улучшение в их положении последует в самом непродолжительном времени. Улучшение, действительно, в скором времени последовало. На обед прибавлено было ½ часа и смена стала производиться в 8 часов вечера. Рабочие часы таким образом

[1] Там же, завод «Дружелюбие» Шторха.

уменьшились до $15\frac{1}{2}$. Но в то же время, по совету полиции, правление конки, желая отделаться от «бунтовщиков», стало тайно подыскивать новый комплект кондукторов, при которых можно было бы перейти к старой системе. Тайна выплыла наружу, и разразилась новая забастовка».

Кажется, ясно из всего сказанного, что причин для революционного движения бакинских рабочих было достаточно.

В результате этих причин и получилось то необыкновенное яркое революционное движение, которое характеризует Кавказ с начала 900-х годов.

3. СТАЧЕЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ НА КАВКАЗЕ В 1901—1904 гг.[1]

Положение рабочих в других промышленных пунктах Кавказа мало чем отличалось по существу от положения их бакинских товарищей, и потому рабочая масса русских, грузин, армян, а перед 1905 годом и мусульман, очень жадно внимала речам ораторов соц.-демократических организаций. Как раз с начала 900-х годов соц.-демократия на Кавказе растет и крепнет. «... С недавнего времени,—говорится по этому поводу в № 6 «Искры» (июль 1901 г.),—началась усиленная и энергичная социалистическая пропаганда среди рабочих кружков, хорошо организованных, а рабочие собрания, беседы о рабочем вопросе и распространение в громадном количестве брошюр между русскими, грузинскими и армянскими рабочими—все это имело значительное влияние на рост и развитие рабочей партии».

Можно смело сказать, что, начиная с 1900 г. ни одно более или менее заметное движение пролетариата не проходит без руководства кавказской соц.-демократии. Даже самого беглого, простого перечня важнейших революционных событий на Кавказе за время от 1900 до 1905 достаточно, чтобы убедиться в этом.

В 1900 году тифлисские соц.-демократы празднуют первое мая тайно за городом, где собирается человек 400, про-

---

[1] «Из прошлого». Статьи и воспоминания из истории бакинской организации и рабочего движения в Баку. Коопер. изд. «Бакинский рабочий», 1923 г.; «Двадцать пять лет бакинской организации». Коопер. изд. при Б. К. А. К. и «Бакинский рабочий». Баку, 1924 г.; «25 лет бакинской организации большевиков». Основные моменты развития бакинской орг. Коопер. изд. «Бакинский рабочий». Баку, 1924 г.; «25 лет борьбы за социализм» хрестоматия по истории РКП. Тифлис, 1923 г. В. И. Фролов. «Очерк забастовочного движения рабочих бцкинского нефтепромышленного района за 1903—1906 г.» Баку, 1907 г.», а также доклад сенатора Кузьминского.

износятся речи, поются песни[1], у организации нет еще сил выйти на улицу. Но работа соц.-демократов дает свои плоды. В октябре происходит большая и упорная забастовка в мастерских Закавказской ж. д.; около 4 тысяч рабочих бастуют 15 дней и уступают только под давлением полицейской силы: высылка почти полуторы тысяч рабочих на родину сломила стачечников, и их требования (8-часовой рабочий день и т. д.) были не только не удовлетворены, но даже еще более ухудшены условия работы. Расправа правительства не остановила стачечного движения: в течение января и февраля 1901 года прокатывается в Тифлисе волна местных экономических стачек: на табачных фабриках,— Энфианжанца (600 раб.), «Мир» (700 раб.), Самарова (200 раб.), Бутулова (100 раб.), в типографиях,— Либермана (140 раб.), Козовского (40 раб.), Т-ва грузинского издательства (150 раб.), в банях,— Мирзоева, Бебутова, Иракли П. и др.—всего до 15 стачек.

В мае 1901 года тифлисский пролетариат уже праздновал первое мая открыто на улицах города, где на Солдатском базаре и Головинском проспекте произошла демонстрация с красным знаменем, разбрасыванием прокламаций и революционными песнями. Демонстрация окончилась столкновением с полицией и казаками и побоищем[2].

В мае же и июне этого года были стачки на заводах: Ярославы и К° (500 раб.), Руксы (200 раб.), Котрина (200 раб.), и Гауфа (50 раб.). Рабочие требовали 10½-часового раб. дня и от 10 до 20% прибавки.

В августе забастовали кучера и кондуктора конки; требовали 8-часового раб. дня (вместо 14). Добились 9-часового рабочего дня, хотя и с понижением заработной платы на 10%. В этом же месяце происходили забастовки на кожевенных заводах Адельханова (всего 2.000 раб., бастовали войлочники—300 ч.), требованием являлось увеличение платы на 25%. Стачка была выиграна через 6 дней. Затем произошла забастовка на табачной фабрике Базорданьянца (всего 500 раб., бастовало 100 чел.). Стачку эту рабочие проиграли. Столетие присоединения Грузии в 1901 году царским правительством и грузинским дворянством, ждавшим подачек от царя и получившим жалкие подачки, было отмечено торже-

---

[1] «Искра», № 6 и № 12.

[2] М. Торошелидзе. «Первая открытая маевка в Тифлисе» «25 лет борьбы за социализм». Хрестоматия по истории РКП. Тифлис, 1923 г. стр. 228.

ствами, но и соц.-демократией было отпраздновано выходом первого номера нелегального грузинского соц.-демократического журнала «Брдзола» («Борьба»)[1].

В январе 1902 г. произошло убийство инженера Веденеева, начальника Закавказских жел. дорог, отличавшегося страшными зверствами и издевательством над рабочими.

Начиная с 1902 года, к тифлисскому революционному движению примыкают и другие города—Батум и Баку. С 5 по 18 февраля происходила забастовка на заводах Манташева, Ротшильда, Акопова и др. Рабочие требовали отмены штрафов, уменьшения рабочего дня, улучшения условий труда, приема и увольнения с согласия рабочих. Стачка окончилась победой рабочих. Эта стачка была уже второй, так как еще с января 1902 г. происходила большая забастовка на заводах Манташева и Ротшильда (1.500 чел.).

Мартовские стачки окончились столкновением с войсками. В мирную толпу рабочих стреляли, в результате чего 10 человек оказалось убитых и 10 раненых.

Баку также не отстал от Тифлиса и Батума. На ряду с Тифлисом бакинские соц.-демократы организовали майскую демонстрацию (21 апреля 1902 г.) с красными флагами, революционными песнями. Демонстрация вышла очень внушительная и удачная[2].

На ряду с рабочим движением на Кавказе растет и ширится крестьянское революционное движение. Сдавленное с двух сторон—остатками феодального режима, чем очень хорошо пользовалось местное грузинское дворянство, и самодержавным режимом, помогавшим дворянству,—крестьянство изнемогало от непосильных налогов и цен на землю. Оно молча стонало и молча вымирало, не видя исхода. Но вот и до грузинских крестьян доносятся слухи о движении русского крестьянства. Подбадриваемое соц.-демократической пропагандой, грузинское крестьянство поднимается, и вплоть до революции 1905 г. беспрерывно бунты и восстания охватывают всю Кутаисскую г., Мингрелию и Имеретию. В этом движении принимают участие десятки тысяч кре-

---

[1] «Искра», № 13.

[2] Об этой демонстрации см. Вано Стурца. «Воспоминания старого подпольника», стр. 48 и 49. «Двадцать пять лет бакинской организации большевиков». Баку, 1924 г., стр. 48—49. также № 22 «Искры», и Георгий Стурца. «Моя работа в подполье», в названном выше изд., стр. 109, 110 и 111.

стьян, и дело нередко доходит до вооруженного столкновения, пока, наконец, восстание не охватывает целые районы [1].

В течение 1902 года работа соц.-демократических организаций становится на более прочную почву: ведутся правильные кружковые занятия, распространяется литература («Искра», «Южный Рабочий», свои листки). Летом этого года возникает «Союз армянских соц.-демократов», выпускает свою программу, журнал («Пролетарий») и «Манифест». Революционная работа среди русских, грузин и армян углубляется и расширяется.

Новый 1903 год ознаменовался грандиозной демонстрацией в Тифлисе (23 февраля), когда почти все тифлисские рабочие (до 6 т. человек) двигались по Головинскому проспекту. Демонстрация окончилась избиением и вскоре за этим—большими арестами. В марте этого года в Баку и в Батуме произошли огромные демонстрации (2 и 9 числа); в Баку к демонстрации готовились с января, и она, несмотря на столкновение с казаками, вышла очень помпезной и удачной.

В апреле произошли очень грандиозные майские демонстрации в Баку, Балаханах, Тифлисе, несмотря на то, что теперь власти их ожидали, готовились и встречали демонстрантов дубинами дворников, нагайками казаков и винтовками солдат. Демонстрации, конечно, сопровождались однодневными забастовками с предъявлением политических и экономических требований.

«События, следовавшие за вторым марта—говорит корреспондент «Искры» по поводу майских демонстраций в Баку (см. № 41),—показали, как велико было значение мартовской демонстрации для местного движения. Ряды борющегося пролетариата заметно погустели, увеличились денежные средства комитета, организационная работа пошла более усиленным темпом. Вместе с тем, настроение рабочих поднялось настолько, что возникли крупные стачки даже среди малосознательных рабочих».

В обед 3 июля вспыхнула известная стачка в Баку [2].

---

[1] См., напр., «Искру» №№ 26, 28, 43 и др. В Кутаисской губ. в 1902 г. крестьяне убили 3-х князей, отказывались выполнять повинности (например, в селениях Ецерксос, Кулаши, Ганири, Чхениши и т. д.), самовольно забирали помещичьи земли; словом, делали то же, что и их братья—русские крестьяне.

[2] Об этой стачке, кроме «Искры» № 45, 46 и сл. см. также М. Ш. «Июльская стачка 1903 г. в Баку», стр. 58—79, сб. «Из прошлого». Статьи и воспоминания из истории бакинской организации и рабочего движения в Баку. Кооперативное изд. «Бакинский Рабочий». Баку, 1923 г.

Стали сначала заводы Нобеля, Ротшильда, Шибаева и т. д., затем стал весь Баку, Черный и Белый города, Биби-Эйбат, железнодорожное депо, и, наконец, стачка стала всеобщей.

«Восьмой день как в Баку, Балаханах, Черном и Белом городах бастуют рабочие, мастеровые, служащие, караульщики, дворники и даже городовые, железнодорожные мастерские, депо, кондуктора, машинисты, их помощники, конно-железная дорога и все служащие пароходов, типографщики, сотрудники газет, бастуют все мелкие мастерские. Словом, всеобщая забастовка: стоят все нефтяные промысла, шестой день не выходят газеты (а здесь три газеты), сапоги негде почистить, постройки домов приостановлены, конки в городе нет». Так описывает в № 45 «Искры» очевидец эту стачку.

«Даже жалкие из жалких,—добавляет другой очевидец там же,—амбалы, персы, метельщики городских улиц, мусорщики и ассенизаторы присоединяются к забастовке, заявляют свои требования, держат речи о том, что они не скоты и требуют лучших условий труда».

Эта всеобщая в полном смысле слова стачка в Баку не обошлась, конечно, без столкновения с полицией и даже рабочих друг с другом: приходилось снимать с работы отсталых товарищей, чаще всего мусульман; заливать и портить кочегарки и т. п. Но во все время стачки шли собрания, совещания, раздавались речи ораторов соц.-демократов, словом, в более широком масштабе повторялось то, что было в 1902 г. в Ростове-на-Дону.

Уже по этим стачкам—на Кавказе, в частности и на юге, вообще в течение всего 1903 года—видно было, что правительству массового рабочего движения не остановить, и совершенно правильно «Искра» в передовой статье 46 номера так расценивала эти стачки:

«После блестящих побед, одержанных германской соц.-демократией во время последних выборов в рейхстаге, самым крупным и самым замечательным явлением в жизни европейского пролетариата был ряд «всеобщих» стачек в разных городах российского юга».

Летом 1903 года, именно 12 июня, вышло распоряжение правительства об отобрании армянского церковного имущества в казну. И когда царские чиновники попытались провести это распоряжение в жизнь, поднялось все армянское население. В Баку, Тифлисе, Елисаветполе, Александрополе, Карсе, Шухе и в больших городах, и в мелких глухих углах—всюду народ с оружием в руках встал на защиту своих

прав: происходили стачки, кровавые столкновения, насилия войск над гражданами, и теперь даже мирные обыватели становились революционерами. Кавказский союз соц.-демократических организаций и другие революционные организации сразу увеличили свой престиж и значение в глазах всего кавказского населения, так как не было ни одного самого захудалого армянского местечка, куда бы не залетала революционная прокламация, где бы обыватель не видел во главе толпы в качестве руководителя революционера, разъяснявшего со своей социалистической точки зрения смысл происходивших событий.

Январь 1904 года начался демонстрацией на похоронах рабочего Топуриа в Тифлисе и экономическими стачками в Баку. Здесь забастовали на Биби-Эйбате в мастерских Шаховского товарищества, у Арафелова, на заводе Хатисова в Черном городе, на конно-железной дороге в Балаханах, в мастерских Биэринг и Раабе и на заводе фирмы «Вотан».

С февраля 1904 года на Кавказе начинаются антивоенные демонстрации и вообще движение против войны в ответ на те патриотические и шовинистические манифестации, которые организует правительство. Первой такой демонстрацией была демонстрация в Батуме, где 3 февраля рабочие с пением «Марсельезы» и «Дубинушки» разогнали патриотическую манифестацию. Такого же характера демонстрацию устроили учащиеся в Кутаисе. В Баку правительству сначала удалось организовать несколько патриотических манифестаций в пользу войны, но соц.-демократы быстро овладели движением, и уже к середине февраля патриотические манифестации прекратились в Баку.

С открытием военных действий наглеющая реакция распоясалась и к патриотическим демонстрациям прибавила наглые издевательства и глумление над мирными гражданами: в начале апреля в Тифлисе, при проводах высылаемых товарищей, на вокзале жандармы напали на провожающих, при чем девять человек получили тяжелые раны. Тем не менее, ни эти репрессии, ни война не останавливают стачечного движения. В апреле в Тифлисе происходит стачка на табачной фабрике Мирзабекьянца, в которую вмешивается полиция, предпринявшая аресты стачечников. В Баку тоже вспыхивают то там, то здесь небольшие забастовки, но в общем рабочие держатся выжидательно, так как начавшийся в связи с войной экономический кризис грозит им безработицей и голодом.

Уже из этого беглого очерка кавказского движения видно, что, начиная с 1900 года, Кавказ представлял к концу 1904 года кипящий революционный котел. Все там находилось в движении,—рабочие, недовольные невыносимой эксплоатацией капиталистов и поистине каторжным политическим режимом, крестьяне, придавленные помещичьим феодальным прессом, буржуазия, ставшая в оппозицию к правительству, затеявшему войну из своих империалистических целей и выгод царя, армянское духовенство, ограбленное государством, армяне, грузины, мусульмане, унижаемые в своих законных национальных чувствах, старики, молодые люди и даже дети, бастовавшие в своих гимназиях и семинариях в знак сочувствия революционному движению.

Был еще один фактор, сыгравший большую роль в событиях 1905 года на Кавказе,—это довольно сильная соц.-демократическая организация большевиков. Вот, что по этому поводу говорит т. Ф. Махарадзе: «В конце 1902 г. в Грузии уже имелись оформленные организации помимо Тифлиса: в Батуме, в Кутаисе, в Гурии, в Чиатурах, на станции Михайлово. Из других районов Закавказья в то время лишь в одном Баку существовала соц.-демократическая организация. Каждая из этих организаций работала на свой риск и страх и самостоятельно руководила работой. Разумеется, такая организация, как Тифлисская вначале безусловно играла руководящую роль, но тем не менее в интересах единства и планомерности работы объединение этих организаций в один центр являлось насущной необходимостью. С этой целью в начале 1903 г. в Тифлисе был созван первый съезд представителей всех существовавших тогда в Закавказьи организаций, на котором был создан «Союз кавказских соц.-демократических организаций» и выбран соответствующий руководящий орган. На этом съезде выяснилось, что никаких разногласий и расхождений в партии не существует, что все организации единодушно стоят на платформе «Искры». На второй общепартийный съезд [1], который произошел летом того же года, Кавказ делегировал трех делегатов: от Тифлиса—Топуридзе, от Батума—Ар. Зурабова [2] и от Баку—Кнуньянца. На съезде двое последних примкнули к большинству, лишь один Топуридзе голосовал с «меньшевиками», но он в данном случае решительно расходился

---

[1] На первом съезде в Минске с Кавказа никого не было.
[2] Зурабов впоследствии отошел от большевиков.

с делегировавшей его организацией, и это расхождение было так резко, что Топуридзе не мог даже вернуться обратно для доклада о съезде.

«После 2-го съезда, когда в партии наметился неминуемый раскол, и началась внутрипартийная борьба, принимавшая все более и более резкий характер, кавказский союз со всеми своими местными организациями совершенно определенно примыкал к большевистскому крылу РС-ДРП. Весьма характерно то, что даже такие лица, как Н. Рамишвили, Ар. Джапаридзе, Н. Хомерики и др., которые впоследствии сделались столпами меньшевизма и самыми яростными противниками большевизма, вплоть до начала 1905 г. были большевиками и проводили большевистскую линию»[1].

Только в конце 1904 и в начале 1905 годов Закавказье резко меняет фронт и довольно быстро одна организация за другой переходит к меньшевикам. В Баку еще в 1904 году создается сильная беспартийная формально, а по сути меньшевистская организация, но несмотря на это, массы, широкие рабочие массы, революционным огнем и своими выступлениями только подтверждают правильность большевистской тактики, идут за большевистским комитетом.

Вот почему в противоположность центральному русскому району, где даже громовые раскаты январских дней в Петербурге чуть-чуть всколыхнули обычное сонное течение жизни,—на Кавказе, как и в Варшаве, как и в Прибалтийском крае, январское движение петербургских рабочих нашло такой сочувственный отзвук и даже больше того—это движение непосредственно вытекло из революционных событий последних дней декабря 1904 г., стачки в Баку и революционного настроения по всему Кавказу. Вот почему прежде, чем перейти к описанию январских дней на Кавказе, необходимо остановиться на декабрьской бакинской стачке.

4. ДЕКАБРЬСКАЯ ЗАБАСТОВКА В БАКУ 1904 г.

Причины, вызывавшие революционное рабочее движение на Кавказе, не перестали, как это само собой разумеется, действовать и в декабре 1904 года.

---

[1] Ф. Махарадзе. «К истории компартии в Закавказьи» (по личным воспоминаниям). «25 лет борьбы за социализм». Хрестоматия по истории РКП. Тифлис, 1923 г., стр. 203—204.

Забастовки, окончившиеся прежде в общем неудачей рабочих, неминуемо должны были не сегодня, так завтра, вспыхнуть снова. И, действительно, 13 декабря забастовка на бакинских промыслах началась. Началу забастовки предшествовали длительные обсуждения в организации, когда и как начать и проводить ее[1].

История бакинской забастовки в декабре 1904 года теперь, благодаря воспоминаниям и работам участников движения, в общих чертах выяснена. Ко времени этой забастовки в Баку действовали следующие нелегальные организации: бакинский комитет РС-ДРП большевиков, «Союз балаханских и биби-эйбатских рабочих» Шендриковых, «Дашнакцутюн», мусульманские организации «Гуммет» и «Иттифаг», армянская соц.-демократическая организация, гинчакисты и соц.-революционеры. Из всего этого пестрого сожительства только три организации пользовались большим влиянием и имели значение—большевистский союз и дашнаки.

Соц.-революционеры представляли из себя небольшую, мало влиятельную группу, почти без связей с рабочими; гинчакисты тоже не пользовались влиянием и примыкали к меньшевикам; армянская соц.-демократическая организация тоже маловлиятельная солидаризировалась с большевиками; мусульманская организация «Гуммет», организованная большевиками же из бакинского комитета, действовала заодно с большевистским центром, а «Иттифаг» организация националистическая находилась в процессе организации.

Большим влиянием на армянских рабочих пользовалась организация дашнаков, имевших прочные и широкие связи среди масс и организовавших боевые группы и выступления. Бакинский комитет большевиков был сформирован А. М. Стопани, прибывшим весной 1904 года в Баку по директиве большевистского центра. В течение лета Стопани на основании директив члена ЦК—Л. Б. Красина раскассировал меньшевистский комитет и организовал прочное выдающееся ядро большевистского комитета сначала в составе,—А. Стопани (секретарем комитета), А. А. Бекзадян (Юрий), Окиншевич, Р. М., Ваня Фиолетов, а затем и новых товарищей,—А. Джапаридзе, Ц. С. Зеликсон-Бобровской, П. Монтина, М. Рохлина, К. Кунина, Вирновского и др. Энергичной работой этого состава были организованы районные комитеты, пропаган-

---

[1] См. «Искру» №№ 83 и др. дело Истор.-революц. архива. «О волнениях и стачках среди рабочих», 4-е делопр., № 4, ч. 4, 1904 г.

дистская и агитационная группы (А. И. Окиншевич, Л. Н. Бархатова, Е. А. Кучковская, Таратута, Парижер (Киров), О. А. Гофрид, В. С. Бобровский), хорошая подпольная типография (т.т. Агиот, Г. Стурца и др.).

«Союз балаханских и биби-эйбатских рабочих» был основан братьями Шендриковыми. Шендриковых было три брата—Лев, Глеб и Илья. Жена Ильи Шендрикова—Клавдия была также выдающейся работницей. Крупнейшим из них был, Илья, выдающийся оратор и демагог, как его рисуют все участники движения. Точно также все участники движения считают именно Илью Шендрикова руководителем забастовки 1904 года. Авторитетнейшее свидетельство покойного ныне В. П. Ногина, бывшего членом комиссии, разбиравшей вопрос о предательстве Шендрикова, с несомненностью установило факт сношений Шендриковых с Джунковским, бывшим в те времена чиновником особых поручений при кавказском генерал-губернаторе. Шендриков получил от Джунковского 30 тыс. руб. якобы для борьбы с безработицей, а на самом деле для нужд организации одного из заводов, которые входили в трудовую артель, устроенную Шендриковым. Во главе этой артели стоял Шендриков и несомненно эти тридцать серебренников и были ценой предательства, вследствие которого рабочее движение в декабре 1904 года пошло по экономическому руслу, как этого желало правительство и что «Союз балаханских и биби-эйбатских рабочих» был огромным орудием в руках правительства. Майское движение в Баку 1905 г., когда шендриковцы были против демонстрации, достаточно убедительно говорит об этом. Предательство Шендрикова несомненный факт (была найдена и копия письма Льва Шендрикова к Джунковскому), ушаковско-зубатовский характер организации Шендриковых вне сомнения, и тем не менее эта организация имела огромное значение в бакинском движении [1].

Начать с того, что по признанию официальной истории партийной организации в Баку «в конце 1904 года меньшевиков и шендриковцев насчитывалось от 2 до 3 тысяч человек, большевиков же было 200—300». Правда, к концу 1905 года и большевистская организация считала в своих рядах не менее 2 тысяч человек, но, по словам той же истории, «Шендриковцы фактически (до начала 1906 года)

---

[1] О предательстве Шедриковых см. Ногина «1906 год в Баку» сб. «25 лет бакинской организации», Баку, 1924 г. стр. 18—19.

ведут за собой бакинские рабочие массы в области их экономической борьбы»[1].

Об этом говорят и большевики, участники тогдашней большевистской организации. «Но, ведь, надо прямо сказать,—пишет А. Рохлин—что с конца 1904 и до начала 1906 г. шендриковцы фактически вели за собой бакинские массы, а мы, при всем нашем политическом влиянии, вынуждены были (по крайней мере, в области экономической борьбы) равняться по их фронту»[2].

А между тем большевистская организация пользовалась также большим влиянием и по составу была, пожалуй, одной из лучших организаций. Тот же автор воспоминаний А. Рохлин объясняет в чем тут дело:

«Наша бакинская большевистская организация, как это ни покажется парадоксальным, была лишь в малой степени политической организацией в том общем смысле, как это относится к организациям других крупных городов. Ведь, один только местный «национальный вопрос, проще говоря февральская и августовская турко-армянская резня, требовал от нас такой гибкости, такой степени знания местных условий, находчивости, такта, уменья лавировать, приспособляться, учитывать еле уловимое и обращать все на пользу революции! А эта волна требований—улучшение жилищных условий, больничной помощи, вознаграждение при увечьях, улучшение школьного, библиотечного дела, внешкольного образования и т. д. и т. п. требований, расширенных и углубленных позже, в 1907 г., но тогда уже было время другое и опыт был иной, а раньше до первой революции, в каком еще городе, кроме Баку, партийные организации конкретно занимались разрешением таких вопросов?

«Разумеется, мы занимались этими вопросами как бы нехотя, почти вынужденно и, пожалуй, плохо, гораздо хуже, чем меньшевики-шендриковцы, которые делали это дело вдохновенно, мастерски, которые в пылу приспособленчества чурались даже названия «соц.-демократическая организация», называя себя сперва «Союзом балаханских и бибиэйбатских рабочих», а после «Союзом бакинских рабочих»,

---

[1] «25 лет бакинской организации большевиков». Основные моменты развития бакинской организации. Коопер. изд. «Бакинский Рабочий», 1924 г., стр. 24.

[2] «25 лет бакинской организации большевиков». Баку, 1924 г., стр. 79.

и приспособились до... почти голой зубатовщины; где в ту пору, кроме как в Баку были такие меньшевики и где еще была столь удобная почва для процветания такого рода меньшевизма» [1].

В этих словах верно только два обстоятельства, что в Баку были своеобразные условия и что меньшевики были там особенные,—шендриковцы, ибо все остальное было и в других организациях,—и необходимость для соц.-демократов заниматься мелочами экономической борьбы (вспомним хотя бы жилищные условия в Орехове-Зуеве) и необходимость распутывать «национальный» вопрос, кстати сказать, никак не экономический только (вспомним хотя бы споры и столкновения между соц.-демократами по этому вопросу в Польше, в Прибалтике, в Западном крае, на юге России).

Дело не в этом, а в том, что по признанию таких авторитетных участников движения, как А. М. Стопани, который говорит, что большевики, будучи революционными марксистами, совершенно правильно стремились «подготовить всеобщую забастовку не только экономическую, но, одновременно, и политическую, согласуя этот момент с нашим партийным центром» [2].

Но, сремясь к этому, большевики «не учли одного важного обстоятельства и в этом, конечно, наша ошибка: мы недооценили авантюристской подлости меньшевиков и, в то же время, переоценили свои силы» [3].

Ошибка не только в недооценке и переоценке своих и чужих сил. Другой участник движения т. И. Голубев так объясняет неудачи большевиков: «В этот период революционное настроение росло неимоверно быстро, в рабочих массах назревала мысль о стачке, и, надо сказать откровенно, бакинский комитет не сумел учесть настроения рабочих масс, был застигнут врасплох и оказался неподготовленным к тому, чтобы сделать соответствующие выводы из всех предшествовавших событий: открытого сбора денег на вооружение, устройства ремесленниками революционных похорон и т. п. Происходило это потому, что мы продолжали вести свою работу академически, не спускаясь в тущу рабочих масс» [4].

---

[1] «25 лет бакинской организации большевиков». Баку, 1924 г., стр. 53, 78—79.

[2] Там же, стр. 78—79.

[3] Там же, та же стр.

[4] Иван Голубев. «Воспоминания о работе в Баку». В сб. «25 лет бакинской организации большевиков», Баку, 1924 г., стр. 163.

А Шендриков, по всеобщему признанию, несмотря на то, что он был и авантюрист и подкуплен властями и демагог, являлся кумиром рабочих. И это потому, что когда он был с рабочими он «выражал их интересы, зажигал их сердца, звал на борьбу с капиталистами за улучшение их положения»[1]. А так как, по признанию и другой участницы движения т. Бобровской, Шендриков предпочитал партийным собраниям и дискуссиям пребывание на рабочих собраниях и к тому же отличался выдающимися ораторскими талантами, неудивительно, что некоторые отсталые слои рабочих считали его вождем и не шли за нашим большевистским комитетом, составленным из перворазрядных работников-профессионалов.

Вот почему и могли происходить такие явления, как тот случай, когда большевистский бакинский комитет назначил во время декабрьской забастовки в одно из воскресений демонстрацию, а Шендриков фактически отменил, назначив митинг, куда и пришли все рабочие [2].

«Демагогия, ловкий подход к настроениям многотысячной, лишенной еще опыта пролетарской стихии, поддакивание неорганизованным проявлениям классовой борьбы,—все это делало Шендриковых «героями дня». Самая безучастность к политике, подчеркиваемая ими все время, делала их особенно популярными в глазах все еще не порвавшей связей своих с деревней массы. «Экономизм» Шендриковых, их интерес к вопросам сегодняшнего дня, к простым, реальным потребностям нефтяного пролетариата связывал «шендриковщину» с широчайшими массами и группами» [3].

«Как бы то ни было бакинскому комитету,—как говорит т. А. Стопани,—все же ничего не оставалось, как координировать свою тактику с ускоренно вызванной «Союзом балаханских рабочих» забастовкой, чтобы не нарушать единства рабочего фронта» [4].

В течение ноября шло обсуждение этого вопроса в организациях соц.-демократов, а также на сходках рабочих. Стачку начинать зимой, накануне праздников, было рискованно, но положение дел было таково, что, желали этого или

---

[1] Иван Голубев. «Воспоминания о работе в Баку». В сб. «25 лет бакинской организации большевиков», Баку, 1924 г. стр. 164.

[2] «25 лет бакинской организации большевиков», Баку, 1924 г. стр. 165.

[3] А. Кариняи. «Шендриковщина», сб. «25 лет бакинской организации большевиков», Баку, 1924 г., стр. 177—6.

[4] «Из прошлого». Коопер. изд. «Бакинский рабочий», 1924 г., стр. 15.

нет отдельные товарищи, масса рабочих вышла бы на борьбу сама,— начавшийся кризис грозил безработицей и новыми страданиями рабочих.

Обсуждение вопроса о забастовке с небольших организационных собраний было перенесено в широкую массу: 6 декабря в прокламации «Ко всем сознательным товарищам», напечатанной в «типографии балаханских и биби-эйбатских рабочих», шендриковцы обращались уже к десяткам тысяч своих товарищей.

«Всеобщая забастовка!—читаем мы в этом листке,—вот слова, которые огненными буквами врезались в сердца и умы наши... Всеобщая забастовка висит в воздухе. О ней всюду говорят. Забастуем и отомстим своим угнетателям, говорят рабочие.— Редкий момент. И мы, сознательные работники, теперь же должны дать себе ясный отчет, почему мы звали и зовем на всеобщую забастовку. В г. Баку она неизбежна. Этого не сознают только те, кто, как страус, прячет голову при приближении опасности».

Как бы ни относиться к шендриковцам, в интересах истины нужно отметить, что и в своей прокламации то ли под влиянием большевиков, то ли учитывая вообще необходимость таких мотивов, шендриковцы не обошли и политических моментов. (Впрочем к характеристике шендриковской организации мы ближе вернемся ниже).

Разъясняя далее неизбежность забастовки, прокламация заканчивается очень симптоматическим рассуждением о неизбежности в ближайшем будущем вооруженного восстания и необходимости, поэтому, подготовляться к нему. Авторы прокламации призывают к забастовке, против демонстрации, но они призывают рабочих к вооружению и говорят: «Цель наша—революция, забастовка—средство, и поэтому мы всех зовем к вооружению».

Без сомнения, прокламация призывала не к немедленному восстанию, но этот же мотив—неизбежность и близость восстания и революции—звучит и в прокламации соц.-революционеров. «С оружием в руках, товарищи, дайте жестокий отпор врагу всего русского народа—самодержавию. Долой царя! Да здравствует земский собор!»—так заканчивают свой листок соц.-революционеры.

Собрания рабочих продолжались и в декабре до самой забастовки. Наконец, 13-го забастовка началась по призыву организации. Организацией, руководившей стачкой, являлся стачечный комитет, в котором огромную роль играл Илья

Шендриков. Вернее будет сказать, что Илья Шендриков в забастовочном комитете никакой роли не играл, так как он, состоя его членом, почти не посещал его, а предпочитал все время проводить на собраниях рабочих и потому пользовался огромным влиянием на массы и что его влияние на массы отражалось, конечно, и на забастовочном комитете.

Забастовочный комитет состоял из большевиков Алеши Джапаридзе, А. М. Стопани и Вани Фиолетова, представителей «Союза балаханских и биби-эйбатских рабочих» Ильи и Льва Шендриковых и от партии «Гычак» Тиграна Арутюняна (ныне покойного), Овсена Тер-Вартаняна, Давида Тер-Даниеляна и М. Саркисяна (Минаса)[1].

Как видно из этого состава забастовочного комитета, руководство стачкой находилось в руках большевиков, но фактическое влияние на массы Шендрикова очень часто это руководство большевиков сводило к нулю.

Так, он, как это было упомянуто выше, фактически отменил назначенную бакинским комитетом демонстрацию; в другой раз, когда большевики хотели устроить мирную манифестацию, Шендриков призывал рабочих вооружиться и итти в город громить магазины; в самый момент почти уже достигнутого соглашения с капиталистами, Шендриков начал поджигать промысла, словом, делад все, что хотел, не считаясь почти с комитетом.

Забастовочный комитет предъявил капиталистам следующие 13 пунктов требования: 1) 8-часовой рабочий день; 2) при беспрерывной работе в три смены (бурение, эксплоатация скважин, керосино-загонщики); 3) гигиеничные квартиры—семейным—две комнаты, холостым—одну (или же квартирные деньги); 4) медицинская помощь за счет предпринимателя; 5) больные получают полудневную заработную плату; 6) летом должна быть кипяченая и охлажденная вода; 7) железные кровати вместо деревянных коек; 8) регулирование жалованья по цехам; 9) каждому рабочему, прослужившему один год, предоставляется месячный отпуск, с сохранением заработной платы; 10) школа для детей рабочих; 11) проездные; 12) уплата за забастовочные дни и 13) в случае расчета рабочего—предупреждение за две недели вперед или же уплата двухнедельного заработка.

---

[1] М. Саркисян (Минас). «25 лет бакинской организации большевиков», Баку, 1924 г., стр. 157.

Требования эти в более пространном и систематизированном виде были отпечатаны под заголовком «требования бакинских рабочих» и включали как экономические, та и политические пункты.

Очень картинно описывает начало стачки Бобровская: «Ярко запомнилось ночное заседание стачечного комитета в глубине двора какого-то причудливого татарского дома, в квартире рабочего из городского района. Во дворе, огороженном высоким забором, мы расставили вооруженных часовых. Полиции не поздоровилось бы, если бы ей вздумалось забраться к нам в эту ночь. На этом ночном заседании, где кроме членов стачечного комитета присутствовали почти все члены бакинского комитета и активные работники из районов, были окончательно сформулированы требования забастовщиков, как политические, так и экономические (ни рукавицы, ни фартуки не были нами забыты). Настроение в эту ночь было бодрое, приподнятое. Хорошо было там, в этой рабочей квартире, несмотря на духоту, от которой одному товарищу, представителю от кондукторов городской конки, даже дурно сделалось... Заседали всю ночь. Рано утром разошлись небольшими группами, чтобы не бросаться в глаза»...

«...В районе Черного города, за линией железной дороги, где расположены механические заводы, обслуживающие промысла, уже с утра царило большое оживление. Повсюду стоял народ и толковал о забастовке. Когда увидали нас, главным образом Георгия и Луку, которых все черногородские рабочие знали, как старожилов этого района, то обступили со всех сторон и очень интересовались выработанными требованиями. Настроение в районе было очень приподнятое. Одни только бабы брюзжали...»[1]. «Сегодня, в шесть часов утра, рабочие Балаханских нефтяных промыслов забастовали,— телеграфировал министру внутр. дел управляющий губернией Лилиев,— и повредив телефонную линию, приостановили ее действия на Биби-Эйбатских промыслах. Также началась забастовка и здесь. Рабочие промыслов, выпустив пар из паровиков, ушли...»[2].

Среди рабочих царило полное единодушие, и забастовка, раз начавшись, быстро охватила все промысла. Прежде всего

---

[1] «Записки рядового подпольщика» М., Гиз., 1922 г., ч. 1, стр. 71.
[2] См. указ. выше дело № 4, ч. 4, 1904 г. Делопр. 4-е Истор.-революц. арх за 1904 г.

остановилась «Электрическая сила»,—это сердце промыслов, а затем подхватили стачку рабочие «Каспийско-Черноморского нефтепромышленного общества», затем бросили работать у Нобеля и Манташева, и очень скоро работы остановились во всем Балахано-Сабунчинском районе, Биби-Эйбате и Белом городе.

Рабочие действовали ударными группами, которые, входя в завод, еще не остановивший работ, бросались в машинное и котельное отделения, останавливали машины, выпускали пар и, вместе с примкнувшими новыми товарищами, шли к следующим предприятиям и останавливали работы. Полиция тщетно пыталась остановить движение, рабочие вступали с нею в борьбу, и уже в первые дни забастовки рабочие вынуждены были стрелять в городовых, когда те пытались не пустить их на промысла Нобеля.

На другой день, т. е. 14 декабря, к промысловым рабочим присоединились типографщики и конка. 15 декабря газеты не вышли; 16 декабря забастовка захватила мастерские Восточного общества «Надежда», 17-го мастерские общ. «Кавказ и Меркурий», дока Дадашева и табачную фабрику Мирзабекьянц. В этот день столкновения с полицией стали серьезней: при остановке дока Дадашева и мастерских общ. «Кавказ и Меркурий» полиция пыталась помешать рабочим остановить работы, и потому рабочие, вступив в рукопашную с полицией, выломали ворота и все же работы остановили, хотя небольшое число рабочих полиции и удалось арестовать.

В течение всех этих дней в Балаханах и в Биби-Эйбате шли многочисленные сходки, на которых ораторы соц.-демократы и соц.-революционеры выступали с горячими речами. Сходки эти достигали нескольких тысяч человек, и полиция не в силах была их остановить, хотя все время с ее стороны делались попытки силой разогнать толпу и арестовать руководителей. На удары нагайки городовых и казаков рабочие отвечали камнями, палками, а иногда и револьверными выстрелами. Первое большое собрание произошло 14 декабря у горы С. Разина, второе—15 декабря у Солдатского базара (3 т. ч.), а затем собрания идут ежедневно до 24 декабря[1].

Жандармы и шпионы также старались во всю, и 18 декабря были арестованы две нелегальные типографии в самый момент печатания прокламаций. Это, однако, стачки не оста-

[1] См. брошюру «Бакинская стачка в дек. 1904 г.», Женева, 1905 г.

новило, и, хотя рабочие выбрали делегатов для переговоров с предпринимателями для обсуждения выдвинутых требований, сдаваться все же не думали.

18, 19 и 20 декабря происходили переговоры рабочих с капиталистами и этим последним быстрыми уступками удалось несколько дезорганизовать рабочих: 20 декабря начала работу конка и некоторые механические заводы. Переговоры рабочих с капиталистами по существу не дали существенных результатов, так как предприниматели не шли далее сокращения работ до 9½ часов в будни и 8½ под праздники. Тем не менее решено было вывесить объявления с приглашением приступить к работам 23 декабря.

Утром этого числа раздались свистки. Часть рабочих двинулась на работы, но подавляющее большинство рабочих не удовлетворялось полученными уступками. В результате этой несогласованности и провокации властей на промыслах и разыгралась кровавая драма, стоившая жизни нескольким рабочим.

Когда рабочие узнали, что их товарищи на промысле «Олеум» желают приступить к работам, толпа направилась туда. У промысла их уже ждала полицейская стража. Рабочие же были вооружены камнями и палками. В стражу полетели камни, зазвенели стекла, и толпа, действуя дубинками, быстро смяла стражу и обратила в бегство полицейских стражников, отняв при этом две винтовки[1]. Ободренная этим успехом толпа направилась к промыслу «Шихово» и остановила здесь работы. На помощь полицейской страже явилось подкрепление с уездным начальником во главе. Здесь рабочим пришлось уступить силе, и толпа их была рассеяна. Полиция действовала провокаторски, натравливая рабочих-мусульман против армян, грузин и лезгин, вследствие чего на промысле Мухтарова произошло столкновение уже рабочих с рабочими; в этом столкновении пострадало 20 человек; из них оказалось ранеными 9 армян, 8 лезгин и трое мусульман.

Такой оборот дела еще более разжег страсти мало дисциплинированной толпы: рабочие, еще бастовавшие, теперь уже образовали тысячную массу, вооруженную шестами и железными прутьями, которая двигалась по промыслам, снимала приступавших к работе, била стекла, останавливала машины и выгоняла всех из помещений.

---

[1] Истор.-революц. арх., 4-е делопр., дело № 4, ч. 4, 1904 г.

Власти распорядились эту грозную толпу, решительную и отчасти вооруженную (у многих рабочих были револьверы), рассеять во что бы то ни стало. На нее двинулись два казачьих разъезда с двух сторон с целью зажать в кольцо.

Но как только небольшой разъезд казаков зашел в тыл толпе, рабочие встретили его выстрелами и камнями: казаков разъединили и смяли в толпе. На помощь этим казакам двинулся второй разъезд, но оказался бессильным, так как не мог пустить в ход винтовок из опасения стрельбы по своим же, смешавшимся с рабочими. С величайшим трудом обоим разъездам удалось соединиться, да и то тогда, когда на помощь им подоспел третий разъезд уже под командой хорунжего Мачнева.

Результат решительного образа действий рабочих перед Мачневым был налицо: от камней и выстрелов пострадали четверо казаков.

Но хорунжий Мачнев вместо того, чтобы увести своих людей, продолжал напирать на толпу, желая ее рассеять. Рабочие отвечали камнями и выстрелами. Тогда Мачнев приказал дать залп, от которого трое рабочих оказались убитыми и пятеро ранеными. Раненых в действительности было, конечно, больше (человек до 30), так как большинство из них либо ускользнули из рук полиции, либо были унесены товарищами.

В течение стачки начался перелом, так как рабочие теперь уже встретились исключительно с вооруженной силой. Тогда рабочие прибегли к новому способу борьбы: Баку озарился заревом пожаров. В ночь на 25 декабря на промыслах начался пожар,— всю ночь горели вышки у Нобеля и у Московского товарищества. (Всего в эту ночь сгорело 22 вышки).

Власти на помощь местным войскам двинули вооруженную силу из Тифлиса, и к 30 декабря в Баку уже находились два батальона первой кавказской стрелковой бригады и две сотни Горско-Моздокского казачьего полка, всего 850 человек. Капиталисты располагали хорошо вооруженным войском, а у рабочих имелись только палки и ничтожное количество револьверов; но зарево пожаров попрежнему напоминало предпринимателям о грозной силе рабочих (всего во время забастовки горело 122 вышки), однако, рабочие вынуждены были забастовку кончать, удовлетворившись теми уступками, какие они вырвали у хозяев.

Бакинский губернатор в своем докладе министру внутренних дел вскрывает всю сущность поведения хозяев во

время этой стачки[1]: «Точно также первые дни и самые нефтепромышленники и заводчики недостаточно серьезно отнеслись к возникшей забастовке и не особенно торопились с изысканием средств к прекращению таковой.

«Быть может, такое отношение предпринимателей следует объяснить избытком на рынке продуктов производства и падением цен, но когда затем, благодаря забастовке, явилась потребность в продукте и цены стали повышаться, предприниматели, озабоченные положением вещей, собрались для совещания и решили предложить рабочим стать на работы на более выгодных и льготных условиях».

Верно в этих словах только одно, именно, что, переживая кризис, вызванный войной, нефтепромышленники не прочь были выбросить за ворота несколько тысяч рабочих. Когда же забастовка приняла грандиозные размеры и ударила их по карману, они вынуждены были разговаривать с рабочими представителями, о которых сначала не хотели и слушать.

Корреспондент «Искры» по этому поводу замечает: «Любопытная вообще метаморфоза: промышленникам приходится сказать «прости» своему обычному презрительному и высокомерному отношению к рабочим и признать в них *силу*, с представителями которой приходится вести мирную корректную беседу»[2].

Этот же корреспондент замечает с удовлетворением, что хозяевами была принята сочувственно также и идея промысловых судов.

В действительности это далеко не так. Вообще корреспондент «Искры» смотрит на предпринимателей через розовые очки, на самом же деле предприниматели очень туго шли на уступки. Еще 19 декабря они в своем ответе рабочим соглашались только на 9½-часовой рабочий день[3], а некоторые существеннейшие требования рабочих прямо отвергли, напр., прекращение работ 1 мая, учреждение промысловых судов, прием и увольнение рабочих с согласия рабочих же, страхование рабочих за счет предпринимателей, неувольнение за стачки и т. д.

---

[1] Истор.-революц. арх., 4-е делопр., дело № 4, ч. 4, 1904 г., л. 98.
[2] «Искра», № 83.
[3] См. дело Истор.-революц. арх., № 4, ч. 4, 1904 г., л. 100, ответ нефтепр.

Как видно из этого, далеко было до признания промысловых судов.

Кроме того, предприниматели пытались и иным путем сорвать стачку. Когда по требованию рабочих их представители 18 декабря явились в Балаханы, то рабочие предложили им договариваться не в уголках, вдали от рабочих, а на виду всего собрания пред огромной толпой. Конечно, предприниматели отказались от этого; они попытались спровоцировать рабочих. Собравши при помощи полиции наиболее отсталые элементы рабочих, они сорганизовали шествие в несколько сот человек, которые и направились под предводительством полицейских к митингу, где раздавались речи наших ораторов.

Полиция надеялась, что произойдет столкновение, и стачка расстроится. Организованные рабочие соц.-демократы, однако, разгадали этот замысел и, обратившись к пришедшим товарищам, разъяснили им замыслы их врагов; очень скоро враждебно настроенная толпа присоединилась к митингу, а полицейские чины позорно бежали. Другая попытка, исходившая из среды армян—собрать отдельно рабочих этой национальности, также окончилась неудачей, и рабочие Баку—без различия веры и национальности—действовали одной единодушной массой. Таким образом, предпринимателям волей-неволей пришлось итти к рабочим и договариваться с ними.

В результате рабочие добились огромных уступок: в конце концов, под давлением увеличивающегося спроса на нефть, солидарности бастовавших и зарева от горевших вышек, нефтепромышленники согласились на введение 9-часового рабочего дня в будни и 8-часового в кануны праздников.

Это было большое завоевание, не говоря уже о том, что рабочим удалось добиться и повышения заработной платы и кое-каких мелких улучшений.

Вот главнейшие завоевания этой стачки:

1) Введен 9-часовой рабочий день; 2) свободный день в неделю (правда, без выдачи платы за один день); 3) 4-дневный отдых в течение месяца; 4) под праздники 8-часовой рабочий день; 5) отмена сверхурочных работ; 6) ночная смена с 8-часовым рабочим днем; 7) введение трех смен для буровых партий; 8) введение трех смен для тартальщиков, ведерщиков, кочегаров и масленщиков; 9) повышение заработной платы для:

Буровых партий (в месяц)	20 р.	вместо	18 р.
Тартальщиков „	21 „	„	17 „
Ведерщиков „	18 „	„	15 „
Кочегаров „	22 „	„	19 „
Масленщиков „	21 „	„	18 „
Чернорабочих „	20 „	„	18 „
Молотобойцев (в день)	1 „ 20 к.	„	80—90 к.
Учеников „	40 „	„	20 „

10) выдача заработной платы в течение 3 мес. за время болезни; 11) оплата прогулов, происходящих по вине предприятия; 12) повышение квартирной платы в Балаханах:

Мастеровым семейным	13 р.	вместо	8—7 р.
„ одиноким	7 „	„	4—3 „
Молотобойцам семейным	6 „	„	3 „
„ одиноким	3 „	„	1½ „
В Черном и Белом городе			
мастеровым семейным	8 „	„	6 „
„ одиноким	4 „	„	2—3 „

13) выдача рабочим бесплатно с доставкой на дом мазута, нефти, воды и керосина (1 п. для семейных и ½ п. для одиноких); 14) бесплатная баня еженедельно; 15) отмена обысков; 16) вывешивание объявлений для ищущих работы, чем уничтожался произвол управляющих и заведующих при приеме; 17) замена отрядных и подрядных работ артельными; 18) выдача заработной платы за забастовку: полной за месяц семейным и за полмесяца одиноким[1].

1 января все промыслы приступили к бурению 2-го—начали работать некоторые механические мастерские, а 3-го начальство с чувством облегчения телеграфировало в столицу царю, что Баку принял свой обычный вид рабочего муравейника.

В высшей степени интересной чертой декабрьской бакинской стачки является прямое вмешательство высших властей в эту стачку. Забеспокоилось, как это ни странно, даже министерство земледелия: нефтепромышленники обратились именно туда с просьбой о помощи, а министр земледелия, как хозяин недр земных, стал оказывать давление на министерство внутренних дел. Этот же последний обратился за помощью... к военной силе.

---

[1] См. указанное выше дело Истор.-революц. арх. и проклам. об этом в архиве ЦК ВКП (б), в Институте В. И. Ленина.

«Министр земледелия,—телеграфировал в министр. внутр. дел помощнику главноначальствующего на Кавказе,—в виду ходатайства бакинских нефтепромышленников просит оказать содействие охране жизни мирных рабочих, служащих и имущества заводчиков. Сообщаю на зависящее распоряжение»[1].

Нечего говорить уже о министерстве финансов. Министр финансов даже царю докладывал о том, как вредно действует на рабочих излишняя уступчивость предпринимателей. По этому поводу исполн. обяз. главноначальствующего на Кавказе генерал-лейтенант Малама писал в своем докладе министру внутренних дел:

«...я признал нужным подробно ознакомиться с обстоятельствами дела на месте, для чего 2 января я выехал в гор. Баку, где мною была получена шифрованная телеграмма министра финансов, из которой, между прочим, усматривается, что проявленная нефтепромышленниками уступчивость, последовавшая под давлением угроз со стороны рабочих, обратила на себя внимание его императорского величества, так как уступчивость эта может отразиться чрезвычайно неблагоприятными последствиями на других фабрично-заводских районах»[2].

Так, мол, это и случилось,—рассуждает генерал Малама,—а потому рабочих нужно скрутить, а хозяевам указать, что без одобрения губернатора никаких уступок рабочим делать не следует.

Таким образом, против голодных, обнищалых, безоружных, сильных только своей солидарностью бакинских рабочих объединились: полиция, капиталисты, жандармы, войска, министры внутренних дел, финансов и земледелия и даже сам царь.

И все же бакинские рабочие, в лице их руководителей соц.-демократов, имели право поздравить себя с победой, как это они сделали в своей прокламации, которой призывали окончить забастовку.

«Товарищи рабочие! поздравим себя с победой! Капиталисты уступили нашим последним требованиям и организация рабочих прекращает забастовку». Разъясняя далее огромное значение рабочей соц.-демократической организации, прокламация заканчивается так:

---

[1] В том же архивном деле, лист 109. См. также переписку министров в деле № 4, ч. 4, за 1905 г., по Тифл. губ. лл. 1—6.

[2] Истор.-революц. арх., 4-е делопр., дело № 4, ч. 4, 1904 г.

Примечание. «На работу необходимо стать в трехдневный срок. 31 декабря—первый день срока, а 6 часов утра 3 января—последний день. Воскресенье—2 января—день нашего завоеванного отдыха. Да здравствует наша рабочая организация, товарищи! Долой правительство!» [1].

Какой-то поэт, повидимому, тоже рабочий, по случаю победы, одержанной бакинским пролетариатом, обратился к бакинским товарищам со стихотворением, напечатанном, разумеется, в подпольной типографии.

Рабочая муза бакинцев, поздравляя борцов с новым годом, сулила им победу:

Но нет, друзья, год этот новый
С собой победу нам несет
Несет борьба нам час свободный,
Смелей, смелей, друзья, вперед!
Нам не страшны городовые,
Не страшны ссылка и тюрьма.
Кипят в нас силы молодые,
Нам смерть не может быть страшна!

С запасом такой веры, силы, мужества, смелости и надежд, казалось, можно было бесстрашно встречать новый наступающий революционный 1905 год.

5. ТИФЛИС В ЯНВАРЕ 1905 ГОДА.

В Баку шла ожесточенная борьба пролетариата с капиталистами и правительством, а тифлисские меньшевики проводили в жизнь свою знаменитую банкетную кампанию «Искры».

Накануне нового года, 31 декабря, меньшевики приняли участие в банкете, устроенном местной буржуазией. Соц.-демократические ораторы препирались с либералами, не желавшими дать слова представителям рабочих. Наконец, слово это было получено, и соц.-демократам удалось провести свою резолюцию [2].

А между тем, по сообщению меньшевистских корреспондентов в «Искру» [3], настроение тифлисских рабочих было

---

[1] См. прокл. «Балаханских и биби-эйбатских рабочих» от 31 дек. 1904 года.

[2] См. об этом в № 86 «Искры».

[3] «Искра», № 85.

21*

далеко не таким, чтобы мирно выжидать у дверей городских дум разрешения, когда либералы позволят им войти в помещение. Рабочий Тифлис кипел. Об этом свидетельствуют сообщения о тех митингах или, вернее, демонстрациях, какие произошли 20 декабря в 12 часов дня вблизи железнодорожных мастерских. Там собралась тысячная толпа. Соц.-демократический оратор не успел даже закончить своей речи, так как рабочие, услышав его возглас: «долой самодержавие», который вовсе не обозначал конца речи, приняли это за призыв к демонстрации и двинулись с пением «Марсельезы» и с криками «Долой самодержавие! Да здравствует демократическая республика!» и т. п. по полотну железной дороги, прошли минут 15 и возвратились обратно.

Митинги удалось устроить в этот день еще в заводе Яралова, перед «Тов. грузинского издательства», а прокламациями заполнили решительно все заводы, фабрики и мастерские.

Настроение рабочих вообще было напряженное, усилившееся еще и под влиянием известий из Баку. Вопрос о забастовке был у всех на устах и обсуждался организациями. Причин же для забастовки было сколько угодно. Стоит только посмотреть те требования, какие были предъявлены тифлисским комитетом во время январской забастовки от имени всех рабочих, чтобы убедиться в том, что экономические причины, прежде всего, толкали рабочих на революционные выступления.

Оставляя в стороне требование 8-часового рабочего дня, как требование общего характера в области экономики, остановимся на других требованиях, выдвинутых тифлисскими соц.-демократами. Мы находим здесь: уничтожение сверхурочных работ, уничтожение сдельных и поштучных работ, уничтожение работы вне мастерских (для портных, столяров и вообще рабочих мелких мастерских). Далее идут такие требования, как полное воспрещение дарового труда учеников, выдача жалованья два раза в месяц, уничтожение выговоров и штрафов, устройство больницы для заводских рабочих, подача медицинской помощи на дому, улучшение питьевой воды, устройство бань, отмена обысков, отмена «добровольных» пожертвований на войну.

Уже из этого (далеко неполного) перечня требований тифлисских рабочих видно, в каких ужасающих условиях они жили, если им в начале XX века приходилось требовать

не только отмены сверхурочных работ, но и подачи врачебной помощи на дому и улучшения питьевой воды!

Рассматривая требования, например, портных, мы и здесь находим то же самое отсутствие примитивных, минимальных условий человеческого существования. Портные требовали: начинать работу с 8 час. утра, подметать мастерские во время отсутствия рабочих, устройство отдельных помещений для нагревания утюгов, выдачи жалованья два раза в месяц, отмена штрафов, 6-часовой рабочий день для учеников и отмена их работы в праздники.

Рабочие папиросных фабрик требовали, между прочим, устройства отдельной чистой комнаты для обеда и приготовления кипятка для чая.

Даже самый заклятый враг рабочего класса поймет, что все только что перечисленные требования не только не заключают ничего революционного, но являются условиями, без которых нормально работать и жить нельзя. Требования тифлисских рабочих в области заработной платы также были более, чем скромны. Вот эти требования: прибавка жалованья: а) для железнодорожных рабочих: для получающих меньше рубля—50 коп., для получающих от 1 руб. до 1 руб. 50 коп. — 40 коп. и свыше 1 руб. 50 коп. — 30 коп.; б) для типографщиков: по 3 руб. два раза в год для зарабатывающих до 40 руб., а для зарабатывающих свыше 40 руб.— 3 руб. один раз в год; в) для остальных фабрик и заводов: 25% для получающих до 1 руб. и 15% для получающих свыше рубля.

Судя по этим требованиям, заработки тифлисских рабочих нужно считать, действительно, жалкими: 40 рублей, это пожалуй, заработная плата квалифицированных рабочих, так как выше этой платы, очевидно, добивались только единицы. Правда, тифлисские наборщики выдвинули еще и такие требования: один свободный день в неделю, освобождение дежурных, которые остаются в типографии до 6—7 час. утра и весь следующий день и увеличение числа наборщиков; правда, они еще забастовками 1903 и 1904 годов добились 9-часового рабочего дня, но если принять во внимание необыкновенно опасные для здоровья работы в типографиях, то и эти требования являются самыми нормальными, обеспечивающими мало-мальски сносные условия труда.

Вчитываясь в эти требования, представляя себе отсутствие таких необходимых условий жизни, как кипяток для чая, зная, что тысячи рабочих—наборщиков, железнодорож-

ников, табачников—должны были работать за нищенскую плату в чаду, в копоти, должны были есть и пить там же, где лежал табак, где носилась свинцовая пыль; зная все это, понимаешь, что двигало рабочими, когда они так дружно ответили на выступление петербургских рабочих.

Ясно, почему тифлисские рабочие, как только до них дошли вести о петербургских событиях, сейчас же откликнулись на призыв соц.-демократической организации. Еще за несколько дней до забастовки возбужденное настроение царило среди всех слоев населения.

«Завтра мы начинаем общую стачку и митинги. Настроение прекрасное. Полиции известно все. Железнодорожные мастерские были сегодня переполнены войском и жандармами; приняты все меры к тому, чтобы не произошло столкновений, но это едва ли удастся. Народ здесь очень возбужден. Между ними ведется такая же агитация и кружковая пропаганда, как и среди рабочих... Все ждут с нетерпением завтрашнего дня, как будто готовятся к празднику»[1].

18 января в Тифлисе началась по призыву организации всеобщая политическая и экономическая забастовка. Уже с 17 января власти энергично подготовлялись к подавлению забастовки, и войска были приведены в боевой порядок, но ничего не помогло, и 18 января утром началась забастовка железнодорожных рабочих. Рабочие бросили работы и с криками: «Долой самодержавие!» бросились к вокзалу с намерением снять с работ стрелочников и сцепщиков. Рабочим преградили путь две роты пехоты. Рабочие отступили. Движение, однако, и без содействия железнодорожников быстро распространялось по городу: остановились все механические заводы и типографии. Попытка остановить казенную типографию не увенчалась успехом, так как здание типографии охранялось войсками.

Прокламация тифлисск. комитета кавказского союза РС-ДРП призывала тифлисский пролетариат поддержать петербургских рабочих и добиваться своих, чисто экономических, требований. Рисуя немного преувеличенными красками январские дни в столице, комитет звал рабочих на решительную и окончательную борьбу с самодержавием.

«Смелее же вперед, товарищи! Наши петербургские братья строят уже баррикады—мы должны их поддержать. Выйдем же на митинги и демонстрации, провозгласим смерть ти-

---

[1] «Искра», № 86.

ранам, смерть самодержавию! Долой самодержавие! Да здравствует революция! Да здравствует демократическая республика! Да здравствует российская и международная соц.-демократия!».

В другой прокламации, тоже политического характера, переживаемый момент оценивался уже, как момент наступления революции: «Привет вам, товарищи!—так начинался этот листок.—Да здравствует русская революция! Да здравствует пролетариат, борющийся за новую жизнь! Товарищи, звезда свободы уже освещает нас, маня к себе с непреодолимой силой! Идем же, товарищи, туда, где нас ждет обновленная жизнь».

Приглашая рабочих к сознательности и организованности, прокламация звала рабочих на митинги и демонстрации. Кроме этих прокламаций, были выпущены еще специальные листки с изложением экономических требований рабочих (мы уже приводили выше эти требования); помимо этого, ежедневно в течение всей забастовки выходили листки за листками и распространялись тысячами.

19 января остановилась табачная фабрика Адельханова, за нею стала фабрика «Мир» и бросили работу все приказчики и служащие караван-сарая Тамашовых. Число бастующих уже подходило к 10 тыс. человек. В то же время начались демонстрации и митинги. В час дня была устроена у караван-сарая демонстрация, быстро рассеянная войсками; затем началась демонстрация на Авлабаре и, наконец, в Дидубе, на Батумской площади, где толпа достигла двух тысяч человек. Но все эти попытки собраться были парализованы войсками. В этот день столкновений еще не было; однако, уже на другой день, 20 января, настроение рабочих и вообще толпы, разгоняемой солдатами, поднялось, и на окраинах города начались попытки сооружения баррикад: толпа пыталась опрокидывать вагоны конки и около них, как опорных пунктов, строить баррикаду. Солдатский патруль бросился разгонять толпу, но был тотчас же смят, при чем один солдат получил небольшие ранения. Подоспевший на помощь солдатам взвод драгун рассеял толпу, избивая ее шашками. Попытка рабочих устроить демонстрацию также не удалась, но зато в этот день к забастовке примкнули рабочие табачной фабрики Бозарджианц и мыловаренных заводов Толле, Таирова и Алиханова.

В течение 21 и 22 января стачка ширилась и крепла, несмотря на попытку властей при помощи 200 отчасти

штрейкбрехеров, отчасти загнанных силой под охраной войск, пустить в ход мастерские Закавказской жел. дор.

23 января приходилось на воскресенье, и в этот день движение достигло своего кульминационного пункта. Еще с утра огромная толпа (более чем три тысячи одних рабочих) наполнила буквально все улицы в районе Эриванской площади, Солдатского базара и Головинского проспекта. Рабочие густыми колоннами двигались по проспекту, раздавались революционные песни, крики, шутки и смех. Полиция и войска держали себя сдержанно. Но вот в 12½ часов, вдруг из Театрального переулка показалась толпа человек в 200. В центре ее колыхалось ярко-красное знамя; раздались могучие звуки «Марсельезы», посыпались на толпу прокламации, и очень быстро к манифестантам примкнули массы рабочих и публики, находившихся на проспекте.

Тотчас же на демонстрантов бросились полиция, казаки и дворники, вооруженные дубинами. Войска и полиция действовали шашками и нагайками, дворники—дубинами; рабочие отвечали выстрелами из револьверов и ударами камней и палок. Началось форменное сражение. Городовые стреляли в рабочих, те отвечали им тем же. Но подоспевшие казаки дали перевес полиции, и демонстранты, подбирая своих раненых, начали отступление. Теперь уже началось ничем не оправдываемое избиение ни в чем неповинных людей; особенно беспощадно действовали дворники своими дубинами: одну женщину они избили до полусмерти. Отступающая толпа вновь скопилась на Барятинской улице и здесь, под давлением наседающего противника, бросилась на какой-то постоялый двор. Казаки окружили двор, но засевшим там все же удалось ускользнуть и быстро разбежаться в разные стороны. Теперь полиция, дворники и казаки принялись за избиение публики: за проходящими и бегущими людьми гнались конные казаки и городовые и избивали их; пытавшихся укрыться в домах встречали дворники и избивали дубинами; били и женщин и детей.

Даже жандармский полковник не отрицает всех этих фактов. В своем донесении[1] в департамент полиции он выражается по этому поводу очень определенно: «...бежавшие с Головинского проспекта бросились в прилегавшие дома, куда за ними гнались, вместе с полицией, дворники и казаки, при чем многие были побиты по недоразумению...»

---

[1] Истор.-революц. арх., 4-е делопр., дело № 4, ч. 4, л. 38, 1905 г.

Эта демонстрация дорого обошлась тифлисским рабочим: Инцкирвели был тяжело ранен пулями в грудь, голову и живот; Георгадзе, Асамбадзе и Читашвили получили опасные сабельные раны, а тридцать человек—ранения менее тяжкие. Но цифры пострадавших властями, без сомнения, уменьшены, так как, по их собственным донесениям, много пострадавших не явилось на перевязку. Правительственные потери были незначительны: тяжело оказался ранен один городовой пулевыми ранами, полицейский-стражник и пять городовых получили легкие ранения. В виде трофея в руках правительства оказалось два мешка прокламаций.

На другой день, 24 января, забастовала бойня, а 25 и 27 к забастовке примкнули фармацевты. 24 же присоединились к движению и учащиеся средних учебных заведений. Забастовка началась во второй гимназии; 25—забастовало городское Николаевское училище, а 20 и 27—первая и третья гимназии, 28—присоединились и реалисты. Учащиеся с шумом бросали занятия, толпой выходили на улицы, устраивали шествия и примыкали очень часто к рабочим. 30 января учащиеся организовали демонстрацию на Кукийском кладбище во время похорон ученицы профессионального училища Нины Голиашвили, при чем здесь дело окончилось схваткой с городовыми, с выстрелами и нагайками. Один из демонстрантов Иосиф Гегачишвили был смертельно избит плетьми.

Эта демонстрация и была последней вспышкой протеста и недовольства. Уже на другой день, 31 января, наступило заметное успокоение, а 1 февраля и железнодорожные мастерские, и фабрики, и заводы приступили к работе. Вышли газеты не выходившие с 18 января, и город принял свой обычный вид.

Само собой разумеется, что жандармерия в течение всех этих тринадцати дней производила аресты и заполняла тюрьмы.

6. КАВКАЗСКАЯ ПРОВИНЦИЯ В ЯНВАРЕ 1905 ГОДА (БАКУ, БАТУМ, СУХУМ, КУТАИС И ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА)

Тифлисские события послужили как бы сигналом ко всеобщему движению на Кавказе в знак солидарности с выступлением петербургских рабочих. На призыв тифлисских рабочих откликнулись рабочие буквально всех промышленных центров Кавказа, и даже самые мирные уголки, дотоле спав-

шие беспробудным сном, вдруг проснулись и примкнули к движению: Батум, Сухум, Кутаис, Чиатуры, вся железнодорожная линия и даже некоторые кавказские деревни пришли в движение и заволновались. Только Баку ответил сравнительно слабым движением на январские дни,— слишком много сил потребовала от бакинского пролетариата декабрьская стачка 1904 г. В Баку лишь к концу января в знак солидарности с петербургскими рабочими забастовали рабочие типографий и двух механических заводов[1].

Зато в других городах движение разлилось широкой волной и окрасилось в ярко-красный политический цвет.

В Батуме забастовка началась, как и в Тифлисе, 17 января.

Рабочие грузчики бросили работу первыми. Выделив толпу человек в 150, они разошлись по домам, а эта ударная группа направилась на пристань «Русское общество пароходства и торговли» и сняла с работ артельных рабочих-грузчиков. Точно также были сняты с работ и грузчики «Российского общества». Движение это было согласовано с забастовкой на железных дорогах. Еще 16 января на ст. Рион забастовали буфетные служащие, а 18 января примкнули к забастовке конторщики и весовщики железной дороги и извозчики, покинувшие биржу по требованию бастовавших рабочих. 19 января уже не работали путевые сторожа от Батума до Самтреди. 20-го бросили работу и таможенные досмотрщики. 21 января забастовка охватила всю железную дорогу до ст. Самтреди[2]. Забастовка на железной дороге, впрочем, началась еще 11 января: в этот день бросили работы рабочие ст. Ново-Секаки; 14 января—рабочие станции Квалони, а 18 января бросили работы все ремонтные рабочие от Батума до ст. Саджевах (на 90 в.); 20 января уже бастовала линия от Батума до Самтреди (98½ в.), бастовали станции Квирилы и Поти. На другой день на станции Самтреди движение вылилось в грандиозную демонстрацию. Утром толпа рабочих человек в триста с криками и пением подошла к станции и сняла с работ всех стрелочников, сцепщиков и составителей поездов, а также весовщиков, конторщиков и телефонистов. Увеличивающаяся таким образом тысяч до трех толпа, двинулась в селение Самтреди. Здесь к рабочим прикнули все жители селения, и забастовщики вор-

---

[1] Истор.-революц. арх., 4-е делопр., дело № 4, ч. 4, 1905 г.

[2] Истор.-революц. арх., 4-е делопр., дело 4, ч. 8, 3 и 26, 1905 г.

вались в квартиры начальника депо и его помощника, а ревизора движения и всех оставшихся телеграфистов увели с собою. На станции Поти к забастовке примкнули железнодорожные рабочие, а 22 января на ст. Квалони, Абагиа, Чалодиди (Потийской ветви), Нигонти, Саджевахо и Копитнари (главной линии) забастовали все стрелочники и путевые сторожа, бросили работы и рабочие марганцевых копей; 23-го остановили работы машинисты маневровых паровозов, и те стояли на путях холодными; в этот же день бросили работы стрелочники и путевые сторожа ст. Нотанеби, Нигоити и Мухиани, а на ст. Кутаис побросали свои машины механики и кочегары. В течение 24 и 25 января, забастовка охватила Квирилы, Шорапани, Чиатуры и Тквибульские каменноугольные копи. Даже такой тихий городок, как Сухум, проснулся от своей южной спячки. В начале февраля и здесь начали шевелиться. Испуганный Малама телеграфировал министру внутренних дел, что в Сухуме чуть ли не революция: «получены сведения, в Сухуме полная забастовка, беспорядки, угрозы насилием, вооруженные столкновения с полицией, забастовщики требуют освобождения за прежние беспорядки» и т. д.[1].

Дело было в действительности не так уж страшно, как рисовал министру генерал, или, вернее, как хотели нарисовать местные преступные власти. Сухумское движение было подготовлено заранее. На сходке за городом недели за две до забастовки, собралось человек 300 рабочих, приказчиков, грузчиков, и приезжий соц.-демократ на грузинском языке разъяснил значение переживаемых событий. Забастовку начали приказчики, выставившие требования воскресного отдыха и торговли в будни от 7 ч. утра до 9 ч. вечера.

Однако, и это скромное движение вызвало столкновение с полицией, которая напала на толпу рабочих и служащих. Безоружные люди были окружены вооруженными городовыми и казаками, которые пустили в ход пули и шашки. Рабочие и приказчики отвечали камнями и револьверными выстрелами. В результате один грузин был убит и 10 человек получили пулевые раны (один городовой был тоже ранен). Это до такой степени возмутило всех граждан города, что на другой день к приказчикам присоединились и хозяева: лавки закрылись и на базаре прекратилась торговля, так что нигде не продавался даже хлеб. Забастовавшие предъявили

---

[1] Истор.-революц. арх., 4-е делопр., дело № 4, ч. 8, 1905 г.

требования освободить арестованных, уволить убийцу-пристава и выдать труп убитого рабочего.

Перед тюрьмой собралась огромная толпа, а похороны убитого революционера превратили в самую яркую политическую демонстрацию: гроб несли товарищи покойного, а у могилы была произнесена революционная речь по-грузински.

Этим актом сухумское движение и закончилось.

Таков внешний ход забастовки, но она изобиловала в высшей степени драматическими эпизодами и красочными моментами. Прежде всего необходимо сказать, что она была начата по призыву соц.-демократической организации кавказского союза РС-ДРП, в частности, в Батуме—батумского комитета РС-ДРП, выпущенной по этому специальному поводу прокламацией батумский комитет призывал рабочих поддержать требования—прекращения войны, созыва учредительного собрания, свержения сомодержавия и установления демократической республики.

Очень красочно описана батумская забастовка в корреспонденции нашей газеты «Вперед» (№ 10):

«20-го в 9 часов утра, как было условлено, забастовали все заводы; рабочие вышли из мастерских с криками: «Долой самодержавие!» и собрались во дворах заводов, где им объяснили цель и значение настоящей забастовки, при чем советовали избегать столкновения с полицией и войсками, дабы не вызвать напрасного кровопролития. Рабочие с пением «Марсельезы» двинулись из заводов и расходились по домам, так что город на первое время совершенно замер; это вызвало со стороны опричников такую ярость, что они напустили казаков и стали избивать всех прохожих: турок, армян, греков, словом—всех без исключения, при чем проявляли неслыханное варварство: били прикладами, нагайками, кулаками, ногами, топтали лошадьми. Одного избитого прохожего привязали веревкой к лошади и волокли в участок, при чем два других казака схватили за руки и мчались таким образом в участок, а третий казак скакал сзади и хлестал его плетью. Третьего, убегающего от казаков, дворник выстрелом из берданки в грудь убил, а настигнувшие казаки стали хлестать бьющийся в конвульсиях труп. Когда не было кого бить на улицах, казаки врывались во дворы, вытаскивали из квартир и избивали. Полицейские, дворники и солдаты ломали замки, растворяли лавки и магазины и ставили возле них часовых. К вечеру казаки, дворники и солдаты были поголовно пьяны».

Такую же мрачную картину рисуют и бюллетени батумского комитета. «Пятый день бастует рабочий Батум. Пятый день на улицах города и в жилищах бесчинствуют казаки. Вот уже две ночи псы самодержавия врываются в квартиры рабочих, требуют денег и если рабочий отказывает, учиняют разгром и грабеж жилищ... ...прохожих попрежнему останавливают на улицах, грубо обыскивают и иногда грабят. Производятся аресты: отправлено в тюрьму 18 рабочих; пять гимназистов выпущено, избитый Закарадзе лежит в больнице, 27-го стражники на Артвинской улице расстреливали красные флаги на телеграфных проволоках; при этом ранен один старик в палец. 27-го город вымер; улицы пустынны, все магазины, несмотря на старания полиции, заперты».

Забастовка действительно была всеобщая, бастовали даже средне-учебные заведения, не выходила газета «Черноморский Вестник» (ее рабочие бойкотировали и заставили, в конце концов, закрыться); бастовала даже буржуазия, но, как видно из только что приведенных корреспонденций, здесь в Батуме господами положения были войска и полиция. Однако, забастовка закончилась, как и началась, по призыву соц.-демократического комитета 31 января.

Зато в других пунктах рабочие вполне господствовали в эти дни январского движения. Мы уже говорили о Самтреди. В Чиатурах рабочие устроили демонстрацию. Толпа тысячи в полторы, с тремя флагами, песнями и выстрелами, долго ходила по местечку, ораторы говорили речи на политические темы. В Кутаисе тоже полная забастовка протекала с успехом и без жертв; бастовали все вплоть до приказчиков и гимназистов; была устроена удачная демонстрация с красными флагами, песнями. В общем, все же правительство растерялось, особенно беспомощно власти чувствовали себя на железной дороге. В Батуме в депо работали солдаты железнодорожного батальона. Но и это не помогало, так как вследствие забастовки линейных служащих и порчи пути нельзя было отправлять поездов с войсками. Так, поезд, отправленный с войсками, застрял в пути между ст. Самтреди и Шаропань: только после исправления пути он кое-как добрался до Шаропани. Пассажирские поезда не отошли просто потому, что поездная прислуга отказалась ехать. Товарное движение прекратилось совсем, и станция Самтреди была забита подвижным составом и груженными поездами, а воинский поезд, следовавший в Батум с солдатами Куринского полка, сошел с рельс. Солдаты вынуж-

дены были итти пешком и только через несколько часов с трудом и задержками попали в Батум. Забастовка захватила и ст. Елизаветполь: 200 человек рабочих депо бросили работы, сняли с постов всех агентов движения и тяги и только введение на станцию воинской силы заставило 1 февраля их стать на работы.

На северном Кавказе более значительное движение было в Грозном, где по призыву соц.-демократической организации началась забастовка на промыслах Ахвердова, рабочие которого сняли товарищей Стукенских и Максимовских промыслов, а к 31 января бастовал уже весь Грозный, при чем к забастовке примкнули рабочие нефтеперегонного завода и депо Владикавказской жел. дороги. Забастовка скоро окончилась (4 февраля), так как предприниматели очень поспешно сделали кое-какие уступки.

Таким образом, мы видим, что и здесь, в кавказской провинции забастовка вспыхнула очень быстро и в большинстве мест носила яркий политический оттенок.

Каковы же были те причины, в силу которых рабочие так охотно шли на эти забастовки? Причины эти становятся ясны, как только мы обратимся к изучению тех требований, какие были предъявлены рабочими, помимо чисто политических требований, в области чисто экономической.

Рабочие завода Манташева в Батуме предъявили требование о повышении заработной платы на 20 коп. в день; конторщики и грузчики ст. Поти предъявили такое же требование о повышении платы на 60% (добились: конторщики—повышения на 30 коп. на рубль, а грузчики—2 р. на тысячу пудов груза); грузчики Батума требовали повышения заработной платы; железнодорожники ст. Батум предъявили требования: утреннего перерыва на завтрак в ½ час. и на обед 1½ час., сокращения рабочего дня (кончать в субботу в 3 часа дня, в будни—в 4 ч.), уплаты за сверхурочную работу помимо поденной платы по 40 коп. в час, установления поденной платы всем рабочим в 1 р. 60 коп., считать работу в праздник за 1½ дня, уничтожения штрафов, отмены подрядчиков и старшин, отмены переноски тяжести на руках более 5 пудов, вежливого обращения и приема и увольнения рабочих с согласия самих же рабочих. Аналогичные батумским требования выдвинули и елизаветпольские железнодорожники (сокращения рабочего времени на 1 час, увеличения платы мастеровым до 1½ р., чернорабочим до 80 коп. и уче-

никам до 30 коп.)[1]. Требования грозненских рабочих (Владикавказской жел. дор.) сводились к следующему:

1) 8-часовой рабочий день для работающих без смены, а для сменных установление трехсменной системы; 2) повышение заработной платы на 25%; 3) безусловно вежливое обращение с рабочими; 4) бесплатные квартиры для всех рабочих или же выдача квартирных денег в размере 6 р. для семейных и 3 р. для холостых в месяц; 5) бесплатный отпуск нефти и керосина в достаточном количестве с доставкой на квартиры для отопления и освещения; 6) бесплатная баня для рабочих один раз в неделю; 7) выдача рабочим во время болезни полного содержания; 8) двухнедельный отпуск для лиц, прослуживших не менее года с сохранением полного содержания; 9) бесплатная школа для детей всех рабочих; 10) уничтожение сверхурочных и сдельных работ; 11) 6-часовой рабочий день для малолетних рабочих; 12) окончание всех работ накануне праздников не позднее 2 часов дня по местному времени; 13) уплата полного жалованья всем рабочим за все время забастовки; 14) наложение штрафов и увольнение рабочих только с согласия избранных для этой цели рабочими представителей их и 15) неувольнение рабочих по окончании забастовки за забастовку их[2].

Как видно из всех этих требований, и рабочие всех тех кавказских пунктов, которые примкнули к январскому движению, жили ничуть не лучше рабочих остального Кавказа: жалованье их не достигало даже до 40 р. в месяц в среднем, рабочий день отличался своей продолжительностью, рабочих донимали штрафами, сверхурочными и сдельными работами, они не имели отпусков, они не имели даже бани и школы. Условия, в каких жили эти рабочие, были таковы, что являлись причиною страданий и недовольства, толкавших постоянно рабочих к протесту против хозяев и администрации.

7. ХАРАКТЕР ЯНВАРСКОГО ДВИЖЕНИЯ 1905 ГОДА НА КАВКАЗЕ

Теперь можно подвести итоги всему сказанному о январском движении на Кавказе.

Прежде всего необходимо подчеркнуть то обстоятельство, что главнейшей причиной этого необыкновенно бурного и окрашенного в политический цвет движения являлось не-

[1] Истор.-революц. арх., 4-е делопр., дело № 4, ч. 71, 1905 г.
[2] Истор.-революц. арх., 4-е делопр., дело № 4, ч. 62, 1905 г.

сомненно то невыносимо тяжелое экономическое положение, в каком жили кавказские рабочие. Не было ни одной стачки в эти дни, когда бы рабочие не выдвигали требований чисто экономических. В этом смысле январские кавказские забастовки нельзя сравнить, например, с движением польских рабочих. В Польше чисто политическое выступление в знак солидарности с петербургскими рабочими было строго отделено во времени от движения чисто экономического: только после того, как руководящий политический (соц.-демократический центр в Варшаве постановил окончить чисто политическую стачку и начать экономическую, только после этого польские рабочие, и притом по указанию организации, в точно определенный ею срок, начинали борьбу экономическую. Здесь было высоко развитое движение высоко развитых политически рабочих, сумевших целиком взять движение в свои руки.

Не то мы видим на Кавказе. Здесь экономическая борьба идет в одно и то же время, с борьбой политической. Правда, везде рядом с экономическими требованиями либо рабочие, либо соц.-демократические комитеты выдвигают и политические требования, политика нигде не отходит на задний план, но она идет рядом с экономикой, и в большинстве мест рабочие начинают стачки с предъявления экономических требований. Только в Тифлисе этот политический тон стачки как бы стоит на первом плане, но и здесь, как и в Баку в декабрьские дни, рядом с политическими требованиями стоят экономические.

Происходит это здесь потому, что по своему составу и политическому развитию кавказский пролетариат пестрее и ниже, чем в Польше. В то время, как там выступают на арену борьбы десятки тысяч высоко квалифицированных металлистов, горняков и рабочих горожан (текстильные рабочие Польши тоже отличаются высокой сознательностью), здесь на Кавказе, огромный процент рабочих составляют темные, забитые персы, мусульмане, «амбалы», и только небольшая часть рабочих (механики, железнодорожники, типографы и т. д.), может итти в уровень с польским пролетариатом. Состав кавказского пролетариата самый пестрый; в Польше подавляющее большинство рабочих одной национальности (главным образом, поляки, затем идут евреи, немцы), а здесь мы находим персов-мусульман, русских, грузин, армян; здесь мы имеем грузчиков, чернорабочих, вообще неквалифицированных рабочих в большинстве.

Здесь, наконец, и начало сознательной классовой борьбы отделяется от января всего—самое большее—пятью-десятью годами, а там, в Варшаве, история пролетарской борьбы насчитывает уже около трех десятков лет.

Но, как и в Польше, движение на Кавказе все же носит бурный политический характер; здесь, как и там, рабочие вступают в настоящие боевые столкновения с войсками и полицией, трещат выстрелы, умирают люди во имя свободы, и красные знамена реют над этими сражениями с человеческими жертвами, стонами, проклятиями и торжествующими криками толпы. По числу жертв кавказское движение в январе 1905 года нисколько не меньше, например, движения в Донецком бассейне (хотя бы в Екатеринославской губернии).

Как и в Польше, движение на Кавказе отличается от остального русского движения, в том числе и петербургского движения неизмеримой высотой в организационном отношении: чувствуется, что движением руководит единая сознательная воля, и просто вздорными кажутся те обвинения, какие выдвигали, например, соц.-революционеры против соц.-демократов[1]. И в Баку, и в Тифлисе, и в Батуме, и по линии железной дороги, и в Сухуме, и почти везде, за очень редкими исключениями, движение—стачки, демонстрации, митинги—его начало и конец—происходят точно, день в день, час в час, в тот момент, какой назначен руководящим центром. По гудку рабочие бросают работы, по призыву прокламации идут в завод. Бакинские рабочие и начали забастовку и стали на работу по указанию прокламации 30, 31 и 2 января. «25-го, в 9 часов утра,—говорит корреспондент «Вперед» о Батуме,—как было условлено, забастовали все заводы». «К этому времени был выпущен комитетом и ночью расклеен листок,—говорит тот же автор,—призывающий товарищей рабочих и горожан вернуться к своим занятиям... И на утро, точно по мановению волшебного жезла, все приняло обычный вид: на улицах, накануне совершенно пустынных, закипела жизнь». Так было и в Тифлисе, так было и на железной дороге; об этом говорят все свидетельства,—и большевики, и меньшевики, и национальные организации, и даже правительственные агенты и донесения. Только одни соц.-революционеры, бессильно созерцавшие массовое движение, уже после его окончания пристрастно обвиняли в де-

[1] См. «Революционную Россию», № 58, 1905 г.

организованности этих удивительных бакинских, тифлисских, батумских рабочих, поразивших весь мир своей стойкостью и организованностью[1].

Кто же являлся руководителем этого удивительного движения?

Российская соц.-демократическая рабочая партия.

Это бесспорно, но несомненно и то, что существование двух организаций, меньшевистской и большевистской, нанесло сильный вред движению, особенно в Баку во время описанной стачки, и помешало выступлению бакинского пролетариата в январские дни. Весною 1904 года бакинская организация была меньшевистской, несмотря на то, что в Баку жили большевики, представители ЦК (Л. Б. Красин, И. О. Куновский). Весной же туда приехал А. М. Стопани, и ему было поручено расформировать бакинский комитет и по строить новую, большевистскую организацию. Эта задача скоро была выполнена, и сформировался новый комитет». Ц. Бобровская называет членами комитета: А. М. Стопани («Митроныч»), А. Джапаридзе, И. Фиолетова, раб. Петра Монтина, раб. балаханца Лифаса («Святой»), раб. металлиста Скоробогатеева («Петр Белогородский»), раб. грузин: Георгия Рыжего и Георгия Черного, Н. И. Соловьева, Ивана Ивановича, врача хирурга, Р. М. Шапиро, В. Бобровского («Ефрем»), Парижер («Кир»), А. Бекзадяна («Юрий»), Аветиса, приказчика. К этому списку нужно прибавить Ц. С. Бобровскую («Ольга Петровна») и М. Южина-Васильева. Тов. Стопани называет еще М. Рохлина, К. Кунина, Вирновского и Окиншвича[2].

Само собой понятно, что все перечисленные товарищи входили не в одно и то же время в состав комитета, а были его членами в тот или другой период 1904 г. Работа принимает организованный, планомерный характер. Ответственными организаторами были: Балаханского района—Джапаридзе, Городского—Шапиро, Черногородского—Бобровская.

Создается группа[3] пропагандистов (Соловьев, Бобровский, Иван Иванович, А. И. Окиншевич, Л. Н. Барахатова, Е. А. Кучковская, Таратута, Парижер), нелегальные типогра-

---

[1] См. вышеназв. номер «Революционной России» и опровержение в № 87 «Искры».

[2] Ц. Зеликсон-Бобровская. Записки рядового подпольщика, ч. 1.

[3] См. также А. Стопани. Из прошлого нашей партии в сб. «25 лет борьбы за социализм», Тифлис, 1923 г.

фы (т. т. Ашот, Стурца), финансовая комиссия. Организация эта ведет большую и планомерную работу—завязывает связи с самыми отсталыми рабочими, ведет пропаганду и агитацию на массовках, кружках, втягивает в круг своего влияния Дербент и Петровск, словом—становится организацией большевиков, господствующей в самом крупнейшем промышленном районе Кавказа.

Само собой понятно, что меньшевики не могли без боя уступить свое место. Они организуют свою отдельную группу, представив дело так, что «периферия» возмутилась против комитета. Что это действительно было дело меньшевиков, теперь нет никакого сомнения: беспристрастные документы доказывают это. В конспиративном письме меньшевика Саввы из Баку[1] по этому поводу говорится следующее: «...Одно лишь могу констатировать,—это наличность у Б. К. (Бакинского комитета. *В. Н.)* конфликта на этот раз не с К., не с Центром, а с периферией в лице 3 рабочих, и, кажется, сознательных рабочих одного, самого громадного, района, конфликт на почве организационного вопроса, на почве недовольства работой (вернее—неработой) К. и «протестанты», актив. элем., тяготеющие к «меньшев.», хотя представления об организации работы местной и не имеют. В противовес бюрократизму выдвинут, поэтому, был вопрос о выборном начале, в духе этого и была принята рабочими резолюция...».

Агент меньшевистского центра, таким образом, там, где не нужно было скрывать это, дезорганизаторскую работу по созданию второй организации в одном и том же городе скромно называет «тяготением» к меньшевикам. Но дело было шито белыми нитками, и другой корреспондент, уже просто рядовой меньшевик, называет вещи своими именами. В письме, относящемся к тому же периоду, этот корреспондент пишет: «...стачка 13 декабря в Баку организована группой меньшинства, недавно образовавшейся там. Когда она организовалась и выпустила о себе листок, то комитет большинства выпустил контр-листок, где порицал деятельность меньшевистской группы. Таково понимание момента. Все у нас жаждут знать, что делать, а им преподносят все по старому—дрязги. За всю прошлую неделю стачки в Баку вы-

---

[1] См. архив ЦК ВКП(б), в Институте В. И. Ленина,—переписка меньшев. «Искры» с местами, конверт под заглавием «Ростов», письмо Саввы от 1/X 1904 г.

22*

шла только одна бумажка, подписанная «генчакистами» и ком. большинства. Не было и сходок во время стачки, лишь до нее было несколько сходок в 400—500 чел...»[1].

Оставляя в стороне абсолютно неверные сведения о сходках и листках (и сходок и листков было достаточно), необходимо подчеркнуть, что отколовшаяся группа «балаханских и биби-эйбатских рабочих» определенно называется меньшевистской. Впрочем и Ю. Мартов определенно эту организацию называет меньшевистской. Но будучи меньшевистской эта группа носила такие специфические черты, что бакинский комитет вынужден был выпустить специальный листок в целях борьбы с этими специфическими чертами. Листок этот называется «необходимое разъяснение» и начинается так:

«По поводу недавно объявившейся в Баку группы, издающей листки за подписью «балаханские и биби-эйбатские рабочие» с заголовком «Российская с.-д. рабочая партия», бакинский комитет партии заявляет: 1) Постановлением II съезда нашей партии (см. резолюцию о местных организациях) в одном городе не должно быть двух местных с.-д. организаций; названная группа, как это официально известно Б. к-ту, не признана центральными учреждениями партии, а потому, как непартийная, не имеет права ставить на заголовках своих листков «Российская С.-Д. Р. партия». Это самозванство. 2) Направление листка группы «Ко всем рабочим», поскольку в нем проводится принцип всеобщей забастовки и безусловно осуждается стачечная борьба с отдельными капиталистами, резко расходится как с программой РС-ДР партии (между прочим, см. резолюцию II съезда о профессиональной борьбе), так и с резолюцией последнего VI международного социалистического конгресса. Это ясно видно из следующего сопоставления...»

Далее приводится резолюция Амстердамского конгресса о массовой стачке. Мы не будем приводить ее целиком, а остановимся только на тех местах ее, которые подчеркнуты самими авторами листка.

«Принимая во внимание,—говорится в этой резолюции,— что необходимым условием успеха массовой стачки является крепкая организация и добровольно усвоенная самим пролетариатом дисциплина, конгресс считает абсолютную всеобщую стачку в смысле одновременной забастовки всех рабочих, невыполнимой...»

[1] Архив ЦК ВКП (б), переписка меньшев. «Искры» с местами, тетр. «Батум».

«...конгресс предостерегает рабочих от увлечения пропагандой анархистов в пользу всеобщей стачки... ...и призывает их укреплять свое объединение и силу в классовой борьбе путем развития организации, ибо от этого будет зависеть успех стачки с политической целью, если такая стачка окажется когда-либо нужной и полезной.

«6. Единство партии.

«Конгресс заявляет, чтобы рабочий класс мог полностью использовать свои силы в борьбе против капитализма, необходимо, чтобы в каждой стране противостояла буржуазным партиям единая социал-демократическая партия, как един сам пролетариат. Поэтому на всех товарищах и на всех социалистических организациях лежит повелительный долг всеми силами стараться создать это единство на основании установленных международными конгрессами принципов, единство, необходимое в интересах пролетариата, пред которым они ответственны за роковые последствия непрекращающихся расколов».

Далее приводится выдержка из листка группы «Ко всем рабочим»:

«У нас есть могучеее средство, перед которым бессильны все цари-палачи, это—всеобщая забастовка. Да, только она одна избавит нас от наглейшей эксплоатации капиталистов и только всеобщей забастовкой мы можем добиться прекращения отвратительнейшей во все века бойни—войны с Японией. Да здравствует всеобщая забастовка! Многие товарищи начинают бастовать отдельными заводами. Так бастовали рабочие заводы Олеум на Биби-Эйбате, хотят бастовать манташевские. Но знайте, что эти отдельные забастовки ни к чему не приводят. Находятся безработные, которые в любую минуту готовы заменить бастующих. Бастующие отдельно получают жалкое удовлетворение. Рабочие Олеум получили пуд керосину и прокляли его. Многие давно ожидают всеобщую забастовку. Товарищи, пора заговорить и нам. Пора подать сигнал к восстанию. За нами восстанут и наши товарищи по всей России». Приведя эту выдержку из листка группы биби-эйбатских и балаханских рабочих, авторы прокламации бакинского комитета такими словами заканчивают свое необходимое разъяснение: «3) Приглашая вдуматься в то принципиальное противоречие, какое существует между резолюцией конгресса и содержа-

нием листка «Ко всем рабочим», бакинский комитет предлагает отколовшимся от организации товарищам рабочим вступить в ряды РС-ДРП и работать в полном соглсаии с программой, тактикой и организационным уставом, принятыми на II партийном съезде.

«Всякая иная работа, внося смуту в умы малосознательных рабочих, подрывая партийную дисциплину, раскалывая пролетариат на части, будет только радовать врагов рабочего движения и потому должна быть признана безусловно вредной.

Бакинский комитет РС-ДРП».

Таким образом группа балаханских и биби-эйбатских рабочих носила на себе черты синдикализма и также худшего сорта экономизма, махаевщины, и даже прямого предательства (в 1918 г. Илья Шендриков от комиссара Керенского скатился до работы на Колчака).

Но он был, по словам Бобровской, прекрасным агитатором и злостным демагогом. Он умел, играя на несознательности рабочих, повести массу, хотя и не надолго, за собой и тем самым разбить попытки бакинского комитета начать стачку в наиболее благоприятный для рабочих момент. Удалось ему сорвать и намеченную комитетом демонстрацию. Очень скоро, правда, комитету удалось целиком овладеть движением, так как Шендриков, увлекаясь минутным успехом и связями с капиталистами, не закреплял своих успехов организационно. Как бы то ни было, комитету пришлось волей-неволей допустить участие в движении и группы Шендрикова.

Описанная только-что дезорганизаторская работа Шендрикова не только с молчаливого согласия, но даже и с помощью меньшевиков, была причиной того, что бакинский пролетариат не выступил в январские дни, так как этого можно было бы ожидать на основании всей его борьбы в предшествующие годы.

Однако, факт внедрения в работу революционной соц.-демократии синдикалистской шендриковской группы не может считаться характерным для Кавказа. В общем, все революционное рабочее кавказское движение шло под флагом соц.-демократии, и может быть лучшей характеристикой того настроения, какое царило на Кавказе и в конце 1904 и в

начале 1905 г. являются слова т. М. Цхакая (Барсова) на III съезде нашей партии (в начале 7-го заседания):[1].

«Революционное настроение на Кавказе очень прочное. Материалом мне служит двухгодичная работа, но я буду иметь в виду по преимуществу последний год. Год тому назад на майском III съезде кавказского союза впервые был поставлен вопрос о вооруженном восстании, а мирные демонстрации признаны невозможными. Со времени крупных забастовок и нападения на тюрьму в Батуме, стали раздаваться голоса о необходимости вооружения. Об этом говорилось всюду: в кружках и на конференциях. Перед празднованием первого мая прошлого года весь батумский район был занят агитацией не только в городе, но и в деревне. После исследования настроения рабочих, союз решил устроить однодневную забастовку от Баку до Батума. Съезжаются агитаторы и заявляют, что забастовка может перейти в восстание в деревнях. На генеральной конференции произошла борьба между сторонниками обыкновенной забастовки и сторонниками вооруженных митингов. На Кавказе вооружены почти все, но боялись все же напрасного избиения рабочих. Один из агитаторов сообщил, что на митинге уже убито двое рабочих. Раньше в Тифлисе русские рабочие являлись тормозом движения, ибо этот пришлый элемент был настроен шовинистически, благодаря проискам чиновничества и полиции, внушавших им узко-националистические лозунги. Теперь это совершенно изменилось—соц.-демократическая агитация победила. В прошлом году во время патриотических демонстраций, которые устраивались всюду правительством, в них принимали участие одни шпики. Русские рабочие обращаются к союзу с просьбами опубликовать имена шпионов. В Батуме нам препятствовали раньше армяне, находясь под влиянием дрошакистов и генчакистов. Армяне составляли 40% населения. Армянские рабочие ударились в анархический стачкизм, заваривали стачки и увлекали за собой иногда и сознательных рабочих других национальностей. Прежде происходили зачастую отдельные террористические акты. Теперь дисциплина превосходная, благодаря чему рабочие Батума идеально провели забастовку, парализовавшую весь город. В городе говорили, что комитет сильнее губернатора. Губернатор бежал из Батума.

[1] Выдержка эта сделана по рукописи архива ЦК, хранящегося в Инст. Ленина; см. также третий очередной съезд РС-ДРП. Полный текст протоколов под ред. и с предисл. М. Н. Лядова. М., 1924 г., стр. 150—157.

«В Гурии движение чрезвычайно широко: 5% или 10% вожаков там—социал-демократы. Они стоят впереди всех. Таким образом возможность найти опору в широких массах не оказывается утопией, как думает т. Филиппов. Жандармы просили выпущенных из тюрьмы агитаторов указать им вожаков, чтобы войти с ними в переговоры, ибо вся жизнь города приостановлена. В Батуме рабочие имеют свою конституцию, ни один фабрикант не смел уволить рабочего—рабочие увольняют на фабриках и заводах, увольняют кого хотят. Минимум заработной платы в 1 рубль установлен на II съезде кавказского союза. Он колеблется до 3 рублей. Рабочие были склонны к индивидуальному террору. Союз сумел сдерживать эти стремления. Я утерял—не скажу чемодан,—но большой конверт с массой документов (смех). Но я могу восстановить также на память. Еще до 9 января на III съезде решено было избегать частичных демонстраций, а подготовлять восстание. Были организованы боевые группы. Несмотря на партийную дезорганизацию, общая забастовка удалась. Это было плодом прошлой работы союза. Союз диктовал свои требования от Баку до Батума. Забастовка была объявлена почти одновременно. Пропаганда среди войск является весьма важной задачей кавказского союза. В январе мы получили письмо из лагеря под Тифлисом, просили литературы. Солдаты стали издавать листки. Они грозились избить офицеров и взорвать офицерский клуб. Послан был агитатор удержать солдат от этого. Так сильно влияние организации. Кроме казаков, пожалуй, правительству не на кого положиться. Хотя в Тифлисе 150 человек, составлявших революционную команду, но из толпы стали стрелять преждевременно. Это было причиной неудачи демонстрации, дав казакам и войску повод действовать оружием. В Батуме, Имеретии и Мингрелии приняты широкие меры к вооружению, но у нас опускаются руки, так как мы не знаем, готова ли остальная Россия».

Необходимо также подчеркнуть еще одно небольшое, но важное обстоятельство—это характер железнодорожного движения в эти дни. Уже здесь на небольших участках Закавказской дороги кавказские железнодорожники, шедшие в первых рядах движения, показали, какое огромное значение может иметь в революции железнодорожная забастовка. К этому виду забастовки уже в январские дни прибегали не одни кавказцы: еще в январе и феврале бастовали польские железные дороги, в феврале же бастовала Рязано-Уральская жел.

дорога, но ни там, ни здесь эти забастовки не принимали такой острой и опасной для правительства формы. Только здесь, в горах Кавказа, уже в январе революционеры-рабочие снимали всех стрелочников и путевых сторожей, *разбирали пути, устраивали крушения поездов*, уводили с собой весь служебный персонал со станции, забивали узлы вагонами.

Так, вследствие отчасти различных причин, отчасти вследствие одних и тех же свойств революционной соц.-демократической организации и Польша и Кавказ в январские дни 1905 г. оказались на гребне революции.

ГЛАВА VII

ЯНВАРСКОЕ ДВИЖЕНИЕ НА ЮГЕ РОССИИ

1. ЯНВАРСКИЕ ДНИ 1905 ГОДА В ЕКАТЕРИНОСЛАВЕ И ДОНЕЦКОМ БАССЕЙНЕ

В Екатеринославе рабочее движение в январе 1905 года не приняло широкого размаха, как в некоторых промышленных пунктах, хотя и началось через несколько дней после кровавого воскресенья. В докладе екатеринославского губернатора министру внутренних дел с первых же строк констатируется связь екатеринославского движения с петербургским[1]: «всеобщая забастовка рабочих в Баку, Петербурге, а затем и других пунктах империи нашла отклик и во вверенной мне губернии. 17 января в гор. Екатеринославе и в прилегающем к нему поселке Амур-Нижнеднепровск прекратили работы несколько фабрик и заводов, а в Екатеринославе, кроме того, забастовали все типографии; в тот же день прекратили работы металлургические заводы: Новороссийского общества—в пос. Юзовке, Бахмутского уезда, и Южно-русского Днепровского общества—в с. Каменском, Екатеринославского уезда».

Действительно, известия о петербургских событиях очень быстро достигли Екатеринослава и, несмотря на то, что местными властями было сделано все возможное, чтобы предотвратить распространение более подробных сведений о событиях, соц.-демократическая организация сумела осведомить обо всем широкие круги рабочих. Полиция, как об этом сообщает корреспондент «Искры»[2], тотчас же после получения первых известий о выступлении петербургских рабочих запретила разносчикам газет (главным образом, мальчикам) вы-

[1] Истор.-революц. арх., 4-е делопр., д. № 4, ч. 17, 1905 г.
[2] «Искра», № 88.

крикивать содержание телеграмм; разносчики предъявили, в свою очередь, требование издателям двух екатеринославских газет «Вестник Юга» и «Приднепровский Край» уменьшить расценку за телеграммы с $1\frac{1}{2}$ до 1 коп. за экземпляр; издатели либеральных газет отклонили эти требования, и в результате началась всеобщая забастовка газетных разносчиков. На улицах Екатеринослава продавались только телеграммы «Губернских Ведомостей». Это обстоятельство, однако, не остановило соц.-демократическую организацию, и уже 12 января среди рабочих ходила по рукам прокламация екатеринославского комитета Росс. соц.-демокр. раб. партии с призывом ко всеобщей политической забастовке. «Настала пора действовать», так начинается прокламация. «Кавказские, а теперь петербургские рабочие поднялись на борьбу. И не за маленькие требования рабочих одного какого-либо завода или мастерской, а за великие наши общие требования. Нам, всему российскому рабочему классу, нужно поэтому немедленно вмешаться и поддержать питерских товарищей. Ибо борьба ведется за наше общее дело»... Описав в общих чертах петербургское движение, прокламация заканчивается призывом к борьбе: «На борьбу! И да здравствует великая солидарность рабочего класса! На борьбу, товарищи! Все, всей массой, потребуем свободы, мира, народного правления, 8-часового рабочего дня, законодательной охраны труда» [1]. Настроение рабочих становилось с каждым днем все более повышенным и передавалось и другим слоям населения.

«Полные ужаса перед развертывающейся картиной петербургской бойни, екатеринославцы с волнением спрашивали друг друга: «скоро ли у нас будет забастовка»? В городе циркулировала масса слухов: говорили о пушке, уподобившейся 6 января библейской Валаамовой ослице, которая, в тяжелую для нее минуту, заговорила человеческим языком. Получались частные сведения об отце Гапоне; назывались имена екатеринославцев, сложивших свои головы на баррикадах Питера» [2]. Рабочие имели и без этих, подогревающих их настроение слухов, очень много оснований для того, чтобы присоединиться к своим петербургским товарищам. Экономическое их положение было ужасающее, как это мы увидим ниже из предъявленных ими требований. Заработная плата—непомерно низка, напр., на гвоздильном за-

[1] Истор.-революц. арх., д. № 5, ч. 6, 1905 г.
[2] «Искра», № 88.

воде Гантке, где работало 300 человек взрослых, и 30 чел. малолетних, она не превышала одного рубля; процветали штрафы, равнявшиеся полному заработку рабочего; практиковались всякого рода вычеты без согласия рабочих, как, напр., на войну; вознаграждения за увечья и деньги на леченье не выдавались; мастера отличались невиданным произволом; заводские помещения низкие, темные, холодные, переполненные всегда дымом, страдали отсутствием вентиляции, отопления, освещения и хотя бы сносно оборудованных уборных. Такое положение рабочих было характерно не только для маленьких заводов и мастерских, но и для таких огромных предприятий, как трубочный завод с 3 тыс. рабочих[1]. И здесь продолжительный рабочий день, сверхурочные работы, штрафы, вычеты на нужды войны, произвол и грубость администрации были обычными явлениями рабочей жизни. О положении рабочих на железных дорогах и говорить нечего. Оно как в зеркале отражается в тех длиннейших требованиях, какие они предъявили. Таким образом, призыв к забастовке упал на готовую почву, тем более, что положение пролетариата в других более отсталых производствах и мелких ремесленного типа заведениях было еще хуже. Дня через два после первой прокламации появились новые листки екатеринославского комитета Росс. соц.-дем. раб. партии, 14 января письмо из Петербурга киевскому комитету и 16 января прокламация «Ко всем рабочим и работницам г. Екатеринослава».

«Гроза разразилась!.. Петербургские рабочие, а за ними московские, виленские, ковенские, ревельские и другие не стерпели долгий мертвящий гнет хозяйского грабежа и дружно, небывало смело восстали против капиталистов и полицейско-жандармских порядков в государстве. Весь мир потрясен грозным призраком рабочей революции». Так начинается эта вторая прокламация и заканчивается уже более определенными лозунгами всероссийского движения: «Нет, товарищи! Не на губернатора, не на царя нам надеяться, а только на свои силы, только сплотившись и борясь, мы завоюем новые, свободные порядки в стране, мы завоюем себе лучшую долю. Мы требуем 8-часового рабочего дня! Мы требуем законодательной охраны труда! Мы требуем

---

[1] См. «Искра», № 87.

прекращения войны! Мы требуем народного правления!» [1]. Забастовка началась 15 января в типографии газеты «Приднепровский Край»: 15 была суббота, а 17 к забастовке присоединилась типография Яковлева. Забастовщики выделели группу активных товарищей, которые небольшими партиями обошли все типографии и сняли своих товарищей с работы. Эти партии, со вновь примкнувшими к ним рабочими», мирно двигались по проспекту, главной улице города, и когда толпа достигла внушительных размеров, подошли к табачной фабрике Джигита. До этого момента полиция мирно созерцала необычное зрелище и на вопросы рабочих, чем объясняется такое мирное поведение властей, городовые и околоточные отвечали, что стачка носит мирный характер и что, стало быть, нечего и полиции вмешиваться в это дело. Но, как только толпа очутилась вблизи фабрики Джигита, рабочим тотчас же пришлось убедиться, что существо самодержавной полиции остается все тем же. Фабрика Джигита еще не бастовала, ее рабочие еще не знали о забастовке, так как прокламации комитета туда не попали. Фабричные ворота были заперты; работницы, ничего не зная ни о петербургских событиях, ни о начавшейся стачке в Екатеринославе, с недоумением спрашивали: «чего хотят? зачем бастовать?». Однако, после разъяснения прибывших товарищей и они присоединились к стачке. Толпа дошла почти до конца города и, когда части ее поравнялись с улицами Литейной и Новой, на задние ряды рабочих с гиканьем бросились казаки и началось дикое избиение. «Не щадили ни пола, ни возраста... Толпа стала разбегаться в разные стороны... Многие были ранены...» [2].

17 января губернатор телеграфировал в Петербург о присоединении к забастовке и более крупных заводов не только в Екатеринославе, но и в окрестностях—Амуре-Нижнеднепровске; на другой день, 18-го, газеты не вышли, и телеграммы пришлось напечатать только в «Губернских Ведомостях». Сообщая о забастовке в Петербург, начальник охранного отделения, между прочим, говорит: «вчера забастовали все частные типографии, рабочие коих, собравшись толпой, спокойно пошли по городу; были рассеяны; газет нет; подгото-

---

[1] Истор.-революц. арх., Особ. отд., д. № 5, ч. 6, л. А, 1905 г. Эта же прокл. приводится в сборн. Екатер. бюро Истпарта, «Летопись Револ.», стр. 245.

[2] «Искра», № 88. О Екатер. полиции см. «Летопись Револ.», ст. Новополина.

влялась демонстрация, инициаторы в количестве семи человек арестованы в порядке охраны».

Не отрицая «спокойного» течения стачки, охранник скромной и краткой фразой «были рассеяны» подтверждает избиение мирно шедших забастовавших рабочих. Однако, и эти приемы, хотя и внесли некоторую панику в среду забастовщиков, не остановили распространения мирного забастовочного движения. Семнадцатого же рабочие пытались снять с работы мастеровых нижнеднепровских железнодорожных мастерских. Об этом имеется в делах департамента картинный рассказ о подвигах жандармского унтер-офицера Коваленко и сторожа Лысенко, будто бы воспрепятствовавших снятию с работ: в 11 часов утра рабочие Нижнеднепровского завода бросились в железнодорожные мастерские, и стали призывать рабочих к забастовке, когда к ним подбежали жандарм Коваленко и Лысенко, рабочие их прогнали, при чем Лысенку нанесли несколько ударов в лицо, двинулись дальше в машинное отделение с целью остановить машины, но тут появился начальник мастерских Юренев и с помощью жандармов оттеснил рабочих, которые вступили в борьбу с жандармами, пустившими в ход шашки. Рабочие вынуждены были отступить, а полиция арестовала шесть рабочих,—Лейбу Эйзенберга, Владимира Долейшу, Эрнеста Недзеля, Антона Юрченка, Савву Ляшенка и Роберта Кельдера.

Вести о забастовке между тем достигли и разных мест Донецкого бассейна: 17-го забастовал Юзовский завод и завод в Каменском, а 19-го—Брянский. По подсчету властей 19 января бастовало уже семь тысяч человек. Жандармам казалось, что забастовка так же быстро окончится, как она внезапно началась, и они с торжеством 20 января сообщали, что самые крупные заводы, как Брянский, уже 20-го станут на работу. Велико же было их разочарование, когда 20-го «рабочие Брянского завода, собравшись на работу утром, к работе не приступали и разошлись»[1]. В этот же день к забастовке примкнули екатеринославские железнодорожные мастерские. Еще накануне, 19-го в 10 час. утра, рабочие нового паровозо-сборного цеха в количестве 400 человек прекратили работы, устроили собрание, где выработали требования и предъявили их администрации. После обеда рабочие этого цеха, придя в завод, бросились по другим цехам и фактически остановили все мастерские, так как рабочие кузнечного, меха-

---

[1] Истор.-революц. арх., 4-е делопр., д. № 4, ч. 17, 1905 г.

нического, литейного, колесного, медницкого, инструментального, дышлового и трубного цехов, хотя и находились у станков, но не работали. На другой день, в виду сильного брожения рабочих, администрация вынуждена была работы в мастерских остановить. Таким образом, к стачке присоединилась новая масса в две с половиной тысячи человек. Вечером 21 января к забастовке присоединились вагоновожатые и кондуктора городского трамвая, так что последний остановился, и только на другой день удалось наладить частичное движение при помощи контролеров, заменивших вожатых и кондукторов. По официальным данным, ход забастовки в Екатеринославе рисуется, таким образом, в следующем виде: 15-го бастует типогр. «Приднепровского Края»; 17-го присоединяется эстампажный и машиностроительный завод Ланге, все частные типографии и табачная фабрика Джигита; 18-го бастует трубопрокатный завод в Нижнеднепровске; 19-го присоединяется Брянский завод, гвоздильный завод Гантке; начинается забастовка в екатеринославских железнодорожных мастерских и в машиностроительном заводе Эзау; 20-го бастуют рабочие губернской типографии; 21-го примыкают к забастовке вожатые и кондуктора трамвая; 22-го—рабочие трамвайного депо, а 23-го—забастовали фармацевты всех аптек. Этот последний день и был кульминационным днем стачки, когда, по признанию самого губернатора, в Екатеринославе и поселке Амур-Нижнеднепровск «постепенно прекратили работы все фабрики, заводы и железнодорожные мастерские» [1].

Начиная с 24-го, стачка постепенно утихает, и к 27 января жандармы с чувством облегчения констатируют конец движения, несмотря на отдельные бастующие предприятия. Стало быть, стачка продолжалась всего двенадцать дней и носила мирный экономический характер, при чем большие заводы бастовали непродолжительное время, да и вообще все движение не носило того бурного характера, окрашенного в яркий политический цвет, как предшествующая стачка в том же Екатеринославе в 1904 г. Прежде чем рассмотреть причины этого явления, дадим обзор стачечного движения по губернии, стало быть по большей части Донецкого бассейна. Екатеринославская забастовка, несмотря на свой мирный характер, очень быстро перекинулась и в уезды: Екатеринославский Бахмутский, Славяносербский, Александров-

[1] Истор.-революц. арх., 4-е делопр., д. № 4, ч. 17, 1905 г.

ский, Павлоградский и Мариупольский. Екатеринославский губернатор в своем отчете такими словами характеризует это движение: «Забастовка в Екатеринославе, в связи с забастовками в различных пунктах империи и событиями в Петербурге, распространилась на весь горнопромышленный район губернии и, хотя общей забастовки не было, тем не менее в различных пунктах разновременно происходят забастовки отдельных фабрик и заводов. Все эти забастовки имеют однообразный мирный характер без нарушения спокойствия и каких-либо насилий» [1]... «Выше мы уже упоминали о том, что в самом начале к забастовке примкнули Юзовка и Каменский завод; Петровский завод Русско-Бельгийского общества забастовал 22 января; с 24-го по 27 января бастовал машиностроительный завод в Горловке (Бахмутского уезда); с 27 января по 3 февраля не работали Веровские и Софиевские рудники Русско-Бельгийского общества при станции Енакиево (Бахмутского уезда); с 31 января по 4 февраля бастовал металлургический завод Никополь-Мариупольского общества близ г. Мариуполя с 2 по 4 февраля не было работ на Кадиевском металлургическом заводе при ст. Алмазная (Славяносербского уезда); в конце января бастовал Дебальцевский механический завод при ст. Дебальцево. Как видно из только что сказанного, забастовка не могла сразу охватить всего Донецкого бассейна и захватывала постепенно завод за заводом, так что январская екатеринославская стачка была только тем отраженным ударом, который вызвало петербургское землетрясение и от которого, в свою очередь, распространилось колебательное движение по всему горнопромышленному району, закипевшему бурным движением уже значительно позже. Власти прекрасно понимали, что им грозит длительный процесс движения и что стачки скоро не прекратятся, а наоборот будут принимать затяжной и более острый характер. «Однако, это успокоение рабочих,—писал екатеринославский губернатор министру внутренних дел,—лишь кажущееся, так как, в виду неудовлетворения значительной части их требований, брожение среди них продолжается и возобновление забастовок возможно» [2]. В виде примера губернатор приводит Каменский завод Южно-Русского Днепровского общества, который, начав забастовку одновременно с Екатеринославом, прекратил ее 19-го и снова начал 3 февраля.

---

[1] Истор.-револ. арх., 4-е делопр., д. № 4, ч. 17, 1905 г.
[2] Там же.

Действительно, в Екатеринославской губернии стачка только к середине февраля приобретает настоящий революционный размах и чисто драматический характер, являясь непосредственным следствием январского толчка в Петербурге. Еще не окончились забастовки на заводах, как 7 февраля забастовали приказчики магазинов Екатеринослава. Стачка охватила прежде всего мануфактурные лавки, к ним примкнули магазины обувные, готового платья и бакалейные. Из крупных магазинов не бастовали магазины русских торговцев Ефановых, Гусева, Заморуева, Лаптева, Пархоменко и железные лавки Толстикова, Алексеева, Пронина и Рохлина. В мелких магазинах приказчики тоже бастовали, хотя магазины работали, так как хозяева сами стали за прилавок. В двух магазинах в самом начале забастовки хозяева удовлетворили требования приказчиков, и те работ не бросали. Как и рабочие, приказчики применяли в своей забастовке одни и те же методы борьбы: забастовщики небольшими группами переходили от одного магазина к другому и снимали товарищей с работы; для руководства стачкой избрали забастовочный комитет; для переговоров с администрацией — депутатов. Когда, после неудачных переговоров с хозяевами, после обеда 7 февраля приказчики убедились, что без применения силы ничего не добьешься, они 8-го собрались в своем приказчичьем клубе, выработали требования, а 9-го эти требования огромной толпой предъявили губернатору. Требования приказчиков были чисто экономические; в большей части они были удовлетворены, и приказчики скоро стали на работу.

Как мы сказали выше, забастовочное движение из Екатеринослава перекинулось в глубь Донецкого бассейна. Не успели екатеринославские власти оповестить Петербург об окончании приказчичьей стачки, как пришлось уже через три дня снова сообщать о начале забастовки в г. Александровске. 10 февраля утром там забастовали завод Мензиса или Мендуса, железнодорожные мастерские, паровые мукомольные мельницы и все мелкие мастерские. 12 февраля власти констатировали, что забастовки «продолжаются в Екатеринославском, Бахмутском, Славяносербском уездах, городе Александровске». Забастовка охватила свыше двадцати тысяч человек. Характер забастовки рисуется так[1]: Еще 9 февраля александровская соц.-демо-

[1] Истор.-революц. арх., 4 делопр., д. № 4, ч. 17, 1905 г.

кратическая организация решила начать забастовку. Утром 10-го рабочие завода Мендуса, бросив работу, вышли из завода и, рассеявшись по городу, быстро сняли с работ своих товарищей почти на всех заводах. Примкнувшие к забастовке приказчики деятельно помогали рабочим, и к 4 час. дня число забастовавших дошло до 5 тысяч. Начались самочинные собрания и митинги, особенно грандиозный характер носил митинг у Севастопольского вокзала, где собралось около двух тысяч человек, и в клубе приказчиков. В шесть часов вечера на Соборной площади стала скапливаться толпа и, когда людей набралось человек до двухсот, началась дедонстрация. Толпа двинулась по направлению к собранию приказчиков; раздавались звуки революционных песен, слышались крики: «Долой самодержавие!», разбрасывались листки. Подойдя к клубу приказчиков, демонстранты пытались присоединить к шествию и приказчиков, но отчасти нерешительность последних, отчасти действия полиции помешали этому, и толпа двинулась к Народному дому. Здесь на площади, уже в темноте, начался новый митинг, но подоспевшая полиция решила разогнать его. Демонстранты ответили контрнаступлением и с криками: «бей полицию!» бросились на городовых и оттеснили их. Тогда власти пустили в ход роту 135-го Керчь-Еникальского полка, и только под давлением солдатских штыков толпа рассеялась. Здесь во время столкновения произошли аресты. Власти растерялись, так как забастовка захватила железнодорожные мастерские и угрожала остановкой движения. 10 февраля заводские рабочие подошли к железнодорожным мастерским; администрация зорко охраняла ворота и калитки, и потому рабочие перелезли через забор. Железнодорожные мастерские тотчас же бросили работы, и начался митинг, на котором произошли выборы депутатов. Этим депутатам было вменено в обязанность вместе с городскими рабочими выработать общие требования. Вечером заводские рабочие отрядили группу человек в 400 для того, чтобы вывести и железнодорожников на демонстрацию, но войска помешали этому.

Тем не менее мастеровые мастерских проникли на угольный склад и сняли с работ большую часть грузчиков, так что снабжение паровозов углем производилось под охраной солдат; удалось снять с работы и стрелочников, и администрация была вынуждена заменить стрелочников помощниками начальников станции. Телеграфистов снять не удалось,

как не удалось вызвать на забастовку и управленских служащих. Однако, угрозы остановить движение не на шутку встревожили властей[1]. Исполняющий должность губернатора Нейдгарт с тревогой сообщал о готовящихся будто бы вооруженных выступлениях тридцати тысяч рабочих и слезно умолял министра внутренних дел о присылке военной силы, так как гарнизон недостаточен вследствие неукомплектования состава и надежности настроения. Губернатор требовал конницы. В то время как в Александровске происходила всеобщая забастовка, волновались рабочие и на заводах и шахтах в уездах; так в Славяносербском уезде бастовали с 7-го по 10 февраля на Орлово-Еленевском (Французском) руднике Криворожских копей, с 10-го по 13 февраля—на Кадиевских каменноугольных копях, с 8-го по 11 февраля в Бахмутском уезде на заводе Торецкого акционерного общества при ст. Дружковка, в это же время (с 7 февраля) на самом Дружковском заводе. Забастовка все ширилась: 13 февраля она перекинулась на заводы Скелеватовского общества, на хуторе Скелеватом, Алекс. у., заводы Классена и Нейфельда при ст. Софиевка и Хортицкие заводы Екатериносл. у. В Бахмутском уезде, кроме вышеуказанных, к забастовке примкнули железоделательный и сталелитейный завод Донецкого общества и чугуннолитейные и механические заводы Оливье и Нибура с 10-го по 12 февраля, железоделательный и стекольный заводы Донецкого общества, а 14 февраля—завод минеральных кислот того же общества и зеркальный завод Общества зеркальных заводов на юге России. Как видно из только что перечисленных забастовавших предприятий, число их быстро росло и власти, несмотря на то, что забастовки в общем носили мирный характер, позаботились стянуть войска. В Бахмутский уезд добавили 3 сотни казаков, один эскадрон драгун и батальон пехоты; в Славяносербский—батальон пехоты и эскадрон драгун; в г. Александровск—3 роты пехоты; в Каменское на завод Днепровского общества—2 роты пехоты и сотню казаков; в г. Екатеринослав, помимо гарнизона,—сотню казаков, эскадрон Крымского Татарского дивизиона, и в поселок Амур-Нижнеднепровск—эскадрон драгун.

[1] В это время (11 февраля) через Александровск проезжал генерал Стессель в своем специальном поезде. Кто-то из забастовщиков передвинул стрелку так, что поезд должен был отправиться опять назад. Власти, однако, во-время заметили это, и «доблестный генерал» благополучно двинулся к царю.

Было ясно, что власти готовы пойти на решительные меры. Действительно, губернатор в докладе министру внутренних дел от 16 февраля писал: «Усиленное брожение среди рабочих и возможность возникновения забастовок еще на многочисленных заводах, рудниках и копях вызвали разновременно необходимость привлечь для содействия по предупреждению беспорядков воинские части». Забастовка между тем перекинулась на Луганск, где и приняла с 16 февраля характер всеобщей. Стачка началась на самом большом заводе, машиностроительном Русского общества, где бросили работы до двух тысяч человек. Часть рабочих, человек в 400 вышла из завода и пыталась остановить патронный завод. Это не удалось в этот день, зато 17-го, под давлением гартмановских забастовщиков, бросили работу на патронном заводе, спирто-очистительном, заводе эмалированной посуды, в казенном винном складе, в железнодорожных мастерских, в двух типографиях и мелких ремесленных заведениях. Забастовка все же была не всеобщая, и только 18-го, вследствие воздействия рабочих металлистов, которые небольшими группами ходили по городу и снимали приказчиков, удалось добиться закрытия всех магазинов и мелких мастерских. Забастовка, впрочем, закончилась очень скоро, так как гартмановские рабочие уже 19-го добились уступок и стали на работу[1]. Но не успели еще власти справиться с александровскими рабочими, как движение с новой силой вспыхнуло на копях и рудниках: 19 февраля забастовали рабочие Рыковских копей в количестве около 3 тысяч. Настроение рабочих быстро дошло до величайшего возбуждения: они с наступлением темноты бросились разбивать магазин Давидовича. Разграбив магазин, рабочие направились к коксовым печам. Здесь их встретили казаки. Произошло столкновение. Рабочие разломали забор и начали действовать камнями. Казаки ответили винтовками, и под их выстрелами пали двое рабочих, один из которых очень скоро скончался. «Теперь все спокойно», сообщает после этого маленького кровопускания местный жандармский ротмистр, как бы поощряя к дальнейшему расстрелу рабочих. И действительно, на Щербиновском руднике усердные слуги царя также пустили в ход свинец и на требования рабочих ответили расстрелом. Забa-

[1] Подробное описание январской луганской забастовки см. у А. Гамбарова: «Очерк по истории революционного движения в Луганске», «Летопись революции» 1923 г, № 4. Гос. Изд. Украины, стр. 56—63.

стовка здесь возникла 19-го на соляных копях, охватила углекопов, выдвинувших ряд требований. Администрация ответила отказом, и раздраженные рабочие пытались остановить все работы на рудниках, шахтах, а также в лавках и магазинах.

Власти пустили в ход роту пехоты и сотню казаков. В происшедшем столкновении рабочие действовали против казаков и солдат камнями, кайлами, обушками и даже револьверами. Войска пустили в ход винтовки и положили на месте двенадцать человек. Из них двое убиты наповал, четверо тяжело ранены, при чем из этих четырех одна женщина тут же и умерла, остальные шесть человек получили менее тяжкие ранения. Подобная же драма произошла и на ртутном руднике Ауэрбаха, где точно так же власти пустили в дело войска, стрелявшие в безоружных рабочих. В результате такой «молодецкой» работы и здесь было убито двое рабочих и ранено пять[1]. Эти события были кульминационным пунктом забастовок в Донецком бассейне, явившихся непосредственным отзвуком петербургских событий. Забастовки шли и дальше, но это были уже волны, которые вызывались общими причинами, толкавшими рабочий класс на борьбу. Это забастовки, которые постепенно, то замирая, то вновь вспыхивая, вылились потом в великую октябрьскую стачку. Так снова забастовали рабочие казенного завода в Луганске 21 февраля; забастовка тотчас же прекратилась, так как администрация быстро уступила рабочим. Того же числа забастовали снова рабочие Юзовки, на заводе Новороссийского общества, но это уже были только слабые отзвуки январского толчка.

Без сомнения, забастовки в Донецком бассейне не ограничились только одной Екатеринославской губернией, но, прежде чем перейти к описанию стачек в других районах юга России, необходимо остановиться на характере екатеринославских стачек.

Стачка екатеринославских рабочих носила экономический характер. В тех требованиях, какие были выдвинуты заводами, преобладали чисто местные требования, касавшиеся улучшений чисто экономических, при чем на первом месте

---

[1] Сведения об этих трагических событиях содержатся в деле 4-го делопр., № 4, ч. 17. К сожалению в нелегальной прессе не удалось найти никаких подробностей об этой забастовке, а официальные, и губернаторские и жандармские донесения по весьма понятным причинам весьма кратки.

стоит требование восьмичасового рабочего дня. Это требование предъявили почти все забастовщики, даже фармацевты, за исключением приказчиков, требовавших введения 12-часового рабочего дня; вторым требованием, предъявленным рабочими повсюду, была полная отмена сверхурочных работ; только железнодорожники не протестовали против сверхурочных работ, а настаивали на их необязательности и требовали уплаты за них вдвое (за час два); отмена всякого рода вычетов из жалованья и штрафов стоит почти во всех требованиях, предъявленных рабочими хозяевам. Из документов видно, какие, действительно, большие злоупотребления допускала в этом отношении администрация: так, в железнодорожных екатеринославских мастерских вычеты производились из жалованья тех рабочих, дети которых учились в железнодорожных школах (в размере 3 р.), вообще на школы и на Красный Крест (рабочие екатеринославских мастерских, выдвинув это требование, прибавляли: «уничтожить вычеты на Красный Крест в виду того, что таковые не доходят по назначению, как видно по газетным известиям»), вычеты с учеников ремесленного училища в пенсионную кассу, штрафы за прогул, за разбитые электрические лампочки, за порчу и т. п. Понижение заработной платы предпринимателям достигалось всяческими способами и помимо вычетов и штрафов. Так в тех же мастерских литейщики должны были отчислять определенный процент своего жалованья шишельникам; на Петровских заводах все рабочие платили за питьевую воду, с рабочих бельгийского и штамповочного завода производились вычеты не только за прогульные часы, но и за весь день, когда было пропущено только несколько часов. Понятно, что рабочие решительно всех заводов требовали отмены такого косвенного замаскированного понижения заработной платы. Повышение ее стоит, без сомнения, во всех решительно требованиях в различных размерах, сообразно местным и специфическим условиям каждого производства. Особенно тщательно разработаны в этом отношении требования железнодорожников, у которых в силу разнообразия их работ и специальности существовала весьма неодинаковая и пестрая заработная плата. Железнодорожники предъявляли требования обыкновенно по цехам. Вот эти требования (сводка, сделанная из требований отдельных цехов):

1. Восьмичасовой рабочий день. 2. Прибавка жалованья: рабочим не менее 80 коп., мастеровому не менее одного рубля. 3. Повышение расценка на 25—30%. 4. Вычет с мастеровых, дети которых учатся

в училище, в размере 3 р., прекратить. 5. За прогул отменить штраф. 6. Прекращение вычетов на Красный Крест и школы. 7. Устройство приемного покоя при мастерских с постоянным дежурством врача. 8. Вежливое обращение администрации. 9. Плата полного поденного заработка за время болезни. 10. Билеты для поездок выдавать прослужившему один год—два билета по чужой и четыре по своей дороге. 11. Назначить комиссию, которая бы разбирала дела по увольнению рабочих и мастеровых мастерами. 12. Снятие перил с контрольных для свободного прохода. 13. Устройство бани для мастеровых и их семейств, а также увеличение помещения в столовой при мастерских и отделения от таковой кухни и соблюдения в них чистоты. 14. Чтобы за время прекращения работ было уплачено полное поденное жалованье, а также впоследствии никто не должен быть рассчитан без ведома избранной нами комиссии. 15. Воротить на работы Литвякова, Кривенко и всех, которые забраны полицией 16. Отмена ограниченных процентов. 17. Выдача пособия мастеровым и рабочим за дни болезни, считая со дня заболевания в размере поденного жалованья. 18. Отменить плату за лекарство. 19. Цены на работы должны быть вставлены в цехе мастерских на все предметы. 20. Отопление в тендерном цехе должно быть паровое или воздушное. 21. Упрощение производства, до сего времени существовавшего, на предмет выдачи пособия за увечье, каковым вызывалась длинная проволочка времени, чем вызывалась голодовка семьи мастеровых и рабочих. 22. Если в ярлыке окажется проработок, рассчитать его с полуторным заработком. 23. Взимаемая добавочная плата за право учения не должна взиматься, а если не окажется места для ребенка в железнодорожном училище и он будет определен в другое частное или городское училище, то должна платить железная дорога. 24. Медицинский персонал должен обращать более внимания на больного, а также, если понадобится приглашение медицинского персонала на дом, то он должен ехать за счет железной дороги. Если не окажется места для больного в железнодорожной больнице, то железная дорога должна отправить за свой счет больного в какую-либо лечебницу и платить за право лечения. 28. Просьба молотобойцам выдавать рукавицы .29. Отменить вычет из заработка литейщиков, выдаваемый процент шишельникам. 30 Установление расценок и определение качества работы (брака) комиссией из выбранных рабочих и администрации в ровном числе. 31. Увеличить число чернорабочих в литейном цехе. 32. Установление праздника первого мая. 33. Расценок на работы должен быть повышен с согласия выборной комиссии рабочих. 34. Сверхурочные работы необязательны, а если таковые понадобятся,—плата за них—час за два. 35. Отменить вычеты с учеников ремесленного училища в пенсионную кассу и возвратить прежние вычеты на руки уволившимся. 36. Позволить рабочим собираться раз в месяц для обсуждения своих вопросов без участия полиции и мастеров, и 37. Переместить Яснопольского и заменить его место токарем.

Из этих требований удовлетворены самые несущественные, как: устройство приемного покоя, вежливое обращение, оборудование бани, снятие перил в проходной, упрощение производства, установка отопления и т. п., главные же, существенные пункты, как увеличение заработной платы или сокращение рабочего времени либо отклонены, либо по этим

пунктам были даны уклончивые ответы. Аналогичные требования предъявлялись и рабочими других фабрик и заводов. Восьмичасовой рабочий день, повышение платы в том или ином проценте, отмена штрафов, улучшение санитарного и гигиенического состояния предприятия, улучшение лечебной части, выдача платы за дни болезни, отмена всяческих вычетов и поборов, установление праздника первого мая, учреждение третейских судов или смешанных комиссий для рассмотрения вопросов об увольнении и приеме рабочих, выплата за дни забастовки и неувольнение за нее—вот те главные требования, которые были предъявлены на всех заводах и железных дорогах Екатеринославской губернии. Политических требований, как общее правило, не было. Даже такие большие заводы, как Новороссийского общества в Юзовке, ограничились чисто экономическими требованиями. Только на крупнейших заводах, как, напр., на бахмутском Волынцевско- Петровском заводе в число прочих тробований были выдвинуты и такие требования, как свобода слова, сходок, собраний, стачек. На этом заводе, впрочем, рабочие добились после 15-дневной забастовки удовлетворения 15 из 20 предъявленных требований, при чем, кроме общего увеличения заработной платы на 10%, была увеличена плата рабочим, получающим 1 р., на 10 коп., и чернорабочим установлена минимальная плата в 90 коп., администрация обязалась ежегодно отпускать по 5 тыс. руб. на пособие для рабочих, улучшена медицинская помощь и санитарно-гигиеническое положение некоторых мастерских, установлена бесплатная выдача угля и воды рабочим, прослужившим 3 месяца, и сделаны еще кое-какие мелкие уступки вроде бесплатной выдачи рукавиц. Политические требования выдвинули и луганские рабочие не только в общей прокламации, исходившей от соц.-демократического комитета, но и в частичных листках по отдельным заводам, как, напр., на заводе Гартмана, где на ряду с чисто экономическими пунктами рабочие требовали созыва учредительного собрания, всяких свобод и прекращения войны, Требования служащих аптек были еще скромнее и даже не касались увеличения заработной платы; приказчики в своих скромных требованиях добивались сокращения рабочего дня и увеличения заработной платы. Требования приказчиков, фармацевтов и трамвайщиков частично были удовлетворены.

Чего же добились вообще рабочие в этой забастовке, которая, как мы видели, стоила некоторым рабочим жизни и очень многим свободы?

частичного удовлетворения самых несущественных их требований: за немногими исключениями, рабочие не добились удовлетворения основных своих требований—сокращения рабочего дня и повышения заработной платы; очень большая категория служащих и рабочих — железнодорожники вышли из забастовки не добившись почти ничего. Все или почти все осталось по-старому.

Причины, толкавшие рабочих на забастовку—невыносимые экономические условия, отсутствие самых примитивных условий человеческого существования (как это видно хотя бы из приведенных выше требований екатеринославских железнодорожных мастерских) давали себя чувствовать попрежнему и ясно было не только самим рабочим, но и местной власти, что забастовка еще не окончилась, что окончание ее в феврале—это только перерыв, и что впереди новые, более грандиозные столкновения пролетариата с капиталом и правительством. Екатеринославский губернатор так и оценивал положение и в своем донесении предупреждал об этом министра.

Как видно из нарисованной выше картины стачечного движения, оно не носило планомерного характера: не было всеобщей забастовки, которая началась бы по призыву единой организации, не было единой воли, единой направляющей руки. Особенно это чувствовалось в уездах, на рудниках и копях и на заводах в глубине губернии, вдали от городов. В городах дело шло лучше,—здесь чувствовалось влияние соц.-демократической организации, были быстро образованы ударные группы, забастовочные комитеты, которые действовали быстро и решительно. В самом Екатеринославе, напр., администрация каждого магазина получала одно и то же предложение (гектографированный листок), вручавшееся обыкновенно работницами или приказчиками.

«М. Г. Сим доводим до вашего сведения решение комитета по устройству забастовки в г. Екатеринославе: немедленно по получении сего письма закрыть мастерскую и распустить мастериц.

«В противном случае комитет предпримет по отношению к вам имеющиеся в его распоряжении строгие меры, начиная с битья стекол и кончая разорением вашего магазина.

«Комитет по устройству забастовки в г. Екатеринославе».

С заводами рабочие поступали гораздо проще: ударные группы переходили от одного завода к другому и снимали товарищей. Однако, в Екатеринославе в это время и в этом

отношении не замечается такой организованности и планомерности, как в других городах, напр., в Царстве Польском или Прибалтике.

Объясняется все это тремя главными причинами: 1) неорганизованностью рабочих и довольно большим количеством малосознательных элементов, напр., на шахтах. Мы уже видели, что на одном из рудников часть рабочих участвовала в погроме лавки. Горный комитет Рос. соц.-демокр. раб. партии, учитывая именно эту малосознательность, обращался даже к рабочим завода Гартмана в конце своей прокламации с такими словами: «Во время забастовки ведите себя тихо и спокойно, не разбивайте машин и вообще заводского имущества, не громите лавочек, не громите евреев—словом держите себя так, как держали и держат себя рабочие других городов». Легко воспламеняющийся южный рабочий в то время мог еще поддаться черносотенным подонкам, которых было достаточно в распоряжении власти, и это прекрасно понимала подпольная организация. 2) Отсутствие единой сильной организации соц.-демократов.

Организация на юге России вообще переживала в это время, за немногим исключением, разложение и упадок. Так было в Одессе, Ростове-на-Дону, так было и в Екатеринославе. Раскол партии губительно отзывался на организации. «В октябре 1904 года,—пишет т. Я. Бранденбургский (Валерьян), живший тогда в Одессе, где находился большевистский южно-русский центр,—из Екатеринослава прибыла т. Наташа (Серафима Ильинична Гопнер) с тревожным докладом в южно-русский центр о положении вещей в екатеринославской организации.

«Комитет партии, которого она была секретарем, состоял, по ее заявлению, из одного только товарища-большевика Андрея (т. Лившиц, б. одесский студент); настроение же членов партии рабочих, особенно городского района (ремесленников), было скорее в пользу меньшевиков. Удержать организацию под своим влиянием было трудно, тем более, что т. Андрею, не помню почему, надо было из Екатеринослава уехать. Постановлением южно-русского центра я был командирован в Екатеринослав, чтобы сменить т. Андрея и, стало быть, в своем едином лице представлять екатеринославский комитет РС-ДРП. Мне дан был наказ никоим образом не сдавать комитет меньшевикам. Меньшевиков я в Екатеринославе на нашел, но поголовно вся организация была

заражена меньшевизмом, и стоило больших усилий удержать ее под своим влиянием»[1].

После отъезда Андрея в комитете оставался один Валерьян и только через некоторое время ему на помощь приехал т. Мандельштам (Н. Н., брат М. Н. Лядова). Таким образом, руководящий центр екатеринославского комитета состоял всего из трех лиц: секретаря т. Гопнер и двух организаторов Бранденбургского и Мандельштама.

В конце октября комитет стал подготовлять демонстрацию против войны, но она не удалась, и это еще больше дезорганизовало работу. Меньшевики теперь осмелели и начали проводить свою банкетную кампанию. Правда, в это время подоспела помощь и к большевикам: приехали т. Шаповалов (Кирилл) и Семен Шварц (Федя), но и меньшевики все более и более усиливались. Напрасно екатеринославские большевики писали в центр в Женеву, даже самому Ленину, помощи оттуда не было и пришлось командировать Бранденбургского в Петербург с докладом о тяжелом положении организации. Т. Бранденбургский уехал 6 января и попал в Петербург 10-го. Вместо ожидаемой помощи т. Бранденбургскому пришлось получить командировку в Н.-Новгород, исполнивши которую Бранденбургский ни с чем возвратился в Екатеринослав, где уже большевистского комитета не застал; весь большевистский комитет был арестован, а самого Валерьяна разыскивала полиция. Валерьяну пришлось покинуть Екатеринослав, и после его отъезда уцелевшее ядро меньшевиков взяло всю работу в свои руки. Понятно, что при таких сменах руководящих центров менялся и характер работы, а это не укрепляло организации, а как раз наоборот разрушало ее, несмотря на попытки фракций столковаться между собой. Одна из подобных попыток была сделана и в Екатеринославе[2].

Организация, конечно, была, но в недрах ее существовала по сути дела другая организация, меньшевистская. Меньшевистская группа обратилась с письмом к большевистскому комитету. В этом письме меньшевики, между прочим, предлагали: «Отбросим подозрительность. Момент чрезвычайно

---

[1] «Пролет. Революц.», 1922 г., № 5, стр. 219, 220.

[2] О состоянии партийной организации в Екатеринославе см. еще «Материалы по истории Екатеринославской соц.-демократической организации большевиков и революционных событий 1904—1905—1906 гг.» (к 20-летнему юбилею революции 1905 г. Екат. 1924 г. См. воспом. дяди Вани, А. Фабричного и др.

важный. Давайте соберемся, выработаем общий план действий для данного момента, создадим теперь единую, сплоченную, сильную своей сплоченностью организацию. Только такая сплоченная организация может стать действительным руководителем предстоящего движения. Не рвите, товарищи, не идите на раскол. Момент страшно важен»[1]. Меньшевистская «Искра», приведя это письмо, утверждает, что «руководство всеобщей стачкой сосредоточено в руках действительных работников—авторов этого воззвания».

Может быть, так казалось авторам воззвания, но в действительности дело было не так: и большевики и меньшевики в Екатеринославе были слабы и не могли взять всего движения в свои руки. Правда, меньшевики в своем обращении к большевистскому комитету предлагали выработать общий план движения, но ведь и большевикам нельзя отказать в понимании важности и грандиозности надвинувшихся событий. Екатеринославские большевики только не скрывали ни от себя, ни от рабочих той дезорганизованности, какую переживала перед 9 января соц.-демократия. Вот, что писал екатеринославский комитет в своем обращении к петербургским рабочим по поводу январского движения:

«После долгого молчания вы снова громко выступили на путь освободительного движения российского пролетариата. Застигнутые врасплох, оглушенные непривычным движением в либеральном мире, мы, рабочие, не должны вдаваться в обманчивые иллюзии, мы должны помнить, что вся эта оглушительная фразеология рассеется, как дым, при первом благоприятном дуновении ветерка».

Указывая дальше на истинную сущность либерального движения и на соглашательскую тактику буржуазии, екатеринославский комитет утверждает, что единственным борцом и руководителем революции будет рабочий класс, передовым же отрядом пролетариата «являетесь вы—рабочие петербургских заводов». Обещая свою поддержку, екатеринославский комитет говорит:

«Мы призываем вас: стойте дружно за наше родное рабочее дело, не поддавайтесь сладким песням либеральных сирен, будьте уверены, что вся рабочая Россия поддержит вас в вашей общей великой борьбе»[2]. Но, сознавая дезорганизованность соц.-демократии — разногласия между двумя

---

[1] «Искра», № 85.
[2] Цит. из № 6 «Вперед».

фракциями единой еще тогда формально соц.-демократии, существование двух параллельных организаций, екатеринославский комитет и другие организации: луганская, александровская, юзовская (в том числе, конечно, и меньшевистские) сделали все, что могли, чтобы придать планомерность движению и овладеть им. Екатеринославский комитет призвал рабочих к забастовке и осветил петербургские события, насколько было возможно, средствами своей нелегальной техники: кроме указанных в начале статьи листков комитетом был издан специальный листок: «Ко всем гражданам», в котором призывались все живые силы страны присоединиться к лозунгам соц.-демократии в предстоящей демократически-буржуазной революции.

«К нашим лозунгам присоединяйтесь, под нашим революционным знаменем выступайте! Кто же не может вступить в ряды активными борцами организуйтесь для возможно широкой материальной поддержки, давайте деньги, давайте квартиры, оказывайте всяческое содействие революционным борцам! Лишнее говорить, насколько своевременная и энергичная помощь может оказать поддержку делу революции.

«Так, к единению в этот многознаменательный момент, граждане! Пусть же ваша совесть не будет потом вам укором. Пусть ваши дети не упрекнут вас в бездействии. Предстаньте же перед судом грядущих событий честно исполнившими свой гражданский долг!»[1].

В воспоминаниях рабочих также рисуется деятельность организации: если не единственную, то главную работу комитета составляло ведение дискуссий с меньшевиками и соц.-революционерами. Правда, по признанию самих рабочих, эти дискуссии были очень необходимы. «Все положения этих партий,—говорит т. Иван Меренков,—группы одиночек, которые широкой дискуссией переходили через массовки, кружки и собрания, подвергались на каждой фабрике, заводе и мастерской и около станка и тисков, самому широкому обсуждению. Словом, мысль бурлила, искала выхода из такого тогда невыносимого тяжелого положения, которое больше всего создавал полицейский царский гнет»[2].

Но зато эта фракционная борьба поглощала целиком и так незначительные большевистские силы, и не удалось войти в гущу рабочих, объединить и спаять массу на почве близких и понятных самой широкой массе требований, нужд

[1] Истор.-революц. арх., Особ. отд., д. № 5, ч. 6, 1905 г.
[2] «Материалы», стр. 115.

и интересов. Потребовался опыт кровавого воскресенья, чтобы бросить широкие массы пролетариата в соц.-демократическую организацию.

Провал большевиков отдал организацию в руки меньшевиков и этим отчасти (но только отчасти, конечно) объясняется то выставление на первый план экономических требований, которые были выдвинуты во время екатеринославской забастовки.

Кроме обще-политических прокламаций, освещающих петербургские события и призывающих к забастовке, екатеринославский комитет выпустил специальные листки с требованиями разных заводов: гвоздильного Гантке, трубочного, екатеринославских железнодорожных мастерских бельгийского и штампажного, служащих трамвая, приказчиков; были переизданы: петиция, обращение Гапона к рабочим, обращение ЦК РС-ДРП, Совета партии, «Искры» и заграничной лиги рус. соц.-дем. к гражданам и, наконец, три прокламации подводившие итог январским событиям как в Петербурге, так в Екатеринославе и всей России: одна—«К рабочим и работницам г. Екатеринослава», другая—«Чему учит нас стачка?» (от 28 января) и третья—«Пора кончать» (правда о пет. событиях). В этих трех прокламациях подводился итог событиям, разъяснялось значение петербургского движения и руководящая роль петербургского пролетариата в предстоящей революции и намечалась ближайшая тактика рабочих.

«В борьбу всеми силами, всеми средствами! В борьбу что бы ни ждало нас! В борьбу с царским самодержавием, с убийцами рабочего народа! И пусть эта борьба не кончается до тех пор, пока исчезнет царское самодержавие и свободный народ установит новый *свободный порядок в демократической республике*!» Так заканчивалась прокламация «Пора кончать!» Вооруженное восстание рабочих—это было ближайшей целью.

«Мы взяли в руки меч. Пока они не сгнили,
Мы не должны расстаться с ним...
Довольно мы своих врагов любили,
Мы ненавидеть их хотим.

Но и не только екатеринославский комитет в отношении агитации проявил деятельность. Луганская, александровская, бахмутская, юзовская организации, донецкий комитет [1], павлоградская организация выпускали листки как ори-

[1] «В бой за свободу!» Юзовская группа, «К раб. зав. Гартмана». Луганская и другие.

гинальные, так и перепечатки петиции Гапона, его письма, прокламации ЦК РС-ДРП и оттиски из «Искры». Таким образом, отказать екатеринославским организациям соц.-демократов нельзя не только в понимании происходящих событий, но и в том, что они приняли все меры, чтобы поднять рабочих посредством агитации и организации, без сомнения, по заранее обдуманному плану [1].

В особенности это приходится подчеркнуть в отношении луганской организации. Эта организация была сравнительно молода, несмотря на то, что Луганск в то время являлся крупным промышленным центром с такими гигантами заводами, как завод Гарумана с 6½ тыс. рабочих. Всего рабобочих в Луганске насчитывалось не менее 10 т. человек, что в сущности делало город рабочим (с семьями рабочего населения в Луганске насчитывалось несколько десятков тысяч человек).

В начале 900-х годов и Луганск был затронут промышленным кризисом, тяжело отозвавшимся на рабочих.

«Связанный органическими узами со всей Россией,—говорит историк луганской соц.-демократической организации,—Луганск вскоре попал в полосу промышленной депрессии, явившейся в результате общего промышленного кризиса в России» [2]. В связи с этим кризисом, больно ударившим по рабочим и возникла луганская соц.-демократическая организация, товарищами которой были т.т. Ворошилов («Володя», «Клим»), Пузанов, Паловой и др. Возникши в 1901 году, организация быстро окрепла и с самого начала своего существования примыкала к революционному крылу русской соц.-демократии. В 1903 году, после раскола, луганская организация становится большевистской и с тех пор не изменяет своему большевистскому знамени [3].

В 1904 году Гартмановский завод, эта цитадель революционного движения в Луганске, получил военный заказ и,

[1] Значение других партий в Екатеринославе и на южных заводах в эти дни было ничтожно: прокламации были выпущены и партией соц.-революционеров «К рабочим». (Екатеринославским комитетом); но прокламация запоздала (она вышла 25 января), плохо была отпечатана и значения не имела. Только студенческая молодежь Екатер. горного училища деятельно помогала соц.-демократической организации.

[2] «Летопись революции» № 4—1923 г. Гос. изд. Украины. А. Гамбаров. «Очерк по истории революц. движения в Луганске», стр. 53.

[3] Неправильно только утверждает т. Гамбаров, (см. стр. 53 указанной выше его статьи), что т. Ворошилов был делегатом от Луганска на 2-м съезде партии: ни на 2-м ни на 3-м съезде партии от Луганска делегата не было.

таким образом, кризис наступивший в связи с войной, не только не коснулся луганских рабочих, но даже увеличил их кадры, так как срочность заказа потребовала нового притока рабочих. Настроение рабочих масс было бодрое и даже боевое, так что, когда до Луганска дошли вести о петербургских событиях, рабочие сейчас, во главе со своей организацией, бросились в борьбу.

Третья причина, однако, помешала екатеринославцам в полной мере использовать январские события в Петербурге: большие аресты, произведенные полицией.

Большие аресты были произведены 9, 10, 13 и 24 января. 9 января на сходке были арестованы: Туба Марголин, Дмитрий Васильевич Авдеенко, Л. Г. Бляхер, Сергей Алексеевич Беликов, Игнат Андреевич Хорошенко и Феодосия Максимовна Голоперова. На следующий день той же участи подверглись: Голда Верчик, М. З. Левитан, Е. Л. Гуревич, Б. Х. Стрельцова, Х. М. Пляхер, Е. Р. Якобсон, Н. А. Сегаль, П. П. Лесин, З. Ю. Рахманов, С. И. Гальперин, С. Д. Вульфсон, И. Х. Фрадкин, и Д. И. Хаймович. 13 января попали в тюрьму: С. Аэрова, Ж. С. Махтина, М. Гольдштейн, Е. Х. Цукерман, Р. Ш. Брава, Б. И. Ланде, Х. Т. Позднякова, Б. Х. Перцовский, Ш. Б. Железняк, А. М. Абель, Д. Вайсман, Ш. Саксонов, Герш Котик и С. Л. Герчикова.

24 января были арестованы, повидимому, меньшевики: Я. С. Черняховский, Б. Д. Вульфсон, Евг. Алекс. Немчинова, М. И. Бердичевский, З. Казлинер, С. Б. Рудштейн, М. Н. Животов, Д. И. Хаймович, Р. Я. Лесман, М. С. Файн, М. М. Боровский.

Все эти лица были застигнуты на собраниях, при чем у некоторых были найдены прокламации. В феврале аресты еще более усилились; несколько раз были захвачены транспорты с литературой (напр., на квартире у Кузьмы Филипповича Казаногина), а в ночь с 6-го на 7 февраля было задержано полицией на большой сходке 50 человек. Правда, многих из арестованных пришлось вскоре освободить, так что местный жандармский ротмистр Шульц по этому случаю даже написал донос на губернатора и свое ближайшее начальство в департамент полиции[1], но все же этими арестами

---

[1] Истор.-революц. арх. 1905 г., 4-е делопр., д. № 4, ч. 17. Жандарм жаловался, что вследствие, по его мнению, соглашательской политики властей пришлось из числа задержанных на сходках оставить в тюрьме, да и то на две недели, только 17 человек: Рейтханда, Марголина, Авде-

была внесена большая дезорганизация в ряды местной соц.-демократии и рабочее движение. Некоторые из упомянутых выше соц.-демократов арестовывались несколько раз, чем вносилась еще большая дезорганизация, так как, очевидно, эти лица освобождались, главным образом, для того, чтобы наблюдением за ними выследить оставшихся в организации товарищей. Больше же всего влияло на работу то разделение соц.-демократии на две группы, которое отмечают даже жандармы. «Последние три-четыре месяца в местной соц.-демократической организации наблюдается раскол и разлад, и руководство деятельностью организации периодически переходит от «большинства» к «меньшинству» и обратно»,—говорится в докладе департаменту полиции от 7 февраля[1].

Однако, несмотря на это, докладчик констатирует, что главные руководители организации ускользают из рук полиции: говоря о том, что пришлось за отсутствием улик освободить по его мнению лидеров меньшевиков Боровского и Тейтельбаума, жандарм продолжает: «...к дознаниям привлекаются в большинстве лица, стоящие около техники или же распространители преступной литературы, более же серьезные деятели остаются в стороне, лишь изредка попадаясь в качестве агитаторов на сходках, куда обыкновенно являются, избегая брать что-либо их компрометирующее...»

Так конспиративная выучка подпольной организации вызвала эту наивную жандармскую жалобу и заставила полицию производить массовые обыски.

Несмотря на жертвы и аресты, январские забастовки всколыхнули весь пролетариат Донецкого бассейна.

«Настроение, создавшееся в рабочих массах после событий 9 января, кроме этого война с Японией, давали хороший материал для агитации и пропаганды. Работа организационно-пропагандистская шла вглубь и вширь»[2]. Так пишет в своих воспоминаниях т. И. Захаренко. То же самое говорят и другие участники движения, напр., Иван Меренков, то же самое констатирует и А. Гамбаров. Пролетариат До-

---

енко, Литвина, Шульдинера, Губергрица, Верчика, Рахманова, Бляхера, Железняк, Саксонова, Котика, Беспалова, Боровского, Каневскую и Лившиц.

Так на сходке 13 января, когда были задержаны Горбалев, Р. Б. Штейн, А. С. Беспалов, А. Аэров, Грибнер, М. М. Боровский, Г. Г. Муравин, Розенбаум, Коган, Цоткова, Каневская и Лившиц, некоторые лица, напр., Боровский и Каневская, попадались вторично.

[1] Истор.-революц. арх., Особ. отд., дело № 5, ч. 6, л. А, 1905 г.
[2] «Летопись Революции», 1923 г., № 4, Гос. изд. Укр., стр. 63.

нецкого бассейна хотя и не добился осуществления своих требований, но вышел из борьбы бодрым и готовым к новой борьбе [1].

2. ХАРЬКОВ

Глубокие причины, вызвавшие движение петербургского пролетариата в январские дни 1905 года, таились в самом существе того строя, каким характеризовалась Россия Николая II. Эти причины одинаково действовали на всем протяжении самодержавной страны, и то обстоятельство, что во главе движения на мгновение оказался священник Гапон, было результатом тех своеобразных условий, в каких жила и развивалась царская Россия.

Постоянные, присущие буржуазному обществу противоречия толкали рабочих на борьбу, независимо от желаний, стремлений и целей, какие ставили себе не только такие личности, как Гапон, но даже целые партии и революционные течения, которые имели более или менее прочные корни в рабочем классе.

Не осталось ни одного крупного промышленного центра в России, где бы рабочие то в виде непосредственных боевых столкновений с войсками на улицах, то в виде забастовок не вставали на борьбу в знак солидарности с петербургскими товарищами. Даже глухие углы, где было всегда несколько сотен рабочих, и те присоединились к общей борьбе.

Нашли, конечно, отклик январские события в Харькове.

О том, в каком положении находились харьковские рабочие, можно судить хотя бы по тем требованиям, что были предъявлены на Курско-Харьково-Севастопольской жел. дороге [2]. Рабочие, между прочим, требовали: уничтожения штрафов за опоздание на работу даже на 5 минут; замены коптилок в закрытых помещениях другими источниками света; увеличения выдачи рукавиц; устройства вентиляции; назначения врача для мастерских и дежурства фельдшера; выдачи казенного столярного инструмента; отмены штрафов за утерю номеров для пропуска в мастерские; обязательного вывешивания расценков в мастерских; отмены подъемки вагонов зимой на открытом месте, на воздухе; освобождения маляров от очистки крыш вагонов при их окраске; устройства бани.

---

[1] «Материалы» стр. 127.

[2] Дело о беспорядках 9—11 января, 4-е делопр., № 4, ч. I и далее, 1905 г. Истор.-революц. арх.

Рабочие одной из лучших дорог должны были работать при коптилках и в без того душных мастерских (напр., в литейной); работа производилась зимой на дворе, не было рукавиц, не было доктора, не было вентиляции, словом, обстановка работ была такова, как 50 лет тому назад, когда в России только что начинали строиться железные дороги.

Непомерно длинный рабочий день (вопреки закону начальство ухитрилось удлинить его), низкая заработная плата, варварское обращение начальства, беспричинное увольнение со службы,—все это было очень хорошо известно харьковскому рабочему. Так было в казенном предприятии, чего же можно было ожидать от частных заводов и фабрик, особенно небольших по размерам?

Забастовочное движение, в знак сочувствия петербургскому пролетариату, началось с самого крупного, паровозостроительного завода. Здесь было к тому же наиболее сильно влияние соц.-демократов. На собрании, происшедшем на заводе 17 января, была принята резолюция, предложенная харьковским комитетом Росс. соц.-демокр. раб. партии, и завод забастовал. Вот эта резолюция:

«Мы, рабочие паровозостроительного завода, возмущенные до глубины души дикой, зверской расправой царского правительства над петербургскими рабочими, их женами и детьми, сотни безвинно павших трупов которых требуют отмщения, бросаем сегодня, 17 января, работу в знак своего негодования против гнусного насилия самодержавия и приглашаем всех харьковских рабочих присоединиться к этому протесту посредством всеобщей забастовки и поддержать следующие требования, единодушно выставленные рабочими петербургских, московских, виленских, ковенских, ревельских и других заводов и фабрик:

«1) 8-часовой рабочий день; 2) отмена сверхурочных работ; 3) уничтожение штрафов; 4) вежливое обращение со стороны администрации; 5) общедоступная врачебная и больничная помощь; 6) обеспечение всех потерявших здоровье и получивших увечье; 7) бесплатное обучение детей рабочих за счет государства; 8) улучшение гигиенических условий на заводах и фабриках; 9) свобода слова, печати, собраний, союзов и стачек; неприкосновенность личности и жилищ; 10) полное равенство всех граждан, независимо от пола, национальности, религии; 11) освобождение всех заключенных и сосланных по делам стачек, политическим и религиозным, и полное восстановление их в правах.

«Принимая во внимание, что удовлетворение этих требований, общих для всех рабочих России, может быть осуществлено лишь при замене царского самодержавия представительным народным правлением, мы требуем немедленного созыва учредительного собрания из представителей, свободно избранных на основе всеобщего, равного для всех, прямого и тайного голосования.

Харьковский комитет РС.-ДРП.

Требования, предъявленные рабочими паровозостроительного завода к заводской администрации.

1) Увольнение помощника директора Гладкова и мастера Нестерова. 2) Повышение заработной платы на 20%. 3) Увеличение платы чернорабочим до 1 рубля. 4) Приглашение еще одного врача. 5) Улучшение гигиенических условий, в медницкой, котельной, меднолитейной и др. мастерских. 6) Чтобы дни стачки не считались прогульными и за них было уплачено. 7) Чтобы никто из рабочих не пострадал за стачку.

Рабочие паровозостроительного завода приглашали присоединиться к их протесту и «посредством всеобщей забастовки поддержать следующие требования... петербургских, московских, виленских, ковенских, ревельских и других заводов и фабрик». А главнейшими требованиями этих рабочих были, как известно, кроме восьмичасового рабочего дня, и все свободы, а также созыв учредительного собрания.

Таким образом, своей забастовкой харьковский паровозостроительный завод, во-первых, солидаризировался со всей остальной рабочей Россией, и, во-вторых, принимая резолюцию, выработанную харьковским соц.-демократическим комитетом, показывал, что он выступает под знаменем соц.-демократии.

Радость петербургских жандармов накануне январских дней, что рабочее движение идет не под руководством соц.-демократии, скоро была омрачена не только в Петербурге, но и во всей России, примером чего в данном случае и служит Харьков.

Прошло довольно много дней, прежде чем забастовка охватила весь харьковский пролетариат, только в конце января паровозники снова выступают на борьбу. К ним постепенно присоединяются сначала крупные заводы, а затем средние и мелкие и, наконец, ремесленные заведения.

Утром 29 января рабочие паровозостроительного завода предъвили следующие требования: «Вполне сочувствуя требованиям петербургких рабочих, мы требуем: 1) 8-часового рабочего дня; 2) увеличения расценок и 3) увеличения поденной платы»[1].

Забастовку начали поденные рабочие, предъявив требование повысить заработную плату с 60 коп. до 1 р. в день.

После этого в сборном цехе с криками: «Бросай работу и выходи на совещание!» рабочие оставили работы, рассыпались по другим цехам, и скоро на дворе завода начался митинг. Вытребовали директора завода Риццони и объявили ему, что присоединяются к требованиям петербургского пролетариата, т. е. прежде всего к требованию 8-часового рабочего дня, а что касается требований второстепенного характера, то рабочие оставляют за собою право предъявить их администрации завода через три дня.

Директор ответил, что он готов хоть сейчас выслушать их и немедленно телеграфировать в Петербург председателю правления Иванову. Затем на трибуну вошел слесарь Бронислав Петрович Гаевский и предложил, не доверяя словам директора, выбрать депутатов для переговоров с администрацией и для руководства делом, а за ним выступил копировщик технической конторы Тимофей Ильич Трезин и прочел письмо Гапона к рабочим, призывавшее к борьбе с оружием в руках.

Тотчас же после митинга рабочие по цехам выбрали депутатов, и в тот же день состоялось первое совещание этих выборных. В три часа дня огромный завод замер[2].

Вслед за паровозостроительным заводом 3 февраля забастовали паровозные и вагонные мастерские Курско-Харьково-Севастопольской жел. дороги. В течение 4, 5 и 7 февраля прекратили работы рабочие механических заводов Бельке, большого завода Гельферих-Садэ, зав. Мельгозе, Пильстрем, зав. «Русский Слесарь», зав. Тренке, маленьких слесарных заведений Игнатовых и Закрожевского, терракотового завода Бергенгейма, габачной фабрики Кальфа, картонажной фабрики Гофман-Деуель, а затем остановились конфектные фабрики и все типографии, так что в течение трех дней не вышла ни одна газета. Частично к забастовке присоединились пекаря.

---

[1] См. донесение харьковского охр. отд. в деп. полиции в вышеуказанном деле. (Истор.-революц. арх.).

[2] См. донесение харьк. губернатора в деп. полиции за № 988 от 29 января 1905 г. в том же деле.

По словам официальных документов (донесение губернатора и нач. губ. жанд. упр.) требования на всех заводах и фабриках сводились к следующему: уменьшение рабочего времени (до 8 часов), увеличение заработной платы, удаление особенно ненавистных мастеров, улучшение гигиенических условий мастерских, устранение обысков при выходе из мастерских, уплата жалованья за дни забастовки, улучшение медицинской части на заводах и фабриках и назначение постоянной комиссии из выборных от рабочих для рассмотрения конфликтов с администрацией (увольнение рабочих, штрафы и т. п.). Каждый завод индивидуализировал эти общие требования сообразно тем условиям, в каких находилось то или другое предприятие, в этом отношении особенно примечательны требования, предъявленные железнодорожниками.

Часть этих требований начальник дорог не решился удовлетворить самостоятельно; к числу таких требований относились: восьмичасовой рабочий день, уплата за табельные дни, повышение платы молотобойцу (от 1 р. в день) и чернорабочему (от 80 коп.); вознаграждение за каждый год в размере месячного содержания, при каких бы условиях рабочий ни был уволен. Но прослужившие 20 лет службы должны получить временное вознаграждение с правом продолжать службу, если они способны к труду; выдача больничных денег в размере поденного жалованья, хотя бы рабочий заболел без увечья; прибавка поденного жалованья вообще; учреждение праздника 19 февраля; избрание комиссии из рабочих для улаживания конфликтов с администрацией; уплата за дни забастовки. Этих требований удовлетворить не могли без разрешения министра.

Остальные же требования (о некоторых из них мы говорили выше), а именно уничтожение пропуска для входа в контору мастерских; уничтожение коптилок; выдача рукавиц; улучшение условий переноски материалов; устройство вентиляции; улучшение медицинской помощи; выдача бесплатных проездных билетов по чужим железным дорогам; скорейшая выдача больничных денег; уплата жалованья в ближайшую субботу после 11 числа; выдача казенного столярного инструмента; отмена штрафа за утерю номеров для входа в мастерские и вход в случае утери номеров по квиткам; уничтожение бригадной работы в некоторых цехах; неприкосновенность личности депутатов, выбранных во время забастовки... и устройство молебна на казенный счет—все эти требования администрация дороги удовлетворила.

Потребовалось огромное движение петербургских рабочих, кровь, ими пролитая на улицах Петербурга, чтобы харьковские рабочие могли, наконец, работать не при коптилках, а при более удовлетворительном освещении, чтобы им выдавали рукавицы и не брали штрафа за утерю входного номерка!

Забастовка на паровозостроительном заводе уже кончилась 10 февраля почти полной победой рабочих; но вследствие предъявления новых требований пришлось ее начать снова. Когда же часть рабочих хотела стать на работы, то на помощь передовым рабочим пришли рабочие завода Гельферих-Садэ, явившись на митинг паровозников в количестве 300 человек (перелезли через забор, так как полиция не пускала в ворота), и забастовка снова началась.

В общем, забастовка, начатая в январе по поводу петербургских событий и из чувства солидарности, закончилась только 15 февраля и превратилась почти во всеобщую.

К каким же результатам привела эта забастовка? Лучшим ответом на это является письмо от 18 февраля 1905 г. одного из членов местной соц.-демократической организации, повидимому меньшевика, перлюстрированное жандармами[1]. В этом письме говорится:

«Стачки начинают утихать. К сожалению им не удалось придать характера всеобщности: не было для этого сил, не было предварительной подготовительной работы, ряд провалов ослабил местную организацию и разрушил связи с кое-какими заводами и ремеслами. Стачка типографских рабочих окончилась успешно. Комиссия из представителей рабочих и владельцев типографий выработала соглашение, опубликованное в местных газетах. Добились 9-часового рабочего дня, некоторого увеличения заработка, полной отмены штрафов и обысков. Только некоторые требования были отвергнуты хозяевами. Например, постоянная комиссия для выработки расценков и улаживания конфликтов, была объявлена принципиально неприемлемой, государственное страхование—стоящим вне компетенции комиссии и еще кое-что. В стачке принимали участие из солидарности (так и было заявлено в газете) рабочие «Южного Края». Газеты не выходили два дня, за исключением «Губернских Ведомостей», печатавшихся под охраной полиции в размере полулиста. Первый после стачки номер «Харьковского Листка» вышел со следующим зая-

[1] То же дело, Истор.-рев. арх.

влением: «Этот номер выходит в свет с ведома и согласия представителей от всех типографских рабочих гор. Харькова».

«Стачка булочников вспыхнула стихийно, велась неорганизованно, неосмысленно и, разумеется, была почти проиграна. Рабочим табачных фабрик удалось кое-чего добиться, но, несмотря на гарантированную хозяевами и фабричным инспектором неприкосновенность депутатов, они (т. е. депутаты) и более деятельные рабочие были уволены, а некоторые и арестованы, хотя скоро и выпущены. Бастовали и конфектные фабрики, мелких уступок они добились. Интересно, что полиция в стачки не вмешивалась, а губернатор даже сказал депутатам от табачных фабрик, что он ничего не имеет против стачек и вообще экономической борьбы. Под угрозой возможной стачки сократили на час рабочий день хозяева слесарных мастерских. Дольше всех бастовал механический завод Гельферих-Садэ. Около 2 недель рабочие держались, когда полиции удалось уговорить некоторых старых рабочих-домовладельцев приступить к работе; удовлетворившись полученными уступками, за ними пошли и остальные. При этом несколько десятков рабочих было уволено. На заводе сильное брожение, и не сегодня-завтра снова вспыхнет стачка. На паровозостроительном заводе начавшаяся для поддержки рабочих Гельферих-Садэ стачка окончилась. Механический завод Пильстрема еще не работает. Железнодорожные мастерские получили уступки, вероятно, известные вам из напечатанной в газетах «высочайшей милости». Бастовали они тоже около двух недель».

Характер забастовки очень хорошо определяется самими врагами рабочего класса. Это была не только экономическая забастовка ради своих ближайших насущных нужд, но и забастовка политическая, стачка солидарности и общего протеста.

«В некоторых промышленных заведениях,—говорит губернатор в своем докладе,—рабочие не предъявляли никаких требований, но прекращали работы из чувства солидарности с другими забастовщиками или под влиянием их угроз. Рабочее движение развилось под давлением агитации, которая велась параллельно и на почве экономических условий рабочего быта и на почве революционного движения. Агитация первого рода преобладала в первоначальный период

забастовок; в последнее время начинает более примешиваться к рабочему движению политическая пропаганда»[1].

Попытаемся же на основании тех материалов, что имеются в нашем распоряжении, определить, насколько действительно имела значение в харьковском стачечном движении та «политическая пропаганда», о которой говорит официальный документ.

В январские дни в Харькове был меньшевистский харьковский комитет Российской соц.-демократической рабочей партии. Он являлся организацией, в значительной степени черпавшей силы из интеллигентской, мелкобуржуазной среды. Учащиеся высших и средних учебных заведений, а также люди из «общества» доставляли комитету как человеческий материал, так и материальные средства: явки, адреса и деньги. «Связи с обществом здесь большие, пишет большевик, приехавший в Харьков в начале января,—так что содержать могут».

Большевик требует присылки людей для работы в Харькове, надеясь, что, благодаря связям в обществе, материальные условия жизни вновь прибывших товарищей будут сносны. Всякий, кто работал в качестве профессионала-революционера в подпольи в эпоху самодержавия, знает, как тяжелы были эти условия жизни, а уверенность, высказанная в письме, показывает, что эта сторона жизни харьковских соц.-демократов-подпольщиков была, во всяком случае, удовлетворительна.

Еще в 1903 году на юге России революционное движение захватило не только студенчество, но и учащихся средней школы. Не оставалось ни одного города, где не было бы правильной ученической организации; при этом все эти гимназические и семинарские кружки стояли не одиночками, а входили, как часть, в обширную организацию средней школы. Харьков, Екатеринослав, Ростов-на-Дону, Таганрог, Бердянск, Мариуполь и много других городов, станиц и местечек входили в образовавшийся «Южно-русский союз учащихся средней школы». Союз этот окончательно оформился на съездах в Ростове-на-Дону и Харькове в 1903 году и принял устав и программу, признававшую руководство соц.-демократии.

Харьков в этом движении сыграл не последнюю роль: в нем соц.-демократических кружков в средних учебных заведениях к январю 1905 года насчитывалось не менее 30.

---

[1] Там же, то же дело.

Правда, к 1905 году организация учащихся средней школы распалась. Союза, как организации, не существовало; революционное развитие показало даже буржуазной молодежи всю несовместимость ее движения с движением рабочих, однако, это не мешало существованию довольно сильных отдельных кружков, всецело разделявших соц.-демократическую программу и оказывавших нашим организациям большую поддержку. В январе такие кружки слились с общестуденческой организацией, и харьковский комитет черпал отсюда большой запас сил и средств.

Но это же обстоятельство придавало харьковской организации обывательский характер.

«Появившийся человек сюда,—пишет в своем письме большевик, приехавший в Харьков в январе 1905 г.,—познакомится с меньшинством, будет знаком со всем городом, в котором при гуляньи хорошенькие тыкают пальцем: «вон, душка пошел»—так один из душек, благодаря такому знакомству, после 3-недельного приезда провалился (т. н. Нежданов)». Этот обывательский характер организации отражался и на всей работе харьковского комитета меньшевиков.

Тот же большевик, письмо которого мы только что цитировали, такими словами рисует харьковскую соц.-демократическую организацию.

«В Харькове ни черта буквально нет. Проклятые меньшевики сидят в своих ученых стульях около трех лет и даже не могли массу воспитать в политической форме, а, все твердящие, т. е. массе, об экономизме, они теперь по предложению комитета разбросать прокламации по поводу поддержки питерских товарищей отказались, благодаря тому, что им нужно бороться с капиталом, а не с верхом. Техники до сих пор не было, и только при мне выпущен первый листок, написанный недурно. Благодаря внесенной дезорганизации, здесь появилась на свет божий рабочедельческая группа Южно-русского союза. Все время никаких масс, а также собраний не было, прокламаций также. Люди должны сами по-семейному собираться, нередко по 20 и 30 человек, и также по-семейному проваливаться—отсутствие конспирации абсолютно».

«Практики здесь совершенно нет, организация дрябленькая»,—так формулирует свои выводы и наблюдения человек, очевидно не привыкший вести революционную работу на гуляньях среди тех хорошеньких девиц, которые проваливали вновь появлявшихся нелегальных.

Такая характеристика харьковской организации, повидимому, близка к действительности, потому что сами меньшевики, как увидим дальше, не отрицают этого.

Харьковская организация имела следующую структуру: общее руководство находилось в руках комитета. Всей организационной работой заведывал ответственный организатор; пропаганда и агитация находились в ведении ответственного пропагандиста, а руководящей работой вообще занимался секретарь комитета.

Город делился на три района: Петинский или паровозостроительный, городской и железнодорожный.

Самым рабочим и самым революционным считался Петинский район, куда входили два крупнейшие завода Харькова—паровозостроительный и завод земледельческих машин и орудий Гельферих-Садэ (на двух этих предприятиях работало до 10 т. пролетариев).

Вторым по своему рабочему составу и революционности был район железнодорожный, куда входили прежде всего железнодорожные мастерские; в этот же район включались и такие большие заводы, как терракотовый завод Бергенгейма, сахаро-рафинадный завод (на Ивановке) и другие более мелкие предприятия.

Третий район, городской—ремесленный, хотя в него входили конфектные фабрики, мельницы, типографии и прочие более или менее среднего размера заведения.

Во главе каждого района стоял районный комитет с районным ответственным организатором, пропагандистом и секретарем.

Как составлялся харьковский комитет, путем ли выбора представителей от районов или еще как-нибудь,—в наших данных указаний не имеется.

Интеллигентскому составу харьковского комитета пришлась особенно по душе та тактика, какую предлагала «Искра» в 1904 году в связи с оживлением русской жизни, «весной» Святополка-Мирского и банкетной кампанией либералов.

План использования либеральных банкетов, по мнению «Искры», должен был состоять в том, что рабочие и соц.-демократы должны были являться на либеральные банкеты и собрания и там, выявляя свою линию, откалывать от буржуазии наиболее революционные элементы и вести, таким образом, буржуазию за собой.

Большевики беспощадно обрушились своей критикой на эту соглашательскую тактику и выдвигали чисто классовую и революционную линию: не принижать соц.-демократию, а призывать рабочих к самостоятельным и открытым выступлениям против самодержавия, к вооруженным демонстрациям и забастовкам.

Руководителями большевистской организации в Харькове являлись в то время Б. В. Авилов («Павел Павлович»), Сергеев («Артем») Андрей и Грамматчиков. Лидерами были Авилов и Артем.

Особенно огромным влиянием в рабочих кругах пользовался Артем. Но его влияние распространялось и за пределы своей пролетарской массы.

Так исключительно его влиянию обязана большевистская организация тем, что несмотря на глубокие корни, которые пустили меньшевики среди учащейся молодежи, очень многие кружки, где господствовали меньшевики, перешли к большевикам. Об этом рассказывает т. К. Басалыго (Дальний).

«О расколе,—говорит он,—среди соц.-демократов и существовании «большевиков» обычно скрывалось. И лишь только к концу 1904 года, когда общественная жизнь начала итти более усиленным темпом, когда большевики начали укреплять свою организацию, завязывая связи с рабочими и учащимися, в политических кружках заговорили о большевиках, при чем меньшевиками давалась характеристика о них, как о «заговорщиках», стремящихся сделать революцию путем вооруженного восстания».

Описав затем встречу с Артемом, т. Басалыго, продолжает: «Его задушевный голос, энергия, с которой он говорил, на многих из нас произвели неизгладимое впечатление. Спустя некоторое время мы устроили дискуссию, и наш руководитель вынужден был «спасовать» перед т. Артемом. С этого времени у нас в кружке происходит раздор. Мы раскалываемся на два лагеря. Сочувствующие большевикам начинают искать общения с т. Артемом, он «вливает» нас в кружок большевиков и становится нашим руководителем».

В результате такой энергичной работы Артема и других руководителей движения «организация большевиков в Харькове развивалась, крепла и к ее лозунгам... прислушивалось большинство рабочих»[1]. Между тем соглашательская, при-

[1] К. Басалыго. «Революционное движение в Харькове с 1905—6 гг.» «Летопись Революции», Гос. изд. Укр., № 1 (16)—1924 г., стр. 119 и 120.

нижающая соц.-демократию тактика меньшевиков, вносила страшную путаницу в головы рабочих, дезорганизовывала их ряды и была на-руку буржуазии.

Харьков не составлял исключения, что очень хорошо подтвердилось еще в декабре 1904 г. и дало отрицательные результаты в январе 1905 г., когда требовалось проведение особенно четкой пролетарской линии.

5 декабря 1904 г. харьковские либералы устроили банкет в память сорокалетия судебных уставов Александра II. По плану меньшевиков, рабочие должны были явиться на этот банкет и произнести там речи, в которых и должна была выявиться точка зрения соц.-демократии и пролетариата.

Но либералы назначили очень высокую плату за вход на банкет, так что на нем рабочих оказалось ничтожная кучка; слова представителю рабочих тоже не дали, так что выявить своих взглядов харьковским меньшевикам не удалось; говорил же от имени рабочих какой-то самозванец, смиренно умолявший либералов не забыть и «меньшей братии» в случае, если либералам удастся добиться конституции. Такого оборота дел не ожидали даже меньшевики, и пришлось им издавать специальную прокламацию по поводу неудачи, постигшей их на банкете 5 декабря 1904 г.

Понятно, что с такой тактикой и такими методами работы, события 9 января застали Харьков врасплох. А между тем, харьковская пролетарская среда имела достаточно горючего материала, о чем свидетельствуют как вообще все забастовки января и февраля, о которых мы говорили выше, так и тот факт, что рабочие, принявшие на паровозостроительном заводе соц.-демократическую резолюцию, готовы были к революционным выступлениям. Нужно было только, чтобы в руководящих верхах меньшевистского Харькова горело побольше революционного сознания и готовности действовать решительно и быстро.

Вместо этого, как раз в тот момент, когда по призыву комитета в знак солидарности с петербургскими рабочими, забастовали и харьковские,—лидеры местной организации опять призывали пролетариат... на банкеты.

«Дело в том, что осталось несколько часов до с о б р а н и й, — пишет в своем письме от 18 января один из харьковских меньшевиков,—которые бог знает, чем кончатся,— много очень точек, которые мелькают перед глазами: смерть, избиение, тюрьма и т. д. Смотря по тому, как начнется, в какую форму выльется и в какой степени будет «благо-

склонное» участие полиции, казаков, войск и пр. Сегодня в 8 часов имеет состояться банкет, устраиваемый радикальной частью интеллигенции по поводу 100-летия Харьковского университета, на котором будут присутствовать профессора, студенты и рабочие. Заранее уже намечены, выработаны 3 резолюции: одна—либерально-умеренная, другая—крайне демократическая и третья—нечто среднее между двумя первыми. По этому поводу вчера собрались с своей стороны и мы для предварительного обсуждения характера этих резолюций и своего поведения и отношения к банкетистам-либералам и вынесли приблизительно такую резолюцию: выразить порицание организационной комиссии по устройству банкета за то, что она фактом приглашения для выработки резолюций лишь студентов соц.-демократов, а не представителей местного соц.-демократического комитета, тем самым игнорирует и не хочет считаться с соц.-демократической партией, как целым—это во-первых; во-вторых, если доступ на банкет для нас будет прекращен, то врываемся силой; в-третьих, если не будет принята резолюция, желательная нам, единственно под которой мы можем подписаться, т. е. немедленное прекращение войны, созыв учредительного собрания и амнистия всем политическим и религиозным преступникам и при том не в форме просьбы, а требования, то мы срываем банкет и превращаем его в собственный политический митинг. Выработанное вчера, сегодня будет приводиться в действие. Перспектива богатая, последствия имеют быть интересными, а пожалуй и трагическими. Войска давно уже наготове. Впрочем, не будем забегать на несколько часов вперед. С своей стороны, я давно готов на все, хотя бы было гораздо приятнее получить пулю на русских баррикадах, но... Настает момент на нашей дорогой, побитой, многострадальной родине, когда требуется отдавать не только личное счастье, здоровье, а всю жизнь безраздельно. По-моему нет лучшего, более чистого, высокого счастья, как умереть за свободу, за идеал соц.-демократической партии. Жаль, что умирать возможно лишь один раз».

Харьковские рабочие поддерживали своих петербургских товарищей забастовками, шли на эти забастовки, как сознается и официальный жандармский документ, даже не предъявляя экономических требований, а только из чувства солидарности; а меньшевики—соц.-демократы опять звали рабочих на либеральный банкет.

Понятна после этого и та нелестная характеристика, какую дает большевик харьковской организации («практики здесь совершенно нет, организация дрябленькая»...), и то разочарование, которое сквозит в письме члена этой самой харьковской организации.

Вот это письмо, написанное вскоре после стачечных дней в Харькове:

«Мы оказывали влияние на стачки рабочих механических, типографских, табачных, конфектных, но здесь не было уж не то что агитационного, но даже и мало-мальски сносного технического аппарата. Почти нет здесь и вполне развитых сознательных рабочих; вообще в Харькове замечается полное одичание. Чувствуешь себя, будто года 3—4 назад. Недовольство прежней работой страшное—сверху донизу, от рабочих до студентов, адвокатов и земцев. Все настроены как-то мрачно и мало верят в успех работы в Харькове.

«Завелись здесь и большевики. Вначале они, повидимому, думали примкнуть к существующей организации, но, воспользовавшись временным перерывом в работе после последнего провала в конце января, они сочли за благо выступить самостоятельно и начали свою деятельность с дискредитирования комитета и с клевет на «меньшинство». Особенного успеха они пока не имеют и, вероятно, иметь не будут. Все же их присутствия здесь достаточно для того, чтобы породить бесконечные споры, ссоры, раздоры и т. д., что сейчас для дела в Харькове было бы прямо гибельно. Поэтому мы решили, не обращая внимания на их самостоятельное выступление, постараться вернуть их в лоно организации, чтобы в процессе совместной работы усмирить их воинственный пыл.

«Ответа на наше предложение мы пока не получили. Если они откажутся, с нас будет снята ответственность за последствия местного раскола, и мы думаем, что рабочие по достоинству оценят их деятельность.

«Между прочим, здешние рабочие поразительно мало осведомлены о партийных делах вообще. Что же делали прежние комитеты?

«Мы выпустили первый листок в 4.000 экз., думаем продолжать энергично в том же духе. Письменная агитация хромает везде, а особенно в Харькове».

Мы привели эту часть письма меньшевика целиком, чтобы выше цитированная характеристика большевика, как фракционера, не показалась злостной и односторонней и чтобы

видеть, как оценивалось положение дел теми, кто преподносил рабочим вместо революции... участие в либеральных банкетах.

Автор письма, меньшевик, пишет: «Между прочим, здешние рабочие поразительно мало осведомлены о партийных делах вообще. Что же делали прежние комитеты?»

Характеризуя же настроение рабочих, он говорит: «Настроение в городе хотя и бодрое, однако очень боевого настроения не замечалось», и затем, очень метко определяет положение дел в меньшевистской организации: «Чувствуешь себя, будто года 3—4 назад».

Как мы видели выше, большевики тоже подметили эту отсталось Харькова, но, подметив ее, они очень верно определяли и причины такого плохого положения дел. По мнению большевиков, вся беда происходит оттого, что «проклятые меньшевики сидят в своих ученых стульях около трех лет и даже не могли массу воспитать в политической форме»..

Что же, однако, предполагали делать большевики, критикующие черепаший, соглашательский ход харьковской меньшевистской организации? Верно ли, что они собирались завоевать харьковский комитет, и как они отвечали на мирные попытки меньшевиков «вернуть их в лоно организации, чтобы в процессе совместной работы усмирить их воинственный пыл».

Ответом на это «усмирение» было стремление завоевать харьковскую организацию изнутри. «Сошедшись с меньшинством,—пишет критик-большевик,—поговорив с ними, я вынужден буду от вас потребовать выдающихся людей»... «... Мы думали быть самостоятельной частью, но связей у нас мало, а также и с обществом, что не дает возможности быть самостоятельными. А также я у нас один из организаторов. Придется соединиться и взорвать, предварительно получив в свои руки все связи. Я думаю для этого втесаться ответственным организатором всего Харькова. Этим самым у меня будет руководящая нить. Словом, трудно, но благодатная почва».

Как бы ни относиться к этим попыткам «взорвать» организацию, ясно одно, что иначе, иными мирными путями всколыхнуть стоячее болото харьковской обывательской жизни было нельзя. Необходимы были не банкетные разговоры, а настоящая революционная работа. Она скоро и началась.

3. КИЕВ В ЯНВАРЕ 1905 г.

Киев никогда не был крупным рабочим центром, и то обстоятельство, что он сыграл большую роль в истории нашего рабочего движения, объясняется тем, что он всегда был центром культурным. Совершенно правильно поэтому говорится в отчете киевской группы Бунда о ее деятельности за первые два месяца 1905 года: «Киев—культурный центр, куда съезжается учащаяся молодежь всего района, которая и развозит «крамолу» по всем городам и местечкам. Затем в Киев стекаются отовсюду рабочие, которые завязывают сношения с их родиной»[1].

Обилием интеллигенции и небольшим числом рабочих, и объясняется то, что в Киеве выростали такие выдающиеся революционеры, как Мельников, зародилась и осуществилась идея первого съезда нашей партии, хорошо была налажена техника, развивалось студенческое движение, но никогда не было большого рабочего движения.

Этими же причинами, главным образом, объясняется слабое движение в январские дни в ответ на выступление рабочих в Петербурге. Немалое значение имела, конечно, и слабость киевской соц.-демократической организации, а также хорошо сорганизованная охранкой слежка за революционерами. Только что цитированный отчет бундовской группы рисует довольно пессимистическую картину январских дней в Киеве.

«По получении первых сведений из Петербурга, организация решила реагировать на явления политической жизни с той энергией, какая была ей доступна по объективным условиям. Попытки предварительного соглашения с местным комитетом партии, в интересах совместного выступления и координированной деятельности, окончились неудачей, благодаря ничем неоправдываемому образу действий со стороны киевского комитета, который счел более удобным выступать самостоятельно. Удалось лишь установить «желательность» одновременного выступления, вследствие чего решено было, что мы не снимем еврейских рабочих, пока не будет объявлена стачка в железнодорожных мастерских. Рассчитывали, что стачка начнется 13 января. К этому дню мы организовали отряд в 60 человек, который имел своей специальной задачей ходить по мастерским и снимать рабочих на Подоле (нижняя часть города, заселенная преиму-

[1] «Посл. Изв.», № 228.

щественно евреями). Настроение в массе неорганизованных рабочих было очень возбужденное. Из ряда мастерских поступали заявления, что ждут только сигнала организации Бунда, чтобы стать. Целый день ждали мы известий от комитета, но их не было. За это время мы распространили листок группы с призывом ко всеобщей забастовке (на русском и еврейском языках, 3.000 экз.). Полученный, наконец, ответ от комитета гласил, что раньше 17-го железнодорожных рабочих нельзя будет снять, ибо 15-го у них получка. В течение этого времени мы ежедневно устраивали массовые биржи, выпускали бюллетени, распространяли листки местной группы о назначении Трепова генерал-губернатором и др. 14 января у нас арестовали 5 человек и при этом нашли листки. Это, однако, не задержало работы, и в ближайшие три дня мы засыпали Подол новыми листками. Распространялись прокламации Ц. К. Бунда «К борьбе», «Либеральная оппозиция», «Указ 12 декабря», гектографированные местные листки. Но вот наступает решительный день 16 января. Наконец, состоялось совещание представителей киевского комитета Росс. партии, Ком. Р. У. П. и киевской группы Бунда. Обсуждался вопрос о том, как снять в понедельник утром железнодорожников. Послать в мастерские оратора оказалось невозможным, ибо у комитета оказалось там не более 10 человек, которые могли бы окружить его. Решено было послать навстречу железнодорожникам, идущим на работу, человек сто рабочих с ораторами, но и этого отряда комитет не мог самостоятельно организовать, так что был составлен сборный отряд из организованных рабочих всех трех организаций. Часть рабочих была арестована, а небольшие группы оставшихся с ораторами пошли навстречу железнодорожным рабочим, и, понятно, попытка осталась безрезультатной. Окруженные полицейской и войсковой охраной, железнодорожники спокойно прошли в мастерские и приступили к работам. С этой стороны, сигнала ждать было нечего, а начавшиеся забастовки на двух заводах, благодаря отсутствию прочных связей в массе, отсутствию предварительной агитации и полной политической нетронутости масс, быстро угасли».

Эта характеристика, без сомнения, очень одностороння. Прежде всего, неверно, что не велась агитация. Киевский комитет развил довольно интенсивную печатную агитацию. За период сентябрь 1904 г.—февраль 1905 г. киевский комитет издавал следующие прокламации: «Правда о войне»

в сентябре 1904 г.; в октябре того же года—«К запасным», «К царскому юбилею», «Земский съезд», «Ко всем»; в ноябре т. г.—«Мобилизация и еврейский погром», «Разрушенные мечтания либералов», «Для чего должен умирать русский солдат»; в декабре—«К запасным», «К рабочим железнодорожных мастерских», «Правда о войне», «Падение Порт-Артура», «К солдатам», «Друзья народа и народ»; в январе 1905 г.— «В Петербурге восстание», «К солдатам», «Ко всем рабочим и работницам гор. Киева» (два издания), «Рабочие и работницы г. Киева, на борьбу», «Святой синод и рабочий класс», «Что дает царский указ», «Требования рабочих», «Послание Гапона», 8 бюллетеней и др. всего 42 разных прокламации. Кроме того, киевский же комитет издал 9 брошюр: «Демонстранты перед судом», «Классовая борьба», «Стачка лжи», «Кто должен победить», «Во что обходится русскому народу война», «Кому быть самодержцем», «Две Европы», «О войне с Японией» и «Ко всему рабочему народу»; если прибавить к этому еще издания Ц. К. партии и «Искру», хорошо получавшиеся и распространявшиеся в Киеве, то упрекать киевлян в недостаточной, по крайней мере, печатной агитации, нельзя. Упреки бундовской группы в том, что комитет не мог организовать отряда в сотню человек, можно отнести и ко всем остальным киевским организациям[1]. И все же, характеристика Бунда по сути верна. Не было, действительно, связи с **массами** пролетариата, и отсюда проистекали все неудачи движения. И другие свидетельства и документы говорят почти то же самое, что и бундовская группа.

В тех человеческих документах, которые предусмотрительно сохранила жандармская полиция, имеются письма,

---

[1] Нужно сказать к тому же, что кое-что из бундовских обвинений тут приходится скинуть со счетов в виду «независящих обстоятельств». По свидетельству т. С. В. Перазич, тогда только что вернувшейся из ссылки и приступившей к работе в киевской организации, киевский комитет был ослаблен арестами, произведенными жандармами в ожидании выступления киевлян по поводу 9 января. Сейчас же по получении первых сообщений о питерских событиях у П. И. Белоусова состоялось совещание нескольких ответственных работников, на котором был намечен план выступления. Через день или два было назначено собрание представителей рабочих с двумя-тремя членами комитета. Собралось 18 человек,—ожидалось больше, но дом был окружен полицией, и последние подходившие вернулись, а все собравшиеся были арестованы. Из членов комитета забрали Белоусова и Левина. Была арестована тогда и Перазич. Через несколько дней арестовали С. Фихман и многих других.

предназначавшиеся не для печати, а носившие так сказать, товарищески интимный характер, и в них рисуется та же слабость нашей соц.-демократической организации, что и в характеристике Бунда. «В общем, я вынесла,—пишет неизвестная корреспондентка из Киева за границу,—неважное впечатление от киевского общества: нет единения, не чувствуется общности интересов и духа товарищества. Контингент курсисток отвратительный: это все акушерки и зубодралки из самых низших слоев общества. Студенты евреи и русские совершенно разъединены. Первые—большие сионисты новейшей формации, вторые—в большинстве эсеры, которые, я знаю, занимаются все больше фразерством, как и их литература. Дельных—мало. Не думайте, что я сгущаю краски, нет, в общем, я недовольна, что выбор мой пал на Киев. Пока не унываю. Весна скоро прошла, но в Киеве известная часть общества и не возлагала особых надежд, веря в то, что изменит данное положение только пролетариат». Это письмо отправлено из Киева за два дня до выступления петербургского пролетариата, и если в нем и нет тех мрачных красок, какие обильно дает на своей картине Бунд, то, во всяком случае, в нем незаметно и отражения той силы, которою, казалось, должна была бы обладать киевская соц.-демократическая организация. Письмо другого тоже неизвестного корреспондента уже два дня спустя по выступлении Петербурга еще резче и без стеснения рисует беспомощность киевлян. «Прямо непонятно, как можно в такое горячее время, когда соц.-демократам необходимо объединиться для совместной работы, так запутывать все групповые интересы. В Киеве ярые меньшевики все возятся с своим «выступлением». В Питере стачка, в Баку тоже, а в Киеве ни слова об этом, и в этот же день ходят делегаты от рабочих к председателю[1] с протестом. Тешатся ребята, да и только. Проспят они революцию, размежевываясь. Пропаганда поставлена отвратительно. Одна хорошо подготовленная всероссийская демонстрация могла бы теперь иметь громадное значение, а всеобщая забастовка, которой бы руководило само ядро рабочих, имела бы хорошие последствия. Рабочие уже настроены очень револю-

---

[1] Имеется в виду, очевидно, стоявший тогда во главе киевского комитета П. А. Бронштейн («Юрий» или «Чацкий»), возбуждавший недовольство среди некоторых членов организации за свой диктаторский тон.

ционно. Рабочие, с которыми мне приходилось работать, относятся к деятельности очень хорошо...»[1].

Повидимому, характеристика состояния киевской организации, данная Бундом, была до известной степени верна, так как и наша нелегальная пресса очень сдержанно сообщает о киевской забастовке, да и правительственные сведения с торжеством констатируют неудачу выступления пролетариата. Действительно, забастовка началась 21 января, после обеда на Южно-Русском машиностроительном заводе. Около двух часов пополудни, во дворе завода появился оратор соц.-демократ, которого быстро окружили человек 200 рабочих. Как только раздалась речь оратора, рабочие разных цехов покинули станки, и скоро почти весь завод (человек 500 из 673 пришедших в этот день на работу) приняли участие в митинге. Администрация дала знать о митинге полиции, которая и явилась немедленно в лице жандармского полковника и полицейских чинов. Оратор, между тем, призывал ко всеобщей политической забастовке, а охранявшие его товарищи разбрасывали прокламации киевского комитета партии. Попытки полиции арестовать оратора не увенчались успехом, так как рабочие окружили его тесным кольцом и вывели из завода.

Вскоре прибыл фабричный инспектор Бояджиев, которому рабочие и предъявили требования политического характера, изложенные в прокламации киевского комитета, присоединив к ним еще два требования чисто местного значения,—улучшение санитарного состояния завода и удаление мастеров котельного и механического цехов. К этим требованиям были прибавлены и те экономические требования, какие выдвинул киевский комитет в своем воззвании: 8-часовой рабочий день, отмена сверхурочных работ, прекращение работы накануне праздников в 2 часа дня, прекращение работы в день рабочего праздника 1 мая, с оплатою этого дня, повышение заработной платы на 50%, полная отмена штрафов. И эти требования предъявил администрации также посланный комитетом агитатор, благополучно после своей речи скрывшийся. После митинга рабочие мирно разошлись по домам.

Забастовка в тот же день и тоже после обеда захватила и машиностроительный завод Гретера и Криванека (700 раб.). В два часа дня подручные мальчики—Федор Медущенко,

[1] Истор.-революц. арх., 1905 г., Ос. отд., дело № 5, ч. 3.

Адриан Костюк, Петр Гончаренко и Вацлав Найлер дали тревожный гудок, и рабочие стали бросать работу. Прибывшая полиция и фабричный инспектор уговорили, однако, рабочих работы не бросать, и завод шел до 4 часов, за исключением формовочного отделения, где забастовка была полная. На другой день комитет снова отправил своего оратора на Южно-Русский завод. Утром в 7 часов он явился на завод и снова вместе с рабочим Костарчуком пытался устроить митинг. Сначала дело шло хорошо, оратора слушала толпа человек в 200, но скоро явился полицмейстер Цихоцкий и стал уговаривать рабочих разойтись. Толпа поредела и, когда осталось человек 60, Цихоцкий арестовал и оратора и его помощника, рабочего Костарчука. После этого рабочие приступили к работам, хотя, правда, и под охраной полиции. Как видно из только что изложенных фактов, настроение киевских рабочих было далеко не боевое, и потому нельзя согласиться с «Искрой», рисующей такими чертами киевскую январскую стачку: «В городе после петербургских событий возбуждение. 12-го забастовал Южно-Русский завод, завод Гретера, ряд более мелких предприятий. Комитет шел все время впереди движения, посылая по возможности всюду своих ораторов, печатая требования, издавая и распространяя листки. На рабочих произвела большое впечатление речь комитетского оратора на Южно-Русском заводе и его объяснения с жандармским полковником и окружным фабричным инспектором. Следует особенно отметить ту заботливость, с которой рабочие стараются спрятать оратора»[1]. Оратор действительно был послан комитетом, с жандармским полковником объяснялся, рабочие его старались спрятать, но факт остается фактом... оратор все же был арестован.

На заводе Гретера 13 января забастовка продолжалась, хотя, впрочем, часть рабочих все же работала. Этого же числа примкнул к забастовке Днепровский завод. Там тоже состоялось собрание, где также выступал с ярко политической речью комитетский оратор, благополучно при помощи рабочих скрывшийся после произнесения речи. 14 января примкнул к забастовке маленький чугунолитейный завод «Унгерман и Неедли» (80 чел. раб.). Но в общем, забастовка носила удивительно вялый характер, что, впрочем, отмечается и «Искрой»[2].

[1] «Искра», № 85.
[2] «Искра», № 86.

15 числа механические заводы так же тихо, как тихо они начали 31 января, постепенно приступали к работам. Забастовка как-то не могла охватить всю толщу рабочих, а главное, она не захватила железнодорожные мастерские. Этим и объясняется, что более мелкие предприятия, как типографии, например, к забастовке тоже не примкнули. Те мелкие предприятия, о которых говорится в корреспонденции «Искры», это несколько булочных—Зеньковича, Бончковского, Опарнинга, Кирхгейма, Федотова и Азарблова, где 14 и 15 января пекари тоже бросили работу, но всех забастовавших пекарей во всех этих булочных насчитывалось немного более 20 человек[1].

«Стачка идет вяло,—говорится в № 86 «Искры»,—одни бастуют, другие начинают работать. Повредило делу то, что не бросили работу железнодорожники. Заводы окружены войсками. Страшные аресты: арестовано до 300 человек». Эти слова справедливы, но не менее справедливо и мнение Бунда, что причиной неудачи являлась слабость организации: достаточно было небольшого нажима полиции и небольших уступок заводчиков, как рабочие стачку прекратили.

Рабочие завода Гретер предъявили, например, следующие требования: 1) Должна быть устроена пенсионная касса. 2) Повышение заработной платы на 50%. 3) 8-часовой рабочий день. 4) Несмотря на сокращение рабочего дня, прежняя плата за 11 часов должна считаться поденной, при чем увеличена, как сказано, получающим менее рубля на 50%, а больше рубля—30%. 5) Отмена всяких штрафов. 6) Сокращенный рабочий день не должен уменьшать заработной платы на сдельных работах, расценки которым должны быть повышены. 7) Прекращение работ накануне праздников в 2 часа дня и плата за тот же день сполна. 8) Здоровое, теплое и просторное устройство мастерских. 9) Все недоразумения между хозяевами и рабочими должны разбираться комиссией, составленною наполовину из рабочих и хозяев, и должен быть в каждом цехе староста, выбранный самими же рабочими. 10) Вежливое обращение с рабочими со стороны администрации. 11) Расширение и улучшение больницы и постоянное дежурство фельдшеров днем и ночью. 12) Лечение рабочих и их семейств за счет завода и уплата рабочим полной поденной платы за все время болезни. 13) Плата чернорабочим не должна быть ниже рубля. 14) Машинистам и

[1] Истор.-революц. арх., 4-е делопр., 1905 г. дело № 4, ч. 24.

кочегарам месячная плата должна быть увеличена на 30% против прежней. 15) Должно быть государственное страхование рабочих от несчастных случаев без вычета с рабочих. 16) Проход рабочих с завода и обратно через новую контрольную будку, так как при проходе через старую происходит давка. 17) Текст закона 2 июня 1903 года должен быть выдан на руки рабочим для рассмотрения. 18) Никто не должен быть рассчитан с завода за участие и руководство в стачке. 19) За все время стачки должно быть уплачено полное поденное жалованье.

Рабочие приступят к работам в том случае, когда будет вывешено объявление, удовлетворяющее эти требования, за подписью фабричного инспектора.

На эти требования правление акционерного общества киевского машиностроительного и котельного завода «Гретер и Криванек» ответило весьма существенными уступками. Прежде всего, был сокращен рабочий день с 11 до 10 часов в будни и до 9 часов в предпраздничные дни без понижения платы (т.-е. с платой за 10 часов); выдача пособий в размере половины часовой заработной платы от 4-х дней до 6-ти недель рабочим, пробывшим на заводе не менее 6 месяцев; разрешен выбор старост в виде опыта на 3 месяца по цехам; старосты принимают участие в обсуждении правомерности наложения штрафа; удовлетворены медицинские требования; устройство вентиляции в кузнечной и других мастерских; увеличение согревательных печей, устранение сквозняка возле вагранки; улучшение устройства ретирадов; проход через новую контрольную будку и более продолжительные призывные гудки на работу утром. Вопрос об устройстве сберегательно-пенсионной кассы оставлен открытым, впредь до разрешения правительством государственного страхования рабочих и улучшения их быта [1].

Удовлетворение этих требований одним из самых больших заводов Киева являлось большой победой рабочих и, вместе с тем, сразу подорвало стачку.

Как бы то ни было, жандармы могли торжествовать победу, и в своем донесении начальству с чувством удовлетворения констатировали: «... вся забастовка прошла необычайно тихо, покойно, без инцидентов и насилий. Забастовки на заводах вызваны были как массовым распространением прокламаций под заглавием: «В Петербурге восстание», так,

[1] Истор.-революц. арх., 1905 г., 4-е делопр., дело № 4, ч. 24.

в особенности, появлением на заводах неизвестных подстрекателей-ораторов, из числа коих удалось задержать на Южно-Русском заводе 2-х [1].

В Киевской губернии, конечно, движение имело еще меньше шансов на успех, несмотря на то, что киевский комитет и Бунд проявили очень усиленную печатную агитацию: в течение декабря 1904 г. и января 1905 г. жандармские донесения пестрят указаниями о распространении соц.-демократических прокламаций решительно во всех уездах и среди запасных. Только в Бердичеве движение приняло под влиянием бундовской организации довольно резкие формы.

Об этом согласно свидетельствуют как официальные, так и нелегальные документы. Еще 8-го числа еврейские ремесленники пытались устроить нечто вроде маленькой демонстрации, которая, однако, не удалась, так как подоспевшая полиция рассеяла ее, да и собралось всего человек сто [2].

Эта демонстрация не находилась в связи с петербургскими событиями. Когда же весть о кровавом воскресеньи достигла Бердичева, бундовская организация решила начать забастовку и устроить демонстрацию. Во вторник 11 января бундовская организация решила устроить демонстрацию. Организовали два собрания и двинулись по главной Белопольской улице. Подоспевшая полиция и солдаты помешали демонстрации равиться. После этого началась усиленная подготовка стачки; в течение шести дней происходили митинги, говорились речи на биржах и на собраниях. Организация РСДРП, видя энергичную работу Бунда, предложила ему действовать совместно, обещая поднять на забастовку рабочих христиан. Для выступления назначали день 17 января; ночью были разбросаны бундовские прокламации — «Конец весне». Бундовские отряды, сконцентрированные в разных частях города, в 5 часов вечера бросились в мастерские и заводы и приглашали рабочих бастовать в знак солидарности и протеста. Отряды эти проявили много находчивости и мужества: ворвавшись в кожевенный завод, такой отряд быстро перерезал телефонный провод и таким путем помешал администрации известить полицию; состоялся митинг, и завод забастовал. К вечеру этого дня бастовало уже более 1.500 человек. На другой день отряды снова обошли мастерские и заводы, и забастовка усилилась. Забастовщики навод-

---

[1] Истор.-революц. арх., 4-е делопр., дело № 4, ч. 24, 1905 г.
[2] Истор.-революц. арх., О.О., дело № 5, ч. 3, 1905 г.

нили центральные улицы и закрывали магазины, приглашая приказчиков бастовать. Попытки городовых воспрепятствовать этому движению ни к чему не привели, так как вооруженные отряды револьверными выстрелами обращали полицейских в бегство. К вечеру движение достигло высшей точки, вылившись в вооруженную демонстрацию. «Горячее дыхание революции чувствовалось в это время всеми, и оно еще более повысило настроение наших боевых отрядов не дожидаясь решений организаций и не обращая внимания на отсутствие в это время бастующих рабочих, они устроили манифестацию на Житомирской улице. Вскоре манифестанты были окружены толпой человек в 200 и с возгласами: «да здравствует революция, долой самодержавие, долой убийц» и громким «ура»—направились по Белопольской улице и Никольской. Все прилегающие улицы были буквально запружены народом. К углу Никольской подоспел отряд полиции и дворников; последние накинулись на одного из манифестантов, и 8 палок уже поднялось над его головой, когда на помощь к нему подоспел револьверный отряд. Раздался залп, ранивший двух дворников, и они, оставив товарища, обратились в бегство. Городовые открыли огонь из револьверов, наши отвечали. Завязалась перестрелка: затрещали курки, засвистели пули, никого, впрочем, не ранившие, так как отряды стояли друг от друга на расстоянии 20 шагов: полиция не решалась сократить это расстояние и не двигалась с места» [1].

Так описывает эту демонстрацию партийная газета; официальный документ выражается более сдержанно [2], ничего не говорится здесь и о ранении городовых, однако, ни факта арестов (13 человек) людей из толпы, ни посылки солдат власти не отрицают. С прибытием солдат—пехоты и кавалерии—демонстрация была рассеяна, начались аресты и избиения публики. Забастовка окончилась. Неистовства полиции в участках были ужасны,—городовые били арестованных дубинами и ломами, так что двое из арестованных не выдержали этих побоев и умерли.

После такого усмирения, войска еще целую неделю разъезжали по улицам города [3].

---

[1] «Посл. Изв.», № 219.

[2] Истор.-революц. арх., О. О., дело № 5, ч. 3, 1905 г. Донесение киевского губернатора.

[3] См. «Искра», № 86.

4. ХЕРСОНСКАЯ ГУБЕРНИЯ (ОДЕССА, НИКОЛАЕВ И ГУБЕРНИЯ)

Январские дни в Петербурге 1905 г. не нашли отклика в широкой рабочей массе Одессы.

Корреспондент «Искры» так и отмечает это явление: «9 января застало одесский пролетариат совершенно нерасположенным к массовому выступлению. Призывы комитета партии, бундовской организации и эсеров к немедленной всеобщей стачке не встречали отклика. Дезорганизованность соц.-демократической работы в течение последнего года ярко сказалась в этой неудаче»[1]. Дезорганизованность работы состояла в том, что в Одессе существовали две соц.-демократические организации—комитет большевиков и меньшевистская группа Центрального комитета РС-ДРП; если же принять во внимание, что среди пролетариата работали еще бундовцы, соц.-революционеры и анархисты, все друг с другом боровшиеся за влияние на пролетариат, то станет ясно, какой хаос и развал иногда вносился в работу. Большевики, чтобы предотвратить дезорганизацию, пытались войти в соглашение с меньшевиками и после всяческих переговоров, казалось, нашли modus vivendi, была создана агитационная комиссия, где из семи мест четыре предоставлялись меньшевикам; в редакционной коллегии также два места из четырех были отданы представителям меньшинства, в некоторых кружках вели занятия с рабочими также меньшевики. Но само собой понятно, что там, где существовали коренные разногласия на задачи и методы работы, ужиться под сенью одной организации было невозможно,—меньшевики, получивши связи, сейчас же приступили к созданию своей особой организации. Так и выросла рядом с комитетом группа ЦК РС-ДРП со своим пропагандистско-агитационным аппаратом, со своей техникой, с особыми связями с меньшевистским центром за границей, и, без сомнения, с борьбой за влияние на рабочих часто в одном и том же заводе. Большевистский корреспондент так описывает эти действия меньшевиков: «Они не только не сдержали своего слова никогда не выступать против местного комитета, но бесстыдно сеяли клевету и рознь. Возмутительнее всего то обстоятельство, что «меньшинство» откололось от комитетской организации в острый и важный исторический момент, переживаемый нами; даже больше того, в тот самый день, когда комитет

---

[1] „Искра“, № 89, Одесса.

предложил им совместно обсудить общий план работы и организации всеобщей забастовки.

«Как и следовало ожидать, они имели полный успех среди интеллигенции и полуинтеллигенции, всеми фибрами мечтающей о «кооптации», «автономии» и других подобных прелестях, а также среди части городского района. Но фабрично-заводские центры—Дальник и Пересыпь и значительная часть города остались нетронутыми авантюристами и дезорганизаторами: они попрежнему примыкают к комитету»[1]. Мы увидим дальше, что и меньшевики не скупились на крепкие слова, характеризуя большевиков, но факт остается фактом—меньшевики имели свой центр в Одессе, и единой руководящей воли в январе 1905 г. у одесского пролетариата не было. Это, конечно, прекрасно учло правительство, и немедленные вслед за событиями в Петербурге аресты среди соц.-демократов обеих фракций разбили все попытки поддержать петербургских рабочих. И комитет, и группа пытались организовать всеобщую забастовку. И та, и другая организация выпустила прокламации, призывавшие рабочих ко всеобщей забастовке. Большевики издали два листка: «Ко всем рабочим гор. Одессы» и «К работникам и солдатам г. Одессы». Первый, довольно неудачный листок, почти ничего не говорил о петербургских событиях, о великом движении 9 января буквально сказано две строчки: «В то время, когда вы читаете эти строки, на улицах Петербурга льется потоками рабочая кровь. Бьют и режут народ царские насильники; бьют за то, что устроили мирную стачку и требуют свободы»[2]. В чем должна заключаться связь между петербургскими событиями и предполагавшейся стачкой в Одессе, в чем смысл и значение событий 9 января, каков, наконец, характер и фактическая сторона событий, об этом не говорилось ни слова. Рабочие приглашались ко всеобщей стачке, и выдвигались обычные требования того времени,—8-часовой рабочий день, немедленное прекращение войны, немедленный созыв учредительного собрания—и обычные наши лозунги. В прокламации соц.-революционеров к рабочим и солдатам, опять же без разъяснения смысла и значения январских событий, рабочие приглашались требовать немедленно передачи всей земли со всеми фабриками,

---

[1] Из резолюции одесских организаторов большевиков по поводу 3-го съезда. „Вперед", № 7 от 24 февраля 1905 года.

[2] Истор.-революц. арх., Особ. отд., д. № 5, ч. 4, л. Ж., 1905 г.

заводами и магазинами и т. п. в пользование всего народа, а солдаты прямо приглашались обезоруживать своих командиров.

Прокламация меньшевистской группы была несколько лучше составлена, но что же могли сделать прокламации, если предварительной организационной работы проделано не было. Бундовцы также выпустили две прокламации: «Чего нам не следует забывать» и «Либеральная оппозиция и пролетариат», не имеющие непосредственного отношения к январским событиям. Анархисты-коммунисты в своих двух прокламациях выступали уже не только против самодержавия и капитализма, но и против соц.-демократов и соц.-революционеров. «В эти дни,—говорилось в их листке от 13 января,—вас будут призывать к борьбе и баррикадам, к революции. Те, которые будут призывать вас, называют себя вашими друзьями, под разными названиями—освобожденцев, соц.-демократов, соц.-революционеров»... «Товарищи! Сбросьте с себя ярмо духовного самодержавия, рабской веры в тех, кто учит, и кричите им во всю мощь: «Мы сами знаем, чего нам требовать, довольно учить нас!»[1].

Если принять во внимание, что в Одессе кое-где еще пользовались влиянием бывшие зубатовцы, то станет понятным, почему попытки поднять рабочих на забастовку оказались неудачными. Эти попытки, кроме прокламаций, выразились в прямом стремлении снять рабочих с работ. В железнодорожные мастерские был командирован меньшевик Фридрих Кондратьевич Файфер, слесарь, который, пробравшись 13 января утром в машинное отделение, дал тревожный свисток, но был задержан самими же рабочими. Точно также оказались неудачными и попытки мастеровых жел. дороги остановить работы вскоре после ареста Файфера: трое товарищей: Гармидер, Зиновий Иванович Кирпынаев и Сиркис были задержаны полицией около мастерских, а четвертый Михаил Павлович, был арестован с прокламациями соц.-революционеров при помощи самих рабочих (Насотина и Савицкого). С ним вместе попал в руки полиции и еще один член организации Унгеров. Двое других членов организации, пытавшихся пробраться в мастерские, Брандман и Баев, отделались легче, их только обыскали и отпустили. Так же неудачно окончилась попытка начать забастовку и на бумаго-джутовой фабрике: работница этой фаб-

[1] Истор.-революц. арх., 4-ое делопр., д. № 4, ч. 19, л. А., 1905 г.

рики Варвара Ивановна Салита собрала митинг внутри мастерской и призывала работниц начать стачку: «Бросайте работу,—говорила она собравшейся вокруг нее толпе работниц,—забастуем, пойдем в контору и будем требовать уменьшения рабочего дня и увеличения платы». Рабочий той же фабрики Прокопий Прядка помог полиции арестовать Салиту, которую вместе с прокламациями одесского комитета и отправили в тюрьму. Таким образом, настроение одесских рабочих было так плохо, что партийных агитаторов арестовывали сами рабочие. Положение дел в одесской организации, не сумевшей овладеть массами, очень хорошо описано в письме, повидимому, близкого к организации автора письма в Петербург[1]. Сказав о том, что забастовка охватила крупные промышленные центры России, автор письма говорит:

«В других городах забастовка не была такой дружной (Киев, Екатеринослав), а в Одессе так и вовсе ничего не было. Начиная с 10 числа обыватели усиленно говорили, что на следующий день будет забастовка, закупали провизию, но все было тихо. Одесский комитет издал листок с призывом (листок бессодержательный, был мало распространен по отсутствию связей) и послал своих людей в железнодорожные мастерские и на какой-то завод, чтобы дать свисток и прекратить работы. В мастерских свисток был дан, но остальные рабочие с помощью полиции напали на группу, агитировавшую за стачку, избили ее и одного арестовали; на заводе было то же, только не арестовали, успели скрыться. После этого градоначальник издал прокламацию к рабочим («Кому нужна стачка»), фабричные инспектора распространили на заводах сообщение Трепова, а группа «благонамеренных граждан» из русского собрания выступила с листком-извещением. Прокламация градоначальника очень понравилась рабочим, они соглашались с нею, а ответ на нее соц.-демократам не удалось распространить, ибо произошел провал, взята даже т. (техника). Так для Одессы и для здешнего пролетариата даром прошли эти захватывающие дни; здесь не удалось не только активно поддержать всероссийское движение, но даже использовать его для широкой агитации»[2].

Конечно, и покушение на одесского полицмейстера, совершенное Абрамом Штильманом (он принадлежал к груп-

[1] Истор.-революц. арх., 4-е делопр., д. № 4, ч., 19, л. А., 1905 г.
[2] Истор.-революц. арх., 4-е делопр. д. № 4, ч., 19 л., 1905 г.

не «непримиримых» не то анархистов-коммунистов, не то соц.-рев.), делу не помогло и только усилило репрессии. Градоначальник только с большим успехом занялся черносотенной пропагандой, на которую действительно удалось ответить листком только соц.-революционерам[1], так как усиленные аресты, начиная с первых чисел января и провал меньшевистской типографии 17 января остановили на время работу[2]. Власти вообще чувствовали себя твердо: не давши разгореться забастовке рабочих, они тем легче задушили в самом зародыше движение интеллигенции. Университет был закрыт 21 января, а без студенческой массы никакого интеллигентского движения быть не могло. Автор уже упомянутого письма, очень критически смотрел на положение социал-демократической работы вообще и, в частности, на ее состояние в Одессе... «С.-д.,—говорит он,—по условиям своей деятельности лишь медленно (благодаря подпольности) могут овладеть вниманием массы, и никакие геройские усилия в самый разгар волнений делу не помогут. Надо надеяться, что ужасная бойня подорвет у массы веру не только в царизм, но и в легализаторов и заставит их (массы) внимательнее и доверчивее относиться к с.-д. Перед этими-то последними стоит задача организации восстания масс, для чего мал уже тот масштаб деятельности, к которому привыкли с.-д. в годы затишья. Надо уметь выработать политических руководителей масс, тот авангард (он уже почти налицо), который заменит легализаторов, надо непрестанное участие, участие рабочих масс в политической жизни, надо, наконец, подумать и о технике восстания, чтобы не уподобиться стаду, которое охотники преспокойно расстреливают. А главное, теперь поменьше схоластических споров о централизме и проч., приведших за полтора года с.-д. к бессилию. Еще шесть месяцев тому назад смеялись над «положительной работой», но теперешние события показывают, как неотложна она была и в какое положение попадает партия, если эта работа парализуется».

«Промышленные заведения г. Одессы, особенно лишившиеся рынков Сибири и Дальнего Востока, находятся с 1904 г. в очень угнетенном состоянии: многие из них сокра-

[1] Ос. отд., д. 5, ч. 4 за 1905 г.

[2] 11 января было арестовано 7 человек соц.-демократов на квартире массажистки Кейлы Каплан, в том числе Александр Львович Цейтлин, Яков Лазаревич Бродский и Бая Шендерова, а в общем аресты шли беспрерывно.

тили производство путем сокращения рабочего времени или уменьшения числа рабочих, а некоторые и совсем приостановились. В несколько лучшем, хотя все же в тяжелом, состоянии находятся фабрики Херсонской губернии, не работавшие на сибирские рынки. В Николаеве большие механические заводы получили значительные заказы от морского и военного ведомств, расширили свое производство и увеличили число рабочих.

«При нормальном ходе промышленных заведений Одессы, Николаева и Херсонской губернии, положение фабрично-заводских рабочих нельзя не признать достаточно удовлетворительным—рабочий день не продолжителен (обыкновенно 10 час.), заработная плата достаточно высока (в Николаеве—400, в Одессе—290 и в губернии 212 рублей в среднем), отношения администрации фабрик к рабочим, условия работы, обстановка их и проч. достаточно в общем удовлетворительны. На чисто договорной почве не было особых оснований опасаться возникновения массовых неудовольствий и волнений. Печальный исход для многих рабочих забастовок 1903 года, вызванных зубатовскими организациями, угрожающая фабричным рабочим безработица, опасение еврейских фабрикантов и населения, что рабочее движение может повести к еврейскому погрому,—до настоящего времени удерживают и беспокойных рабочих от устройства стачек на одесских фабриках. По этим же причинам на одесских фабричных рабочих не подействовали ни брожение рабочих одесских железнодорожных мастерских и служащих Юго-Западных железных дорог, ни забастовки учебных заведений в Одессе и проч.

«В Николаеве на Судостроительном и Черноморском механическом заводах причинами забастовок была удавшаяся стачка харьковских заводов, значительные уступки, сделанные железнодорожным мастерским и стремление молодых рабочих принять участие в происходящем в России движении».

Так объясняет возникновение январского движения в Николаеве старший фабричный инспектор Херсонской губернии. Несомненно, что экономическое положение рабочих двух больших заводов Николаева было лучше, чем на других заводах и в некоторых других городах. Если верить «объявлению» директора Судостроительного завода, то «в 1904 году заводоуправление прибавило плату 919 рабочим,

при чем общая прибавка соответствует расходу около 35.000 руб. в год».

Средний заработок, считая взрослых и мальчиков, составлял, по заявлению заводоуправления, 14,5 коп. в час, так что заработная плата в месяц достигла в среднем 40—45 р.

Штрафы в течение 1904 г. достигли 2.481 р., при чем большая часть этих денег была высчитана за прогул (1.744 р.).

И все же, несмотря на такое «благополучие», рабочие забастовали. Какие же причины толкали николаевских рабочих на забастовку?

«Исторические события 9 января,—говорит корреспонденция «Искры» [1],—знаменующие собою поворот в политическом самосознании нашего народа, не прошли бесследно и для нашего общества. Освободительное движение приковало к себе всецело внимание местной интеллигенции и рабочих... Но первыми, разумеется, отозвались на призыв петербургских рабочих—«смерть или свобода!» как это и следовало ожидать, наши рабочие».

Прежде всего, стало быть, сыграло роль и общее политическое возбуждение в стране, но играла свою определенную роль и экономика.

Николаевские социалистические организации сейчас же по получении известий о петербургских событиях попытались организовать всеобщую политическую забастовку, но аресты, предпринятые властями, и сравнительное экономическое благополучие помешали стачке.

Корреспонденция «Искры» считает, что аресты захватили около сотни человек; так это или нет, но полиции удалось арестовать двух нелегальных и внести большую дезорганизацию в ряды революционеров.

Еще большую дезорганизацию внесли новые аресты, произведенные жандармами в связи с демонстрацией, назначенной соц.-революционерами на 16 января: полиция производила аресты прямо на улицах и избивала арестованных в участках. Однако эти меры только еще больше будоражили общественное настроение: настроение это принимало характер открытого протеста, как это и было на двух лекциях по психологии в зале биржевого общества.

В то же время соц.-демократический комитет вел усиленную устную и печатную агитацию. В прокламации коми-

---

[1] «Листок «Искры», прибавление к № 89 газеты от 27 февраля 1905 года.

тета «Ко всем работникам г. Николаева» комитет писал: «Товарищи! Бросим немедленно работу и присоединим свой голос к петербургским товарищам и открыто, как они, будем требовать 8-часового рабочего дня, немедленного прекращения войны, немедленного созыва учредительного собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права. Да здравствует демократическая республика! Долой самодержавие! Долой войну!»[1].

В то же время шла усиленная агитация за забастовку и в среде рабочих на заводе. В организации соц.-революционеров были даже выработаны требования, отгектографированы, распространены и поданы директору Черноморского завода Крауре, который, по словам полицейских документов, чуть-ли не сам призывал к забастовке, надеясь, таким образом, оправдать свою медлительность в выполнении казенных заказов. Эти требования содержат 8 пунктов и носят общий характер:

1) Мы желаем отмену обыска, как оскорбляющего наше человеческое достоинство. 2) Отменить сверхурочные работы (предложение работать, которое равняется приказанию). 3) Удалить из мастерских надзор полиции, мы работаем в мастерских завода, а не в тюрьме. 4) Уволить от должности контрольного полицейского надзирателя Плохова и заменить его частным лицом. 5) Требуем вежливого обращения со стороны администрации завода. 6) Завод не должен отказывать в должности тем рабочим, которые были арестованы за свои убеждения. 7) Обеспечить рабочих на случай заболевания и неспособности к труду. 8) Мы требуем 8-часового рабочего дня. Но эти требования носили настолько общий характер, что по соглашению с администрацией заводом были выбраны депутаты, которые и предъявили 1 февраля выработанные ими требования, заявив, что в ожидании ответа завод будет работать[2].

Аресты, произведенные после 16 января и в особенности 24-го числа, когда вновь предполагалась забастовка, опять затормозили движение.

---

[1] Истор.-революц. арх., 4-е делопр., № 4, ч. 19, л. 27, 1905 г.

[2] Вот имена этих депутатов: А. К. Абазапуло, А. В. Ананьев, Г. А. Александров, И. П. Алистратов, Ф. С. Белостоцкий, В. С. Бальцерайт, В. В. Витковский, О. Клеменс, В. Н. Кураксин, Д. Ш. Ламдин, Я. И. Мухер, Н. А. Никифоров, А. И. Павлов Л. М. Саватьев, В. С. Синчуков, Г. И. Сученко, К. А. Хилько, Б. Х. Цвифель, И. В. Шкарпов и А. Лемешко. Указан. выше дело, лл. 25 и 30.

Положение дел в революционной организации, сильно расстроенной арестами, рисуется консперативным письмом члена организации, очевидно, ЦК в Киев:

«О положении дел вкратце уже мы писали, теперь оно таково. В городском районе (ремесл.) связей много и организация растет. В заводах же организацию пока поставить не удалось. Бывший неделю тому назад крупный провал (арестовано 60—80 ч., а то и все сто рабочих) лишил нас тех организаторских ячеек, которые мы начали устраивать. Теперь дело опять сводится к завязыванию и расширению связей и к организации. Забастовка на понедельник не состоялась. Слабость организации и аресты в ночь и утро 24-го (главным образом с Французского завода—центр агитации) тому причина.

«В хороших рабочих чувствуется у нас сильный недостаток, но нет средств содержать больше. Заработки доставать здесь очень трудно. Средств же мало потому, что организация слаба и мало чем проявляет себя в местной жизни»[1].

Организация была действительно настолько слаба, что, как видно из того же письма, не в состоянии была раздобыть даже паспорта для нелегального работника.

Однако, ход вещей действовал за организацию.

Начали забастовку рабочие Судостроительного завода: 12 февраля забастовал этот завод, 14 февраля примкнул к нему Черноморский завод, 16 февраля—Арматурно-литейный завод. С этого времени забастовочное движение в Николаеве не прерывается вплоть до октябрьских дней, когда оно сливается с общим потоком всероссийского октябрьского движения.

Каковы же требования николаевских рабочих и что из этих требований удовлетворила администрация?

Рабочие Судостроительного завода потребовали:

1. Восьмичасовой рабочий день.
2. Убрать полицию из мастерских и завода вообще.
3. Полная отмена штрафов.
4. Полная отмена обысков.
5. Полная неприкосновенность личности депутатов.
6. Улучшение санитарных условий мастерских и завода вообще.
7. При приеме не обращать внимания на глаза.

[1] Истор.-революц. арх., 4-е делопр., № 4, ч. 19, л. 75, 1905 г.

8. Прибавка жалованья всем мастеровым от 30 до 50% сверх существующей поденной платы.

9. Повышение расценки на аккордах.

10. Чернорабочих нанимать не менее чем на неделю, при поденной плате не менее одного рубля.

11. Завод не должен платить из заработка мастеровых по каким бы то ни было исполнительным листам.

12. Получка должна происходить в рабочее время.

13. Полная плата за увечья во время исполнения работ и половина платы за время болезни вообще.

14. Полная отмена сверхурочных работ, в случае экстренной надобности, платить двойную плату.

15. Отмена работы от подрядчиков.

16. При приеме и расчете рабочих должна участвовать депутация от рабочих.

17. Полная плата депутатам при исполнении ими их обязанностей.

18. Полная плата за дни забастовки.

19. Свобода стачек.

20. Свобода союзов и собрания.

21. Свобода слова и печати.

22. Полная неприкосновенность всех забастовавших рабочих.

23. Администрация должна дать рабочим помещение для обсуждения их нужд[1].

Черноморский завод предъявил следующие требования:

1) 8-часовой рабочий день, с сохранением настоящего поденного жалованья.

2) Отмена сверхурочных работ,—в случае же экстренности, считать один рабочий час за два, а работающим задельно платить за вещь двойную плату.

3) В случае болезни рабочего более трех дней не по причине ушиба должны платить половину заработка, а за ушиб—полный заработок.

4—а) Заместить доктора Грачева другим за грубое обращение и за халатное отношение к больным. Бесплатное лечение семейств рабочих и выдача лекарств.

5—б) Удалить надзирателя Плохого от должности контрольного и заменить его частным лицом, удалить полицию из цехов, не вмешиваться полиции при поступлении рабочего, так как на это есть заведывающий наймом рабочих.

---

[1] Истор.-революц. арх., 4-е делопр., № 4, ч. 19, л. 57, 1905 г.

6) Отменить обыски.

7) Чернорабочим увеличить поденную плату.

8) Мастеровым, работающим поденно, платить 50%.

9) При выдаче задельных работ наряды должны быть выдаваемы вместе с работой и с обозначением на них цены, б) при подсчете нарядов цены с них не должны быть сбавлены, как это практикуется в чугунолитейном, строительном и других цехах.

10) Вежливого обращения с рабочими.

11) Лица, которые были подвергнуты аресту, по освобождении их должны быть приняты на свои места.

12) В лавке при заводе товары должны быть доброкачественные и вполне удовлетворять спрос рабочих, пищу в столовой улучшить в гигиеническом отношении.

13) Упорядочить выдачу жалованья, чтобы рабочие не удерживались после окончания работ. Расценки должны быть вывешены в мастерских на видном месте[1].

Рабочие арматурного и литейного завода инженера А. И. Уманского предъявили такие требования:

1. Личности депутатов должны быть неприкосновенны.
2. Восьмичасовой рабочий день.
3. Отмена бесплатного обучения учеников. На первый год плата 20 коп.
4. Из слесарной мастерской удалить мастера Кириленко и мастеровых Шевелева и Гамагу.
5. Отменить телесные наказания в чугунолитейной мастерской.
6. Увеличить зарплату для мастеровых на 20—30%.
7. Учредить постоянного доктора, серьезно относящегося к делу.
8. Полная отмена штрафов и ответственности за брак.
9. Отмена обысков.
10. Участие депутатов при приеме и расчете мастеровых.
11. Принять товарищей, назначенных к расчету.
12. Вежливое отношение со стороны администрации.
13. Сократить рабочий день под праздники до 2-х часов с перерывом в 1½ ч.
14. Увеличение заработной платы чернорабочим до одного рубля в день.
15. Улучшение всех мастерских и столовой в санитарном отношении[2].

---

[1] Истор.-революц. арх., 4-е делопр., № 4, ч. 19, 1905 г., л. 32.
[2] Там же, л. 58.

Как это видно из «объявления» администрации Судостроительного завода [1], хозяева соглашались: при уменьшении числа праздников сократить рабочий день либо до 9½ часов, либо до 9 ч. зимою и до 10 ч. летом, при чем по субботам рабочий день 8 ч. (Всего рабочих дней в году предполагалось 196 = 365 — (52 + 17).

Заработную плату завод считал вообще высокой и давал общие туманные обещания повысить ее для малополучающих мастеровых, расценки повысить отказался, сверхурочные работы отменить завод отказался, перечислив 7 случаев обязательности таких работ и назначив полуторную плату за сверхурочные часы; на учреждение постоянных выборных от рабочих завод согласился, но функции их ему представлялись следующими: они могли заявлять о нуждах рабочих, о злоупотреблениях при приеме и расчете рабочих, принимать участие в распорядках столовой и лавочки; выборным полагалось жалованье; пособия увечным и больным соглашался оказывать в пределах закона 2 июня 1903 г., и обещал вносить некоторые суммы (¼ от взносов рабочих) в кассу взаимопомощи при заводе, облегчив доступ в члены этой кассы, затрудненный после забастовки 1903 г.; завод отказал рабочим в их требовании принимать участие их депутатам при приеме и увольнении мастеровых; согласившись на отмену дежурства полицейских в заводе, завод отказал в отмене внезапных обысков и в отмене штрафов, сославшись, что их сумма за 1904 г. была невелика (2.481 р. 68 к.). Соглашаясь пойти навстречу культурным требованиям рабочих, обещая никого не увольнять за забастовку, завод отказал в уплате за дни стачки.

Администрация Черноморского завода согласилась удовлетворить требования рабочих в следующем виде: рабочий день установить зимой до 9 ч. и летом до 10 ч. (число праздников сократить до 17); заработную плату цеховых рабочих установить:—вновь принимаемым 80 коп. в день, с повышением через полгода до 90 коп. и затем до рубля; слесарям по ремонту станков 50% сверх цеховой платы; необязательные сверхурочные работы и обыски (за исключением внезапных, единичных) отменить.

Ясно, что рабочие этим удовлетвориться не могли и продолжали волноваться, но бастовали только рабочие Французского судостроительного завода; Черноморский завод ра-

[1] Истор.-революц. арх., 4-е делопр., № 4, ч. 19, 1905 г., прилож. к л. 69.

ботал. Соц.-демократическая организация прилагала героические усилия, чтобы превратить стачку во всеобщую, но ничего не вышло: ежедневно вблизи Французского завода собирались многолюдные, а иногда и тысячные митинги, где депутаты от рабочих делали доклады о ходе переговоров с адиминистрацией, вырабатывались требования и обсуждались нужды рабочих; выступали иногда и ораторы—соц.-демократы. Однако, все усилия поднять массу на более активные действия не удавались. Между тем в городе находилась довольно большая масса запасных, настроение которых было далеко не мирное: 13 марта эти запасные даже устроили беспорядки. «В этот день,—говорится в докладе николаевского градоначальника,—с 2 часов пополудни и до 8 часов вечера собравшиеся в большом количестве на местном базаре солдаты с участием многих частных лиц вели себя крайне буйно, при чем в одном из трактиров выбиты были несколькими солдатами стекла, поломана мебель и побита посуда. Чинов полиции, а также воинские патрули, пытавшиеся прекратить беспорядки, толпа встретила градом камней, обломками рундуков и даже выстрелами из револьверов»[1].

Организация, повидимому, не имела прочных связей с запасными, упустила из виду нарастание среди них недовольства и не сумела сочетать движения рабочих с движением солдат. В течение 14, 15 и 16 марта возбуждение среди рабочих было так велико, что была надежда даже на устройство демонстрации; но и это возбуждение не было использовано; 14 марта вблизи завода собралась такая масса рабочих, что власти, опасаясь беспорядков и осведомленные о призывах соц. демократов к демонстрации (депутат от рабочих Фридман прямо призывал толпу к выступлению) двинула усиленный наряд войск, и казаки нагайками рассеяли толпу.

Это побоище окончательно потушило боевое настроение рабочих и забастовка с этого момента пошла на убыль: 17 марта заводы уже работали.

Между тем еще за неделю до того рабочие были настроены решительно: так, когда в ночь с 9-го на 10-ое были арестованы депутаты от рабочих Французского завода, огромная толпа рабочих с женщинами и детьми во главе,

---

[1] Истор.-революц. арх., 4-е делопр., № 4, ч. 19, 1905 г.

подошли к тюрьме, требуя освобождения арестованных, которых и пришлось выпустить на волю.

Точно так же и 14-го, 15-го и 16-го рабочие и даже женщины, не боясь нагаек и винтовок встречали казаков. В упомянутом выше докладе николаевского градоначальника о поведении толпы рабочих 15 марта пишется: «многие находившиеся в толпе женщины—жены и матери рабочих—на требование разойтись с упреками и угрозами заявляли: «мы голодны, есть хотим и не пойдем отсюда, бейте нас, топчите конями».

Сочувственно были настроены и рабочие других предприятий и портовые рабочие, которые готовы были даже выступить, если их выступлением будет кто-либо руководить. В городе шло брожение среди типографов. И все же движение рабочих Николаева не вылилось во всеобщую политическую забастовку, как в некоторых других городах. Причинами такого явления власти считали своевременные аресты руководителей (были арестованы даже несколько членов комитета: Сергей Степанович Муравинский, Григорий Иванович Борисов, Лукьянов, Афанасьев, Иваницын, Пиллер, Мойша Шаев, Ходоров. Подпольная партийная пресса находит и другие причины. Так, в «Искре» рисуется довольно печальная картина организации: «Литературы никакой, листовок нет... Рабочие с большой охотой встречают листки, которые, к сожалению, по техническим условиям, можно выпускать в ограниченном количестве экземпляров» [1]... На собрания рабочих у заводов члены организации—агитаторы—пробраться не могли. Еще более мрачную картину рисует корреспондент «Вперед»: «В начале стачки были выставлены и политические требования, но потом стачка приняла чисто экономический характер, администрация завода заявила, что вопросы политические ее не касаются. Многим неразвитым рабочим была внушена полицией и провокаторами та нелепая мысль, будто начальство не будет вмешиваться в стачку, если требования будут только экономические. Серая масса поверила провокаторским внушениям и обрывала ораторов соц.-демократов, которые хотели говорить на политические темы» [2].

---

[1] «Искра», № 94, «Николаев», стр. 5.

[2] «Вперед», № 15, «Николаев», стр. 16, здесь неверное сообщение, будто во время схватки рабочих с казаками офицер прострелил руку рабочему.

Как бы то ни было стачка окончилась 17 марта и на следующий день работы шли полным ходом. Брожение, однако, не улеглось и рабочие ждали только удобного случая для выступления.

Старший фабричный инспектор Херсонской губернии по этому поводу писал: «Рабочие страстно стремятся к организациям и возлагают на них чрезвычайные надежды по улучшению своего положения. Кассы и общества взаимопомощи их уже не удовлетворяют, особенно такие, в управлении которыми принимает большее или меньшее участие заводская администрация» [1].

Резюмируя свой доклад о зимних события в Херсонской губ., старший фабричный инспектор делает такое заключение: «Настроение фабричных рабочих вообще нервное, тревожное. Ремесленные рабочие возбуждены и крайне недовольны своим бесправным положением. Портовые рабочие в Одессе озлоблены постоянной голодовкой и произволом артельных старост и пароходовладельцев. Сельские рабочие и крестьяне, особенно в северных и восточных частях губернии, где преобладает помещичье землевладение, относятся враждебно к представителям власти и землевладельцам. Наступающая весна, когда несколько оживится деятельность Одесского порта и местных фабрик, вызывает опасение за возможность возникновения среди рабочих разных категорий волнений как экономических, так и политических» [2].

5. КРЕМЕНЧУГ

Пролетариат Кременчуга пришел в движение, как и во многих других местах, только в феврале. Политической забастовки, которую можно было бы считать забастовкой солидарности с петербургскими рабочими, в Кременчуге не было. Хотя к этой забастовке очень долго готовились [3].

Еще в январе и комитетом РС-ДРП и бундовской организацией были выпущены прокламации; бундовский листок ЦК «К борьбе» прямо призывал рабочих к забастовке, в листке комитета РС-ДРП разъяснялся смысл событий в Петербурге, но прямых призывов к стачке не было [4].

---

[1] См. приложение, отчеты фабричных инспекторов.

[2] См. прилож. отчеты фабричных инспекторов.

[3] «Искра», № 89.

[4] Истор.-революц. арх., 00 $\frac{\text{№ 5 ч. 7}}{\text{1905 г.}}$ $\frac{\text{№ 5 ч. 7 л. А.}}{\text{1905 г.}}$ и $\frac{\text{№ 5 ч. 7 л. Б.}}{\text{1905 г.}}$

В течение всего января велась усиленная агитация и, наконец, 3 февраля началась экономическая забастовка кременчугских рабочих. В этот день прекратили работу 507 рабочих пяти табачных фабрик, 4 февраля к ним присоединились табачники фабрики Дурунча, в числе 271 человека. После этого толпа рабочих направилась на Красную площадь и здесь был устроен митинг. Здесь выступившие ораторы говорили уже не только на экономические темы.

Забастовка росла и под влиянием уже забастовавших рабочих остановились шесть лесопильных заводов, конфектные фабрики, фабрики обуви и типографии. Часть рабочих направилась прямо с площади на станцию Крюково, с целью остановить мастерские. Это шествие превратилось в огромную демонстрацию, во время которой толпа останавливалась и выслушивала политические речи соц.-демократических ораторов.

Толпа, прибывшая к мастерским, в конце концов проникла туда, но администрация уже заблаговременно остановила работы.

Забастовка стала всеобщей. 5 февраля забастовка достигла высшего напряжения; в этот день толпа рабочих в несколько тысяч человек собралась снова на Красной площади. На этот раз, однако, власти пустили в ход казаков, произошло избиение и аресты.

Забастовка с этого дня пошла на убыль и 7 февраля ее можно были считать ликвидированной, хотя 8-го бастовали приказчики, а 9-го железнодорожные рабочие.

Но уже 4 февраля, вечером, стимулов к борьбе у рабочих было меньше, так как уже тогда стало известно, что на совещании, собранном полтавским вице-губернатором, прибывшим в Кременчуг, фабриканты и заводчики, в присутствии фабричных инспекторов Краузе и Шевченко, решили пойти на уступки. Требований, предъявленных рабочими, в делах, к сожалению, нет, но вот по каким из них фабриканты сделали уступки: 1) за время забастовки рабочим будет уплачено; 2)) в табачном отделении перейдут на сдельную работу, при чем заработок будет повышен на 20%; 3) в переработочном отделении каждому рабочему будет прибавлено по 10 коп. в день; 4) продолжительность рабочего времени в течение дня будет уменьшена на 1 час (9½ часов, вместо 10½ часов); 5) каждой группе рабочих-набойщиков обеспечивается на 4 фабриках наименьшее количество в день работы 10 ящиков (1 р. 20 коп.), а на

одной фабрике 9 ящиков товара (1 р. 08 к.), при чем неизменность расценки гарантируется на год, с 7 февраля 1905 г. по 7 февраля 1906 года; 6) заболевшим фабрики платят ½ содержания в течение одной недели, при инфекционных же болезнях,—в течение месяца.

В чем заключались требования рабочих других заводов—неизвестно, но, конечно, главными пунктами везде были,—увеличение заработной платы и сокращение рабочего дня.

Требования рабочих других категорий удовлетворены не были и потому в течение весны и лета в Кременчуге бастуют то те, то другие промышленные заведения. В феврале же (18-го числа) забастовали типографы и приказчики, ремесленники мелких мастерских и махорочные фабрики. В июне бастовали снова табачные фабрики (19-го числа), предъявив следующие требования: 1) наем на годичный срок, 2) уменьшение урока на 2 ящика (10 вместо 12) и 3) за одинаковое количество продукта труда при одинаковом его качестве должна быть одна плата для всех безразлично [1]. Вслед за табачниками бастовали грузчики Харьково-Николаевской дороги, предъявив требование повысить заработную плату с 1 р. 50 коп. до 2 р. Это произошло 20 июня, а 22-го бастовала домашняя прислуга, явление необычайное не только для Кременчуга, но и для центров покрупнее этого города.

Стихийное вовлечение самых забитых и отсталых слоев трудящихся продолжалось и дальше, как в Кременчуге, так и в его районе. Еще раньше, в мае, в Полтаве была попытка забастовки рабочих депо Киево-Полтавской дороги; за Полтавой пришли в движение даже такие города, как Ромны, где в сентябре, 17-го, бастовали сапожники и портные. Эта забастовка была как бы дополнением аналогичного движения мастериц шляпных мастерских в Кременчуге. Требования этих категорий трудящихся очень хорошо отражают их положение и потому приводим их.

Мастерицы-шляпницы требовали:

1) Увеличение заработной платы получающим:

а) до 5 руб. на 45%.
б) от 5 до 10 р.—40%.
в) » 10 » 20 р.—30%,
г) » 29 » 30 р.—20%.

2) Годовые книжки за подписью владельца магазина. 3) Начало года 1 марта. 4) Жалованье 1 и 15 каждого

[1] 4-е делопр., д. № 4, ч. 48, л. 17, 1905 г.

месяца вперед. 5) В случае отказа—заявлять за две недели вперед. 6) 8-часовой рабочий день. 7) В случае отказа в середине года уплатить за целый год. 8) По субботам и праздничным дням и вечерам полный отпуск. 9) Накануне праздников и субботы выходить из магазина на 2 часа раньше. 10) Празднование 1 мая. 11) Исполнять работы только для которых наняты. 12) В свободное время читать. 13) Ученицам первый год 12 р. жалованья за время болезни. 14) Безусловное корректное обращение. 15) Третейский суд. 16) Два раза в день чай. 17) Мастерская в гигиеническом отношении должна быть безусловно хороша. 18) За время забастовки не высчитывать. 19) Никто не должен пострадать за время забастовки. 20) Неприкосновенность личностей депутатов. 21) Полтора часа на обед[1].

Требования портных и сапожников сводились к следующему:

1) Введение 12-часового дня. 2) Повышение заработной платы на 25%[2]. 3) Получка денег должна производиться еженедельно: евреям по четвергам, русским по пятницам. 4) Хозяин не имеет права рассчитывать подмастерья без предварительного предупреждения за две недели. 5) Учреждение примирительной камеры (третейский суд), в которую входят выборные от рабочих и хозяев по 3 человека с каждой стороны и посредник, выбираемый этими 6 судьями. 6) Выборные от рабочих для устройства внутреннего распорядка мастерской. 7) Вежливое обращение хозяев с подмастерьями. 8) Подмастерья пользуются медицинской помощью и лекарствами за счет хозяина. 9) Если рабочим не нравится стол хозяина, хозяин обязан выдавать кормовые деньги. 10) За время стачки хозяин должен произвести уплату. 11) Никто не должен быть рассчитан за стачку. 12) Все эти требования должны быть вывешены в каждой мастерской на видном месте[3].

Забастовочное движение в течение всего сентября захватывало все новые и новые слои пролетариата в Кременчугско-Полтавском районе: 13 сентября бастовали табачники на фабрике Клермана в Лубнах, 20 сентября в Прилуках бастовали столяры, 21 сентября забастовали рабочие табачно-махорочной фабрики Рабиновича и Фраткина (397 чел. из 408), с 21 по 23 сентября бастовали приказчики-евреи в

---

[1] Истор.-революц. арх., 4-е делопр., д. № 4, ч. 48, л. 18 за 1905 г.
[2] В требованиях подробно перечисляется и плата поштучникам.
[3] Истор. революц. арх., 4-е делопр., д. № 4, ч. 48, л. 22 за 1905 г.

Ромнах, 22-го бастовали мужские портные Полтавы и с 21 по 24 сентября происходила забастовка Крюковских вагонных мастерских Харьково-Николаевской железной дороги.

Требования, предъявленные табачниками фабрики Рабиновича в Прилуках сводились (кроме обычных требований, касающихся улучшения распорядков внутри фабрики) в отношении рабочего дня и заработной платы к следующему: 1) Восьмичасовой рабочий день с 7½ ч. утра до 5 часов вечера с перерывом на 1½ часа, 2) перед праздником работа заканчивается на 1½ часа раньше и 3) увеличение платы: а) в разработке и сушке—25 р. в месяц, б) в крошильном отделении и столярном повышение платы на 20%, в) в набоечных отделениях повышение набойщикам-русским до 17½ р. в месяц (т. е. суммы, гарантированной набойщикам-евреям). Помощникам же русским и еврейским—повышение платы на 20%, при чем прибавка эта уплачивается от конторы, а не из заработка набойщицы [1].

Требования приказчиков в главном, также сводились к вопросу о повышении заработной платы. Приказчики требовали прибавки жалованья получающим до 10 р. в месяц 40%, до 20 р.—30%, до 50 р.—25% и свыше—20% и полуторного месячного жалованья (независимо от наградных и «комми») перед еврейскими праздниками пасхи и Нового года и в случае отказа служащему до сентября уплаты годового жалованья [2].

Чего добились все перечисленные категории бастовавших, к сожалению, неизвестно, за исключением рабочих Крюковских мастерских, где были достигнуты некоторые результаты,—уменьшение рабочего дня и небольшое повышение заработной платы.

6. РОСТОВ-НА-ДОНУ

В течение 1904 года ростовская соц.-демократическая организация переживала тяжелое время. Вызванный войною кризис лежал тяжелым бременем на плечах рабочих: их экономическое положение еще более ухудшилось. Стоит взглянуть на требования рабочих, чтобы убедиться в этом. Возьмем несколько примеров. Рабочие гвоздильного завода Кекишева предъявляли, например, следующие требования: 1) 8-часовой рабочий день, 2) увеличение расценок на сдель-

[1] 4-е делопр., д. № 4, ч. 48, л. 26 за 1905 г.
[2] 4-е делопр., д. № 4, ч. 48, л. 33 за 1905 г.

ную работу, 3) увеличение заработной платы поденным рабочим до 1 р. в день, 4) удаление мастеров: провокатора Сорокина и Турбина, 5) отмена штрафов за неявку на работу в течение 2-х дней, 6) увеличение обеденного времени до 1½ ч., 7) вежливое обращение со стороны администрации завода, 8) замена непосильного детского труда трудом взрослых и 9) организация медицинской помощи при заводе.

Прокламация донского комитета, обращенная к рабочим этого завода, очень кратко, но в высшей степени ярко рисует их положение. «Изо дня в день мы тянем тяжелую лямку—изо дня в день обливаемся потом, добывая за нашу каторжную работу гроши, которых даже не хватает, чтобы прокормить нашу голодную семью; мы губим наши последние силы и здоровье в этой непосильной работе и в награду за нашу кровь и пот мы получаем ничтожную плату. Нас штрафуют бесчеловечным образом, урезывая и без того наш скудный, кровью добытый заработок, нас заставляют работать с раннего утра и до позднего вечера (10½ час. в день), при чем на обед нам не дают и 1 часа; с нами обращаются, как со скотами; наших детей, которые работают на заводе, заставляют носить по 3—4 пуда и платят им за это не более 40 коп.».

На цементном заводе,—как говорит в своих воспоминаниях т. И. В. Привезенцев,—еще в 1904 году рабочий день продолжался 12 часов и только после стачки, стоившей ареста Привезенцеву, число рабочих часов было уменьшено.

Очень большую группу рабочего населения Ростова издавна составляли работницы табачных фабрик. Их тяжелое экономическое положение, невыносимые условия их труда, эксплоатация и издевательства над их личностью—все это и в 1905 году оставалось по-старому, а в некоторых отношениях еще и ухудшилось. Это видно из тех требований, которые работницы фабрики Асмолова предъявили во время летней забастовки. Они требовали: 1) 8-часовой рабочий день. Доску закрывать через 15 минут после гудка, машины останавливать за 15 минут до звонка; 2) отмена уроков, поденная плата 1 рубль для девушек; 3) плата крошильщикам—40 р. в месяц, точильщикам—40 р. в месяц, слесарям—50 р. в месяц, заготовщикам поденная плата по 1 р. 50 коп. в день; 4) во время болезни в течение месяца полное жалованье; 5) за 2 недели до родов, после родов на 1 месяц женщины освобождаются от работ с полным жалованьем за все это время; 6) на крестины выдается 10, на похороны

25 р.; 7) столовая, как в мастерских железной дороги, под надзором рабочих; 8) инспектриса женщина, вместо инспектора. Вместо врача мужчины—женщина-врач; 9) заменить хозяйских приказчиков выборными приказчицами; 10) удалить фельдшера и акушерку; удалить старшую Мазову,—специальные носильщики; 11) устроить вытяжные вентиляторы; 12) отменить обыски и обращаться вежливо и 13) воскресная школа для взрослых, трехклассное училище для детей.

Как видно из этих требований, девушка фабричная не вырабатывала даже 20 р. в месяц, а рабочий мужчина, в том числе и такие квалифицированные рабочие, как слесаря, не получали в среднем даже 40 р.

Отсутствие столовой, отсутствие медицинской помощи и невыносимые антисанитарные условия работы (даже вентиляторов не было!) все это осталось по-старому еще со времен основания фабрики.

Железнодорожники в своих 24 требованиях также выдвигали на первый план сокращение рабочего дня и повышение заработной платы; ряд других требований железнодорожников указывает также на самые отвратительные условия жизни рабочих (отсутствие вентиляции, врачебного и санитарного надзора и т. п.).

Требования других категорий рабочих рисуют еще более мрачные условия их жизни. Вот, например, требования работниц-шляпочниц к своим хозяйкам:

1) Восьмичасовой рабочий день, полный воскресный отдых, а накануне праздников окончание работы в 2 часа дня. 2) Всем служащим в шляпных мастерских повысить жалованье в следующем размере: а) получающим от 3 до 10 р. на 50%, б) получающим от 10 до 20 р.—на 20%, в) от 20 до 35 р. на 15% и г) свыше 35 р. на 10%. 3) Просторное помещение для мастерских и устройство вентиляции. 4) Уничтожение штрафов. 5) В случае отказа от работы предупреждение за 2 месяца, в противном случае уплата жалованья за 1 месяц. 6) Полная уплата жалованья за время забастовки. 7) Прием и расчет работниц с согласия всех работниц мастерской. 8) Обязательный чай 2 раза в день с хозяйским хлебом. 9) Бесплатное леченье. 10) Сохранение жалованья во время болезни. 11) Вежливое обращение. 12) Ученицы принимаются не более как на 1 год с платой не менее 2 р. в месяц. Со второго года жалованье 8 р. в месяц. 13) Не пользоваться ученицами, как прислугой. 14) Плата жалованья по полумесячно 1-го и 15-го числа.

15) Двухнедельный отпуск летом с сохранением жалованья.
16) Настоящие правила обязательны для всех хозяек и вносятся в расчетный книжки, которые обязательны.

Эти требования лучше всяких длинных рассуждений разъясняют те причины, вследствие которых в 1905 году и в Ростове-на-Дону, как и везде, поднялись самые отсталые и забитые слои трудящихся.

Столяры требовали: 1) 8-часовой рабочий день; 2) заработная плата: 1-я рука—1 р. 75 к., 2-я рука—1 р. 50 к., 3-я рука—1 р. 25 к.; 3) долой сдельную работу; 4) долой сверхурочную работу; 5) долой хозяйский стол; 6) чтобы в каждой мастерской, где есть токарная работа, был токарь; 7) весь без исключения хозяйский инструмент; 8) вежливое обращение хозяев; 9) еженедельная получка, в субботу оканчивать работу раньше за час, во время которого должны выдать всем заработанные деньги; 10) во всех мастерских ввести расчетные книжки; 11) право рабочим удалять вредных людей из мастерской; 12) получать во всех мастерских кипяток; 13) устройство вентиляций; 14) устройство во всех мастерских деревянных полов; 15) чтобы хозяева предупреждали рабочих о расчете за 2 недели, а рабочие уходили свободно; 16) право после болезни получать место; 17) во время болезни—половинную плату; 18) не принимать в ученики моложе 15 лет; 19) чтобы ученики учились работать, но не находились у хозяина на кухне; 20) уничтожить хозяйский стол и квартиру для учеников и платить им на 1-й год в месяц—9 р., 2-й год—13 р. и 3-й год—15 р. и ограничить их ученье тремя годами и уничтожение договорных условий с учениками и 21) полная гарантия личности депутатов и оставление их на местах службы.

Кажется, нет никакой нужды разъяснять эти требования, так они ярки сами по себе, так хорошо эти сухие, деловые строчки рисуют ту бездну бесправия и эксплоатации, какую испытывали столяры, как один из самых квалифицированных отрядов строительных рабочих.

Мы с целью взяли именно эти четыре группы рабочих: металлистов, строительных рабочих, табачниц и шляпочниц, как представителей ремесла, и мы видели, что и в 1905 году положение и условия жизни всех этих категорий пролетариата таковы, что именно это их экономическое положение, обострившееся еще более вследствие войны, делало их очень восприимчивыми к пропаганде соц.-демократии и толкало на борьбу.

И тем не менее январские дни в Петербурге не могли вызвать в Ростове немедленного массового движения.

Об этом говорят самые разнообразные документы: корреспонденции в «Искре», участники воспоминаний и официальные документы властей.

Какими же причинами объясняют все эти документы то обстоятельство, что ростовские рабочие сразу не откликнулись на выступление в Петербурге?

Жандармские власти объясняли это исключительно арестами и дезорганизацией партийной работы в 1904 году.

В докладе местного жандармского ротмистра так расценивается это обстоятельство: «Кроме группы соц.-демократов под именем донского комитета Российской соц.-демократической рабочей партии в Ростове-на-Дону других политических организаций не существует. Что касается донского комитета, то он мерами, принимавшимися в течение всего минувшего года, сильно дезорганизован и рассчитывает восстановить свою деятельность к весне текущего года при помощи центрального комитета Российской соц.-демократической рабочей партии. По указанию последнего, донской комитет подготовляет стачку рабочих»[1].

О дезорганизации партийной работы в 1904 г. и о том, как она медленно восстанавливалась с начала 1905 г., говорят и все воспоминания участников.

«В то время,—говорит о 1904 годе т. Гущин,—провокация была развита до невозможных пределов; работать было трудно, кружок проваливался за кружком»[2].

Неизвестный участник ростовского движения в это время и корреспондент в «Искру» в согласии с двумя предыдущими свидетелями также говорит: «Дела в последнее время немного поправились. Старые работники, по каким-либо поводам отставшие от движения, начинают оживать, и есть надежда, что они теперь примкнут к организации. Этому способствовало как оживление во всей России, так и устроенные здесь несколько дней тому назад вечеринки, на которых присутствовали «старики». На этих вечеринках говорилось о либералах, об истории революционного движения (декабристы, народовольцы и соц.-демократы). На некоторых

---

[1] Из доклада деп. полиции от 12 янв. 1905 г.

[2] За № 21 из дела хранящегося в Истор.-революц. арх. Ростова-на-Дону (б. охр. отд. Ростова-на-Дону за № 13, 1905 г.).

вечеринках поднимались дебаты о «большинстве» и «меньшинстве». В промежутках пели песни и читали стихи. Под Новый год и на Новый год тоже было устроено несколько вечеринок...

«... Вопрос о самодеятельности рабочих очень заинтересовал всех участвующих, и дебаты были очень оживленные; даже те, которые говорили, что раньше нужно выучиться, а потом говорить—приняли участие в дебатах и отказались от своего первоначального мнения, так что все вечеринки прошли оживленно и все разошлись в приятном настроении. Ораторами почти исключительно выступали рабочие. Правда, говорили они не блестяще; но таким образом они научаются выступать на собраниях и могут сделаться хорошими ораторами. Как видно—если хорошенько взяться за дело, работа пойдет хорошо. К сожалению, очень мало опытных деятелей»[1].

Картина нарисована безотрадная. Город, где уже десять лет существовала прочная соц.-демократическая организация, представлял дезорганизованные и разрозненные группки людей, только-только объединявшихся на традиционных новогодних вечеринках.

Было бы, однако, неправильно все валить на жандармов. Кое в чем была повинна и тактика меньшевиков, господствовавших в Ростове-на-Дону. Именно здесь проводилась особенно усердно та самая банкетная кампания меньшевистской «Искры», которую так ядовито и зло высмеивал Ленин. Теперь, спустя 20 лет, можно спокойно говорить об этой кампании—выступлении соц.-демократических ораторов на либеральных банкетах. Та цель, которую преследовали меньшевики—завоевание сочувствия широких демократических слоев и революционизирование либералов,—не окупилась жертвами, которые пришлось принести в этой кампании. Сами меньшевики констатируют это. «Рабочие и демократическая молодежь нередко вынуждены были целыми часами дежурить у входов собраний и выпрашивать у представителей «общества» позволения на пропуск. Но даже тогда, когда часть жаждущих и попадала, наконец, на собрание,

[1] «Искра», № 85 от 27/I—1905 г. «Из нашей общ. жизни».

[2] Ев. Маевский. «Общая картина движения. Массовое движение с 1904 г. по 1907 г., «Общее движение в России в нач. XX в.», том II, ч. I, стр. 39.

чаще всего они оказывались там в неравноправном положении в качестве публики, а не участников собрания»[2].

Так и в Ростове-на-Дону меньшевики заставляли пролетариат стоять у здания Городской думы, в то время как там ожидали представители этого самого пролетариата разрешения войти в помещение, где либералы рассуждали о конституции.

Ростовский пролетариат, показавший свою зрелость уже в 1902 году, выступавший затем не раз в ярко политических демонстрациях, этот самый пролетариат теперь в 1904 и 1905 гг. всячески убеждали, что вместо самостоятельных чисто пролетарских выступлений, необходимо мирно шествовать за либералами; это была, действительно губительная тактика, которая только содействовала расстройству его рядов и дезорганизации, вносимой жандармами,—арестами, высылками, провокацией.

Этими обстоятельствами и объясняется то, что так медленно восстанавливалась организация и что только к середине февраля удалось раскачать массу на выступление. Нельзя, однако, сказать, чтобы организация не проявляла деятельности; наоборот, все усилия донского комитета направлялись к тому, чтобы вызвать стачку: об этом говорилось в кружках, которые были сорганизованы еще в 1904 г.; об этом говорили и листки, выпущенные комитетом. Тем не менее попытка вызвать стачку в январе не удалась .«Петербургские события[1] вызвали сильное брожение среди рабочих всех заводов и фабрик. Возбуждение охватило также железнодорожные мастерские, где после значительной ростовской стачки рабочие принимаются лишь с аттестатом жандармского ротмистра Карпова. Все ждали забастовки»[2].

Так описывает настроение корреспондент «Искры». Так же это настроение описывает и жандармский доклад: «Настроение рабочих в главных мастерских Владик. жел. дороги остается повышенное. Работы идут вяло и единственной темой для разговоров служат стачки, начавшиеся в некоторых городах и ожидаемые в Ростове»[3].

Узнав от осведомителей и провокаторов, что забастовка должна начаться на заводах Пастухова и Нитнера и в ма-

---

[1] 9 января.

[2] «Искра», № 88 от 17 февр. 1905 г.

[3] Доклад деп. пол. от 13 января 1905 г за № 26. Дело № 13, 1905 г. (б. охр отд. г. Ростова-на-Дону).

стерских Владикавк. жел. дороги, жандармы произвели аресты, в том числе и тех, кто по донесениям их агентов должен был поднять рабочих на забастовку, например, Петр Анисимович Иванов («боевой»), который должен был выступить с речью в железнодорожных мастерских [1].

Первая забастовка в Ростове-на-Дону в 1905 году—это была февральская стачка рабочих котельного, кузнечного и литейного цеха мастерских Владикавказской жел. дороги, предъявивших экономические требования. Забастовка с перерывами продолжалась до 11 февраля. Через 3 дня, 14 февраля забастовал завод Пастухова (600 чел.). Пастуховцы сняли рабочих завода Мартына и завода Нитнера. Затем к стачке примкнули фабрика Рысса, зав. Картожинского, фабрика Манасевича, переплетная Шуляцкого. 17 февраля забастовал Волго-Донской завод (700 чел.). В этот день рабочие завода Пастухова в 9 ч. утра устроили собрание, на котором было 1½ т. рабочих. Рабочие устроили демонстрацию, двинулись в город, сняли с работ печатников двух типографий, но в конце концов были разогнаны казаками. Стачка кончилась 25 февраля. В движение вступили также приказчики. Вовлечь в движение все мастерские жел. дороги и табачные фабрики не удалось. Стачка в феврале носила экономический характер [2].

В результате стачки на некоторых предприятиях рабочие добились удовлетворения предъявленных требований (на мельнице Парамонова 8-часовой работы, пособия при рождении и похоронах ребенка, на фабрике «Работник» уменьшения рабочего дня на полтора часа и повышения заработной платы, на фабрике Рысса—уменьшения рабочего дня на 1 час и т. д.). Однако коренного улучшения своей жизни рабочие не добились.

Политической окраски довольно большое ростовское движение не приобрело: кроме упомянутого выше большого

---

[1] 18 января были арестованы: П. А. Иванов, Арк. Ив. Кочетов, Петр Фил. Пяточенко, Кузьма Ив. Лисицын, Пимен Степ. Горин, Фед. Фед. Лупандин, Пав. Ник. Сергеев, Алексей Петр. Аннилов, Пав. Ив. Набродов, Ив. Фед. Петухов, Троф. Фил. Краснов, Фед. Аф. Великий, Дм. Кузьм. Тимофеев, Андр. Алексеев. Кузнецов, Вит. Осип. Собинин, Як. Леонт. Ковалев, Ант. Мих. Лесниченко, Тим. Петр. Крохин, Вас. Гр. Колодежный, Ив. Прок. Татищенко и Ив. Алекс. Якущенко.

[2] С. Гурвич. «1905 год в Ростове-на-Дону»

митинга и небольшой сходки в 70 чел. политических выступлений провести не удалось.

Правда, донской комитет РС-ДРП в ходе забастовки сумел к частным экономическим требованиям отдельных фабрик и заводов присоединить и обще-демократические требования, однако, это все же не делало стачку политической.

Участник движения и активный деятель донского комитета тов. С. Гурвич объясняет это недостатком сил.

«Недостаток сил,—говорит он,—не позволял надеяться, что организации удастся овладеть стачкой только посредством наличных организационных связей».

Рабочие не добились удовлетворения существенных своих требований и несмотря на это они вышли, по мнению тов. Гурвича, из забастовки «умудренные большим политическим опытом». Самые темные, самые несознательные слои их убедились, что малейшее улучшение их положения немыслимо при самодержавном полицейском режиме[1].

Рабочие в этом несомненно убедились, но стачка не приобрела еще большого размаха и политической яркости потому, что меньшевистский комитет по природе своей и не мог придать стачке ярко-революционного направления: тактика ново-искровской кампании в связи с земским планом банкетов, тактика соглашений с либеральной буржуазией были тем препятствием, через которое меньшевики не могли перешагнуть даже в самые бурные периоды нашей истории.

Наш обзор движений на юге был бы неполон, если бы мы не указали на небольшое движение в Новороссийске и Грозном, т. е. в двух промышленных пунктах Северного Кавказа.

В Новороссийске в 1905 г., уже довольно крупном экспортном городе, движение выразилось в небольшой однодневной забастовке рабочих (120 чел.) каменоломен и печей на заводе Общества черноморского цементного производства. Предъявлены были экономические требования—увеличение поденной платы и расценков, бесплатных квартир и т. п. Некоторые из этих требований были удовлетворены и рабочие стали на работу.

В эпоху первой русской революции Грозный был уже большим центром по добыче нефти; почти 10% всей добычи нефти в России приходилось на Грозный, как раз в 1905 году.

[1] С. Гурвич, «1905 г. в Ростове-на-Дону». Стр. 16, 17.

Если всего за период 1833 по 1892 гг., за 60 лет, было добыто нефти 3.279.000 пудов, в 1900 г. уже 28.000.000, а далее по годам эта добыча была такова:

в 1901 г. — 34.900.000 пуд.
в 1902 г. — 34.100.000 »
в 1903 г. — 32.800.000 »
в 1904 г. — 40.100.000 »
в 1905 г. — 43.100.000 »

Хотя кризис отразился и на сокращении добычи грозненской нефти (в 1902 и 1903 гг. уменьшение добычи), однако, в общем развитие грозненской нефтяной промышленности несомненно.

В Грозном было 111 заводов и 873 мельницы, всего 984 предприятия, с производительностью в 1.358.851 р.

Кроме того власти насчитывали в Грозном 224 торговых заведения с оборотом в 2.455.000 руб. и с прибылью в 283,110 р.

В 1895 г. в Грозном всего было 11.937 жителей, а в 1905 г. только одних рабочих 11.250 чел., из которых находилось на:

1) На промыслах до 600 чел.
2) На нефте-перегонн. заводах—650 чел.
3) На заводах Владикавказск. жел. дор.—3.000 чел.
4) Городских рабочих—1.600 чел.

Этих цифр достаточно, чтобы убедиться в большом росте и большом значении Грозного в промышленности Северного Кавказа.

Грозненская группа терско-дагестанского комитета РС-ДРП была большевистской в противовес комитету, где заседали меньшевики. Этим и объясняется, что грозненская группа, признавая III съезд партии очередным партийным съездом, вышла из состава терско-дагестанского комитета.

Движение в Грозном началось с конца января: 27-го числа забастовали рабочие бельгийской фирмы Ахвердова. На другой день к забастовке примкнули еще 5 промыслов. Следующий день—дальнейшее расширение стачки: забастовали: железнодорожное депо, товарная контора и перегонный завод Владикавказск. жел. дор., а вслед за ними городской и заводской районы. Сначала рабочие не предъявляли требований, считая свою забастовку забастовкой протеста, а затем выработали общие требования: 8-часовой рабочий день, 25% прибавки заработной платы, бесплатные квартиры, удаление некоторых лиц из начальства.

Забастовка на жел. дороге и на механ. заводах окончилась только 3 февраля. Рабочие ничего не добились [1].

Забастовка на промыслах то прекращалась, то вновь возникала и так дело шло вплоть до октябрьских дней 1905 года.

---

[1] О Новороссийске см. в приложении отчет фаб. инспектора, а о Грозном см. содержательную книжечку: «1905, 1906, 1907 гг. в Грозном», под ред. Б. В. Игрицкого, П. В. Тищенко, И. А. Шенюка. А. Ф. Язева. Грозный, Окр. Исполком, 1925 г.

ГЛАВА VIII

МОСКВА В ЯНВАРЕ 1905 г.

1. ХОД ЗАБАСТОВКИ

События 9 января 1905 г. в Петербурге, как и следовало ожидать, нашли отклик во всех крупнейших промышленных центрах и прежде всего в Москве.

Уже на другой день после кровавого воскресенья, 10 января и. д. градоначальника гор. Москвы генерал-майор Руднев по телеграфу доносит в департамент полиции, что «Сего числа послеобеденное время забастовали в Москве рабочие механических заводов Бромлей, Вейхельд и военно-обозных мастерских, всего до трех тысяч человек» (Дело № 4, ч. 2, л. 1905 г.).

Действительно, слухи о готовящемся выступлении рабочих в Петербурге проникали и в провинцию, в том числе и в Москву, как это видно из частной переписки, находящейся в делах, еще за несколько дней до 9-го; когда же расстрел рабочих стал совершившимся фактом, то известие о событиях разлетелось в разные концы России с поразительной быстротой, достигая разных пунктов, в зависимости от средств связи и расстояния.

Официальные документы констатируют, что уже 10 января «среди рабочих некоторых фабрик и заводов гор. Москвы распространился слух о происшедших вчера в С.-Петербурге крупных рабочих беспорядках, вследствие чего замечавшаяся еще вчера агитация за устройство всеобщей забастовки по примеру Петербурга усилилась, и после обеденного перерыва забастовали механические заводы Вейхельд и Бромлей (первый 400 рабочих, второй 1.200 человек), а затем: военно-обозная мастерская (300 раб.), типография Сытина (1.200 раб.) и за ними мелкие другие

заведения до 25—с количеством рабочих до 4.000 человек»[1].

Нелегальная печать точно так же говорит, что забастовочное движение началось с заводов Бромлей и Вейхельд и военно-обозной мастерской.

К счастью, мы имеем почти фотографическую запись внешней стороны московских событий, по которой возможно довольно точно восстановить ход забастовки в Москве: это телефонные сообщения полицейских приставов в охранное отделение о ходе забастовки.

Сообщения эти начинаются извещением пристава 1-го участка Пятницкой части с 2 ч. дня 10 января о неспокойном настроении рабочих завода Добровых и Набгольц под влиянием слухов о начавшейся забастовке на заводе Бромлей, а в 2 ч. 5 мин. идет сообщение о прекращении работ на заводе Вейхельд в районе Басманной части.

Далее забастовка охватывает завод Бромлей, о чем и сообщается в 2 ч. 35 мин.; вскоре (3 ч. 50 м.) полиция констатирует остановку работ в военно-обозных мастерских, при чем рабочие этого предприятия, вместе с забастовщиками товарищами завода Бромлей, в количестве около 1.000 человек, направляются к Шабаловке к фабрике Симоно и Шварцкопф с целью и здесь прекратить работы. Рабочие зав. Добровых и Набгольц еще работают, но ожидают товарищей, которые бы призвали их присоединиться к общему движению.

В 6 час. пополудня, раньше обычного на 2 часа, прекращает работу типография Сытина (1.200 чел.); рабочие расходятся по всем направлениям улиц Болотной и Малой Серпуховской и по площади того же названия, заставляя своим примером бросить работы маленькие заводы Кирова (60 чел.) и Крама (100 чел.).

Теперь и эти рабочие, вместе с сытинскими типографами, толпой в 500 человек направляются к зав. Добровых и Набгольц с целью понудить их к забастовке. Но в промежуток между началом забастовки на типографии Сытина (в 5 ч.) и на заводе Кирова и Крама (5 ч. 45 м.) забастовал уже завод Добровых и Набгольц (100 чел.); в то же самое время попытки бромлеевцев снять рабочих Шварцкопфа увенчались успехом, так что к шести часам вечера толпа сытинских и бромлеевских рабочих, снимавших с работ еще не примкнувших к ним товарищей, увеличилась еще более и остановила заводы Маркварта (100 чел.) и Ефремова (200 чел.).

[1] Дело № 4, ч. 2, л. 2, 1905 г.

Не удалось остановить фабрику Путикова и Симоно, но в 7 ч. вечера сытинцы бросились к типографии Левинсон, а рабочие зав. Доброва и Набгольц по Садовнической улице направились к фабрике Шрадер и в 7 ч. 10 м. остановили ее (1.000 чел.). Еще более увеличившаяся толпа двинулась к фабрике Михайлова и заставила и здесь прекратить работы.

В 7 ч. 25 м. прекратилась работа на фабрике Брокар.

Фабрики Бахрушина, Тиль, Диль, Циндель, Жемочкина, Демента, Меньшова, Аглеенко и зав. Гужон в этот день к забастовке не присоединились.

Таким образом, указанный выше документ дает возможность установить, во-первых, что забастовка 10 января началась в одном из самых пролетарских районов—в замоскворецком (в Пятницкой и Серпуховской частях), и во-вторых, что число забастовавших уже в первый день достигало почти до шести тысяч человек, не считая фабрик Михайлова и Брокара, с которыми число рабочих, бросивших работы, доходило до десяти тысяч человек, а не четырех, как сообщали московские власти в Петербург.

На другой день, 11 января, попытки замоскворецких рабочих расширить забастовку не удавались до обеда: отчасти инертность или боязнь рабочих мешали этому, отчасти действия полиции и войсковых частей, которые или рассеивали толпы пытавшихся снимать с работ еще продолжавших работать товарищей, или просто не подпускали забастовщиков к работавшим фабрикам.

Все предприятия Якиманской, Хамовнической, Пресненской, Лефортовской, Басманной и Арбатской частей работали, и все попытки рабочих остановить фабрики и заводы этих районов не увенчались успехом: до обеда работали фабрики Жемочкина, Тиль, Карнац, Вебер, Берлинер, Циндель, Лист, Эйнем и типография Кирстен, Кудинова, Кудкова, Кушнерева, Левинсона.

Рабочие, однако, собирались толпами, которые тотчас же разгонялись нарядами полиции.

Такие собрания происходили: на Калужской Серединке, собрались рабочие завода Бромлей и маст. Терещенко в количестве 300 чел.; на Коровьей площадке, где собралось около 1.500 человек; на Кривом переулке, у фабрики Краснова по Б. Якиманке, у Газового завода, у завода Носенкова и в других местах.

В Кривом переулке толпа, руководимая студентом, была атакована с двух сторон казаками и жандармами и быстро

рассеяна; такое же собрание разогнали полиция и войска и у фабрики Краснова, а у завода Носенкова были даже арестованы 26 человек рабочих.

Тем не менее до обеда некоторые заводы примкнули к забастовке: электрический завод в Рогожской части (в 9 ч. 5 м.), мастерская Шерф (в 9 ч. 40 м.), фабрика Шлихтерман (в 10 ч. 30 м.), типография Холчева (11 ч. 10 м.), часть рабочих типографии Мамонтова (11 ч. 20 м.).

Попытки забастовщиков прекратить работу на фабрике Цинделя до обеда не увенчались успехом: четыре раза рабочие пытались проникнуть внутрь фабрики, но всякий раз кавалерия и жандармы опрокидывали толпу.

Однако, уже в 2 ч. 45 м. пристав Пятницкой части доносил охранному отделению, что рабочие этой фабрики после обеда тоже прекратили работу.

Около 4-х часов к забастовке примкнули шорная мастерская Демент, карандашная фабрика Карнац и Вебер. Все рабочие этих фабрик (около 400 чел.), разделившись на две группы, отправились на Ивановку и Дербеновку с целью снятия с работ мастеровых еще работавших фабрик. Около 4-х часов делаются попытки снятия с работ рабочих фабрики Захарова и Тиль, при чем забастовщики пытались, как всегда, проникнуть внутрь фабрики.

Здесь рабочие терпят временно неудачу, но зато заставляют бросить работы в типографии Кирстен и останавливают между 4 и 5 часами завод Листа.

После 5 часов рабочие, при попытках остановить работы на чугунолитейном заводе Устрицова-Виноградова и на гвоздильном заводе Носенкова, тоже терпят неудачу, так как здесь пускаются в ход наряды полиции.

Попытки остановить фабрику Тиль ни к чему не приводят, но зато в начале восьмого часа останавливаются фабрики Гарниц, Вебера, Бемана и Гандиша, а рабочие завода Гакенталь, прекратившие работу еще в 4 часа дня, в 7 часов, предъявивши администрации требования и получив отказ, окончательно примкнули к движению.

Нечего говорить о том, что вместе с действиями кавалерии и жандармов, действовали и охранники, производившие аресты как рабочих, так и интеллигентов; войска и наряды полиции занимали фабрики и заводы и располагались в тех местах, куда, по слухам, доходящим до полиции, стремились рабочие.

Так, когда вечером, около 8 часов, рабочие намеревались перейти через Крымский мост из Замоскворечья в

другие части города, на мост были направлены войска, которые и не пропустили толпу из Замоскворечья.

На следующий день, 12 января, волна забастовочного движения то поднимается, то опускается, в общем, однако, увеличиваясь к концу дня: заводы, примкнувшие к забастовке накануне, то прекращают забастовку, то снова примыкают к ней.

Так, рабочие завода Гакенталь, хотя к работам и не приступили, но на завод явились; часть рабочих завода Вебер тоже пытается приступить к работам, а фабрики Ефремова, Краснова, Андреева и Маркварт, бастовавшие 11 января, как сообщает пристав 2-го участка Якиманской части, в 9 ч. 50 м. приступили к работе целиком.

К полудню стали на работы и мастерские завода Густав Лист, а также типография Сытина и Кирстнер. До обеда работал и завод Гужона.

Вместе с тем к забастовке присоединяются новые предприятия: фабрика Реномэ с 530 чел. рабочих; в 1 ч. 40 м. получается известие, что прекратились работы на заводе Гужон, а в 1 ч. 40 м., что рабочие Гакенталя, явившиеся на работы с утра, после обеда снова примыкают к движению.

В 2 ч. 45 м. забастовали огромные мастерские Моск.-Курской ж. д. и завод Перенут, в общей сложности до 2.000 чел. В четвертом часу забастовочная волна захватила фабрики Дукат (800 чел.), Меллер (168 чел.) и Веллер (50 чел.); в четыре часа прекратила работы фабрика Варц и Экгольм (около 300 чел. рабочих) и с 7 ч. 40 м. фабрика Тильмарс.

В течение и этого дня, 12-го числа, между рабочими и полицией происходят столкновения, кончавшиеся иногда арестами бастующих, которые пытаются останавливать фабрики и заводы: в 2 ч. 50 м. дня задерживаются полицией 16 чел. сытинских рабочих, стремившихся остановить фабрику Григорьева; в 3 ч. 50 м. арестованы трое мужчин и женщина в то время, когда они, руководя толпой рабочих в 300 чел., шедшей из Даниловки к Хавской слободе, хотели остановить работы пуговичной фабрики.

Один из этих задержанных читал какую-то прокламацию и при аресте оказал сопротивление.

В пятом часу арестованы депутаты (5 человек) типографии газеты «Русский Листок», а ночью с 12 на 13 января полиция произвела аресты соц.-демократов и соц.-революционеров.

Были арестованы: Людмила Степановна Емельянова, Леонард Конрадович Тарасевич, Владимир Иванович Наумов-Циткал, Михаил Целестинович Цехановский, Анна Яковлевна Эфрон, Янак Степанович Моллов, Сергей Владимирович Мазурин, Мария Маврикиевна Гиршман, Сергей Яковлевич Аллилуев, Василий Ефимович Соловьев, Дмитрий Иванович Лукьянов, Александр Семенович Лавров и Александр Степанович Желицовский.

Илья Васильевич Чирьев и Борис Самойлович Розенберг, подлежавшие безусловному аресту, успели скрыться.

Официальные документы так резюмировали итог событий 12 января: «Сегодня к стачке присоединилось 21 промышленное заведение, всего бастует до 14.000 рабочих; войсками, полицейскими нарядами приняты меры к охранению центральных частей города, воспрепятствованию соединений отдельных забастовавших групп и ограждению безопасности желающих продолжать работы; сегодня при замечаемом повышении настроения было несколько столкновений забастовщиков с нарядами, но в действии оружием надобности не представилось»[1].

В течение 13-го числа забастовка, то поднимаясь, то опускаясь, в общем все же росла и теперь уже захватывала, несмотря на все противодействия полиции, и новые районы, выйдя за пределы Замоскворечья.

В этот день к забастовке присоединились: табачная фабрика Габай, котельный завод Шмидт за Трехгорной заставой, Даниловский сахаро-рафинадный завод, типография «Московского Листка», Вильде, Лисснер, металл. фабрика Гумгалл, развесочная контора Высоцкого, кожевенный завод Бахрушина, механический завод Бутырского товарищества, химический завод Оссовецкого и, вероятно, другие промышленные предприятия, в полицейской сводке не упомянутые.

Что это последнее предположение верно, явствует из того, что в сводке от 12 января в числе бастующих предприятий не упомянуты фабрики Бахрушина, Демент, Волк, Евсеева, Людвиг Смит, Досужева, Шмеля, Чичерина, Миллера, Циммермана и зав. Тильманс, а между тем в сводке за 13 января они названы, как прекратившие забастовку.

Стало быть, они бастовали 12-го, накануне, а отсюда ясно, что и цифры, указывающие в официальных донесениях число бастующих, далеко не верны и ниже действительности.

---

[1] То же дело, л. 13, Телегр. донесение Руднева

«Сегодня присоединилось еще 14 промышленных заведений,—говорится в донесении Руднева за 13 число,— всего бастует 17.304 рабочих; войсковыми, полицейскими нарядами рассеивались рабочие, пытавшиеся образовать толпу; арестовано 8 руководителей толпы и подстрекателей» [1].

14 января приступили к работам: электрический завод в Симоновой слободе, фабрика Веллер, частично завод Вейхельта, заводы и фабрики Кожевнического района, за исключением Цинделя, Добровых и Набгольц, Гантер, Кирова, Крама и Кутырина.

Вечером возобновила работу и фабрика Циндель.

Но в этот же день к забастовке примкнули с утра Прохоровская трехгорная мануфактура (6.000 чел.), механический завод Вулкан (100 чел.), чугунолитейный завод Мейер, вышивальная фабрика Тимашева (250 чел.), механич. завод Фольк (30 чел.), пуговичная фабрика Винцель (1.510 чел.), завод Иванова (25 чел.), мастерская фон-Бангель (30 чел.), Невский стеориновый завод (500 чел.), Ряз.-Уральские мастерские (1.500 чел.), мастерские при ст. «Перово» на той же дороге (500 чел.), завод Грачева (350 чел.), сахарный завод Зенера (600 чел.), типография Мамонтова (325 чел.) и часть рабочих Ряз.-Уральской и Ярославской жел. дор.

Донесение градоначальника Руднева считает число бастовавших 14 января до 30 тысяч человек и называет, как возобновившие работу, фабрики Сиу (в предыдущих сводках как бастующая тоже не упоминается), Циндель, Гакенталь и Набгольц с числом рабочих до 4.160 чел.

Этот день 14-го числа и был днем максимального подъема забастовочного движения, ибо с 15 января забастовка начинает уменьшаться и к 20-му числу сходит на-нет.

15 января бастовало уже только 20 тысяч, если верить официальным данным.

Действительно, 15-го числа из крупных предприятий примыкают к забастовке только: к обеду мастерские Брестской жел. дор. (1.200 чел.) и завод Мамонтова (600 чел.); зато большинство мелких и средних заведений всех районов становились постепенно на работы. Энергия рабочих падала, и к 20-му числу забастовка, вызванная январскими событиями в Петербурге, прекратилась.

---

[1] То же дело, л. 14.

Официальные данные так в цифрах рисуют ход забастовки:

		Число бастующих
Января	10	3.000
„	11	до 14.000
„	12	„ 17.304
„	13	„ 19.900
„	14	„ 30.000
„	15	„ 20 000
„	16	„ 17.000
„	17	„ —
„	18	„ 11.300
„	19 и 20	конец забастовки

В нашей нелегальной печати совершенно правильно указывалось, что эти цифры далеко ниже действительности.

«Число московских стачечников определялось сначала,— говорится в пятом номере большевистской газеты «Вперед»—в 10.000 человек, через два дня уже в 30.000 человек, 18 января появились известия об окончании стачки, при чем число бастовавших давалось уже 43.000 рабочих в 125 заведениях из всего числа 170.000 рабочих в 830 московских фабриках. Само собою, что эти официальные сведения явно преуменьшены (во всех торгово-промышленных заведениях Москвы гораздо больше рабочих, чем 170.000), и мы приводим их лишь для того, чтобы дать приблизительное представление о размерах движения».

Утверждения нашей газеты, конечно, вообще правильны, но несомненно и то, что московская стачка была невелика: она не охватила не только всей Москвы, но на очень многих заводах не вовлекла даже всех рабочих данного предприятия; многие заводы несколько раз, как мы видели, то начинали стачку, то приступали к работам, то вновь начинали бастовать, и это явление замечалось не на мелких только предприятиях.

Крупнейшие предприятия присоединились к забастовке в середине, а многие из них и вовсе не бастовали (Даниловская мануфактура, большинство жел. дор., конно-железные дороги бастовали значительно позже (22 января) и всего один день).

В корреспонденции «Искры» более позднего происхождения, чем заметка «Вперед», так прямо и говорится: «Стачка прошла довольно вяло в сравнении с Питером», и далее

подтверждаются, так сказать, официальные данные. «На некоторых фабриках стачки начинались, прекращались и снова начинались».

Вообще в нашей тогдашней нелегальной печати ход и характер забастовки обрисован довольно верно. В отрывке письма из Москвы от 14 января помещенного в пятом номере «Вперед», так описывается настроение города:

«В Москве все взволнованы, потрясены петербургскими событиями, и теперь, кто со страхом, кто бодро ждут событий в Москве. Начало революционному движению здесь уже положено. Забастовала масса фабрик и заводов. Войска и полиция все время наготове. Замоскворечье оцеплено войсками, и там для терроризации народа 10 января возили пушки. Передают, что вызывали еще войска из Нижнего-Новгорода».

В «Искре» в номерах 85, 86, 87 и 88 московская стачка описывается более подробно.

В номере 85 в коротенькой корресподенции от 11 января сообщается о столкновении рабочих с полицией, о выступлении соц.-демократов перед толпой, в номере 86, в сообщении от 1 января, когда стачка шла на убыль, дается такая картина:

«Забастовка идет не дружно—одни уже становятся на работу (как у Доброва и Набгольц), другие только что начинают—вчера у Прохорова приостановлены работы до вторника. У того же Прохорова один агитатор был встречен словами: «Чего тебе тут надо?». Начиная с 11 января за городом (близ Девичьего поля, в Кожевниках) происходили массовые собрания рабочих с 3—4 тыс. чел. Громадное большинство относится одобрительно к экономическим требованиям и индиферентно к политическим. Агитатора, начавшего речь призывом к политической свободе, плохо слушали, но политические требования, постепенно и логически выведенные из невозможности успеха одной экономической программы, встречали одобрительно: «верно», «правильно говоришь». Общее настроение пока неопределенное...».

Еще лучше это «неопределенное» нерешительное настроение рабочих описывается в корреподенции от 25 января в № 88 «Искры».

«Замоскворецкий район, начиная с крупных фабрик и кончая прачешными, весь забастовал дружно, понятно, что и администрация обратила на него самое серьезное внимание. Где только возможно было, расставили войска, пеших

и конных жандармов и полчища городовых. Шпионов на обычных постах не было в течение полуторы недели—надо полагать они посланы были вырывать наиболее выделяющихся рабочих. Город также не был забыт. Большинство бастующих типографий помещается в центре. Возле типографий Кузнецова, Левинсона и других—везде стояли войска. На Зубовском бульваре в д. Кунина были специально наняты пустующие квартиры для них...».

«... На табачной фабрике «Дукат» мужчины забастовали, большая часть женщин работала. Во время обеденного перерыва забастовавшие подкарауливали работающих и избивали. В мастерских Ряз.-Уральской жел. дор. очень малая часть рабочих работала. Администрация делала все, что могла дабы оградить работающих от нападения. Сначала она под конвоем сопровождала, во время обеденных перерывов, рабочих. Когда это не помогло, она на свои средства выдавала каждому рабочему пол колбасы и хлеб. Не везде требования рабочих удовлетворены...».

«На большинстве фабрик и заводов предъявлялись экономические требования, на некоторых фабриках требований совсем не предъявлялось. На многих фабриках рабочие не смогли формулировать требований».

Уже из этих фактов видно, что одной из причин вялости московской забастовки являлась очень большая отсталость московских рабочих: приходилось рабочих снимать с работ силой, происходили столкновения между самими рабочими, они не уясняли себе причины забастовки, они иногда не могли даже сказать, чего они хотят. Второй причиной неуспешности забастовки следует считать энергичные меры властей—распределение войск по районам, введение их на фабрики и заводы, недопущение забастовавших до снятия с работ работающих товарищей и, наконец, понуждение рабочих к работе силой, называемое на официальном языке «ограждение от насилий желающих работать».

В делах департамента полиции имеются такого рода факты в большом числе.

Во-первых, градоначальник Москвы уже 13-го числа запрашивал товарища министра внутренних дел, может ли он опубликовать и в Москве «торжественное объявление к московским рабочим от имени моего и министра финансов; можно ли упомянуть, что к осуществлению монаршей воли по разработке вопроса о дальнейшем сокращении рабочего

времени и других улучшений положения рабочих уже приступлено»[1].

Получив утвердительный ответ, Руднев выпустил такое успокоительное объявление и кроме того помогал распространять прокламации общества трезвости, призывавшие рабочих к прекращению стачки.

Затем войска, хотя и вступали в борьбу с рабочими, но оружия в ход не пускали.

И, наконец, охранка произвела очень быстро колоссальные аресты не только интеллигентов, но и, что самое главное, выдающихся рабочих.

Кроме лиц, арестованных в ночь на 12 января, о чем упоминалось выше, уже 9 января были арестованы: Зензинов, Влад. Мих.; Никифоров, Лев Павл.; Мазурин, Ник. Влад.; Никитинский, Андрей Алекс.; Субботин, Лев Иннок.; Хренкова, Софья Герм.; Хренкова, Вал. Иосиф.; Закк, урожд. Лурье, Цецилия Вениамин.; Черненко, Иван Карп.; Сучков, Тимоф. Алекс.; Попов, Мих. Арх.; Толстов, Конст. Петр.; Волков, Евг. Зах.; Дубенский, Леон Дм.; Мезнев, Мих. Алекс.; Рюмина, Евг. Яковл.; Кабанова, Варв. Ник.; Струговщиков, Вл. Алекс.; Красильникова, Вера Ник.; Столярова, Елиз. Александр.; Зайцев, Вас. Иван.; Мешков, Ник. Мих.; Высотский, Ив. Ив.; Никифоровы, Александр и Павел Львовичи; Крумбюгель, Леон Отт.; Струговщикова, Екат. Ник.; Мандельштам, Алекс. Вл.; Чичкин, Ив. Вас.; Воронович, Модест Петр.; Судакова, Праск. Ник.; Борисова, Зин. Вас.; Воскресенский, Герм. Ник. и Носков, Арк. Ив.

В ночь на 10 января были арестованы: Мечникова, Алекс. Валерьян.; Переверзев, Вл. Ник.; Ибряева, Над. Ник.; и 11 января: Черненков, Бор. Ник. (задержан в Саратове 9 января и доставлен в Москву). 14 января снова арестовали: Урысона, Иосифа Иос.; Иванова, Ник. Мих.; Шеслера, Ант. Алекс.; Балталона, Юлия Кес.; Костюшко-Ваможенича, Бор. Ант.; Маркелова, Вас. Вас.; Шутку, Иос. Иос.; и рабочих: Никифорова Дмитрия; Журавлева, Егора Вас.; Морозова, Ив. Сильвестр.; Иванова-Жукова Ивана.

12-го и 13-го снова были аресты и обыски. Арестовали: Воронова, Мих. Ив.; Кастальскую, Ольгу Ник.; Семенова Ив.; Волкова, Никандра Андр.; Андреева Павла; Лаврова, Зиновия Лавр.; Свидерского, Влад. Стан.; Зелига, Леон. Иван.; Ган-

---

[1] То же дело л. 16.

шино, Мих. Мих.; а также одного нелегального; Заковича Изр.; Евдокимова, Дм. Ив.; Завьялова, Конст. Григ.; Захаржевскую, Ольгу Петр. и Анну Петр.; Захаржевскую, Людмилу Максимильян.; Шера, Вас. Влад.; Арватову, Нину Вас.

Это были уже, главным образом, соц.-демократы интеллигенты, так или иначе принимавшие участие в событиях, по большей части студенты и курсистки.

Многие из них арестованы, так сказать, «на месте преступления».

Воронов задержан при попытке снять с работ рабочих фабрики Сиу: шел во главе партии рабочих в 20 чел. Кастальская шла во главе толпы забастовавших рабочих. К такой же категории лиц относятся Семенов, Волков и Андреев, при чем у последнего произошло столкновение с городовым. Остальные из арестованных были взяты при рассеивании толп рабочих полицией: Евдокимов и Завьялов при попытке остановить типографию Левинсона, а Закович и Захаржевские в момент, когда они срывали объявление градоначальника, приглашавшее рабочих прекратить стачку; Шер и Арватова были задержаны вместе с другими во время снятия с работ фабрик Симоно и типографии Вильде.

В этот же день, 13 января, попали в тюрьму наиболее активные рабочие, снимавшие своих товарищей с работ: Виноградов, Александр Никифор., раб. зав. Смит; Зайцев, Вас. Абр., типограф; Яковлев Мих., типограф; Виноградов, Влад. Филипп., типограф; Губанов, Ник. Никиф.; Ясковичев, Андр. Вас.; Никитин, Петр Тимоф.; Гаврилов, Дм. Егор.; Гаврилов Павел; Силков, Тимофей Ив.; Горшков, Ник. Матв.; Галкин, Петр Андр.; Червяков, Ив. Серг.; Лямченков, Вас. Вас.; Кузнецов, Мих. Фед.; Полуев, Петр Тим.; Шорин, Мих. Егор. и Голованов, Андр. Платон.

Преступления этих рабочих заключаются в том, что они руководили толпами рабочих, снимавших своих товарищей с работ.

Деятельность, например, Червякова полиция описывает так: «Ворвавшись силою в здание фабрики «Ронталер Бенно», где он ранее служил, навел панику на рабочих как человек, способный на все дурное; очень грубо и с руганью обратился к директору фабрики со словами: «убью, если не возьмешь». Червяков был одним из главарей во время бывшей забастовки в 1903 году на фабрике «Ронталер Бенно»; был как бы пугало для тех рабочих, которые изъявляли желание продол-

жать работы; бил тех рабочих, которые продолжали работу»[1].

Далее, 14 января арестованы: за попытку снять с работ фабрику «Дукат» раб. Сенаторов, Алекс. Григ.; при снятии с работ наборщиков типографии Левинсон, типограф Астахов, Мих. Ив.; за это же—Петров Ив. и Бабаев, Ник. Вас.; Лобов, Ив. Род. за срывание объявлений градоначальника; Кузнецов, Ник. Ив. за попытку остановить тип. Вильде, за то же—Волков, Мих. Павл.; Климов, Ник. Аф. и Герасимов, Алекс. Серг.; Цымбаев, Вас. Неф., как руководитель забастовки на фабрике Шлихтерман во время чтения требований рабочих; Дрожденков, Фед. Евд.; Петров, Филипп Фед.; Феофанов Алекс. и Седов, Ив. Сем. за агитацию в пользу забастовки.

15 января была арестована следующая партия: Любченко, Алекс. Елизар.; Дмитренко, Иос. Егор.; Архангельский, Ив. Ник.; Кабанов, Бор. Влад.; Васильев, Вас. Лукьян.; Свечников, Бор. Ив.; Буянова, Анна Мих. и Скородинская, Анна Ник. У Свечникова найден склад с.-д. литературы. Это были интеллигенты, но полиция не оставляла в покое и рабочих и того же числа отправила в тюрьму 17 человек рабочих, участвовавших либо в снятии с работ, либо в агитации за стачку: Панкратов, Кирилл Митр.; Михайлов Алексей; Соколов, Сергей Ив.; Бочаров, Егор Ив.; Фетисов, Ник. Арс.; Клевалин, Лавр. Мак.; Гудков, Ив. Конст.; Букин, Алекс. Ив.; Челышев, Конст. Ив.; Кондратьев, Ефим Тимоф.; Полковников, Александр. Григ.; Полковников, Ив. Александр.; Зачинилкин, Максим, Ив.; Семенов, Вас. Епимох.; Гаврилкин, Александр Петр.; Кольцов, Вас. Макс.

17 января сели в тюрьму рабочие зав. Бромлей за то, что уговаривали своих товарищей не получать расчета. Это были: Смолкин, А. В.; Свиридов, Ф. И., Мешков, С. С., Алексеев, М. М., Тулинов, Е. А., Арешин, Е. В., Початкин, Д. Н., Кузьмин, С. М., Беликов, А. А., Бобков, И. Я., Беликов, Л. Д., Плотников, В. Г. и Панов, С. Ф.

Того же числа были задержаны рабочие: Яковлев, А. Ф., Опуман, П. Я., Мореев, Ф. А., Григорьев, К. А., Воробьев, Е. И., Козлов, С. Я., Натаров, Ф. А., Богаев, М. И., Хитров, Д. М., Рутков, С. М., Васильев Андрей, Евсеев, П. Т., Шилов, О. Е., Гуров, В. И., Пучков, Ф. И., Парамонов, В. Я., Николаев, Трифон и Хитров, Ив. Ив.

---

[1] То же дело, л. 73.

Кроме того, аресту были подвергнуты организаторы забастовки на Брестской жел. дор.—Ив. Вас. Лобанов и Пав. Петр. Аксенов.

Всего, таким образом, за семь дней было арестовано 164 человека, а не 70, как говорится в «Искре» (№ 88), при чем из этого числа на долю рабочих приходится 103 человека, а 64 на долю интеллигентов.

Мы привели все эти имена для того, чтобы ясно было, как быстро и решительно действовала московская полиция, не желавшая кровавых столкновений: были изолированы почти все активные силы, брошенные организацией, как агитаторы-интеллигенты, так и рабочие, и забастовка потерпела неудачу.

Большинство арестованных рабочих очень быстро были высланы этапным порядком на родину.

Таким образом, забастовка и не могла распространиться не только на окрестности, но даже и на всю Москву.

Между тем, отказать хотя бы некоторым кругам рабочих в желании и в попытках распространить забастовку как можно шире, ни в коем случае нельзя. Примеров этому во время январских дней, как мы видели, было очень много: почти все арестованные рабочие были застигнуты во время попыток остановить еще работавшие фабрики.

Остановимся подробнее на некоторых из таких попыток.

11 января забастовавшие рабочие зав. Бромлей и Трубопрокатного, под влиянием агитации своих товарищей, прекративших работу 10 января, в свою очередь, попытались остановить Даниловскую мануфактуру. Однако, полиция и войска не допустили до этого. На другой день бромлеевцы начали наступление на мануфактуру, стремясь проникнуть во двор фабрики. На фабрике кроме ½ роты пехоты находились сотня казаков и эскадрон конницы.

«Казаки прибыли первыми в тот момент, когда толпа ломилась в ворота и последние уже готовы были рухнуть под ее напором. Следом за ними прибыл эскадрон конницы и, обойдя фабрику со стороны реки Москвы, застал там толпу, приступившую к разгрому красильного корпуса и нападавшую на пехоту и даниловских рабочих, защищавших корпус. И от ворот, и от красильного корпуса толпа была быстро оттеснена, при чем ни там, ни тут к оружию прибегнуть не пришлось. Хотя рабочие-подстрекатели у красильного корпуса и кидали в местных рабочих и войска

камнями и всем, что попадало под руку, но раненых нет, и только побиты стекла в окнах красильного корпуса[1]. Остановить Даниловскую мануфактуру все же не удалось...»

Подобное же столкновение рабочих с войсками и полицией произошло и близ станции Мытищи в 18 верстах от Москвы, при попытке снять рабочих вагоностроительного завода. Попытка эта оказалась неудачной.

Официальные документы такими словами описывают это столкновение:

«Вчера с утра на расположенном на расстоянии 18 верст от Москвы, при ст. Ярославской ж. д. Мытищи, селе Мытищах, были замечены небольшие партии подстрекателей, прибывших из Москвы, по шоссе и по полотну железной дороги и приехавшие с поездами. Партии эти рассыпались по селу и его окрестностям, при чем, по полученным агентурным сведениям, часть из них должна была направиться к находившемуся недалеко от станции вагоностроительному заводу, а часть на водопроводную станцию, снабжавшую водою Москву, с целью сделать попытку прекратить доступ воды в столицу. Как только об этом сделалось известным, тотчас же было сделано распоряжение о командировании туда воинский части, которая вскоре и прибыла в составе одной сотни казаков. В течение ночи пришлось несколько раз разгонять отдельные кучки, повидимому, совещавшихся, но несмотря на это подстрекателям удалось оказать воздействие на рабочих вагоностроительного завода (1.700 рабочих), и последний сегодня остановился, при чем рабочие спокойно разошлись, обещав администрации, что погрома не будет, и, сказав, что изложат свои требования в особом письменном заявлении»[2].

Полиции помогали и капиталисты. Кроме уже упомянутой прокламации «К рабочим города Москвы» от общества трезвости, некоторые хозяева, делая частичные уступки рабочим, в корне подрывали стачку.

Хозяин завода Бари сам выступил на митинге рабочих и уговорил их стать на работу.

Все вышеизложенные обстоятельства и помешали распространиться московской стачке вширь и вглубь.

Поэтому Московский уезд она захватила очень слабо.

---

[1] То же дело, л. 82 и 83.

[2] То же дело, л. 78.

14 января, в уезде стачка охватила следующие предприятия: Камвольную даниловскую мануфактуру за Серпуховской заставой (200 раб.), медно-котельный и литейный завод Дангауэр и Кейзер близ Сортировочной станции Казанской жел. дор. (400 раб.), машино-строительный завод Гутман, биз д. Хохловки (40 раб.), котельноарматурный завод Смит за Трехгорной заставой (160 раб.), за Семеновской заставой фабрику масляных красок Худокормова (30 раб.), котельный завод Раузер, Бибер и комп. (200 раб.), фабрику ваксы и жестяных изделий Бонакер (450 раб.), котельный завод Кудлинг (160 раб.), медно-котельный завод Дангауэра (30 раб.), бумаго-ткацкую фабрику М. Д. Пфейфер (400 раб.), завод металлических конструкций М. Я. Цоллер (60 раб.), бахромную фабрику Гордон (70 раб.) и все мелкие заведения Семеновской заставы.

О Мытищенском заводе с 1.700 рабочих мы уже говорили.

15 января к этим заводам присоединились еще следующие: в селе Всехсвятском чугунолитейный завод б. Кертинг (240 чел.), Трехгорный пивоваренный завод (800 раб.) за Дорогомиловской заставой и Тормозной завод Пурде, при селе Люберцах (350 раб.).

Замечалось брожение на фабриках г. Богородска и в Орехове-Зуеве, но полиция и войска так хорошо охраняли эти пункты, что поднять там стачку не удалось. Попытки москвичей поднять забастовку на Коломенском заводе при ст. Голутвин с его 6.700 чел. раб. не удались и 4 делегата, посланные туда из Москвы (Васильев, Иванов, Комаров и Пузыревский) возвратились ни с чем, не побывавши даже в заводе.

Нельзя, конечно, думать, что двумя причинами—отсталостью московских рабочих и предупредительными мерами полиции—объясняется неудача московской стачки; была еще третья причина—состояние подпольной рабочей организации, но прежде чем перейти к ней, остановимся на тех требованиях, какие предъявляли рабочие.

2. ТРЕБОВАНИЕ РАБОЧИХ

Когда начинаешь рассматривать требования, предъявленные московскими рабочими в январе 1905 года, понимаешь, почему забастовка прошла в Москве не так дружно и революционно, как в Петербурге.

Прежде всего, подавляющее большинство московских требований исключительно экономического характера; политических требований, так, как это было сделано в Петербурге, московские рабочие не предъявляли.

Затем, и очень часто показательно, очень много фабрик и заводов бастовало, не предъявив никаких требований, по крайней мере следов в этом отношении никаких не осталось (в делах деп. пол.).

Предположить, что бастуя из солидарности к своим петербургским товарищам, они предъявляли требования же петербуржцев, нельзя, так как нигде не имеется на то указаний.

Правда, гапоновская петиция была распространена и в Москве, но опять-таки сведений, что московские рабочие перед забастовками обсуждали эту петицию и солидаризировались с нею, тоже не имеется.

Солидарность, конечно, была, иначе не было бы и самой забастовки: самый факт прекращения работ уже свидетельствовал о том, что и московский пролетариат присоединяется к петербургским рабочим, но того сознательного отношения к событиям, какое мы наблюдаем в Петербурге, здесь не замечается.

Кроме того, самые требования носят часто настолько местный характер и указывают на такую бездну эксплоатации, что становится совершенно понятным, почему протест петербургского пролетариата всколыхнул и массы московских рабочих: почва была готова и здесь нужно было только взрыхлить ее поглубже.

Без сомнения, два основных требования проходят красной нитью во всем, что предъявляли московские рабочие,— сокращение рабочего дня и повышение заработной платы.

Какие же требования предъявляли рабочие, кроме только что указанных двух? Рассмотрим требования некоторых заводов в отдельности.

Рабочие завода Бари изложили свои желания и нужды в письменной форме: они требовали: 1) 8-часового рабочего дня. 2) Установления минимума заработной платы для рабочего, имеющего определенную профессию, 1 р. 50 к., для чернорабочего не менее рубля и для мальчика не менее 60 коп. 3) Раскладки сдельной рабочей платы как мастеровым, так и подручным по поденной. 4) Окончания работы в предпраздничные дни в 2 ч. с платой за полный день. 5) Отмены месячного срока. 6) Учреждения третейского суда

(комиссии). 7) Вежливого обращения администрации с рабочими. 8) Установления сверхурочных работ только по решению третейского суда. 9) Удвоения заработной платы за сверхурочную работу. 10) Выдачи заработной платы полностью на заводе каждую неделю. 11) Вознаграждения за поранения и увечья. 12) Расширения заводской больницы и приема в нее членов рабочих семей. 13) Бесплатной выдачи лекарств по рецептам частных врачей. 14) Уплаты заработной платы за все время стачки. 15) Неприменения репрессий за стачку. 16) Обеспечения семей рабочих за счет предпринимателей без вычетов из заработной платы (до введения государственного страхования). 17) По соглашению рабочих и администрации итти к развитию рабочих: устраивать бесплатные лекции по отдельным вопросам. Расширить действие школы прибавлением уроков следующих: электротехники, рисования, медицины, пения, музыки и других. Расширение библиотеки рабочих допущением всех вышедших книг и разрешенных к печати журналов и газет. 18) Устройства бесплатной читальни. 19) Устройства родильного приюта для Симоновского района бесплатно. 20) Устройства общего бесплатного помещения, где безработные могли бы обогреваться и входить в сношение с комиссией. 21) Назначения квартирной платы в размере семи рублей в месяц для одинокого и двенадцати для семейного. 22) Увольнения мастера Белова за увольнение слесарей без причины, старшего рабочего Говоркова и медицинского персонала,—доктора и фельдшера и 23) строгого выговора за плохое обращение с рабочими мастерам: А. Кравчунскому, А. Мельникову, Г. Суворову, С. Хомякову, артельщику Тихонову и сторожу Александру Михайлову.

Компетенция третейского суда (примирительной камеры или, как они называют ее, комиссии) такова: 1) расчет и принятие рабочих, 2) назначение и увольнение мастеров, 3) правильность расценков на сдельные работы и пересмотр старых, 4) наблюдение за деятельностью медицинского персонала, 5) наблюдение за столовой рабочих,—прием, осмотр провизии, наблюдение за прислугой и т. д., 6) устранение недостатков в зданиях, а именно—отопления, освещения, вентиляции, чистоты в отхожих местах (клозетах), 7) мальчиков и других рабочих развивать в работе.

По поводу этих требований московский губернатор Кристи, говоря, что «никаких требований политического характера в них не выставляется», добавляет: «но некоторые пунк-

ты обращают на себя внимание, ясно указывая, что они внушены рабочим со стороны. Так, например, рабочие завода Бари требуют расширения библиотеки, чтения лекций, устройства для них школы с преподаванием в ней кроме специальных предметов еще медицины, пения, музыки и других»[1].

Губернаторская голова никак не могла вместить в себе таких революционных мыслей, как то, что и рабочие самостоятельно «без внушения со стороны» могут интересоваться музыкой, пением и медициной.

По мнению дворянской головы губернатора Кристи, рабочим нужна только работа на хозяина, повиновение начальству и... душеспасительные поучения, и потому он в конце своего донесения прибавляет: «В видах оказания на забастовщиков нравственного воздействия, вчера, 13 января, нейтральным учреждением—Московским столичным комитетом попечительства о народной трезвости—было выпущено прилагаемое при сем в одном экземпляре воззвание, которое в массах распространено на фабриках Москвы и Московской губернии и, по слухам, произвело на рабочих большое впечатление»[2].

Последние строчки губернаторского донесения—сплошное недоразумение, так как, несмотря на всю отсталость московских рабочих, они с негодованием срывали эти воззвания со стен и заборов, за что некоторые из них и отправились этапным порядком домой, на родину.

Рабочие завода Бари стачку проиграли: им пришлось стать на работу на старых условиях, при чем, если верить губернатору Кристи, большую роль сыграл сам хозяин Бари, который «собрав своих рабочих, сказал им очень сильную речь, напомнивши им все, что он для них делал, категорически заявив, что большего они от него не получат, и предложил желающим продолжать у него работать тут же дать в этом подписку. Речь произвела сильное впечатление, и сейчас же около 150 человек дали потребованную подписку...»[3].

Прав или не прав Кристи, но часть рабочих, ставшая на работу, стачку сорвала. Завод Густава Листа пошел в ход 17 января; рабочие добились кое-каких уступок, при чем 15 января, повидимому, между желающими стать на ра-

---

[1] То же дело, л. 82.
[2] То же дело, л. 83.
[3] То же дело, л. 136.

боты и сторонниками дальнейшей забастовки произошло столкновение, так как губернатор, будто бы по просьбе самих рабочих, желающих работать, направил на завод войска.

Требования, которых добились рабочие, сводились к немногому: получение полной платы за брак, оказавшийся при точке, повышение платы стерженщикам до 2 р. 25 коп., установление срока обучения для учеников в 4 года, с платой в течение первого года 35 коп., а в последующие с прибавкой по 10 коп. в день, выдача ученику вознаграждения в сумме 50 руб. и, в случае его оставления на работе после обучения, установление заработной платы размером рубль в день.

Рабочие Люберецкого завода прекратили работы 17 января, предъявив следующие требования: 1) повышение заработной платы, 2) уменьшение рабочего дня, 3) отмена обысков и пропусков, 4) устройство бани, училища и библиотеки, 5) наличие в заводе постоянно кипятка и 6) увольнение табельщика Ледянкина и некоторых мастеров.

Здесь рабочие добились значительных результатов, а именно: повышена заработная плата на 10%, отменены обыски и штрафы, обещано устройство бани и библиотеки, и стал заготовляться кипяток. Забастовка длилась три дня и закончилась 20 января. Рабочие трубо-прокатного завода приступили к работам 18 января на старых условиях.

Мытищинский завод остановился 14 января. Требования вырабатывались на общем собрании, для чего рабочие собрались в чайной лавке; 15 января требования в письменной форме получило начальство. Они сводились к немногим пунктам, главный из которых—8-часовой рабочий день. Требования все, за исключением уменьшения рабочего дня, были удовлетворены, и 18 января рабочие стали на работу, а 50 человек, не пожелавшие стать на таких условиях, были уволены.

Рабочие Трехгорного пивоваренного завода, прекратившие работы 15 января, требовали: 1) 8-часового рабочего дня, 2) повышения расценки, 3) устройства бани, 4) удаления фельдшера Гавриила Маркова за грубое обращение с рабочими и 5) сделать строгое внушение хожалому Якову Козленкову за грубое обращение с рабочими. Все эти требования были удовлетворены и завод 17 января приступил к работе.

Механический завод Кертинга, завод Николаева, котельный завод Дангауэра начали работы 18, 15 и 17 на старых

условиях, при чем на первых двух были отменены обыски. Требования рабочих чугунолитейного завода на ст. Гривна (Климовка)—повышение расценки и устройство бани—были удовлетворены и 19 января завод возобновил работу.

Рабочие заводов химического Оссовецкого, бр. Смит и сахаро-рафинадного Даниловского т-ва добились частичных улучшений—прибавки платы (напр., на заводе Смит—10 коп. ученикам), улучшений внутреннего распорядка—и 17 января приступили к работам.

На отделочной фабрике Досужева рабочим пришлось стать на работу тоже на старых условиях, если не считать прекращения вычетов за баню по 20 коп. с человека и уплаты за забастовочные дни.

На фабрике Московского т-ва резиновой мануфактуры были предъявлены требования 17 января и удовлетворены 27 января, так что того же числа фабрика начала работы. Удовлетворены были следующие требования: 1) все рабочие в забастовочные дни получают поденную плату, 2) поденная плата повышается для мужчин до 70 к., для женщин до 50 коп., и рабочим по двору до 60 коп., 3) все, непользующиеся фабричной квартирой, должны получать, начиная с 1 января 1905 г., по 1 р. (мужчины и женщины) и 4) рабочие некоторых отделений, не работавших во время святок, в то время, когда другие отделения работали, получат поденную плату наравне с работавшими отделениями.

Из городских предприятий бастовала конно-железная дорога (22 января). Были предъявлены следующие требования: 1) замена поденной платы месячным жалованьем от 30 до 45 рублей по расчету получаемого каждым кондуктором поденного оклада, 2) назначение 2-х кондукторов на каждый вагон на каждый день, 3) число рабочих дней в месяц 24 и 9-часовой рабочий день, 4) добавочная плата за работу сверх 9 часов, 5) ежегодный двухнедельный отпуск кондукторам с сохранением содержания, 6) бесплатная казенная одежда, 7) выдача квартирных денег и 8) гарантии против увольнения без рассмотрения и оценки приносимых на кондукторов жалоб.

В виду обещания удовлетворить эти требования, конка начала работы 23 января.

Наиболее подробно разработанные требования предъявили рабочие мастерских железных дорог Московско-Курской, Московско-Казанской, Московско-Брестской и при ст. Перово.

Требования вырабатывались по цехам на общих собраниях и подавались через выборных начальству.

Всюду имеется требование 8-часового рабочего дня и кое-где в числе первых требований—неприкосновенность рабочих депутатов.

В качестве образца приведем требования некоторых цехов. Вот требования мастерских Московско-Курской жел. дороги.

1) Неприкосновение личности всех депутатов, выбранных для переговоров с администрацией дороги; 2) 8-часовой рабочий день; 3) выработка расценок на изготовляемые предметы по соглашению с рабочими и повышение поденной платы для мастеровых не менее 1 руб. 20 коп. (т. е. профессиональным), помощникам мастерового от 90 коп. и чернорабочим 85 коп.; 4) депо—повышение на 50%; 5) введение расценочных книг во всех мастерских; 6) при получении работ должно быть выдано точно формулированное условие; 7) сверхурочные работы должны производиться в крайних случаях и по распоряжению начальника мастерских; 8) комисссия в равном составе из лиц администрации и рабочих для разъяснения недоразумений, возникающих в мастерских на почве труда и улажения их мирным путем; 9) переделка вещей уже обработанных, если ошибка произошла не по вине рабочих, должна производиться за плату; 10) санитарное улучшение мастерских; 11) прием и сдачу работы рабочими желательно производить с 1-го по 1-е число следующего месяца и выдачи жалованья 2 раза в месяц и 12) желательно пособие, выдаваемое рабочим по болезни, в случае невозможности продолжать работу, получать с первого дня оставления работы в размере поденного жалованья, отпускать в рабочее время во врачебный кабинет, в случае заболевания рабочих, без вычета его заработка.

Как же начальство ответило на эти требования? Пункты 1, 6, 7 и 9 были удовлетворены, по пункту 3 и 4 (повышение платы) были сделаны тоже кое-какие уступки, остальные же направлены в Министерство путей сообщения.

Приведем еще требования рабочих депо Московско-Курской жел. дор. при ст. Москва, так как они очень хорошо рисуют положение железнодорожных рабочих.

Деповские рабочие требовали:

1) Сокращение рабочего времени на 8 часов; 2) отменить сверхурочное время, а если таковое окажется, то оно оплачивается денежно двойной платой не из суммы поденного

заработка; 3) повысить поденное жалованье на 50%; черно-рабочим должна быть плата не менее 90 к.; 4) по примеру казенных железных дорог выдавать пособия: за смерть рабочего, за рождение ребенка и за смерть жены; 5) за инвалидность выдавать пособия; 6) увольнение должно производиться со всеобщего соглашения мастеровых и администрации, с объяснением причины, которая должна быть вывешена на видном месте; 7) потребительное общество должно выдавать не менее 5% на каждый рубль, выдать дивиденд за прежние годы на руки и выдавать за каждый год; 8) увечным рабочим должны выдавать за весь полный месяц, т. е. за 30 или 31 день, в размере поденного жалованья, в случае возобновления болезней платить как и в начатии; 9) улучшить санитарное и гигиеническое состояние мастерских; 10) вежливое обращение начальника и остальных начальствующих лиц; 11) улучшить врачебную помощь для рабочих; 12) штрафы за провинность, по возможности, не производить; 13) при сокращении работ и увольнении рабочих выдавать месячное жалованье за прослуженный год; 14) клозет должен быть не за четверть версты, а в депо, и в нем чтобы была чистота; 15) мастеровые и рабочие должны получать жалованье, несмотря на протекцию, смотря по его способностям и знанию; 16) при пробе должен быть хороший инструмент; 17) канавы должны быть чисты; 18) должна быть, по возможности, устранена копоть из депо, и освещение должно быть не коптилки-лампочки, а свечи или электрическое освещение; 19) при посылании за помощника должны платить поденное жалованье и выдавать теплую одежду, так как нас посылают совсем врасплох; 20) на подъемку должны посылать мастеровых и рабочих по желанию и чтобы выдавали хорошую одежду.

На эти требования последовал ответ начальства, мало чем отличащийся от того, что был дан рабочим мастерских.

Аналогичные требования были предъявлены и на Брестской и Казанской дорогах, а также в Перовских мастерских.

Рабочие перовских мастерских требовали восьмичасового рабочего дня, установления расценки 1895 г., увеличения сдельной и поденной платы в 1½ раза; обязательного вывешивания табелей по работам; выдачи поденной платы за забастовку; неувольнения за 3-дневную неявку на работу; осмотра рабочих на дворе, а не у ворот; назначения платы вновь поступающим самими рабочими, а не ма-

стерами; увольнения трех мастеров и табельщика; отмены сбавки платы прослужившим от 10 до 15 лет.

Начальство удовлетворило только два требования: вывесило табели и отменило обыск у ворот.

Вообще железнодорожники удовлетворения своих требований не получили, бастовали не дружно, положение же их было настолько тяжело, что было ясно каждому более решительное и упорное столкновение рабочих с администрацией в ближайшем будущем [1].

Мы перечислили почти все, чего добились рабочие; подавляющее большинство бастовавших фабрик и заводов стали на работу на прежних условиях, рабочие никаких экономических выгод не получили.

Из приведенных требований становится ясно как то, почему московские рабочие уже 10 января, как только стало известно о событиях в Петербурге, начали забастовку, так и то, почему эта забастовка не приняла такого же грандиозного размера как в Петербурге: слишком тяжелы были условия жизни рабочего в Москве, так что достаточно было искры, чтобы зажечь и в Москве стачечный пожар, и вместе с тем, кабала, угнетенность, низкая заработная плата, антисанитарные условия, забитость—все это было настолько велико, что сразу, да еще без хорошей предварительной подготовки, думать о длительной планомерной забастовке было нельзя.

В Москве не было гапоновской организации и тем не менее основные экономические требования петербургской петиции выдвинули и московские рабочие—8-часовой рабочий день, отмена сверхурочных работ, штрафов и т. п. в той или иной форме фигурируют и в Москве.

Отсутствуют политические требования, их не найдешь ни на одном заводе или фабрике.

Московский пролетариат еще не сорганизовался так же, как и петербургский, а наша подпольная организация еще не сумела создать сильного подпольного аппарата, влияние которого на рабочих было бы достаточно велико.

---

[1] Все только что приведенные данные взяты из двух дел 4-го делопроизводства № 4, ч. 2 и № 4, ч. 2, т. 2 за 1905 г. листы 18, 147 и след. из первого дела и из второго дела листы 3, 8, 11, 13, 15, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 37, 41, 42, 46 и 27.

Большинство требований перепечатаны с подлинников или приведены в извлечении, а требования рабочих зав. Бари и железнодорожников на гектографе в том виде, как их представили сами забастовщики.

В 88-м номере «Искры» так и говорится по этому поводу:

«Многие районы просили прислать им людей, но таковых не было. Одни районы были забросаны прокламациями, в других они отсутствовали совсем».

В большевистском органе «Вперед» (№ 4) констатируется в сущности то же самое: «Переполошившиеся хозяева не знают, что делать. Они собрались на бирже, чтобы обсудить, какие уступки можно сделать. Но беда в том, что со стороны рабочих не заявлялось первое время никаких требований. Забастовки начались единственно из сочувствия к петербургским рабочим, для поддержки петербургского движения. Только в среду начали предъявляться требования».

Фабриканты «переполошились», это верно, но они очень скоро зато и оправились и вместе с полицией повели всякими способами наступление на рабочих, прибегая решительно ко всяким средствам, начиная от действия войск до... молебнов включительно.

Так, например, на фабрике Коншина, в Серпухове, хозяева собрали всех рабочих, попов и полицию и отслужили торжественный молебен, после чего была отправлена царю верноподданническая телеграмма, под которой подписались даже шесть рабочих, выборных от всей массы—Федоров, Попов, Кириллов, Зубаков, Чибирев и Иванов; такой же молебен устроили и Лямины на своей фабрике в Дмитровском уезде.

Капиталисты быстро оправились, а наша организация так же быстро не могла перестроить свои ряды в боевой порядок и начать наступление.

ГЛАВА IX

ЯНВАРСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ЦЕНТРАЛЬНОМ ПРОМЫШЛЕННОМ РАЙОНЕ

В Нижегородской губернии январские события нашли живой и энергичный отклик. Движение должно быть отмечено, как в высшей степени организованное и сознательное, происходившее под руководством соц.-демократической организации. Нижегородский соц.-демократический комитет в то время считал в своих рядах (в 1905 г.) таких выдающихся деятелей, как Я. М. Свердлов, Н. А. Семашко, А. И. Рыков, А. М. Лежава, П. М. Лебедев (Керженцев), Б. П. Позерн, А. И. Пискунов, И. В. Цветков.

Как только нижегородцы узнали о событиях в столице, сейчас же решено было ответить забастовкой. Была выпущена прокламация к сормовским рабочим, призывавшая их к стачке, которая и началась 11 января в паровозо-механическом и паровозо-сборочном цехе Сормовского завода. Общей забастовки, однако, устроить не удалось. Через два дня, 14 января, забастовала фабрика «Товарищества льнопрядильной мануфактуры» (2506 рабочих) в с. Молитовка, близ Новгорода, на берегу Оки; 26 января снова бастовали сормовцы (400 котельщиков).

Но это были только предвестники большого движения: грандиозная, действительно, забастовка в Новгороде произошла в феврале, когда она превратилась почти во всеобщую и перекинулась в уезды. Дело и теперь началось с Сормова, как из центра (14 февраля). Забастовка охватила не только крупные механические заводы, но и мелкие ремонтные мастерские и заводики, крупные заводы и фабрики уездов (Илевский и Кулебакский) и всякие другие заведения (типографии, литографии, табачные и гильзовые фабрики и др.), продолжалась неделю (до 21 февраля) и окончилась уступ-

ками хозяев. Мы не будем останавливаться подробно на описании этой стачки, так как она хорошо описана в прекрасном исследовании т. А. Белозерова [1], остановимся только на некоторых чертах этого движения.

По отчету фабричного инспектора, в эти январские и февральские дни из всего числа, 30 тысяч рабочих, бастовало около 16 тысяч человек. На февральскую забастову из этого числа приходится около 10 тысяч человек (9958 ч., из которых на городской район—1 376 ч., на Затонско-пароходский—562 ч., Канавинский—6520 ч. и уезды—1500 ч.). Кроме общих политических требований, которые были формулированы нижегородским комитетом в общих листках, выпущенных в январе и феврале, рабочие каждого завода и предприятия предъявляли еще и свои экономические требования, главные пункты которых были: восьмичасовой рабочий день и увеличение заработной платы.

Старший фабричный инспектор Нижегородской губернии, дав описание стачки, говорит между прочим: «В нынешних забастовках замечается усиленная и систематическая агитация, чем и можно объяснить во многих случаях однородность требований, иногда даже несоответствовавших существующим порядкам на заводе».

Не ускользнуло это руководство нижегородского соц.-демократического комитета, конечно, и от полиции. Да, впрочем, комитет, разумеется, и не скрывал этого; наоборот, в прокламации выпущенной комитетом по окончании стачки, говорилось: «Стачка на заводах и фабриках Н.-Новгорода окончилась. Рабочие одержали частичную победу: хозяева уступили и исполнили часть требований... ...Значит, чтобы наша борьба с хозяевами-капиталистами была успешна, чтобы силе хозяев мы могли противопоставить еще большую силу рабочего класса—нужна свобода союзов, свобода слова, свобода печати, свобода стачек и неприкосновенность личности. Эти требования рабочего класса всегда заявляла и за них боролась Рос. соц.-демократическая раб. партия».

[1] Январские события в Нижегородской губернии описаны у А. Белозерова. «Записки по рабочему движению Нижегородского края». Н. Новгород. 1926 г. Изд. Истпрофа Н. Т. С. П. С.; «1905 год в Сормове». Очерк Сормовского Истпарта 1926 г. Изд. Сормовского Истпарта; «Материалы по истории революционного движения» под редакцией В. Т. Илларионова т.т. I, II, III и IV. Гос. изд. Н.-Новгород, 1920 и 1922 гг. См. также дела департамента полиции за 1905 г. 4-е делопр., № 4, часть соотв. Нижегородской губернии и в приложении отчет фабричного инспектора.

Из всего Центрально-промышленного района нижегородская забастовка выделяется, как наиболее выдержанная, организованная и сознательная. Хотя по числу рабочих она абсолютно и меньше московской, но по охвату и сознательности она, несомненно, выше ее, так как захватила почти всех рабочих всех специальностей, мелкие заведения и достигла гораздо больших уступок, чем забастовка в Москве.

Планомерность и почти всеобщность забастовки объясняется руководством и влиянием соц.-демократической организации, чего почти не замечается, например, в Москве.

Текстильный район, тяготеющий к Москве (Владимирская, Тверская, Ярославская и Костромская губернии), отозвался на январские события еще слабее, чем Москва.

Однако и здесь, во Владимирской губернии, «петербургское движение нашло свой отклик уже в январе. Началось движение самым незначительным событием: рабочие Гуся Хрустального предъявили администрации требования 15 (28) января. Требования эти были следующие: удаление управляющего Титова, установление 9-часового рабочего дня, увеличение заработной платы, уменьшение штрафов, оплата сверхурочных работ в двойном размере, установление пенсий для рабочих, улучшение медицинской помощи, улучшение казарменных помещений, устройство народного дома, библиотеки, бесплатной читальни и чайной, уменьшение цен продуктов в харчевой заводской лавке, платы за дрова, огороды и т. д.

Рабочие не бастовали, а только предъявляли свои требования 1, 2 и 14 февраля. Администрация удовлетворить требования отказала. Управляющий, между прочим, ответил, что «его превосходительство» хозяин завода «приказал передать» рабочим следующее: «фабричное дело в настоящее время идет весьма плохо... ...но, несмотря на это, его превосходительство продолжает вести дело, не сокращая его и даже не прибегая к понижению расценки, и что только для того, чтобы не лишать заработка своих гусевских рабочих и не оставлять их без куска хлеба»... [1].

Северный комитет РС-ДРП тотчас же после 9 января в своих прокламациях, разъясняя значение происшедших в Петербурге событий, призывал рабочих к стачке. «Эта кровь,—говорилось между прочим в прокламации—будет на

---

[1] «О рабочем движении и соц.-демократической работе во Владимирской губернии в 900-х годах». Вып. второй. Изд. Владимирского Истпарта, 1925 г., стр. 45.

нас и на детях наших, если мы не сделаем того же, что наши товарищи сделали в Петербурге, Москве и других городах. Бросайте работу все, бросайте сразу на всех фабриках и заводах, во всех мастерских» [1]. Однако, только 17 января рабочие ответили в некоторых местах на эти призывы своими забастовками.

В Иваново-Вознесенске. Здесь к забастовке призвала иваново-вознесенская соц.-демократическая группа. В прокламации, обращенной к литейщикам завода Калашникова и Анонимного общества, пользуясь как поводом, событиями в Петербурге, группа призывала литейщиков забастовать и предъявить 16 требований, в числе которых было и два требования петиции: 8-часовой рабочий день и комиссия из рабочих и хозяев для регулирования взаимных отношений [2].

Ивановские соц.-демократы пытались устроить и всеобщую политическую забастовку, но на их призывы откликнулись только механические заводы: забастовали рабочие заводов Калашникова, Акционерного общества, Смоляковых, Мурашкиных в числе 611 человек. По заранее выработанному плану, рабочие идут снимать рабочих фабрики Полушина, но их встречают не только фабричные Полушина, а и казаки Астраханского полка. В результате—избиения рабочих и аресты соц.-демократов,—Л. Зеликсона, П. Батракова, С. Ремнева, В. Фролова, А. Петрова, И. Белякова, А. Кулакова, В. Стрыхова.

20 января стачка кончилась безрезультатно для рабочих.

Одновременно с этой стачкой, по призыву северного комитета, 17 января остановились все фабрики Кохмы. В предъявленных требованиях о повышении заработной платы и о выполнении других нужд и улучшений в жизни рабочего, фигурируют и два пункта, взятые из петиции и требований Путиловского завода: 8-часовой рабочий день и создание конфликтной комиссии.

В своих требованиях рабочие, кроме того, предупреждали, что они не ручаются за мирный исход стачки, если только хозяева вызовут войска, как в Иванове. Войска были вызваны, но столкновения не произошло. Стачка окончилась 24 января, требования рабочих не были удовлетворены, за время стачки они получили половинную плату.

---

[1] Там же, стр. 46.
[2] Там же, стр. 47.

По призыву владимирской организации РС-ДРП забастовали также 17 января на один день рабочие Ковровских железнодорожных мастерских, предъявившие экономические требования.

Всего в течение января во Владимирской губернии бастовало 13 предприятий, в них участвовало 11.482 чел. Все эти стачки носили политический характер настолько, насколько можно считать политической такую стачку, которая возникает в результате политического движения своих товарищей в другом месте и во время которой предъявляются экономические требования.

Из этих 11.482 чел. подавляющее большинство бастовавших были текстильные рабочие—9.125 (6.910 по обработке хлопка и 2215 по обработке льна), металлистов 611 и железнодорожных 1200.

Как видно из предыдущего, в январе толчок, данный в Петербурге, не привел в движение основной массы рабочих губернии,—текстильщиков.

Это произошло только в конце января и февраля. Центром движения было Орехово-Зуево, где стачку деятельно подготовляли соц.-демократы, приехавшие из Москвы, что видно, как по сообщениям соц.-демократов, участников движения, так и по сообщениям жандармов [1].

Забастовка на фабрике В. Морозова началась 20 января: ткачи, плисорезы и горсть красильщиков предъявили требование об увеличении заработной платы, учреждении конфликтной комиссии и т. п.

Администрация отказалась удовлетворить эти требования и 21 января забастовали все ткачи (5627 ч.). Попытки снять прядильщиков В. Морозова не увенчались успехом и стачка окончилась 25 января.

Эта кратковременная стачка была предвестницей больших событий вскоре наступивших в Орехове.

Соц.-демократическая организация, подводя итоги только что кончившейся неудачей стачке, призывала рабочих на новую борьбу и, указывая на пример рабочих Петербурга, выдвигали лозунг политической свободы. ...«Пора и нам подниматься всем миром и итти на наших врагов и взять у них свободу с боя: мирным путем ее не добьешься. Рабочие Пе-

[1] «О рабочем движении и соц.-демократической работе во Владимирской губернии в 900-х годах». Вып. второй. Изд. Владимирского Истпарта, 1925 г., стр. 51—52 и «Путь к Октябрю». М. 192 стр.

тербурга, Москвы, Ковны, Ревеля, Вильны, Саратова, Баку, Варшавы, Минска, Екатеринослава уже развернули красное знамя борьбы за 8-часовой рабочий день, улучшение условий труда и за политическую свободу» [1].

12 февраля начались новые волнения среди рабочих фабрики С. Морозова, а 14 февраля началась снова забастовка сначала только ткачей, а затем и всех рабочих этой фабрики.

В требованиях, которые охватывали довольно полно жизнь рабочих, прежде всего стояли неприкосновенность личности депутатов и введение 8-часового рабочего дня.

Стачка протекала мирно, что констатируют все свидетельства и официальные и прочие, однако, власти, нагнав в Орехово-Зуево войска, вызвали столкновение рабочих с солдатами (В Орехово прибыли, по просьбе вице-губернатора, 3 сотни 1 Донского казачьего полка, эскадрон Петербургского драгунского полка и батальон Малороссийского полка). В день прибытия этих войск рабочим был объявлен расчет. Власти хотели взять рабочих измором или вызвать столкновение рабочих с войсками. Провокаторы действовали тоже. Так, мальчишки, по наущению администрации, разбили стекла в фабричных зданиях. Рабочие, однако, понимали прекрасно, для чего это делается. Это видно из письма рабочего («заявления»): «Просим исполнить, друзья, фабричный народ! Администрация наша желает, чтобы мы делали бунт, а не забастовку...» «Посторонний за 900 верст» (подпись на «заявлении») предостерегал рабочих и приглашал бить шпионов и держаться стойко [2].

И соц.-демократы, разумеется, раскрывали все провокационные действия властей и разъясняли смысл событий, указывая на их тесную связь с политическим режимом страны. Так московский комитет РС-ДРП писал в своей прокламации: «Нет, мы должны сами добиться, добиться вооруженной рукой, новых порядков, которые обеспечивали бы нам свободу стачек, союзов, свободу собраний, слова и неприкосновенность личности». [3].

Начинаются сходки рабочих: 24 февраля толпа женщин в 500—600 ч. подошла к главной конторе и потребовала от

---

[1] «О рабочем движении и соц.-демократической работе во Владимирской губ. в 900-х годах», вып. второй, стр. 54.

[2] Там же, стр. 62—63.

[3] Там же, стр. 65.

вице-губернатора освободить арестованных накануне ночью. Арестованные были освобождены. На следующий день сходки повторились, на которых, как и повсюду в городах, распространялись прокламации московского комитета уже с чисто политическими требованиями (свобода стачек, союзов, печати, слова, созыв учредительного собрания и т. п.) [1].

Стачка стала уже чисто политической. В этот же день, 25 февраля, пролилась и рабочая кровь. Несколько тысяч рабочих, шедших освобождать рабочего Морева (слух об его аресте оказался ложным) встретили воинскую команду в 12 человек. Солдаты шли занять караульный пост у нефтяных баков. Напуганные провокационными рассказами начальства о намерении рабочих, солдаты бросились на толпу со штыками на перевес и стали стрелять. В результате было ранено 11 человек рабочих и 3 солдата. (Из рабочих 5 ч. получили тяжелые ранения,—С. Валуев—мальчик, А. Карасева, В. Чистов—штыком в спину, П. Кривцов—штыком в бедро сзади и пулей, А. Одинскова—раздроблена голень правой ноги).

Губернатор Леонтьев квалифицировал это кровавое крещение рабочих, как «преступное нападение» их на воинскую команду и угрожал рабочим новыми карами.

Возмущение рабочих было велико. Об этом можно судить по письму некоего «самовидца при фабрике Викулы Морозова». Этот «самовидец» между прочим писал: «...Администрации и начальникам присланных солдат убивать фабричный люд по ночам, кто это дозволил, неужели для этого отпущен солдат, чтобы бить своих братьев?» [2].

Положение с каждым днем обострялось: власти употребляли все усилия, чтобы спровоцировать рабочих, соц.-демократы стремились склонить солдат на свою сторону. И рабочие принимали свои собственные меры: ставились пикеты, казармы битком набивались народом, чтобы, в случае надобности, дать отпор солдатам. Соц.-демократы устроили митинг солдат, распространяли среди них прокламации. Губернатор требовал новых войск. Рабочие и их семьи голодали. Настроение создавалось настолько серьезное, что можно было ждать самых острых столкновений. 2 марта около тысячи рабочих стали на работу; 7 марта московский комитет РС-ДРП, сознавая, что рабочие дальше держаться не

---

[1] «О рабочем движении и соц.-демократической работе во Владимирской губ. в 900-х годах», вып. второй, стр. 67.

[2] Там же, л. 70.

могут, призвал к окончанию стачки и 9 марта стачка была прекращена.

Кроме этой замечательной стачки в Орехове, в феврале произошли еще стачки: на фарфоровой фабрике Кузнецова (2593 ч., 4 дня), окончившаяся частичною победой; на фабрике Трумова в гор. Коврове с 8 февраля по 17 марта (стачка подготовлялась соц.-демократами и протекала под их руководством), стачки в Муроме,—на Слободской фабрике Муромской мануфактуры с 7 по 8 февраля, на бумаго-ткацкой фабрике с 9 по 12 февраля, на льно-прядильной фабрике бр. Суздальцевых Ф. А. и Б. с 10 по 12 февраля.

В феврале в движение было вовлечено уже 47.272 чел. (28 стачек, из которых 22 политических с 38.172 участниками). В среднем, стачки крупные: в январе 883 чел. на 1 стачку, в феврале—1688. Подавляющее большинство рабочие текстильщики—43.296 ч., при чем число взрослых доходит до 90,4% (против 86,4% в январе) и женщин 41,5% (против 34,2%). Металлисты дают только 761 ч.

Движение в марте уменьшается, в апреле становится совсем незначительным. Рабочие как бы готовятся к историческому выступлению в Иваново-Вознесенске летом.

В марте бастовало 25.833 чел. Из стачек необходимо отметить стачки на фабриках Морозовых в Орехово-Зуеве, Треумовых в Коврове, Балина в Вязниковском уезде (1.277 ч.) и как последняя стачка-протест по поводу событий 9 января, на фабрике Фокина в Иваново-Вознесенске (25 февраля—10 марта с 1059 уч.). Подавляющее большинство бастующих теперь текстильщики—99,6%; из 25.836 их 25.753 чел.

В апреле число бастовавших еще меньше: всего 5 предприятий и 4877 уч.

Подавляющее большинство бастующих текстили [1].

Отсутствие сырья, пасхальный перерыв, утомление рабочих,—все это понижало боевую энергию рабочих и движение постепенно стало утихать.

Борьба московских и владимирских рабочих не осталась без влияния на соседей и прежде всего на костромичей.

---

[1] Сведения о рабочем движении во Владимирской губернии, кроме данных старшего фабричного инспектора Владимир. губ. и жандармских данных, приводимых в книге: «О рабочем движении и соц.-демократической работе во Владимирской губ. в 900-х годах», находятся еще в деле бывш. департамента полиции О. О., № 47 за 1905 г. См. также—«1905 г. в Иваново-Вознесенском районе». И.-В., 1925 г., изд. «Основа», «Губиспартотдел Ив.-Возн. Губкома РКП(б) по изучению истории Октябрьской революции и РКП(б)», стр. 67—71.

В Костроме движение началось только 1 февраля, когда на фабрике Чумакова забастовало 200 человек. Стачка сейчас же прекратилась, так как рабочим дали прибавку по 2 р. в месяц, а затем в крупчатке на 3—7 р. в месяц.

Первого же февраля началось движение и на фабрике Зотова, которая вся стала 4 февраля. Полиция пыталась и здесь вызвать столкновение, но рабочие, руководимые местной соц.-демократической группой, предостерегавшей своих товарищей в выпускаемых ею бюллетенях, держались организованно. На фабрике Зотова удалось вырвать кое-какие уступки, как и на механическом заводе Прянишникова, где рабочие предъявили требование 7 февраля. Однако, движение костромских рабочих дальнейшего развития не получило вплоть до большой летней стачки в Иваново-Вознесенске, которая всколыхнула и костромичей [1].

В Ярославской губ. отклики на петербургские события были также слабы: во-первых, бастовало всего пять предприятий в Ярославле и Ростове и, во-вторых, только в феврале

15 февраля в Ярославле рабочие завода Смолякова предъявили экономические требования увеличения заработка, сокращение рабочего дня с 11½ до 10 ч., отмена обысков, выбор старост, вежливое обращение. Хозяин сделал частичные уступки (сократил рабочий день на ½ часа) и завод пошел; 16 февраля забастовали 800 ч. Кекинской фабрики в Ростове и предъявили исключительно экономические требования в их числе не было даже 8-часового рабочего дня), За исключением требования о прибавке заработной платы на 20%, все остальные удовлетворены и забастовка прекратилась. Кроме того, бастовали льно-бумагопрядильная фабрика (1100 раб.), полотняная (3000 раб.), завод костяной муки (220 раб.) и лесопильный завод (70 раб.).

Одной из главных причин такого ничтожного участия ярославских рабочих была их отсталость, забитость, темнота. Результатом этих особых условий была и слабость ярославской соц.-демократической организации [2].

---

[1] Данные о рабочем движении в Костроме, см. у М. Ростопчиной: «Очерки по истории революционного движения в Костроме». Кострома, 1922 г. и «1905 г. в Костроме». Сб. статей Губ. комиссии по организации празднования 20-летия революции 1905 г. Испартотдел Костромского Губкома РКП(б). К. 1926 г

[2] См. «Ярославль в первой русской революции». Сб. материалов по истории революции 1905 г. в Ярославск. губ., под ред. П. Н. Груздева, Ж. М. Гутмана и Н. Г. Пальгунова. Ярослав. Губистпартотдел. Яр. 1925 г., а также «Вперед» №№ 12 и 13 за 1905 г. «Северный Край» тоже за 1905 год.

По словам фабричного инспектора—«поводом к забастовкам послужили отголоски таковых в других губерниях».

Так же слабо откликнулась и Тверь на события в Петербурге. Несмотря на то, что в Твери была крепкая соц.-демократическая организация (комитет имел подпольную типографию, которая довольно регулярно выпускала листки, была конспиративная квартира, велась пропаганда массового забастовочного политического движения до октября 1905 г. в гор. Твери и Тверксой губернии не происходило.

В Твери попытки поднять рабочих на забастовку-протест окончились поражением: 25 января соц.-демократы пытались неудачно устроить на Морозовской фабрике митинг, а 7 февраля, когда группа соц.-демократов призвала рабочих в знак протеста против молебна за царя, отслуженного будто бы по просьбе рабочих, к забастовке-протесту и попыталась снять морозовцев с работы, на них набросились подмастерья, свои же братья-рабочие, и сильно их избили. (Пострадали И. Тихомиров—«Гага», Н. Куликов, И. Бурый Вихров).

Стачки произошли только на одной фабрике и двух заводах, да и то на одной 20 февраля, а на другой 8 марта. Первая стачка происходила на Кувшиновской писчебумажной фабрике. Бастовало около 1000 рабочих, которые устроили демонстрацию с пением революционных песен и с красными флагами. Стачка закончилась 22 февраля удовлетворением требования рабочих повысить заработную плату на 15%.

Стачка на стекольном заводе Добровольского в Новоторжском уезде (от 8 до 10 марта, 293 чел). окончилась поражением рабочих. Частичной победой закончилась стачка, происшедшая в марте же на стекольном заводе Болотиных в деревне Ключино.

Так до самого октября Тверская губерния и не видала большого движения: даже попытки устроить майскую демонстрацию были неудачны.

Объясняется это, конечно, стращной отсталостью и темнотой рабочих [1].

В Рязанской губернии на движение петербургских рабочих откликнулись только г. Егорьевск да Побединские копи Скопинского уезда (летом 1905 года).

---

[1] «1905 год в Тверской губернии». Изд. Испарт., Т., 1925 г., Комиссия по празднованию 20-летия революции 1905 года при Тверском ГИК'е и Испартотделе Тверского Губкома РКП(б), стр. 54—56.

(Не считая небольших волнений на ст. Рязань, на фабрике Бардмина и среди булочников в Рязани).

На Хлудовской фабрике Егорьевска, тотчас же по получении известий о петербургских событиях, по инициативе Егорьевской соц.-демократической группы прошла полудневная забастовка-протест.

После этого заявления протеста в Рязанской губернии большого массового движения до самого октября не было. Поэтому отметим здесь те случаи массового движения, которые происходили за этот период январь—октябрь.

В феврале (8) бастовали телеграфисты Московско-Казанской железной дороги и это отразилось на ст. Рязань тем, что товарищи из Москвы приглашали рязанских телеграфистов присоединиться к забастовке; 22 февраля рабочие завода Сынтул предъявили требования Баташовой, хозяйке завода; 24 февраля была забастовка на фабрике Бардыгиных в Егорьевске; 4 апреля забастовали булочники и хлебопеки Рязани, предъявив требования о сокращении рабочего дня и увеличения расценки.

В мае начинаются забастовки на Побединских рудниках: 22 мая была остановлена работа на шахте № 8, 30 июня на № 7 и 13 августа снова на шахте № 8 (в октябре бастовали все шахты).

Наиболее выдающейся из этих забастовок была забастовка 30 июня. Вот как об этой забастовке рассказывается в жандармском донесении:

«...Дело произошло так: 30 июня толпа рабочих исключительно из соседняго села Секирино приступила с требованием к заводоуправлению об увеличении заработной платы, а когда им было в этом отказано, то они забросали колодезь шахты № 7, в которой работали вагонетками, и двинулись к шахте № 8, где потребовали от рабочих этой шахты, чтобы они присоединились к ним; получив же категорический отказ, погрозили, что подожгут шахту, им ответили «посмейте», тогда они сделали с шахтой № 8 то же, что и с № 7, забросали ее вагонетками (на которых подается уголь), чем и попортили машинные приспособления, и двинулись на лавку, которую и разгромили (к счастью, в лавке в это время было очень мало товару, который шел из города на подводах) и затем разошлись по домам.

«На третий день буяны сами добровольно явились на шахты и, как ни в чем не бывало, стали на работу».

«...Некоторые из опрошенных крестьян, произведших погром, говорили, что они учинили забастовку и буйство потому, что начитались из разных газет («Русское Слово» и др.), что повсюду рабочие производят забастовки, то и им захотелось сделать то же самое.

«Это весьма возможно, но дело в том, что когда толпа двинулась к шахте № 8, то среди их кто-то выкинул на палке нечто вроде красного флага (красная рубашка или красный платок...)» [1].

Трудно сказать принимала ли участие в этих стачках скопинская соц.-демократическая группа или нет, вернее предположение отрицательное, так как об этом участии нет ни слова ни в воспоминаниях участников движения, ни в официальных документах [2].

В Смоленске в январе произошли хотя и небольшие стачки, но, несомненно, стачки политического характера в знак солидарности с петербургскими рабочими и протеста против расстрела. В Смоленске в то время работали три революционные организации,—смоленский комитет РС-ДРП (меньшевиков), комитет партии соц.-революционеров и группа Бунда.

Попытки этих организаций сговориться о совместном выступлении ни к чему не привели. Назначенная было на 14 января стачка была перенесена на 17 января и в конце концов ее пришлось подготовлять и проводить меньшевикам.

В понедельник, 17 января, забастовало большинство ремесленных заведений и мелких предприятий (портные, столяры, сапожники). Остановились все типографии (Подземского, «Днепровского Вестника», Губернская, Гуревича и Силина) и механическая мастерская Ковалевского (60 раб.). Во вторник к забастовке присоединились пекарни и катушечная фабрика Гергарди.

Железнодорожники Смоленского узла не бастовали. Только в среду, 19 января, забастовали железнодорожные мастерские (700 чел. рабочих) ст. Строгань, Данковской жел.

---

[1] Истор.-революц. арх. «О волнениях и стачках среди рабочих по Рязанской губернии», 4-е делопр., № 4, ч. 73, л. 9, 1905 г.

[2] О движениях в Рязанской губ., кроме указанного выше архивного дела, см. «1905 год в Рязанской губ.», Рязань, 1925 г., Ряз. губ. ком. по проведению 20-летнего юбилея первой русской революции, стр. 98, 9, 120, 3, 4, 130, 1 и «Революционное рабочее движение в Егорьевске». Сб. посвящ. 20-летию егорьевской организации под ред. и со вступительной статьей М. Г. Голодца, особ. стр. 22.

дор. Трамвай работал. Забастовка была политическая. Смоленский комитет РС-ДРП выпустил два листка, один общий «Ко всем рабочим и работницам гор. Смоленска» и специальный «К рабочим типографии Подземского» (Подземский пытался отклонить рабочих от предъявления экономических требований, как бы солидаризуясь с политическим выступлением своих рабочих). Рабочие выставляли экономические требования [1].

На фабрике Гергарди было сокращено рабочее время с 11 до 9 часов. На кафельном заводе Будникова, где рабочие не бастовали, рабочий день был сокращен на полчаса (вместо часа, чего требовали рабочие) [2].

Видимый успех имели типографщики. Из семи требований (8-часовой рабочий день, уничтожение сверхурочных работ, увеличение заработной платы, производство выдачи заработной платы два раза в месяц, улучшение санитарных условий труда и прием малолетних в ученики не моложе 15 лет, увеличение платы ученикам до 3 р. в месяц), они выиграли три: был уменьшен рабочий день до 9 часов, выдача заработной платы два раза в месяц, увеличение заработной платы ученикам до 2-х рублей (они получали при поступлении 1 р. 50 к.), доведя ее в конце года до 3 р.

Удовлетворения этих требований рабочие добились путем соглашения с хозяевами на совещании двух сторон, устроенном с разрешения губернатора под председательством старейшего фабричного инспектора.

Однако, самое крупное предприятие Смоленской губернии—Ярцевская мануфактура забастовала только 29 марта (4.500 рабочих). Непосредственным поводом к забастовке было предложение фабричной администрации (27 марта) рабочим принять один из трех способов сокращения работы на фабрике. Рабочие, пообещав обсудить это, 29 остановили фабрику и предъявили требования: 1) с пасхи 1905 года установить 8-часовой рабочий день, 2) прибавка к существующему расценку (при 21½ час. работы) и 3) уничтожение

---

[1] Насколько нужно критически относиться к сообщениям газет (в том числе и нелегальных) видно как раз на примере Смоленска. В «Искре» № 86 на стр. 5-й говорится: «Экономических требований, кроме типографии Подземского, где требовали 8-часового рабочего дня, нигде не предъявляли». Все типографии, как это видно из донесения фабричного инспектора, предъявили экономические требования и в том числе 8-часового рабочего дня.

[2] «Искра» № 86 от 3 февраля 1905 года, стр. 5.

платы за квартиру. Требования рабочих были удовлетворены и через 2 дня стачка прекратилась [1].

В Воронежской губернии отклики на петербургское выступление захватили небольшое число рабочих. Бастовали три механических завода и управление и мастерские Юго-Восточных жел. дорог. Заводы,—Столь, Гаусмана и Иванова (всего 770 чел. рабочих) остановились после митинга на первом из этих заводов. Митинг устроили и выступали на нем рабочие соц.-демократы члены большевистского комитета: Косарев, Бурего и Архипов.

Движение на железных дорогах началось еще 1 февраля, когда были устроены предварительные организационные собрания, где вырабатывались экономические требования. (20 пунктов).

Главные требования были таковы: сокращение рабочего дня с 10 до 8 ч., увеличение расценок и поденной платы (мастеровым не ниже 1 р., чернорабочим, молотобойцам, котельщикам не ниже 70 к., ученикам от 25 до 70 к.), улучшение медицинской помощи, пособие больным и раненым, санитарные улучшения, выдача наградных, о сверхурочных работах, устройство школ, отмена обысков, увольнение мастеров и т. п.

4 февраля работа в управлении и в мастерских прекратилась. Администрация дороги ответила уклончиво, обещая, разъясняя и указывая на правление в Петербурге, как на конечную инстанцию.

Забастовка, продолжавшаяся на заводах два дня (5 и 6) и на железной дороге до 9 февраля была политической. Руководила ею местная большевистская организация, что было, между прочим, запечатлено кровью члена большевистского комитета Антонова, выступавшего на митинге в заводе Гаусмана и раненого выстрелом жандарма Малышева. Забастовка дальнейшего развития не получила и до самого октября массового рабочего движения в Воронеже не наблюдалось [2].

---

[1] Сведения об этой забастовке в сообщении фабричного инспектора и в деле Истор. революц. отд. по 4-му делопр. за 1905 г. ни в «Искре», ни во «Вперед» о забастовке нет ни слова.

[2] См. «1905 г. в Воронежской губернии». Иллюстрир. сб. Ворон. 1926 г. Комиссия по ознаменованию 20-летней годовщины революции 1905 г. при Воронежск. ГИК'е; «1905 г. в Воронеже» вып. IV. Комит. при Ворон. Губисполкоме по организ. празднов. 20-летия революции 1905 г. Испартотд. Воронежск. Губкома РКП(б) под общей ред. М. И. Воронеж. 1925 г., стр. 14—15. В последней работе говорится

В Курской губернии движение было незначительно и ограничилось забастовкой двух типографий и небольших ремесленных заведений и хлебопекарен.

Точно так же и в Пензе в январе бастовали три завода (750 раб.) и в феврале одно заведение (180 рабочих) [1].

Чернигов и Черниговская губерния на январские события в Петербурге совсем не откликнулись [2].

Тула и Тульская губерния—старинный центр русской железоделательной промышленности отозвались очень слабо на петербургские события, несмотря на то, что и условия жизни рабочих здесь были ужасны и руководство партии было обеспечено (здесь был большевистский комитет).

Большой город Тула, с населением больше ста тысяч человек, насчитывала к 1905 году одних рабочих более 16 тысяч человек в 177 фабрично-заводских предприятиях. (Во всей Тульской губернии в начале 900-х годов числилось 920 фабрик и заводов с 20.601 раб.) [3].

Самыми крупными заводами были государственный оружейный завод, патронный завод, Байцуровский, самоварная фабрика Баташевых и т. п. Но рабочие даже самых крупных предприятий Тулы, даже во времена революции 1905 г. от-

---

о забастовке маслобойных заводов и мельниц. В официальных данных подтверждения этого не находим. Кроме того, см. в Воронежск. губ. арх. дела Вор. губ. жандармского управл. и канцелярии прокурора Ворон. окр. суда, в частности по февральской забастовке, например, отношение полк. Тархова от 28 февраля 1905 г. за № 885, донесение за № 14267 и 1796. Тархов утверждает, что Антонов был ранен рабочими. Это, конечно, неверно: Малышев сознался, что стрелял он.

[1] Сведения о Курске и Пензе в донесении харьковского фабричного инспектора см. в приложении.

[2] См. донесение харьковского фабр. инспектора в приложении.

[3] До какой степени осторожно приходится пользоваться некоторыми материалами, и в том числе материалами наших нелегальных и зарубежных газет, видно хотя бы по корреспонденции т. В. Д. Бонч-Бруевича в № 13 «Вперед», где говорится о том, что в Туле «рабочих 80.000, кроме того, есть много кустарей, мастеров и проч.» («Вперед» и «Пролетарий» в изд. «Красная Новь». М. 1924 г. Вып. II, стр. 78). Что это не опечатка видно из того, что уменьшить цифру до 8 т. автор корреспонденции не мог, так как в 1905 г. на 3-х крупнейших тульских заводах было более 8 т. Всех жителей в Туле было несколько более 100 тысяч. Ясно, что 80 тысяч рабочих из этого числа просто миф. А между тем такой корреспонденцией могут пользоваться, как источником. (См., например, Н. Добротворский: «Маевка 1905 года в Туле». Т., 1925 г., стр. 41).

личались патриархальными нравами,—забитость, тьма, политическая неразвитость делали их послушным орудием заводской администрации. Объясняется это их экономическим положением в те времена: часть рабочих, верхушка их, наиболее обеспеченная, мало чем отличалась от мелкого мещанства, так как большинство таких рабочих имело собственность, клочок земли и домишко; остальная большая часть это была низко оплачиваемая, забитая нуждой масса. Совершенно правильно эту сторону дела отмечает т. Бонч-Бруевич в № 13 «Вперед», когда пишет: «...Часть рабочих имеет свои домики и огороды. С этими рабочими гораздо труднее иметь дело. Они менее подвижны, привязаны к собственности, а потому боятся рисковать и проч. Есть и еще тип очень интересный. Рабочий на фабрике, он в то же время является дома мелким хозяйчиком. Он забирает оружейную и самоварную работу на дом и здесь жестоко эксплоатирует рабочих, не нашедших себе работы на фабриках» [1].

Заработная плата была слишком мала, например, поденщики получали в день 60 коп., вальцовщики 80 к., работницы 30—35 к. в день. Средний заработок патронника от 17 до 25 р. в месяц. На оружейном заводе заработная плата была несколько выше, но и там собственность—домишко, огород—не давали рабочему подняться до понимания классовых задач пролетариата.

Наконец, очень большой процент среди рабочих крестьян, связанных с землей, т. е. незаинтересованных кровно в улучшении условий труда на заводе, представлял большое препятствие для развития соц.-демократической пропаганды на заводах.

Этот социальный состав на патронном заводе хорошо иллюстрирует нашу мысль. По всему заводу крестьян было 61%, местных рабочих 23,6% и пришлых (из других городов)—15,4%.

По отдельным мастерским процент крестьян был еще выше. Так, например, в механической мастерской крестьян было 62%, местных 19% и пришлых тоже 19%. В некоторых мастерских пришлые давали тоже очень высокий процент, так в топочной мастерской они составляли 48,5% [2].

Пришлые рабочие и были главным революционным бродилом среди темной и отсталой местной и крестьянской ра-

---

[1] «Вперед». 1905 г. № 13, стр. 78.

[2] «Январь 1905 года в Туле». Сборник Изд. Тульского Истпарта. Тула. 1925 г., стр. 15.

бочей массы. Массовое движение в Туле началось, правда, еще до 1905 года, но оно носило чисто экономический характер: забастовки самоварников в 1903 и 1904 гг., забастовка рабочих железопрокатного завода и Бельгийского общества (ныне закрытого) и др.

Политическая струя в движении тульских рабочих до 1905 года ярко выявилась демонстрацией 14 сентября 1903 г., организованной по поводу смертного приговора над ростовскими революционерами тульским комитетом РС-ДРП, тогда стоявшим на позиции революционной соц.-демократии [1].

Но это было движение активной, политически сознательной части тульских рабочих соц.-демократов, массу это движение не захватило.

В 1905 году соц.-демократическое руководство в Туле примыкало к большевистскому крылу партии.

Стало быть революционное руководство было обеспечено. Несмотря, однако, на это, на тяжелое экономическое положение и раскаты грома в Петербурге рабочие раскачивались медленно.

Первыми забастовали рабочие Байцуровского завода («Тульские мастерские»), в количестве 500 ч. (8 января), независимо от событий в столице. Рабочие предъявили требование о сокращении рабочего дня до 10 ч. Стачка была проиграна: завод был закрыт и через 2½ дня снова был пущен в ход с новым набором рабочих [2].

Но вот и в Тулу пришли вести о расстреле в Петербурге. Рабочие заволновались. Тульский комитет стал подготовлять стачку на патронном заводе.

17 января рабочие начали по разным мастерским предъявлять требования. 21 января к директору завода Катрухину явились выборные от рабочих и предъявили письменные требования, в этот же день появилась прокламация тульского комитета РС-ДРП, связывавшая тульскую забастовку с питерским выступлением и перечислявшая требования рабочих («...хотят заставить нас быть верными слугами того злодея-царя, который убил в Петербурге более 3 тысяч наших братьев рабочих за то, что...» и т. д.) [3].

---

[1] См. «Революционное Былое». Орган Тульск. Истпарта, 1923 г. № 2, стр. 55—86.

[2] См. «Январь 1905 года в Туле» стр. 9—10 и отчет харьковского фабричного инспектора в приложении.

[3] «Красная Летопись», 1922 г., № 1, стр. 202; прокламация под № 26 и «Январь 1905 г. в Туле», стр. 49 и 51. Автором листовки была П. Ф. Куделли, член тульского комитета.

Требования сводились к повышению заработной платы, отмене штрафов, более высокой оплате сверхурочных, улучшений условий труда и т. п. Из путиловских требований вошли в прошение тульских рабочих два: введение 8-часового рабочего дня и учреждение третейских судов на паритетных началах.

Администрация пошла на частичные уступки и 24 января в 12 час., после молебна, завод пошел. Самым главным достижением было уменьшение рабочего дня с 10½ до 9½—9 часов и некоторое повышение заработной платы. Не менее важным завоеванием стачки было введение постоянного института заводских делегатов от рабочих [1].

Руководители этой забастовки были соц.-демократы (рабочие М. П. Жариков, Н. Валиков, Н. М. Немцов, Рожков и др.).

Вслед за патронным заводом бастовали в течение трех дней 25—28 января самоварные и скобяные фабрики, например, Шемарина, Баташева и др. Всего, таким образом, в январе в Туле бастовало несколько более 5 тысяч человек: Байцуровский завод—500 ч., патронный—4.245 чел., фабрика Баташева—300 ч.

В феврале, как продолжение этих январских стачек, происходили забастовки 14 февраля (300 ч.) на патронном заводе и 16 февраля рабочие железо-прокатного завода (за Курским вокзалом)—150 ч.

Стачки были экономические однодневные, рабочие их проиграли.

Всего, таким образом, в январе и феврале в Туле бастовало около 6 тысяч рабочих [2].

В Калужской губернии движение началось только в феврале, в связи с движением железнодорожников. Забастовка началась на Московско-Киево-Воронежской железной дороге. Под влиянием агитации, идущей из Москвы и из Курска (из центра образованного служащими управления дороги) 8 февраля началась забастовка служащих железной дороги: забастовали служащие и рабочие станций—Сухи-

---

[1] См. «Январь 1905 г. в Туле» стр. 15—16. Важно отметить, что делая уступки рабочим, администрация патронного завода в Петербурге сообразовала свои действия с действиями всех фабрикантов и заводчиков.

[2] Т. Н. Добротвор («Январь 1905 г. в Туле» стр. 18) считает число забастовщиков только в январе в десять тысяч чел. Цифра эта явно преувеличена.

ничи, Малоярославец, Тихонова Пустынь и др. Были предъявлены экономические требования о сокращении рабочего дня, повышении заработной платы и т. п.

Эта забастовка, прекратившаяся 11 февраля, оказала свое влияние на рабочих калужских мастерских Сызрано-Вяземской железной дороги: 7 февраля рабочие мастерских в количестве 1.350 чел. предъявили своему начальству требования в 17 пунктах.

Эти требования, в числе которых был пункт о 8-часовом рабочем дне и неприкосновенность депутатов, носили экономический характер и сводились к уменьшению рабочего времени, увеличению заработной платы и улучшению условий труда [1].

На другой день, по гудку, около 500 рабочих стали на работу, но в 10 часов, под влиянием остальных товарищей работа была прекращена. Требования были рассмотрены начальником дороги на собрании выборных уполномоченных рабочих. Начальник отклонил требование об увольнении мастеров, требование об увеличении платы за сверхурочные работы и о выплате за время болезни, равно как и о 8 часах работы и послал на усмотрение петербургского начальства, а остальные 11 пунктов удовлетворил. В результате этого 10 февраля работы возобновились. Стачкой руководили рабочие соц.-демократы, составлявшие в мастерских соц.-демократический кружок: А. М. Иванов, А. П. Тоболин, П. Н. Баташов, Л. Константинов, Гуров и др. (в этом кружке работал и известный соц.-демократ Вилонов).

В одно время с забастовкой в мастерских произошла и забастовка на Сукремльском (в Жиздринском уезде) чугунолитейном заводе, где бросили работу 295 литейщиков. Требования рабочих были следующие: 1) чтобы работы производились по моделям, бывшим в обращении до 1904 г., вновь же усовершенствованные изъять из употребления; 2) ввести существовавшую до 1900 г. расценку платы за производящиеся работы; 3) всем рабочим выдавать цеховое жалованье и 4) ввести на завод отдельных заливщиков заформованных станков.

Стачка закончилась 10 февраля по соглашению с главноуправляющим Мальцевского акционерного общества Лисицыным, обещавшим требования эти удовлетворить.

---

[1] Требования эти схожи с такими же требованиями, предъявлявшимися на других железных дорогах, например, на Рязано-Уральской, почему их здесь полностью и не приводим.

30*

Необходимо обратить внимание на первые два требования, особенно на второе, говорящее о том, что рабочие добивались установления заработной платы, бывшей до 1900 г., т. е., что заработная плата на Сукремльском заводе после 1900 г. была понижена, о чем мы говорили в первой главе.

Следующими по времени забастовками были забастовки на лесопильном заводе купца Карпилова (16 рабочих ст. Суходрев Малоярославецкого уезда) и Говардовских фабрик в Троицком.

На Троицкой фабрике считалось 837 рабочих, из них 49 цеховых мастеровых, 372 сменных рабочих (с 8-часовым рабочим днем) и остальные поденные с 12-часовым рабочим днем.

Еще до забастовки управление фабрики, чтобы предупредить движение рабочих, решило увеличить заработную плату в общей сложности на 28 тысяч рублей в год, сократить рабочий день на полчаса для поденных, отменить плату за баню, о чем и было объявлено 3 февраля. Рабочие, получив эту уступку, попытались добиться большего: 13 февраля предъявлены требования управляющему заводом. Волнения на фабрике тянулись до 23 февраля, когда, наконец, администрация категорически отказалась пойти дальше тех уступок которые ею были обещаны 3 февраля. Работы на фабрике, впрочем, не останавливались и рабочие держали себя спокойно, только предъявляя требования.

Требования охватывали все категории рабочих и все стороны их работы носили экономический характер и имели пункт о 8-часовом рабочем дне.

Последней стачкой, бывшей отзвуком январских событий в Петербурге, следует считать забастовку на цементном заводе в дер. Боровка, Жиздринского уезда.

Эта стачка, вспыхнувшая под влиянием стачки в Дьячкове (12 февраля), началась 15 февраля и протекала под руководством соц.-демократов.

Экономические требования рабочих отчасти были удовлетворены (повышение заработной платы, отмена штрафов и т. п.). Стачка закончилась 17 февраля; бондарное и укупорочное отделения бастовали и после 17 февраля и потому был назначен расчет 172 чел.; 20 февраля волнение улеглось окончательно.

Под влиянием каких причин начались забастовки в Калуге? Несомненно, главная причина—это петербургские со-

бытия, поднявшие калужских рабочих. В самом деле, прежде всего возникла забастовка на железной дороге и в мастерских Сызрано-Вяземской ж. д., а толчком этого движения послужили несомненно события в Петербурге и Москве. Партийная организация также принимала участие в движении и руководила стачкой.

Перед стачкой мастерских калужская соц.-демократическая группа выпустила листок, в котором подробно рассказывалось о событиях в Петербурге и в конце перечислялись почти полностью те требования, которые находились в петиции петербургских рабочих.

Таких же документов, как эта прокламация, которые свидетельствовали бы об участии калужской соц.-демократии в других стачках, мы не имеем, однако, есть основание утверждать, что и во всех выше перечисленных забастовках соц.-демократы принимали участие (прокламации «К телеграфистам Сызрано-Вяземской жел. дороги» и «Ко всем рабочим Троицко-Кондровских фабрик компании Говарда» подписей организации не имеют и, повидимому, исходили не от калужских соц.-демократов). В Калуге в это время существовали две соц.-демократические организации—«Калужская соц.-демократическая группа» (И. А. Сергиевской, Н. И. Попов, Крыловы и др.) и «Калужский соц.-демократический союз» (Н. Х. Фосс, С. Н. Преображенский, В. А. Вознесенский, В. Н. Любимов, рабочий Тинсов и Борисов) и их соперничество, несомненно, так или иначе отражалось на движении. Существовала в Калуге и эсеровская группа.

Число рабочих, принявших участие в стачках в январе и феврале в Калужской губернии,—около 3 тысяч человек: мастерские Сызрано-Вяземской жел. дор.—1 350 чел., Троицкая Говардовская фабрика—837 ч., Боровский Жиздринский цементный завод—610 ч., завод Карпилова—16 ч., это дает 2.813 ч., не считая железнодорожников на станциях Тихонова Пустынь, Малоярославец и др. [1].

Движение рабочих в Орловской губернии началось вскоре после петербургских событий, приняло в некоторых заводах довольно бурный характер и все шло под воздействием революционных организаций.

---

[1] См. «Калужская губерния в 1905 г.». Сб. статей, воспоминаний и материалов под редакцией С. В. Херсонского и Б. М. Тихомирова. Литерат. подкомиссия Губкомиссии по празднованию 20-летия революции 1905 г. и Калужский Испартотдел. К., 1925 г., дело деп. полиции 4-е делопр., 1905 г. по Калужской губ. и отчет фабричного инспектора.

В промышленном отношении сам губернский центр не представлял большого значения и тогда, как и теперь. Орел был административный центр, в котором числилось несколько более 70 тысяч жителей, из которых рабочих 2 тысячи человек с лишком, ремесленников с учениками немного более тысячи. Заводы и фабрики, мелкие заводы, типичные для губернского города,—пивоваренный, свечной, 5 мыловаренных, 3 салотопенных, табачная фабрика, мукомольная мельница и т. п. Чугунолитейный Хрущова (125 ч.) и механический завод (самый крупный из них И. Л. Мещерина (около 100 ч.).

Все эти заводы (уксусный, пенько-трепальный и т. п.) маленькие заведения, насчитывавшие 1—2 десятка человек рабочих.

Промышленный центр Орловской губернии—это Брянский район, бывшая Брянская губерния, старое мальцевское промышленное гнездо. Официальная статистика конца 90-х годов насчитывала в Орловской губернии 8.537 фабрик и заводов с производством на сумму 15.697.817 р., с числом рабочих 8.708 и учеников 3.373. Эти данные 1897 г. явно преуменьшены, так как даже по данным, относящимся к 1894 г. число фабрик и заводов с годовым производством более 1000 рублей было 478 с суммой производства в 25.049 тысяч рублей, и с числом рабочих 15.747 ч. Сопоставляя эти цифры, поверить нашим подпольным источникам, которые на одних мальцевских заводах считали 30 тысяч рабочих, пожалуй, нельзя [1].

Кроме Брянска, другим крупным промышленным центром считался тогда Елец.

Движение и захватило преимущественно два эти района.

В Орле и Брянске тогда действовали соц.-демократический комитет и организация соц.-революционеров.

В орловском комитете состояли С. А. Светлогорский, А. Д. Авдеев, «Аббакум»; в брянской соц.-демократической организации руководящую роль играли Н. Конюхов, Кубяк (бывший Народный комиссар земледелия РСФСР, и нынешний руководитель Энергоцентра), И. Фокин, Е. А. Преображенский, В. Слуцкая и др. На 3-м большевистском съезде от орловского комитета был «Петров», под каковым

---

[1] См. кроме сведений о переписи населения в 1897 г. также П. А. Орлов и С. Г. Будагов «Указатель фабрик и заводов Европейской России». Материалы для фабрично-заводской статистики. Сост. по офиц. сведениям деп. торг. и мануф. Изд. 3. СПБ 1894 г., стр. VII. См. также «Искра», 1905 г., № 90, а также Погожев.

именем скрывался, как есть основание думать, старый соц.-демократ Н. Н. Квиткин.

Судя по корреспонденциям в большевистской газете «Пролетарий», работа в Орле до середины 1905 года не носила массового характера. «До последнего времени работа носила у нас,—говорится в этом сообщении,—чисто кружковой характер, она была раздроблена по отдельным мастерским и маленьким заводам [1].

Только в мае удалось созвать небольшое собрание человек в 100 на празднование 1-го мая.

Такой же кружковой характер носила работа и в Брянском районе.

Как только до Орла долетели известия о событиях, соц.-демократы выпустили прокламации ярко политического настроения с общими требованиями свобод, учредительного собрания и демократической республики [2].

Однако, в самом Орле удалось вызвать только стачку в 40 ч. литейщиков на чугунолитейном заводе Хрущова. Рабочие выдвинули требования —10-часового рабочего дня, увеличения расценок на 25%, увольнения мастера, улучшения условий труда. Так как требования были удовлетворены, завод на другой день начал работать [3].

Более революционное и заслуживающее внимания движение началось вне Орла, в губернии [4].

Ход забастовки в Орловской губернии таков. В середине января первой забастовала Чернятинская стекольная фабрика Акц. о-ва Мальцевских заводов, стачка продолжалась 3 дня (650 рабочих). Попытки молодежи (соц.-революционеров) остановить заводы не увенчались успехом.

В начале февраля забастовали Елецкие железнодорожные мастерские, откуда забастовка перекинулась на другие заводы и 11—12 февраля бастовало в Ельце 12 заведений с 1.700 чел. рабочих (не считая мастерских). В это же время за-

---

[1] «Пролетарий» 1905 г., № 6, стр. 122, Госиздат, 1924 г. См. также «1905 г. в Орловском крае» Изд. Испартотдела Орловского Губкома РКП(б). Орел, 1926 г., стр. 100.

[2] См. «1905 г. в Орловском крае», стр. 116; также дело № 4, по Орловской губ., департамента полиции № 3 «1905 г. по Орловской губернии».

[3] «Искра» 1905 г., № 90, стр. 5.

[4] Об этом движении мы имеем сведения в отчете фабричного инспектора (см. приложение), а также деп. пол. 4-е делопр., д. № 4, ч. 20, 1905 г. См. также «Искра» 1905 г. №№ 90, 93 и 96 и «1905 г. вОрловском крае».

бастовали Дьячковская хрустальная фабрика (1.800 ч.) и снова Чернятинская стекольная фабрика (650 чел. рабочих). Стачка продолжалась неделю.

Это движение, наконец, раскачало и гиганта Мальцевского района—Брянский рельсопрокатный завод (8.500 ч.) и вслед за ним Редицкий вагонный завод (1.500 ч.). Стачка на первом тянулась больше месяца—с 24 февраля по 28 марта, а на втором три недели.

Стачка с Брянского рельсопрокатного завода перекинулась и на Брянский арсенал (более 400 рабочих).

Таким образом, движение охватило 18 промышленных заведений с числом рабочих около 15 тысяч человек [1].

Нельзя при этом забывать, что это рабочее движение протекало в районе, в котором уже бушевало крестьянское восстание: восстание крестьян Дмитровского уезда, Курской губернии, перекинулось в Глуховский уезд Черниговской гугубернии и в Севский уезд Орловской губернии. Характер этого движения виден из того, что крестьяне до-тла сожгли Хиненский винокуренный завод Терещенки.

Орловский фабричный инспектор видит причину рабочих стачек прежде всего в толчке, данном из Петербурга. «Характерной общею чертою всех перечисленных забастовок, равно как и происходивших на некоторых других заводах волнений, улаженных без прекращения работ, является несомненная связь их с волнениями петербургских рабочих. В то время, однако, как в Ельце, так и на Мальцевских стеклянных заводах петербургское движение послужило для громадного большинства рабочих лишь толчком к предъявлению требований частью местного характера, частью прямо заимствованных из Петербурга, и к поддержанию этих требований забастовкою, как удачно испытанным в Петербурге средством, на Брянском и Радицком заводах руководство забастовкою было захвачено довольно значительной и хорошо организованной группой революционно настроенной молодежи, почему забастовка приобрела ясно выраженную политическую окраску» [2].

Такая оценка, конечно, верна, как в общем верна и та картина большого воздействия молодежи соц.-революционеров на забастовку, которую дает фабричный инспектор, с

---

[1] Орловский фабричный инспектор считает в 16 промышленных заводах 14 тысяч рабочих, но он не принимает в расчет Брянского арсенала и Елецких железнодорожных мастерских.

[2] См. в приложении доклад орловского фабричного инспектора.

той лишь поправкой, что в движении, конечно, участвовали и соц.-демократы [1].

Однако, следует заметить, что рабочие повсюду выдвигали и экономические требования и что политический характер движения был тесно связан с его экономической стороной.

Движение порой принимало настолько бурный и массовый характер, что властям пришлось окружить наиболее горючие центры сплошным кольцом войск.

Движение дало некоторые результаты, как в Ельце, так и в Брянском районе: кое-где была повышена плата, уменьшен рабочий день.

В Тамбовской губернии раскаты петербургского грома тоже нашли отклик, несмотря на страшную глушь и преимущественно крестьянско-помещичий характер и уездов и самого Тамбова.

Промышленный кризис отразился и на тамбовской глуши, что видно хотя бы из того, что в то время как общая сумма производства 725 фабрик и заводов губернии в 1887 г. исчислялась в 22.432 тыс. рублей, в 1897 г. сумма производства была меньше 18.273 тыс. рублей. Правда, сумма производства увеличивается к 1905 году, и к 1908 году достигает 42.432 тыс. рублей, растет и число рабочих: 1892 г.—12.119 ч.; 1898 г.—13.288 ч. и 1904 г.—17.850 ч.

Условия жизни рабочих и в Тамбовской губернии были не лучше, чем в других земледельческих губерниях. Во время кризиса это положение еще более ухудшилось (например, заработная плата суконщиков понизилась с 20—15 р. до 12—7 р.) и причин для возбуждения волнений было сколько угодно.

Забастовки начались в Тамбове: 17 января забастовали рабочие механических заводов Петтера и Махина, при чем забастовщики были оцеплены полицией и отправлены в участок. На другой день рабочие завода Петтера, однако, снова забастовали, предъявив экономические требования. 17 января забастовали ткачи суконной фабрики бр. Асеевых; забастовка прекратилась 19 января вмешательством исправника. 4 февраля забастовали рабочие и мастеровые ст. Сасово (200 ч.), забастовка окончилась 7 февраля. 2 марта началась забастовка в с. Рассказове на фабрике В. Я. Рагозы (250 ч. ткачей и 34 подручных). Рабочие предъявили требование повысить

[1] Детальное описание забастовки см. в приложении, в отчете фабричного инспектора.

заработную плату на 30% (у Рагозы ткачи получали 10 р. в месяц, а у Желтовых 13½ р.).

4 марта ткачи стали на работу, так как хозяин обещал повысить плату только до 15 апреля). 5 марта забастовали рабочие фабрики бр. Асеевых (2.500 ч.), рабочие устроили манифестацию. 6 марта в с. Рассказово приехал губернатор Лауниц, а 8 марта прекратили работу ткачи фабрики Желтовых. 15 марта Асеевы закрыли фабрику, 16 марта возобновились работы на фабрике Желтовых, а 22 марта на фабрике Асеевых возобновился прием рабочих, которым повышена заработная плата на 10—15%.

На железной дороге январское движение выразилось в большой забастовке в Козлове (в Козловских мастерских). Были предъявлены экономические требования.

Руководителем этого рабочего движения была соц.-демократическая организация в Тамбове, Козлове, Борисоглебске и Моршанске [1]. Организация распространяла прокламации, вела устную агитацию и стояла во главе забастовочных комитетов. В Борисоглебскую соц.-демократическую органнизацию (в 1905 г. в нее входили: А. К. Долгов,

[1] Первая соц.-демократическая организация в Тамбовской губернии возникла в 1895 г. в Борисоглебске (Н. Д. Богданов; высланный рабочий из Петербурга, впоследствии видный меньшевик, умер в 1929 г., затем в 1902 г. Н. А. Ряховский, Н. Н. Иорданский, Я. Н. Кирпичев, Беликов, Филиппов, Долгова). В Тамбове соц.-демократическая организация возникла в 1896 г. (Мелентьев, Елагин, Гуров). В 1899 г. возник первый железнодорожный кружок (рабочие Д. И. Романов, И. Н. Мещеряков, В. Ф. Фокин и И. И. Толмачов). Кружок 1903 г. состоял из железнодорожников Г. Е. Дронина, М. П. Полосухина, М. Н. Вдовина, М. Л. Авксентьева и Д. Е. Степанова-Козлова, И. Лушникова, бр. Афанасьевых, П. Максимова и Н. Булгакова, В 1905 г. в кружке, из которого вырос тамбовский комитет РС-ДРП, находились студ. Толстов, Павлов, Мугланов, курс. Сивронская, зубной врач Гальперин, учитель М. П. Рассказовский, вет. врач Сеславинский, сестры Идельсон, Скворцов, Гуров. Гораздо более сильной организацией была козловская соц.-демократическая группа, где работали большевики и меньшевики. (Здесь еще в 1901 и 1902 годах существовала эсеровская и соц.-демократическая организации, связанные с петербургским «Рабочим Знаменем»). В Моршанске, в сущности, не было организации и работали одиночки товарищи (В. П. Лотиков, Н. Крылов, В. Баташев—член второй Государственной Думы—и П. Аникеев).

См. в конце отчет харьковского фабричного инспектора и изд. Комис. Тамбовского Губисполкома по организации празднования революции 1905 г. и Истпартотд. Губкома: 1) «1905 г. Рабочее движение и развитие соц.-демокр. в Тамбовской губернии.» Д. Филиппов и К. Черменский и 2) «Хроника револ. движения в Тамбовской губернии» П. Н. Черменского. Тамбов, 1905 г.

А. С. Погожев, Беликов, А. Г. Дубровин, Я. Н. Кирпичев, А. П. Парфенов) вела очень большую работу среди крестьян (ст. Лебедев А. П., П. А. и М. А. Немцовы, В. А. Паршин Н. Ф. Гребенкин, Б. И. Хоперский, Н. Божко, В. Лидавских, Н. Ф. Каверина, Шляховских, Голубых, И. Ф. Поляков, Е. Маркин, Попова). Работа эта велась очень энергично, но результаты ее обнаружились только, начиная с весны: в апреле начались поджоги, самовольная запашка помещичьих земель и т. п.

ГЛАВА X

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В ПОВОЛЖЬЕ

1. САРАТОВСКАЯ ЗАБАСТОВКА В ЯНВАРЕ 1905 Г.

Саратовская забастовка началась через два дня после кровавого воскресенья в Петербурге и отличалась той организованностью, яркой политической окраской и такой стойкостью, какой могли бы позавидовать многие промышленные центры России. Не говоря уже о том, что некоторые города, как например, Харьков, едва-едва раскачались к концу января, даже Москва ответила на петербургские события очень вяло. Саратов между тем забастовал одним из первых и стоял в одном ряду с такими крупными центрами, как Варшава, Лодзь, Рига; хотя, правда, саратовская забастовка не отличалась такой драматичностью и красочностью, какая характеризовала Польшу и Прибалтийский край. Не было в Саратове того горючего материала, какой находился в западных наших окраинах.

Впрочем случилось так, что в Саратове в январские дни оказались далеко не ординарные силы, как в лагере правительства, так и его врагов, соц.-демократов. Губернией управлял тогда будущий председатель совета министров Столыпин, а в составе саратовской соц.-демократической организации находился такой соц.-демократ, как покойный ныне товарищ И. П. Гольденберг, одно время входивший в состав Центрального комитета нашей партии. 12 января Столыпин в своей телеграмме министру внутренних дел, охарактеризовавши крамольное поведение саратовских земцев во главе с князем Ухтомским, между прочим, писал: «Сегодня началась забастовка всех крупных заводов, железнодорожных мастерских и депо. В виду намерения насильно прекратить сообщение по железной дороге, мною организована военная охрана депо. Завтра ожидается предъявление требо-

вания рабочих числом до пяти тысяч. Располагаю всего тысячью пехоты, кроме запасных, являющихся элементом ненадежным. Телеграфировал командующему войсками, прося полк казаков из Уральска. Прошу ваше сиятельство поддержать это требование. Издал объявление обывателям, организовал патрули; все меры приняты. Пока арестовал трех главных агитаторов» [1]. Ясно, что и его сиятельство Святополк-Мирский и его превосходительство Лопухин не оставили Столыпина без поддержки, но пока шли телеграммы министра внутр. дел и директора департамента полиции, события в Саратове развивались своим чередом.

«Забастовочное движение—пишет корреспондент «Революционной России»,—идет с гораздо большею быстротою и широтою, чем могли предполагать даже те, кто рассчитывал на отзывчивость и подготовленность Саратова. Волна захватывала каждый час все новые и новые слои населения».

Почва для выступления подготовлялась в Саратове еще до 9 января и независимо от каких-либо событий в Петербурге, в связи с общим политическим положением в стране. Саратов никогда не был крупным промышленным центром, являлся скорее крупным земским городом, таким же как Воронеж, Самара, Курск и десятки других городов центральной коренной России с тою разницею, что выгодное географическое положение сделало его более значительным пунктом в экономическом отношении,—узел железных дорог, перевозящих хлеб из-за Волги в центральную область, большая речная пристань на транзитном волжском пути, передаточный пункт продуктов капиталистической промышленности в заволжские степи—все это делало из Саратова более торговый, чем промышленный город. Кроме того,—земледелие, производство хлеба в самой Саратовской губернии, оставалось главнейшим занятием населения. Земство, стало быть, как выражение этих последних экономических отношений между крестьянином и помещиком—было характерной чертой Саратова. Естественно, что деревенские отношения, колоссальное недовольство крестьян, беспрерывная война, какую вели крестьяне с помещиками [2], заставляла и этих последних все резче и резче раскалываться на правую реакционную часть и тех, кто уже ясно и определенно становился под знамя «Освобождения» и формирующейся партии консти-

---

[1] Истор.-революц. арх., 4-е делопр., д. № 4, ч. 64 за 1905 г.
[2] «Революц. Россия», № 58 и пред. номера; «Искра», № 84.

туционалистов-демократов. Эти же экономические отношения подготовляли почву среди крестьянства и для работы социалистических партий,—в деревне в девятисотые годы работали уже не только народники, соц.-революционеры, но и соц.-демократы. Саратовский комитет Российской соц.-демократической партии имел даже специальную группу для работы в деревне[1].

Понятно, что «весна» Святополк-Мирского, развязавшая язык земцам-либералам, отразилась и на Саратове, понятно также, что запутанные сложные экономические отношения в деревне отразились ярко и резко, как только идеологи разных классов попытались в открытых выступлениях выявить себя: среди хора черносотенных и либеральных земских голосов стали раздаваться и новые голоса представителей рабочих. Правда, земская кампания «Искры» потерпела неудачу и еще лучше подчеркнула правильность тактики левой большевистской части соц.-демократии, доказав на деле, что лучше выступать независимо от земских либеральных банкетов или плестись в хвосте либералов, но за всем тем даже и эти земские либеральные банкеты логика жизни использовывала для пользы революции. Еще 8 января в Саратове революционная интеллигенция была возбуждена: в этот день состоялись одновременно два собрания,—ужин земцев перед открытием земской сессии и, как говорит «Искра», «демократическое собрание» в Народной чайной. Собрания были многолюдные (до 2 тыс. чел. каждое), говорились оппозиционные, а на втором демократическом собрании даже революционные речи. Второе собрание было, по преимуществу, рабочее, так что полицмейстер и пристав, проглядевшие и допустившие его, даже лишились мест. 9 января Столыпин открыл губернское земское собрание, которое тотчас же после открытия превратилось в политический митинг, избрав-

[1] См. указ. в пред. прим. «Революц. Россию» и «Искру». И в этом отношении Саратов явился типичным губернским городом центральной, коренной России, ибо не только в Саратове, но и в большинстве русских городов центральной земледельческой России при наших соц.-демократических комитетах к моменту первой революции либо имелись специальные группы по работе среди крестьян, как в Саратове, либо работа нелегальная, в особенности в уездных городах, уделяла вообще большое внимание крестьянам. Так дело обстояло, например, в Воронежской губернии, в Тамбовской, в Курской, в Пензенской. Губернский город имел еще небольшое количество пролетариата, в уезде в лучшем случае были только ремесленники и учащиеся, а дальше бесконечное крестьянское море, в которое там и сям вкраплялись фабрики и заводы.

щий комиссию для обсуждения общих вопросов. Эти «общие вопросы» означали не что иное как требование конституции и свобод. В их обсуждении приняло участие все собрание. На другой день, 10-го, когда пришли вести из Петербурга, губернский предводитель дворянства заболел и на собрание не явился. Руководителем собрания оказался либеральный князь Ухтомский. Он допустил опять обсуждение «общих вопросов»; после того как правые во главе с Н. Н. Львовым покинули заседание, собрание приняло резолюцию, где говорилось, что до тех пор, пока не будут разрешены эти «общие вопросы», гласные не будут посещать заседания[1]. Это повышенное политическое настроение саратовской либерально-демократической интеллигенции еще более повысилось, когда соц.-демократическая организация использовала студенческий вечер этого же десятого числа. После концерта появился студент на эстраде и предложил вместо танцев поговорить о петербургских событиях. Председательствовал присяжный поверенный Чумаевский. Выступали ораторы всех направлений до соц.-революционеров и соц.-демократов включительно[2]. В это же время соц.-демократический комитет решал вопрос о забастовке, почва для чего была готова давно, как среди настроенных радикально земских служащих, так и в особенности среди рабочих, в первых рядах которых шли железнодорожные мастерские. Забастовка, как сказано выше, началась 12 января[3]. Образовался центральный стачечный комитет, который и взял в свои руки практическое проведение забастовки, но так как главной силой в этом движении являлись рабочие, то фактически руководителем стачки оказался саратовский комитет Рос. соц.-демократической рабочей партии. Забастовку начали рабочие механического завода Беринга; они, в числе ста человек, утром, в десятом часу яви-

[1] Истор.-революц. арх., 1905 г., 4-е делопр., дел. № 4, ч. 64 и «Искра», № 85.

[2] Так описывается этот вечер в № 85 «Искры», в официальном же донесении жандармов дело рисуется несколько иначе: предложение поговорить внес Чумаевский; первым оратором выступал служащий жел. дороги Иван Яковлевич Другов. Он прочел сообщение о петербургских событиях и закончил свою речь так: «Я приглашаю саратовских рабочих немедленно же приступить к зарастовке, а остальные классы населения прошу отнестись к этому сочувственно». Рабочий Васильев прямо приглашал публику явиться на другой день на демонстрацию. См. 4-е делопр., д. № 4, ч. 64.

[3] В № 85 «Искры» неправильно указывается день начала забастовки 11 января. См. 4-е делопр., д. 4, ч. 64 и ст. Маевского.

лись в железнодорожные мастерские и прекратили там работы[1]. Затем остановились работы на заводе Гантке и сталелитейном. Вечером состоялась сходка в счетном отделе Ряз.-Уральской жел. дороги под видом «вечерних занятий».

Присутствовали кроме представителей всех отделов управления Ряз.-Ур. жел. дороги и представители от служащих Городской и Земских Управ. Председателем собрания выбрали бывшего учителя Петра Николаевича Казанцева. Обсуждались требования, выдвинутые саратовским комитетом Рос. соц.-демократической рабочей партии, которые и были приняты. Решено также было выделить группы товарищей и возложить на них обязанность обойти на другой день все отделы дороги и предприятия и учреждения, где еще происходила работа. Специально для проведения железнодорожной забастовки выделили и избрали депутатов: Казанцева Петра Николаевича, Козлова, Осипова и Попову. В числе выступавших ораторов был сотрудник «Саратовского Дневника» Анатолий Алексеевич Герасимов, произнесший очень горячую агитационную речь. Требования, выработанные саратовским соц.-демократическим комитетом состояли из 14 пунктов. Впрочем, комитет выпустил не одну, а шесть

---

[1] Маевский в статье «Массовое движение с 1904 по 1907 гг.» в ч. I второго тома «Общ. движ. в России в начале XX века» (стр. 54), говоря о саратовской стачке, утверждает, что забастовкой Ряз.-Ур. жел. дороги «в сущности, было положено начало движению на русских железных дорогах. В феврале ж.-д. забастовки охватили уже целую сеть дорог. В январе же замечались только первые признаки этого движения,—выразившиеся в непродолжительной приостановке движения на Привислинских дорогах, да в забастовке служащих управления Ряз.-Ур. ж. д. в Саратове». Это верно только отчасти как нами уже показано в частях этой работы, касающихся Польши и Прибалтийского края. Верно, конечно, то, что забастовкой на Ряз.-Ур. ж. д. было положено начало железнодорожному движению, но неверно, что это было положено т о л ь к о Р я з. - У р. з а б а с т о в к о й. Во-первых, забастовка в одно время, как говорит Маевский, происходила и на Привислинских ж. д., во-вторых, она происходила и на Варшавско-Венской дороге, в-третьих, бастовала и Риго-Орловская дорога, в-четвертых, бастовали небольшие дороги Видзев-Лодзинская, Гербы-Келецкая и др. Варшавско-Венская дорога забастовала 14 января, Риго-Орловская забастовала еще раньше, а именно 12 января. При этом забастовка, как и на Ряз.-Ур. охватила не только рабочих депо и мастерских, но и управленцев, как это было на Варшавско-Венской дороге (см. «Январское движение в Польше»). Вот как, например, описываются в телеграммах генерала Карнаковского и ротмистра Афанасьева эти забастовки. «Рабочие мастерских, складов и депо на станциях варшавского узла забастовали, Венская дорога пользуется услугами 30 человек железнодорожного батальона, на станциях Варшава, Обводная и Прага Привислинская

прокламаций, касающихся целиком январских событий («Красная Летопись» № 1, под №№ 38, 39, 40, 41, 42 и 43), если же принять во внимание, что и в прокламации к железнодорожникам от 11 февраля говорилось об январской забастовке в Саратове и прокламации к рабочим гвоздильного завода, то всего, в связи с забастовкой, комитетом выпущено восемь листков. В первой из этих прокламаций указывается, что рабочие Саратова выступили по призыву саратовского комитета, и выдвигаются требования политического характера: созыв учредительного собрания, прекращение войны и политическая амнистия. В другом листке выдвигались кроме этих еще и 14 требований экономического характера. Соц.-революционеры издали две прокламации—одну общего характера и другую с теми же требованиями экономического характера, что выдвинули и соц.-демократы, только в иной формулировке, да с прибавлением немедленного повышения заработной платы на 50%, чего нет в соц.-демократической прокламации (в этой последней сказано обще: «Повышения поденной платы» и прибавлено требование о праздновании дня первого мая без вычета платы и выдаче платы за царские дни). Как в листках соц.-демократов, так и в прокламациях

толпы рабочих останавливают поезда, грабят груз...». Это депеша генерала Карнаковского, а вот из телеграммы Афанасьева (обе от 17 января): «В Варшаве прекращены работы мастеровыми в железнодорожных мастерских и депо на станции Прага и Варшава-Ковельская Привислинских жел. дор. в числе 1600 чел. На станции Варшава-Ковельская и Варшава-Обводная рабочие по перегрузке грузов в числе 200 человек отказались от работы, рабочие заменены солдатами, машинисты на ст. Прага в виду угрозы забастовщиков отказались нести службу, почему товарное движение прекращено»... (4-е делопр., д. № 4, ч. 15). Мы видели, что на Варшавско-Венской дороге движение в январе было не менее интенсивное, чем на Ряз.-Ур. ж. д. Стало быть, начали железнодорожное забастовочное движение одновременно Ряз.-Ур., Варшавско-Венская, Привисл., Риго-Орловская и небольшие дороги Польши в первой половине января. В том то и дело, что забастовочное движение января 1905 года было революционное массовое движение, которое возникло в одних и тех же отраслях труда часто стихийно в разных местах в одно и то же время; достаточно было произойти такому взрыву, как 9 января в Петербурге, чтобы началось движение одновременно и на жел. дорогах. Наконец, бастовали в первой половине января и железнодорожники Московского узла, Московско-Курской, Московско-Казанской, Московско-Брестской и Ряз.-Ур. железных дорог; примкнули к забастовке даже харьковские железнодорожники, правда, в конце января, и только выдвинувши одни экономические требования. Но как бы то ни было, не одна Ряз.-Ур. дорога начала железнодорожные стачки, а как видим, приходится составить список, включающий около 10 железных дорог.

соц.-революционеров выдвигались главнейшие требования, предъявленные царю петербургскими рабочими: созыв учр. собрания, 8-часовой рабочий день и т. п. В виде примера приводим прокламацию к рабочим гвоздильного завода.

Российская социал-демократическая рабочая партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

К рабочим гвоздильного завода.

Мы, забастовавшие рабочие гвоздильного завода, требуем:

1) Созыва учредительного собрания, избранного всеобщей, равной, прямой и тайной подачей голосов.

2) Прекращения войны.

3) Прекращения всех дел по политическим преступлениям, освобождения и восстановления в правах всех пострадавших по таковым делам.

4) 8-часового рабочего дня, отмены сдельных работ.

5) Повышения заработной платы на 100%.

6) Отмены сверхурочной работы.

7) Отмены детского труда.

8) Отмены штрафов.

9) Выдачи за все дни болезни поденной платы.

10) Гигиенические улучшения: устройство печей, вентиляции и очистка помещений отхожих мест.

11) Устройство библиотеки при заводе.

12) Вежливое обращение со стороны администрации и мастеров.

Товарищи! Крепче держитесь! Настало время показать вам свою силу царскому правительству и капиталистам. Могучей волной разливается рабочее движение по всей России, и близок уже день, когда падет самодержавие и настанет политическая свобода.

Саратовский комитет.

На другой день, 13 января, решение забастовочного комитета стало проводиться в жизнь: агитаторы соц.-демократического комитета и рабочие обходили заводы и учреждения и останавливали работы. К 12 часам дня весь Саратов забастовал, если не считать водопровода и казенного винного склада, где стояли войска, не подпуская забастовщиков. Губернатор Столыпин только констатировал факт, ко-

гда на другой день, 14 января, телеграфировал князю Святополк-Мирскому: «Забастовали все заводы, фабрики, типографии, мукомольни, электрическая станция, железнодорожные мастерские, депо, стрелочники товарной станции, служащие управления железной дороги, городской и губернской земской управы, строительной конторы астраханской линии. Выпуск газет и товарное железнодорожное движение прекращены...»

Надеясь, что пассажирское движение не остановится, Столыпин, однако, взывал о помощи: «Командующий войсками отказался присылке казаков. Войск две тысячи четыреста человек, изнуренных бессменною двухдневною службою; остальные необмундированные, ненадежные, запасные. Вторично прошу генерала Косича выслать два батальона из Пензы»[1]. Конечно, и в Саратове, как и везде, забастовка проводилась одними и теми же приемами: группы рабочих агитаторов переходили от завода к заводу и останавливали работы. На железной дороге рабочие главных мастерских бросились в паровозное депо, затем на товарную и пассажирскую станции Саратова и по полотну дороги добрались до Князевских мастерских и станции Увек, призывая бросать работы машинистов, их помощников, телеграфистов, сторожей, стрелочников и ремонтных рабочих; 13 января не работали железнодорожные мастерские саратовского отделения (Уральские, Покровские, Саратовские), было прекращено телеграфное сообщение и товаро-пассажирское движение между Саратовом и Увеком. В сторону Аткарска прекратилось только товарное движение. Телеграфное сообщение, впрочем, очень скоро удалось возобновить. 14 января, как раз в день подачи Столыпиным только что приведенной депеши, забастовка еще более разрослась, к ней примкнули парикмахеры и приказчики. Правда, вечером 14 января стали на работу Покровские и Уральские мастерские, но в общем забастовка еще росла. Не помогали и аресты. В ночь с 13 на 14 были арестованы: сотрудник газеты «Приволжский Край» Тимофей Павлович Белоногов, статистик губернского земства Семен Федорович Дубровинский, б. ученик Технического училища Михаил Борисович Самсонов, сотрудник газеты «Приволжский Край» Василий Матвеевич Серов, б. сельский учитель Степан Васильевич Аникин, техник Николай Дмитриевич Фомичев, Алексей Михайлович Прокофьев,

[1] 4-е делопр., д. № 4, ч. 64.

фотограф Альберт Фридрихович Ретлинг, крестьянин Михаил Федорович Макаров и рабочие завода Чирихиной—Константин Иванович Давыдов, Петр Иванович Клочков, Алексей Ефимович Уткин, Дмитрий Иванович Чиргимцев, завода Беринга—Аким Иванович Розенкевич, Роман Егорович Гусев и Дмитрий Васильевич Гордеев; сборного цеха мастерских Ряз.-Ур. ж. д. Петров и рабочие Константин Павлович Владыкин и Нестор Григорьевич Калашников. Всего 20 человек. Сын симферопольского купца Иосиф Петрович Гольденберг в конце января скрылся и арестовать его жандармам удалось только по возвращении в Саратов 20 февраля, когда в разгаре была вторая железнодорожная забастовка.

Рабочие и мастеровые Саратовских мастерских предъявили следующие требования: 1) 8-часовой рабочий день. 2) Отмена сдельных работ и повышение поденной платы на 100%. 3) Отмена сверхурочных работ. 4) Отмена штрафов и обысков. 5) Улучшение санитарных условий: введение электрического освещения, удаление отхожих мест от мастерских (сборного цеха), устранение сквозного ветра в токарной мастерской, исправное отопление, улучшение вентиляций. 6) Выдача платы за все дни болезни сполна. 7) Немедленная выдача пособия за увечья. 8) Расширение школ для детей рабочих. 9) Вежливое обращение со стороны администрации и мастеров. 10) Увольнение монтера Берлиса, мастера сборного цеха Ивонина, помощника мастера токарного цеха Понятина, в депо—смещение начальника депо Бенешевича и табельщика Бойцова. 11) Выдача платы за каждые две недели в рабочее время. 12) Плата за царские дни. 13) Женщин-врачей. 14) За командировку на линию слесарей для сопровождения паровозов производить уплату по расчету два дня за день. 15) Столяров снабжать общественным инструментом. 16) Чернорабочим увеличить жалованье на 50% и 17) За дни забастовки произвести плату рабочим. Требования третье, четвертое, пятое, девятое, одиннадцатое, двенадцатое, тринадцатое, четырнадцатое и пятнадцатое удовлетворены полностью. Требование 8-часового рабочего дня не достигнуто—введен 9-часовой рабочий день. Второе, шестое, шестнадцатое и семнадцатое требования удовлетворены отчасти (чернорабочим повышена плата на 10 коп. (с 50 до 60 к.), рабочим, ставшим на работу 17 января, уплачено за дни стачки); немедленная выдача пособий и удаление мастера Берлиса и нач. депо Бенешевича отклонены, при чем по последнему требованию образована особая комиссия. Маши-

нисты и их помощники предъявили следующие требования: 1) Приурочить к поездным и маневровым бригадам восьмичасовой рабочий день. Отклонено, введено 3-сменное дежурство. 2) Отмена денежных штрафов. Удовлетворено. 3) Введение электрического освещения и улучшение санитарных условий. Обещано выполнить в течение 1905 года. 4) Выдача платы за все дни болезни и причитать плату из поверстных или суточных в размере 50% из среднего заработка. Обещано уплачивать полуторное жалованье в течение 2-недельной болезни. 5) До суда обеспечение служащих в случае увечья в размере 50% месячного жалованья. Удовлетворено. 6) Расширение школ для детей рабочих. Обещано возбудить ходатайство перед правлением дороги и правительством. 7) Вежливое обращение со стороны администрации и служащих, как в депо, так и станционных. Удовлетворено. 8) Увольнение кочегара Герасимова. Сдано в особую комиссию. 9) Иметь женщин-врачей. Удовлетворено. 10) Общий месячный заработок для каждого пассажирского машиниста не менее ста шестидесяти (160) рублей, товарного—ста двадцати (120) рублей и маневрового—восьмидесяти (80), а помощники машинистов должны получать $^2/_3$ заработка машиниста, и из этой суммы вычет за перерасход топлива быть не должен. Исправляющие должность машинистов и помощников должны пользоваться правами, как штатные. Управляющий дорогой, инженер Кандауров так отвечал на это требование: «Общий месячный заработок пассажирских бригад на Ряз.-Ур. жел. дороге в среднем не ниже, чем на большинстве русских дорог, а потому для возбуждения ходатайства об его увеличении не нахожу достаточного основания; относительно товарных поездных бригад будет сделано представление в правление об увеличении поверстных денег на однопутных участках за первые 2.000 верст каждого месяца—для машиниста с 15 руб. до 18 руб., а для помощников с 7 р. 50 к. до 9 руб. за каждые 1.000 верст и с оставлением за дальнейший пробег сверх 2.000 верст прежней поверстной платы; что же касается маневровых бригад, то в связи с введением 3-сменного дежурства устанавливается плата в размере: машинисту 1 р. 60 коп. и помощнику 80 коп. за каждое 12-часовое дежурство. Вычеты за перерасход топлива подлежат удержанию только из премий по топливу и на суточные или поверстные обращены быть не могут». 11) Введение правильного порядка старшинства, считая со сдачи экзамена, для имеющих ценз образования давать преиму-

щества. 12) Установить участие нас в обсуждении проступков наших товарищей и 13) причислить долгосрочных больных к разряду увечных. Отклонить.

Служащие управления предъявили следующие требования: «В виду неудовлетворительности нашего экономического и правового положения не только как служащих, но и как граждан, обусловленного бесправным положением всего населения России, а также в виду произвола и насилий, которые совершаются на наших глазах над забастовавшими рабочими, служащие управления Ряз.-Ур. жел. дор. находят невозможным продолжать занятия, вследствие чего, прерывая их, предъявляют следующие требования:

1) Немедленную отмену всех законов и административных распоряжений, нарушающих неприкосновенность личности и жилища, стесняющих свободу передвижения, свободу слова и печати, свободу собраний, стачек и союзов, свободу совести и вероисповедания.

2) Немедленное прекращение всех дел по политическим преступлениям, восстановление и освобождение в правах лиц, пострадавших по таковым делам.

3) Вслед за выполнением всех указанных требований мы признаем безотлагательно необходимым немедленный созыв всенародного учредительного собрания, избранного на основании всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосов: 1) для уничтожения экономических и правовых остатков крепостного права; 2) для выработки основного закона Российской империи, обеспечивающего за населением страны беспрепятственное участие в законодательстве и управлении страной; 3) для прекращения войны и заключения мира с Японией.

«В политических требованиях мы видим единственную гарантию прочности улучшения нашего экономического положения, улучшения, которое может быть отчасти осуществлено удовлетворением следующих требований правового и экономического характера: 1) Оставление на службе всех участников забастовки как в управлении, так и на линии. 2) Уплата жалованья за время забастовки. 3) Коренной пересмотр устава пенсионной кассы при ближайшем и непосредственном участии служащих всех отделов и категорий. 4) Уничтожение порядка приема, перемещения и увольнения служащих по исключительному усмотрению начальства. 5) Учреждение бюро из служащих для решения вопросов о недоразумениях служащих между собою и начальством, при чем дисциплинар-

ные взыскания на служащих могут быть налагаемы только с согласия бюро. 6) Установление правильной системы отпусков для штатных и нештатных служащих: каждый служащий пользуется правом ежегодного отпуска не менее одного месяца, и без согласия служащего отпуск не может быть отменен. 7) Каждый служащий дороги, штатный и нештатный, должен получать ежегодно награды не менее месячного жалованья. 8) Оклад жалованья низших агентов дороги через каждые два года должен прогрессивно увеличиваться на 20% до удвоения первоначального оклада. 9) Минимальный оклад при поступлении на службу конторщика, телеграфиста и чертежника должен быть не менее 35 руб. 10) С января 1905 г. всем служащим дороги, получающим менее 1.200 руб., увеличить жалованье на 200%. 11) Уничтожение бесплатных вечерних занятий не только в управлении, но и на линии. 12) Уменьшение числа рабочих часов в управлении до 5 часов, как это имеет место в земских, городских и казенных учреждениях, для телеграфистов и дежурных вообще по станциям агентов обязательно трехсменное дежурство, т. е. 12 часов дежурства с перерывом на два часа днем для обеда, а ночью для отдыха, и 24 часа свободных. 13) В случае удовлетворения всех означенных требований со стороны администрации дороги разработка подробностей, заявленных требований должна быть произведена при участии забастовавших или их представителей. 14) Для совместного обсуждения с администрацией вопросов как экономического, так и политического характера нам должна быть немедленно предоставлена свобода собраний, для чего должно быть отменено обязательное постановление саратовского губернатора, объявленное 11 января сего года, воспрещающее эти собрания.

«Арестованные во время стачки товарищи должны быть немедленно освобождены».

Управление дороги согласилось удовлетворить пункты 1 и 2, если забастовка прекратится 19 января; по пункту 3 обещан пересмотр устава; пункт 4 отклонен; по всем остальным пунктам, за исключением 10, требования удовлетворены.

В этих требованиях железнодорожников необходимо обратить внимание на требования управленских служащих, при чем особого внимания заслуживает пункт, касающийся устава пенсионной кассы. Это требование выдвигается всеми железнодорожными служащими, и вокруг него, как увидим дальше при описании общероссийского железнодорожного

движения, удалось объединить большую часть железнодорожных служащих и создать ячейку, из которой потом выросло сильное железнодорожное объединение. Требования эти были предъявлены 14 января, а в ночь с 14-го на 15-е жандармы произвели новые аресты. Были арестованы: бывший студент Казанского университета Петр Петрович Николаев; Петр Васильевич Полянский; аптекарский помощник Хаим Наумович Минский; конторщик управления Ряз.-Ур. дороги Петр Николаевич Казанцев; сын фельдшера Дмитрий Дмитриевич Колпинский; сын надворного советника Иван Михайлович Ляховецкий; Александр Алексеевич Ардабьев, дворянин; рабочий Иван Васильевич Клопков; портной Давид Шандерович Гальпер; земский статистик Александр Александрович Кузнецов; техник Константин Кондратьевич Азикин; бывший ученик Мариинского земледельческого училища Лонгин Лонгинович Капустянский; крестьянин Григорий Николаевич Кутоманов и конторщик Ряз.-Ур. железной дороги Петр Михайлович Мельситов. Все эти лица, в большинстве случаев, были задержаны на сходках в момент агитации, как и те, кто попал в тюрьму в ночь с 13-го на 14-е; например, Дубровинский в момент агитации среди мельничных рабочих. 14 января к забастовке примкнули ученики средне-технического училища и рабочие казенного винного склада, а 15-го забастовали ученики старших классов гимназии и реального училища. Гимназисты и реалисты явились в женскую Мариинскую гимназию с целью прекратить ученье и там.

Когда гимназисты и реалисты расходились по домам, прибывшие, наконец, в Саратов по настоянию Столыпина казаки налетели на учащихся и жестоко их избили. Тем не менее забастовка учащихся продолжалась, и в ней приняли участие семинаристы и фельдшерская школа.

В общем забастовка протекала мирно. Соц.-революционеры пытались устроить демонстрацию, но усиленные наряды войск и патрули не дали возможности осуществить это. Зато недалеко от города происходили многолюдные митинги (в Парусиновой роще), организуемые саратовским комитетом соц.-демократов. Один из таких митингов отличался особенным многолюдством; 16 января собралось до 2 тыс. человек, произносились горячие речи, читались требования петербургских рабочих, обсуждались дальнейшие шаги в саратовских событиях, вырабатывались требования. В этот, день 16 января, на митинге выступали лучшие ораторы соц.-демократы и соц.-

революционеры Иосиф Петрович Гольденберг, рабочий сборного цеха Саратовских мастерских Алексей Алексеевич Петров, гласный губернского земства Владимир Михайлович Обухов, служащий железной дороги Николай Николаевич Кнушевицкий.

Однако, постепенно движение стало ослабевать; кульминационным его пунктом являлся день 14 января, 15-го движение еще полно силы, но 16-го и 17-го уже чувствуется понижение энергии.

Большую роль здесь сыграла тактика предпринимателей и, главным образом, управления дороги: пойдя сразу на уступки, управление поколебало главный отряд саратовского пролетариата, 2-тысячную массу железнодорожных рабочих. Мастеровые же частных заводов вынуждены были стать на работу еще раньше, так как частные предприниматели просто объявили расчет, помощь же забастовщикам, несмотря на громадные усилия соц.-демократического комитета, в общем протекала медленно и в небольших размерах; так за 12 и 13 января, согласно сообщению саратовского комитета, для рабочих собрали всего 3.400 р., из которых 700 р. надо было послать в Петербург. С утра 18 января стали на работы мастеровые заводов Беринга, гвоздильного, паровых мельниц и типографий. Комитет видел, что забастовку нужно кончать, и на 19 решено было забастовку прекратить.

19-го жандармы и Столыпин с торжеством телеграфировали в Петербург, что все службы и управления дороги, мастерские и депо стали на работы. Забастовка, продолжавшаяся неделю, закончилась.

Саратовская забастовка захватила сравнительно небольшое число рабочих: от 2 до 3 тысяч железнодорожных рабочих, до 1.500 рабочих мельниц, тысяч до 2 всякого рода других рабочих, 800 управленских служащих, в общем тысяч до десяти человек, но не в численности ее значение. Значение ее состояло в том, что она показала, какое огромное влияние имеет соц.-демократия, руководящая рабочим классом. Несмотря на неправильную тактику меньшевистской земской кампании, саратовские рабочие сумели инстинктивно найти правильный путь, и, в конце концов, пойти по линии, указываемой большевиками. И, идя этим революционным путем, путем забастовки, они увлекли своим движением и мелкобуржуазную массу управленских служащих, и земский и городской третий элемент, и даже учащихся. Своей готовностью к борьбе, своим дружным выступлением, своей соли-

дарностью они увлекли за собой весь город и в своем классовом движении сумели выразить интересы всех истинно-революционных групп населения. О значении железнодорожной забастовки говорить нечего, ее, конечно, власти боялись больше всего, и она всколыхнула город больше всего. Рабочие бастовали и прежде, а белые рабы, служащие железных дорог, бастовали впервые. Бастовала вообще, так называемая, интеллигенция, служащие земской и городской управ. Это и создало ту атмосферу сочувствия рабочему движению, которая так раздражала жандармов. Жандарм Федоров в своем донесении в департамент полиции с горечью замечает, что даже «родители учеников исключительно из интеллигенции, как-то: присяжные поверенные, доктора и лица, прикосновенные каким-либо образом к земству, сами потворствовали детям в «забастовке», предъявив требование гг. директорам заведений о приостановке учебных занятий». Впрочем, этого жандарма утешили зато гг. директора, которые «созвав педагогические советы, пришли к заключению приостановить занятия не более, как до 24 января». Словоохотливый ротмистр доносит начальству, что «в г. Саратове корни противоправительственного движения засели глубоко и благодаря сочувствию местной интеллигенции, особенно разлиберальничавшейся за последнее время, революционное движение идет быстрыми шагами вперед». Он пугает начальство новым взрывом движения и беспомощностью местной власти, чуть ли не строча донос на г. губернатора, который разрешает собрания. Мы не приводили бы этих мнений жандарма, если бы в них не скрывалась очень большая доля истины. «Кроме сего необходимо обратить внимание,—пишет он,—и на то, что толпа, собравшаяся в количестве до 1.000 ч. больше человек в каком-либо помещении, до крайности разнузданная и несчитающаяся ни с присутствием среди себя же женщин, ни с какими бы то ни было самыми обыденными правилами приличия и законного порядка, прямо-таки силою, не допускает присутствия полицейского наряда в зале собрания, закрывая перед ним двери. На закрытие же подобных незаконных собраний силой местная администрация не решается, так как таковое повело бы за собой вооруженное столкновение чинов полиции с толпой»[1].

Да, толпа в январе 1905 года после кровавой расправы в Петербурге, даже в провинции была не прежняя толпа рабов, а граждане, не останавливающиеся перед вооружен-

[1] Истор.-революц. арх., 4-е делопр., д. № 4, ч. 64, 1905 г.

ным столкновением не только с полицией и войсками. Даже в Саратове рабочие на сходках в той же Парусиновой роще, хотя и плохо, но были вооружены, и власти не решались разгонять их силой.

Соц.-революционеры так оценивали саратовскую забастовку: «Вызванная известными петербургскими событиями и являясь показателем солидарности политических интересов всего русского народа, она быстро захватила все крупные общества и промышленные учреждения Саратова и почти совершенно остановила отправления громадного общественного механизма города с 150-тыс. населением, и тем самым показала, что в решительный момент политической борьбы оппозиционные организации Саратова имеют достаточно средств для оказания серьезной поддержки грядущему политическому перевороту».

Революционная Россия ошибалась и в вопросе о солидарности и в способности оппозиционных организаций оказать поддержку будущему политическому перевороту, но не ошибалась в одном, что всеобщая политическая забастовка в большом городе знаменует паралич и гибель власти. Не видели соц.-революционеры или не хотели видеть и того, что и в Саратове творцом движения был все тот же герой, что и в Петербурге, рабочий класс.

Кроме Саратова (и слободы Покровской) в Саратовской губ. движение захватило еще г. Царицын. Здесь существовала соц.-демократическая группа (Михаил Бендерский, ст. Исай Лерман, ст. Мордвинов и курс. Изюмская, Моисей Судавский и Абрам Юхвич), которая и приложила все усилия к тому, чтобы руководить стихийно вспыхнувшим движением. Забастовка началась (14 февраля) на французском заводе «Урал-Волга» (всего 1331 чел. раб.) вследствие увольнения токаря Зотова. Во главе забастовки стояли выборные: Гаврилов, Петров и Подскребов. Через день, 16 февраля, к забастовке примкнули мельница Гергардта и другие царицынские заводы, за исключением завода Нобеля, лесопилок и Туркинской мельницы; 17 февраля стал завод Нобеля, а 18 февраля в Царицыне стояли лесозаводы, типографии, зав. Грыбылина, мелкие мастерские, так что забастовка превратилась во всеобщую.

Повсюду рабочие предъявили экономические требования, главные из которых — сокращение рабочего дня (до 8 часов) и увеличение заработной платы. Забастовка пошла на убыль 22 февраля, когда получили частичные уступки рабочие мель-

ниц Гергардт, Туркина и Войкина, а также завода Валлос стали на работу[1].

2. Январское движение в губерниях: Казанской, Симбирской, Самарской и Астраханской.

Январское движение в других губерниях, по сравнению с Саратовом, было и менее значительно по охвату и менее ярко по своему характеру; повсюду оно было чисто экономическим и стихийным. Влияние и руководство соц.-демократии проявлялось тоже не так заметно, как в Саратове.

В Казанской губернии забастовки начались на Алафузовском амуниционном заводе.

Известие о петербургском расстреле появилось в Казани 11 января на страницах «Волжского Вестника». Казанский соц.-демократический комитет начал усиленную агитацию за забастовку: печатались прокламации, велась устная агитация, был устроен банкет (12 января) и, наконец, был выпущен специальный листок к рабочим Алафузовского завода.

---

[1] Кроме указанных выше источников по Саратовской забастовке см. «1905 г. в Саратовской губернии» (по материалам жандармского управления). Сб. статей. Изд. Саратовск. парт'изд. Вып. I. Комиссии при Саратовском Губисполкоме по организации празднования 20-летия революции 1905 г. Испартотдел Саратовского Губкома РКП(б); по забастовке на Рязано-Уральской ж. д. И. С. Соколов: «1905 г. на Рязано-Уральской ж. д.» по воспоминаниям участников и материалам Сарат. губ. арх. Изд. Истпрофтрана Ленинской (Р.-У.) ж. д. 1925 г.; по Царицыну: «1905 г. в Сталинградской губ.» (Историко-революционный сборник). Испартотдел Сталинградского Губкома по изучению Октябрьской революции и РКП(б) Изд. Истпарта Сталинградского Губкома РКП(б). Сталинград, 1925 г.

Из этих источников первая книга имеет наибольшее значение и в ней статья т. Саара, Г. (автора монографии по истории Саратовской соц.-демократической организации).

Работа тов. Саара, действительно, заслуживает всяческого внимания, как по обилию использованного материала, так и по критическому отношению автора к этому материалу. Однако, самое тщательное и внимательное изучение этой интересной работы не может убедить нас в справедливости замечания т. Саара, будто я допустил ошибку, когда сделал вывод о том, что «саратовские рабочие сумели инстинктивно найти правильный путь и, в конце концов, пойти по линии, указываемой большевиками». По мнению т. Саара, я не прав потому, что в Саратовской организации РС-ДРП «большевистское крыло в январе 1905 года ни в коем случае не слабее меньшевистского крыла» (стр. 28). Тов. Саара дальше утверждает, что «по призыву и под руководством» саратовского комитета рабочие начали стачку, что никакого центрального стачечного комитета не было и что я ошибся, назвав этим именем стачечный комитет Ряз.-Ур. жел. дор.

18 января обмундировальщики Алафузовского завода бросили работу, но остальные рабочие не поддержали их. Только через два дня началась общая забастовка: бросили работу 3.750 ч. Алафузовцы заставили бросить работу и на заводе Свешникова (100 ч.). На другой день, 21 января, соц.-демократический комитет направил агитаторов к алафузовцам. Под предводительством одного из них рабочие алафузовцы двинулись к заводу Свешникова, затем к фабрике Локке, остановили ее; однако, дальнейшие попытки остановить заводы Рома, Крестовниковых, Ушковых и др. окончились неудачей: рабочие были избиты запасными.

Жандармы произвели аресты, как среди соц.-демократов, так и среди рабочих и 24 января после объявления о расчете стачка пошла на убыль: в этот день приступило к работе 500 ч., а 25 января все остальные.

Верно, что большинство в саратовском комитете находилось на стороне большевиков: осенью 1904 г. в комитете находились большевики: Гольденберг, Голубева, Чегодаев, Топуридзе, Рыков. В начале 1905 года в комитете были большевики Гольденберг, Мерентов, Серов и М. Самсонов; к меньшевикам принадлежали И. М. Ляховецкий и Обухов. Верно, что руководителем движения был саратовский соц.-демократический комитет. Это верно и в этом мы не расходимся. Расходимся ли мы в том, что тов. Саар утверждает, будто забастовка началась по призыву комитета, а я говорю, что «несмотря на неправильную тактику меньшевистской земской кампании, саратовские рабочие сумели инстинктивно найти правильный путь и, в конце концов, пойти по линии, указываемой большевиками».

Нигде нет никаких указаний и т. Саар их не приводит, что рабочие завода Беринга бросили работы по призыву комитета: забастовка началась здесь 12 января в 9 часов утра, а прокламации с призывом к забастовке стали распространяться только 12 и 13 января. Что, действительно, рабочие выступили стихийно об этом говорит и большевик М. Самсонов: «Совершенно не помню, по призыву ли соц.-демократической организации забастовали рабочие в Саратове или стихийно. Мне только припоминается разговор с Гольденбергом, когда мы расходились с ним в оценке настроения рабочих. Я утверждал, что среди рабочих настроение забастовочное, он сомневался. Да и комитет, в большинстве своем, сомневался в возможности выступления рабочих и, мне кажется, какой-то завод забастовал сам и тогда уже комитет, призвав рабочих Саратова ко всеобщей забастовке, взял в свои руки руководство движением. Это только я и утверждаю.

Что касается центрального стачечного комитета, то формально, быть может, его и не было, но дело не в формальности, а в существе. Существо же состояло в том, что центром движения были мастерские и управление дороги, вот почему стачечный комитет железнодорожников (выборные) был центральным стачеченым комитетом. Это, однако, нисколько не означает, что соц.-демократический комитет не был руководителем движения: именно комитет руководил движением, но только опираясь на созданные им же организации.

Кое-чего, впрочем, рабочие добились: рабочий день уменьшен с 13 до 11½ час., прибавлена заработная плата (на 5—10%), рабочие Свешникова и Локке уменьшили рабочий день до 10 час.

Алафузовская стачка была как бы сигналом экономических забастовок, начавшихся в Казани: 31 января забастовали типографы (11 типографий). Забастовка проходила стихийно и окончилась неудачей,—в одной типографии был даже увеличен рабочий день с 9 до 10 час. За типографами поднялись приказчики. Их стачка протекала организованно (руководил член организации В. В. Адоратский), приказчики устраивали демонстрации (6 и 13 февраля) и привлекли симпатии населения. Далее шли забастовки: фармацевтов (11 февраля), хозяева быстро уступили; 9 февраля бастовали столяры мастерских Столыпина и Мальберга (стачка была неудачна); затем бастовали булочные, добившись удовлетворения только некоторых требований и, наконец, уже в марте забастовали портные (21 марта).

Движение рабочих повсюду носило экономический характер; ни одного политического требования рабочие не выдвинули, несмотря на то, что во главе движения шел соц.-демократический комитет.

Политическим характером отличалось студенческое движение, руководимое также соц.-демократами: в результате бурных сходок протеста, студенчество Казани объявило полную забастовку до 1 сентября 1905 года.

Причиной чисто экономического характера движения было положение казанских рабочих: их забитость, тяжелые материальные условия, несознательность и темнота. Они рвали прокламации с лозунгами: «Долой самодержавие!» и им нужно было объяснять, что такое стачка и чего они должны добиваться[1].

В Самаре забастовка носила гораздо более интенсивный характер, чем в Казани, но была чисто стихийной и проходила вне руководства соц.-демократов.

Забастовка началась 17 января на чугунолитейном заводе Молчанова. Рабочие забастовали политически, в виде протеста, не предъявив никаких требований, 1-го февраля

---

[1] О казанском рабочем движении в январе 1905 г. см. С. Лившиц «Казанская соц.-демократическая организация в 1905 году» («Прол. Рев.» 1923 г. № 2 (14); Галимджан-Ибрагимов «Татары в революции 1905 г.». Перев. с татарского Т. Мухамедовой под ред. Г. Ф. Линсцера, Казань, 1926 год.

они стали на работу. 18 января типографы «Самарской газеты» бросили работы из чувства солидарности к петербургским рабочим, не предъявив никаких требований; к 12 часам дня забастовка охватила все типографии, кроме губернской, где были довольно сносные условия труда (например, 8-часовой рабочий день). К вечеру этого дня забастовали механический завод Лебедева и часть железнодорожных мастерских. На другой день, 19 января, к забастовке примкнули мукомольные мельницы Боберман, Ромашова, булочные, переплетные. Попытки администрации запугать рабочих не увенчались успехом и 20 января к забастовке присоединились рабочие 8 булочных, столяры, колбасники и даже иконостасники. В этот же день, 20 января, бросили работу (в 12 часов дня) рабочие депо и железнодорожных мастерских; 21 января остановился механический завод Лебедева и забастовала часть рабочих Жигулевского завода. 22 января забастовка достигла высшей точки развития: снова забастовали рабочие начавшего было работать завода Лебедева, и присоединились к стачке портные и портнихи, мастерицы и белошвейки.

Забастовка после 22 января стала ослабевать: стали на работу железнодорожники, мукомолы, типографы и уже 24 января большинство предприятий работало [1].

Забастовки, возникавшие стихийно, протекали бурно, нередко происходили столкновения с полицией и войсками (обходившиеся, правда, без жертв); полиция производила аресты, рабочие собирались толпами, буйно и решительно снимали с работы товарищей, устраивали собрания и митинги. Все рабочие в ходе забастовки выдвигали чисто экономические требования (почти все рабочие выдвигали требование 8-часового рабочего дня), выбирали уполномоченных, устраивали совещания с хозяевами (например, типографы в здании биржи сначала выборные, затем общее собрание всех рабочих человек 250). Забастовка для всех рабочих принесла некоторые улучшения, так как часть требований хозяевам пришлось удовлетворить.

Движение, начавшееся в январе, продолжалось в феврале, марте и апреле; в движение вовлекались самые отсталые и забитые слои пролетариата,—парикмахеры, белошвейки, коночники и рабочие и ремесленники других отраслей труда.

---

[1] «Искра», 1905 г., № 96; «Вперед», 1905 г., № 11; «Красная Летопись», 1922 г., № 1. Другая литература и источники указаны у С. Лившица.

Это брожение и движение шло вплоть до 1 мая, когда, наконец, вылилось в политической демонстрации под руководством соц.-демократической организации.

Забастовка в январе 1905 г. имела большое значение для рабочих Самары. Несмотря на отсутствие руководства, она была первым политическим выступлением, несомненно принесла некоторое улучшение в экономическом отношении и, главное, повысила политическое и классовое самосознание рабочих.

Какова была роль соц.-демократической организации в эти дни в Самаре? Вот как отвечает на этот вопрос исследователь самарского движения в 1905 году т. И. И. Блюменталь: «Первая почти всеобщая политическая забастовка,—говорит он — в Самаре не была заранее обдуманным и под строгим партийным руководством соц.-демократической организации проведенным выступлением. По всем данным, соц.-демократическая организация сама была увлечена потоком событий и не в состоянии еще была руководить ими. Единственное, что она могла сделать—это внести известную планомерность в движение, дать ему некоторые руководящие лозунги, не позволить политической стачке вылиться в стихийный бунт, доведенных до отчаяния рабов капитала. Во всяком случае соц.-демократическое руководство стачкой было очень слабо» [1].

Объясняется это отчасти тем, что состав соц.-демократического комитета был до 1905 года меньшевистский (Потоцкий («Прапор»), Гуревич («Пастор»), Ляховецкий (Майский), отчасти отсталостью самарских рабочих.

С приездом в Самару большевиков-сибиряков, вступивших в комитет (Г. И. Крамольников—«Пригорный», Н. И. Баранский—«Николай Большой»), резко меняется и политика комитета: начинается широкая, массовая агитация, движение приобретает ярко политический характер, во главе его стоит соц.-демократический комитет [2].

---

[1] И. И. Блюменталь, в сб. «1905 г. в Самарском крае», стр. 31.

[2] По самарскому движению см. «1905 г. в Самарском крае». Материалы по истории РКП(б) и революционного движения под ред. Н. Сперанского. Изд. Самарского Губкома РКП(б). Самара, 1925 г. (Приложение под тем же заглавием в отдельном томе).

Из архивных источников, кроме указанных в статье И. И. Блюменталя, «Социал-демократия и революционное движение 1905 г. в Самарском крае», см. в деп. пол. 4д., № 4, 52, 1905 г. «О движении среди рабочих Самарской губернии».

В Симбирской губернии забастовки были небольшие: бастовали только рабочие депо и Алатырских мастерских Моск.-Казанской жел. дор., да лесопильного завода, всего несколько более 800 чел.

В Симбирске забастовки не было, так как в конце 1904 г. там только что прошла забастовка типографов и, так как это главное, соц.-демократическая организация в Симбирске возникла незадолго до первой русской революции. Состав ее был исключительно юный (Е. Парфенов, В. Орлов (младенец младший), Георгиевский, В. Рябиков (младенец старший) и Ю. Кромоницкий). Уже после январских событий эта организация связалась с опытными соц.-демократами, оказавшимися в Симбирске: Зиновий Соловьев, Дмитрий Ильич Ульянов и Черномордик. Присоединение этих товарищей дало иное направление работе, но это было уже значительно позже петербургских событий.

До какой степени слабо было соц.-демократическое движение в Симбирске видно хотя бы из того, что весьма обширный район суконных фабрик был затронут движением только в июле 1905 г., когда забастовали ткачи суконной фабрики Шатрова (12 июля) в числе 237 человек.

Забастовки рабочих депо Алатырских мастерских и лесопилки носили чисто экономический характер; из требований следует отметить требование 8-часового рабочего дня[1].

В Астраханской губернии к 1905 году была создана довольно прочная организация соц.-демократов. Во главе стоял комитет в большинстве большевистский (Аствацатуров, Р. А., Трилиссер Мейер, Трилиссер Давид, Бабаев Семен, Беликов, Шпилев, Кремер, рабочий-бондарь Николай, Никитин, А. М. и Л. Попов).

Были образованы районы, во главе каждого района стоял ответственный работник, была техника, пропагандисты, хорошие связи с рабочими.

Астраханский комитет в январе, тотчас же по получении сведений о петербургских событиях, развил усиленную агитационную деятельность: однако, сразу забастовки вызвать не удалось—она началась 14 февраля попыткой остановить механический завод «Мазут» (в 18 в. от Астрахани). Эту попытку сделали токарь завода Т. И. Волков, рабочие Воро-

---

[1] По движению в Симбирской губернии см. Истпартотдел Ульяновского Губкома РКП(б). «1905 г. в Симбирске». Сб. по истории революционного движения в губернии в 1905—6 годах. Под ред. Б. Чистова и В. Алексеева. Издание Истпартотдела Губкома РКП(б). 1925 г.

нов и Мосин и Давид Трилиссер. В этот же день забастовали болдинские ремонтные пароходные пристани (мастерские Мешкова, Чернобаева, Черных, бр. Рябиковых, Солина и К. Надежа).

15 февраля забастовали бондарные заведения на Атаманской станице. На следующий день работы возобновились, как в болдинских, так и в атаманских мастерских.

Возобновление работ произошло потому, что губернатору удалось уговорить хозяев пойти на уступки.

Однако, через день, 18 февраля, забастовали 13 типографий с 350 чел. рабочих. Губернатор и здесь оказал давление на хозяев и эти последние пошли на уступки рабочим (9-часовой рабочий день, повышение платы на 5%).

За типографами забастовали кондитера 22 февраля (требовали подчинения кондитерских фабрик инспекции, установления праздничного отдыха, отмены сверхурочных работ и организации медицинской помощи), а 26 февраля забастовали кондуктора трамвая, предъявив экономические требования о сокращении рабочего дня и повышении заработной платы. Администрация уступила и 28 февраля забастовка окончилась.

Движение носило мирный экономический характер, о чем и свидетельствует в своем донесении министру внутренних дел астраханский вице-губернатор: «... В городе, несмотря на массу пришлых рабочих, нанимающихся на пароходы и рыбные промыслы, до сего времени полное спокойствие»[1].

---

[1] 4 деп. № 4, ч. 25 1905 г. «О волнениях и стачках среди рабочих по Астраханской губернии». Доп. от 4 марта 1905 г. за № 239. По Астрахани см. также: «1905 т. в Астрахани». Сб. ст. под ред. П. Н. Новлянского. Изд. Астрах. Истпарта. Астрахань, 1925 г.

ГЛАВА XI

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ НА УРАЛЕ И В СИБИРИ

На Урале и в Сибири петербургское движение нашло еще меньший отклик, чем в черноземных губерниях России: там все же бастовали рабочие губернских городов, здесь же молчали гиганты-заводы.

Действительно, ни на Мотовилихинском заводе, ни на заводах, расположенных в уездах никакого движения в январе не было.

Бастовали два завода,—Любимова и сыновья (содовый завод) и Алапаевские заводы в марте и мае.

Забастовка на последнем заводе представляет некоторый интерес, так как рисует своеобразные условия Урала.

Подпольная организация только в марте попыталась сорганизовать забастовку. Однако, сходка рабочих, собравшихся на квартире Л. В. Шадрина, была арестована в ночь на 7 марта (15 человек). У одного из участников сходки Григ. Герас. Ветлугина, счетовода в заводской конторе, были найдены рукописные прокламации и гектографированные листки (по обыску на дому).

Этот арест и обыски были поводом к забастовке с утра 7 марта жестянопрокатного цеха Нейво-Алапаевского завода (150 чел.).

Окружному инженеру и забастовавшие и рабочие еще четырех других цехов предъявили экономические требования; 12 и 13 марта для обсуждения этих требований началось совещание выборных от рабочих и начальства.

Все казалось успокоилось, рабочие предъявили требование, начальство пообещало и 20 марта рабочие приступили к работе. Но Нейво-Алапаевский завод не был бы уральским заводом, если бы рабочие на нем не прибегали к тем же способам борьбы, которые отличали их еще во времена Екатерины.

Вот что мы находим по этому поводу в донесении Пермского губернатора министру внутр. дел:

...«Брожение среди рабочих продолжало поддерживаться небольшой кучкой агитаторов, в заводе распространялись революционные брошюры и среди рабочих шло глухое брожение.

«Один из поименованных выше участников обнаруженной в ночь на 7 марта сходки, мастеровой Нейво-Алапаевской волости, Ефим Соловьев во время сельского схода 3 апреля позволилил себе дерзко обращаться с присутствующим на сходе земским начальником, очевидно, желая этим возвысить себя в глазах своих однообщественников и доказал им свою независимость и безнаказанность перед начальством. Земский начальник распорядился волостному старшине немедленно арестовать Соловьева за дерзость на двое суток, но Соловьев не подчинился этому распоряжению, а присутствовавшая толпа мастеровых закричала, что не позволит арестовать Соловьева и окружила его. Это обстоятельство достаточно выяснило внутреннее настроение заводского населения подготовленное кучкой агитаторов.

«30 апреля брожение в народе резко усилилось, по заводу разбросаны были прокламации с призывом населения к восстанию 1 мая. Надвигающаяся опасность от народного волнения чувствовалась как заводскою администрациею, кроме разбрасывания указанной прокламации, никаких открытых нарушений порядка в этот день не было обнаружено.

«Брожение среди рабочих продолжалось и наконец явно приняло угрожающий характер.

«В ночь на 10 мая были сожжены дрова на заводской площади, три раза был сделан поджог куренных дров, находившихся, на другой площади, во время пожара были произведены покушения на управляющего заводом Грум-Гржимайло и участкового земского начальника коллежского асессора Дементьева.

«Вследствие этого, в тот же день было сделано распоряжение об отправке одной роты солдат из Екатеринбурга в Нейво-Алапаевский завод, при чем приняты все меры к быстрой и безостановочной перевозке на лошадях отправляемой части.

«11 мая прошло спокойно, вечером этого дня прибыла в Алапаевск рота солдат, неполная, в составе 110 нижних чинов и одного офицера.

«12 мая был подожжен дом, где жил земский начальник и в этот пожар сгорел целый квартал, в том числе квартира и все имущество земского начальника Дементьева. Среди рабочих заметно было сильное возбуждение, грозили разграбить лавки, среди населения возникла паника, многие из жителей из страха побросали свои дома и выехали в поле, куда перевозили и свое имущество.

«13 мая вследствие поджогов сгорело еще двадцать домов. Были поджоги и пожары от них, но уже небольшие, и в следующие дни 14, 15, 16 и 21 мая, паника в среде жителей и самих рабочих возростала до последних пределов, все заботились только о том, как бы спасти имущество».

Эти волнения продолжались до конца мая, перешли на июнь и июль [1].

14 мая от управляющего Алапаевским горным округом по телеграфу получено уведомление, что, по распоряжению Главного правления из Петербурга, завод в виду беспорядков временно прикрыт.

Этого же числа помощником начальника Пермского губернского жандармского управления были арестованы, в порядке Положения о госуд. охране, трое главных смутьянов-крестьян Нейво-Алапаевской волости: Ефим Андреев, Соловьев и Гавриил Иванов Кабаков и Ирбитско-заводской волости Григорий Ветлугин, бывшие в числе участников тайного сборища в ночь на 7 марта, которые и были отправлены в Николаевское исправительное арестантское отделение, для заключения под стражу, при чем по истечении семидневного срока заключения было испрошено разрешение министерства внутренних дел на дальнейшее содержание их под арестом.

В этот же день, по распоряжению губернского начальства, для усиления охраны заводских сооружений и имущества частных лиц, была отправлена в Алапаевск вторая полурота военного состава из Екатеринбурга.

В тех же видах усиления охраны был увеличен состав полиции в Алапаевске и возбуждено ходатайство по телеграфу перед командующим войсками Казанского военного округа о присылке крупной части войска вроде батальона, а также присылке казаков, так как необходимость в усилении военной охраны была крайне настоятельна не только для Алапаевска, но и для других местностей губернии.

---

[1] См. Истор.-Революц. арх., 4-е делопр. дел. № 4, ч. 3, л. 45 за 1905 г.

15 мая два сельских общества постановили приговоры о выселении за порочное поведение 17 членов своих обществ, которые были, по мнению общества, если не зачинщики, то участники в поджогах и которые тотчас же были взяты под стражу и на следующий день отправлены в Верхотурскую тюрьму.

В Уфимской губ. массового движения совсем не было и рабочие раскачались еще позже, чем в Перми. В 1905 г. уфимский комитет РС-ДРП располагал довольно солидными соц.-демократическими силами. В Уфе работали: Фридолин («Варенька»), Элькинд («Николай Иванович»), Кибардин, И. И., Н. Накаряков («Назар», «Пулемет»), Брюханов Н. П. Потоцкий В. Я., Арцибашев В. П. (Маркс), Свидерский А. И., Цурюпа А. Д. и др., рабочие — Якутов, Леопольдов, Олезов, Брынских, Токарев В. А., Хаустов, Речек, Кухницкий и др.

Партийные организации были в Златоусте и заводах Миньярском, Симском, Катав-Ивановском, Юрузанском, Усть-Катавском, Белорецком и Тирлянском. Кружки были в Белебее и Бирске.

Несмотря, однако, на это ни в Уфе ни в Златоусте движения ни в январе, ни в феврале не было: только 5 июля забастовали рабочие железнодорожных мастерских в количестве 2 т. человек, предъявив экономические требования: 8-час. рабочий день, повышение заработной платы и т. п.[1].

В Златоусте первая мирная забастовка произошла в мае, именно на заводах Кусинском и Сарпинском при чем на первом из них в январе рабочие предъявляли экономические требования. На заводах Катав-Ивановском и Усть-Катавском движения не было. В первом произошла забастовка только в мае[2], на Юрузанском заводе—экономическая забастовка только в июне, а заводы Симский, Аша-Балашовский и Богоявленский молчали весь 1905 г. и только на одном Миньярском заводе в январе произошла мирная однодневная забастовка протеста против петербургского расстрела. О движении в уездных городах и говорить нечего.

Оренбургская губ. отозвалась на январские события в Петербурге тоже только в марте: бросили работу 800 ч. главных железнодорожных мастерских, предъявив экономические требования. Из этих требований важно отметить одно,

---

[1] См. «Революционные события 1905 г. в г. Уфе и Уральских заводах (Баш. Республика)». Уфа, 1925, стр. 11, 12, 33.

[2] См. приложение в конце книги.

где рабочие требовали 9-часового рабочего дня. Стачка продолжалась 3 дня и вынудила администрацию пойти на уступки. Следующая забастовка произошла только в сентябре. Оренбургская группа соц.-демократов состояла из 5 или 6 чел.,—Д. Г. Габздбурга, Р. С. Жорова, Славина, Мордвинова, Д. Нарановича и Никитина.

Слабость Оренбургского движения вполне объясняется слабостью промышленности в этом крае: всего в Оренбургской губ. в 1905 г. было 87 фабрично-заводских предприятий с 3135 раб., при чем только на 4-х предприятиях насчитывалось от 100—500 раб.[1].

18 мая мещанское общество на сходке постановило выслать из Алапаевска вредных обществу и населению мещан Всеволода Кипиянова, Сиротина и Ивана Львова Крылова. Ходатайство это, в виду того, что законом мещанским обществам право высылки своих членов за порочное поведение не предоставлено, было препровождено начальнику Пермского губернского жандармского управления для сведения, на предмет усиления надзора за названными лицами, при чем выражена была желательность арестования их как агитаторов.

С арестом Ветлугина, Соловьева и Кабакова и с удалением 17 человек по приговорам обществ в Алапаевском заводе стало спокойно, никаких происшествий, кроме описанных, более не было, но брожение среди рабочих окончательно не улеглось и стало распространяться, хотя не в столь широких размерах, по окрестностям, сопровождаясь всюду пожарами. Так в Верхне-Синячинском заводе, находящемся в 14 верстах от Алапаевска, от поджогов сгорело два дома, в дер. Алапаихе, смежной с заводом, сгорело пять домов.

По случаю происшедших волнений и поджогов в Алапаевске производилось судебное следствие прокурором Екатеринбургского окружного суда и судебным следователем по важнейшим делам.

30 мая в Алапаевском заводе по всем цехам возобновились работы.

17 июня началась забастовка на принадлежащих к Алапаевскому горному округу рудниках Зыряновском, Шайтанском и Поскотинском. Прекратили работы все наличные рабочие этих рудников, в числе до 480 человек. Забастовка

---

[1] «1905 г. в Оренбургской губ.» (к 20-летнему юбилею первой русской революции 1905 г.). Составили М. Гришин, В. Булах, Н. Мальцев и Д. Наранович. Оренбург, 1925 г.

произошла вследствие подстрекательств Алапаевского мещанина Ивана Львова Крылова (уже упоминавшегося выше), крестьян дер. Алапаихи Ивана Григорьева Глухина (оба с Крыловым участвовали на сходке в ночь на 7 марта), той же дер. Степана Федорова Кабакова и крестьян Коптеловской волости Федора Борисихина и Степана Тюфякова с целью вынудить владельцев к повышению платы, хотя таковая и до этого не могла считаться низкой. Так на Поскотинском руднике, где работают в большинстве крестьяне дер. Алапаихи, забойщик и гоньщик (мальчик) с лошадью зарабатывает до 3—4 руб. в смену (12 часов), на других рудниках до 2 р. 50 коп. Бастовать начали, собственно, рабочие из крестьян дер. Алапаихи, а рабочие из крестьян других селений бросили работу единственно по принуждению алапаевцев.

Забастовка эта продолжалась недолго. 20 июня на Зыряновском руднике приступили к работам все рабочие, на Шайтанском из 120—98 рабочих. Только на Поскотинском руднике упорно не соглашались работать до 27 июня. С этого дня работы возобновились сполна на всех рудниках[1].

Мотовилихинский завод в Перми вступил в движение еще позже: только 14 мая 1905 г. рабочие Мотовилихи под руководством пермского комитета устроили демонстрацию. В мотовилихинский комитет в это время входили соц.-демократы А. Борчанинов, Гомзиков, Я. Кузнецов, Пташинский, П. Овладеев.

Руководители демонстрации были арестованы и это вызвало новое брожение мотовилихинских рабочих. На сходке (было около 86 чел.), устроенной организацией под руководством А. Скворцова, были выработаны требования и предъявлены начальству[2]. Вот эти требования:

Требования рабочих завода Мотовилихи.

Мы хорошо понимаем, что, предъявляя нижеследующие требования, мы добиваемся лишь временных частичных улучшений. Мы знаем, что коренного изменения в нашем положении мы добьемся лишь тогда, когда добьемся уничтожения частной собственности на средства производства, т. е. ко-

---

[1] Записка о беспорядках в Алапаевском заводе, Верхотурского уезда. 4-е демокр., д. № 4, ч. 45, 1905 г. «О волнениях среди рабочих по Пермской губ.».

[2] «Борьба за власть» Т. I «Дни неоконченной борьбы». Пермск. губ. РКП(б), Бюро Истпарта. Пермь, 1925 г., стр. 42—43.

гда мы добьемся социалистического строя. Для того, чтобы добиться этого, нам нужна политическая свобода, т. е. свобода печати, слова, совести, собраний, союзов, стачек. Такую свободу нам может обеспечить только демократическая республика. И, мы, с оружием в руках, будем добиваться ее. Самодержавное правительство должно быть свергнуто: оно ведет ненужную никому войну, вредную рабочему классу, оно разоряет весь народ непосильными налогами, безрассудно расхищает народные деньги, оно держит в невежестве и бесправии весь народ. Для того, чтобы иметь возможность бороться за наши политические требования и за нашу конечную цель—социализм, нам нужны более сносные условия существования, каковых нам не дает завод. Для достижений этой нашей цели, мы требуем:

1. 8-часовой рабочий день для всех без исключения и для чернорабочих.

2. Полное запрещение сверхурочных работ.

3. Расширение фабрик настолько, чтобы уничтожить все ночные работы от 10 часов вечера до 6 часов утра.

4. 6-часовой рабочий день для подростков от 15 до 18 лет.

5. Обеспечение рабочих на случай болезни, старости и неспособности к труду полной или неполной. Размер пособия определяется с согласия выборных от рабочих.

6. Учреждение смешанной комиссии из представителей от рабочих и администрации поровну для установления заработной платы, браковки внутреннего распорядка на фабриках, приема и увольнения рабочих.

7. Еженедельный срок расплаты в рабочее время в помещении мастерских, устройство в самом заводе приемного покоя.

8. Подручные должны получать плату от завода, а не от рабочих. Заработная плата подручным должна быть не менее 40 коп.

9. Поденная плата взрослых не должна быть менее 80 коп., а также и для чернорабочих.

10. Отмена обязательных сборов на Красный Крест, приют и проч.

11. Свобода собраний в помещении завода для обсуждения своих нужд.

12. Замена десятников выборными от артели.

13. Отмена обысков.

14. Вежливое обращение.

15. Удаление шпионов по требованиям рабочих.

16. Удаление управителя Назарова.

17. Освобождение всех арестованных после 14 мая.

18. Право пользоваться книгами из заводской библиотеки. Приобретение книг производится с согласия рабочих.

19. За время стачки должна быть выдана рабочая плата.

Пермский комитет Российской социал-демократической рабочей партии.

Север России, издавна служивший местом ссылки, не откликнулся на январские события в Петербурге (Олонецкая, Архангельская, Вологодская и Вятская губ.). Из всех городов здесь только Архангельск, Ижевск да В. Устюг представляли из себя промышленные пункты (в Архангельской губ. в 1905 г. насчитывалось 10.423 раб.), но и здесь революционное движение 1905 г. нашло свое отражение, за немногими исключениями только в 1906 и 1907 гг. т. е., когда в остальной России уже начиналась реакция. Это сказано об Архангельской губ., но это, вообще говоря, применимо и ко всему Северу. Несмотря на то, что и в Архангельске, и в Ижевске, и в В. Устюге, и в Вологде были уже соц.-демократические организации, движения вызвать было нельзя, т. к. рабочих было ничтожное число, а ссыльные были разбросаны в глухих углах и местечках.

Только в Вологде 10 апреля 1905 г. произошла демонстрация и забастовка приказчиков [1].

Сибирь ответила на петербургские события лучше и организованнее, чем Урал, несмотря, на то, что соц.-демократическая организация здесь во многих местах была моложе, чем на Урале: Красноярск, Чита и Иркутск ознаменовали свой протест забастовками.

Раньше всех откликнулась Чита, где читинский комитет провел однодневную политическую забастовку-протест в железнодорожных мастерских. Красноярский комитет рассчитывал, что движение выльется во всеобщую железнодорожную забастовку, однако, стачка, начавшаяся 17 января, окон-

[1] См. «1905 г. сборник статей о революционном движении 1905—7 гг. в Вологодской губ.» под ред. В. Н. Новосельского, изд. Вол. Истпарта, 1925 г.; «Рабочие и крестьяне Вотобласти в революции 1905 г. под ред. Боженова, Корепанова и Шанько. Изд. Вотской обл. ком. по проведению 20-летия первой русской революции», 1925 г.; «1905 г. революц. движ. в Архангельской губ. Очерки и воспоминания. Сб. Истпарта № 2, Архангельск, 1925 г.;» «Отражение первой русской революции в С.-Двинской губ. Сб. Статей». В. Устюг. 1926 г.

чилась через 3 дня, когда в мастерские и депо были введены войска и начались аресты рабочих.

А. Мельников, один из деятелей, Сибирского союза и Красноярского совета так оценивает эту стачку: «забастовка не носила чисто политического характера, хотя толчком к ней послужили, несомненно, события 9 января и частичная стачка на линии Сибирской жел. дороги. В сознании передовых рабочих она являлась прелюдией ко всеобщей политической стачке; однако, были выставлены и экономические требования местного характера в целях вовлечения в нее более отсталых слоев рабочих»[1]. Т. Г. Раскольников также считает, что хотя стачка и не послужила прелюдией ко всеобщей стачке, однако, как отклик на петербургские события она удалась[2].

Действительно, прокламация красноярского комитета кончалась решительными призывами: «примыкайте же к восстанию! объявляйте стачку! останавливайте поезда!».

Либералы издевались над неудачей соц.-демократов, однако, прав тов. Крамольников, когда приводя цитату из прокламации, написанной т. Баранским по поводу окончания стачки, он расценивает эту стачку, как репетицию великих событий октября и декабря 1905 г. в Сибири.

«Красноярская стачка окончилась, да здравствует всеобщая политическая стачка по Сибирской и Забайкальской дороге!», так начиналась и заканчивалась эта прокламация.

В Иркутске массовое движение началось значительно позже, именно, только в конце февраля: 28 числа забастовали типографии, предъявив экономические требования. Забастовка тянулась до 10 марта. За типографскими забастовали рабочие винного склада. В феврале бастовали и приказчики.

Заключение

Мы рассмотрели фактическую сторону великого движения начала 1905 года. Не вдаваясь пока в обсуждение причин его вызвавших, не исследуя его природы во всем ее многообразии, а так же не касаясь крестьянского движения 1905 г.—все это можно будет сделать лишь изучивши массовое рабочее движение лета, осени и зимы года бури и натиска—остановимся в настоящее время на некоторых выводах,

[1] «1905 г. в Сибири». Сб. ст. и воспоминаний 1925, стр. 50

[2] Там же, стр. 41, см. также «1905 г. в Красноярске». Популярн. очерк. Красноярск, 1925, стр. 7.

не объясняющих всей динамики движения, а лишь только дающих некоторые ее черты и особенности.

Что прежде всего бросается в глаза при рассмотрении всего движения в целом?

Некоторая правильность в его распространении и по времени и по территории.

Москва, Прибалтика, Польша, Нижний—движение начинается почти тотчас же после выступления петербургского пролетариата 10, 11, 12, 14 января.

Далее идут Западные и Юго-Западные губернии, район Бунда, Юг и Кавказ—движение начинается в середине января 15, 16, 17. В центральном промышленном районе и Поволжье, за исключением Саратова, волна стачек поднимается в конце января и первой половине февраля.

Еще позже вступает в движение Сибирь и Урал: на Урале только в марте и мае начинаются первые забастовки.

Север России совсем молчит. Петербургское движение быстрее получает свой отклик в районах с развитой металлической промышленностью и главным образом на окраинах страны (Польша, Прибалтика, Кавказ).

Чем дальше в глубь центрального крестьянского района, чем дальше в область текстильной промышленности, тем медленнее развивается движение: чем дальше в дебри сибирских и уральских снегов и лесов, тем все меньше и меньше это движение, тем медленнее оно развивается и, наконец, совсем замирает на границах европейского и азиатского севера, как бы остановленное тундрой и тайгой.

Далее, чем более развит район в промышленном отношении, чем выше, квалифицированнее рабочий, тем движение сразу приобретает сознательный, явно-выраженный политический и социалистический классовый характер.

В самом деле, в Варшаве и во всей Польше забастовка назначается по призыву центральных органов партии и по их же призыву заканчивается. Здесь с первых же шагов движение приобрело настолько организованный и сознательный характер, что казалось, будто еще задолго до кровавых дней в Петербурге, польские рабочие готовились к своему выступлению. Точно также уже здесь рабочие массы ищут оружия и хотя бы горсточка их, но она уже выступает, как организованный авангард широких рабочих масс.

Такой же, или почти такой же характер, носит движение в Прибалтике, в Западном крае и на Юге.

Москва, город с преобладанием текстильного пролетариата, дает уже более мирные формы движения,—почти повсюду мирную экономическую забастовку.

Мирный экономический характер носят стачки все больше и больше, чем дальше и дальше, мы продвигаемся в исконные районы текстильного производства.

«Само собой разумеется, что причины отставания Москвы и вообще центральнюго района здесь детально не рассматривается: они многообразны и подлежат раз'яснению в специальной части работы. Состав пролетариата, полицейский социализм (зубатовщина), строй и характер промышленности, характер и работа революционных партийных организаций—все это должно быть тщательно рассмотрено при обсуждении затронутого вопроса. Здесь только констатируется факт, рассмотренный и об'ясненный В. И. Лениным в цитированной выше статье о стачках».

Особенностью Кавказа служит то, что уже тогда, в январе, кавказские большевики сумели сочетать разнообразные методы борьбы,—остановка заводов, остановка и задержка поездов, разбор пути и т. д. методы, которые в более грандиозных размерах пролетариат использовал в октябрьские дни.

Следующей характерной чертой январского движения было сочетание (хотя бы сначала в небольших размерах) обычного оставления работ на фабрике и заводе с остановкой транспорта: железные дороги в Польше, Рязано-Уральская дорога, отчасти Юго-Восточные и Закавказские железные дороги помогают обычной рабочей стачке и сразу вносят дезорганизацию в аппараты управления противника.

Могучее значение транспорта в своей борьбе пролетариат смутно чувствует уже в январе.

Затем еще одной чертой январского движения следует считать приемы борьбы в момент уже возникшей стачки: начинает движение обычно самое крупное предприятие, за ним вступают в движение более мелкие заводы и фабрики и уже в последнюю очередь идут мелкие мастерские. Рабочие крупного завода организованной толпой или ударными отрядами рассыпаются по заводскому району и снимают товарищей с работы.

Толпа бастующих ростет, как снежный ком, и еще больше способствует развитию движения.

Далее там, где движение охватывает большие массы и большой район, там оно обыкновенно очень быстро наро-

стает в первые дни и достигши апогея, быстро падает вниз. Движение растущее медленно разбивается и расплывается и быстро клонится к упадку.

Следующей отличительной чертой массового движения январских дней является характер вовлечения в свой круговорот все более широких и все более отсталых масс: в Петербурге, в Варшаве, в Москве и некоторых других городах бастуют главным образом высшие категории рабочих,—металлисты, текстили, типографы и т. п.

Чем дальше в глубь страны, чем дальше по времени от 9 января, тем более широкие и более разнообразные массы вступают в движение,—химики, каменщики, столяры, землекопы, ремесленники, и, наконец, служащие и женщины-работницы (белошвейки, портнихи и т. п.).

Необходимо отметить также, что движение пролетариата, становясь шире и глубже, ярче и драматичнее, увлекает за собой и все оппозиционно-настроенные мелко-буржуазные слои,—учащихся и даже мелких чиновников.

Важно также подчеркнуть, что массовое рабочее движение январских дней сразу же дает сочетание массовой политической стачки с вооруженной борьбой (Польша и Кавказ). Это—политическая стачка, переходящая в восстание и восстание в форме политических стачек.

Еще важно также и то, что в ходе массового движения, по мере его развития, сами рабочие массы в своем революционном творчестве находят и те приемы борьбы, какие им помогают легче достигнуть успеха и те формы организации, которые становятся зародышами более совершенных форм органов борьбы: выборные, уполномоченные, делегаты, депутаты, представители, собрание старост, уполномоченных, депутатов и т. п.

Наконец, в январском массовом движении, его методах, победах и поражениях очень ярко отражается огромная руководящая организующая роль классовой социалистической партии: чем крепче, шире, сильнее, опытнее, авторитетнее партийная организация, тем сознательнее, планомернее, революционнее, глубже, шире, успешнее движение (Польша, Кавказ): там, где руководителем движения—большевик, там больший успех и революционность; там, где во главе движения меньшевик или соц.-рев., там движение более робко, более умеренно.

Само собой разумеется, что в результате нашего исследования мы должны получить и новые цифры о числе бастовавших рабочих в январе 1905 г. В отдельных частях нашей работы это показано довольно ясно. Как пример можно привести Петербург, где цифру, данную фабричным инспектором приходится увеличить тысяч на 25. То же следует сказать и о других городах и губерниях. Это и понятно, так как фабричная инспекция не регистрировала ни забастовок на железных дорогах, ни ремесленников, ни мелких предприятий, давая цифры по предприятиям только ей подчиненным. Всем известные цифры забастовок 1905 г. приходится, таким образом значительно увеличить, а это делает картину движения еще более грандиозной и величественной.

Однако, и этот более точный количественный подсчет бастовавших может быть дан только после изучения всего движения за целый год.

Само собой разумеется, что все только что перечисленные черты движения суть только внешние его черты. Они нисколько не затрагивают природы движения. Для познания этой последней нужно детально изучить: 1) все движение 1905 г. в целом (в том числе крестьянское движение), 2) всю конкретную обстановку его (социально-экономическую основу, разные слои пролетариата, умственные и политические течения в данное время, классовые соотношения и т. п.), и, наконец, влияние партии на движение.

Все это и подлежит изучению в следующих работах.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Отчеты фабричных инспекторов по губерниям взяты из архива б. мин. финансов, отдела промышленности, делопроизводства главного по фабричным и горнозаводским делам присутствия № 35 за 1904 и 1905 гг. Хранится во 2-ом отдел. экономической секции в Ленинграде. Обозначение листов дела дано в начале каждого отчета.

Приложения касающиеся беспорядков по Пермской губ. извлечены из дела б. архива департ. полиции, производства № 4 части 45 за 1905 г. «О волнениях среди рабочих по Пермской губ.».

Ссылки на дела в тексте и в сносках делаются повсюду так, что архив департамента полиции называется либо Историко-революционным архивом, либо архивом внешней политики и революции, либо просто арх. департамента полиции, при чем указывается номер, часть и год дела. Там же, где нет указаний обозначение ОО означает «Особый Отдел». Другие архивы и фонды названы полностью.

М. Ф.

Старший фабричный инспектор Новгородской г.

Марта 30 дня 1905 г.
№ 57
г. Новгород

В Отдел Промышленности

В феврале сего года на Покровском стеклянном заводе[1] графа М. П. Толстого возникли недоразумения между администрацией завода и рабочими по следующему поводу: Покровский завод работал на две печи и вырабатывал на одной печи оконное стекло, а на другой винную бутылку для казенных очистных складов. Завод в прошлом году получил на торгах от Главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей довольно большой подряд на поставку посуды для нужд винной монополии, но, в виду переполнения винных складов посудою, названное управление отказалось принимать в 1905 году от завода бутылку. Потеря такого заказа принудила владельца завода прекратить выработку бутылки казенного образца и потушить одну печь; увольнению подлежало при этом 300 рабочих. Первоначально предполагалось рассчитать рабочих 9 февраля сего года, и об этом было им вывешено объявление 27 января, т. е. за две недели. Объявление это вызвало, конечно, среди рабочих недовольство, и, для успокоения рабочих, администрация завода принуждена была отложить увольнение рабочих еще на две недели, т. е. до 23 февраля. Последний срок был выбран крайне неудачно: 23 февраля приходилось на среду масляной недели—когда возможно ожидать возникновения беспорядков и не по такому серьезному поводу, какой имелся в настоящем случае.

16 февраля граф Толстой письменно уведомил г. новгородского губернатора, что 23 февраля, в день увольнения рабочих, со стороны последних возможно ожидать насильственных действий по отношению администрации завода, и просил г. губернатора принять меры для охраны завода на случай возникновения беспорядков.

В виду такого заявления графа Толстого, я поехал сам на завод и прибыл туда 22 февраля; к этому времени туда прибыли также г. исправник и становой пристав.

---

[1] Покровский стеклянный завод принадлежит графу Михаилу Павловичу Толстому и находится в Новгородской губ., Устюжского уезда, Белокрестской волости, близ с. Белые Кресты. Рабочих около 450 чел. От Новгорода до Покровского завода два дня езды.

Опасения графа Толстого относительно возникновения беспорядков, однако, не оправдались, рабочие вели себя спокойно и заявили мне, что и впредь будут себя вести подобным же образом; у чинов полиции также не было никаких сведений о готовящемся со стороны рабочих нарушении порядка, в виду чего г.г. исправник[1] и пристав, с моего согласия, уехали, а на заводе остался я один.

Увольнение рабочих и выдача им расчета должны были произойти 23 февраля, и, как сказано выше, первоначально предполагалось уволить около 300 рабочих, но последняя цифра была, однако, значительно уменьшена, так как владелец завода решил печь не гасить, вместо бутылки казенного образца работать на этой печи оконное стекло и аптечную посуду, и, благодаря этому, большая часть рабочих, предполагавшихся к увольнению, была оставлена на заводе. Затем г. управляющий заводом предоставил некоторым из увольняемых рабочих работы не по производству, а по двору и пр. Благодаря этим мерам к увольнению подлежало уже не 300 чел., а всего лишь около 100 чел. из которых мастеров было только 25 человек.

Администрации завода предстояло объявить рабочим, кто из них будет уволен и кто останется на новой работе; сделать это в моем отсутствии она, однако, опасалась, так как к увольнению был предназначен элемент наиболее беспокойный, со стороны которого легче всего ожидать нарушение порядка.

Список увольняемых рабочих был сообщен последним в моем присутствии 25 февраля и это объявление списка прошло совершенно спокойно. Со стороны оставшихся рабочих никаких коллективных жалоб заявлено мне не было; увольняемые же мастера заявили мне следующие наиболее существенные жалобы:

1) на плохой заработок в течение зимних месяцев.

При расследовании жалоба подтвердилась и выяснилось следующее: во время управления заводом г-на Радонежского с апреля 1904 г. по февраль 1905 г. печь работала неправильно и стекло было крайне плохо, вследствие чего заработки рабочих были временами малы; хотя мастера работают сдельно, но в § 10 «Правил внутреннего распорядка» определен тот минимальный заработок, который каждый мастер вправе требовать в случае уменьшения выработки по вине заводоуправления.

Размер такого минимального заработка установлен в означенном § в 12 переделов в месяц, т. е. завод гарантирует выработку в размере 12 нормальных средних переделов, считая продолжительность передела в 8 часов работы.

Действительный заработок многих мастеров был, однако, в некоторые месяцы 1904 г. ниже минимального указанного в § 10 «Правил внутр. распорядка»,—и потому я предложил г. управляющему уплатить увольняемым мастерам разницу между минимальным и действительным заработком. Г. управляющий, однако, отказался сделать это. Дополучить рабочим приходилось от 10 до 30 руб. на человека.

2) Вторая жалоба мастеров касалась неправильной приемки с них изделий.

При расследовании и эта жалоба подтвердилась, но не в том размере как указывали рабочие, а в значительном меньшинстве; и выяснилось следующее:

---

[1] Исправник проживает в 90 верстах от завода, а пристав в 40 в.

В утвержденном мною расценке плата за выделку назначена не за 100, а за 103 штуки, и при подсчете заработка следовало бы число всей выработанной мастерами в течение месяца бутылки делить на 103 и затем множить на цену, назначенную по расценку за 103 шт.

Делалось же это на заводе не так, а браковщик (малограмотный рабочий) скидывал с каждой сотни по 3 бутылки и скидку эту производил не в конце месяца, с общей выработки, а ежедневно. А так как не с полных сотен он скидывал приблизительно неточно, то он, следовательно, ежедневно делал известную ошибку, которой не было бы, если бы подсчет производился раз в месяц. Для каждого рабочего ошибка эта могла доходить в месяц до 30—60 бутылок, т. е. достигать 15—30 коп. в месяц. Эту сумму я и предложил г. управляющему уплатить мастерам за время их службы на заводе,—но он отказался.

Мастера же считали, что скидка производится у них в значительно большем размере, но заявление их было голословно и подтвердить его не удалось.

Как объяснено выше, г. управляющий заводом отказался уплатить рабочим и за недоработки и за неправильную приемку изделий. В виду этого я предложил рабочим обратиться в суд, на что они согласились, и я, по просьбе рабочих, пригласил г. земского начальника 2 уч. Устюжского уезда А. Н. Певцова приехать для разбора дела на завод. Г. Певцов приехал 28 февраля и 1 марта разобрал иск рабочих, присудив в их пользу как за недоработку, так и за неправильную приемку. За недоработку было присуждено рабочим почти в два раза меньше, чем было определено мною, так как подсчет минимального месячного заработка я производил по февралю 1905 года, т. е. средний заработок мастера в один передел я определял по февральской выработке 1905 г. Г. же управляющий просил определить минимальный заработок по февралю 1904 г., когда заработок был значительно ниже, а г. земский начальник взял средний заработок за февраль 1904 и февраль 1905 гг. Рабочие остались недовольны, хотя большинство из них сейчас же получили присужденные деньги.

1 марта г. земским начальником была рассмотрена только часть исков, так как многие рабочие ушли на праздник в дальние деревни и не явились. Иски этих рабочих г. земский начальник согласился разобрать через неделю.

Мастера же не уволенные, а оставшиеся работать на заводе, исков не предъявляли и дали подписку, что исков они предъявлять не будут, если только в течение двух месяцев они не будут уволены с завода. Таким образом каждый прослуживший на заводе более, чем два месяца. считая от 1 марта сего года от иска отказывается и делает это, очевидно, потому, что сумма иска очень незначительна, а в настоящее время заработки на заводе очень велики благодаря прекрасному качеству стекла и правильному действию печей.

С завода я уехал 3 марта.

О вышеизложенном имею честь донести Отделу Промышленности

(подпись).

Резолюция: Представляется в Отдел Промышленности.
Апреля дня 1 190.. года, № 425.

Окружной фабричный инспектор
С.-Петербургского округа И. Федоров.

Делопроизводитель (подпись).

Харьковский округ. 52 л.

ЕКАТЕРИНОСЛАВСКАЯ ГУБ. 53 л.

Волнения среди рабочих заводов Екатеринославской губернии начались непосредственно вслед за событиями 9 января с. г. в С.-Петербурге, явились как бы отзвуками последних. Так, 12 января бессемеровский цех металлургического завода Днепровского о-ва в с. Каменском предъявил некоторые требования, прекратив работу, но в тот же день успокоился, получив обещание обсудить требования. С этого времени стали готовиться к забастовке в г. Екатеринославе. По городу начали собираться пожертвования в пользу забастовщиков по книжкам социал-демократической партии. 17 января утром началась забастовка в г. Екатеринославе, сначала на 3-х заводах с 1.500 рабочими; на следующий день присоединились еще 19 заводов (считая типографии) с числом рабочих около 12.000. К 28 января все забастовавшие заводы в Екатеринославе возобновили работы, одни раньше, другие позже. Металлургический Днепровский завод в с. Каменском продолжал забастовку. В феврале начались забастовки в уездах, отдаленных от Екатеринослава. Начиная с 4 февраля до 23 бастовали последовательно один за другим 45 заводов в Бахмутском, Сельскосербском и Александровском уездах. Всех забастовщиков в феврале было около 13.000, не считая Каменского завода (6.000 раб.) угольных копей и некоторых заводов горного ведомства. Наконец в марте забастовали 13 мельниц Екатеринослава (468 рабочих) и 15 лесопилен (500 раб.). Продолжительность забастовок на отдельных заводах была от 1 дня до 1 месяца. Наибольшею продолжительностью отличались забастовки 17 заводов земледельческих машин и орудий г. Александровска и его окрестностей с 2-мя тысячими рабочих. Требования, предъявленные рабочими во время забастовки, распадаются на две группы. К первой относятся общие требования, почти одинаковые у всех рабочих, ко второй частные, касающиеся местных нужд и особенностей каждого завода.

Общие требования таковы: 1) 8-часовой рабочий день, 2) участие выборных от рабочих в составлении расценков и в рассмотрении причин увольнения рабочих и вообще всякого рода недоразумений между дирекцией и рабочими, 3) увеличение заработка, 4) отмены сверхурочных работ, 5) уплата половины заработка за время болезни, 6) пересмотр фабричного законодательства, 7) разработка закона об ученичестве на заводах, 8) увеличение праздников, включение в число их 1 мая и 19 февраля, 9) свобода организаций рабочих союзов, 10) устройство школ для детей рабочих. Почти по всем этим пунктам заводоуправлениями даны отрицательные ответы, при чем фабричной инспекцией разъяснено с ссылкой на объявление господина министра финансов, что в ближайшем будущем будет приступлено к разработке закона о дальнейшем сокращении рабочего времени, а также о страховании рабочих для обеспечения их не только на случай увечья, но и болезни. Кроме того будут выработаны меры, которые дадут рабочим законные способы обсуждать и заявлять о своих нуждах. Такими разъяснениями рабочие более или менее удовлетворялись.

1) В настоящее время в Екатеринославской губернии, почти на всех заводах установлен уже давно 10-часовой рабочий день, а по субботам и в кануны праздников—8-часовой. Но для заводов, переделывающих металл, такой день оказывается слишком продолжительным,

так как на этих заводах работу совершает не только машина, но в значительной мере мускульная сила рабочего. В результате, после нескольких лет работы, почти половина рабочих, как уверяют заводские врачи, теряют трудоспособность вследствие грязи и расширения потовых желез. Некоторые директора заводов признали требование рабочих о сокращении 10-часового дня. После забастовок на 17 заводах установлена продолжительность работы 9½ часов в день (вместо 10), на 3-х—9 часов (вместо 10 ч.) и на 3-х—8 часов принято уже давно. По субботам и в кануны праздников установлено 8 часов работы, с уплатой за 10 часов.

2) Требование об увеличении расценков для заводов Екатеринославской губернии могло бы быть признано неосновательным, если бы рабочим предоставлялась работа 25-26 дней в месяце. Но на некоторых заводах рабочим гарантировано только 12 дней работы в месяц, что составляет, при среднем дневном заработке по губернии в 1 р. 50 коп., всего 18 рублей в месяц. Очевидно на такую сумму рабочий не в состоянии прокормить себя и семью, поэтому приходится недоедать, жить в холоде и сырости, одеваться в тряпье и т. д. Чтобы сколько-нибудь облегчить в этом отношении участь рабочих, необходимы меры к удешевлению их жизни путем учреждения потребительных товариществ, устройство дешевых гигиенических квартир и проч. Но в Екатеринославской губернии очень трудно рассчитывать на это, так как во главе иностранных предприятий стоят иностранцы, которые слишком далеки от того, чтобы проявить сколько нибудь филантропии по отношению к русскому рабочему. Весьма понятно поэтому стремление рабочих к самопомощи, к организации союзов. Екатеринославские рабочие делают уже первые шаги в этом направлении. В конце прошлого года организована артель, с обязательством каждого члена вносить по два рубля в месяц. На собранные средства, отчасти в кредит, оборудована слесарно-токарная, кузнечная и столярная мастерские, где находят себе работу лишенные возможности поступить в завод. Средства артели пока очень незначительны, хотя число членов ее увеличивается. В Министерстве внутренних дел в настоящее время находится прошение рабочих об утверждении устава взаимной помощи.

3) Понятно также желание рабочих, чтобы их выборные принимали участие в установлении цен на аккордные работы, так как теперь, в сущности, никакого «аккорда» не бывает, а существует понуждение рабочего работать задельную работу за ту плату, какую пожелает назначить мастер. При нежелании—расчет через две недели. Если нет возможности предоставить рабочим самим назначать плату, то во всяком случае необходимо гарантировать известный заработок, но не фиктивной цифрой, которая обыкновенно записывается в расчетную книжку, а действительной средней нормой, выведенной для каждого рабочего.

4) Ученичество на заводах, как оно практикуется теперь, служит к понижению заработка рабочих и к эксплоатации дешевой работы ученика. Первый год, иногда два, ученик работает за поденную плату 20—30 коп. в день. Затем ему предоставляют работать задельно, назначая крайне низкую плату, но превышающую прежний 30-копеечный заработок. Таким образом устанавливается более низкая расценка, и рабочие лишаются работ, которые достались бы им.

Из местных требований рабочих следует остановиться на следующих.

1) Улучшение мастерских в гигиеническом отношении. Мастерские некоторых заводов действительно не удовлетворяют самым элементарным требованиям гигиены. Книги для записей указаний фабричных инспекторов заполнены замечаниями по этому поводу. Отсутствие обязательных постановлений лишает возможности принимать иные меры побуждения. Когда рабочие говорят, что они забастовали потому, что нет физической возможности работать в таких мастерских, то, естественно, является вопрос об ответственности за такие забастовки самих фабрикантов.

2) Увольнение мастеров-начальников вследствие незнания русского языка и грубого обращения их с рабочими. Непосредственным не только руководителем работ, но и начальником рабочего является мастер. Он штрафует, он увольняет, он оплачивает труд рабочего. Не знающие русского языка, злобные по отношению к русскому рабочему, они буквально издеваются над ним, и по настоящее время единственным средством избавиться от такого мастера служит вывоз его в тачке из завода. При разъяснениях рабочим, что это—грубое насилие над личностью, которого они не должны допускать, они говорят, что сознают это, но иных средств защиты своих прав не знают. Жалоба фабричному инспектору на мастера ведет к расчету.

3) Отмена обысков.

Этот обычай после забастовки везде отменен.

4) Уничтожение [работы по часам] платы по часам работы.

Такая плата ведет к понижению заработка, так как учитывается всякий простой машины.

Наконец, целый ряд требований рабочих такого рода, что они должны быть удовлетворены на основании действующего устава о промышленности: 1) Устранить неправильное наложение штрафов, 2) уплачивать за пропуск по вине завода поденный заработок, 3) устройство бани (требуется обязательными постановлениями Присутствия), 4) внимательное отношение врачей, 5) вежливое обращение, 6) при аккордной работе объявлять плату до исполнения заказа, а не после, 7) отмена приготовления инструментов и орудий производства без платы, 8) доплата рабочим, которым уплачено по уменьшенным, без объявления за 2 недели вперед, расценкам, 9) не делать принудительных отчислений из заработка в чью бы то ни было пользу, 10) не заставлять исполнять работу, на которую не нанят. Значительная часть требований рабочих удовлетворена, или обещано их удовлетворить [1].

Если нужны забастовки, чтобы рабочие могли свободно заявить о нарушении даже тех их прав, которые дает им закон, то это одно уже указывает на необходимость такой организации среди рабочих, которая дала бы им возможность, не прибегая [к такой мере, которая наносит материальный ущерб и им и заводам] к мерам приносящим ущерб их собственным интересам и интересам заводов, добиваться восстановления своих прав. [Закон о старостах, который был отв.]. К закону о старостах отнеслись отрицательно как фабриканты, так и рабочие. Первые потому, что не желали и не желают, чтобы их распорядки были обнаружены во всей их неприглядности, вторые, опасаясь, что староста, не угодный дирекции, будет уволен из завода, а останется такой который пользы рабочим не принесет. В виду этого до забастовок текущего года закон этот не был применен ни на одном заводе Екатеринославской гу-

---

[1] См. на последней странице.

бернии. После забастовок два завода решились допустить выборных от рабочих применительно к закону о старостах. Рабочие просили совершенно устранить название «староста», на том основании, что выборный не должен иметь никакого ранга, а должен быть таким же рабочим, как и все остальные; в самом же слове староста предполагается старшинство. Сроки, на которые избираются выборные, должны быть незначительны, чтобы была возможность чередоваться в исполнении обязанности выборного. Выбор должен принадлежать исключительно рабочим без всякого вмешательства дирекции. На таких условиях дирекция трубо-листопрокатного завода б. Ланге согласилась допустить выборных. На первых же порах представилось несколько случаев, где эти выборы оказались полезными. Рабочие листопрокатного цеха решили вывезти в тачке старшего сварщика. Выборный цеха сообщил об этом собранию выборных, которое решило предупредить директора. Директор сделал ошибку. Вместо того, чтобы сейчас же разобрать дело, он отложил это на несколько дней. Рабочие сварщика вывезли [явившись на завод и переговорив с директором, я собрал всех выборных, указал им на все безобразие такого поступка]. Собрание выборных решило выразить порицание всему цеху. Было несколько случаев совершенно нелепых жалоб рабочих, которые обыкновенно начинаются у фабричного инспектора и оканчиваются у начальника жандармского управления, прокурора, губернатора и т. д. Жалобы эти были переданы на разрешение собрания выборных. Выборные признали жалобы неосновательными и по-своему отчитали жалобщиков.

Правда, уже есть нарекания отдельных рабочих, что выборные куплены дирекцией. Но на первых порах такие шероховатости непременно будут при всякой организации. [То обстоятельство, что описанные забастовки возникли, появились одновременно по всей России указывает на их социально-политическое значение].

В настоящее время брожение среди рабочих несомненно существует. То на одном, то на другом заводе происходят перерывы в работах, вызываемые расправой рабочих с мастерами, сокращением работ в некоторых цехах и т. п. Во всяком случае до праздника Пасхи нельзя предполагать забастовок, так как рабочие стремятся заработать к празднику. Но имеется полное основание предполагать, что после праздника, и по всей вероятности в мае, беспорядки возобновятся и не пройдут так спокойно, как это было в истекших месяцах. Вызывающее поведение некоторых директоров раздражает рабочих. Директора собираются в частные совещания, на которых приходят к таким резолюциям: прежде забастовали рабочие, теперь мы забастуем. Остановим заводы на некоторое время, а затем откажемся от тех обещаний, которые дали, и станем вновь нанимать рабочих на иных условиях. Струсив, в начале забастовок грандиозного движения рабочих, они теперь рассчитывают на военную силу, которая оградит их заводское имущество от всякой опасности, и тогда они справятся с движением по-своему. Директор печного завода Русско-Бельгийского общества Лема уже начал свои действия в этом направлении. На днях рабочие литейного цеха вывезли в тачке мастера за то, что он позволял себе бить рабочих. Пятеро рабочих за это были удалены из завода, остальные на ½ дня прекратили работу. Хотя на следующий день работы были возобновлены, Лем составил объявление о том, что вследствие происшедшей забастовки он отменяет 8-часовую работу по субботам и в кануны праздников. Фабричный инспектор отказался утвердить это новое правило внутреннего распорядка, отменяющее утвержденное 2 месяца тому назад.

Если в мае произойдут забастовки, то есть основание опасаться, что характер их не будет мирный. Революционная и соц.-демократическая [партии] екатеринославские партии в настоящее время стремятся к объединению и не упустят наверное случая воспользоваться движением рабочих, чтобы не придать им желательный для себя характер.

Старший фабричный инспектор (Подпись).
Екатеринославская губ.

57 л.

[Общий обзор волнений и забастовок на фабриках и заводах Орловской губ. за время с 1 января по 1 апреля 1905 г.].

Волнения и забастовки фабрично-заводских рабочих начались в Орловской губ. с середины января 1905 года и распространились на промышленные заведения Брянского уезда и города Ельца.

[Общею черт.]. Первою забастовала Чернятинская стекольная фабрика Акц. о-ва мальцовских заводов (650 рабочих) и не работала 3 дня; [затем] в конце января на Брянском рельсопрокатном заводе была неудачная попытка группы [рабочей революционной] молодежи остановить завод; в начале февраля [забастовали] в Ельце прекратилась на два дня работа в 12 заведениях с общим числом рабочих [1.200] 1.700 человек; почти одновременно с Ельцом забастовали на неделю фабрики Акц. о-ва мальц. заводов в Брянском уезде, Дятьковская хрустальная (1.800 раб.) и вторично Чернятинская стекольная; наконец, в конце февраля забастовал Брянский рельсопрокатный завод (8.500 р.) и вслед за ним соседний Радицкий вагонный завод Акц. о-ва мальц. заводов (1.500 раб.). Эта последняя забастовка двух механических заводов оказалась весьма продолжительною: Брянский завод простоял более месяца (с 24 февраля по 28 марта), Радицкий три недели. Таким образом [бастовали] прекращали работу 16 пром. заведений, подчиненных надзору фабр. инсп. с общим числом рабочих свыше 14.000. Пропущено рабочими в общей сумме около 250 тыс. рабочих дней, потеряно на заработной плате свыше 300 тысяч рублей; заводам нарушение правильного хода производства обошлось около 500 тысяч рублей.

Одновременно происходили забастовки в двух пром. заведениях, надзору фабр. инспектора не подлежащих, а именно: очень кратковременная, в Елецких железнодорожных мастерских (откуда она и распространилась на местные фабрики и заводы) и трехдневная в Брянском местном арсенале, куда, наоборот, забастовка перешла с Брянского завода. Севский уезд был в конце февраля захвачен аграрным движением, начавшимся в Дмитриевском уезде соседней Курской губ. и перешедшим затем в соседний же Глуховский уезд Черниговской губ. Движение это носило характер грабежа и погрома; между прочим разорен был до тла Хинельский винокуренный завод Терещенки, при чем много спирта сожжено и несколько крестьян упились до смерти. Какой либо непосред-

[1] Так обещано: пересмотреть расценки и, где можно, повысить их, повышение платы чернорабочим с 70 коп. до 1 рубля, организация врачебной помощи семьям рабочих, вежливое обращение, устройство бань, школ для детей рабочих, устранение допущенных закононарушений.

ственной связи с фабрично-заводскими забастовками, отличавшимися в общем мирным течением, аграрное движение не имело.

Характерною общею чертой всех перечисленных забастовок, равно как и происходивших на некоторых других заводах волнений, улаженных без прекращения работ, является несомненная связь их с волнениями петербургских рабочих. В то время, однако, как в Ельце и на Мальцовских стеклянных заводах петербургское движение послужило для громадного большинства рабочих лишь толчком к предъявлению [рабочими] требований частью местного характера, частью прямо заимствованных из Петербурга, и к поддержанию этих требований забастовкою, как удачно испытанным в Петербурге средством, [при чем] на Брянском и Радицком заводах руководство забастовкою было захвачено довольно значительною и хорошо организованною группою революционно настроенной молодежи [и приобрело] почему забастовка приобрела [значительную] ясно выраженную политическую [и социалистическую] окраску. [Остановлюсь на главнейших заявленных рабочими требованиях].

На Чернятинской фабрике первая забастовка была главным образом недовольство директором, назначенным около года назад и проявившим при затеянных им на фабриках нововведениях недостаток внимания к интересам рабочих. Директор в самом начале забастовки уехал, не переговорив с рабочими и этим, а также последующим бестактным заигрыванием с рабочими, настолько безнадежно скомпрометировал свой авторитет, что правление вынуждено было его через некоторое время уволить; [при всем своем принципиальном нежелании менять служебный персонал по требованиям рабочих] но при переговорах с рабочими в увольнении директора им было отказано. Попутно с требованиями об увольнении директора и об отмене некоторых его нововведений были предъявлены рабочими требования о плате за время большого ремонта стекловарной ванной печи (раз в полтора года печь приходится останавливать для ремонта на 1—1½ месяца, при чем [вся] фабрика [останавливается] закрывается с предупреждением о том рабочих за 2 недели вперед), о сокращении рабочего времени девушек, о мелких прибавках платы и [после переговоров рабочих] об увольнении отдельных рабочих, хотя бы и с предупреждением за 2 недели, не иначе, как с согласия всех остальных. Последнее требование было отвергнуто, остальные обещано передать на усмотрение правления, после чего работы тотчас восстановились. Вторая забастовка на этой фабрике произошла по получении отрицательного ответа правления на требование о плате за время ремонта; тогда правление предупредило рабочих, что в случае невозобновления работ через 3 дня, фабрика будет закрыта на неопределенное время; угрозу эту пришлось привести в исполнение и выпустить стекло из ванной печи недели за 2 раньше, чем было необходимо для предстоящего ремонта, после чего рабочие [от всех своих требований] вскоре явились с повинной головою. На Радицкой стекольной фабрике того же общества были заявлены подобные же требования [и ответ дан тот же], но забастовки не произошло.

На Дятьковской хрустальной фабрике хроническою причиной неудовольствий служит избыток местного рабочего населения, связанного с фабрикою еще со времен крепостного права (фабрика существует более ста лет). Вследствие такого избытка, в некоторых отделениях фабрики рабочие работают, чередуясь между собою, по 3-4 дня в не-

делю, вместо 6, что и вызывает от времени до времени требования о повышении расценок, которые сами по себе вполне удовлетворительны и при устранении избытка рабочих давали бы остальным хороший заработок. Большинство предъявленных рабочими Дят. фабр. требований и сводились к повышению [расценок в той или иной форме [(установление одинаковой платы за 1 и 2 сорта, принятие на счет фабрики подручных, гарантирование минимального заработка, наконец, прямое повышение расценок задельных работ и окладов жалованья)]. Заявленная в самом начале просьба об увольнении сортировщика посуды [и по исполнении ее явно несправедливом, сделанном в надежде, что рабочие этим удовлетворятся, об увольнении нескольких служащих и наконец самого директора] была заводоуправлением, к сожалению, исполнена, несмотря на сознание его несправедливости; руководивший при этом заводоуправлением расчет на успокоение [рабочих] такою уступкою рабочих оказался совершенно ошибочным: вскоре потребовали увольнения еще нескольких служащих и наконец самого директора. Из требований, указывающих на связь забастовки с общим рабочим движением, можно отметить: о выдаче платы за время забастовки, об установлении минимума заработной платы, о 8-часовом рабочем дне, об участии рабочих в прибылях акционерного общества, о неприкосновенности выборных. После объявления о закрытии фабрики, работы возобновились по усиленной просьбе самих рабочих, отказавшихся от всех своих требований. В виду угроз части рабочих разгромить фабричные лавки и произвести насилия над некоторыми служащими, как на Чернятинской, так и на Дятьковской фабриках были вызваны в небольшом количестве войска, но прибегать к ним не пришлось.

В Ельце в железнодорожных мастерских Юго-Вост. ж. д. рабочие предъявили требование о распространении на них 9-часового дня установленного для мастерских казенных ж. д. По удовлетворении этого требования, забастовка в мастерских немедленно прекратилась, но после обеда молодежь насильственно остановила двигатель на льно-прядильно-ткацкой фабрике Черникина (450 рабочих) и предъявила требования о 9-часовом дне, о повышении расценок и некоторые другие мелкие, после чего толпа, состоявшая главным образом из подростков, постепенно увеличиваясь в численности, отправилась останавливать работы в остальных промышленных заведениях. Требование ее об остановке везде почти исполнялось беспрекословно самими хозяевами; после чего толпа удалялась, там же, где хозяева запирали перед толпою ворота, происходило битье стекол. В одном мелком заведении был толпою спущен пруд и несколько поврежден локомобиль. По вызове войск все успокоилось. На фабрике Черникина некоторые мелкие требования рабочих были исполнены, но основные (9-часовой рабочий день и повышение расценок) отклонены; в остальных заведениях рабочие не предъявляли даже никаких требований, а не работали 2 дня просто из страха перед толпою.

На Брянском заводе, в четверг на маслянице, молодежь, остановившая накануне завод частью уговорами, частью угрозами и насилиями, собралась перед конторою завода толпой, в которой раздавались и читались прокламации политического и социалистического содержания, и предъявила директору в моем присутствии свои требования в форме прокламации брянского комитета социалистов-революционеров. В этой прокламации[1] на ряду с требованиями о прекращении войны, созыве

[1] [Прилагаемой в копии].

народных представителей, свободе слова, союзов, стачек и собраний, был выставлен 31 пункт, во главе их 8-часовой день, отмена сверхурочных работ, минимальная плата чернорабочим 80 коп., цеховым 1 р. в день, повышение расценок на 20%, отмена прогульных штрафов, обеспечение увечных и престарелых, плата за время забастовок, неприкосновенность личности забастовщиков, уменьшение квартирной платы на 40%, посредническая комиссия из представителей администрации и свободно избранных представителей рабочих, удаление целого ряда начальников цехов и самого директора, как покровителя шпионов. Некоторые другие пункты были явно и притом неудачно заимствованы, так как требовались вещи, давно на Брянском заводе существующие, как-то: бесплатная больница и баня, бесплатное лечение родственников [попадались неизбежные] да и содержание вышеизложенных главных пунктов вполне совпадает с петербургскими требованиями. Представителем толпы, при переговорах ее со старш. фабр. инспектором и директором, явился молодой человек лет 22-х, всего 7 месяцев назад поступивший на завод и совершенно незнакомый с местными заводскими порядками. Такого же рода были и представители, являвшиеся при позднейших переговорах. Сделанная попытка побудить молодежь к большей умеренности в требованиях ни к чему не повела: толпа категорически заявила, что до исполнения всех требований от первого до последнего работы не будут возобновлены [при такой]. Вели себя рабочие вполне корректно и обещали, что никаких беспорядков не будет, о чем они сами позаботятся; возбужден был даже представителем вопрос о закрытии винных лавок, но в виду масляницы признан несвоевременным. Толпа обещалась разойтись по домам, но в действительности направилась на Радицкий вагонный завод, на котором и прекратила работы на 3 часа раньше назначенного времени, остановив насильно паровую машину, из-за чего между брянскими и радицкими рабочими произошла драка, в которой победителями остались радицкие; но когда к брянским подошли подкрепления, они начали стрелять из револьверов, к счастью безрезультатно, и разогнали большую часть радицких; местная же молодежь вступила с брянскими в переговоры и обещалась после масляницы не допускать возобновления работ и предъявить своему заводоуправлению такие же требования, какие были заявлены брянскими.

При таком настроении и поведении молодежи, переговоры с нею явно не обещали успеха. Необходимая для выяснения настроения массы рабочих организация правильных выборов по цехам была признана директором возможною лишь в том случае, если в понедельник откроются работы. Вызванный [по моему настоянию] председатель правления о-ва Брянского завода вполне присоединился к этому мнению директора. Всю масляницу происходили сходки с приезжими и местными ораторами, постепенно привлекавшие все больше народа. [По мере того, как рабочие убеждались, что полиция сходкам не препятствует. Сущность]. Практическая суть происходивших на этих сходках разговоров выразилась в появившейся в воскресенье вечером прокламации, в которой рабочие убеждались, что завод не может долго стоять, потому что у него много срочных заказов. В понедельник задолго до утреннего гудка на перекрестках улиц с обширного заводского селения (28.000 жителей) появились кучки молодежи, прибегавшие к уговорам, угрозам и насилиям, чтобы не пропустить рабочих в завод. По гудку пробралось в завод всего 400 человек. Тогда председателем правления было выве-

шено объявление, в котором рабочие предупреждались, что через 3 дня завод будет закрыт, и что вступать с рабочими в какие-либо переговоры до возобновления работ правление не будет; вместе с тем правление отказывалось от какого-либо ответа на требования, предъявленные в явно незаконной форме прокламации партии социалистов-революционеров. Переговоры председателя правления с явившеюся к нему на следующий день толпою молодежи остались без результата: председатель, предупредив рабочих о возможности передачи заказов другому заводу, отказался обсуждать какие-либо требования до возобновления работ, рабочие же не менее категорически заявили, что не станут работать до исполнения всех своих требований. В назначенный срок работы не возобновились ни на Брянском заводе, ни на Радицком, где они в понедельник также не состоялись, а во вторник рабочими была предъявлена директору почти такая же прокламация, как на Брянском заводе. Поэтому 4 марта оба завода прекратили гудки, призывающие на работу, и объявили всем рабочим расчет. Между тем соединенные сходки рабочих Брянского и Радицкого заводов продолжались ежедневно, собирая многотысячную толпу любопытных; продолжалась и деятельность рабочих патрулей, не пускавших никого в завод. Сдачу работ и расчет молодежь затягивала всеми мерами; между прочим несколько дней под ряд громадная (тысячи в 4) толпа вызывала директора завода и старш. фабричного инспектора для переговоров и предъявляла по поводу расчета разнообразные, мало основательные претензии, из которых наиболее характерна претензия об уплате за 2 недели вперед на основании появившегося в газетах постановления совещания петербургских мировых судей. Масса рабочих была повидимому частью терроризирована молодежью, частью [сбита с толку] питала надежды воспользоваться благодаря молодежи кое-какими уступками от завода. Несмотря на обструкцию молодежи расчет был все-таки закончен (заочно, так как на сдачу работ молодежь рабочих не пустила) и деньги рабочими взяты, чему молодежь не в состоянии была помешать. После этого масса рабочих явно потеряла веру в молодежь, сходки стали малолюдны, и забастовка держалась только умело организованным террором. Заводоуправление, несмотря на громадные убытки, с своей стороны выжидало просьбы самих рабочих о возобновлении работ, находя, что только при таких условиях это возобновление может быть прочно. Такое выжидательное положение продолжалось целую неделю (с 14 до 21 марта), в течение которой рабочие приходили к начальникам цехов просить о возобновлении работ. 19 марта прибыли на Брянский завод две сотни казаков, после чего полиция стала разгонять патрули молодежи и арестовала несколько руководителей этих патрулей, что вызвало на следующий день требование об их освобождении со стороны толпы [около] от 500 до 1.000 человек, с женщинами и детьми, собравшейся у квартиры полицейского пристава. После продолжительных увещаний толпа была легко рассеяна сотней казаков, при чем никто сколько-нибудь серьезно не пострадал. В тот же день (21 марта) открылась запись желающих поступить на завод на старых условиях. За 4 дня записалось 5.300 человек, почему директор объявил об открытии работ в понедельник. Молодежь делала последние попытки запугивания (напр., записавшиеся на работу отмечались мелом и потом подвергались побоям, на отдаленных улицах), но с малым успехом. В понедельник, 28-го, работы начались; во вторник [когда я уехал с завода] записавшихся было уже 7.000 человек. На Радицком заводе работы возобновились на неделю раньше, а именно 21 марта.

[Надеюсь] Следует надеяться, что твердость, обнаруженная управлениями Брянского и Мальцовских заводов, обеспечит сохранение на заводах спокойствия после Пасхи; но есть опасение, что непринятые обратно на работу рабочие Брянского завода (около 200 человек) [на Брянском заводе и 35 на Радицком] постараются вызвать на этом заводе новые беспорядки, в случае же, наиболее вероятном, неуспеха, могут прибегнуть к насилиям над отдельными лицами заводской администрации. Впрочем, в современное смутное время, когда настроение рабочих зависит не столько от местных причин, сколько от общего хода событий, трудно делать какие-либо предсказания.

В заключение нужно отметить, что при всех забастовках [выяснилось] чувствовались весьма серьезные неудобства, проистекающие из отсутствия у рабочих крупных заводов постоянных представителей [при забастовках. Тотчас]. По издании закона о старостах неоднократно и настойчиво давались старш. фабр. инспект. советы управлениям Брянского и Радицкого заводов ввести у себя старост, но заводоуправления решительно от этого отказывались, мотивируя свой отказ тем, что старосты, утвержденные [заводскою] директором, будут в ложном положении относительно товарищей и не принесут при волнениях никакой пользы, так как немедленно спрячутся; старосты же свободно избранные будут сами возбуждать рабочих к волнениям и заводоуправления принуждены будут слишком с ними считаться; напр., увольнение старосты с завода может повести к крупным недоразумениям. [Я с своей стороны]. Старший фабричный инспектор, однако, считает эти опасения преувеличенными и полагает, что свободно избранные рабочими в спокойное время старосты будут для самих заводоуправлений более удобны, чем самозванные представители рабочих, захватывающие в свои руки руководство волнениями и забастовками. Нельзя также не заметить, что сходки рабочих, законом не предусмотренные, фактически всегда приходилось разрешать; при таких [образом] условиях является, очевидно, желательным урегулирование их законом.

Старший фабричный инспектор Орловской губернии

(Подпись)

ХАРЬКОВСКАЯ ГУБЕРНИЯ. 67 л.

В Харькове уже с начала декабря и особенно после петербургских событий ожидались забастовки. 17 января была даже прокламация, по содержанию которой [она] забастовка должна была появиться лишь после забастовки паровозного завода. 17-го же января была забастовка части рабочих на шоколадной фабрике Ж. Бормана, прекратившаяся 19-го. Но это была чисто местная вспышка и только 29 января можно считать началом периода забастовок, когда оставили работы 2.500 человек т. е. все рабочие паровозного завода. Оставив работы они заявили, что главная причина забастовки—желание выразить сочувствие петербургским товарищам, что требования их общие со всеми русскими рабочими и что особые требования местного характера они представят через день. С 29 января по 17 февраля забастовка охватывала разные заводы; одни начинали работы, другие бросали. 29 февраля не работало 19 заведений. С 17 по 21 февраля работали все заводы, а 21 забастовка началась в Сумах, где всего участвовали в забастовке 5 заводов. 28-го забастовка прекратилась и там, и последняя была на [мелком] небольшом слесарно-механическом заводе в Харькове.

Всего забастовки были на 42 заводах и на 2 из них по два раза.

В забастовках участвовало немного больше 10.000 рабочих, из которых 4.300 были рабочие механических заводов. Бастовали тоже ж.-д. мастерские, винный склад и ремесленники.

Требования рабочих все были построены по одному шаблону: 8-часовой день, отмена обыска, учреждение комиссии из выборных рабочих для защиты интересов товарищей, вежливое обращение, улучшение санитарных условий и медицинской помощи, с распространением ее на семьи рабочих, выдача за дни болезни, безответственность выборных за представительство, уплата за дни забастовки и непременно удаление кого-либо из мастеров, лиц фабричной администрации и даже рабочих. Затем, смотря по величине и характеру производства, требовалась большая или меньшая прибавка платы и [требования] предъявлялись мелкие требования, присущие данному заведению.

На первом забастовавшем заводе—паровозостроительном—были сделаны большие уступки [(все они в прилагаемом здесь же № Русской газеты)] и только на этом заводе были уволены, по требованию рабочих, некоторые из лиц [о которых просили рабочие] администрации.

За время забастовки рабочим было уплачено сполна, и заработная плата была значительно повышена многим категориям рабочих.

Уступки сделанные паровозным заводом были больше чем на других заводах, но на всех те или другие требования были удовлетворены. На заводах не участвовавших в забастовках тоже почти на всех были сделаны уступки и главным образом по отношению к сокращению рабочего времени.

В Харькове забастовки прошли совершенно мирно, при чем в этом не малую роль сыграли, повидимому, существующие в Харькове три общества взаимопомощи; 1) занимающихся ремесленным трудом, 2) наборщиков и 3) рабочих табачных фабрик. Первое о-во самое большое по числу членов (около 100 человек) и по имеющимся у них средствам.

Рабочие механических заводов Харькова стали во главе движения, на других фабриках депутатами везде были слесаря.

В Харькове рабочие вообще достаточно развиты и начитаны. Там уже 6 лет, как открыты курсы для рабочих, которые вызвали любовь к просвещению [которую они удовлетворяют при помощи]. В рабочей среде пользуются успехом некоторые дешевые издания по экономическим вопросам (напр., экономические беседы Карышева, «Труд и Капитал» и др. издания по преимуществу «Донской Речи»). Постоянное чтение газет давало рабочим осведомленность в ходе забастовок по всей России. Несмотря на усиленную пропаганду, чисто революционного характера, все же до 29 января рабочие сдерживались, и будь они организованы все так же, как очевидно были организованы вожаки движения, дело до забастовок может быть и не дошло бы.

Спокойное и в то же время угодливое, к справедливым желаниям рабочих, отношение харьковского губернатора, разрешившего им собираться в заводских помещениях [отсутствие] невмешательство полиции тоже много способствовало сохранению тишины на заводах, где были забастовки.

Рабочие с большой надеждой на помощь всегда обращались к фабричной инспекции, а в нескольких случаях и к губернатору.

На всех заводах рабочие просили содействия инспекции и на многих требования подавали не фабрикантам, а инспекции.

Фабриканты Харькова просили разрешения собраться для обсуждения тех уступок, которые должны быть сделаны и собирались

три раза: 6, 9 и 10 февраля. В собраниях 6 и 10 председательствовал г. окружной фабричный инспектор Харьковского округа, а в собраний 9 февраля г. губернатор.

Фабриканты решили: 1) принять за минимум 10 часов работы, 2) отменить обыски (против этого были табачные и некоторые фабриканты конфект), 3) допустить избрание депутатов для представления [им] через них о нуждах рабочих, для заведывания штрафным капиталом и обсуждения других вопросов.

В марте были собраны представители сахарной промышленности, но в виду заявления их, что никакие частные меры, без коренного изменения строя всего управления, не приведут ни к чему, собрание председательствовавшим харьковским губернатором было закрыто.

[На другой день] Вслед за сим представители сахарозаводчиков подали губернатору 2 заявления,—одно касательно общих, а другое—частных мер. В последней записке сахарозаводчики высказались за 10-часовой день для ремонтных рабочих, за желательность введения 8-часового дня для рабочих, занятых по производству, за полную отмену обыска и сверхурочных работ.

[Из частностей забастовок можно] В частности следует остановиться только на вторичной забастовке рабочих паровозного завода, которая была вызвана частью сочувствием к бастовавшим еще рабочим завода Гельферих Соде, частью же внутренними распрями между рабочими паровозного завода. Во время этой второй забастовки успела образоваться партия благоразумных рабочих, которая и стала оказывать оппозицию многим желаниям крайних.

Второе обстоятельство заслуживающее внимания—это значительная солидарность вожаков всех заводов, указывающих на существование организации. На заводе Гельферих Соде во главе стоял один рабочий, модельщик, 27 лет, поступивший на завод всего в декабре 1904 г. и за короткое время приобревший такой авторитет, что [за ним] сумел увлечь за собою 800 человек рабочих, из которых не мало прослуживших более 10 лет на заводе. Этому вожаку—Корытину—и обязаны рабочие завода Гельфериха Соде такой продолжительной забастовкой (16 дней). Он долго действовал на них убеждением, что они получат все, что требуют. Никакие убеждения рабочих не могли поколебать веры в его слова. В успокоении рабочих завода Гельферих Соде согласился принять участие по моей просьбе и г. окружной фабричный инспектор, речь которого тоже не произвела надлежащего действия на рабочих, и только, когда заводоуправление объявило о закрытии завода и стало выдавать расчет, рабочие поколебались, отвернулись от Корытина и начали поступать вновь на завод.

Корытин и еще 21 человек не были приняты вновь и предъявили иск к мировому судье о неправильном расчете.

Суд признал расчет неправильным и присудил уплатить за 2 недели.

[Директор завода К.-Г. Блоки состоит почетным членом Об-ва содействия занимающимся ремесленным трудом и в силу этого, правление об-ва обменялось письмами с г. Блоки (переписка эта напечатана в № газеты при сем)].

В настоящее время, хотя работы и идут на всех фабриках и заводах, но настроение рабочих не спокойное. При отсутствии серьезных причин, могущих вызвать новую забастовку, ручаться за сохранение спокойствия нельзя.

34*

До сих пор распространяются прокламации, произносят речи прибывающие из других городов рабочие и волнение не успокаивается.

С началом работ на кирпичных заводах можно ждать не без уверенности разных осложнений, тем более, что на кирпичных заводах почти каждый год бывают те или другие замешательства.

Но кроме кирпичных заводов, в Харьковской губернии—27 сахарных заводов, где с началом полевых работ легко могут возникнуть аграрные беспорядки, так как около заводов, особенно Еенига, крестьяне сильно стеснены землей и заработки в заводах их все же не удовлетворяют.

Для успокоения рабочих по [моему] мнению старшего фабричного инспектора необходимо:

1) дать какую-либо организацию рабочим. Закон о старостах их не удовлетворяет [во-первых] прежде всего потому, что старосты должны утверждаться фабрикантом, и это утверждение отнимает у [них веру в своих выборных] рабочих доверие к старостам [во-вторых], затем неуспех закона обуславливается тем, что роль старост не определена более точно. Лучше всего предоставить рабочим соединиться по [родам] специальностям в общества, для чего выработать нормальный устав;

2) необходимо озаботиться урегулированием вопроса об учениках;

3) возможно скорее ввести закон о кассах взаимопомощи;

4) облегчить открытие курсов и классов для рабочих;

5) облегчить учреждение библиотек с программой более обширной чем теперь и с каталогом более полным. [Вот некоторые меры, в которых чувствуется особая нужда].

Старший фабричный инспектор Харьковской губ. (подпись).

5 апреля 1905 г.

БАКИНСКАЯ ГУБЕРНИЯ. 72 л.

Забастовки рабочих, начавшиеся с 13 декабря 1904 года и продолжавшиеся по 10 февраля 1905 года включительно, распадаются на два характерных периода—первый период пассивных забастовок и второй—активных. В первом периоде забастовки произошли при следующих обстоятельствах: 13 декабря 1904 г. утром бросили работу все рабочие на нефтяных промыслах; группы этих рабочих в тот же день после полудня пришли в г. Баку и начали насильственно останавливать промышленные заведения; каких-либо протестов со стороны рабочих этих заведений не было и они спокойно уходили по домам. В первый день были остановлены многие нефтеперегонные и механические заводы, кроме того, некоторые заводы из числа первых были остановлены самими заведывающими для избежания насильственной остановки. В последующие дни группы каких-то рабочих продолжали производить остановки еще действующих заведений; усилия полиции и нарядов войск помешать этому успеха не имели, в виду того, что рабочие ходили по городу незначительными группами и незаметно проникали в промышленные заведения, где при требовании прекратить работу немедленно было исполняемо. Наибольшее число заведений было закрыто с полудня 17 и весь день 18 декабря, когда работающими оставались только опреснитель, мельницы и прядильно-ткацкая фабрика Тагиева. С утра 19 возобновились работы в типографиях, мастерских по ремонту судов, начали выходить газеты, пошла конка. В последующие дни возобновление работ продолжалось: с 26 начали работать некоторые из нефтеперегонных заводов. На крупных механических заводах работы не

возобновились. При объездах остановившихся промышленных заведений мною и фабричным инспектором Ващенко не приходилось заставать сколько-нибудь значительных сборищ рабочих; бывали единичные рабочие, которые на вопросы о причинах столь ненормального явления давали неопределенные ответы, например: «нам не приказано», «мы боимся», «когда другие начнут работать, тогда и мы». До 28 декабря требований предъявлено не было, почему и не могло быть никаких переговоров. Порядок нарушаем не был и только один раз казаки разогнали толпу, собравшуюся вблизи двух больших механических заводов; жертв не было. Для объяснения столь необычной забастовки [я должен] необходимо сказать несколько слов о том, что происходило после 13 декабря на нефтяных промыслах, подчиненных Горному надзору. Там после прекращения работы появились обширные прокламации, в которых порицалось существующее государственное устройство, доказывалось рабочим, что им нечего ждать от правительства и что для улучшения своего положения они должны рассчитывать только на свои силы; требовалась от рабочих полная солидарность и стойкое сопротивление возобновлению работ до тех пор, пока им не будет особо о том объявлено. Условием возобновления работ ставилось полное удовлетворение всех требований (более 30 пунктов), помещенных в прокламациях. В числе этих требований были об организации особого совета представителей от рабочих, который совместно с выборными от промышленников решал бы дела по вопросам найма и увольнения рабочих, увольнения лиц администрации. Требования 8-часового рабочего дня, увеличения заработной платы, выдачи квартирных денег, отмены штрафов, государственного страхования исключительно за счет промышленников, улучшение жилищ, устройство бань, школ, народных домов, вежливое обращение, наем рабочих не мастерами, а заведывающими и пр. Начиная с 18 декабря, выборные от нефтепромышленников начали вести переговоры с представителями рабочих; переговоры происходили в Балаханах и только 27 декабря были закончены. Достигнутое соглашение было отпечатано и, очевидно, получило значительное распространение среди рабочих не одних только промысловых районов, 28 и 29 декабря пассивная забастовка рабочих наиболее крупных механических заводов в г. Баку переходит в активную и рабочие предъявляют свои требования; эти требования— печатное объявление, изданное нефтепромышленниками, из коего сами рабочие вычеркнули то, что по их мнению не применимо для заводского района. При происшедших переговорах рабочие заявили [мне] старшему фабричному инспектору, что он должен сделать распоряжение о том, чтобы это объявление было выставлено на заводах, так как оно касается всех вообще рабочих г. Баку и его окрестностей, а не одних только промысловых. В то же время рабочие требовали полной уплаты им заработка за время с 13 декабря по день возобновления работы, мотивируя это тем, что они не работали не по своей вине, а по приказанию и под влиянием угроз других рабочих. После изложенного совершенно ясно, почему забастовка в г. Баку носила пассивный характер. Несомненно, что организация забастовки распределила роли: промысловые рабочие требовали, вели переговоры, а заводские своим бездействием усиливали, с одной стороны, тревожное настроение, оказывая тем известное давление на уступчивость промышленников, а с другой, разыгрывали жертв насилия и настаивали на уплате им заработка за якобы вынужденное бездействие, чего во многих случаях и достигли. Владельцы механических заводов ответили рабочим, что они не могут дать им то, что дали нефтепромышленники, но согласны обсудить их

требования совместно с фабричным инспектором. 30 декабря было объявлено рабочими согласие дать некоторые уступки при условии возобновления работ с 3 января 1905 г. Рабочие в назначенный день на работу не вышли, почему 6 января губернатор пригласил к себе владельцев всех механических заводов и механических ремонтных мастерских и просил их обсудить положение. Во время заседания выяснилось, что рабочие теперь настаивают только на введении 9-часового дня. После долгих переговоров почти все заводчики (за исключением одного) отказались удовлетворить это требование. 8 января губернатор, на основании циркуляра МВД от 1857 года приказал вывесить на заводах объявление, которым назначал 11 января последним сроком возобновления работ, угрожая высылкой за ослушание его распоряжению. До истечения срока часть заводчиков выразила согласие на 9-часовой день и работы на их заводах возобновились. 11, 12, 13 и 14 января в г. Баку была чрезвычайно холодная погода, снегом завалило все открытые места на заводах, почему губернатор приказал полиции не применять к рабочим крутых мер до улучшения погоды. С 17 января работали уже все заводы, кроме одного на условии 9-часовой работы. На этом одном заводе рабочие были уволены и спустя несколько дней наняты другие на условие 10 часов работы.

26 января утром бросили работу рабочие всех типографий г. Баку и тогда же разошлись по домам, не сделав никаких заявлений о своих желаниях. 28 января владельцы типографий получили по городской почте особые прокламации, в которых в более сдержанной форме повторялось то же, что и в вышеуказанных прокламациях. [Мой]. Попытки фабричного инспектора [повидаться] поговорить с рабочими не имели успеха потому, что ни в одной из типографий не находилось рабочих, а владельцы мне говорили, что каждый день кто-либо из рабочих приходил в типографию и справлялся, не выставлено ли объявление о том, что их требования удовлетворены. В виду большой конкуренции между отдельными типографиями, владельцы таковых не могли сами собраться потолковать, а между тем рабочие требовали удовлетворения единовременно по всем типографиям. В виду изложенного, старшим фабричным инспектором были приняты меры к собранию владельцев, которое и состоялось, при чем большинство [стояло] высказалось за уступки рабочим. Размер этих уступок окончательно определился только 4 февраля, о чем было выставлено объявление, которое, однако, не удовлетворило рабочих, почему владельцы пошли на новые уступки и, наконец, 10 февраля типографии начали работы. Одна из типографий возобновила работы без всяких уступок. Вышеуказанных уступок владельцы типографий дали необдуманно слишком много, о чем [скажет] сказано ниже.

1 марта к старшему инспектору поступило прошение рабочих мукомольных и рисоочистительных мельниц, в котором они просили прислать объявление обязательное для владельцев об улучшении положения рабочих. При личных переговорах владельцы мельниц заявили, что так как непосредственных требований со стороны рабочих не было, то они считают преждевременным делать какие-либо изменения существующего порядка производства работ и условий найма своих рабочих. Пока на этом дело и остановилось. В прочих промышленных заведениях до 29 марта [дня моего выезда в Петербург] активных забастовок не было.

Положение в Баку [я] следует считать не спокойным и нужно ожидать возобновления забастовки; причины к тому [по моему мнению]

следующие. Для достижения скорейшего умиротворения рабочих на нефтяных промыслах, выборные от нефтепромышленников (каковыми были исключительно представители самых крупных фирм Нобель, Каспийско-Черноморское о-во и др.) после бывших нескольких случаев пожаров на промыслах от поджогов шли на самые значительные уступки рабочим, благодаря чему явилось несколько объявлений, которыми рабочие приглашались возобновить работы, при чем каждое последующее объявление увеличивало размер уступок. Затем, в виду того, что вышеуказанные крупные фирмы, кроме промыслов, имеют большие нефтеперегонные заводы в районах Черного и Белого городов, в объявление об уступках было включено, что эти уступки распространяются и на нефтеперегонные заводы. Таким путем указанные фирмы хотели гарантировать себе спокойствие и на промыслах и на заводах. Далее, зная хорошо, что в Черном и Белом городах есть очень много нефтеперегонных заводов среднего и малого размеров, для которых затруднительно выполнение обещанных уступок, уполномоченными от нефтепромышленников было предпринято следующее: объявления были составлены не отдельные для каждого промышленного заведения, а одно общее, в котором было помещено следующее выражение: «наша фирма находит возможным и т. д.». Объявления эти не рассылались, а представитель фирмы мог сам брать их в Совете съезда нефтепромышленников, подписывать, выставлять наименование фирмы и вывешивать для сведения рабочих. На [мою] просьбу старшего фабричного инспектора сообщить [мне] список тех заведений, на которые распространяется объявление [я получил] последовал ответ, что такого списка нет. При таких условиях неудивительно, что на большинстве нефтеперегонных заводов в Черном и Белом городах все осталось по-старому и уступок рабочие не получили. Сравнивая свое положение с положением рабочих заводов, напр., Нобеля, где уже введены все уступки и, зная, что уступки были обещаны вообще всем рабочим нефтяной промышленности, рабочие средних и мелких заводов имеют основание считать себя обманутыми. Почти то же повторилось и с рабочими типографий; обещанные им значительные уступки пока почти полностью остались только на бумаге. При посещениях заведений [я] фабричный инспектор обращал серьезное внимание владельцев на опасность такой игры с рабочими; некоторые из владельцев соглашались [со мной], что положение действительно неловкое, а другие уклонялись от объяснений, будучи, очевидно, довольны, что так дешево отделались от забастовки. При наличности вышеизложенного [для меня] представляется непонятным, почему промышленники, приглашенные в совещание 12 марта сего года, устроенное губернатором по предложению господина министра финансов, постановили резолюцию, что они воздерживаются от обсуждения по существу циркуляра мер потому, что они, промышленники, удовлетворили все экономические требования рабочих, но что у последних есть другие требования общего характера, удовлетворение коих не во власти промышленников. [Такой резолюции по вышеизложенному я не разделяю и предполагаю по возвращении в Баку испросить разрешение губернатора на устройство совещаний отдельно с владельцами нефтеперегонных заводов и типографий для выяснения вопроса о том, как они предполагают поступить с обещаниями уступок, данными рабочим].

[По (моему глубокому убеждению) мнению старшего фабричного инспектора для умиротворения рабочих, кроме фактического, а не бумажного удовлетворения их экономических требований, безусловно не-

обходимо предоставить им законом право свободно, без малейшего участия промышленников, выбирать своих представителей и свободно, открыто собираться для обсуждения своих нужд.]

Необычайная организация последних забастовок доказывает, что, несмотря на строгие запрещения, рабочие все-таки где-то собираются, обсуждают свои нужды, выбирают своих представителей, но все это под покровом тайны политического характера, которая взвинчивает и их самих и администрацию и общество. На тревожное настроение сильное влияние продолжают оказывать события 6—9 февраля (резня между персами и армянами).

Закон о старостах в Бакинской губ. успеха не имел. Ввели старост только Нобель, Каспийское Черноморское о-во и Шибаев, но не по убеждению, а чтобы доставить удовольствие администрации. Прочие заводчики [пользуются правом предоставленной им инициативы ходатайства о разрешении избрания старост и] считают учреждение старост баловством для рабочих. Рабочие относятся вообще несочувственно к институту старост, будучи недовольны тем, что они избирают не старост, а только кандидатов и вообще вмешательством в это дело администрации.

Общее состояние промышленности в Бакинской губернии пока более или менее нормальное.

5 апреля 1905 г. (Подпись).

Не считано: Гнедича. 76 л.

[Доклад окружного фабричного инспектора Харьковского округа о происходивших в 1905 г. забастовках в губерниях Харьковского округа].

Доклад старшего фабричного инспектора Бакинской губернии считаю необходимым дополнить сведениями о ходе забастовок в тех районах Кавказского края, в которых распространено на промышленные заведения действие правил, изложенных в ст.ст. 48—60 и 128—155 Уст. Пр.

В Тифлисе началась забастовка 18 января и к концу недели забастовка охватила все сколько-нибудь крупные заведения, именно 48 заведений, с числом рабочих 4.293. При забастовке рабочими не были предъявляемы какие-либо требования и лишь спустя несколько дней были предъявлены требования почти одинаковые с требованиями предъявленными бакинскими рабочими. Опрошенные рабочие заявили, что требования предъявляются по распоряжению комитета (армянский социал-демократический комитет) и что в начале забастовки не были предъявлены ими требования по той причине, что не было никакого распоряжения со стороны комитета. Повторилось то же, что и при забастовках в Баку, в Тифлисе и в Батуме, имевших место в июле 1903 г., с характером которых я имел возможность познакомиться на месте во время самих забастовок. И тогда рабочие прекращали работу без предъявления каких-либо требований, а таковые предъявлялись по истечении некоторого времени и притом в общей для всех заводов форме. На вопрос инспектора—отчего не предъявлялось никаких требований при начале забастовки, рабочие в некоторых случаях отвечали: «тогда приказано было бастовать—мы и забастовали, а теперь приказано требовать—мы и требуем». На вопрос, кто же приказал, были ответы—«правительство». Какое правительство?—«Новое правительство.»

С 24 января работы начали постепенно возобновляться на всех тифлисских фабриках и заводах, а 7 февраля все промышленные заведения, кроме обмундировальной мастерской Адеиханова (не подчинена надзору инспекции) начали работать обыкновенным ходом, при чем сколько-нибудь серьезных уступок рабочим не было сделано. Промышленная жизнь гор. Батума протекала тем же порядком, какой здесь в последнее время как бы вошел в норму. В Батуме всего 5 крупных промышленных заведений (жестяно-ящичные заводы) с числом рабочих около 3 тыс. и значительное число портовых рабочих, часть которых занята работою по нагрузке изготовляемого названными заводами товара. Если проследить промышленную жизнь этого города за последние три года, то не встретится сколько-нибудь продолжительного периода времени мирного течения жизни названных заводов. То бастуют портовые рабочие, что приостанавливает правильный ход работ жестяно-ящичных заводов, рабочие которых требуют уплаты за время простоя, то обратно—бастуют рабочие жестяно-ящичных заводов, что приостанавливает работу портовых рабочих, требующих в свою очередь уплаты за время простоя. Забастовал один из заводов, добился некоторых уступок, начинают бастовать один за другим с целью добытия таких же уступок. В бытность в прошлом году в Батуме пришлось познакомиться с новым видом способа достижения тех или других уступок—это особого рода бойкота, ранее здесь не практиковавшегося: известная часть рабочих с соблюдением очереди и п. ст. 105 *Уст. Пром.* не выходит на работу. Этого рода бойкот, в момент моего поступления, имел место на одной из табачных фабрик, владелец которой заявил мне, что он после разговора с рабочими пришел к заключению о необходимости уступок для прекращения этой крайне убыточной для него явки рабочих на работу. Если ко всему этому прибавить нередкие убийства членов администрации заводов, грабежи в самом городе каслугов при перевозке денежных сумм в кассы заводов, то явится картина обычного течения промышленной жизни Батума. В текущем году эта обычная норма приняла еще более тревожный характер, благодаря имевшей здесь место в конце января (27—31) и в начале марта общей забастовке трудящегося класса, включительно до домашней прислуги из туземцев, при чем в эти дни были закрыты магазины, лавки, пекарни и вообще все торговые заведения [прекращено, приостановлено движение]. Нельзя не отметить, что в Батуме, сверх постоянно повторяющихся забастовок, установлена обязательная забастовка на 9 марта, в годовщину батумских беспорядков в 1902 г.

В заключение считаю необходимым отметить также забастовку лесопильного завода Максимова (с 11 по 21 февраля) в Сухумском округе и забастовку 120 раб. цементного завода О-ва Черноморского цементного производства в г. Новороссийске. В район Харьковского фабричного округа, кроме губерний Кавказского края, входят губернии Воронежская, Екатеринославская, Калужская, Курская, Орловская, Пензенская, Тамбовская, Тульская, Харьковская и Донская область.

Относительно положения дела в губерниях Екатеринославской, Орловской и Харьковской [сделаны] представлены доклады старшими инспекторами названных губерний [в заключение настоящего доклада мною будет несколько дополнен доклад старшего фабричного инспектора Харьковской губ.]. Лишь в двух губерниях из остальных семи забастовка охватила более или менее значительное число промышленных заведений, именно в Тульской губернии и в Донской области.

В Туле произошла 8 января забастовка в механическом отделении сталелитейного завода «Тульские мастерские», при чем забастовка продолжалась всего 2½ дня. 22 января забастовали рабочие патронного завода (4.245 раб.), после сделанных администрацией завода уступок, 25 января возобновились работы. 25—28 января последовал целый ряд забастовок на самоварных и скобяных фабриках. Забастовки названных заведений протекали мирно и в большинстве случаев были непродолжительны. В середине февраля на всех заводах работы шли обычным порядком.

Донская область. 1 февраля произошла забастовка на Харцысском механическом заводе. После не приведших ни к каким результатам переговоров, рабочим был объявлен расчет и 6 февраля небольшая часть рабочих получила расчет, большая же часть приступила к работам.

В г. Ростове с 14 по 18 февраля забастовали рабочие семи механических заводов с числом рабочих около 2 тыс., писчебумажной фабрики Панченко (раб. 450 чел.), двух мыловаренных заводов (165 раб.), один лесопильный завод (50 раб.) и большинство типографий (400 раб.). На всех названных заводах, после очень непродолжительных переговоров с рабочими, были вывешены объявления о закрытии заводов в том случае, если рабочие не приступят к работам в назначенный г.г. владельцами срок. В громадном большинстве случаев не приходилось даже приступать к расчету рабочих, так как получалось от них заявление о готовности приступить к работам и действительно к 23 февраля, без сколько-нибудь серьезных уступок, возобновились работы на всех заводах, кроме механических мастерских Волго-Донского о-ва. Вообще в г. Ростове забастовки прошли очень вяло, а рабочие г. Таганрога, против обыкновения, вовсе не примкнули к ростовским забастовкам.

Охватившее почти всю Россию рабочее движение коснулось и остальных пяти малопромышленных губерний Харьковского округа, хотя в этих губерниях забастовки далеко не имели массового характера. В Воронеже 5 февраля забастовали рабочие трех механических заводов с числом рабочих 770 чел., при чем 7 февраля работы на этих заводах возобновились. В Калужской губ. одна забастовка на цементном заводе Акционерного мальцевского о-ва, рабочих 610 чел.; забастовка продолжалась с 15 по 21 февраля. В Курске забастовка имела место в 2-х небольших типографиях, в нескольких ремесленных заведениях и хлебопекарнях. В Пензе в январе бастовали три завода (750 раб.) и в феврале одно заведение (180 раб.). Тамбовская губ. 17 февраля забастовали два механических завода, при чем забастовщики одного из заводов были немедленно под конвоем полиции отправлены в участок. 19 января в течение нескольких часов (трех) не работала суконная фабрика бр. Асеевых в с. Расскизово. 2—4 марта забастовали ткачи суконной фабрики бр. Асеевых в с. Расскизово. 5 марта снова забастовали 700 человек ткачей суконной фабрики бр. Асеевых, работа возобновилась 16 марта.

Считаю уместным упомянуть здесь о происходившем в Дмитриевском уезде Курской губ. движении крестьянского населения, при чем произведены погромы многих экономий и между прочим сожжен Гламызинский винокуренный завод и, как передавали мне, в Гламызинской экономии уничтожен весь живой рабочий инвентарь (перерезаны волы), в чем сказалась ясно тенденция принудить [землевладельцев] владельца названной экономии сдать в ближайшем будущем крестьянам в аренду часть принадлежащей названной экономии земли. В настоящую поездку

в Петербург на ст. Курск я имел случай говорить с представителями сахарной промышленности Курской губ., которые были вызваны на происходившее в этот день совещание под председательством губернатора; названные представители, между прочим, заявили, что есть основания предполагать возможность возникновения забастовок рабочих сельскохозяйственных экономий.

Почти во всех губерниях округа рабочими во время забастовок предъявлялись требования по одному шаблону, с незначительными вариациями касательно нужд местного характера. Требования эти были [повторялись] перечислены здесь неоднократно и я считаю излишним повторять их. Считаю уместным отметить, что объем сделанных владельцами уступок рабочим мало влиял на продолжительность забастовок. Если на Бежецком заводе забастовка продолжалась [почти] более месяца, то обстоятельство этого нельзя объяснить тем обстоятельством, что работы на этом заводе возобновились без всяких со стороны [рабочих уст.] администрации завода уступок рабочим, потому что, с другой стороны, например, в Тифлисской губернии и в Донской области, несмотря на самые незначительные уступки рабочим, продолжительность забастовок гораздо меньшая, чем в соседних с ними губерниях Бакинской и в Харьковской, в которых рабочим сделаны значительные уступки.

Что касается вопроса о возможности возникновения забастовки в мае месяце, то, само собою разумеется, возможность майского движения среди рабочих в текущем году еще более вероятна, чем это было в предшествовавшие годы. Сделанные в некоторых случаях уступки рабочим не могут успокоить передовую часть рабочего класса, а следовательно не могут удержать волну движения, охватившую рабочий класс. Этой волны задержать нельзя, но что можно и нужно сделать— это придать рабочему движению культурные формы, что несомненно находится в связи с предположенными законодательными мерами, касающимися быта фабрично-заводских рабочих, в числе которых на видном месте должны быть поставлены свобода стачек и различного рода рабочих организаций (союзы и пр.).

ПОДОЛЬСКАЯ ГУБЕРНИЯ 81 л.

Из 29.704 рабочих, занятых на заведениях, подчиненных надзору фабричной инспекции, подавляющее большинство (24.497) принадлежит заводам сахарным, работа коих продолжается от 1½ до 2½ месяцев в году (в промежуток времени от половины—конца сентября до начала—середины декабря); и, хотя при некоторых заводах имеются рафинадные отделения, но и это обстоятельство почти не удлиняет рабочей кампании, так как всюду, кроме одного завода—Гнаваньского, перерабатывается только песок собственного производства, почему работа рафинадных отделений оканчивается почти одновременно с работою песочных заводов. По этой причине рабочее движение, имевшее место в течение января—марта месяцев, когда на сахарных заводах производятся только переварка продуктов и ремонт, не могло затронуть Подольск. губ. Действительно, здесь за указанное время произошла одна только забастовка на механическом заводе Келлера в г. Могилеве, которая не заслуживала бы и упоминания, ибо в ней участвовало всего лишь 19 человек. Рабочие требовали возвышения платы (сдельные—частичного, за некоторые сорта, получающие окладное жалованье—общего), а также—уменьшения продолжительности работы до 10 часов. Изучение дела

показало, что недовольство рабочих заработком было вполне основательно, почему, думать надо, влияние событий в крупных промышленных центрах сказалось в данном случае, может быть, лишь в выборе момента для предъявления рабочими требований и в том, что вместе с упомянутым требованием была выявлена просьба о сокращении рабочего дня, в то время, как на всех других механических заводах губернии, между прочим и гораздо более крупных, чем завод Келлера, продолжительность работы такая же, как и на последнем.

В ближайшем будущем не имеется оснований ожидать нарушения правильного течения жизни промышленных заведений, так как сахарные заводы не будут работать до осени, винокуренные (85 зав. с 1.339 человеками рабочих) уже оканчивают отчасти работу и все прекратят ее к 1—15 мая, в действии же останутся мельницы (68 с 1.165 чел. рабочих) и остальные заведения (76 с числом рабочих в 2.703 ч.)—механические и кирпичные заводы, суконные и табачные фабрики и пр. Затем, приняв во внимание, что для крестьянского населения Подольской губ., из коего почти исключительно и состоит контингент фабрично-заводских рабочих, заработок в промышленных заведениях представляет лишь весьма незначительную долю общего его бюджета, можно [кажется было-бы выразить уверенность в] было бы надеяться на сохранение спокойствия фабрично-заводских рабочих в более отдаленном будущем. Впрочем в этом отношении внушает некоторое опасение начавшаяся в губернии забастовка сельскохозяйственных рабочих, поставивших себе целью добиться таким путем возвышения заработной платы. Забастовка эта к 28 марта охватила пока только 5 волостей в Проскуровском и Ушицком уездах; но едва ли можно сомневаться, что она распространится гораздо шире, и что, в виду полного отсутствия мер для подавления подобного движения, оно должно кончиться неизбежно уступками в пользу рабочих со стороны землевладельцев. Если это будет так, то весьма возможно, что пример сельскохозяйственных рабочих увлечет и рабочих заводских тем более, что труд тех и других оценивается весьма низко даже для этого густо населенного края (сельскохозяйственные рабочие получают не более 30—35 коп. на своих харчах, а лучший заработок рабочего—не специалиста, например, на винокуренных заводах и мельницах в большинстве случаев достигает едва лишь 6 руб. в месяц при своих же харчах).

Сколько-нибудь заметных колебаний в размерах производства промышленных заведений Подольской губ. в последнее время не наблюдалось, если не считать винокуренных заводов, которые по причине бывшего в 1904 году плохого урожая картофеля окончат ныне работу ранее обыкновенного, и суконных фабрик мест. Дунаевец, сокративших производство, а отчасти и вовсе закрывшихся вследствие угнетенного состояния денежного рынка. Дела этих фабрик (27, с числом рабочих около 800 чел.) вообще отличаются неустойчивостью, владельцы их всегда нуждались в кредите на оборотные средства; поэтому надо думать, что уменьшение производства будет расти и впредь. В настоящее время это уменьшение выразилось в том, что 4 фабрики временно приостановили работы, а остальные почти все работают, вместо шести, четыре дня в неделю.

Старший фабричный инспектор (подпись).

5 апреля 1905 г.

Происшедшие в Киевской губернии, и, главным образом, в г. Киеве забастовки в январе и феврале месяцах явились под влиянием событий в С.-Петербурге и результатом общего напряженного настроения.

Начались они на механическом заводе Южно-Русского о-ва в составе 700 рабочих, под влиянием агитации постороннего лица, [заявившего даже, что он действует] от имени соц.-революционной партии. Требования были предъявлены, главным образом, политического характера, общие с требованиями петербургских рабочих.

Непосредственно вслед за этим заводом забастовал также и механический завод Гретера и Криванек, где вначале даже не было высказано никаких требований; требования были представлены фабричному инспектору только на следующий день.

На Южно-Русском заводе часть рабочих уже приступила к работам на следующий день, а все остальные рабочие через 3 дня, при чем никаких уступок рабочим сделано не было.

На заводе Гретера и Криванек если забастовка и продолжалась дольше, а именно 5½ дней, то, главным образом, благодаря упорству директора правления,—Гретера,—[с которым] он не желал вступать с рабочими в какие бы то ни было переговоры, а между тем на этом заводе, единственном в Киеве, продолжительность рабочего дня была в 11 часов, почему рабочие имели полное основание добиваться сокращения рабочего времени.

В этот период времени забастовки происходили еще на двух механических заводах, но никаких требований рабочими предъявлено не было, так что самое возникновение этих забастовок можно объяснить опасением рабочих подвергнуться насилию со стороны других забастовщиков.

Кроме того бастовали тоже рабочие нескольких булочных и рабочие одной из них, подчиненной надзору фабричной инспекции, предъявили требования от всех булочников г. Киева, которые сводились к следующему: устройство кассы взаимопомощи, устройство приюта для безработных, учреждение фактического надзора за нормировкою рабочего времени и взаимными отношениями между рабочими и владельцами булочных.

Учреждение клуба, в котором можно было бы совещаться об общих нуждах и, главным образом, который представлял бы собою бюро для приискания работы.

Все эти забастовки окончились к 19 января и затем начались вновь 12 февраля, после того, как произошла большая забастовка служащих в управлении Юго-Западных железных дорог и рабочим мастерских этих дорог было объявлено о сокращении рабочего времени до 9 часов в сутки и о некоторых других улучшениях их положения. Непосредственно после этого рабочие Южно-Русского завода начали самовольно прекращать работу на 1 час раньше, установив себе таким образом 9-часовой день, а в субботу 7-часовой, без обеденного перерыва. Такое положение продолжалось более недели, а затем 21 февраля рабочие совершенно прекратили работы и через депутатов предъявили заводоуправлению ряд требований, в общем мало отличающихся от повсеместных требований рабочих, так как они были составлены из циркулировавших в городе прокламаций. Как на несколько особенные требования можно указать на следующие:

Часовую плату заменить поденною. Всякие остановки в работе по вине администрации должны быть оплачиваемы.

Устройство пенсионной кассы [с выдачею из нее авансов].

Учреждение постоянной комиссии, с участием рабочих, для разбора возникающих на почве договора недоразумений.

Установление минимальной платы для чернорабочих в 80 коп. и для учеников в 30 коп.

Хотя некоторые из требований рабочих были удовлетворены, но рабочие к работам не приступили, а наоборот через несколько дней предъявили требования более возвышенные, что побудило заводоуправление рассчитать всех рабочих, после чего был произведен новый наем и 15 марта завод работал полностью.

Одновременно с этою забастовкою было также несколько забастовок в мелких заведениях, главным образом в типографиях. Рабочими [последних] типографий между другими требованиями общего характера были заявлены также [требования] следующие:

О предоставлении ежегодных месячных отпусков.

Об организации особых комиссий, с участием в них рабочих для осмотра типографий.

В случаях заявления предупреждения об увольнении предоставлять ежедневно 2 часа свободного времени для приискания работы.

Об устройстве разных просветительных учреждений, как-то: школы, библиотеки, воскресной школы, курсов, а также столовой и бюро труда.

После погрома Михайловского рафинадного завода в Черниговской губернии, рабочие Киевского рафинадного завода прекратили работы, потребовав увеличения заработной платы, последняя действительно должна быть признана недостаточною; так напр.: в зимние месяцы женщины получают на своих харчах по 23—25 коп. в день, а большинство мужчин от 28 до 36 коп. С 1 марта по 1 мая плата эта увеличивается на 15—20%.

Кроме г. Киева была только одна забастовка в уездах, а именно в Бердичеве на кожевенном заводе Бурко, где рабочие требовали такого же сокращения рабочего времени до 9 час. в день, как это было сделано на другом заводе по почину самого владельца.

Всех заведений в Киевской губернии, на которых были забастовки— 20, с числом рабочих около 3.300. Наибольшею продолжительностью (около 2 недель) отличалась забастовка Южно-Русского завода. Так как в большинстве случаев забастовки являлись результатом общего настроения, то особым сочувствием всей массы рабочих они не пользовались, почему поддерживались без особой настойчивости и рабочие приступали к работам большей частью не добившись существенных уступок. Из последних можно отметить установление 10-часового рабочего дня на заводе Гретера и Криванек, вместо прежнего 11-часового, и прибавка к поденной плате всем рабочим сахарорафинадного завода по 10 коп.

Забастовки в г. Киеве не достигли в настоящее время того распространения, как в 1903 году, вероятно, потому, что у рабочих были еще живы воспоминания о положенных тогда жертвах, [Вместе с тем после тех] а также вследствие того, что после прежних забастовок, в некоторых случаях, как например в больших типографиях, рабочие получили некоторые улучшения своего положения. В значительной степени удерживал от забастовок промышленный кризис, наблюдающийся в некоторых отраслях промышленности, в особенности это можно сказать

о табачном производстве. Обусловливается это тем, что изделия табачных фабрик г. Киева находили себе сбыт на Дальнем Востоке через Одесский порт.

Все забастовки проходили мирно. Хотя для охраны заведений, где [были] происходили забастовки были выставляемы наряды полиции и войска, но ни одного случая столкновения с ними не произошло. В последнее время было несколько случаев насилия над мастерами и вывоза их на тачке. В некоторых случаях насилия эти были вызваны несправедливым отношением к рабочим самих пострадавших.

Что касается возобновления стачек в ближайшем будущем, то в виду [того] напряженного состояния, в котором находятся теперь [все общество] рабочие, весьма возможно ожидать забастовок и, главным образом, на механических заводах, а в особенности на заводе Гретера и Криванек; во-первых потому, что этот завод обеспечен заказами, что, конечно, известно хорошо и рабочим и во-вторых потому, что на этом заводе, при сокращении рабочего времени на 1 час, после забастовки в январе, не была, соответственно сокращению времени, увеличена часовая заработная плата, [почему] вследствие чего заработок, в особенности неработающих сдельно, понизился на 9%. Кроме того, на этом заводе, при отсутствии расценок на сдельные работы, заработная плата как назначается, так и распределяется по произволу мастеров и нередко весьма несправедливо. Все старания фабричной инспекции упорядочить этот вопрос бессильны перед упорством директора правления Я. Я. Гретера, состоящего, между прочим, членом присутствия по фабричным делам.

Забастовки на механических заводах тем возможнее, что рабочие этих заводов обеспечены летом работою при ремонте сахарных заводов.

В других местностях Киевской губернии, если и можно ожидать каких-либо осложнений, то главным образом на почве аграрных беспорядков, которых ожидают даже с начала весны.

[Старший фабричный инспектор (подпись)].

М. Ф. Старший фабричный инспектор Херсонской г.

5 апреля 1905 года.

В Отдел Промышленности.

ХЕРСОНСКАЯ ГУБЕРНИЯ. 88 л.

Промышленные заведения г. Одессы, особенно лишившиеся рынков Сибири и Дальнего Востока, находятся с 1904 года в очень угнетенном состоянии; многие из них сократили производство путем сокращения рабочего времени или уменьшения числа рабочих, а некоторые и совсем приостановились. В несколько лучшем, хотя все же в тяжелом состоянии, находятся фабрики Херсонской губернии, не работавшие на сибирские рынки. В Николаеве большие механические заводы получили значительные заказы от морского и военного ведомства, расширили свое производство и увеличили число рабочих.

При нормальном ходе промышленных заведений Одессы, Николаева и Херсонской губернии положение фабрично-заводских рабочих нельзя не признать достаточно удовлетворительным—рабочий день не продолжителен (обыкновенно 10 час.), заработная плата достаточно высока (в Николаеве 400, в Одессе 290 и в губернии 212 рублей в среднем), отношения администраций фабрик к рабочим, условия работы,

обстановка их и пр. достаточно, в общем, удовлетворительны. На чисто договорной почве не было особых оснований опасаться возникновения массовых неудовольствий и волнений. Печальный исход для многих рабочих забастовок 1903 г., вызванных забастовскими организациями, угрожающая фабричным рабочим безработица, опасение еврейских фабрикантов и населения, что рабочее движение может повести к еврейскому погрому,—до настоящего времени удерживают и беспокойных рабочих от устройства стачек на одесских фабриках. По этим же причинам на одесских фабричных рабочих не подействовало ни брожение рабочих одесских железнодорожных мастерских и служащих Юго-Западных железных дорог, ни забастовки учебных заведений в Одессе и пр.

В Николаеве на Судостроительном и Черноморском механическом заводах причинами забастовки были: удавшаяся стачка харьковских заводов, значительные уступки, сделанные железнодорожным мастерским, и стремление молодых рабочих принять участие в происходящем в России движении. [На этих заводах рабочий день составляет 10 часов, по субботам иканунам праздников—8 часов; средний заработок, не исключая учеников и чернорабочих—420 рублей (в 1903—410 р.) санитарные условия, обстановка работы, отношение администрации достаточно удовлетворительны, имеются больница, столовая, касса, школьное обучение детей за счет завода и пр.].

В субботу 12 февраля рабочие Судостроительного завода самовольно кончили работу на 2 часа ранее установленного времени; в понедельник 14 на работу вышли 1.200 из 2.800 рабочих, а во вторник 15 февраля, ко времени приезда на завод директора завода и [моего] старшего фабричного инспектора, собрались 2.400 рабочих и через своих уполномоченных предъявили требования, подобные требованиям петербургских и других рабочих, а именно о восьмичасовом дне, о повышении платы, об установлении минимальной платы в 1 руб. для чернорабочих, об уплате за дни забастовки, отмене сверхурочных работ, уплате за временную неспособность к труду полного заработка, об отмене обысков и штрафов, об устройстве школ, об удалении фабричной полиции и об устранении разных мелких неправильностей, неизбежно случающихся в фабричной жизни (вежливое обращение, своевременная запись цены на сдельную работу и пр.). Вместе с требованиями экономического значения были заявлены требования о свободе совести, слова, печати, союзов, собраний, сходок. Директор завода отказал рабочим в немедленном удовлетворении их требований, кроме устранения могущих оказаться со стороны завода неправильностей, и рабочие были склонены им и [мною] фабричным инспектором вести переговоры об изменении условий найма через своих уполномоченных, не прерывая работы и в случае недостигнутого соглашения взять через две недели расчет. Через 10—12 дней, когда выяснилось, что не может быть введено желательное сокращение рабочего дня, повышение платы и вознаграждение полным заработком за временную неспособность, рабочие потребовали увольнения, и расчет был им выдан. По окончании расчета начался обратный прием рабочих на завод на прежних условиях, и число желающих поступить постепенно увеличивалось, а 17 марта работы были возобновлены всем составом рабочих. По возобновлении работ рабочий день был установлен зимою 10 часов, а летом 9 часов, уменьшено число праздников до установленного законом числа (ранее было до 80 праздничных дней в году), подравнен заработок, даны прибавки в плате чернорабочим (80 к., 90 к. и 1 руб.

Одновременно с судостроительным заводом была попытка к устройству стачки на механическом заводе Уманского с 137 рабочими, причем требования были такие же с прибавлением прекращения бесплатного ученичества [по разъяснении мною]. После данного старшим фабричным инспектором уполномоченным рабочим разъяснения относительно стесненного положения завода и невозможности для него сделать желательные им уступки, работы были возобновлены через день.

На Черноморском механическом заводе, с 13.000 рабочих, до волнений на Судостроительном заводе, рабочие просили администрацию о введении 9-часового дня, повышении платы и прочее, что и на других заводах, и согласились ждать приезда отсутствовавшего директора завода. Приехавший 15—16 февраля директор Ю. М. Горяинов сделал рабочим недостаточно продуманные и иногда очень нелепо выраженные уступки относительно повышения платы и расценков, удалил фабричных городовых из мастерских и пр., что значительно осложнило дело на соседнем Судостроительном заводе. Неисполнение некоторых из обещанных уступок и нелепость изложения других запутало дело на Черноморском заводе до невозможности уладить его при данных договорных условиях и повело к прекращению работы и увольнению всех рабочих. Работы были возобновлены 16 марта на условиях, подобных условиям Судостроительного завода.

Стачки николаевских заводов производили впечатление навязанных большинству рабочих небольшим, но сплоченным и организованным, до известной степени, меньшинством молодых рабочих, увлеченных идеей происходящего ныне в России общественного движения.

В Елизаветграде отразились на местных типографиях требования петербургских типографских рабочих, и четыре типографии Гольденберга (35 рабочих), Шполянского (12 раб.), Болтянского (16 раб.) и Баклистского (22 раб.) потребовали восьмичасового дня, вместо десятичасового, повышения платы на 30%, отмены сверхурочных работ и пр. Переговоры с рабочими владельцев при содействии фабричного инспектора привели к соглашению о введении 9-часового рабочего дня и к выравнению заработной платы. Во время продолжавшегося недоразумения половина рабочих продолжала работать.

Рабочие страстно стремятся к организациям и возлагают на них чрезвычайные надежды по улучшению своего положения. Кассы и общества взаимопомощи их уже не удовлетворяют, особенно такие, в управлении которыми принимает большее или меньшее участие заводская администрация; в 1903 г. при забастовке на Николаевском судостроительном заводе рабочие требовали закрытия подобной кассы, хотя в ведении ее не было никаких неправильностей. Успешнее и на более широких основаниях идут кассы, управляемые самими рабочими, как например на Одесском кожевенном заводе Южно-Русского товарищества, где правление кассы из рабочих устраивает для усиления средств спектакли, танцовальные вечера, лекции для образования своих членов, принимает меры к предоставлению членам возможности приобретать на льготных условиях разные товары и пр. В Херсонской губ. имеется 7—8 заводов с кассами взаимопомощи, имеющими надлежаще утвержденные уставы, и 3—4 кассы при заводах действующих пока без уставов.

Организованные в 1902—1903 году в Одессе Шоевичем независимые союзы рабочих были закрыты администрацией после бывших в июле 1903 года беспорядков. Весною 1903 года на подобных же основаниях, но с надлежаще утвержденным уставом, открыто потре-

бительное общество «Объединение», в состав членов которого вошли почти исключительно бывшие независимцы. Это общество пока ничем не проявило себя и, повидимому, пользуется малым сочувствием рабочих.

Закон о старостах встречен недоверчиво и фабрикантами и рабочими. Учреждены старосты были лишь на одном Одесском пробочном заводе Артем (900 раб.); ныне учреждаются и на Николаевском судостроительном заводе. Неофициальные старосты или «депутаты» имеются на многих заводах, а во время стачек 1903 г. каждый завод выбирал депутатов для переговоров с хозяевами и фабричной инспекцией. В текущем году в депутаты рабочих были избраны почти исключительно молодые люди; из них многие, как выяснилось из моих продолжительных разговоров с ними, довольно основательно знакомы с литературой по рабочему вопросу.

Настроение фабричных рабочих вообще нервное, тревожное. Ремесленные рабочие возбуждены и крайне недовольны своим бесправным положением. Портовые рабочие в Одессе озлоблены постоянной голодовкой и произволом артельных старост и пароходовладельцев. Сельские рабочие и крестьяне, особенно в северных и восточных частях губернии, где преобладает помещичье землевладение, относятся враждебно к представителям власти и к землевладельцам. Наступающая весна когда несколько оживится деятельность Одесского порта и местных фабрик, вызывает опасения за возможность возникновения среди рабочих разных категорий волнений как экономических, так и политических.

Старший фабричный инспектор [Херсонской губернии] П. Попов.

КИЕВСКИЙ ОКРУГ

Возникновение рабочего движения в губерниях Киевского округа явились непосредственным следствием общего настроения и в частности петербургских событий. Движение получило массовый характер, охватывая все фабрики одного и того же производства, особенно в тех губерниях, где уже существуют хотя и нелегальные, но довольно сплоченные организации среди рабочих, какова, напр., организация известного еврейского «Бунда» в пределах Минской и Могилевской губерний. Несмотря, однако, на политическую окраску этой организации, воздействие ее на рабочих происходило главным образом путем указания на тяжелое экономическое положение рабочих данных отраслей промышленности, каковые требования исключительно и выставлялись рабочими при забастовках.

В М о г и л е в с к о й губ. в первой забастовке происшедшей 12 января приняли участие евреи-ремесленники «из сочувствия к петербургским рабочим». [произошла 12 января]. Затем забастовало цепное отделение Гвоздильного завода [в Гомеле] в Орше, отличающегося особенно плохими условиями для рабочих—забастовка продолжалась две недели и окончилась на почве взаимных уступок. Там же, в Орше, состоялась непродолжительная забастовка 350 чел. на Ткацкой фабрике, также из сочувствия Петербургу без достаточных местных оснований и прошла очень тихо и скоро. Затем 23—28 февраля забастовали 12 изразцовых заводов в Копыси с числом рабочих [свыше] до 1.200 чел. Забастовка вызвана особо тяжелыми местными условиями и низкой заработной платой при отсутствии каких-либо политических требований. Забастовка длилась месяц и закончилась 25 марта на почве взаимных уступок.

В течение же января состоялись забастовки ремесленников в Шклове и Гомеле, а также были предъявлены требования на Добружской писчебумажной фабрике, при чем на последней рабочие удовлетворились [обещанием улучшения их быта] увеличением их заработка в будущем. Общее число фабричных рабочих бастовавших или предъявлявших требования в Могилевской губ. достигло до 2.000 чел. Политических прокламаций и требований рабочими инспекции не предъявлялось.

В Минской губ. волнения начались позднее и первые забастовки возникли 4 февраля, когда бросили работу все рабочие трех минских обойных фабрик всего 90 ч. Забастовка окончилась в один день уступкою в сокращении рабочего дня с 11½ до 10 час. Затем 7 и 8 февраля произошла забастовка 215 рабочих, длившаяся 10 дней, на двух механических заводах в Минске, окончившаяся при обоюдных уступках. В то же время забастовки начали происходить в других частях губернии на спичечных фабриках. Первою стала 11 февраля фабрика Гольперина в Пинске (450 раб.); работы возобновились через пять дней на прежних условиях. 24 февраля прекратились работы на спичечной фабрике «Молния» в Мозыре (600 чел.). Фабрика простояла до 16 марта и работы возобновились на прежних условиях. В то же время, 24 февраля, забастовали все изразцовые заводы в Пинске (40 чел.) и на спичечной фабрике в Койданове (200 чел.), которая была закрыта поэтому владельцем до Пасхи. Работы на изразцовых фабриках по уступкам рабочих возобновились 3 марта.

Не получившие уступок рабочие фабрики Гольперина в Пинске вновь забастовали 5 марта и также без особых уступок возобновили работу 21 марта. 26 марта забастовали 60 рабочих паковщиков шпилечной фабрики Лурье в Пинске.

Главнейшие общие требования на всех фабриках—уменьшение времени работы и увеличение платы.

Всего в Минской губ. бастовало 12 фабрик с числом рабочих до 1.700 чел.

В Волынской губ. Под влиянием требований уличной толпы рабочих, 25 января остановились все типографии и табачные фабрики в Житомире (260 чел.). На другой же день работы возобновились. 24 февраля забастовала часть (100 чел.) рабочих мастерских Житинского сахарного завода и на другой же день стала на работу при уступке ½ часа рабочего времени (с 11½ до 11) и некотором увеличении платы. [наконец] 14 марта произошла забастовка на кожевенном заводе в Житомире (67 чел.) и окончилась через три дня при сокращении рабочего времени до 9 часов и некоторых других уступках.

Политических требований рабочими Волынской губернии не предъявлялось.

Всего на 7 заводах бастовало до 430 чел.

В Полтавской губернии состоялись массовые забастовки на подчиненных надзору инспекции заведениях: в Кременчуге с 3 по 8 февраля на 16 заведениях при 1.200 рабочих и с 17 по 23 февраля в Полтаве на 9 заведениях при 460 рабочих.

В обоих случаях были предъявлены требования исключительно экономического характера. Рабочие были допущены свободно собираться для обсуждения их нужд. При чем в Кременчуге заседание происходило в синагоге вместе с фабрикантами. Забастовки окончились на почве взаимных уступок при сокращении рабочего времени, напр., в типографиях и лесопильных заводах до 9 часов, частичном увеличении платы и других улучшений обстановки работ.

Кроме того были небольшие забастовки в двух типографиях в г. Прилуках.

Всего в Полтавской губернии бастовало на 27 заведениях 1.700 рабочих.

В Таврической губ. с 8 по 10 февраля произошли забастовки на трех табачных фабриках в г. Феодосии, совпавшие с уличными демонстрациями и еврейским погромом. Тем не менее требования предъявленные рабочими были, хотя и общего характера, но главным образом приуроченные также и к чисто местным нуждам и работы возобновились на почве уступок с обеих сторон.

С 17 по 24 февраля бастовали три табачных фабрики в Симферополе (280 раб.). Требования рабочих сводились к сокращению рабочего времени с 11½ до 10 ч., увеличению платы, неувольнению бастовавших и обещанию организовать врачебную помощь.

12 марта забастовали 250 рабочих механического завода Фукса в Большом Токмаке и принялись за работу на другой день при сокращении рабочего времени до 10 ч.; 17—19 марта была забастовка 150 рабочих заводов Франца и Шредера в Пришибе и 30 рабочих мельницы Вильмса. На первом заводе забастовка окончилась с увольнением двух мастеров, а на мельнице увеличена плата.

26 марта произошла двухдневная забастовка на механическом заводе Гриевза в Бердянске с 900 рабочими, при главном требовании увеличения платы. Окончилась же частичным удовлетворением рабочих.

Всего в губернии забастовки были на 10 заведениях при числе рабочих до 1.800 человек.

В нижеследующих трех губерниях округа, по которым представлены особые обзоры старшими инспекторами было:

В Киевской губернии 20 забастовок на заводах и фабриках с 3.300 рабочими.

В, Херсонской губернии на 7 заведениях с 4.200 рабочими.

В Подольской губернии на одном заведении с 29 рабочими.

В двух губерниях округа, Бессарабской и Черниговской забастовок в течение последних трех месяцев не было.

Всего в округе бастовало на 97 заведениях до 15.200 рабочих при наибольшей продолжительности забастовки в один месяц.

Дальше смотреть на следующем листе.

Резюмируя общее положение рабочего вопроса в Киевском округе не отличающееся [чем-либо радикальным] особенно от положения его в остальных округах, прихожу к следующему заключению:

1) Ближайшим поводом преобладающего большинства забастовок текущего года является воздействие на рабочих передовой сплоченной их группы, путем выяснения им необходимости и возможности улучшения их экономического и правового положения.

2) Политические требования, подразумевая под ними изменение существующего образа правления и отношения государства к личности (свобода союзов, собраний, печати и неприкосновенность), помещенных в прокламации в целях воспитания в рабочих массах политического самосознания, понимаются громадным большинством развитых рабочих в гораздо более узком смысле — возможности, при изменении существующего строя, свободного обсуждения своих нужд и их выяснения, а также заявлений [об них] о тех сторонах своего быта, которые наиболее нетерпимы.

3) Наиболее благодарную почву постороннее воздействие имеет на тех заведениях, где местные условия дают ближайший повод не-

довольства, при чем рабочие более интеллигентных профессий предъявляют и большие требования.

4) Возможность объединения и его плодотворность в настоящее время для рабочих очевидна и не подлежит сомнению. Достигнутые успехи создали руководителям движения неизмеримый нравственный авторитет среди рабочих, который ничем уже не может быть подорван.

5) К моменту забастовки в громадном большинстве случаев рабочие отдельных фабрик являются неорганизованными, почему руководство попадает в руки иногда небольших групп крайних элементов, действующих на большую часть несплоченной массы отчасти убеждением, а отчасти [терроризируя ее] даже путем террора. Между тем, если бы объединение рабочих и избрание ими своих представителей произошло в спокойное время, в число первых попали бы без сомнения, как крайние, так и средние элементы, последние вероятнее даже в большем числе, чем первые, представителями которых является обыкновенно молодежь.

6) Допущенная законом 10 июня 1903 года организация рабочих путем избрания ими из своей среды старост на практике оказалась неприменимой по недоверию рабочих к таким представителям, которые будут утверждаться в должности владельцами, а также нежеланию до последнего времени владельцев допустить какую-либо организацию среди рабочих.

7) Все более и более распространяющиеся среди рабочих различных местностей и отраслей промышленности сведения о результатах достигнутых забастовками, продолжая волновать рабочих как тех фабрик, на которых забастовок еще не было, так и тех, где забастовки были, но окончились для рабочих бесплодно, дают полное основание ожидать в ближайшем будущем дальнейших раскатов волны всероссийского рабочего движения.

8) Возможность, в одних случаях, предупреждения новых забастовок, а в других—скорейшего и мирного окончания тех, которые возникнут, лежит единственно в немедленном предоставлении рабочим права объединяться и свободно избирать из своей среды представителей, которые и явятся выразителями действительных местных нужд рабочих каждой фабрики. Такие свободно избранные в мирное время представители [рабочих] будут во многих случаях иметь возможность, не увлекая рабочих в забастовку, но путем переговоров с владельцами при посредстве и участии фабричной инспекции, улучшить существующее положение и устранить наиболее вопиющие причины недовольства на отдельных фабриках, и тем сделать более или менее [значительные массы] крупные группы рабочих, если не вполне, то в значительной мере невосприимчивыми к [постороннему] воздействию на них крайних элементов.

ПОВОЛЖСКИЙ ОКРУГ. 97 л.
98 л.

[Справка о забастовках в] Саратовской губ., в 1905 г.

Забастовка охватила ¾ фабрик Саратовского района (53 заведения с 4.800 рабочими), все фабрики Царицына и прилегающие к нему (30 заведений с 4.500 рабочими) и две суконных фабрики Кузнецкого уезда, на которых бастовало около 300 ткачей. Всего в забастовках принимали участие около 9.600 рабочих на 90 заведениях, а всех за-

бастовок было 116; повторные забастовки происходили только в Саратове—на мельницах, лесопильнях и более крупных металлообрабатывающих заведениях.

В Саратове совсем не было забастовок на заведениях имеющих менее культурных и хуже оплачиваемых рабочих.

Самостоятельно начинали забастовку в Саратове и Царицыне более крупные металлообрабатывающие заводы и некоторые мельницы, остальные заводы примыкали к забастовщикам лишь тогда, когда те являлись к ним толпой.

Относительно уступок, сделанных по вопросу о сокращении рабочего времени должно заметить, что в Саратовском районе на металлообрабатывающих заводах установился, как было и до забастовки, 10-часовой день, на лесопильных—11½, а на мельницах праздничный простой, как и до забастовки,—в 13 часов (при двух комплектах); в Царицыне же после забастовки рабочий день сократился соответственно: в первом случае—до 9 часов, во втором—до 10 часов, а праздничный простой на мельницах—в 24 часа. В типографиях рабочий день сокращен с 10 на 9 часов.

Заработная плата увеличилась на мельницах, лесопильных заводах и некоторых металлообрабатывающих процентов на 10.

Многих рабочих склоняли к забастовке распространившиеся слухи и газетные сообщения о том, что во многих местах благодаря забастовкам фабриканты сделали рабочим большие уступки и что правительство, в интересах сохранения спокойствия на фабриках, заставляет фабрикантов уступать рабочим.

В Саратовском районе настроение неспокойное,—работа на некоторых фабриках идет вяло, число случаев нарушения порядка увеличилось, дисциплина вообще ослабла.

В Царицынском районе, в виду опасения фабрикантов за целость имущества и даже жизни, были сделаны вообще наибольшие уступки рабочим и есть основание полагать, что фабриканты в близком будущем будут стремиться вернуться к прежнему положению, что конечно поведет к еще большему обострению отношений.

Повидимому в Саратове имеется не мало рабочих недовольных существующим строем правления; одним из доказательств этого служит то обстоятельство, что в первых числах января Губернскому земскому собранию был доставлен адрес саратовских рабочих за подписями более 900 лиц, в котором выражался взгляд на необходимость коренного изменения существующего строя правления. Вместе с этим у всей массы рабочих имеется стремление, конечно, к улучшению своего экономического положения, при чем рабочие в большинстве случаев полагают, что путем забастовок могут добиться исполнения всех своих желаний.

Однако, представляется сомнительным, чтобы одно только улучшение экономического положения рабочих, без применения в скорейшем времени общих условий, способно было внести успокоение в среду рабочих и предотвратить в близком будущем повторение общих забастовок и беспорядков.

Старший фабричный инспектор Саратовской губернии (подпись).

5 апреля 1905 года.

[Записка старшего фабричного инспектора Нижегородской губ. Селивановского по поводу забастовок и беспорядков рабочих в заведениях фабрично-заводской промышленности Нижегородской губ.].

НИЖЕГОРОДСКАЯ ГУБЕРНИЯ.

В Нижегородской губернии забастовки и беспорядки на заводах и фабриках, подчиненных надзору чинов фабричной инспекции начались в январе 1905 года и продолжались с некоторыми перерывами весь февраль и март месяцы.

Всего заведений, в которых были беспорядки или забастовки, тридцать, с числом рабочих до 16.000 человек, при общем числе рабочих, работающих в подчиненных надзору фабричной инспекции заведениях, до 30.000 человек, не считая рабочих на стороне и раздаточных контор.

Забастовки начались 11 января в паровозо-механическом и паровозо-сборочном цехах Сормовского [акционерного общества «Сормов», по рассказу директора Мещерского] завода таким образом.

В 7 часов утра во время работы по этим цехам пробежала или быстро прошла небольшая кучка неизвестных лиц, с криком: «бросай работу». Тогда все рабочие этих цехов начали одеваться, но еще не успели уйти из помещения цехов, как мастер, а потом и начальник цеха успокоили рабочих, и все рабочие вновь разделись и начали работать. В паровозо-кузнечный цех в то же утро вбежала толпа человек в 20 с палками и кричала тоже: «бросай работу». Произошла некоторая заминка в работе, но работы не остановились. Толпа рассеялась. После обеда была новая попытка со стороны кучки рабочих, пробежавшей с криком по цехам, остановить работы на заводе, но безуспешно, хотя настроение рабочих Сормовского завода становилось все беспокойнее. 14 января, в расстоянии 8 верст от Сормовского завода, на льнопрядильной фабрике товарищества Нижегородской мануфактуры, 346 ватерщиц и 22 ватерщика послеобеденной смены забастовали, требовали прибавки к поденному жалованью по 10 копеек на каждого, при чем женщины получали 45 коп., а мужчины 50 коп. в день. Заводоуправление не согласилось прибавить. Тогда забастовщики угрозами остановили работы всего этого отдела и некоторых других, так что на фабрике из 2.506 человек до вечера этого дня работали только 514 человек. 15 января после обеда все забастовщики стали на работу на прежних условиях и никто из забастовщиков уволен не был, кроме одного подстрекателя.

Агитация к забастовкам на заводах Нижегородской губернии среди рабочих усиленно велась в это время и агитаторы пользовались малейшим случаем, чтобы возбудить рабочих к стачке.

Так, например, забастовало 30 взрослых рабочих из 55 человек всех рабочих на заводе, 24 января на пивоваренном заводе Гориновой в городе Нижнем Новгороде только потому, что им не дают картофеля в пищу (харчи по условию найма хозяйские). Требование их было удовлетворено и рабочие стали на работу в тот же день.

Администрация Сормовского завода приняла в это время некоторые меры, чтобы по возможности парализовать действия подстрекателей на рабочих, как то: закрыла некоторые боковые ходы в цехах и поставила усиленный наряд сторожей ко входам и выходам из цехов.

26 января с 6½ часов утра в котельной кузнице Сормовского завода, на котором имеется всего рабочих до 11.000 человек, заба-

стовало около ста подручных, требовали поденной платы семьдесят копеек, вместо шестидесяти или соответственного распределения сдельного заработка между подрядчиками и подручными. Директор обещал в течение февраля рассмотреть это дело, а теперь стать на работу. Забастовщики в 9½ часов утра стали на работу на прежних условиях.

В это время подстрекатели бегали по цехам завода и кричали: «бросай работу», и, несмотря на усиленный наряд сторожей, такая толпа, человек в 30, ворвалась в механический цех, где работают до 500 человек рабочих, оттолкнула сторожей при входе с криком: «бросай работу», хотела остановить работу в цеху и, когда это сделать не удалось, тогда начала драку с рабочими цеха, при чем один из подстрекателей был так избит, что его свезли из механического цеха в больницу.

Потом, с 1 февраля, в Сормовском заводе начался целый ряд забастовок по цехам, хотя весь завод во все упомянутые месяцы полностью не бастовал, а бастовало в день от одного до девяти цехов и до 3.300 человек, в Сормовском заводе всего 32 цеха.

В это время в Сормовском заводе был усиленный наряд полиции и исправник вытребовал войско; на Сормовский завод приезжал два раза в феврале губернатор и ночевал там, где все время находился старший фабричный инспектор и участковый фабричный инспектор, пока не прекращались на нем временно забастовки.

В начале этих забастовок директор завода заявил губернатору при старшем участковом и фабричном инспекторах, что он никаких уступок рабочим не находит возможным делать и не сделает. На другой день утром же директор сделал уступки рабочим и обещал заплатить им за прогульное время, если рабочие станут немедленно на работу. Рабочие стали на работу в этот же день, но на другой день снова забастовали.

При этих забастовках получались такие курьезы: 8 февраля в судостроительном цехе подручные рабочие забастовали, требовали прибавки к поденному пять копеек. Заводоуправление, зная, что при сдельной работе, подручные всегда получат 10% приработки, что составит не менее 5 копеек в день, обещало им, что оно гарантирует подручным 10% приработки. Подручные с удовольствием это предложение приняли и все таки прибавку к поденному 5 коп. потребовали, и на это последнее заводоуправление согласилось. Тогда подручные этим удовлетворились и захотели стать на работу, [тогда] но забастовали сборщики и потребовали увеличить заработную плату. Директор отказал. Рабочие становились на работу, снова бастовали, и 18 февраля этот цех был закрыт и все рабочие 1.100 человек расчитаны. Судостроительный цех снова начал работать со вторника первой недели поста и теперь работает полностью, как и весь Сормовский завод.

Не успели прекратиться забастовки в Сормовском заводе, как забастовочная волна перекинулась в город Нижний, где, не предъявляя никаких требований, все рабочие котельного завода Добровых и Набгольц, в числе 140 человек, до окончания работы самовольно ушли из завода, и часть этих рабочих Сормовских, всего около двухсот человек, ворвалась в меднокотельный Пфора, цинковальный «Славянин» и гончарный Костина и везде остановила работы.

На другой день с утра рабочие этих заводов, не предъявляя никаких требований, стали на работу.

Затем на механическом заводе Добровых и Набгольц все рабочие, в числе 262 человек, забастовали, потребовали восьмичасовой день, увеличения платы, уничтожения сверхурочных работ, отмены обысков, по

субботам оканчивать работы в 2 часа. Не получив удовлетворения, рабочие убежали на судостроительный завод Курбатова, требуя остановить работы, чего и достигли.

Рабочие этого завода, 590 человек, предъявили такие же требования и получили некоторое удовлетворение, рабочие же Добровых и Набгольц через три дня забастовки стали на работу на прежних условиях.

Ворвавшеюся толпою рабочих заводов Пфора и «Славянин» были остановлены работы на льнопрядильной фабрике, судостроительном заводе Яковлева и на многих других, при чем требовалось, чтобы на заводах выпускался пар из паровых котлов, а рабочие заводов забирались в толпу и шли на другие заводы. Приход войска остановил эту толпу, которая сама собою рассеялась.

Затем забастовали все типографии в городе Нижнем, в числе 23, из коих подчинено надзору инспекции 8.

В Нижнем два дня не выходили газеты. 19 февраля было совещание владельцев 10 типографий, где по приглашению их присутствовал старший фабричный инспектор.

В этом совещании были сделаны значительные уступки на требования рабочих, и, между другими, введен в типографиях девятичасовой день, хотя типография Машистова через несколько дней снова вернулась к десятичасовому дню, увеличены расценки, отменены совсем штрафы. На требование отмены работы на газетах в праздничные дни постановлено: вопрос признать подлежащим решению в законодательном порядке.

Бастовавшие заводы 21 февраля начали работы, кроме завода Леви и судостроительного цеха в Сормовском заводе.

Наконец забастовка перешла на нефтеперегонный завод Тер Акопова при д. Варя Балахнинского уезда и на ремонтные мастерские общества «Самолет» в Доскинском затоне Нижегородского уезда и Кашиной в Люлеховском затоне Семеновского уезда, и снова 31 марта с утра проявилась в сталелитейном цеху Сормовского завода, при чем рабочие требовали увеличения расценок, но в 10 часов того же дня стали на работу на прежних условиях.

Во время забастовок в Сормовском заводе, для выяснения требований рабочих, заводоуправлению приходилось обращаться к выборным от цехов. Сначала рабочие боялись выбирать депутатов, но когда убедились, что депутаты не арестуются за это, стали охотно выбирать их. Тогда директор завода Мещерский в двадцатых числах февраля объявил по всем цехам завода, чтобы они выбрали депутатов от каждого цеха и предъявили бы требования, как цеховые, так и общие по заводу. Это рабочим понравилось и они охотно выбрали депутатов.

Предъявлено через депутатов много требований, из них заводоуправление сделало общую сводку всех требований по заводу, и оказалось их 49.

Заводоуправление, совместно с выбранными депутатами, в числе 140 человек, имело несколько заседаний, на некоторых из них присутствовал участковый фабричный инспектор.

Последствием этих заседаний были сделаны некоторые общие по заводу уступки: 1) сокращен рабочий день; 2) по субботам оканчивать работу в 2 часа; 3) отменены обыски; 4) отменены штрафы за прогул и за неисправную работу.

В настоящее время на очереди в Сормовском заводе стоит вопрос об отмене вычета 1% из заработка рабочих в пользу церковно-приходского попечительства, о чем рабочие заявили в своих требованиях и неудовлетворение рабочих в этом может послужить причиною беспорядков на заводе, что уже 30 марта сего года и проявилось скопищем во дворе завода толпы в 500 человек с требованием к заводоуправлению не делать этих вычетов.

Так как 36.000 рублей, составляющихся из 1% вычета из заработка одних рабочих, без служащих, для заводоуправления не составляет особенно большой суммы, то принятие этой суммы на средства завода для ежегодной уплаты в церковно-приходское попечительство не может быть особенно обременительно для общества «Сормово», которое имеет 15.000.000 рублей годового оборота на заводе. Стремление к забастовкам в рабочих, между прочим, поддерживается еще неспокойным настроением в других сословиях (в Нижнем Новгороде бастовали: служащие в аптеках, портные, столяры, приказчики).

На Волге можно с началом навигации ожидать забастовки рабочих на пароходах.

В нынешних забастовках замечается усиленная и систематическая агитация, чем и можно объяснить во многих случаях однородность требований, иногда даже несоответствовавших с существующими порядками на заводе.

Законом о старостах рабочие не удовлетворяются, но рабочие желают иметь организации.

Относительно состояния промышленности в настоящее время можно сказать, что два крупные завода в Нижегородской губернии—Сормовский завод акционерного общества «Сормово» с 11.000 человек рабочих и льнопрядильная фабрика товарищества Нижегородской мануфактуры с 2.500 человек рабочих — заказами обеспечены, чего нельзя сказать про другие заводы; некоторые же заводы жалуются на недоставку вагонов, что неблагоприятно отражается на их производительности.

Что касается вопроса об успокоении в настоящее время рабочих, то этого сказать нельзя; весьма вероятно, что после Пасхи забастовки рабочих на заводах возобновятся.

Старший фабричный инспектор
Нижегородской губернии Михаил Селивановский.

ПОВОЛЖСКИЙ ОКРУГ 106 л.

Кроме губерний Нижегородской и Саратовской, о которой подробно сообщено старшим фабричным инспектором, забастовки [замечались] с начала настоящего года имели место еще в губерниях Астраханской, Казанской, Самарской, Пермской и Уфимской. [ход и характер забастовок].

В Астраханской губернии забастовки имели место в бондарных [заведениях] и механических заведениях.

В Казанской—в прядильно-ткацкой Алафузова, во всех типографиях города Казани и в некоторых механических.

В Самарской—на костемольной фабрике, лесопильнях, некоторых мельницах, маслобойнях и типографиях.

[В Вятской—на спичечной фабрике].

В Пермской—на содовом заводе Любимова и с-вья.

В Уфимской—на мельницах.

[Везде забастовки как] Возникновение и ход забастовок во всех этих губерниях были однородны, поэтому представляется вполне возможным сделать и общую их характеристику. Везде они возникли после петербургских событий 9 и 10 января, везде сопровождались распространением противоправительственных прокламаций, призывающих рабочих не только к забастовкам, но и к предъявлению целого ряда общих политических требований, помимо экономических. Те и другие не отличались от предъявленных в других местностях России. В Астраханской губернии рабочие даже прямо заявляли, что их требования выражены в прокламации. [Возникли забастовки] Начались забастовки тем, что рабочие одного заведения или части заведения [требования] прекращали работу и требовали того же от своих сорабoтников, что те исполняли без всякого протеста. Затем [все расх.] или все вместе, или разбившись на группы переходили в другие заведения, где заставляли рабочих тоже прекращать работу. Всякое отсутствие протеста со стороны последних заставляет думать, что [их никто не] фактически не было принуждения, а что все это делалось по заранее состоявшемуся соглашению между рабочими разных заведений. В огромном большинстве случаев рабочие предъявляли только [экономиче] требования, касающиеся собственно их быта, но бывали случаи, когда забастовали, затем возобновляли работы, не предъявив никаких требований. Фабричная администрация, сильно напуганная как известиями о петербургских беспорядках, так и распространяемыми на местах слухами, [очень охотно] быстро шла на уступки. Последние, [рабочие очень легко] однако, не вносили в рабочую среду ожидаемого успокоения, напротив, рабочие становились притязательнее и, добившись [успеха] удовлетворения своих требований, предъявляли новые. Часто [администрация заведений делала такие существенные уступки] заведывающие заведениями соглашались на такие требования по уменьшению рабочего времени и повышению [заработной] платы, которых они не в состоянии долго выдержать [почему в некоторых местах пришлось сейчас-же от] в особенности в теперешнее тяжелое для промышленности время. Уже одно то, что почти везде забастовки возникли в одно время, доказывает, что они возникли не вследствие особенно тяжелых бытовых условий на данных заведениях. [рабочим]. Посторонние, более развитые элементы, очевидно, убедили рабочих, что данный момент является особенно благоприятным для того, чтобы добиться удовлетворения их желаний и что в такой момент они могут предъявлять значительные требования. Практика вполне подтверждала справедливость таких суждений, напр., рабочее время значительно сокращалось, напр., с 11½ час. до 10-ти, 9-ти и даже до 8-ми. Почти везде увеличивалась плата, хотя и не в том размере, как просили первоначально рабочие, которые несомненно запрашивали нарочно больше. [неспокойно] Беспокойное настроение в рабочей среде поддерживалось и общим настроением других классов, о котором городские рабочие вполне осведомились. Забастовки прекратились почти без исключения с начала поста, но это произошло не вследствие наступившего успокоения, а исключительно в виду приближения Пасхи, к которой всем рабочим нужны деньги. [теперь или... работа].

[Есть все основания ожидать, что вскоре после Пасхи]. Настроение рабочих и теперь еще остается весьма тревожным, работать они не перестали, все же говорят и обсуждают свои нужды, повидимому, совещаются и организуются. Есть поэтому много оснований ожидать, что вскоре после Пасхи забастовки возобновятся и будут более упорны, отчасти потому, что с наступлением навигации облегчатся и удешевятся

способы передвижения и возрастет спрос на рабочие руки, отчасти потому, что они успеют лучше сговориться, чем это было в начале года, когда забастовки для большинства явились совершенною неожиданностью. Масса прокламаций распространяется и теперь в среде рабочих, в некоторых их приглашают вооружиться, преувеличивается успех достигнутый забастовками в начале года и упорно почти во всех говорится о рабочих погибших в Петербурге 9 января.

Особенно нужно опасаться забастовок и беспорядков, кроме Нижегородской и Саратовской губерний еще в губерниях Астраханской, в которой в мае устанавливаются [новые] летние цены в многочисленных бондарных заведениях, и где в последние годы [в мае] это сопровождалось забастовками, окончившимися значительным повышением цен.

В Самарской и Казанской их также нужно ожидать, но [где] здесь они едва ли могут принять угрожающие размеры, так как промышленность этих губерний неоднородна (только в Самарской много мельниц).

Самые серьезные [положение] опасения возбуждает Пермская губерния, где рабочие [движение] беспорядки на горных заводах [всегда когда воз.] могут [иметь] принять большие размеры под влиянием, в особенности, неустройства земельного вопроса [в крестьян] у горнозаводского населения. [Общее]. Настроение [всего] общества такое, что всякого рода беспорядки [им желать одно] теперь вызывают в нем сочувствие, которое резко проявляется как в печати, так и в различных собраниях, что не может не [поддерживать в рабочих] отразиться и на настроении рабочих.

ОТЧЕТЫ ФАБРИЧНЫХ ИНСПЕКТОРОВ.

108 л.

С.-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ОКРУГ

109 л.

ЛИФЛЯНДСКАЯ ГУБЕРНИЯ.

[Старший фабричный инспектор Быков]

Забастовка в Риге началась на замочной фабрике «Гермингауз и Форман». Не предъявляя первоначально никаких требований, рабочие, переходя с фабрики на фабрику, везде останавливали работу. 13 января почти все фабричные и некоторые ремесленные заведения, имеющие в сложности свыше 39.000 рабочих, забастовали. Забастовка произошла без всяких разгромов и буйств, кроме разбития двух или трех ворот на тех фабриках, где подходивших извне забастовщиков не пускали во двор. 12 и 13 января было несколько уличных демонстраций с революционными песнями и красными флагами; были отдельные выстрелы и со стороны демонстрантов и со стороны полиции. По городу расставлены войска; вечером близ проезда под Тукумской железной дорогой произошло крупное столкновение с войсками, пустившими в ход огнестрельное оружие; в толпе 22 убитых, 26 смертельно раненых, более 50 раненых легче; между солдатами 6 легко раненых и один [очень тяжело] смертельно, убит помощник пристава.

На 3-й и 4-й день на многих фабриках появились общие, везде однородные требования, близкие к требованиям рабочих Петербурга и других городов: а) 8-часовой рабочий день; б) повышение заработной платы (не менее одного рубля чернорабочим); в) участие рабочих в выработке фабричных правил и расценков; г) для разрешения недоразумений учреждаются комиссии выборных от рабочих и фабрикантов в равном числе; д) уничтожение ночных работ женщин; е) отмена штрафов; ж) страхование рабочих всех трех видов; з) устройство школ, читален и пр. без всякого ограничения программ и каталогов; и т. д. К общим требованиям рабочих, хотя и не выраженных в I-й прокламации, нужно отнести желание [рабочих] получить право свободных собраний. В первой же прокламации было указано и требование об улучшении медицинской помощи и о пособии женщинам в период родов.

Одновременно с появлением этих общих требований (на 3—4 день забастовки) рабочие вступали (или пытались кое-где вступить) в переговоры с фабричной администрацией и постепенно, одновременно с ослаблением движения в Петербурге, начали приступать к работам.

Через несколько дней, опять-таки почти одновременно всюду, к требованиям общим стали присоединяться требования более частные, примененные к каждому отдельному заведению. Тогда же рабочие

начали обращаться к фабричным инспекторам (до этого времени фабричные инспектора никаких заявлений и просьб не получали). Просили и требовали инспекторов всюду; толпами ожидали у ворот одной фабрики и просили на другую; толпами являлись в канцелярию и т. д. Центральным пунктом переговоров являлись: рабочий день и поднятие заработной платы, а также (в позднейшие дни) жалобы на мастеров и требование их удаления. Ставились и требования об уплате вознаграждения за забастовочные дни со ссылкой на некоторые петербургские и рижские заводы (Ланге и Сын). Последнее требование, с указанием его неосновательности, фабричная инспекция отклоняла, предоставляя это дело на полное усмотрение хозяев. Почти всюду поднимался вопрос и об улучшении врачебной помощи, но когда рабочим объяснили, что разрешением его в настоящее время заняты и рижские фабриканты и правительство, то [рабочие] забастовщики обыкновенно не настаивали на немедленном рассмотрении вопроса.

В этот период времени забастовка на некоторых фабриках (чаще всего там, где достигалось соглашение) прекращалась, переходила на другие фабрики, после некоторого периода спокойной работы вновь возобновлялась на первых и т. д.; но не было ни одного дня, когда бы вся Рига была спокойна.

Когда предел уступок, на которые шли фабрики, был в большинстве заведений достигнут, то начался новый период забастовки— усиленное движение против мастеров, жалобы на них и ряд вывозов на тачках. Один мастер (Балт. ваг. завод) был даже вне завода убит. На фабрике Кузнецова был вывезен директор.

Одновременность каждого из названных приемов проявления неудовольствия [опять-таки] ясно указывает на то, что забастовщики следовали известному плану борьбы, диктуемому какой-то организацией, стоящей вне каждой отдельной фабрики.

[Воздействие]. Насилия над мастерами производили весьма сильное впечатление на административный персонал фабрик. Во многих местах мастера отказывались работать, чем некоторые [многие] заведения были поставлены в крайне затруднительное положение; так прекращение работы на резиновой фабрике «Проводник» было вызвано именно этим обстоятельством.

Из отдельных вопросов [я позволю] надлежит остановиться на двух сторонах дела.

1. Рабочие проявляют значительное стремление к уравнению условий работы в разных заведениях. Например: в начале забастовки было предъявлено требование о 8-часовом дне; практически его неосуществимость сознавалась большинством рабочих, и, как только Балтийский вагонный завод ввел рабочее время в 9 ч. 10 м., а механические заводы в 10 часов, [так] рабочие прочих заводов сейчас же стали говорить о 9 и 10 часах ежедневной работы.

2. На вагонном заводе «Феникс» обнаружился необыкновенно рельефный пример значения и удобства свободной организации рабочих. Быть может, конечно, что рижские рабочие подготовлены к таким организациям привычкою к участию в местных обществах трезвости, взаимопомощи, в похоронных кассах и т. д.; но так или иначе благотворный результат свободной организации прекрасно проявился в данном случае. На «Фениксе» с первых дней движения были выбраны депутаты, с которыми директор фабрики пересмотрел все требования 1-й прокламации; некоторые из них были сразу удовлетворены, некоторые отклонены (напр. обязательное страхование, как дело государственное),

а о некоторых начаты продолжительные переговоры. И рабочие и завод были крайне довольны ходом дела; но когда наступил период вывоза мастеров, то рабочие литейной, еще недостаточно дисциплинированные новым положением дела, т. е. депутатами, без особых причин вывезли помощника мастера. Директор завода поступил [по моему мнению] бестактно: рассерженный он потребовал от депутатов выдачи виновных. Депутаты, в весьма вежливой форме, ответили, что это не входит в круг их обязанностей; что они должны говорить о нуждах рабочих, но не могут быть сыщиками. Директор после этого отказался вести переговоры с депутатами и по своему усмотрению назначил нескольких, подозреваемых в вывозе, к увольнению. Завод забастовал. Настроение было крайне возбужденное. Рабочие бросились за топорами и грозили серьезным разгромом. Тогда директор вызвал отвергнутых ранее депутатов и просил их, до возобновления переговоров, успокоить толпу (2.200 человек). Спокойствие на глазах инспектора было восстановлено в 3 минуты времени, возобновились переговоры с депутатами и, после достигнутого соглашения, рабочие немедленно, [стали] как один человек, все стали на работу.

Со дня начала забастовки Рижский биржевой комитет весьма часто собирал совещание директоров фабрик. Это совещание, разбившись по специальностям на секции, пыталось согласиться между собою на известных нормах уступок рабочим. Сравнительно значительные уступки дали механические заводы (10 часов работы вместо 10¾—11, при 8 часах в субботу, с повышением почасной платы до прежнего уровня поденного заработка). Должно сказать, однако, что с течением времени соглашения выдерживались немногими фабриками, и большинство начало действовать само по себе. Интересен пример лесопилен. Первоначально забастовка их коснулась слабо, и, несмотря на весьма продолжительный рабочий день и тяжелые условия работы, лесопильщики утверждали, что вследствие угнетенного состояния этой отрасли промышленности они не могут сделать никаких уступок. Когда же впоследствии забастовка перекинулась на лесопильные заводы, то они пошли на уступки на перерыв один перед другим; а некоторые заводы дошли до 9-часового дня и дали значительное повышение платы.

На тех же совещаниях при Биржевом комитете было решено ходатайствовать о военной защите фабрик. Из всех директоров лишь четыре (два русских и два обруселых еврея) не желали пользоваться войсками. На большинстве же крупных фабрик, [в том числе все директора и иностранцы] вследствие ходатайства этого совещания (но не по желанию инспекции) были расположены войска. Все директора немцы и иностранцы просили о расположении на фабриках [войск] или вблизи фабрик войск. С течением времени войска этой, не свойственной им, службою были весьма сильно утомлены, а желательного успокоения они не внесли и потому отовсюду были сняты.

В настоящее время в Риге не работают «Проводник» (рассчитано 4.100 рабочих) и еще 6 более мелких заведений. Но рядом с этим сокращением числа фабричных забастовщиков следует отметить значительное распространение движения среди сельского населения и экономических батраков.

Настроение рабочих неспокойное, и, судя по заявлениям отдельных рабочих, а также по слухам, на май можно ожидать возобновления значительных забастовок. По частным сведениям, рабочие за последнее время усиленно закупают оружие.

С самого начала движения сказалось резкое неудовольствие рабочих на свое общественно-бесправное положение, на возможность быть арестованным без ясных уважительных причин, на невозможность собираться для обсуждения своих нужд, на крайне грубое обращение полицейских чинов и казаков.

Если бы был поставлен вопрос, что можно сделать в настоящее время для успокоения рабочих, то ответить на него было бы весьма трудно, так как возбуждение рабочих, бывшее серьезным уже в начале движения, весьма быстро повышается. По [моему] мнению старшего фабричного инспектора крайне необходимо скорейшее объявление о существенных мероприятиях по улучшению быта рабочих (сокращение рабочего дня, страхование, врачебная помощь, широкая и свободная постановка образования) и, что в данную минуту, быть может, еще важнее, немедленное принятие мер широко обеспечивающих рабочим как свободное гласное обсуждение их нужд, так и свободное и безбоязненное выяснение [их] этих нужд перед фабричной и перед общей администрацией. Единственным средством для этого является, [по моему мнению] по мнению инспектора предоставление рабочим свободы собраний, свободы союзов, свободы личности.

Полицией выяснено, что во время забастовок рабочие в окрестностях Риги, в лесах, собирались значительными партиями (в 2.000—3.000 человек) на совещания, в которых принимали участие и сельские батраки соседних местностей. [Настоящее изложение пр. Все вышеизложенное представляет собою сокращенное изложение 4-х моих подрядных донесений от 22 января с/г. за № 5, от 19 февраля за № 11, от марта с/г. за №.... и от марта с/г. за №....].

Старший фабричный инспектор Лифляндской губернии (подпись).

ТВЕРСКАЯ ГУБЕРНИЯ. 116 л.

В январе месяце, тотчас же как начались забастовки на фабриках Петербурга, в гор. Твери и Вышнем Волочке появились прокламации с приглашением тверских рабочих поддержать их петербургских товарищей, т. е. прекратить работу и предъявить аналогичные требования; затем стали появляться приезжие из Петербурга и Москвы и, встречая рабочих при выходах с фабрик, убеждали начать забастовки, но рабочие не обращали внимания на убеждения, продолжали работать, тогда была произведена попытка насильственным путем вызвать забастовку: так 25 января в 9 часов вечера, во время смены рабочих в ткацкую фабрику Т-ва тверской м-ры (4.500 чел.) ворвалось несколько, не принадлежащих к ткацкой фабрике лиц, и угрозами принуждали прекратить работу, но были схвачены рабочими, избиты и выброшены из фабрики; таким образом, усилия агитаторов произвести забастовки в промышленных центрах Тверской губ. не удались; такое нежелание тверских рабочих произвести забастовки можно объяснить только тем, что 17.000 рабочих прядильно-ткацких фабрик, видя в сокращении работы на один день в неделю (суббота) упадок хлопчато-бумажной промышленности и, боясь в зимнее время остаться без заработка, не рискнули прекратить работу, хорошо сознавая, что владельцы фабрик

по случаю недостатка сбыта товара могут воспользоваться забастовками и остановить на некоторое время производство.

Петербургские забастовки, не отразившись на промышленных центрах Тверской губернии, т. е. на гор. Твери и Волочке, коснулись все-таки самых уединенных фабрик Тверской губ., где много лет не было забастовок, а именно писчебумажной фабрики Т-ва Кувшинова (50 верст от станции Торжок), фарфоро-фаянсовой фабрики Т-ва М. С. Кузнецова (30 верст от ст. Завидово) и стеклянного завода Н. А. Добровольского, на которых забастовки нашли для себя благоприятную почву в экономических условиях этих фабрик.

Рабочие упомянутых фабрик предъявили ряд требований только чисто экономического характера и совершенно не высказывали требований политического свойства [я опишу только главные требования, не останавливаясь на массе мелких, которых во время забастовок бывает предъявлено всегда большое количество и которые описаны в донесениях Отделу Промышленности о забастовках]. Рабочие писчебумажной фабрики Т-ва Кувшинова (1.200 чел.) [просили] требовали увеличения заработной платы за работу в праздничные и воскресные дни (фабрика работает непрерывно 3-мя комплектами по 8 часов) и кроме того рабочие механического отделения [просили] требовали сокращения рабочего времени с 10½ до 8 часов.

Поименованные [просьбы] требования были удовлетворены, за исключением сокращения времени, которое было сокращено только на час, и рабочие немедленно приступили к работе, потеряв два дня 7 и 8 февраля, ушедшие на переговоры. Рабочие стеклянного завода Н. А. Добровольского (220 чел.) требовали увеличения расценок на все сорта товара и, главным образом, на казенную винную посуду, при работе которой, вследствие тщательной приемки, является много брака, за который не платят. Расценки были увеличены и рабочие пропустив только один рабочий день, 23 февраля, приступили к работе.

Рабочие фарфоро-фаянсовой фабрики Т-ва М. С. Кузнецова (1.500 ч.) бросили 21 февраля работу и предъявили следующие главнейшие требования:

1) Сократить рабочее время до 9 часов вместо 11½.

2) Повысить заработную плату.

3) Выдавать квартирные деньги, так как квартир от фабрики не имеется.

4) За дни болезни уплачивать ½ заработка, а за дни болезни происшедшей от несчастных случаев уплачивать полностью.

5) Уволить управляющего за грубое обращение с рабочими (4 случая [битья] нанесения побоев рабочим) и мастера живописной мастерской за незнание дела и также некоторые другие требования менее значительные].

Часть требований была удовлетворена: так рабочее время сократили до 10 часов, заработную плату несколько повысили, мастера живописной мастерской уволили и т. п., но в большинстве требований было отказано.

Рабочие соглашались приступить к работе, если им будет уплачено за дни стачки (6 дней), но в этом им было категорически отказано, так как уплата за дни забастовки действует безусловно развращающим образом на рабочих. В назначенное время рабочие к работе не приступили, а потому были все рассчитаны. По окончании расчета произведен наем и фабрика 10 марта начала работать, простояв 13 рабочих дней, за которые рабочие потеряли около 13.000 рублей своего заработка.

36*

Хотя волнения последнего времени не захватили самых крупных фабрик Тверской губ., но это произошло, как выше было выяснено, только потому, что рабочие сознали невыгодность забастовок в зимнее время, при упарке хлопчато-бумажной промышленности. Из имеющихся у [меня] фабричной инспекции сведений, а также из сообщений заведывающих фабриками выясняется, что рабочие с нетерпением ждут узаконений, улучшающих их быт и главным образом закона о сокращении рабочего времени, а потому [мною] старшим фабричным инспектором было предложено владельцам и заведывающим фабриками сократить рабочее время при работе одной смены до 10 часов, не дожидаясь закона о нормировании рабочего времени; но почти все отказались от этого, мотивируя тем, что законом вряд-ли будет сокращено рабочее время с 11½ часов до 10; таким образом [у меня] является предположение, что если рабочее время не будет сокращено, то в ближайшем будущем произойдут волнения на крупных фабриках по обработке хлопка, имеющих около 17.000 рабочих.

119 л.

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ в ЭСТОНСКОЙ ГУБЕРНИИ.

Необходимо иметь в виду, что рабочее население Эстляндии состоит почти исключительно из эстов и лишь небольшая часть их—русские. Господами положения, как в промышленности, так и в земледелии являются немцы—бароны и бюргеры; отношения между теми и другими враждебные. За последние годы заметен сильный рост национальной самодеятельности эстов, что особенно резко сказалось победой эстонской партии на городских выборах в г. Ревеле. Немцы, благодаря историческим традициям смотрят несколько пренебрежительно на эстов, эсты же ставят своим девизом «Эстляндия для эстов». Притом эсты смотрят с доверием на русских вообще и на русское правительство в частности и если здесь имеется политическое движение, то лишь в пределах самосохранения эстов. Кроме того, вследствие тех же исторических условий, эсты по существу—все демократы, так как все они крестьянского происхождения. При этом необходимо иметь в виду высокую культуру всего населения Эстляндии—громадный процент грамотности, распространение периодических изданий (в г. Ревеле 5 эстонских период. изданий), большое развитие всевозможных организаций—обществ взаимопомощи, клубов, обществ трезвости, музыкальных, хоровых и пр., все они, несмотря на свои узко-специальные задачи имеют значение для политического и профессионального объединения и организации. Все эти соображения нужно иметь в виду для правильного освещения рабочего движения в Эст. губ. и относительного понимания политического характера движения рабочих.

До января 1905 года, насколько [мне] известно, никакого рабочего движения в пределах Эст. губ. (за исключением г. Нарвы) не было, заметна была деятельность небольшой социал-демократической группы, но она, повидимому, не играла роли в жизни рабочего населения, хотя возможно, что более умеренная демократическая программа давно подготовлялась в существующих легальных организациях. Рабочее движение г. С.-Петербурга сразу передалось в г. Ревель и здесь с удивительной быстротой охватило в 2—3 часа положительно все виды наемного труда—фабрично-заводских рабочих, железнодорожных, портовых, ремесленных, служащих конки, прислугу; через несколько дней настроение передалось и в деревни—на мелкую сельскохозяйственную промышленность и мызных рабочих. Забастовка началась 12 января

в 6 час. утра на вагоностроительном заводе «Двигатель» (в 2 верстах от г. Ревеля)—повидимому группой пришлых рабочих и безработными, а в 9½ ч. утра в г. Ревеле стояли все фабрики, заводы, ремесленные заведения, типографии, портовые работы, железнодорожные мастерские, конка и пр. Рабочие прекращали работы без насилий, напротив, часто толпа тщательно охраняла имущество заводов. В забастовке приняло участие всего около 15.000 человек рабочих различных категорий. В 9 час. утра [мною] старшему фабричному инспектору было прислано коллективное заявление всех рабочих, в котором содержались требования—о 8-часовом рабочем дне, о нормировке поденной платы, об устройстве примирительных камер из выборных рабочих и администрации фабрик и заводов, об отмене обысков, об уплате ½ заработка за дни болезни, об отмене штрафов за опоздание, об отмене сверхурочных работ и о введении выборных старост. Днем толпа бродила по городу, сопровождаемая войсками и полицией, но никаких буйств не производила. Вечером толпа пришла к губернатору и предъявила вышеуказанные требования фабрично-заводских рабочих, вместе с тем депутаты просили разрешить сходку рабочим, что и было им разрешено. Ночью, вследствие отсутствия в городе освещения и недостаточности охраны, толпа хулиганов бродила с криками по городу, стреляя из револьверов, произвела несколько поджогов и т. д., что вызвало сильную панику населения. На следующий день сходка рабочих не пришла ни к какому соглашению и потому фабрично-заводские рабочие просили разрешения собраться вторично. Разрешенное собрание уполномоченных фабрично-заводских рабочих в числе 96 человек прошло крайне спокойно и решило не касаться тех общих вопросов, разработка которых обещана г. министром финансов, что же касается местных условий, то уполномоченные решили войти в соглашение с владельцами фабрик и заводов; вместе с тем уполномоченные решили, что в интересах населения необходимо действие газового завода и назначили свою охрану по 50 чел. на каждую полицейскую часть города. (Патруль этот ходил по городу в течение нескольких ночей). Так как перед тем созванное старшим фабричным инспектором совещание фабрикантов пришло к заключению о необходимости сделать теперь же некоторые уступки рабочим, то переговоры владельцев с отдельными уполномоченными рабочих сразу внесли успокоение в среду наиболее благоразумных рабочих. Переговоры между рабочими и фабрикантами продолжались довольно долго,—рабочие настаивали на исполнении всех своих требований и притом сейчас же, владельцы соглашались исполнить лишь часть этих требований, в которых состоялось соглашение фабрикантов, но с 17 января постепенно работы начали возобновляться, а с 21 января все фабрики и заводы начали полную работу. (Ремесленные и другие промышленные заведения не работали несколько дней). За все время забастовки рабочие держали себя очень корректно, не нарушали порядка и из числа арестованных буянов большинство было не фабрично-заводских рабочих. За время забастовки губернской администрацией не было принято никаких репрессивных мер, что много способствовало более спокойному течению забастовки; произошло лишь два печальных случая столкновения толпы с войсками. 14 января толпа пыталась остановить действующий элеватор и здесь произошла стычка с солдатами, при чем штыками был убит один и 4 рабочих ранено, 15 января на химическом заводе Мейера пробовали возобновить работу под охраной войск, толпа пыталась остановить, при этом был дан ружейный залп, которым было 5 чел. убито и 17 ранено.

16 февраля забастовка вновь возобновилась на всех механических заводах (5), на мебельной фабрике Лютера и на Балтийской бумагопрядильной—всего в числе 4.500 чел.,—рабочие заявили, что фабриканты не выполняли обещаний и требовали, по примеру распоряжений железнодорожных мастерских, немедленного сокращения рабочего времени до 9 час. и уплаты за дни забастовки в январе. При этом на фабрике Лютер забастовка началась насилием над двумя инженерами, которые были вывезены в мешках на тачках. Эта вторая забастовка совпала с получением некоторыми заводами выгодных казенных заказов и потому заводоуправления сейчас же пошли на уступки рабочим, боясь больших убытков от остановки работ. Поэтому заводы начали соглашаться на добровольное сокращение рабочего времени с 11 до 10 ч. в сутки, а завод «Двигатель» с 10 до 9 ч. в сутки. Балтийская же м-ра и фабрика Лютера приступили к расчету рабочих, предполагая на время прекратить работы фабрик. После этого на металлических заводах начали возобновляться работы, и между 21 и 24 февраля все металлические заводы начали свою обычную работу, 26-го же возобновила действие Балтийская мануфактура, а фабрика Лютера возобновила работы, с приемом новых рабочих, лишь 17 марта. Вторая забастовка была вызвана распоряжением Министерства путей сообщения, а также вследствие видимого желания ревельских рабочих поддержать петербургских товарищей. Как общий результат этих двух забастовок было: сокращение рабочего времени на механических заводах и мебельной фабрике, частичное увеличение заработка рабочих некоторых категорий, отмена обыска рабочих, льготное время для опоздания, улучшение организации врачебной помощи, введение выборных старост, установление на некоторых заводах пособий во время болезни рабочих и др. При этом нужно отметить, что старосты введены по льготным правилам, составленным фабричной инспекцией и рабочие этими правилами довольны; вообще старосты [в Ревеле] привились; все старосты г. Ревеля имеют теперь своего неофициального председателя. Несмотря на эти большие уступки рабочим, нельзя сказать, чтобы администрация фабрик и заводов сознала необходимость более чуткого и внимательного отношения к нуждам рабочих и часто исполняют многое лишь под угрозой забастовки рабочих, это особенно заметно в отношении недостаточности надзора за деятельностью низших агентов фабрично-заводской администрации. Особенно упорны в этом отношении в Эстляндской губ.—химический завод Р. Майера и Кренгольмская м-ра. С другой стороны и худшая часть рабочих пользуется настоящим положением и производит насилия и бесчинства, предполагая этим терроризировать внутреннюю жизнь заводов и добиться тех или иных уступок, часто при этом лучшая часть организованных рабочих совершенно бессильна остановить и урезонить массу рабочих. Во всяком случае настоящее положение промышленности крайне тяжелое и при отсутствии какой-либо дисциплины на фабриках и заводах нет возможности продолжать правильную работу. Дисциплина эта едва ли может при настоящем настроении рабочих масс притти извне и должна организоваться изнутри в самой рабочей среде.

Говоря вообще о характере рабочего движения в Эстляндии, необходимо отметить безусловную связь этого движения с общим политическим движением в России. Однако, здесь требования не идут дальше тех, которые имеют непосредственную связь с рабочим бытом. Руководителем движения безусловно являлась какая-то центральная организация в г. Ревеле, которая, видимо, имеет постоянную связь с С.-Петербургом и Ригой и др. центрами промышленной жизни. Более смелые

политические требования, в виде отдельных заявлений, были сделаны исключительно русскими рабочими. До сего времени рабочие тщательно отклоняли от себя требования более общего политического характера и даже чувствовалось, что агитации удавалось действовать лишь на самолюбие эстонских рабочих в достижении ими улучшений своего быта. Конечно, нельзя ручаться за будущее, что движение не изменит своего характера, особенно если в Эстляндии разрастется аграрное движение, но при настоящем положении дела и при общей воспитанности рабочих эстов, рабочее движение могло бы быть легко введено в правильные и законные русла, при условии разрешения союзов и организаций рабочих. Эти организации могли бы оказать большую помощь и самой промышленности поднятием внутренней дисциплины рабочих. Но, помимо законодательного почина в этом деле, много способствовала бы умиротворению рабочих частная инициатива промышленников, если бы они пожелали бы пойти навстречу назревающим требованиям жизни.

В настоящее время в Эстляндии замечается сильное беспокойство и даже паника в виду боязни больших беспорядков, однако, часть этих слухов идет из каких-то темных источников, отчасти создается немецким обществом, которое пользуется случаем, чтобы добиться подавления национального развития эстов. Слухи о готовящихся беспорядках и даже покушениях при проводах бывшего губернатора Бельгарда, вероятно, имеют те же источники—слухи о готовящейся революции. 20 марта тоже не оправдалось.

Относительно возможности возобновления рабочего движения можно сказать, что оно может легко возобновиться, но примет угрожающие размеры лишь при возникновении вполне возможных аграрных беспорядков в Эстляндии или же развитии рабочего движения в С.-Петербурге и Риге, с которыми ревельские рабочие имеют постоянную связь.

Старший фабричный инспектор Энстляндии [подпись].

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ГУБЕРНИЯ. 122 л.

Забастовки в С.-Петербургской губернии в 1905 году характерны в том отношении, что с помощью их рабочие не столько стремятся улучшить условия работы и своего быта в настоящем, сколько добиваются такой постановки их отношений к правительственной и фабрично-заводским администрациям, при которых у них была бы полная уверенность, что уступки, сделанные им во время забастовок, не будут взяты назад после их успокоения, а этого, как учили их руководители всех сортов и наименований и как им показали текущие события, они могут ожидать только в случае получения ими разрешения организовываться во всевозможные союзы и общества и признания за последними права говорить от имени как отдельных своих членов, так и всего фабрично-заводского населения С.-Петербургской губернии.

С этой точки зрения становятся понятными возникновения забастовок, их дальнейшее течение, возбуждение и неспокойное настроение рабочих, несмотря на делаемые им во многих случаях уступки, и проявление насилий над лицами фабрично-заводской администрации, [когда из] как результаты опасения, что иных способов заставить считаться со своими желаниями, кроме страха перед ними, у них нет и не будет в ближайшем будущем.

Действительно, мы видим, что забастовки 1903 года, устроенные так называемыми Зубатовскими организациями и проведенные исклю-

чительно на экономической почве, почти ничего не дали несмотря на то, что руководители этих организаций усердно и всячески распространяли между ними брошюры, наглядно показывавшие, чего добились стачками заграничные, преимущественно, английские рабочие.

Естественно, отыскивая причины постигших их неудач, рабочие пришли к заключению, что они могут рассчитывать на успех, только в случае введения в своей среде строгой дисциплины, обеспечивающей им во время стачек действия всех, как одного, а так как такое дисциплинирование немыслимо без возможно широкого общения между собой, то священник Гапон, образовав в начале 1904 года небольшой кружок рабочих, ядро, как он выражался, начал при их содействии открывать отдельные общества русских фабрично-заводских рабочих в гор. С.-Петербурге, по возможности, во всех частях города, а когда с ним вступило в борьбу общество рабочих механического производства, имевшее целью сплотить рабочих исключительно на почве взаимопомощи и саморазвития, то, чтобы доказать преимущества следования по путям, им указанным, он подбил в декабре месяце сначала мануфактуру Кожевникова (3 декабря—около 690 рабочих), а затем ткачей Ново-Сампсониевской мануфактуры (190 из общего числа 450 человек—17 декабря) на стачки, на которых впервые наметились требования, предъявлявшиеся потом почти на всех фабриках и заводах г. С.-Петербурга и получившей впоследствии название общих, а именно, изменение в личном составе заводской администрации, уменьшение числа рабочих часов, увеличение некоторых расценков, улучшение организации медицинской помощи и санитарных условий работы и требование вежливого обращения с рабочими.

На обеих этих забастовках большая часть требований была удовлетворена, и запись в общество усилилась так, что к 1 января было уже 6.000 членов.

Так как священнику Гапону нужно было показать рабочим силу требований, предъявляемых от имени массы, хотя бы в основе и не вполне справедливых, то он сделал, так сказать, нападение на Путиловский завод, заключавшееся в том, что от имени общества рабочих было предъявлено требование о принятии обратно на завод 4-х уволенных членов общества и об устранении мастера Тетявкина, обвиняемого в грубом обращении.

Желая, во что бы то ни стало, добиться в данном случае успеха, он сам с несколькими членами просил о содействии г. градоначальника, в чем и получил обещание; часть членов с теми же требованиями отправил к директору завода С. И. Смирнову, который отказался что-либо сделать без расследования справедливости жалоб, а только по заявлению какого-то постороннего заводу общества, а к старшему фабричному инспектору прислал депутацию тоже из членов общества с сотрудником С.-Петербургских ведомостей, г. Архангельским, во главе. Старший фабричный инспектор, отказавшись вести какие-либо переговоры через депутата от депутатов при наличности последних, заявил, что никаких обещаний он дать не может, не расследовав дела, для чего ему необходимо лично переговорить с несправедливо уволенными с завода рабочими. Депутаты обещали прислать последних.

На другой день, записывая заявление жалобщиков, старший инспектор обнаружил, что уволен был всего один рабочий, а 3 других только предполагают, что их уволят.

В это время в канцелярию явился священник Гапон, который, заявив, что так как старший инспектор, по слухам, относится к рабочим

ничего себе, то должен его поддержать, и в таком случае может рассчитывать чуть ли не на боготворение со стороны рабочих, в противном же случае против него будет пущено в ход все: печать, суд, раздражение нескольких тысяч рабочих и пр.

По взаимному выяснению различия во взглядах на приемы, которые могут быть допущены в борьбе рабочих за их интересы, старший инспектор не мог не заметить, что священник Гапон имел вид человека, теряющего почву под ногами и ищущего выхода из положения, в которое он был вовлечен, став во главе массового рабочего движения.

По разборе жалоб на заводе, на который никто из жалобщиков не явился, вполне выяснилось, что уволен только один рабочий, ставший чрезвычайно нерадивым после вступления в члены общества.

Это происходило в самые последние числа декабря 1904 года.

1 и 2 января, по слухам, производились сплошные заседания во всех отделах общества, на которых была решена общая забастовка, и усиленный набор членов его, при чем рабочие привлекались к участию в движении всевозможными обещаниями и россказнями, не соответствующими действительности.

3 января на Путиловском заводе остановилась деревообделочная мастерская, откуда рабочие разбежались по другим мастерским, остановили в них работы. Скоро почти вся масса вышла из завода, а оставшиеся, около 2.500 человек, вызвали для переговоров директора завода, которому и заявили, что требуют увольнения мастера Тетявкина без всякого расследования справедливости их заявлений, а исключительно потому, что так решено в обществе. Директор отказал, после чего толпа разошлась, предварительно сняв всех вспомогательных рабочих.

4 января утром на Путиловском заводе рабочие, собравшись по мастерским, вскоре разошлись; часть их сняла служащих на электрической станции; через полицейского чиновника директору завода был передан пакет с так называемыми общими требованиями.

В тот же день на Франко-Русском заводе, с 2.500 рабочими, толпа их, выдвинув вперед депутатов, предъявила общие требования, указав на возможность соглашения, если переговоры будут вестись в комиссии, образованной из членов правления общества и равного количества представителей рабочих. Директор правления соглашался на переговоры при условии, что депутаты будут выбраны на другой день на самом заводе, но рабочие на это ответили, что никаких других, кроме тех, которые сейчас являются их представителями, они выбирать не будут. Затем все ушли.

Итого 4 января вечером бастовало на 2-х заводах свыше 15.000 рабочих.

5-го утром прекратил работы Невский судостроительный и механический завод с 6.200 рабочими.

На вопрос директора, почему бросили работать, рабочие отвечали: «так приказано, а требования представим после».

На Невской бумагопрядильной мануфактуре (1.900 рабочих) прекратив работы, рабочие вытребовали участкового инспектора, которому и заявили, что он, совместно со старшим фабричным инспектором, обманул их в 1903 году, заявив, будто бы закон о сокращении рабочего времени уже тогда вырабатывался; и вот прошло два года, а толку нет, и потому они не успокоятся, пока не исполнят их требований, которые у них общие с путиловскими.

Следом остановилась Невская ниточная (1.700 рабочих) и Екатерингофская бумагопрядильная (700 рабочих) мануфактуры.

На Франко-Русском заводе рабочие сошлись было для выборов депутатов, но ничего не решив, ушли с завода.

На Путиловском заводе работ не производилось.

Всего к вечеру 5-го не работало 6 заведений с 26.000 раб.

6-е число прошло, очевидно, в сильнейшей агитации при посредстве 11 отделений общества в среде рабочих других фабрик.

7-го утром прекратили работы Резиновая мануфактура с 6.100 чел. рабочих и почти одновременно, под влиянием угроз извне или самостоятельно—392 заведения с 105.000 рабочих.

8-го к ним прибавились еще другие заведения, а всего не работало 456 фабрик и заводов с 111.000 раб.

События 9 января, ошеломив большую часть рабочих, вызвали в меньшей части их сильнейшее раздражение и дали возможность говорить, что теперь, когда за их дело пролита кровь, останавливаться на полпути уже нельзя, и надо употребить все усилия и пустить в ход все средства, чтобы добиться таких условий жизни, когда для удовлетворения своих желаний они не будут вынуждены прибегать к всеобщим стачкам, поэтому возобновили работы только семь заведений с 1.255 рабочими, зато гораздо большее число бросило работы. В сущности в этот день за исключением вышеуказанных 7 заведений бастовали все 635 фабрик, заводов и мастерских, подчиненных надзору инспекции, с 125.000 раб.

11-го числа возобновили работы 28 заведений с 3.300 раб.

С 12-го всего работало 75 заведений с 11.050 раб.

С 13-го перестали бастовать 132 заведения с 16.000 раб.

С 14-го начали работать: Резиновая мануфактура, фабрика Торнтон, Спасская и Петровская мануфактура, всего работало 360 заведений с 51.000 рабочих.

С 15-го работало 400 заведений с 74.000 раб.

С 17-го работали 537 заведений с 87.600 раб.

С 18-го стал работать Путиловский завод, а за ним следом и все фабрики и заводы в Петербургском участке. Неработающими остались только машиностроительный завод Феникс (1.500 раб.), Ново-Сампсониевская мануфактура (430 чел.), Выборгская мануфактура (700 чел.), Никольская мануфактура (1.200 раб.), Бумагопрядильная «Невка» (700 чел.), т. е. 5 фабрик и заводов с 3.500 рабочих. Из них завод Феникс и Ново-Сампсониевская мануфактура начали работать 19 января, «Невка» с 20 января, Никольская и Выборгская мануфактура—с 23 января.

Таким образом закончилась общая забастовка в С. Петербурге и начались для поддержания к себе внимания, как выражаются рабочие, вспышки в отдельных заведениях, которые иногда усиливались, иногда затихали.

Из забастовавших фабрик сами прекратили работы 44 заведения с 50.000 раб., предъявивших от себя общие требования.

За пределами г. С. Петербурга движение рабочих отразилось на Шлиссельбургской ситценабивной и Нарвской льнопрядильной мануфактурах.

Под влиянием нескольких человек, приехавших из Петербурга, 12 января прекратила работы Шлиссельбургская ситценабивная мануфактура с 950 рабочими. Приехавший на следующий день участковый инспектор, показав рабочим объявление г. министра финансов и г. генерал-губернатора о предстоящих законодательных работах и, обе-

щав рассмотреть совместно с заведывающими их частные просьбы, настолько успокоил их, что они прекратили забастовку.

17 января забастовала Нарвская льнопрядильная мануфактура с 3.000 раб.; требования предъявлялись и общие, и частные. Фабрика не пожелала делать никаких уступок и выдала 21 января всем расчет с уплатою за 2 недели, после чего произвела наем вновь, уволив 27 человек.

В городе рабочие за все это время были настроены неспокойно и то тут, то там бросали работы, предъявляя иногда общие требования, а иногда частные; нередко, очевидно, считая чинов фабричной инспекции недостаточно осведомленными с ходом возвещенных господами министром финансов и С. Петербургским генерал-губернатором законодательных работ, требовали предоставления им возможности получить личные разъяснения высших представителей правительства, в чем иногда и получали удовлетворение, что, можно сказать, в единичных случаях внушало депутатам уверенность, что работы об улучшении их быта поставлены весьма серьезно.

Но 7 февраля, когда было вывешено объявление об учреждении еще комиссии сенатора Шидловского с неопределенной программой, в среде рабочих возникло недоразумение, не откладываются ли, если не навсегда, то на долгое время, законодательные работы Министерства финансов и не будут ли сделаны попытки взамен того, что могут дать законом установленные права рабочих, бросить им временно несколько подачек, которые затем можно будет и отобрать, и число прекративших работы рабочих начинает сразу рости и доходит к кануну дня избрания на заводах выборщиков до 36.000, а на 19 февраля, т. е. после того, как комиссия была сорвана, до 46.000 человек, и эта цифра держится до 22 февраля, потом постепенно начинает падать к 25-му до 25.000, к 28-му до 16.000 и к 1 марта до 1.100 и доходит, наконец, к 5 апреля до 6.000, а в настоящее время до 4.000 неработающих рабочих 3-х временно закрытых фабрик.

Необходимость в заработке с одной стороны и боязнь, как бы правительство не приписало их внешнее спокойствие действительному успокоению, с другой стороны, желание добиться, во что бы то ни стало, влияния на распорядки промышленных заведений, дает, повидимому, наиболее горячим сторонникам предъявленных общих требований возможность производить, как бы с молчаливого согласия всей массы рабочих, насилия над лицами фабричной администрации и служит предупреждением, что рабочие не остановятся и перед всякими иными мерами, которые по их мнению откроют им пути для лучшего устройства своей жизни в будущем.

Отсутствие организаций, не давая возможности проявляться настроению рабочих в определенных резолюциях, не дает также возможности чинам фабричной инспекции и всем причастным движению рабочих лицам с уверенностью говорить, чего можно ожидать от молчавшей массы людей, а только предугадывать с некоторой степенью вероятности, что сейчас рабочие решили запастись, по возможности, заработком к весне и тогда, если только нервное и в высшей степени тревожное состояние, в котором они находятся уже несколько месяцев, не вызвало у них временного переутомления, попытаться вновь предъявить свои требования о свободе организаций в возможно внушительных формах или прибегнуть к целому ряду отдельных насилий.

Из остальных губерний С. П. Б. округа забастовки в настоящем году были лишь в трех, а именно: в Курляндской, Витебской и Новгородской.

Наиболее серьезные забастовки имели место в Курляндской губ. Они происходили здесь в промышленных заведениях гор. Либавы и г. Митавы.

В заведениях г. Либавы общая забастовка началась с 13 января и закончилась 28 февраля. Возобновилась вторично, но уже не всеми заведениями, а лишь частью (до 2.000 ч.) 12 февраля, закончившись на этом районе вполне лишь в начале марта. В настоящее время здесь опять забастовал один из крупных металлообрабатывающих заводов из-за увольнения двух рабочих [ареста некоторых рабочих] пытавшихся вывести на тачке глав. мастера.

На заведениях же гор. Митавы общая забастовка началась 14 января и, закончившись сначала к 20 января, 8 февраля вновь разразилась и, дойдя 19 февраля до наибольшего размера, к 1 марта постепенно прекратилась. Забастовки в заведениях гор. Либавы начались почти одновременно с уличными беспорядками, политическими демонстрациями, совершенно таким же порядком, как и в других местах, т. е. небольшая толпа неопределенного состава стала обходить фабрики и угрозами принуждала рабочих оставлять работу. Вначале здесь никаких требований рабочими не предъявлялось, в разбросанных же повсюду и ходивших по рукам прокламациях выставлены были требования—8-часового рабочего дня, свободы слова и сходок, изменения государственного порядка и т. п.

[В самом начале движе-].

Потом уже, спустя несколько дней, рабочие [формулировали свои требования] предъявили такие же требования, как и в пром. местах, т. е. сокращения рабочего времени, повышения заработка, упорядочения медицинской помощи и т. п., каковые и были в некоторых местах удовлетворены.

Почти такой же характер имели и забастовки гор. Митавы, но они хотя и проявлялись в некоторых случаях весьма упорными, но протекали при более мирной обстановке.

В Витебской губ. забастовки имели место почти исключительно в заведениях гор. Витебска и Двинска.

В Витебске забастовки начались 13 января в 2—3 типографиях, одновременно с забастовкой в некоторых ремесленных заведениях, а также приказчиков магазинов. С 17 января к типографиям начали было присоединяться и другие фабрики, заведения, но все ограничивались лишь небольшим—спичечная фабрика, сургучная, пера и пуха, щетиносортировочная и др. Всех забастовщиков к этому времени на заведениях подчиненных фабричной инспекции определялось около 1.000.

В гор. Двинске забастовки начались тоже приблизительно с 13 января с ремесленников и приказчиков. Забастовки на фабриках проявились лишь с 18 января, забастовали здесь на 3 фабриках около 68 ч. р. заведения, но распространение забастовок ограничилось здесь лишь небольшой сургучной фабрикой.

В гор. Двинске забастовки начались тоже приблизительно с того же времени, но сначала исключительно между ремесленниками и приказчиками, и только с 17 января захватили 4 фабрики с общим числом рабочих около 800 чел. 18 января число заведений, остановивших

работу здесь увеличилось на 3, с числом рабочих около 70 ч. и тем все и ограничилось.

20 января как в Витебске, так и в Двинске забастовки прекратились.

21 января началось волнение рабочих на самой крупной фабрике гор. Витебска (льнопрядильной), которое прежде всего выразилось в самовольном сокращении группой рабочих около 200 ч. рабочего своего времени на 1 час, а затем и предъявлением различных требований относительно повышения платы, квартирного довольства и проч. Во всем этом рабочие получили от фабричного управления полный отказ и угрозу закрыть фабрику. При попытке вторичного нарушения порядка, часть рабочих была рассчитана, и тем волнения были приостановлены.

Главнейшими требованиями в Витебской губ. [здесь] забастовщиков были—сокращение рабочего времени до 8 ч. в сутки, бесплатная врачебная помощь семейству рабочих, уплата заработка за время болезни, увеличение заработка, вежливость обращения лиц фабричной администрации и, наконец, уплата за дни забастовки.

Эти требования были в некоторой мере удовлетворены, а именно: за время забастовки почти во всех случаях была произведена полная уплата, рабочее время в большинстве случаев сокращено на 1 час, во многих случаях была повышена заработная плата, а также удовлетворены мелкие требования рабочих.

За будущее старший фабричный инспектор не находит возможным ручаться, главным образом, в виду существования общего брожения в губернии между ремесленниками, приказчиками, а также и крестьянами.

13 марта в Витебске, 19-го же в Двинске забастовки опять возобновились, но, ограничившись в [первых и во втором] обоих местах незначительным числом некрупных заведений, к 19 марта [вполне] постепенно закончились. Характерным здесь было то, что рабочие двух забастовавших в этот период кожев. заводов в г. Двинске предъявили требование о повышении платы, уже повышенной в первый период по соглашению с ними.

В Новгородской губ. забастовки начались 12 февраля с писчебумажных фабрик Пасбурга близ ст. Окуловка Ник. жел. дор. 15 февраля здесь состоялось соглашение и работы восстановились.

21 февраля забастовка произошла на стеклян. заводе Кутеренковых бл. ст. Мал.-Вишера (487 ч. р.), которая также закончилась через несколько дней (23 февраля) состоявшимся соглашением.

Затем, таким же порядком началась и закончилась забастовка на заводе огнеупорных изделий Вахтера близ Боровичей (с 5 марта по 7 марта), чем и ограничились беспорядки в Новгородской губернии, если не считать волнения рабочих на стеклянном заводе Кузнецова, которое пока в забастовку не перешло.

Требования рабочих здесь носили исключительно экономический характер и касались главным образом повышения заработ. платы.

Окружной фабр. инспектор С. П. Б. Окр. И. Федоров.

МОСКОВСКИЙ ОКРУГ 128 л.

МОСКОВСКАЯ ГУБЕРНИЯ. 129 л.

Волнение фабрично-заводских рабочих началось 10 января 1905 года и выразилось в прекращении работ на 134 промышленных заведениях с общим числом рабочих свыше 45 тыс. чел.

На основании переговоров с рабочими и обсуждения их требований фабричные инспектора пришли к убеждению, что доминирующим пунктом недовольства рабочих оказались жалобы на необеспеченность существования вследствие низкого заработка с одной стороны, и все возрастающей дороговизны жизни и отсутствия сносных жилищных условий в Москве и в Московской губернии—с другой. Притом же большинство московских фабричных рабочих сохранило связь с деревней и рабочему приходится, помимо удовлетворения собственных потребностей, из своего заработка посылать на нужды деревни,—«деревня тянет», как говорят [рабочие] они.

[Заявления рабочих о неудовлетворительном положении врачебной помощи в г. Москве тоже основательны. В г. Москве взимается со всякого прибывшего в город лица податного сословия больничный сбор (1 р. 25 к. в год) и выдается контрамарка, по которой заболевший имеет право на койку в городских больницах. В виду постоянного переполнения городских больниц, рабочие в огромном большинстве случаев стационарным лечением не пользуются, а принуждены довольствоваться лишь амбулаторным, не дающим, как известно, удовлетворительных результатов.]

Жаловались [также] рабочие на колебания и неопределенность заработка при сдельных работах. Действительно, заработок сдельщиков при существующей системе составления расценков вообще подвергается часто резким колебаниям, особенно это заметно на механических заводах, где назначение цены на сдельную работу находится большей частью в руках мастера, человека часто не компетентного, не могущего понять сложность дела выработки действительно правильной цены и стремящегося исключительно выслужиться перед конторою. Характерно заявление рабочих-сдельщиков, что им не выгодно увеличивать свою продуктивность, так как все равно этим заработка не увеличишь, а только себя обременишь, так как, если рабочий начнет вырабатывать [больше каких-либо изделий] в день больше, чем вырабатывал раньше, то расценки [на них] за работу, с соблюдением требуемых законом формальностей, сбавят—«для уравнения цен». Таким образом, ловкость, умелость рабочего ничем не поощряется.

Общераспространенно заявление рабочих, что всякие сношения и разговоры с администрацией фабрики или фабричным инспектором по поводу неудовольствий или недоразумений с мастерами, порученные группою рабочих выборным для того товарищам («депутатам») влечет за собою в большинстве случаев увольнение этих лиц с фабрики, а часто и административную высылку на родину как «зачинщиков».

[Рабочие жаловались на невозможность получить общее или профессиональное образование, вследствие недостатка школ, и просили устроить при фабриках библиотеки или читальни.]

Рабочие указывали на свою необеспеченность в случаях инвалидности, старости, болезни, безработицы, а также на отсутствие просветительных учреждений для них. Были жалобы на неудовлетворительное положение врачебной помощи в г. Москве, так как городские больницы в виду постоянного переполнения часто отказывают в приеме больных и последним приходится довольствоваться амбулаторным лечением, хотя необходимо стационарное.

Все вышеизложенное, по мнению фабричных инспекторов, и создало ту благоприятную почву, на которой так быстро выросло рабочее движение в г. Москве и ее окрестностях. Движение это скоро и прекратилось, но это несомненно лишь временное затишье, обусловленное

неблагоприятным для рабочих положением (рабочие только что вернулись после рождественских праздников из деревень, были без денег [а главное] и боялись потерять место), [что особенно страшно]. При первых же благоприятных условиях подобное движение легко может возобновиться.

Фабричные инспектора признают несомненную необходимость введения мероприятий для блага рабочих, отчасти уже намеченных высшим правительством, как-то: допущение рабочих организаций, союзов, камер соглашения, свободы забастовок, сокращения рабочего времени, государственное страхование и т. д.

Врем. исп. обяз. старшего фабричного
инспектора Моск. губ. А. Шульгин.

[Старшего фабричного инспектора] Костромской губернии

[1) Возникновение и характер волнений и забастовок, имевших место в Костромской губ. в феврале 1905 г.].

Волнения рабочих в Костромской губ. носили характер явления отраженного извне, что усматривается из целого ряда требований выдвинутых [ими] рабочими явно формально и на осуществлении которых они не настаивали. Сюда относятся: требования о 8-часовом рабочем дне, об отмене штрафов, устранении от должности мастеров, гарантии безответственности участвующих в забастовке, улучшении вентиляции, устройства яслей, приютов, медицинской помощи и т. д.

Активность проявлялась лишь в действиях молодежи. Остальные массы вели себя пассивно, как бы демонстрируя, что они вынуждены к прекращению работ обстоятельствами от нее не зависящими—волею активных элементов—и тем самым надеялись открыть себе пути к домогательству в законной форме обеспечить себе оплату потраченного непроизводительно на забастовку времени. Поведение их было в смысле корректности и приличия выше похвал.

[2) Особенности их в [связи с местными условиями]

Со стороны местных условий необходимо иметь в виду: угнетенное состояние важнейших отраслей промышленности, выразившееся в сокращении рабочего времени, в залеже товаров на складах (тонких сортов льняных тканей), в отсутствии обостренности в отношениях работодателей и рабочих и вообще отсутствие резких колебаний в общем ходе фабричной производительности (замечается хоть и слабое увеличение числа рабочих, занятых на фабриках в губернии), наличность существования на многих фабриках учреждений на пользу рабочих (потребительные лавки, казармы, бани, школы, ясли, приюты и т. п.).

Все это составляло почву *неблагоприятную* для развития волнений в острой форме.

Но тем не менее в высшей степени нервное настроение *всего общества*, вызванное войной, должно было и нашло себе отражение в чувствительности того слоя населения, который пополняет ряды действующей армии. Слухи о волнениях рабочих в разных местностях империи, об успехах рабочего движения не могли не влиять на них в смысле повышения нервности, в особенности под влиянием картин деревенской жизни, вызванных двукратной мобилизацией.

Таким образом, в фабричную жизнь тревога вносилась извне. Раз она возникла, она ищет себе выхода. Формы выхода оказались в полном соответствии с настроением и местными обстоятельствами.

К числу местных требований относились: 1) требования о повышении заработной платы, об урегулировании устойчивости заработка в зависимости от случайных простоев и других причин, о квартирных

деньгах, выдаче полного жалованья за время болезни, об устройстве яслей, приютов и т. п., и, наконец, общее желание об учреждении старост.

Самой выдающейся особенностью местных требований являлось: 1) их относительная скромность. Они не требовали ничего неисполнимого, 2) их, так сказать, уместность. Вопрос, например, о бане предъявлен там, где во-первых была в том настоятельная надобность, пример соседа, и во-вторых, возможность для владельца удовлетворить это желание. То же относится и к устройству яслей. Именно этим объясняется как относительно скорое улажение недоразумений, так и спокойный характер забастовки.

Требования о квартирной плате вытекают из местных условий. На многих фабриках существуют жилые помещения для рабочих, доставляемые им безвозмездно, но лишь для части рабочих. Это неравенство условий найма создает постоянную почву для предъявления требований об их урегулировании. Некоторые владельцы уже на пути к разрешению сего вопроса в пользу рабочих в форме выдачи квартирных денег. [Я же со своей стороны полагаю, что правильность решения сего вопроса лежит в применении принципа платности за пользование жилым помещением вообще.]. Затруднение состоит лишь в выработке оснований таксировки жилых помещений. Преодолев его, не составит особенного труда урегулировать вопрос о квартирной плате и неравенства условий, вытекающих из сего обстоятельства.

[3) Настроение рабочих в настоящее время и их отношение к будущему.]

Изложенным выше настроение рабочих в настоящее время очерчивается довольно определенным образом: оно тревожное, нервное, но еще не оформившееся. Со стороны местных условий не наблюдается поводов к проявлению обостренности. Но все же они находятся в выжидательном [положении] настроении. Везде идут толки о старостах, толки об организациях, о кассах, о страховании. Рабочие откладывают не только решение вопросов этого рода, но и самую их формулировку впредь до осуществления обещаний, выраженных в известном объявлении г-на министра финансов. Рабочие пока полны доверия к будущему. В этом укрепляют их и владельцы, и заведывающие, и чины фабричной инспекции.

[4) Мероприятия к устранению вероятности обострения взаимных отношений работодателей и рабочих в будущем.]

Итак, вся надежда рабочих—в будущем. Для рабочих Костромской губернии совсем не представляется ясным не только формы будущих организаций, их цели, средства и образ действий, но они не имеют об этом и приблизительных, чисто общих представлений. Ведь в губернии не существует никаких форм общественности для рабочих. Исключение, впрочем, представляют харчевые артели.

Лишь на одной фабрике создалась прекрасная форма общественности—на фаб. Анны Михайловны Красильщиковой в форме математических технических курсов для взрослых рабочих. Здесь возникло и развилось такое общение между рабочими с одной стороны и образованными элементами фабричного управления и владельцев, с другой, что условия для возникновения и развития какой бы то ни было организации с общественными целями весьма благоприятны.

Можно быть уверенным, что на этой фабрике не будет никаких затруднений при практическом разрешении вопросов, связанных с новым

направлением рабочего законодательства. Рабочие и управление пойдут в разрешении вопросов этой категории рука об руку.

Другое дело по отношению к общей массе и фабрик и рабочих.

При неподлежащей сомнению наличности факта сознания о том, что разрешения сложных вопросов, вытекающих из взаимоотношений работодателей и рабочих должно искать в форме организованной деятельности сообща—они далеко не уясняют себе деталей необходимых организаций и неизбежности личных жертв в пользу общего дела. Невежественность и отсутствие общественности, не имеющей поводов к развитию, стоят как роковое препятствие на пути практического разрешения крепко засевших в сознании рабочих недоразумений. Колеблющееся неясное стремление их к организации нашло себе выражение во всеобщем по губернии возбуждении вопроса о старостах. Везде они то предъявляли требования этого рода, то брали их обратно, как только уясняли себе, что эта форма недостаточно надежна в смысле обеспечения рабочим известной свободы действий по отношению к владельцам. Все же они ищут пути и ищут его в коллективности—в организации.

Возникает и развивается общее движение.

Работодатели чувствуют это все сильнее и сильнее и уже никто не решается на прямой отказ по вопросу об учреждении старост. В движении фабрикантов навстречу заботам правительства [я вижу] замечается мало искренности.

В отодвигании ими рабочего вопроса на второй план, по сравнению с общими политическими задачами [я вижу] усматривается лишь дипломатический маневр, состоящий в том, чтобы в трудностях решения общего политического вопроса найти случай задержать решение вопроса фабричного и тем выиграть время.

Таков [по моему мнению] внутренний смысл докладной записки костромских фабрикантов, поданной ими в особое совещание под председательством губернатора и при участии фабричных инспекторов, имевшее место в Костроме 16 марта с. г.

Но жизнь не ждет и потому, в виду чрезвычайно быстро развивающихся событий, важно как можно скорее разрешить вопрос именно об организациях рабочих, обеспечивающих им возможность самостоятельности. Вопросы о нормировке рабочего времени и страхования, как уже получившие некоторое разрешение, имеют не столь острое значение. (Ведь в губернии большинство фабрик работает двумя комплектами по 9 часов).

[Переходя к мероприятиям подготовительного характера не могу не указать на записку Красильщикова, представленную в том совещании. В ней он указывает ближайшие и необходимейшие, по его мнению, мероприятия, направленные к поднятию духовного уровня рабочих и в частности выражает желание об объединении всех без исключения просветительных учреждений, связанных с фабриками, в ведении Министерства финансов, которое, по его мнению, в настоящее время способно обеспечить этим учреждениям необходимый простор к правильному развитию и функционированию.]

Старший фабричный инспектор (подпись).

5 апреля 1905 г. Петербург.

[Доклад Отдела Промышленности].

РЯЗАНСКАЯ ГУБЕРНИЯ. 135 л.

За последнее время ни забастовок рабочих, ни даже попыток к ним на фабриках и заводах губернии не было.

Равным образом за последнее время рабочими не предъявлялось ни к инспекции, ни к администрации фабрик каких либо требований, касающихся улучшения их быта или имеющих общий политический характер. На одной лишь фабрике—льнопрядильной А. Зайцева сыновей в Касимове (2.000 рабочих) несколько рабочих просили директора фабрики увеличить получаемую ими поденную плату, в чем им было отказано.

Прокламации социал-демократической партии, разбрасываемые неоднократно на фабриках г. Егорьевска, также не имели результатов, и рабочие оставались спокойны, хотя в течение поста в Егорьевске упорно держался слух, что на фабрике Товарищества егорьевской мануфактуры бр. Хлудовых готовится забастовка.

Массовые заявления поступали к инспекции лишь от крестьян-ткачей, работающих на раздаточные конторы, по поводу все продолжающегося за последнее время постепенного понижения расценков. В подчиненные надзору инспекции конторы, содержимые так называемыми мастерками, т. е. комиссионерами крупных ткацких фабрикантов, работает в одном Егорьевском уезде 18.000 ткачей. За последний год расценки менялись, все с понижением, беспрестанно, заработок ткачей понизился на 50—60%, а первые предметы продовольствия значительно в той местности вздорожали. Эти два обстоятельства и заставили ткачей обратить на свое положение внимание инспекции; последняя бессильна помочь делу, так как мастерки находятся в зависимости большею частью от крупных московских (Богород. уезда) фабрикантов, которые в виду застоя в мануфактурной промышленности должны были или сократить производство или, чтобы сохранить то же число мастерков, понизить им расценок; последние же, в свою очередь, в том же размере понижали плату и ткачам. В последние два месяца расценки стали повышаться, благодаря некоторому оживлению в этом деле.

Положение промышленности. В бумагопрядильном производстве с осени 1904 года произошло сокращение: Егорьевская мануфактура с 6.500 рабочими стала работать пять дней в неделю; владельцы имели намерение повести сокращение дальше, а именно: работать четыре дня, но, повидимому, в виду последних тревожных событий среди рабочего населения других соседних губерний, отказались от своего намерения. В бумаготкацком производстве, несмотря на плохой сбыт товара, перемен не было: две фабрики (с 2.000 рабочих на обеих) работают как и до осени 18 часов в сутки, другие две (с 600 рабочих)—11½ часов. Единственный механический завод в гор. Рязани, занимающий 250 рабочих, с осени перешел на 9-часовую работу и сократил число рабочих; наоборот, упомянутая льнопрядильная фабрика Зайцева и суконная фабрика Арацкова, близ Рязани, увеличили производительность—первая, перейдя на две смены по 9 ч. каждая, вторая—испросив дважды разрешения Присутствия на сверхурочные работы в виду нужд военного времени.

Таким образом, большая часть рабочих текстильного производства и на механическом заводе работает по 9 ч. в сутки, и требований рабочих о сокращении рабочего времени в Рязан. губернии ожидать в этих производствах нельзя.

[Опасения за будущее] В этом отношении останавливают на себе внимание и вызывают опасения в будущем две фабрики—упомянутые льнопрядильная Зайцева и суконная Арацкова. На этих фабриках заработная плата [чересчур] очень низка: на первой—в среднем на человека за 1904 год пришлось 6 р. в месяц на своих харчах и квартире, на второй—5 р. 50 коп. Плата на обеих поденная и доходит для мужчин до 40—50 коп., для женщин до 30 коп., для подростков до 25 коп. и малолетних до 15 коп. В виду того, что на первой—часть рабочих недавно просила увеличить плату, а на второй—в прошедшем году, во время забастовки, рабочие заявляли инспекции о плохом заработке, возможно ожидать на той и другой недовольства рабочих и проявления его в активной форме.

На Егорьевской мануфактуре забастовка возможна весной, когда рабочие, в виду полевых работ, не так дорожат местом, как зимою, но местных причин, присущих именно только этой фабрике не имеется для забастовки, последняя может произойти под влиянием пропаганды.

В заключение [считаю] необходимо указать, что местные промышленники, как это выяснилось на губернском совещании их, при участии инспекции, под председательством губернатора, не пожелали что либо сделать в отношении улучшения положения своих рабочих и высказались за проведение этих улучшений лишь законодательным путем.

Старший фабричный инспектор Рязанской губернии (подпись).

СМОЛЕНСКАЯ ГУБЕРНИЯ. 137 л.

В Смоленской губернии в текущем году было несколько забастовок на промышленных заведениях, подчиненных надзору фабричной инспекции, из которых все, за исключением одной, произошли в середине января месяца, а эта последняя в конце марта.

Первые, происшедшие 17 января, были вызваны извне, судя как по массе разбрасываемых прокламаций от социал-революционной партии, так и по тому, что никаких требований забастовавшие рабочие не предъявляли. Все они начинались обыкновенно с того, что в промышленное заведение являлась группа посторонних заведению лиц, разбрасывала прокламации и уговаривала рабочих бросить работы, при чем [среди] между рабочими и пришедшими лицами начинались споры, поднимался шум и хозяева заведений, во избежание разных недоразумений, предлагали рабочим бросить работу и уходить на улицу и там говорить.

Забастовки произошли только на 6 заведениях (4 типографии, 1 механическое заведение и 1 катушечная фабрика) с 50 чел. рабочих. На следующий день часть рабочих начала работать и с 20 января все эти заведения работали при полном комплекте рабочих.

В конце января рабочие бастовавших типографий подали старшему фабричному инспектору прошение, где выставили ряд просьб, касающихся исключительно их экономического положения, а именно:

1) 8-часовой рабочий день (на одной из типографий, именно Днепровского Вестника, с конца прошлого года введен 8-часовой рабочий день).

2) Уничтожение сверхурочных работ.

3) Увеличение заработной платы.

4) Производство [расчета] выдачи заработной платы два раза в месяц.

5) Улучшение санитарных условий труда.

6) Прием малолетних в ученики не моложе 15 лет.

7) Увеличение платы ученикам до 3 руб. в месяц (при поступлении ученики получают 1 р. 50 коп.).

Об этом прошении я довел до сведения губернатора и с его разрешения было устроено [мной] старшим фабричным инспектором совещание с владельцами типографий, на котором владельцы согласились удовлетворить след. просьбы рабочих:

1) ограничить рабочий день 9 часами,

2) производить выдачу заработной платы два раза в месяц,

3) увеличить жалованье поступающим ученикам до 2 руб. в месяц, доводя его в первый год до 3-х рублей.

В конце марта—29 числа—забастовала Ярцевская мануфактура с 4.500 рабочими. Эта забастовка явилась совершенной неожиданностью, так как не было ничего такого ни в самих условиях работы, ни в отношении администрации к рабочим, что могло бы послужить поводом к забастовке.

[Я не буду говорить] Не останавливаясь на подробностях забастовки,—надлежит указать, однако, что с 11 часов утра 29 марта губернатор стал получать телеграммы от местных жителей (торговцев) с просьбой высылки войск для охраны их от бунтующих рабочих, вследствие чего в 4 часа дня из Смоленска в Ярцево был отправлен экстренный поезд с батальоном Софийского полка. С тем же поездом уехал губернатор, прокурор и старший фабричный инспектор.

Забастовка была вызвана следующим обстоятельством: в виду плохих цен на миткаль и пряжу и общего застоя торговли, правление Ярцевской мануфактуры с Пасхи этого года предполагало сократить работы на фабрике и поэтому директор фабрики в воскресенье 27 марта вызвал к себе некоторых рабочих из разных отделений фабрики (старост рабочих на фабрике не существует) и предложил им обсудить со своими товарищами следующие три способа сокращения работы на фабрике с Пасхи:

1) Со сменной работы перейти на одну денную,

2) работать сменно по обыкновенному расписанию, но работать 4—5 дней в неделю,

3) производить работу без всякого сокращения рабочих и времени, но сбавить с расценки 10%.

Рабочие обещали обсудить эти предложения и ответили, забастовав в 10½ час. утра 29 марта и предложив с своей стороны след. требования:

С Пасхи этого года установить:

1) 8-часовой рабочий день.

2) Прибавка к существующему расценку (при 21½ час. работы) 10%.

3) Уничтожение платы за квартиру.

Из переговоров с рабочими выяснилось, что забастовка была вызвана исключительно предложением администрации фабрики сбавить 10% с существующего расценка. Правление Ярцевской мануфактуры согласилось удовлетворить желание рабочих и рабочие в 4 часа утра стали на работу. Забастовка продолжалась всего два дня. Во время забастовки рабочие держали себя спокойно и слухи о бунте были вызваны тем обстоятельством, что какие-то пьяные разбили несколько стекол у полицейского надзирателя.

Во время забастовки выяснилось все неудобство неимения представителей от рабочих—хотя бы вроде старост,—так как все время приходилось говорить с толпой. Рабочие не хотели выбирать депутатов, боясь, что они будут арестованы.

Общее настроение рабочих в Смоленской губ. довольно спокойное, хотя нельзя ручаться за то, что если будут забастовки в мае в других местностях России, эти забастовки не отразились бы и в Смоленской губернии, так как и в Смолен. губ. существуют и действуют те же противоправительственные группы, как и в других губерниях. Эти-то группы и пытались вызвать общую забастовку в Смоленске в январе сего года, и, хотя она им и не удалась, это не может быть ручательством за то, что она им не удастся в мае.

Старший фабричный инспектор Смоленск. губ. (подпись).

М. Ф.

Отдел Промышленности

Старший фабричный инспектор Ярославской губ.

Марта 5 дня 1905 г.
№ 500
г. Ярославль

[В Отдел промышленности]

ЯРОСЛАВСКАЯ ГУБЕРНИЯ.

[Имею честь донести, что] Забастовки в Ярославской губернии начались с 15 февраля 1905 года.

Первая была на механическом заводе Смолякова в Ярославле с числом рабочих 120 ч. [Пред'явлено] Потребовано было со стороны рабочих: 1) увеличить заработок, 2) сократить рабочий день с 11½ на 10 часов, 3) отменить обыски при выходе из завода, 4) обращаться вежливо и 5) учредить старост. Затем по очереди каждую неделю бастовали: льнобумагопрядильная фабрика с 1.100 рабочими, полотняная с 3.000 рабочими, завод костяной муки с 220 рабочими и лесопильный завод с 70 рабочими. [Последние все] Рабочие предъявляли те-же требования, кроме обысков, и сверх того еще отмену штрафов и сверхурочных необязательных работ, выдачу половинного заработка за нерабочее время беременным и больным, удешевление продуктов фабричных лавок и увольнение некоторых мастеров. Заработок увеличили везде, кроме [первого] механич. завода Смолякова или прямо или косвенно в виде выдачи квартирных денег около 1½ рублей в месяц. Завод Смолякова в этом отказал, вследствие необыкновенно плохих дел, за отсутствием заказов. Рабочий день уменьшен лишь в заводе Смолякова на ½ часа. Штрафы сокращены, хотя и не были чрезмерными. Остальные требования, кроме увольнения мастеров и отмены сверхурочных работ, удовлетворены. Никаких политических требований не было предъявлено.

Забастовки продолжались от ½ до 3 дней. Рабочие вели себя спокойно, только на полотняной фабрике покушались остановить паровые котлы, но [по предложению немедленно] легко отказались от своего намерения.

Вести переговоры с рабочими не только наиболее удобно, но даже единственно возможно, оказалось при помощи выборных от рабочих, при чем фабричной инспекции пришлось давать обещание, что они не пострадают за эти переговоры. Везде рабочие просили удалить полицию, мотивируя это тем, что она всегда записывает зачинщиков,

а следовательно запишет и выборных. В своих объяснениях выборные старались возможно рельефнее представить трудность своей работы, называя ее воловьей, нечеловеческой и указывая на невозможность существования на столь малый заработок.

Причина забастовок лежит во-первых, в материальном тяжелом положении, ибо в Ярославской губернии одному рабочему в месяц на минимальное содержание с помещением в углу и при самой невзыскательной одежде необходимо 10 рублей, между тем есть рабочие, получающие 7—8 рублей в месяц. [Если другие получают более, то не все рабочие одиноки]. Средний заработок рабочих на полотняной фабрике 14 рублей в месяц, при чем она считается фабрикою с высокими заработками. Но и такой заработок может быть получен лишь при чрезвычайно интенсивной сдельной работе, потому она и кажется рабочим воловьим трудом, потому они и просили о сокращении рабочих часов. Во-вторых, в сознании рабочими своего нравственного достоинства возмущающегося обысками, дурным обращением и руганью мастеров. Поводом к забастовкам послужили отголоски таковых в других губерниях, иначе они были бы летом. Поэтому в мае можно предполагать появление большего количества забастовок, тем более, что мануфактурные рабочие, поехавши на Пасху домой, увидятся там со своими сотоварищами других губерний. Да и многие из рабочих, получивших расчет в Петербурге, появятся и даже уже появились в Ярославской губернии. [Наконец разговоры]. Уже в настоящее время идут усиленные слухи о забастовках на ярославских табачных фабриках в мае месяце. [Ждут усиленно]. Хлопчато-бумажные фабрики Ярославской губернии одна с 10.000 рабочих, другая с 1.500 рабочих еще вовсе не бастовали.

При всех описанных забастовках рабочие постепенно выясняли свои требования, так сказать, сговаривались и потому, чем больше рабочих на фабрике, тем забастовка была длительнее. На полотняной фабрике с наибольшим числом рабочих, несмотря на высший, сравнительно, заработок и начавшийся пересмотр и увеличение расценков в последнем году и продолжающиеся еще и теперь; рабочие вели забастовку наибольшее время, ибо вначале у них, видимо, не были выяснены нужды, почему они их высказывали каждый свои отдельно и заявили массу.

А затем согласились на то, что было предложено в самом начале и работают после того совершенно спокойно.

Странным покажется, что рабочие механического завода из-за уменьшения рабочего времени на полчаса в день и полотняной фабрики из-за прибавки заработка на 1¾ рубля в месяц на человека забастовали, тем более, что те и другие все это легко получили бы и по простой просьбе. Но это не покажется странным, если будет обращено внимание на постепенное выяснение их нужд лишь во время забастовки, ибо только она дала им возможность обсуждать в общем собрании их нужды. А потому можно предполагать, что при допустимости собраний рабочих нынешних ярославских забастовок не было бы вовсе.

Положение полотняных фабрик в Ярославской губернии большей частью очень хорошее, работы более, чем нужно. Бумагопрядильных фабрик и механических заводов—слабое, хотя все они работают без сокращения, но в нынешнем году таковое может последовать. Из остальных фабрик некоторые, поставляющие свои изделия на войска,

работают очень хорошо, например, валеносапожные и табачные; другие слабо, но сокращений значительных пока нет. Заметно сократила производство (почти на половину) канатная фабрика с 350 рабочими.

Старший фабричный инспектор (подпись).

ВАРШАВСКИЙ ОКРУГ.

[По Варшавскому фабричному округу].

142 л.

143 л.

ВАРШАВСКАЯ ГУБЕРНИЯ.

В Варшавской губернии забастовка на фабриках началась в г. Варшаве с утра 14 января. Первыми прекратили работу рабочие газового завода и двух машиностроительных заводов. Эти рабочие, разбившись на кучки, отправились по близлежащим фабрикам и заставляли их прекращать работу. Таким образом, забастовка распространялась, захватывая все больший район и к вечеру 14 января бастовала большая часть фабрик г. Варшавы. 15 января забастовка распространилась не только на все фабрично-заводские, но и ремесленные заведения. С полудня рабочие остановили движение трамваев и принудили возвратиться домой и извозчиков. Так как фабрики расположены более по окраинам города и там рабочие пытались устроить демонстрации с красными флагами, то наибольшие усилия полиции были сосредоточены там, центр же города охранялся сравнительно слабо, этим воспользовались разные элементы, не занимающиеся постоянным трудом и произвели разгром нескольких десятков магазинов на главных улицах города. Разгромлены магазины готового платья, обуви, часов и разной галантереи и два ружейных. По свидетельству полиции рабочие в этом участия не принимали, они пытались только произвести уличные демонстрации, при чем дело доходило несколько раз до столкновения с войсками, результатом чего были убитые и раненые в значительном количестве. Рабочие, прекративши работу, не предъявили никаких требований и только по успокоении уличных волнений стали являться на фабрики небольшими группами и подавать фабричной администрации писаные или гектографированные листки с требованиями. Последние в большинстве случаев сводились к следующему:

1) восьмичасовой день, 2) уничтожение сверхурочных работ, или двойная плата за них, 3) общее повышение платы—минимум платы для мужчин—1 р. 50 к., для женщин—1 р. 20 к., 4) уничтожение сдельных и артельных работ, или определение сдельных цен по соглашению с рабочими, 5) улучшение медицинской помощи, назначение доктора по соглашению с рабочими, медицинская помощь женам и детям рабочих, 6) выплата больному рабочему полного заработка до выздоровления, 7) увольнение рабочих по соглашению с рабочими, 8) отмена обысков, 9) вежливое обращение с рабочими со стороны фабричной администрации, назначение мастеров по соглашению с рабочими, 10) отмена штрафов за опоздание и прогул, 11) улучшение гигиенических условий работы, 12) обеспечение в старости, 13) учреждение школ для детей рабочих, 14) свобода собраний рабочих, 15) удаление фабричной полиции, 16) уплата за время забастовки, 17) неответственность участвовавших в забастовке, 18) устройство касс больничных и сберегательных. Помимо этого были предъявляемы и требования касающиеся только того или

другого заведения или промысла, например, типографщики требовали отмены утренних послепраздничных изданий, рабочие газового завода—установления трехкомплектной работы при печах, кожевенники—устройства умывальников и т. п. Все время рабочие вели переговоры через своих выборных, не являясь, за редкими исключениями, на фабрики в полном составе. Промышленники совещались между собою самостоятельно и частью при участии фабричной инспекции, было совещание и под председательством обер-полицмейстера. Сначала промышленники не хотели итти ни на какие уступки. Затем, частью под влиянием затянувшейся безработицы, частью терроризированные анонимными письмами, угрозами со стороны депутатов, частью выстрелами произведенными в некоторых владельцев и заведывающих фабриками, пошли на уступки и стали происходить соглашения между ними и рабочими, при чем последние требовали утверждения этих соглашений инспекцией и понемногу со второй недели начали возобновляться работы на фабриках. Но окончание забастовки произошло только к половине марта, т. е. через 2 месяца. Первое время возобновившиеся работы часто останавливались из-за разных дополнительных требований или по причине выбрасывания с фабрики мастеров. Вполне устойчивым положение не может быть признано и в настоящее время. Закончившаяся забастовка должна быть признана удачною для рабочих г. Варшавы. Они добились того, что на большинстве фабрик установили 9-часовой рабочий день, заработная плата повышена на 15—20%, отменены обыски, будет оказываться медицинская помощь семьям рабочих, за время болезни будет выдаваться ½ заработка, обещано местною властью удаление полиции с фабрик; кроме того на многих фабриках уплатили за 3—5 дней забастовки и почти на всех выдали большие авансы на весьма льготных условиях возврата. В губернии забастовка началась на неделю позже, но распространялась от фабрики к фабрике таким же порядком. При содействии фабричной инспекции работы, однако, возобновились быстро, при чем рабочие получили прибавку к плате от 10—15% и сокращение рабочего времени до 10—10½ часов. Только на Жирардовской мануфактуре администрация упорно отклоняла все требования и лишь через три недели согласилась прибавить плату от 5—10%, после чего работы возобновились.

Эта забастовка несомненно находилась в теснейшей связи с событиями в Петербурге и вообще с движением, охватившим внутренние губернии империи, поэтому она пользовалась большим сочувствием в местном населении. Даже фабриканты в первую неделю, когда рабочие еще не предъявляли требований, смотрели на нее, как на обширную политическую демонстрацию, результатом которой может быть перемена в системе местного управления. Они открыто заявляли, что может-быть они получат, наконец, местное самоуправление земское и городское, хотя бы в той форме, в какой оно существовало в других местах империи. По этим причинам не только общество, но и промышленники оказывали денежную поддержку забастовавшим, устраивая сборы и подписки. Благодаря этому рабочие и имели возможность так долго настаивать на исполнении своих требований. Хотя эти требования и совершенно тождественные с предъявленными в Петербурге, но нельзя считать их простым сколком с последних. Как выяснилось из разговоров с выборными, они вполне сознательно относятся к этим требованиям и иллюстрируют их фактами из своей жизни. Так что требования эти [составляют] в сжатой форме выражают насущнейшие нужды рабочих. Минувшая забастовка показала, что к числу таких нужд следует отнести и

свободу собраний. Все время и промышленникам и фабричным инспекторам приходилось иметь дело с представителями рабочих, но откуда они являлись, как выбирались—неизвестно. Были случаи, когда вместо одних выборных являлись другие, были примеры, что между таковыми находились лица, не принадлежавшие к составу рабочих фабрики, с владельцем которой велись переговоры. Затем выборные были уполномочены [только] для заключения соглашения, ни в чем не отступая от предъявленных требований, что, конечно, сильно затрудняло самое соглашение.

Так как не было обнаружено, чтобы рабочие где-либо устраивали сходки и совещания, следует заключить о существовании какой-то тайной организации, которая и руководила движением. К этому заключению приводят и те факты [что] остановки уже начавших работать фабрик, если возобновление работ произошло на условиях менее выгодных, чем на другой фабрике или в предъявленных требованиях. Наконец и изменения в этих требованиях, например, замена восьмичасового дня девятичасовым, делались сразу на всех фабриках и отмененные уже не предъявлялись. Остановка фабрик, начавших работать не на требуемых условиях делалась посторонними для фабрики рабочими и нередко с угрозами по адресу как предпринимателей, так и рабочих, иногда эти угрозы доходили до выстрелов на воздух. Влияние этой предполагаемой тайной организации, повидимому, не было так значительно в отдалении от Варшавы, поэтому, например, во Влоцлавске, где до 30 различных фабрик, фабричному инспектору удалось очень быстро устроить соглашение рабочих с фабрикантами и забастовка там продолжалась не более 3 дней. Никаких легальных организаций [между] среди варшавских рабочих нет, так как закон о старостах не получил применения, не пользуясь сочувствием ни со стороны рабочих, ни со стороны фабрикантов. [Небольшое количество]. Больничные и ссудо-сберегательные кассы [не может заменить] не могут доставить по своему устройству, приспособленному к известной цели, возможности рабочим совещаться о своих нуждах, да и касс этих в губернии незначительное число.

Отчасти, может быть, под влиянием существующей нелегальной организации, отчасти потому, что рабочие не добились удовлетворения всех своих требований, они и посейчас находятся в возбужденном состоянии. Многие промышленники и крупные и мелкие жалуются на то, что рабочие [чувствуют себя] работают не так спокойно, как прежде, часто собираются группами, совещаясь о чем-то, переходят с места на место, сделались очень впечатлительны ко всяким замечаниям, чрезвычайно требовательны при определении цены за работу, когда эта цена не обусловлена расценками. Все это дает повод думать, что в мае могут забастовки повториться, многие промышленники в этом убеждены.

Кроме того, через некоторое время возможно ожидать сокращения работ или даже остановки на некоторых фабриках, не имеющих заказов. К таковым относятся фабрики кружев, занавесей, лент и шелкокрутильни, которые в общем занимают до 1.300 рабочих. Главнейшие же отрасли промышленности—по обработке металлов и кожевенные, работают в настоящее время хорошо и ухудшения дел у них не предвидится.

ПО ДРУГИМ ГУБЕРНИЯМ ОКРУГА.

В остальных губерниях Варшавского округа, кроме Варшавской, Петроковской, Гродненской и Виленской, забастовки начались несколько

позднее, чем в Варшаве и, по свидетельству старших фабричных инспекторов, под влиянием событий в Варшаве и соседних губерниях. Возникали и протекали они так же, как и в Варшаве, но закончились гораздо скорее, кроме Келецкой губ., где и сейчас еще не работает одна писчебумажная фабрика [в других губерниях]. Вообще же забастовки окончились [к 1 или 15 февраля] через неделю, дней 10 по возникновении. Требования рабочими предъявлялись те же, что в Варшаве, с некоторыми отличиями, так, в Радомской и Келецкой губ. было выражено требование народного самоуправления в гминах и городах, неприкосновенность личности и жилищ, употребление польского языка в официальных учреждениях и установление третейского суда между рабочими и промышленниками. Этими добавочными требованиями подчеркивается политический характер требований и [высказанное выше убеждение] существование нелегальной организации. Последнее подтверждается еще и тем, что толпы рабочих, останавливавшие заводы, являлись, как они заявляли, по распоряжению комитета и от его имени вручали фабричной администрации и рабочим гектографированные [экземпляры] листки с требованиями. Следствием забастовки явилось то, что рабочие получили прибавку платы и сокращение рабочего времени до 10½—10 часов в сутки. На сахарных заводах убавлено рабочее время только для рабочих, работающих [только] днем— на 1 час.

Если забастовка возникнет в Варшавской и Петроковской губ., то можно того же ожидать и в других губерниях, как отражение, а в Калишской губ. и потому, что в наиболее фабричном центре г. Здунская Воля, промышленность находится в тесной связи с Лодзинской.

И. о. Окружного фабричного инспектора
Варшавского округа Н. Тихомиров.

5 апреля 1905 года.

ВИЛЕНСКАЯ ГУБЕРНИЯ. 147 л.

[О забастовке рабочих в январе и феврале мес. 1905 г.].

Солидарность рабочих на почве общности и тождественности классовых интересов, заметно ростущая и крепнущая в последнее время, убогое экономическое положение большинства рабочих групп в Виленской губ. и принадлежность к организации местного социал-демократического союза «Бунда» до 20% из всего числа рабочих в гор. Вильне, почти всех рабочих кожевников в Сморгони, а также многих рабочих по другим местечкам губернии—вот те главные условия и данные, которые во всякий благоприятный или вообще подходящий момент обеспечивают более или менее полный успех, достаточное единодушие в забастовках и стачках местных рабочих.

При наличности умелых и энергичных руководителей, виленскими рабочими чрезвычайно легко пользоваться для организации стачек и забастовок.

Весьма серьезным поводом для забастовок январских послужили события 9 января в С.-Петербурге.

Уже с утра 11 февраля несколько человек из главных деятелей «Бунда» начали поспешно обходить фабрики, заводы, ремесленные мастерские и магазины и краткими энергичными воззваниями приглашать рабочих оставлять немедленно работы в знак выражения протеста по поводу избиения петербургских рабочих. Во всех 42 заведениях, под-

ведомственных Министерству финансов, приблизительно с 2.500 рабочими, посещенных агитаторами, и в массе крупных и мелких мастерских, в течение от 11 до 16 января была осуществлена забастовка без всяких требований со стороны рабочих к фабрикантам. Эта забастовка продолжалась в различных фабриках от одного до трех дней. Здесь уже отчетливо выяснилась подчиненность всей массы виленских рабочих, как фабричных, так и ремесленных, приказчиков, парикмахеров, фотографов и пр., влиянию «Бунда». Так, напр., когда у рабочих не забастовавших заведующие спрашивали, почему они продолжают работать, последние отвечали: «еще не было сигнала».

«Бунд»—союз еврейских рабочих, преследующий всецело экономические задачи и лишь постольку охватывающий политические цели, поскольку с этим связана экономическая борьба с капитализмом. Партия эта не боевая, к серьезным насилиям относится совершенно отрицательно, хотя изредка, почти даже в исключительных случаях, применяет угрозы и даже драку, когда во время забастовки отдельные рабочие пытаются работать. Лишь в самое последнее время бундовцы начали приобретать массами браунговские револьверы, как на это, между прочим, указывает недавний факт нахождения у арестованной одной виленской бундовки 40 револьверов.

Но, хотя влияние «Бунда», при помощи членов своих, на общую рабочую массу и достаточно велико, тем не менее рабочие охотнее всего и непосредственнее откликаются на простейшие и наиболее осязательные цели всякой стачки. Понятно поэтому, что идейная стачка январская не удовлетворила в достаточной степени виленских рабочих, да самих бундовцев в виду того, что забастовка не распространилась на целый ряд крупных заведений.

Повторение забастовок посему было намечено уже на февраль месяц, именно 19 числа, тем более, что все это время рабочие были в приподнятом настроении. Импульсом послужило введение, вследствие распоряжения Министерства путей сообщения, 9-часового рабочего дня и обещание некоторых других улучшений для рабочих и служащих железнодорожников.

Эта вторая серия забастовок началась с фабрики механических вышивок Мозера и двух гвоздильного и кос заводов Посселя в Нововилейске 14 февраля, а затем, с 21 февраля (вместо предполагавшегося 19 числа) забастовки охватили целые десятки фабрик и заводов и других промышленных и торговых предприятий в гор. Вильне.

Из подведомственных Министерству финансов заведений в течение от 21 февраля до 9 марта забастовка осуществилась в 46, с числом рабочих около 3.000 рабочих, длившаяся в различных заведениях от 1 дня до 2 недель, а в заводах Посселя—23 дня. В другой группе—18 промышленных заведений с 1.200 рабочих, забастовок не произошло, но рабочие, не оставляя работ, предъявили также определенные петиции владельцам.

Из общей суммы требований, изложенных в программе петербургских рабочих, в виленских фабриках были ассимилированы исключительно экономического характера, при чем во всех заявлениях рабочих двумя цветными нитями проводились требования—одно или оба—о сокращении рабочего времени и повышении заработной платы: ими, впрочем, и ограничились рабочие в 33 заведениях из указанной первой категории и 14 второй. Засим, в остальных фабриках и заводах, правда, наиболее крупных, к этим основным требованиям дополнялись еще

различные, смотря по местным условиям, сочетания из следующих: об улучшении медицинской помощи и распространении таковой на членов семейств рабочих, о пособиях за время болезни, об освобождении арестованных полицией за забастовку рабочих, о вежливом обращении администрации, об отмене обысков и в 4—5 случаях об организации касс взаимопомощи, при чем рабочие, повидимому, предусматривали за ними единственное назначение—для стачечных целей.

Как безусловно общее влияние нужно отметить весьма слабую настойчивость виленских рабочих в отношении всех своих требований, кроме повышения заработной платы. Этою чертою своих рабочих и пользовались с успехом фабриканты для ликвидации забастовок, если [сами имели в виду] находили возможность [быстро ликвидировать забастовку путем] повышения заработной платы на 2—3—5 коп. в день.

Но, конечно, и эти успехи были достигнуты далеко не всеми рабочими.

Промышленный кризис, обусловливаемый войною, с особенною силой выражен в виленских фабриках, и без того никогда не отличавшихся прочностью своего состояния. Поэтому все заводы, напр., кожевенные в г. Вильне, работающие уже с 1902 г. в весьма незавидных условиях, в большинстве своем, едва сводя концы с концами, в настоящее время совершенно не могли откликнуться [никак] на притязания рабочих повысить заработную плату. Все владельцы этих заводов, в ответ на забастовку рабочих, решили приостановить свои заводы, при чем некоторые откровенно сознались, что в дни забастовки они не имеют убытков, а чистую прибыль. Для кожевенного производства в частности являлись настоящим бичем [моменты] все случаи мобилизации. Всякий раз, как только производилась мобилизация, у каждого из виленских фабрикантов-кожевников вексельный портфель пополнялся все новыми и новыми неоплаченными векселями уходящих на Дальний Восток мелких торговцев, мастеров, сапожников. Кроме того, с началом войны весь восточный рынок исчез для кожевников, а новые события на Кавказе опять подорвали торговлю изделиями кожевенных заводов, составляющих, как это известно, центр тяжести виленской промышленности.

Дабы охарактеризовать общую сумму результатов, достигнутых в февральские забастовки рабочими, приведу следующие цифровые данные, касающиеся этих забастовок:

1) В отношении первой группы заведений (46, в которых была осуществлена забастовка), переводя на одного рабочего, общую потерю можно выразить 25.517 днями, при чем забастовщиками за все время забастовки недополучено 19.650 рублей заработка.

2) Из 46 указанных заведений в 8, с числом рабочих 527 ч. (что составит из всего числа 2.976—17,7%), рабочие получили: сокращение рабочего дня в среднем на 11%, и повышение заработной платы в среднем на 9%.

3) В 7 (из 46) заведениях с 549 чел. рабочих (17,4% из всего числа) выиграли лишь сокращение рабочего времени в среднем на 10%.

4) В 12 заведениях 623 раб. (20,9%) добились повышения заработной платы, но без сокращения дня (около 7,66%) от 5 до 15%.

5) В остальных 19 фабриках и заводах 1.278 рабочих (43%) никаких улучшений не добились.

6) 60 человек из забастовщиков после забастовки не были приняты на службу.

7) Что касается 18 заведений второй группы, в которых рабочими были предъявлены коллективные требования без оставления работ, то результаты их переговоров сводятся к следующему:

а) В 4 (из 18) заведениях с 268 рабочими (23,7%) дано повышение заработной платы на 2—5—7%; в 14 заведениях с 913 чел. раб. (34%) сокращен рабочий день: в 4 на полчаса, в 9 на 1 ч. и в одном на 2 часа. В 2 заведениях рабочие не получили никакого удовлетворения (80 чел.).

Кроме всего этого, не лишне упомянуть, что свыше 300 человек из забастовщиков перебывали в тюрьме от нескольких дней до нескольких недель.

Что касается возможности новых забастовок в ближайшем будущем, то можно считать весьма вероятною забастовку не только сморгонских кожевников-рабочих, у которых еще не было забастовки (в текущ. году), но и многих виленских рабочих, которые не достигли никаких уступок в феврале месяце.

Старший фабричный инспектор (подпись).

ГРОДНЕНСКАЯ ГУБЕРНИЯ.

[Записка о рабочем движении в Январе—Марте 1905 г.].

Происходившие в текущем году на фабриках и заводах Гродненской губернии массовые нарушения правильного хода промышленной жизни распадаются на два отдельных периода. Первый продолжался с 16 по 21 января; второй, начавшись 14—17 февраля, не может считаться законченным и в настоящее еще время.

Характерным признаком первого периода было отсутствие каких либо требований рабочих и несочувствие рабочей массы к возникшему движению. Движение это носило признаки внешней демонстрации и встречено было рабочими как нечто чуждое. Картина оставления работ была везде более или менее одинакова. На фабрику вторгалась толпа постороннего народа, пробегала по мастерским и кричала рабочим, чтобы те бросали работу. При этом стреляла (в воздух) из револьверов и угрожала револьверами и ножами мастерам и тем из рабочих, которые отказывались бросать работу. Рабочие покидали фабрики и расходились по домам. На тех фабриках, куда доступ помянутым группам был прегражден, работы шли спокойно без всякого перерыва. Таким образом в Белостоке остановилось всего несколько фабрик северной его окраины; в Гродне—одни более мелкие фабрики; в Белостокском уезде—одна лишь фабрика близ северной части города и фабрики одного местечка, куда явилась толпа народа из соседнего Гродненского уезда. Сильнее всего описываемое движение проявилось в местечке Крынках, Гродн. у., где частью рабочие кожевенных заводов данного местечка, частью же другие местные жители (почти исключительно евреи) разгромили все находящиеся в Крынках казенные и общественные учреждения (почту, телеграф, волостное правление, становую квартиру, винную лавку), провозгласили упразднение существующего государственного строя, проделали то же в соседних местечках и двинулись в Белостокский уезд, где были остановлены подоспевшими войсками.

Возникшее так неожиданно движение так же быстро и прекратилось: 20—21 января все приостановившиеся фабрики гор. Белостока пошли в ход; в Гродне и Брест-Литовске работы возобновились еще

ранее. 23—24 января затихли последние отголоски описанного движения как на кожевенных заводах местечка Крынок, так и в Белостокском уезде.

Движение 16—21 января нельзя назвать забастовкой; это было насильственное принуждение рабочих посторонними людьми прекращать работу, с целью, надо думать, чисто демонстративной. Неуспех этого движения объясняется, повидимому, тем, что рабочим не было подсказано никакой формулы, в которую могли бы облечься понятные для них требования; экономические же условия, на почве которых возникали до сих пор рабочие забастовки Гродненской губернии, слишком мало благоприятствовали тому, чтобы требования эти явились сами собою. Весь 1904 год шерстяная промышленность (первенствующая в Гродненской губернии) находилась в весьма подавленном состоянии: сокращено было и рабочее время и число рабочих; рабочие заработки сильно упали; по мнению самих рабочих, время для забастовки было очень невыгодное. Поэтому в дни 17—18 января, посещая в Белостоке остановившиеся фабрики, рабочие которых толпились около них, фабричные инспектора слышали частые заявления рабочих, что они хотят работать, но боятся угроз; также выражалось при этом озлобление против мешающих работать, которые-де и работать не дают и денег не платят.

Итак, движение 16—21 января закончилось быстро и мирно, без предъявления рабочими каких-либо требований и без изменения существовавших до того условий рабочего времени, платы и т. п.

Исключение составило одно лишь промышленное заведение—машиностроительный завод А. Вечерека в Белостоке. Завод этот был в числе остановленных 17 января. При этой остановке рабочие его (всего свыше 500 чел.) никаких требований не предъявляли; возобновляя же работу (20—22 января) заявили ряд требований, почти аналогичных требованиям, заявленным рабочими Путиловского завода. Главнейшие из этих требований были: 8-часовой рабочий день; повышение расценок; увольнение рабочих не иначе, как с согласия соработников; плата за время забастовки и безнаказанность ее; лечение семейств рабочих. По некоторым цехам потребовали перехода с почасной платы на поденную и отмены аккордной работы. Прибывший на завод фабричный инспектор убедил рабочих, готовившихся оставить завод и уже не работавших,—продолжать спокойно работу, дав две недели сроку для того, чтобы рассмотреть все предъявленные требования, после чего будет дан на них ответ. Рабочие послушались и работа возобновилась. От этого дня и до 14 февраля промышленная жизнь Белостокского фабричного района, да и остальной Гродненской губернии шла без каких-либо остановок. Была, положим, забастовка ткачей в кол. Михайлове Белост. у. (с 24 января по 7 февраля); но она имела вполне местный характер и вызвана была тем, что местные фабриканты чрезмерно удлиняли длину основы, при сдельной плате с куска готового товара.

3 февраля рабочим завода Вечерека объявлены были ответы заводовладельца на их требования. Рабочее время оставлено прежнее (9 часов чистой работы); даны разные прибавки; сделаны некоторые уступки частного характера; дан бесплатный доктор для семейств. В уничтожении аккордной и почасной платы отказано, также отклонено вмешательство рабочих в увольнение соработников, в установлении расценок. Отказано и в плате за забастовку. Рабочие согласились на предложенные условия и продолжали работу без перерыва.

11 февраля забастовали рабочие мастерских Юго-Западных ж. д. в Старосельцах под Белостоком, всего 700—800 человек. В виду близкого общения этих рабочих с рабочими завода Вечерека и тесной между ними связи явилось основание ожидать забастовки и у Вечерека. Действительно, 14 февраля рабочие этого завода, бросив работу, посадили на тачки четырех частью мастеровых, частью старших рабочих завода и вывезли их за ворота, потом, с криками «ура», стали качать некоторых из мастеров и из заводской администрации; когда же прибыл фабричный инспектор, объявили ему, что решили устроить забастовку и подали список своих требований. Последние сводились к увольнению с завода вывезенных лиц и еще 12 мастеров и рабочих, к замене сдельной и почасной платы на поденную и плате за все время забастовки. Заводоуправление отказалось исполнить эти требования и рабочие разошлись. В тот же день вывезен был на тачке за ворота директор одной суконной фабрики при гор. Белостоке. 15 февраля такую же операцию проделали над своим директором рабочий суконной фабрики А. Моэса в м. Хорощ, Белост. у., обвиняя его в принуждении работниц являться к нему на ночь.

16-е прошло сравнительно спокойно. 17-го, с утра, начались остановки фабрик гор. Белостока. Рабочие остановившихся уже фабрик заходили толпами на продолжавшие еще действовать и требовали прекращения работы, что рабочие, найденные на работе, с готовностью исполняли. Откуда началось это движение—не установлено, но к концу этого дня (17/II) бездействовали уже все фабрики гор. Белостока, и движение широкой волной направилось в Белостокский уезд. По времени телефонных сообщений, соединенных с Белостоком телефоном уездных фабрик, можно было проследить переход толпы с одной фабрики на другую и последовательную их остановку. Телефон гласил обыкновенно так: «Сейчас пришли ко мне на фабрику человек 40—50 чужих рабочих и велели моим рабочим бросать работу. Фабрика остановлена». При этом выражалось опасение разгрома и насилий; но порядок соблюдался полный.

На некоторых фабриках фабриканты спрашивали рабочих, чего ради они бросают работу и чего хотят; то же спрашивали, когда удавалось, фабричные инспектора. Рабочие отвечали, что дадут ответ, когда все это будет обсуждено и решено на общем совещании рабочих.

На другой день (18-го) в Белостоке бездействовали буквально все фабрики; остановились и все ремесленники; забастовал трамвай, извозчики, прислуга в гостиницах и ресторанах, закрывались магазины, и город замер. С разрешения местного полицмейстера, рабочие собирались в грандиозные сходки, устраивая их в прилегающих к Белостоку лесистых местностях. 18-го же устроили собрание многие Белостокские фабриканты и порешили предложить рабочим, чтобы те выбрали из своей среды депутатов, которые и изложили бы общие требования рабочих. В свою очередь, фабриканты выбрали из своей среды представителей для ведения дальнейших переговоров с рабочими; посредничество между ними и рабочими в ведении дальнейших переговоров фабриканты просили принять на себя фабричную инспекцию. 20 февраля состоялось заседание представителей от фабрикантов и выборных от рабочих (последних около 80 человек); на этом заседании рабочие предъявили свои требования. Последние делятся на общие и по отдельным фабрикам. Общие—восьмичасовой рабочий день; повышение заработка: сдельным на 15%, работающим с платой от времени—при зара-

ботке ниже 6 р. в неделю—на 20%, и выше на 10%; плата за время болезни (половина заработка) и неувольнение больного рабочего; плата за забастовку и неувольнение за нее; бесплатное лечение семейств рабочих; удаление рабочих только с согласия соработников; участие рабочих в установлении расценок; более гигиеническое устройство мастерских; плата за время лечения после несчастного случая в полном размере заработка; дача помощников машинистам; подчинение надзору фабричной инспекции мелких шерсто-ткацких гор. Белостока. Требования частного характера касались: у Вечерека—замена сдельной и почасной платы на поденную; с одной фабрики заявили об отмене обысков; с некоторых заведений требовали замены мастеров и т. п.

21 февраля Белостокские фабриканты употребили на обсуждение всех вышеизложенных требований рабочих, в чем принимал участие и местный фабричный инспектор. 22 февраля собраны были рабочие депутаты и представители фабрикантов объявили им в присутствии старшего и участкового фабричных инспекторов выработанные фабрикантами ответы. Последние состояли в следующем: 1) Вместо существующей работы в 11½ часов, рабочий день в 10 часов, или 60 часов чистой работы в полную неделю; 2) врачебная помощь семьям рабочих—за счет фабрикантов, но желательно при некотором участии в расходах и самих рабочих; вопрос организации—в комиссию; 3) за время болезни рабочего фабрикант платит ему половину заработка, для чего фабриканты желают устроить общую больничную кассу при участии в ней самих рабочих; 4) заработная плата повышается: для работающих сдельно и зарабатывающих менее 8 р. в неделю—на 5%, а получающих плату от времени и получающих менее 6 р. в неделю—на 10%; остальным без перемены. Кроме того по возможности выравниваются расценки; 5) по вопросу улучшения гигиенических условий мастерских, фабриканты, впредь до издания обязательных постановлений, попросят губернскую власть назначить комиссию для осмотра всех фабрик и дачи необходимых указаний к их улучшению; 6) о подчинении инспекции мелких ткацких фабриканты возбудили соответственное ходатайство; 7) машинистам будут даны помощники; 8) за забастовку, поскольку это зависит от фабрикантов, никто уволен не будет. По остальным пунктам—уплата за забастовку, неувольнение без согласия соработников, неувольнение заболевшего, допущение рабочих к установлению расценок—фабриканты отвечали отказом.

Выслушав ответы фабрикантов, рабочие депутаты, после долгих разговоров, объявили, что они не уполномочены давать окончательный ответ от имени всех рабочих, а передадут им ответ фабрикантов. Последние же объявили, что считают свои переговоры с рабочими законченными, дальнейших вести не желают, а окончательный ответ предлагают рабочим сообщить фабричной инспекции.

В последовавшие дни началось массовое обращение рабочих к фабричному инспектору, с заявлениями, что они настаивают на исполнении первоначальных своих требований, уступки же фабрикантов считают недостаточными. Для большей успешности переговоров рабочими предложено было [мною] объединиться не по фабрикам, а по роду работы и выбрать от каждого рода по 2—3 депутата, которые во-первых, предъявили бы окончательные требования своего разряда, а затем имели бы полномочия для окончательных переговоров. Рабочие исполнили это, и новые депутаты снова были сведены с фабрикантами,

но соглашения не последовало и на этот раз. Тогда, исчерпав все средства увещания, убеждения и посредничества, фабричная инспекция объявила общие переговоры законченными и предложила, если та и другая сторона пойдут на уступки, то чтобы рабочие приходили каждый на фабрику, где работал, и вели переговоры каждый со своим хозяином, по фабрикам.

Надо сказать, что все описанное время мало благоприятствовало спокойному ведению переговоров. Уже с 18-го начались уличные демонстрации и столкновения с полицией. В этот день сходка рабочих тысяч в 5 человек собралась за городом Белостоком; когда она возвращалась в город сплошной толпой, с криками «ура», полиция потребовала, чтобы толпа разошлась; в конце концов были пущены драгуны, рассеявшие толпу без употребления, впрочем, оружия. Для ослабления уличных демонстраций и, желая вообще свести забастовку на чисто экономическую почву, местная полиция, виня в политической стороне дела главнейше евреев, сумела как-то поселить рознь между рабочими христианами и рабочими евреями—явление вполне новое и до тех пор не наблюдавшееся. Рабочие христиане стали не допускать в свои сходки рабочих евреев и сами не участвовали в сходках, устраиваемых евреями; на мои вопросы, почему в число 80 депутатов не избрано ни одного еврея, рабочие неоднократно объясняли мне, что не хотели иметь с евреями ничего общего, т. к. те «делают бунт». Крестьянам, которых разного рода люди не допускали в эти дни подвозить в Белосток из деревень обычные продукты на базар, полиция толковала, что это все евреи. Так быстро возник раскол между христианами и евреями, ослабивший несколько остроту минуты, но имевший иные последствия. Так, 21 февраля рабочие христиане собрались с разрешения полиции в городском саду. Рабочие евреи, не получив разрешения на сходку, отправились за город и собрались в лесу. Туда отправился за ними белостокский исправник с эскадроном драгун и разогнал сходку. Толпа густой массой повалила обратно в город. Желая опередить ее, чтобы заставить разойтись до входа в город, исправник врезался со своей коляской в середину толпы, озлобленной, что ей запрещена сходка. Из толпы раздался выстрел, убивший исправника наповал. Драгуны бросились на толпу и рассеяли ее, при чем многие из толпы пострадали, т. к. было пущено в ход оружие.

На другой день в одного из белостокских фабрикантов (христианина), когда он шел в совещание фабрикантов, было сделано евреем (скрывшимся) два выстрела из револьвера; фабрикант был легко ранен, и той же пулей убит проходивший мимо еврейский мальчик. Так как не было никаких данных считать, чтобы покушение это было направлено лично против этого фабриканта, то все решили, что в данном случае еврейская партия хотела убить одного из представителей «примирительной комиссии», не сочувствуя улаживанию забастовки. После этого покушения остальные выборные от фабрикантов заявили, что опасаются за свою жизнь, больше участвовать в комиссии не желают и даже боятся выходить из дома. Приходилось ободрять их, посещать по домам, убеждать довести дело до конца и проч. За это же время было несколько покушений на полицию; убит был рабочий—булочник, отказавшийся прекратить работу; началось запугивание отдельных фабрикантов угрозою смерти и проч. Бездействие трамвая, полное отсутствие извозчиков, неимение мяса, свежего хлеба, прекращение грузового движения—все это не содействовало успокоению рабочих.

Поворот к лучшему начался лишь с начала марта. Первою возобновила свои действия шляпная фабрика Браунека и Фосса в Белостоке (240—300 рабочих), за ней постепенно другие, сперва медленно и неполно, а с 7 марта все основательнее. Условия возобновления: 10 часов чистой работы, 10—15% прибавки, плата за время болезни и бесплатное лечение семейств. Плата за время забастовки выдана была очень немногим; некоторые дали лишь авансы (но вероятно удерживать их не будут); большинство же ничего не заплатило. К 20 марта восстановилось уже действие всех промышленных заведений Белостокского района и с внешней стороны все вошло как-будто бы в норму. Но и посейчас работы нельзя считать прочно установившимися. Одной из причин частых недоразумений служит вопрос о продолжительности работы по субботам и накануне праздников. Многие рабочие, основываясь на том, что ранее работали по субботам и накануне праздников на 1½ часа меньше против обычных будней (вместо 11½ часов 10), желают и теперь кончать в эти дни на 1½ часа раньше, начиная в то же время, т. е. работать 8½ часов. Фабриканты на это не согласны и дают на эти дни уступки всего в ½ часа (9½ часов работы). На многих фабриках рабочие согласились на это, на других же продолжают по субботам и предпраздничным дням, несмотря на протесты фабрикантов, уходить на 1½ часа раньше положенного времени. Затем возникло, уже после окончания общей забастовки, затруднение с работающими при сельфакторах (старшими). До сих пор такие рабочие обслуживали по 4—6 сельфакторов каждый, получая по 10—12 рублей в неделю. Теперь они требуют каждый по 18 рублей в неделю и не желают обслуживать более 3 сельфакторов каждый, так что при 4-х, напр., сельфакторах расходы должны подняться с 10—12 руб., на 36 р. в неделю. Прядильные фабриканты не соглашаются на это, сельфакторщики не уступают; в результате новые остановки, неполное действие, недостаток пряжи на Белостокском рынке, и, в зависимости от этого, затрудненное действие ткацких и отделочных фабрик. На ряду с новыми требованиями рабочих, являются случаи отказа фабрикантов от исполнения уже обещанного ими. Мелкие фабриканты, работающие на арендованной паровой силе, ссылаются, например, на невозможность выдержать 10-часовой рабочий день при арендной плате, расчитанной на 11½ час. работы, и при отказе владельца паровой силы облегчить условия контракта. Другие говорят, что не в состоянии конкурировать с Лодзью, где рабочие не добились таких уступок.

В виду всего этого, есть все основания предполагать, что после Пасхи (после 1 мая нового стиля) в фабричной промышленности Белостокского района возникнут новые осложнения. Предвидя это, некоторые фабриканты уже подписали своим рабочим расчетные книжки за 2 недели до Пасхи, чтобы иметь свободу для заключения новых условий найма. Ожидать нарушения в правильном ходе фабричной жизни надо и по другим местностям Гродненской губ. До сих пор описанное выше движение коснулось только города Белостока, Белостокского и двух небольших фабрик гор. Гродны; в остальных местах все было спокойно, работа ведется попрежнему 11½ час. без всякой прибавки к оплате. Фабриканты на вопрос, не пожелают ли они сами от себя дать рабочим то, что уже дано в Белостокском районе, отвечают, что да, но только когда рабочие этого потребуют, ибо иначе рабочим «нечего будет требовать», а требовать чего нибудь они, по мнению фабрикантов, наверно будут.

Поэтому с 20 апреля предстоят в Гродн. губ., как по мнению фабрикантов, так и фабричных инспекторов, новые остановки фабрик, забастовки и т. п.

Теперешнее состояние главной местной промышленности—обработки шерсти—отнюдь не удовлетворительное. Прибавка дана была фабрикантами, т. к. забастовка застала их врасплох, среди выполнения заказов; теперь они оправились и готовы дать отпор. Официальная забастовка будет, пожалуй, скорее забастовкой фабрикантов, а не рабочих. Желательно скорейшее санкционирование законом 10-часового рабочего дня, устройство больничных и пенсионных касс, облегчение врачебной помощи семьям рабочих. Но всего желательнее и необходимее скорейшее [могу сказать] возможно, немедленное разрешение рабочих сходок, союзов и вообще рабочих организаций. Даже с точки зрения полицейского режима, современное положение невозможно: разрешение на сходки выдается по личным соображениям чинов полиции и также случайно ими запрещается. 21 февраля в Белостоке одним рабочим была разрешена сходка, а другим запрещена; последние собрались без разрешения, а желавшего разогнать их исправника—убили, в виде протеста против стеснения свободы сходок. После этого стали запрещаться какие бы то ни было сходы в Белостоке, но, конечно, усилилось еще больше число сходок не разрешенных.

Старосты от рабочих в Гродненской губ. вовсе не привились. Пробы делались неоднократно, но ни к чему не приводили. На двух фабриках дело доведено было до выборов; но в обоих случаях рабочие отказались выбирать: в одном заявили, что старосты эти будут, де, не от рабочих, а от фабриканта, а в другом—что такие годовые старосты им неудобны, раз их нельзя сменить до срока; они, де, предпочитают иметь депутатов, выбираемых по каждому частному поводу отдельно и не нуждающихся в утверждении заведующего.

Требования о ненаказуемости забастовок, о свободе сходок и союзов, депутатах и проч. предъявлялись рабочими во время последней забастовки неоднократно, но не к фабрикантам, а к фабричным инспекторам. Желательность всего этого поддерживали белостокские фабриканты.

[Старший фабричный инспектор Гродненской губ. (подпись)].

5 апреля 1905 г. С.-Петербург.

ПЕТРОКОВСКАЯ ГУБЕРНИЯ. 159 л.

5 августа 1905 г. С. Петербург

Тотчас после Петербургских событий 9—11 января, в Лодзи стали циркулировать настойчивые слухи о предстоящих забастовках и действительно, утром, 13 января, после перерыва на завтрак 300 рабочих аппретурного отделения бумажной мануфактуры Акц. о-ва Л. Гайэра не приступили к работе, при том они не предъявляли никаких определенных требований, явно уклонясь от категорических объяснений, просто лишь заявили, что не желают работать на прежних условиях, считая их для себя тягостными. В то же время замечалось брожение и в соседних ткацких залах; рабочие этих отделений собрались небольшими группами у станков, видимо, о чем то совещались, при приближении мастеров немедленно принимались за работу; после обеденного перерыва все рабочие аппретурного и ткацкого отделений в числе свыше

1000 человек, явившись на фабрику, к работам не приступили, требуя установления 8-часового рабочего дня и повышения заработной платы по 20 коп., в час; вскоре к ним пристали и другие ткачи этой фабрики, так что к 4-м часам дня число забастовавших достигло до 2000 человек. Переговоры с делегатами выбранными рабочими привели к заключению, что их требования навеяны извне и, что к каким-либо уступкам и соглашению они совершенно несклонны. Вечером того же дня, за 2—3 часа до сигнала прекратили работу и спокойно разошлись по домам рабочие соседних фабрик: Штейнерта—500 рабочих (бумажная мануфактура), Оссера—300 раб. (ткацкая) и прядильная—«Домбрувка»—300 раб. 14-го утром не приступили к работам рабочие ближайших к фабрике Гайэра фабрик: Леонарда—800 раб. Швейкерта—300 раб., Рихтера—800 раб., Столярова—500 раб., Розенблата—400 раб.,—все преимущественно ткачи. Затем, начиная с десяти часов утра, несколько банд рабочих, двигаясь значительными группами от одной ф-ки к другой, требовали прекращения на них работ, при чем кое-где при приближении этих банд, рабочие по данному сигналу сами прекращали работу, выходя навстречу прибывшим; иногда же последние самовольно останавливали машину и тушили котлы; таким образом к вечеру этого дня все фабрики гор. Лодзи были охвачены забастовкой. Вечером того же дня по [моему] приглашению старшего фабричного инспектора собрались на совещание фабриканты наиболее крупных фабрик; к этому времени приехал из Петрокова г. губернатор, принявший затем руководство совещанием. На совещании было признано необходимым, вопреки намерению некоторых фабрикантов, держать фабрики в готовности к принятию рабочих, приглашая их к работе установленными сигналами в назначенное время. Однако, ни в субботу, ни в понедельник 17 января ни на одной фабрике рабочие к работам не приступили, а затем в последующие дни этой недели забастовали рабочие и других промышленных центров Петроковской губ., при чем порядок забастовки шел совершенно так же, как и в Лодзи; при этом сначала забастовали ближайшие к Лодзи населенные пункты, а затем забастовка последовательно распространилась от одного города до другого, так что к концу этой недели (от 17 до 24 января) все фабрично-заводские заведения Петроковской губ., за немногими исключениями уединенно расположенных или находящихся в стороне от железной дороги, были охвачены [пожаром] забастовкой.

По свойству представленных рабочими требований и по характеру возникновения и распространения стачки ясно усматривается, во 1-х, что она навеяна извне и во-2-х, что она была заранее организована и все время находилась под весьма умелым руководством.

В первую очередь рабочие ставили сокращение рабочего времени до 8 часов и увеличение заработной платы на 20%; кое-где требовали 20 коп. за час работы, но [я полагаю] можно полагать, что это неправильно понятое указание на 20%-ую прибавку; затем целый ряд требований бытовых улучшений вплоть до устранения женского труда на фабриках и участия в назначении и удалении старших агентов фабричной администрации; здесь упоминалось и бесплатное обязательное обучение детей рабочих, выдача платы на квартиру и отопление, распространение даровой медицинской помощи на семейства рабочих, устройство разного рода касс обеспечения и попечительно-воспитательных учреждений (клуб, читальня, театр, баня и т. п.), широкая организация представительства рабочих в интересах их нужд и т. д.

Начиная со второго периода забастовки (для Лодзи с 24 января), когда кое-где рабочие стали проявлять наклонность вернуться к работам,

требования их стали значительно понижаться и приобретать более определенный, конкретный характер, что дозволяло вступать с ними в переговоры в смысле соглашений. В этот период переговоров (третья неделя с 24 и по 30 января) крупные фабриканты гор. Лодзи после ряда совещаний постановили сократить рабочее время до 10½ часов эффективной работы и соответственно, в смысле компенсаций повысить заработную плату.

После этого, с понедельника 31 января, рабочие начинают большими массами приступать к работам и, хотя к концу этой недели работало уже почти ¾ всех фабрик, однако еще в течение почти целого месяца настроение их нельзя было считать окончательно установившимся, в виду постоянно возникавших б. частию кратковременных забастовок на почве недоразумений по разным вопросам состоявшихся соглашений. Такой же характер постепенного затихания забастовки наблюдался и в остальных крупных промышленных центрах губернии, при чем наиболее затяжной характер они приняли в Сосновицком районе, повидимому, вследствие влияния рабочих каменноугольных копей, где почемуто переговоры долго не приводили к соглашению.

Забастовка, как сказано, началась на фабрике Л. Гайэра, крупнейшей и старейшей Лодзинской фабрике, где положение рабочих отнюдь не может считаться худшим, чем на других—наоборот, в смысле заработной платы и отношения к рабочим, она скорее должна считаться в числе наиболее благоустроенных в Лодзи; никогда на ней не было каких-либо крупных недоразумений и тем не менее она забастовала первою. Фабрика эта расположена на окраине города и окружена группою более или менее средних фабрик, которые и забастовали вслед за ней. Забастовка произошла в четверг, т. е. в день получения рабочими заработной платы. После забастовки этих фабрик на другой день стояли уже все фабрики Лодзи, а через 3—4 почти все фабрики и копи Петроковской губ. Очевидно, что условия создавшие стачку были общие для всех рабочих, не взирая на крайне разнообразные бытовые условия на отдельных фабриках или их группах. С другой стороны нельзя отрицать, что время, выбранное для стачки, весьма содействовало приданию ей затяжного характера, так как следующий расплатный день для большинства лодзинских фабрик приходился на католический праздник Сретения господня (20 янв. 2 фев. нов. стиля), а по установившемуся порядку на некоторых фабриках заработки выдают до праздника, а на других после праздника, так что в эту неделю по необходимости явилось три расплатных дня: среда, пятница и для остальных фабрик—суббота. Далее забастовка копей должна была затянуть забастовку в фабрично-заводских предприятиях, что и действительно имело место для некоторых мелких заведений, не имевших запасов угля. Наконец, забастовка железнодорожных служащих должна была приостановить всякое торгово-промышленное движение.

Последовательность забастовок упомянутых отдельных групп предприятий, так тесно зависящих друг от друга, заставляет предполагать, что эти забастовки велись по определенному плану.

[Старший фабричный инспектор (подпись)].

[По Варшавскому округу] 163 л.

В губерниях, входящих в состав Варшавского округа, кроме Варшавской, Петроковской, Гродненской и Виленской, забастовки хотя и возникали, но заканчивались сравнительно скоро. Исключения представляют

Калишская и Келецкая губ. В первой, в городе Здунская Воля фабрики не работают около месяца: причина этого заключается в том, что там только две фабрики вполне самостоятельны в своей работе, остальные более мелкие получают работу от Лодзинских фабрик на раздаточных конторах и пока не работали в Лодзи и эти фабрики не могли иметь работы. В Келецкой губ. забастовка затянулась на одной писчебумажной фабрике, которая не работает и до сих пор из-за того, что администрация фабрики отказывает в прибавке платы. В остальных губерниях промышленность слабо развита, число рабочих незначительно, особенно в это время года, когда довольно многозначительные сахарные заводы закончили уже период кампании и распустили большую часть рабочих. Возникала забастовка и в этих губерниях как везде, т. е. являлась толпа посторонних рабочих и требовала остановки работ, при чем как администрации, так и рабочим вручали список требований, во всем сходных с предъявленными в Петерб., Варшаве и др. местах, только в губерниях Келецкой и Радомской было предъявлено требование о введении польского языка в гминах и других официальных учреждениях. При вручении требований пришлая толпа именем какого-то комитета запрещала возобновлять работу в течение двух недель, когда должно последовать особое распоряжение. Рабочие заводов, расположенных вдали от городов, бросали работу неохотно и только из боязни мести не выходили несколько дней, а потом возобновили работу. В городах же пытались устроить уличные демонстрации, которые наиболее резкий характер приняли в г. Радоме, где для их подавления была применена военная сила. Повидимому движение переходило из таких промышленных центров, как Варшавская и Петроковская губ. и в будущем, если возникнут волнения в этих губерниях, они несомненно отразятся и в остальных губерниях Царства Польского.

В дело. [Справку] в д. о движ. раб.

Секретно. 164 л.

Канцелярия имеет честь препроводить при сем в Отдел Промышленности, по принадлежности, копию выписки из отношения управляющего делами Комитета министров на имя г. министра финансов, от 8 сего марта за № 97 с одним печатным экземпляром извлечения из всеподданнейшего отчета за 1903 г. о состоянии одесского градоначальства.

№ 2288.
12 марта 1905 г.

М. Ф.

Старший фабричный инспектор Херсонской губ.

25 апреля 1905 г.
№ 1169
г. Одесса

175 л.

На предложение за № 5208 имею честь доложить, что данные о порядке служебных действий чинов фабричной инспекции Херсонской губернии, помещенные в № 95 от 13 апреля с. г. газеты «Русь» в

письме редактора-издателя «Коммерческой России» Саула Исааковича Соколовского, совершенно неверны.

Мне неизвестна точная причина остановки выхода газеты «Коммерческая Россия», но во всяком случае, эта приостановка совершилась без всякого участия и влияния фабричной инспекции. Никаких отношений к С. И. Соколовскому, редактору-издателю газеты «Коммерческая Россия», фабричная инспекция не имела, никакой борьбы ни с ним, ни с его газетой не вела и никакой войны ни ему, ни его газете не объявляла. Ни я и никто другой из фабричных инспекторов не интересовался—каким путем идет г. Соколовский со своей газетой и какие приятности могут ожидать его, и заявление г. Соколовского, что его по этому поводу предупреждал фабричный инспектор и даже угрожал ему, ложно.

Указываемого г. Соколовским заседания Одесского отделения императорского русского технического общества, на котором будто бы обсуждалось или осуждалось направление фабричной инспекции, никогда не было. Я, как председатель механического отдела и член совета Отделения, знаю это точно и утверждаю. С. И. Соколовский не состоит членом технического общества и, вероятно, по недоразумению принимает за заседание общества совещание одесских фабрикантов, собравшихся в помещении технического общества, для обсуждения вопросов, вызывавшихся происходившими в других городах забастовками. На этом совещании некоторые фабриканты выражали неудовольствие на фабричного инспектора г. Зевальда за его настояния последовать примеру промышленных заведений, сокративших рабочий день до 9 часов и улучшивших положение рабочих, не ожидая требования о том со стороны последних.

Приводимые далее в письме г. Соколовского перенумерованные факты или ложны, или извращены:

1) Никаких специальных правил для типографии Гальперина и Швейцера, в которой печаталась «Коммерческая Россия», не было; заведывающий этой типографией составил и представил мне на утверждение правила внутреннего распорядка, подобные правилам других газетных типографий, которые и были утверждены мною. Основные положения этих правил, общие для всех одесских газетных типографий, были выработаны на совещании заведывающих газетными типографиями и издателей газет при участии фабричной инспекции. На это совещание был приглашен и г. Соколовский, хотя и не имевший собственной типографии, который оказался наиболее упорным в отстаивании интересов издателей. Никаких жалоб от рабочих типографии Гальперина и Швейцера на стеснение их этими правилами к фабричному инспектору не поступало. Были же жалобы этих рабочих на то, что им за воскресную и сверхурочную работу по газете дают обычную, а не повышенную, как в других типографиях, плату. Вследствие этой жалобы, фабричный инспектор г. Зевальд разъяснил рабочим необязательность для них сверхурочной работы и право их отказываться от нее; это-то разъяснение г. Соколовский и называет советом не являться на работу и не выпускать номера газеты.

2) Заявление г. Соколовского, что фабричный инспектор будто бы сказал ему: «что его дело для кого какой закон применять», является в лучшем для г. Соколовского случае извращением «права и обязанности фабричной инспекции согласовать представляемые фабрикантами правила внутреннего распорядка с требованиями закона». Кроме того,

как уже было сказано выше, для всех газетных типографий были составлены однородные правила и, следовательно, для всех закон был применен одинаково.

3) Сообщение г. Соколовского, что фабричная инспекция была даже причиной забастовки наборщиков—ложно. В начале марта семь наборщиков «Коммерческой России» просили сократить, по примеру других типографий, рабочий день с 10 часов до 9, прекратить ночную работу и увеличить заработную плату с 30 до 35 рублей и прервали работу на 3—4 часа, пока им не пообещали увеличить плату. Последствием этого недоразумения было для рабочих увольнение их с работы через две недели.

4) Недружелюбного, как пишет г. Соколовский, отношения к типографии Гальперина и Швейцера или к другому промышленному заведению со стороны фабричной инспекции не было. От Гальперина лишь требовалось исполнение закона и представление на утверждение правил внутреннего распорядка для газетных рабочих, что и было исполнено после нескольких подтверждений лишь 26 февраля, хотя газета печаталась в этой типографии и ранее. Причина, по которой типография Гальперина отказалась печатать «Коммерческую Россию», мне неизвестна, но фабричная инспекция к этому делу никакого отношения не имела. Выражение г. Соколовского, что типограф или кто другой сумел или не сумел «ладить» с фабричной инспекцией, при чем слово «ладить» поставлено в кавычках, по своей неопределенности недостойно порядочного человека. Отношение фабричной инспекции ко всем имевшим до нее дело всегда было и есть одинаково корректно.

5) Утверждение г. Саула Соколовского, что в другой типографии, в которую перешла «Коммерческая Россия» и владелец которой А. Ф. Соколовский сумел яко бы ладить с фабричной инспекцией, смягчили правила внутреннего распорядка, совершенно неверно. Напротив, в типографии Гальперина рабочий день был 10 часов, рабочая ночь 9½ часов, а для печатников 10 часов, в типографии А. Ф. Соколовского рабочий день был 9 часов, рабочая ночь 9 часов, а для печатников 8 часов, т. е. не у А. Ф. Соколовского, а в типографии А. Ф. Гальперина, не умевшего якобы ладить с инспекцией, правила были более выгодны для издателя газеты. Заявление редактора-издателя С. И. Соколовского, что типографу А. Ф. Соколовскому (однофамилец) сказали откровенно, что у Гальперина правила были расчитаны на то, чтобы газета не могла выходить, также ложно и никому никто из фабричных инспекторов ничего подобного не говорил и никаких оснований, чтобы сказать это, не было.

6) Г. Соколовский в своем изложении совершенно извратил второе недоразумение, бывшее с наборщиками его газеты. В № 92 от 7 апреля с. г. в «Коммерческой России» было напечатано письмо, в котором указывалось, что в некоторых типографиях поневоле приходится семейному человеку примириться и работать за низкую плату, так как он находится в безвыходном положении и не может отстаивать своих интересов, боясь быть расчитанным и лишиться куска хлеба. В виду этого следовало бы фабричной инспекции установить и здесь одинаковую расценку во всех типографиях.

Наборщики «Коммерческой России», получая меньшую плату чем в других газетных типографиях, на основании этой статьи своей газеты потребовали повышения платы. В удовлетворении этого требования наборщикам было отказано и все они, несмотря на их просьбу

дозволить им отработать на старых условиях две недели, были немедленно уволены, как это и предсказывалось «Коммерческой Россией». Вмешательство фабричного инспектора г. Зевальда в это дело оказалось безуспешным и уволенные рабочие подали жалобы на содержателя типографии мировому судье. При расследовании этого недоразумения фабричный инспектор разъяснил рабочим, что они введены в заблуждение газетной статьей, написанной лицом, не знающим фабричных законов. Редактору С. И. Соколовскому в частном разговоре также указывалось на неверное изложение и толкование в его газете фабричных правил и законов, напр., в этой газете писалось, что правила внутреннего распорядка составляются не заведывающими, а присылаются готовыми из Петербурга, что фабричная инспекция устанавливает цены за работу и т. п.

Г. Соколовский в конце своего письма сообщает «характерную черточку», что старший наборщик «Коммерческой России», работавший в изданиях Крушевана «Бессарабец» и «Знамя», дружески обнимал фабричного инспектора г. Зевальда. Это также является крайне смелою ложью, измышленною г. Соколовским. Дело в том, что при расследовании фабричным инспектором г. Зевальдом недоразумения, возникшего между наборщиками, типографией и редакцией, один из наборщиков, бывший в нетрезвом виде, при объяснениях брал инспектора за плечо и мешал правильному расследованию дела, почему по требованию инспектора он и был удален своими товарищами из типографии.

С. И. Соколовский кончает свое письмо так же недостойно, как и начал его, двусмысленными намеками и недомолвками, «что существующие условия не позволяют ему высказать всю правду». Все содержание письма, в котором ни слова правды нет, показывает, что такое под словом «правда» понимает г. Соколовский.

Письмо г. Соколовского было напечатано в двух одесских газетах, в «Руси» и «Рассвете» и, может быть, и в других. В виду моего отсутствия из Одессы г.г. участковые фабричные инспектора поместили в одесских газетах и частью в «Руси» ответы на него.

При сем прилагаю вырезки из газет по этому делу.

Старший фабричный инспектор Херсонской губ. (подпись).

Делопроизводитель Ковальский.

М. Ф. Копия. 205 л.

Отдел Промышленности Секретно.

Старший
фабричный инспектор
Оренбургской губ.
27 мая 1905 г.
№ 5

Его превосходительству
господину оренбургскому губернатору.

В дополнение к моему донесению от 25 мая честь имею доложить вашему превосходительству. После соглашения между приказчиками и хозяевами о праздничном отдыхе, действительно покупка провизии в г. Оренбурге сопряжена для рабочего класса с большими затруднениями. В постоянной заботе о своих рабочих, заводовладелец Федор Карлович Эверт, первый из здешних заводовладельцев решил для облегчения покупки провизии своим рабочим освобождать таковых по субботам

в 4 часа пополудни, не вычитая с них за это время никаких сумм. Рабочие были очень довольны новым порядком и благодарны хозяину. Несмотря на это, благодаря агитации, на днях решили потребовать от хозяина завода, чтобы их освобождали в 4 часа не только по субботам, но и накануне всех других праздников и предъявили это требование 25 мая пополудни. Ф. К. Эверт принципиально не считал возможным удовлетворить такое незаконное требование рабочих, так как таковые уже и без того освобождаются накануне праздников на час раньше обыкновенного. Рабочие, несмотря на увещания, считая нужным показать свою силу, бросили в 4 часа 25 мая работу и ушли, впрочем ни в чем не нарушая тишины. Сегодня 27 мая в $6\frac{1}{2}$ часов утра явились все рабочие на работу и заводоуправление узнало, что, по предложению нескольких человек товарищей, бросили все совместно работу, хотя до сих пор никогда никаких недоразумений с хозяином не было. При расследовании обстоятельств этого дела не могу не отметить некоторые действия полиции, которая даже при лучшем желании помочь может невольно способствовать косвенно возникновению недоразумений. Городская полиция, как это и доложено мне с других заводов, в последнее время очень часто, как и в данном случае, являлась на заводы, то в лице городовых, то околоточных, то и приставов. Рабочие смотрят на явление полиции, как будто таковая приглашена со стороны заводоуправления для оказания особого давления на рабочих, что уже создает и почву для подозрений и недоразумений. Согласно уст. о пром. и наказу чинам инспекции, расследование случаев нарушения внутреннего распорядка и благоустройства промышленных заведений и принятие зависящих мер внутри заводов составляет предмет исключительного ведения чинов фабричной инспекции под наблюдением, а в подлежащих случаях и руководством г.г. губернаторов. Мы, фабричные инспектора, ответственны перед вашим превосходительством и Министерством финансов за принятие всех мер к благополучному улаживанию всех возникающих недоразумений между рабочими и хозяевами. Согласно ст. 59 уст. о пром. полиция оказывает фабричной инспекции во всех упомянутых случаях должное содействие, но считал бы весьма не желательным посещение полицией заводов подобно вышеупомянутым, без особых причин, когда такие явления, нарушая обычную обстановку, возбуждают подозрения рабочих и при известных условиях могут действовать даже вызывающе, создавая предмет обсуждения для амопирующих элементов.

В виду изложенного, честь имею покорнейше просить ваше превосходительство не отказать в обсуждении сего вопроса и соответствующем распоряжении, содействующем облегчению задачи фабричной инспекции по принятию всех мер к мирному течению внутренней заводской жизни.

Представляю при сем вашему превосходительству копию объявления заводоуправления, вывешенного на заводе Ф. К. Эверт сего 27 мая в 12 ч. дня. Подлинное подписал и. об. старшего фабричного инспектора Оренбургской губернии Г. К. барон Бисстрам.

С подлинным верно:

И. об. Старшего фабричного инспектора
Оренбургской губернии Г. К. барон Бисстрам.

М. Ф.

Фабричная инспекция Черноморской губ.

Старший фабричный инспектор

Марта 6 дня 1905 г.
№ 7
гор. Новороссийск.

л. л. 217—218

Получено в делопроизводстве Главного присутствия 14 марта 1905 г. № 502.

Секретно

Настоящее донесение имею честь представить в Отдел Промышленности. 1905 г. Марта 10 дня.

Окружной фабричный инспектор Харьковского округа
(Подпись)
№ 62

В Отдел Промышленности

Руководствуясь примечанием к ст. 37 „Наказа", мною были отправлены в Отдел Промышленности следующие телеграфные сообщения о начале и окончании забастовки в каменоломнях и на печах завода Общества черноморского цементного производства:

1) От 23 февраля.

«Сегодня сто двадцать рабочих каменоломов и с печей на заводе Общества черноморского цементного производства бросили работу, требуя удаления десятника, увеличения поденной платы и расценков и бесплатных квартир. Десятник удален; неполучающим квартир отпустят отопление; некоторые работы будут производиться поденно. Рабочие остались довольны и согласились завтра возобновить работы».

2) От 24 февраля.

«На Черноморской работы с утра возобновились». В дополнение приведенных телеграмм, имею честь донести Отделу Промышленности о возникновении, ходе и окончании забастовки следующее:

23 февраля с 9½ ч. утра начальник Новороссийского округа сообщил мне по телефону, что в каменоломнях Черноморского завода рабочие бросили работы, собрались в казарме и требуют заведывающего заводом для предъявления своих требований.

Явившись в контору завода, я узнал, что недоразумения с рабочими начались еще 19 февраля, но заводоуправление полагало, что сумеет устранить недоразумения само, почему и не сообщило мне о волнении рабочих.

В казарме каменоломами были заявлены следующие требования:

1) удалить десятника из 3-го ущелья Кравцева, так как он притесняет рабочих и берет с них взятки;

2) уравнять число часов работы с заводом и установить время начала и окончания работ в каменоломнях наравне с заводом;

3) поденную плату установить в 1 рубль;

4) платить за время болезни половину заработка;

5) предоставить всем семейным рабочим бесплатные квартиры или же выдавать им по 4 р. квартирных;

6) снимать прослойки между пластами (пустую породу), какой бы толщины таковые ни были, поденно, а если сдельно, то по особому каждый раз соглашению, и

7) производить открышу пластов поденно, а если сдельно, то по особому каждый раз соглашению, с записью договоренной цены и замера в книжки до начала работ.

Почти одновременно с каменоломами прекратили работы и рабочие по нагрузке и выгрузке печей, заявив требования:

1) повысить поденную плату до 1 руб. в день;

2) повысить расценку за нагрузку печей с 72 к. до 1 р. с печи;

3) повысить расценку за выгрузку печей до 6 рублей за печь; или же производить эту работу поденно с платою за каждый рабочий день по 1 р. 20 к.;

4) предоставить всем семейным рабочим бесплатные квартиры, или же уплачивать по 4 р. квартирных.

По записи требований, рабочим было мною предложено выбрать по человеку от каждой артели и прислать в контору завода, а остальным приступить к работам. На первое рабочие согласились, а от второго отказались.

Заявление рабочих относительно десятника Кравцева, мне кажется, основательно. Из обзора табелей усматривается, что у некоторых рабочих заработок значительно менее, чем у других: они держатся или на поденной, или работают на невыгодном слое. В указанном рабочими случае на приписку одному из них поденного времени,—из табеля обнаружено, что у рабочего этого значится поденное время по открыше в те дни, когда другие рабочие той же артели работ по открыше не производили, а следовательно, и этот рабочий один без артели не мог работать по открыше. Рабочий этот подтвердил, что, по взаимному уговору, десятник приписал ему время, а плату за него они разделили пополам. Нравственный облик Кравцева, вне его службы на заводе, крайне грязный—это уличенный шантажист, а потому заявления рабочих о вымогательстве и взятках Кравцева, даже вне рассмотрения табеля рабочего времени, приобретают характер вполне вероятный. Администрация завода согласилась удалить Кравцева и решение это было принято рабочими очень сочувственно и рабочие после того быстро пошли на уступки: видимо было, что вопрос о Кравцеве был для них главным вопросом.

Каменоломы работают при дневном свете, а потому их работы на Черноморском заводе, как и на соседнем цементном заводе, согласованы со временем восхода и захода солнца. Число рабочих часов в каменоломнях разное: 9, 9½, 10, 10½ и 11, смотря по времени года, на заводе же—10½ ч., а с 22 февраля с. г. понижено до 10 часов. Заводоуправление согласилось считать рабочий день и в каменоломнях в 10 часов, начиная и оканчивая работы одновременно с заводом, хотя в известные месяцы рабочие каменоломен, за отсутствием искусственного освещения, в действительности будут начинать позднее, а оканчивать ранее, т. е. не будут вырабатывать 10 часов.

От увеличения поденной платы, равно как и уплаты половинного заработка во время болезни, заводоуправление категорично отказалось, так как таковое увеличение платы, в связи с необходимостью увеличения в этом случае и сдельного расценка, который выработан при 80 к. поденного жалованья, вызвало бы увеличение расходов по производству на 80 т. рублей.

Казарм для холостых на заводе достаточно, и отказа холостым рабочим в заводской квартире не наблюдалось,—семейных же квартир имеется ограниченное число, почему в настоящее время до 70 семейных рабочих помещаются на частных квартирах. Холостые пользуются ка-

зармами бесплатно, платя лишь за отопление в зимние месяцы 90 к., а в остальные—70 к.; семейные за квартиры с отоплением платят по 4 рубля. Заводоуправление согласилось отпускать тем семейным, кои не пользуются квартирою при заводе, отопление в количестве 12 п. антрацита в каждый из 5 зимних месяцев и 8 п. в остальные месяцы. Кроме того, оно согласилось отпускать из своего склада, при надобности в том, антрацит по своей цене—17—18 к. вместо 23—25 к. местной рыночной цены.

Прослойки тоньше 2 вершков снимались и убирались из карьеров до сего времени бесплатно, или, вернее сказать, стоимость этого труда учитывалась платою за вырабатываемый цементный камень. При таком расценке получалась неравномерность заработка рабочих, так как толщина слоев и прослоек не во всех карьерах одинакова. Заводоуправление соглашалось увеличить на 3% плату за вагонетку цементного камня, считая, что прослойки составляют 3% толщины всех разрабатываемых слоев, дабы не увеличивать персонала надзора при увеличении количества поденных работ, но рабочие на это не согласились и заводоуправление уступило в этом рабочим.

Работа по открыше и ранее должна была производиться требуемым рабочими порядком, но, как уже не раз мною замечалось и ранее, администрация не всегда строго придерживалась такого установленного правилами и расценками порядка: иногда работа сдавалась без предварительного замера; иногда замер производился не в присутствии рабочих, при чем случались довольно грубые ошибки, не к пользе рабочих; иногда договорная плата, не будучи своевременно записана в книжки, изменялась, опять-таки не всегда к выгоде рабочих. В настоящем заводоуправление подтвердило, что будет строго смотреть за тем, чтобы установленный порядок соблюдался.

Каменоломы удовлетворились сделанными им уступками и обещаниями и изъявили согласие с утра 24-го возобновить работы, прося лишь засчитать им этот нерабочий день, что и было обещано.

В увеличении поденной платы и сдельного расценка рабочим на печах было отказано, квартирный же вопрос с ними был решен так же, как и с каменоломами.

Мною было обращено внимание заводоуправления на крайне тяжелые условия работы рабочих на печах и сравнительно низкий их заработок по сравнению с другими рабочими завода, но несмотря на это, заводоуправление не нашло возможным улучшить их материальное положение.

И эти рабочие, как и каменоломы, не настаивали на дальнейшем удовлетворении их требований и заявили, что с утра возобновят работы.

При расследовании претензий рабочих мною было обращено внимание на сделанное одним рабочим замечание, что заработок их мал потому, что, когда нет на печах работы, мастер их отправляет гулять, а также потому, что печи сделаны больше, а расценки не изменены, почему, по уходе рабочих, я проверил эти замечания.

Из просмотра табелей за последние месяцы оказалось, что у некоторых рабочих чуть не через два дня на третий прогулы. Объяснение заведывающего, что это произошло от того, что в эти дни был сильный норд-ост, мешавший производить работы, не могло найти себе подтверждение ни в данных метеорологической станции, ни в том обстоятельстве, что в те же дни работали на тех же работах другие рабочие. В дальнейшем заведывающий старался объяснить это соглашением рабочих, которые предпочитали не каждый день работать, лишь

бы не рассчитывали никого из их артели в виду сокращения работ. Это объяснение было опровергнуто мною 24-го из разговоров с рабочими.

Увеличение объема печей, что отрицало заводоуправление, подтвердилось. Дознано, что одна из систем печей действительно увеличена в объеме довольно значительно, при чем рабочим об этом не сказано и расценок не был повышен.

Об обнаруженном мною не было составлено протокола, так как я опасался, что при отказе заведывающего подписать протокол мне пришлось бы пригласить урядника и произвести допрос рабочих, каковой показал бы им некорректность администрации, что могло вызвать вновь приостановку работ. В виду сказанного я ограничился отметкою о найденном в книге для замечаний и предложением устранить замеченное и не допускать его повторения. После сего заведывающим был мне представлен новый расценок на печи системы III, в котором цены с 3 р. 60 к. и 4 р. 20 к. повышены до 4 р. 75 к. и 5 р. 40 к.

Вообще, как мною неоднократно замечалось и отмечалось записями в книге замечаний и в составленных протоколах, тенденция администрации Черноморского завода сводится к нажиму на рабочих и мелкому их обсчету, что в особенности заметно по сравнению с соседним заводом Общества «Цепь», где отношения администрации к рабочим не оставляют желать лучшего.

Старший фабричный инспектор
Черноморской губернии (подпись).

Министерство Финансов — лл. 227—236

Копия.

Главный начальник
Уральских
горных заводов

10 августа 1905 года
№ 9781
г. Екатеринбург

По поводу забастовки на Пермских пушечных заводах.

В Горный департамент.

Препровождая при сем, для доклада его высокопревосходительству господину министру, в копии полученное мною 6-го сего августа от горного начальника Пермских пушечных заводов заключение совещания по поводу требований, предъявленных рабочими пушечных заводов, считаю долгом уведомить Горный департамент, что, приехавши, по приказанию господина министра финансов, в Мотовилиху 28 июля, я застал заводские работы в полном ходу, забастовка продолжалась 16 дней и была вызвана исключительно посторонними агитаторами революционно-социальной партии, действовавшими крайне настойчиво и дерзко. По распоряжению губернатора, за все время забастовки, в заводе находилась рота пехоты и 150 казаков.

Сборища рабочих и посторонних лиц, достигавшие 10.000 человек, собирались не в заводских помещениях, а на открытом воздухе, в нагорной местности, на так называемой «вышке».

После многих сходок, в виду политических и противоправительственных речей, самого неумеренного характера и совсем не касающихся до заводских интересов рабочих, губернатор разрешил послед-

нюю сходку в субботу 16 июля, объявивши, что более таковые допущены не будут.

Эта последняя сходка отличалась особенной бурностью и закончилась тем, что из толпы и из засады под гребнем горы вышки последовали револьверные выстрелы в казаков, в которых начали также бросать камнями: казаки, которых было выслано сперва 50 человек, а затем еще 50 человек, в свою очередь произвели несколько выстрелов под откос в кусты, из которых в них стреляли. Затем, нагайками быстро разогнали всю огромную толпу, рассеявшуюся в разные стороны. Впечатление от этой атаки было весьма сильное и, повидимому, оказало угнетающее действие на беспокойных участников толпы и, наоборот, ободрило массу несочувствующую забастовкам и беспорядкам, но участвующую в них только по принуждению и увлечению. В заводе держатся упорные слухи, что агитаторы стараются вновь устроить забастовку, а благоразумная часть, утомившаяся всей этой беспорядицей, тяжело отзывающейся на их благосостоянии,—обещала избить агитаторов и бунтарей.

Утром 21 июля, по приказанию горного начальника, были даны обычные гудки, призывающие на работу, и рабочие начали собираться в завод, идя каждый к своему делу, как будто бы ничего не было. Значит принялись за работу на прежних условиях.

Тем не менее администрация завода, как бы игнорируя последнюю забастовку, считала своею обязанностью подробно рассмотреть требования, представленные выборными по цехам еще после первой забастовки.

Прибывши в Мотовилиху, я устроил совещание, под своим председательством, при участии горного начальника и всех заводских инженеров, на котором и были приняты те решения, которые изложены в прилагаемом журнале.

Несмотря на то, что мое пребывание в управлении завода в продолжение нескольких часов несомненно было известно всем рабочим,—никто из выборных или отдельных лиц ко мне не явился и ни с какими требованиями не обращался. Поэтому, я счел более тактичным, чтобы не подавать повода к новым волнениям, не вступать лично в переговоры с выборными, а, утвердивши заключение совещания, предложил горному начальнику Строльману, при первой же попытке к устройству новой забастовки, объявить рабочим, что завод будет закрыт на неопределенное время, а все рабочие получат расчет. Об этом была послана мною телеграмма в Горный департамент, для доклада министру, и 30 июля получен телеграфный ответ, что распоряжения мои одобрены господином министром.

До сего времени работы продолжаются в полном порядке и можно надеяться, что новых забастовок не будет, хотя полной уверенности выразить нельзя.

Подписал: Главный начальник П. Боклевский.

Скрепил: Делопроизводитель Тихонов.

Верно: Ис. об. столоначальника.

Сверял помощник столоначальника (подпись).

л.л. 229—237.

Копия с копии.

Заключения совещания, происходившего на Пермских пушечных заводах 28 июля 1905 года, под председательством г. главного начальника Уральских горных заводов, при участии инженеров, служащих на Пермских пушечных заводах, по поводу требований, предъявляемых рабочими.

Совещание имело целью рассмотрение требований, предъявленных во время забастовки 5—21 июля депутатами от сходок, во время забастовки происходивших. Кроме того, рассмотрены были и те из требований, предъявленных до забастовки, имеющимися в каждом цехе выборными от рабочих, которые носят характер общий для всего завода.

По представленным горным начальником и нижеприводимым требованиям, предъявленным во время забастовки, состоялись следующие заключения совещания:

Требования	Заключения совещания
1) Освобождения Юрша и рабочих, арестованных по предыдущей забастовке.	Так как Юрш и остальные, подразумевающиеся здесь рабочие арестованы по распоряжению жандармской и общей полиции, то требование это заводской администрацией не может быть принято во вни ание.
2) Выборные от рабочих, по уполномочию рабочих, закрытой баллотировкой постановили просить об отстранении от службы на заводе горного инженера М. Д. Назарова и мастера орудийных фабрик В. К. Крапивина.	Отстранение от службы мастера Крапивина, судя по сделанной на совещании характеристике его, не оправдывалось бы необходимостью оградить интересы рабочих, так как его деятельность в фабриках признана не нарушающей таковых. Кроме того, деятельность его довольно ограниченная и соприкасающаяся только с частью рабочих орудийных фабрик. Что касается инженера Назарова, то он после предъявления требования об его удалении и сам не находит возможным оставаться на службе на Пермских пушечных заводах и намерен просить об увольнении от таковой.

По этим причинам, независимо от общих соображений в отношении исполнимости требований подобного рода, признано требование это удовлетворению не подлежащим.

3) Разрешение подписки между рабочими на образование капитала для учреждения для рабочих библиотеки со взносом казною $1/3$ части собранной рабочими суммы.	Признано возможным учреждение только библиотеки и читальни из книг и изданий исключительно технического характера и элементарных научных и притом только на средства завода, с условием вручения заведывания библиотекой и читальной ис-

ключительно заводской администрации и помещения их в заводском соответственном здании. На обзаведение признано достаточным 500 рублей [1].

4) Открыть немедленно ремесленное училище, на основании положений, изданных для частных горных заводов и железнодорожных мастерских.

Открытие ремесленного училища признано весьма желательным, а вопрос об этом подлежащим представлению на распоряжение высшего начальства.

5) Открытие приемного покоя внутри завода с постоянным дежурством врача или фельдшера специалиста по глазным болезням.

Признано необходимым, по причине удаленности заводского госпиталя от завода и частой необходимости в медицинской помощи в случаях незначительных повреждений на заводских работах, напр.: попадания в глаза металлической стружки, легких поранениях и т. п.

Как выяснилось на совещании, помещение для приемного покоя имеется; в настоящее время оно приведено в надлежащий порядок, открытие задерживается еще тем, что еще не подобран полный состав медицинского персонала. Во всяком случае не позднее первых чисел августа приемный покой может быть уже открыт. Так как помощь должна быть оказываема во всякое время дня и ночи, то необходимо иметь трех фельдшеров или фельдшериц, сменяющихся через 8 часов.

6) Образование смешанных комиссий из представителей рабочих и заводской администрации поровну, с правом решать вопросы об увольнении рабочих, браковке изделий, расценке работ и распорядка в фабрике. Представители рабочих должны иметь право решающего голоса, а не совещательного только.

Как увольнение рабочих, так и установление расценок за работы компетенции подобных комиссий предоставлены быть не могут, а подлежат решению заводской администрации.

Точно также и браковка изделий должна производиться установленным до сего порядком. В случае же недоразумений, могущих возникнуть в отношении браковки изделий, вопрос передается на обсуждение комиссии из 2-х представителей от заводской администрации и 2-х выборных от цеха, ближе стоящих к производству работы, по которой изделие бракуется.

7) Независимость от заводской администрации выбранных рабочими представителей.

Выбранные цехами представители или выборные подлежат утверждению заводской администрации, и последняя вправе требовать замены неудов-

[1] Если рабочие желают учредить библиотеку с книгами общего содержания, то имеют полную возможность исполнить это на собственные средства в помещении заканчиваемого устройством „Народного Дома“ в Мотовилихинском селении.

Замечание П. Боклевского.

летворяющих своему назначению представителей другими, избираемыми также рабочими.

8) Замена десятников лицами, выбранными рабочими из своей среды.

Назначение десятников состоит в непосредственном руководстве группами рабочих, исполняющих сообща какую-либо отдельную работу, успех которой в значительной мере зависит от качеств десятника. Устранение цеховой администрации от назначения десятников совершенно лишило бы ее возможности руководства работами в цехе и сняло бы с нее ответственность за успех дела. Помимо этого, предоставление выбора десятников могло бы во многих случаях повести к нежелательным раздорам между рабочими.

По этим причинам требование признано не подлежащим удовлетворению.

9) Замена неучей мастеров техниками.

Речь идет о тех из имеющихся теперь цеховых мастеров, которые не получили технического образования. Признано необходимым иметь всех цеховых мастеров из получивших техническое образование. При этом г. главным начальником предложено горному начальнику проводить настойчивым образом в исполнение эту меру.

10) Вежливое обращение.

Признано необходимым вежливое обращение как администрации по отношению к рабочим, так и наоборот, а также и рабочих между собою.

11) Неприкосновенность стачечников.

Может быть только гарантирована неответственность перед заводской администрацией за забастовку. Требование собственно уже исполняется, так как ни по первой, ни по последней забастовке никто из рабочих никаким взысканиям заводской администрацией подвергнут не был.

12) Поденная плата должна быть не ниже: чернорабочим 80 коп., а женщинам 60 коп., техническим рабочим 1 руб.

Вопрос этот был разобран, в связи с предъявленными до забастовки цеховыми выборными всех цехов ходатайствами о повышении поденных плат. При этом выяснилось, что в отношении именуемых чернорабочими, надо различать две категории рабочих: 1) так называемых „поторжных“, рабочих непостоянных—не получающих расчетных книжек и заня-

тых работами, не входящими в состав заводского производства, как например, уборка сора, огребка снега, поправка рельсовых путей и т. п. и 2) рабочих цеховых, постоянных, получающих расчетные книжки, принимающих участие в производстве, но участие, которое они принимают в работах, не требует технического навыка.

Для первого разряда поденная плата составляет 50 коп. Совещание признало излишним повышать эту плату, так как рабочие этого разряда не постоянные, и увеличение им платы ничем не вызывается.

Существующие поденные платы второго разряда рабочим различны, начиная от 50 коп. и достигая 80; эти крайние пределы получает меньшинство, большинство же получает 60 коп. В отношении этого разряда признано необходимым низший предел плат определить в 60 коп. Эту плату получают вновь поступающие: по истечении года работы плата им повышается до 70 коп., затем дальнейшее повышение платы необязательно. Норма в 60 коп. устанавливается в виду того, что она совпадает с выраженными в этом отношении желаниями некоторых цехов, а также и потому, что в Пермских железнодорожных мастерских для вновь поступающих придерживаются той же нормы.

Повышение поденной платы женщинам до 60 коп. признано не имеющим основания; плата эта должна быть оставлена в размере 35 коп. для женщин не постоянно работающих на общих по заводу работах («поторжных») и в размере 40 коп. для женщин, работающих в цехах.

Поденная плата техническим рабочим определяется при приеме, в зависимости от уменья, обнаруженного ими при испытании. Размер поденщины в 1 руб., как минимальный для взрослых умелых рабочих этого разряда, следует признать не преувеличенным.

13) Обеспечение рабочих в случае неспособности к труду полной или неполной. Размер пособий определяется выборными от рабочих.	Обеспечение рабочих в случае неспособности их к труду и порядок определения размеров пособий определены положением о вспомогательных кассах при горнозаводских товариществах и правилами 1901 года о пенсиях; согласно этих последних, пенсии назначаются весьма щедрые. Таким образом в отношении этого пункта не может быть принято каких либо еще мер.
14) Во время забастовки рабочим должна быть выдана поденная плата.	Признано неподлежащим удовлетворению.
15) 8-часовой рабочий день для всех без исключения.	Тоже.
16) Цены на задельные работы должны быть назначаемы вперед, а не после или во время исполнения работ.	Признано безусловно необходимым удовлетворять.

17) Разрешение собраний выборных всех цехов, для обсуждения общих для всех цехов вопросов.	Признано возможным допускать подобные собрания с особого каждый раз разрешения заводской администрации при участии в таких собраниях по одному выборному от каждого цеха, а от цехов с большим числом рабочих не свыше двух.
18) Рабочим, прослужившим не менее года, дается ежегодно двухнедельный отпуск с сохранением содержания за время отпуска.	Не признано возможным согласиться.
19) Все рабочие временно утратившие трудоспособность, получают от заводоуправления пособия в размере $^3/_4$ поденной платы — женатые и $^1/_2$ — холостые.	Правом на получение пособий в случае болезни, независимо от причин ее вызвавших, пользуются члены горнозаводских товариществ, участвовать в которых могут все рабочие, почему удовлетворение этого требования легко достигается вступлением в члены горнозаводского товарищества.
20) Всем рабочим выдаются квартирные деньги, в размере 4 руб. в месяц.	Признано не подлежащим удовлетворению.
21) Беременным дается отпуск на две недели до родов и на четыре после родов, с сохранением содержания.	Тоже.
22) Рабочим, жены которых не могут вести хозяйства, выдавать по 4 руб. в месяц на прислугу.	Тоже.
23) В случае смерти рабочего или его жены, выдается от казны пособие в размере 20 руб. В случае смерти ребенка выдается пособие 8 руб., а в случае рождения ребенка 10 руб.	Тоже.

Затем были рассмотрены общие по всем цехам требования, предъявленные рабочими через своих выборных до забастовки. Требования эти и заключения по ним совещания состоят в следующем:

1) Сокращение на два часа рабочего дня в кануны воскресных дней и двунадесятых праздников.	При ходатайстве об этом рабочие особенно настойчиво указывают на железнодорожные мастерские, где применяется уже просимая ими льгота, в том числе и Пермских мастерских, близко к заводу расположенных и имеющих в числе рабочих весьма многих, живущих в Мотовилихе. Кроме того рабочие указывают на петербургские заводы[1], на которых также практикуется сокращенный рабочий день в кануны праздников.

[1] На Воткинском заводе также принят этот порядок.

Совещание признало ходатайство это не подлежащим удовлетворению, как обусловленное не какими-либо серьезными нуждами рабочих, а исключительно примером некоторых других заводов.

2) Увеличение поденных плат.

Ходатайство об увеличении поденных плат мотивируется вообще вздорожанием жизненных условий. Ходатайства в различных цехах выражены различно. В иных желаемого размера плат не указывается, увеличение плат требуется для всех, в других указывается увеличение поденной платы всем чернорабочим (т. е. рабочим не техническим) до 80 коп., в иных указан для тех же рабочих размер первоначальной вступной платы в 60 коп. и прибавка через год, по усмотрению заводской администрации или назначение через год поденщины в 80 коп. Относительно технических рабочих (слесарей, токарей, кузнецов и т. п.) по желанию сводятся к минимальной плате в 1 руб. и в прибавках в зависимости от усердия и умения.

В отношении этих ходатайств совещание пришло к тем же заключениям, как и по пункту 12-му требований, предъявленных во время забастовки, т. е. вступная плата для рабочих цеховых должна быть установлена в 60 коп., с увеличением по истечении года до 70 коп. Дальнейшее увеличение делается в зависимости от исправности и опытности каждого отдельного рабочего. Первоначальная плата в 1 руб. для выдержавших испытание взрослых технических рабочих признана не преувеличенною. Увеличение таким рабочим платы должно производиться по усмотрению заводской администрации, как это и делалось до настоящего времени.

3) Назначение водоноскам окладного жалованья по 12 руб. в месяц.

Водоноски заняты подноской питьевой воды в цеха, получают в настоящее время по 40 коп. в день, принимаются на работу исключительно вдовы рабочих, не получившие пенсии ни от казны, ни от кассы товарищества, почему до некоторой степени институт водоносок имеет характер благотворительный и работой они не обременены. В виду этого совещание признало излишним изменять существующие условия расчета с водоносками по поденной плате 40 коп., дающей возможность зарабатывать около и даже не менее 10 руб. в месяц.

4) Почасная отметка платы.

Пока ходатайство это предъявлено всего рабочими орудийного № 1 цеха и слесарного. Цель ходатайства со-

стоит в достижении права уделять работе те часы, какие желательны рабочему. Так в настоящее время рабочие должны приниматься за работу в 6 часов утра. Опоздавший к этому времени в завод не пропускается, при почасной же отметке рабочий вправе опоздать на час и лишается только платы за этот час, точно также он вправе уйти и ранее назначенного для ухода с работ времени, при чем ему должно быть отмечено то число часов, какое он проработал. Введение почасной отметки платы может повести к совершенному нарушению всякого порядка в фабрике и крайне усложнит регистрацию задолженного каждым рабочим времени, почему такая отметка и не может быть допущена.

Совещание признало, однако, справедливым отменить практикующуюся теперь меру относительно рабочих, не вышедших на работу после обеденного перерыва, а именно таким рабочим не считалось и время, проведенное на работе до обеденного перерыва. Взамен этого совещание нашло необходимым отмечать, таким образом, полподенщины.

5) За прогулы не свыше 3-х смен в месяц рабочий взысканиям не подвергается.	Так как и в настоящее время за прогулы строгих взысканий нет, то признано возможным согласиться с этим ходатайством, тем более, что введением в практику этой меры вопрос о прогулах примет несколько более определенную форму чем в настоящее время.

Относительно повышения расценок более определенно, сравнительно с другими цехами, высказались пудлингово-прокатный и кирпичеделательный. Первый перечислил расценки по всем работам, находя необходимым во всех случаях увеличение расценок. Кирпичеделательный цех указал и расценки, на которые желает получить прибавку и размеры их.

Пересмотр расценок пудлингово-прокатного цеха показал, что по некоторым работам заработок рабочих едва только покрывает поденную плату; поэтому, при назначении теперь рабочим, проработавшим не менее года, поденной платы в 70 коп., при существующих расценках на некоторых работах, рабочие эти не в состоянии будут зарабатывать этих 70 коп. Признано необходимым повысить такие расценки соответственным образом. Если, однако, при этом цена прокатного металла повысилась бы настолько, что выгоднее приобретать таковой покупкой, то следует отказаться от прокатки таких сортов. Подобный результат может оказаться в отношении сортов прокатываемых на среднесортном стане, каковы: угловое железо разных сортов и сортовое. Прекращение прокатки их не вызовет каких-либо затруднений, так как по назначению своему сорта эти могут быть заменены приобретаемыми с других

заводов, на производительности же цеха это отразится несущественно, так как производство их имеет размеры ограниченные.

Требования кирпичеделательного цеха были уже рассмотрены и удовлетворены заводской администрацией в следующем виде:

Увеличена плата за выжиг кирпича огнеупорного и за вырезку кирпича из белой глины на 10% против существовавшей, вместо 50 коп. на тысячу, как просили рабочие. Увеличение цены в процентах, а не в абсолютных цифрах, более правильно, так как задельные платы очень различны, изменяясь от 2 руб. 80 к. до 7 руб., для более низких плат прибавка в 50 коп. была бы чрезмерна, а для высоких несущественна.

Увеличена задельная плата за обжиг кварцевого камня на 1 руб. на тысячу пудов, как и просили рабочие, что составляет 14% существующей платы.

Назначено за размол за тысячу пудов: 1) кварцевого камня 20 руб. вместо существующих 17 руб. 50 коп. и просимых рабочими 25 руб., 2) шамота—20 руб., как просили рабочие, вместо существующей платы 17 руб. 50 коп., 3) щебня 15 руб. вместо просимых рабочими 17 руб. 50 коп. и существующей платы 12 руб. 50 коп.

Поденная плата назначена вновь поступающим 60 коп., проработавшим год и более 70 коп. Просили же рабочие всем рабочим назначить на 20 коп. более.

Оклад сторожам увеличен до 12 руб., вместо 11 руб., как просили рабочие, в виду того, что сторожа кирпичеделательной заняты не одним лишь дежурством на своих постах, но и топкой обжигательных печей.

В назначении водоноскам окладного жалованья по 12 руб. в месяц отказано.

Совещание согласилось со сделанными изменениями, находя сделанные прибавки к задельным платам достаточными, так как даже рабочие, получающие поденную плату 70 коп., могут заработать 85 коп. в день и более; по этой же причине общее повышение поденных плат на 20 коп. признано неподлежащим удовлетворению.

В отношении сторожей выяснено, что существующий теперь высший оклад—11 руб. во многих случаях является недостаточным и вынуждает иметь сторожами только дряхлых стариков. Между тем, от сторожа требуется во многих случаях некоторая работа, как, например, в кирпичеделательном цехе, в механических цехах, где от сторожа надо требовать поддержки чистоты помещения, подметания, уборки сора и т. п. По этим причинам, в зависимости от условий службы сторожей, признано необходимым присвоить им три категории окладов в месяц: 9 руб., 12 руб. и 16 руб.

Относительно водоносок совещание высказалось уже по общим требованиям цехов за оставление их на поденной плате в размере 40 к.

Подлинный за надлежащим подписанием.

Верно: Помощник столоначальника.

II. ДОКЛАДЫ ГУБЕРНАТОРОВ И ЖАНДАРМСКИХ УПРАВЛЕНИЙ МИНИСТРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ.

Министерство внутренних дел

Пермский губернатор

По канцелярии

3 июня 1905 г.

№ 172

Секретно.

Министру внутренних дел.

23 и 24 мая по фабрикам Мотовилихинского завода, в особенности орудийных и снарядных цехов, разбросаны воспроизведенные на гектографе прокламации под заглавием «Требования рабочих завода Мотовилихи» (приложение № 1), в коих изложены экономические требования рабочих и затронуты политические вопросы о низвержении самодержавия, освобождения арестованных после 14 мая и т. п. Предвидя возможность уличных беспорядков, горный начальник Пермских пушечных заводов 24 мая обратился ко мне с ходатайством о присылке в Мотивилиху войск. Ходатайство горного начальника было уважено и того же числа, в 8 час. вечера прибыла и разместилась в управлении заводов одна рота 223 запасного батальона, под командою капитана Саркисова и поступила в распоряжение откомандированного на место уездного исправника.

25 мая, в 6 часов утра, по обычному сигналу (свистку) рабочие вышли на работу и приступили к ней, исключая рабочих орудийного № 3 цеха. Рабочие этого цеха, частью вышедшие, к работам не приступили, и, начав, таким образом, забастовку, они перешли в орудийные цеха №№ 1 и 2, где к ним присоединилась часть рабочих этих цехов.

По Департаменту полиции.

Образовавшаяся толпа пошла по цехам: механическому, снарядному, сборочному и пудлингово-прокатному, производя при этом шум и бросая камнями. В это время был дан самовольно рабочими свисток. Движение в другие цеха было прекращено ротой воинских чинов, после чего толпа, человек в 600—700 направилась к управлению пушечными заводами, где на площади и остановилась. Здесь горный начальник предложил толпе выбрать депутатов, которые должны изложить письменно требование рабочих и предъявить их горному начальнику, на что со стороны рабочих последовало согласие, при чем из толпы подали горному начальнику прокламацию, в которой были изложены требования рабочих (приложение № 1). Подавший эту прокламацию оказался рабочим Иваном Обуховым, который был задержан и обыскан, при чем при нем был найден в рукаве пиджака железный шкворен и штук 20 шрапнельных пуль. Обухов объяснил, что прокламацию получил в толпе неизвестно от кого. Часов около 11 утра толпа направилась на базарную площадь, устроила сходку, избрала 10 человек депутатов, имена и фамилии остались неизвест-

ными, и предъявила горному начальнику требования. На удовлетворение требований, исключая некоторых из них, горный начальник изъявил согласие, о чем и объявил депутатам, которые в свою очередь поставили в известность рабочих. К 9 часам вечера рабочие разошлись, не нарушая порядка.

26 мая, с 6 часов утра, на Базарную площадь и к Народному дому стали стекаться рабочие, женщины и подростки. Достигнув часам к 4 дня около 1.500 человек, толпа перешла на Базарную площадь, где были произнесены речи политического характера. Говорили три человека, один из них пермский мещанин Александр Лукин Борчанинов, и двое неизвестных. Борчанинов, стоя на столе, говорил: «я работал и работаю на вашу пользу, за это был арестован полицией и сидел несколько дней в тюрьме, может быть придется посидеть и теперь, постойте за меня», два другие говорили, что не правительство рабочими, а рабочие правительством должны командовать, не нужно войны и не нужно Манчжурии. Во время произнесения речи многие рабочие кучками выделялись из толпы и порицали речи Борчанинова и его товарищей, тогда подбегал к ним крестьянин Брысин и, грозя кулаками, кричал: «вы деревня, не понимаете, что все это делается для вас». Толпа разошлась в 9 час. вечера.

27 мая с 8 часов утра на базар стали собираться рабочие, но по случаю дождливой погоды перешли в Народный дом, куда часам к 12 дня набралось 1.000 человек. В час дня часть толпы стала расходиться по домам, а другая часть с депутатами направилась к управлению заводов, для переговоров с горным начальником по поводу установления 8-часового рабочего дня для всех рабочих, включительно для поторжного цеха, и если это ходатайство удовлетворено не будет, они считают все переговоры прекращенными. На это горным начальником был дан отрицательный ответ, с добавлением, что об этом он доведет к сведению высшее начальство. Горный начальник в этот же день выпустил объявление (приложение № 2). Не достигнув соглашения, толпа в 4 часа дня собралась на вышке у каланчи, где продолжала обсуждать свои вопросы. В толпе выделялся вышеназванный крестьянин Брысин, бегавший около собравшейся толпы и старавшийся узнать, нет ли в толпе кого-либо из чинов полиции, переодетых в штатское платье. Толпа разошлась в 7 час. вечера, благодаря проливному дождю.

28 мая 2 группы рабочих, числом около 100 человек каждая, явившись в управление пушечных заводов, заявили горному начальнику, что присвоившие себе название депутатов от всех рабочих никогда ими избираемы не были и, присутствуя из любопытства на сходках, они убедились, что на этих сходках занимаются обсуждением вовсе не рабочих вопросов, а политических, они рабочие, заявляют горному начальнику, что желают работать на существующих условиях, лишь бы была гарантирована неприкосновенность их личности, при чем многие из них просили записать их в число изъявивших желание работать. В 3 часа дня явился в управление заводов мотовилихинский волостной старшина Лузенин и доложил, что более 40 человек рабочих, сельских обывателей Мотовилихинской волости, явившись к нему в Волостное правление, заявили от населения волости, что они убедились, что агитаторы вводят рабочих в заблуждение, и, не желая долее поддаваться их влиянию, просят исходатайствовать разрешение на собрание соединенного схода всей волости, чтобы всем вместе

заявить желание работать в заводе, не поддаваться влиянию именующих себя депутатами и выработать для себя способ ограждения от означенных личностей. В виду этого волостному старшине было передано, чтобы он о желании сельских обывателей Мотовилихинской волости донес участковому земскому начальнику, прося его указания по этому вопросу. В 6 часов пополудня в управление заводов прибыли работающие в снарядном цехе Николай Козьмин Медведев и Григорий Никитин Мелехин и заявили, что они находились в той партии, которой руководили депутаты, и убедились, что они преследуют не рабочий вопрос, а вопросы политического характера и, не желая более поддерживать стремление партии, заявляют, что означенная партия состоит всего лишь из 150 человек, из коих они знают только одного Иустина Мелихова, а других только в лицо, но постараются их узнать и указать. В числе произносивших речи политического характера были и приезжие, некоторые даже в студенческой форме с плечевыми знаками А.

29 мая в 4 часа утра, от железнодорожного переезда, который против управления, по полотну железной дороги до малой проходящей (определенный пункт, через который рабочие проходят на завод и из завода), а также и по Большой улице появились небольшими группами подстрекатели, нападали на идущих по направлению к заводу и бросали камнями как в заводскую ограду, так и по направлению к обеим проходящим. В виду этого, как к малой, так и большой проходящим были поставлены воинские пикеты, а по Большой улице отправлен патруль, в количестве взвода. Затем было совершено нападение на конюшенных рабочих Николая Козьмина Медведева, Григория Никитина Мелихина и еще на двух, фамилии которых пока не установлены. Нападение было совершено с целью воспрепятствования развозить воду для заводских надобностей и для служащих. С 9 часов утра на вышке, у каланчи, и на Базарной площади, у Волостного правления, стал собираться народ, а также и на Большой улице, около железнодорожного вокзала и управления пушечных заводов. В разных местах селения завода были расклеены объявления горного начальника, с изложением в них ответной телеграммы главного начальника по поводу забастовки (приложение № 3). Многие рабочие, пришедшие к управлению узнать, когда начнутся работы, заявили, что подстрекатели политической партии вынуждают их итти на сходку и при этом употребляют угрозы и насилия. Расследованием выяснено, что с 11 час. утра к управлению явились уржумский мещанин Николай Иванов Колупаев и пермский мещанин Александр Лукин Борчанинов, подстрекавшие бывших около управления рабочих: Илью Сысоева Шумилова и Михаила Абрамова Безматерных итти с ними на сходку на вышку, угрожая в случае отказа палкой и кулаком, при чем Колупаев тащил Безматерных за рукав одежды. Шумилов и Безматерных итти на сходку отказались, а Колупаев и Борчанинов были задержаны в порядке положения государственной охраны и препровождены под стражу в Пермское исправительное арестантское отделение, при чем у Борчанинова отобран заряженный револьвер.

После арестования Колупаева и Борчанинова толпа с вышки и от Волостного правления направилась к управлению заводами, где настойчиво, с криком и шумом требовала освобождения арестованных. Когда спустя некоторое время было объявлено полученное от меня распоряжение задержанных не освобождать, а заключить их под стражу, скопившаяся толпа начала сильно шуметь и волноваться. Тогда перед

управлением завода была выставлена рота запасного батальона и в это же самое время к управлению прибыла из Перми рота Ирбитского батальона. Посторонним зрителям было приказано удалиться, так как если волновавшаяся толпа не разойдется, то приступлено будет к подавлению беспорядка войсками. Все посторонние зрители немедленно удалились, а немного спустя начала расходиться и волновавшаяся толпа рабочих. В это время усмотрено было, что в толпе, предъявлявшей требование об освобождении задержанных, находились три неизвестных женщины, одна из коих в белой соломенной шляпе, отделанной черным бархатом, брюнетка, а две в черных жакетах и юбках и в белых косынках, при чем одна из них размахивала руками и зонтиком.

Около 3 часов дня рабочие Дементий Сергеев и Константин Горланов, явившись в управление пушечных заводов, заявили, что громадное большинство рабочих желает приступить к работам, но незначительное число агитаторов застращивают и угрожают причинить насилие тем, кто пожелал бы работать на заводе. В виду сего, они, рабочие, чтобы убедиться, действительно ли большинство их согласно работать, решили обстоятельство это проверить следующим путем: собраться на Базарной площади и те, которые согласны работать, должны стать под белый флаг или отойти в назначенное место, а не согласные с их мнением находиться от них отдельно, но чтобы эти последние не могли причинить им насилия, они просили оказать им содействие, для чего на Базарную площадь к 4 часам дня была послана полурота резервного батальона во главе с офицером, но заявители, в виду недостаточного времени для сбора всех, отложили это до 9 часов утра следующего дня.

К вечеру было разбросано по селению завода несколько гектографированных противоправительственных воззваний (приложение № 4).

30 мая в 3—4 часа утра расклеено было объявление, призывающее жителей Мотовилихинского завода не принимать участия в уличных сборищах (приложение № 5). Во время расклейки найдено до 45 прокламаций (приложение № 6).

В тот же день с 5 часов утра к управлению пушечными заводами и к малой проходящей стали стекаться рабочие, требующие возобновления работ. Свисток о выходе на работу дан не был, почему часть рабочих разошлась по домам, а часть осталась при управлении заводами, в ожидании приезда горного начальника. К 9 часам утра около управления была выставлена полурота резервного батальона и прибыл горный начальник. Собравшимся рабочим он предложил— кто желает работать остаться при управлении и разделиться по цехам, а не желающим отойти в сторону—на тракт. Рабочие, согласившись работать, разделились по цехам, были пересчитаны и их оказалось 2.400 человек, после чего горный начальник объявил им, что работы на заводе будут возобновлены с первой смены, т. е. с 6 час. утра 31 мая, о чем затем вывешены были объявления (приложение № 7). Около 11 часов утра рабочие стали расходиться.

Еще до прибытия горного начальника, когда была налицо вся толпа рабочих, двое агитаторов уговаривали толпу отправиться на сходку на вышку, а не обсуждать свой рабочий вопрос под контролем управления, но толпа заволновалась и потребовала, чтобы они удалились. Агитаторы, видя возбуждение против них, настроение толпы, отступили к своей группе. Когда продолжались переговоры с рабо-

чими относительно начатия работ, в отдельной группе, не приставшей к этим рабочим, находились и вышеупомянутые 3 женщины, которые лишь только заметили, что за ними наблюдают, удалились.

Чтобы изъявившим желание работать не было причинено во время прихода их на работы и возвращения с работ насилия, с вечера 30-го числа в разных местах селения наряжены восемь воинских патрулей. В сопровождении чинов полиции, а при входах в завод и в самом заводе поставлено несколько пикетов.

31 мая с 4 часов утра рабочие с отдельных концов селения начали направляться к заводу, а с 5 часов уже целыми массами, в 6 же часов в главном порядке во всех цехах приступили к работам. Затем, в течение всех последовавших за день смен, рабочие, спокойно, в надлежащем порядке, оканчивающие работу выходили, а начинающие входили и в продолжение всего этого дня патрулями не было замечено нигде нарушения порядка. Дознание производится.

Об изложенном доношу вашему высокопревосходительству в дополнение телеграммы от 25 мая.

Министерство внутренних дел

Пермский губернатор

По канцелярии

9 июля 1905 г.

№ 246

Секретно.

Товарищу министра внутренних дел,

заведывающему полицией.

В дополнение представления за № 236 о забастовке рабочих в казенном Мотовилихинском заводе представляю вашему превосходительству следующие подробности о ходе этого дела.

5 июля, в 10 часов утра, в Мотивилиху прибыла откомандированная туда из Перми сотня казаков, из коих тотчас же был сделан наряд в пикеты в разные места завода и в патрули, в селение. По улицам вместе с этим были расклеены объявления мои, приглашающие население не собираться толпами и расходиться по требованию полиции. В это время в руках рабочих были уже замечены экземпляры революционного содержания прокламации под заглавием «Итоги последних событий», напечатанной гектографским способом и распространенной в толпе рабочих неизвестными лицами. Копия такой прокламации при сем прилагается (приложение № 1).

Около 11 часов утра к горному начальнику явились выборные рабочие и предъявили требование, изложенное в 12 пунктах. Горный начальник имел с ними разговор чрезвычайно продолжительный, длившийся до 4-х часов пополудни, и дал свой ответ на предъявленные требования. При чем прилагается перечень требования рабочих с ответом горного начальника (приложение № 2). По поводу требования об освобождении из под ареста рабочего Юрша выборные от рабочих высказывали убеждение, что Юрш арестован по инициативе заводоуправления. Чтобы разубедить их в этом, уездный исправник, по просьбе горного начальника, объявил рабочим, что Юрш арестован на основании результатов произведенного у него обыска.

6 июля, в 10 часов утра, прекращены работы и в мартеновском цехе, печи коего оставлены на газу.

В 12 часов к горному начальнику снова пришли выборные с дополнительными требованиями и при этом особенно настаивали на удалении управителя горного инженера Назарова, заявив, что они не могут поручиться за дальнейшее его благополучие. На новые требования горный начальник дал также ответы, каковые при сем прилагаются (приложение № 3).

По окончании переговоров выборные отправились на вышку и объявили рабочим о результате своих переговоров с горным начальников. Вслед за этим неизвестные лица просили рабочих не расходиться, разбрасывали прокламацию «К рабочим Мотовилихинского завода» (копия прилагается. Приложение № 4) и пытались говорить революционные речи о ниспровержении самодержавия. Рабочие с криками: «не надо, не надо» рвали прокламации и разошлись. В толпе были замечены две женщины, одетые в крестьянское платье, с корзинками в руках, из коих вынимали и разбрасывали листки прокламации.

Вечером был задержан крестьянин Мингалев, умышленно срывавший расклеенные по селению объявления мои и приглашение жителей не собираться толпами.

7-го числа рабочие с утра начали собираться медленно на вышку. Когда толпа достигла 250—300 человек, около 12 часов дня туда же отправился местный протоиерей о. Никитин и объявил рабочим, что пришел вместе с ними помолиться богу (на вышке есть часовня), обратился к ним с словом увещания не поддаваться влиянию агитаторов и предавать их в руки правосудия.

Случаев насилия и нарушения порядка не замечалось, в этот день не было замечено даже сборища рабочих. Забастовщики вели себя спокойно. Только около 4-х часов пополудни выборные, явившись к горному начальнику, заявили ему, что рабочие не верят объявленному им объяснению причин арестования Юрща, и просили, чтобы обстоятеельство это было засвидетельствовано жандармским начальством.

И. д. губернатора.

Министерство внутренних дел
Пермский губернатор
По канцелярии
6 июля 1905 г.
№ 236

Секретно.

Товарищу министра внутренних дел, заведывающему полицией.

В дополнение телеграммы от 5 июля о начавшейся в Мотовилихинском заводе забастовке имею честь донести следующее:

Утром 5 числа, после смены, очередные рабочие явились в завод обычным порядком и приступили к работам. Вскоре в снарядный цех и орудийную мастерскую ворвалась группа рабочих, зачинщиков забастовки, и с принуждением стала требовать от бывших здесь рабочих прекращения работ, а так как те не соглашались, то зачинщики пустили в ход камни, шрапнель и разные металлические обломки и кинулись в драку с работавшими, продолжая требовать приостановки работ. Несколько рабочих было избито и ранено. Вслед за этим забастовщиками дан был заводский свисток на прекращение работ. По этому сигналу работы были прекращены во всех цехах и

отделах и под влиянием уговоров и угроз зачинщиков забастовка охватила весь завод,—не только цеховые, но даже и работавшие в заводе возчики прекратили свои работы. Забастовщиками допущены были работы только в мартеновских печах, чтобы дать возможность покончить начатую выплавку металла.

Рабочие собрались на сходку около Волостного правления и на так называемой вышке. Днем предъявили ряд требований к заводской администрации, большей частью неисполнимых, вроде смены мастеров по требованию рабочих, приема и увольнения рабочих с согласия корпорации рабочих и т. п. и, между прочим, потребовали освобождения арестованного накануне забастовки рабочего Юрша.

Горный начальник Строльман при объяснении с рабочими заявил, что кроме того, что было уже сделано рабочим в предыдущую забастовку, ничего не будет им дано и что требование относительно Юрша к заводской администрации не относится, так как рабочий этот арестован за политические преступления.

Помянутый рабочий Юрш, из поляков, появился в Мотовилихинском заводе в марте месяце сего года, до этого жил в разных местах—в Петербурге, Одессе, и между прочим, на фабрике Клейнмихеля. В предыдущую забастовку в Мотовилихинском заводе Юрш был избран рабочими депутатом для переговоров с заводской администрацией, в качестве такового горным начальником был оставлен и на будущее время. В то время Юрш отчасти был замечен как агитатор-революционер, но успел ускользнуть от ареста. 4 июля он был арестован по следующему поводу: в этот день управителем чугуно-медно-литейной, котельной и столярной фабрики, горным инженером Назаровым двое рабочих были переведены из одного отделения завода в другое, чего тем не хотелось. Тогда к Назарову явился Юрш в качестве депутата и дерзко потребовал от него отмены распоряжения, так как ему, Юршу, лучше известно, где какой рабочий пригоден на месте. Назаров в виду дерзости Юрша, доходившей до наглости, приказал рабочим отвести его к становому исправнику. На днях, пред забастовкой, у Юрша был произведен обыск и найдены две брошюры революционного содержания и руководство как составлять прокламации. В виду этого, а также приняв в соображение, по имевшейся фотографической карточке Юрша, несколько лиц признавали сходство Юрша с лицом, произносившим в толпе в предыдущую забастовку революционные речи, пристав передал Юрша чинам Жандармского управления, коими он был задержан.

Забастовка, начавшаяся вчера, продолжается и сегодня без перемен. Нарушений порядка и каких-либо насилий со стороны забастовщиков более не замечается.

И. д. губернатора.

Министерство
внутренних дел
Пермский губернатор
По канцелярии
18 июля 1905 г.
№ 258

Секретно.

Товарищу министра внутренних дел,
заведывающему полицией.

В дополнение представления за № 248 и телеграмм от 11 и 12 июля об обстоятельствах, сопровождавших дальнейший ход забастовки ра-

бочих в Мотивилихинском заводе, доношу вашему превосходительству.

Несмотря на сделанное рабочим предупреждение, что сходки их, в видах поддержания в заводе порядка, ни в каком случае не будут допускаться, 10 июля, около 7 часов вечера на обычном месте, на так называемой вышке, собралась громадная толпа свыше 1.000 человек, и в ней замечалось присутствие посторонних лиц—агитаторов, руководящих рабочими в целях революционных. На место сходки была отправлена полусотня казаков и наряд полицейских. По прибытии их на место, собравшимся было приказано немедленно разойтись, но толпа, подстрекаемая агитаторами, не только не расходилась, но встретила полицейский наряд и казаков враждебно, с криками и гиканьем, некоторые в толпе кричали: «не надо царя, долой самодержавие». Из толпы сделано несколько выстрелов и полетели камни, обломки железа и проч. Тогда казаки, получив приказание, рассеяли толпу. Значительная часть ее, отошедшая под гору, здесь засела за разными прикрытиями: за заплотами, бревнами, камнями и открыла по казакам пальбу из револьверов, сделав в общем не менее 100 выстрелов, что указывало на то, что многие из собравшихся на вышку пришли туда вооруженные. При таком положении дела часть казаков, в числе десяти человек, спешилась и дала по засевшим в засаде два залпа, от которых пострадал, как потом оказалось, только один рабочий, получивший легкую рану в бедро на вылет. Тем временем другие казаки продолжали свое дело, всюду разгоняя народ и не давая ему собираться толпою. Другая часть из разогнанных с вышки кинулась на Базарную площадь, но здесь в скором времени была рассеяна прибывшей на место второй полусотней казаков. После того, когда народ был разогнан, в одном месте был найден труп рабочего с разбитым черепом. По судебно-медицинскому вскрытию смерть этого рабочего последовала не от пули, а от удара нагайкой или острым холодным оружием, а скорее всего от удара брошенного с громадной силой камня или другого какого-либо твердого и тупого предмета. Убитым оказался рабочий Мотовилихинского завода мещанин города Перми Лука Иванов Борчанинов, сын которого содержится в Пермской тюрьме арестованным по обвинению в политическом преступлении.

Из числа бывших на вышке арестовано 8 человек, у некоторых из них найдены прокламации и револьверы. На месте сходки также найдены прокламации, револьверы, множество камней, тростей и палок.

В тот день, получив извещение о возникших беспорядках, я сделал распоряжение о спешном командировании на место происшествия, в помощь сотне казаков, одной роты из 232-го Ирбитского батальона и сам лично выезжал. На следующий день туда прибыли судебные власти в лице товарища прокурора Пермского окружного суда и судебного следователя по важнейшим делам и начато производство дознания.

11 июля с утра, в Мотовилихе собрались небольшими отдельными группами рабочие, но расходились. Днем, во время прохода по железной дороге, против управления Пермских пушечных заводов, паровой дрезины, один из стоявших тут рабочих, рабочий Шабалин, кинулся на рельсы под дрезину и был задавлен насмерть. Это обстоятельство к месту происшествия собрало значительную толпу народа, однако, в скором времени по приглашению полиции разошлись.

Этот день в Мотовилихе в остальном прошел спокойно, только вечером, в $1\frac{1}{2}$ верстах от селения, собиралась толпа до 200 человек, которая, однако, скоро разошлась.

Вечером того же дня, в 11 часу ночи, в Перми в общественном саду, во время обычного гуляния замечена была отдельно державшаяся толпа в 40—50 человек, большею частью из учащейся молодежи высших и средних учебных заведений, которая обратила на себя внимание как публики, так и полиции. В толпе этой был разговор о необходимости принять участие в похоронах убитого в Мотовилихе рабочего и возложить на гроб его венок. Многие из этой толпы, расхаживая по аллеям сада, разбрасывали прокламации с призывами к революции и низвержения самодержавия. Бывшим в саду полицейским нарядом эта группа разбрасывавших прокламации лиц была рассеяна.

В тот же день, вечером, я снова ездил в Мотовилихинский завод, вызывал к себе вдову убитого и советовал ей поспешить похоронами, на что она и изъявила согласие, обещавшись похоронить мужа утром 12 числа.

В ночь на 12 число сыну убитого Борчанинова, заключенному в Пермской тюрьме, разрешено было отдать последний христианский долг отцу—проститься, что было выполнено, в предупреждение беспорядков, под конвоем.

12 числа день прошел спокойно. Ни в Перми ни в Мотовилихе никакого движения и сходбищ не замечалось. Похороны рабочего Борчанинова, однако, в этот день не состоялись. Старуха-вдова, под влиянием лиц, близких к кружку агитаторов наотрез отказалась устроить похороны в этот день и отложила их до следующего дня, ссылаясь на то, что не готов гроб и не приехали родственники.

По собранным сведениям, оказалось, что со стороны агитаторов и сочувствующих лиц готовятся торжественные похороны, заказан дорогой гроб, цветы, венки, приготовлены красные и черные флаги и предполагается произвести громадную манифестацию в честь «жертвы правительственного насилия». Кроме того, устроить манифестацию, одновременно с похоронами, в Перми у здания губернской тюрьмы, где содержится под арестом сын убитого Борчанинова и несколько человек других политических преступников, а отсюда направить демонстративное шествие к концу города к квартире губернатора. Получились сведения, что многие из рабочих Мотовилихинского завода вооружены револьверами, что в среде агитаторов-революционеров есть прибывшие из столицы члены боевой организации, имеющие в запасе взрывчатые бомбы, и что со стороны революционной шайки нужно ожидать крайних террористических проявлений во время похорон названного рабочего.

В виду тревожного положения, для достижения совместных и солидарных действий всех властей, мною, вечером 12 числа, было созвано совещание из представителей прокурорского надзора, военного ведомства, жандармерии и полиции. На совещании решено усилить военную охрану как в Мотовилихе, так и в Перми, усилить военный караул в тюрьме, поставить во внутреннем дворе губернаторского дома роту солдат Ирбитского батальона, от гроба умершего удалить всех посторонних, похороны назначить обязательно в 5 часов утра 13-го числа, не допускать никаких сборищ и, чтобы по возможности обессилить и парализовать шайку заправил-революционеров, в ночь на 13-е произвести неожиданные обыски и аресты, вообще принять самые решительные меры к предупреждению беспорядков.

Намеченный план был приведен в исполнение с возможной точностью и дал благоприятные результаты.

Патрули казаков и нижних чинов резервного батальона всю ночь сидели и нигде в селении не допускали сборищ. В ночь на 13-е в Перми и Мотовилихе произведено несколько арестов.

Похороны Борчанинова, по моему распоряжению, были начаты в 5 часов утра и, по совершении в церкви отпева, закончены на кладбище в 7½ часов.

Гроб умершего, довольно ценный, был усыпан цветами, с венком с надписью «от детей», и вообще вся похоронная обстановка не соответствовала ни средствам бедной семьи рабочего, ни принятым в простой среде рабочих обычаям. В похоронной процессии, при шествии ее в церковь, участвовало не более 50 человек и такое же приблизительно количество присоединилось, когда гроб несли из церкви на кладбище, так что толпа не превышала 100 человек, из коих большинство были женщины. Порядок ничем не был нарушен и поддерживался патрулями нижних чинов резервного батальона и разъезжавших по улицам казаков. Рабочие собирались группами на дворах и боковых улицах, но нигде во всем селении не было допущено сборищ и каких-либо попыток устроить демонстрацию, все заблаговременно устранялось появлением казаков. Во время шествия процессии на кладбище племянницей умершего Марией Миславской была положена на гроб черная лента с надписью: «жертве царского произвола». Лента эта тотчас же была взята с гроба местным полицейским надзирателем, но присутствовавшая тут поименованная выше Миславская старалась силой выхватить ее из рук надзирателя и в борьбе ударила его по голове ридикюлем, о каком обстоятельстве составлен протокол и передан начальнику жандармского управления. (Копия протокола при сем прилагается). Кроме этого инцидента никаких нарушений порядка не было и похороны прошли спокойно. В 8 часов утра, с приходящим в это время из Перми поездом, приезжала в Мотовилиху депутация для возложения венка на гроб Борчанинова, но она запоздала и ничем себя не проявила.

Весь день 13-го числа прошел в Мотовилихе и Перми спокойно, ни сборищ, ни манифестаций не было.

В ночь на 14-е в одной из отдельных улиц Мотовилихинского завода, против дома жителя Брюханова, произошел взрыв брошенного на улицу неизвестно кем взрывчатого, начиненного порохом и пулями снаряда. От взрыва снаряда на полотне дороги образовалась выемка аршин двух в диаметре и около четверти глубины и были выбиты стекла и часть рам в соседних домах. На месте найдена разорванная оболочка снаряда, оказавшегося фитильным, и до 25 пуль, из коих некоторые впились на довольно значительную глубину в стену и ворота дома Брюханова. Несчастий с людьми не произошло. Какая цель этого взрыва, или же произошел он случайно—не выяснено, хотя по некоторым указаниям, это было сделано с целью мести одному рабочему, подозревавшемуся агитаторами в шпионстве. Есть показание, что после взрыва видели удаляющихся двух молодых мужчин. По этому случаю производится дознание.

14 и 15 числа июля прошли спокойно, порядок ничем не нарушался.

С 15-го числа в среде рабочих открылось движение бросить забастовку и многие из них в большем числе в этот день уже записались на работы.

И. д. губернатора
вице-губернатор (подпись).

Записка
о беспорядках в Алапаевском заводе, Верхотурского уезда.

В ночь на 7 число марта месяца сего года в Нейво-Алапаевском заводе, Верхотурского уезда, на частной квартире, состоящего под гласным надзором полиции по обвинению в государственном преступлении крестьянина Петрокаменской волости и завода Леонтия Васильева Шадрина чинами полиции обнаружена была тайная сходка нескольких человек рабочих и конторских служащих, поддерживавших, как потом выяснилось, противоправительственную революционную агитацию в среде местного заводского населения и руководивших впоследствии открытым волнением и забастовками. Здесь оказались следующие лица: крестьяне дер. Алапаихи, Нейво-Алапаевской волости Гаврил Иванов Кабаков, Петр Петров Кабаков, Флегонт Гаврилов Кабаков, Дмитрий Ефимов Кабаков, Иван Григорьев Глухих, Дмитрий Степанов Залесов; Ирбитско-Заводской волости, Ирбитского уезда: Яков Николаев Говорухин, Иван Семенов Казанцев и Григорий Герасимов Ветлугин; Нижне-Тагильской волости, Верхотурского уезда: Александр Яковлев Тараканов; мещанин гор. Сарапула, Вятской губернии, Василий Григорьев Буторских; крестьянин Режевской волости, Екатеринбургского уезда, Петр Егоров Соколов; мастеровые Нейво-Алапаевского завода: Василий Матвеев Андреев и Ефим Андреев Соловьев и мещанин гор. Алапаевска, Верхотурского уезда Иван Львов Крылов.

У одного из описанных участников сходки, Григория Герасимова Ветлугина, служащего счетоводом при Нейво-Алапаевской заводской конторе, при обыске, в момент обнаружения сходки полицией, были найдены рукописные противоправительственные воззвания к рабочим и подписной лист для сбора каких-то пожертвований. Произведенным затем обыском в квартире самого Ветлугина, находившейся в том же доме, за спинкой дивана было найдено 126 не совсем законченных воззваний к рабочим, напечатанных, по словам Ветлугина, им самим на домашнем типографском станке, который, однако, не был найден и Ветлугиным не указан, где находится. Ветлугин в виду обнаруженного у него был заключен под стражу при местном Волостном правлении, но затем, вследствие настойчивых требований рабочих освободить арестованного, Ветлугин выпущен на свободу и отдан на поруки в том же заводе.

На следующий же день после этого обстоятельства, с утра 7 марта, рабочие жестяно-прокатного цеха Нейво-Алапаевского завода, в количестве до 150 человек, без всякого заявления прекратили работы.

Забастовавшие, однако, вели себя смирно, никаких беспорядков не производили, причину своей забастовки потом объяснили уменьшением администрацией завода платы за прокатку железа.

Когда в виду начавшейся забастовки прибыл в завод окружной инженер Кихлер, то рабочие забастовавшего цеха через своих депутатов, а также депутаты и 4-х других цехов, подали ему письменные заявления с предъявлением к владельцам завода различных требований чисто экономического характера, как-то: об увеличении заработной пла-

ты, сокращение рабочих часов и т. п. Для рассмотрения этих требований 12 и 13 марта в помещении местного Волостного правления было открыто совещание из начальствующих лиц, администрации завода и выборных.

Министерство
внутренних дел

Пермский губернатор

По канцелярии

27 сентября 1905 г.
№ 367

Секретно.

Товарищу министра внутренних дел,
заведывающему полицией.

В дополнение № 364 представляю вашему превосходительству о положении дела в Мотовилихинском заводе следующее:

24-го числа сего месяца в заводе и селении нарушений рабочими порядка не было, точно также и не было сходок.

Днем этого числа на улице, вблизи квартиры горного инженера Мякотина, найден экземпляр отпечатанной на гектографе прокламации, копия коей при сем прилагается.

23 числа к горному начальнику, действительному статскому советнику Строльману обращались две отдельные группы рабочих с заявлением требования о выдаче им, кроме окончательного расчета, платы еще за две недели вперед, мотивируя это свое ходатайство тем, что не они, рабочие, прекратили работы, а завод закрыт администрацией. По этому поводу Строльман обращался за разъяснением к главному начальнику Уральских горных заводов и получил от него 24-го числа ответную телеграмму, что изъясненное требование рабочих подлежит удовлетворению.

Губернатор (подпись).

Министерство
внутренних дел

Пермский губернатор

По канцелярии

7 сентября 1905 г.
№ 325

Секретно.

Товарищу министра внутренних дел,
заведывающему полицией.

В дополнение представления за № 309 о закрытии 21-го минувшего августа работ на Поскотинских рудниках, Алапаевского горного округа, при сем препровождаю в копиях протокол окружного инженера Южно-Верхотурского горного округа и доклад заведывающего Поскотинскими рудниками горного инженера Михеева в главную контору Алапаевских заводов о причине закрытия рудничных работ, присовокупляя, что приостановку работ в названных рудниках, в виду обстоятельств, изложенных в протоколе окружного инженера и записке заведывающего рудниками Михеева я с своей стороны признаю также необходимой и правильной.

В день закрытия Поскотинских рудников, 21 августа, при приемке работ на рудниках, в присутствии заведывающего ими горного инже-

нера Михеева, около конторы собралась толпа рабочих человек тридцать, в числе коих замечены: мещанин гор. Алапаевска Иван Львов Крылов, крестьяне дер. Алапаихи: Иван Григорьев Глухих, Василий Иванов Залесов, Петр Петров Залесов, Павел Петров Залесов, Сергей Григорьев Залесов, Евгений Васильев Третьяков, Иван Михайлов Кабаков, Павел Михайлов Подкорытов, Иван Михайлов Колкозеров, Иван Ефимов Сигов, Петр Павлов Сигов, Александр Васильев Кулаков, крестьянин дер. Верхней Алапаихи Никандр Сосипатров Колмаков и крестьянин Невьянской волости, Екатеринбургского уезда, Федор Лукоянов Козлов, которые, обратясь к Михееву, просили его дать им объяснение о причинах закрытия Поскотинских рудников, и, когда он им сказал, что причиной остановки рудников является из ряда вон выходящая разнузданность их рабочих, которая в связи с безрассудными и беспрестанно возрастающими их требованиями и притязаниями, а также систематическими нарушениями правил правильного и безопасного ведения работ, делает руководство работами немыслимым, рабочий Иван Глухих заявил, что заводоуправление поступает в настоящем случае не законно, а когда Михеев заметил на это, что незаконные действия заводоуправления можно обжаловать в установленном порядке, то со стороны: Глухих, Крылова и Петра Залесова получил ответ, что жаловаться им некуда, ибо все власти за одно друг друга покрывают. Присоединившиеся к ним рабочие: Василий Иванов Залесов, Иван Михайлов Кабаков и др. начали произносить различные укоры по адресу заводоуправления, называя всех кровопийцами, мошенниками, ворами, говоря, что они, рабочие, сами могут вести заводское дело, не надо им никакой администрации, а вся экономия остававшаяся могла бы быть разделена между рабочими, а Крылов заявил, что порядка на Поскотинских рудниках и впредь не будет, пока заводоуправление не примет условий, предлагаемых рабочими и прежде всего, не повысит плат до такой нормы, чтобы на каждую лошадь можно было заработать по три руб. в день, и что рабочим теперь ничего не остается делать, как пожертвовать «голова за голову», да прикончить заведывающего или кого другого: «легче в тюрьме сидеть, чем получать в день несчастных 2 руб. 10 коп., которые зарабатывают на других рудниках». Угрозу Крылова поддержал Петр Петров Залесов, добавив, что надо прикончить «мошенника управляющего, который душит рабочих».

Не найдя возможным поэтому далее вести какие бы то ни было разговоры с рабочими, Михеев посоветовал за разъяснением обратиться к окружному инженеру, на что рабочие наотрез отказались, говоря, что они и ему не верят. В заключение Иван Глухих от имени рабочих заявил, что рабочие считают заводоуправление не в праве отказывать им в работе и что поэтому в понедельник (22 августа) отправятся на Зыряновские рудники и потребуют, чтобы их там приняли на работы. Кроме того, Глухих посоветовал «не заводить этой канители, ибо плохо будет, то же, что было в Батуме».

22 августа, около 11 часов дня на Зыряновский рудник приехали крестьяне деревни Алапаихи около 200 человек и завода Нейво-Алапаевского около 10 человек, ранее работавшие все на Поскотинских рудниках, а именно: дер. Алапаихи: Сергей Григорьев Залесов Павел Федоров Ефимов, Яков Михайлов Кабаков, Петр Михайлов Кабаков, Петр Петров Залесов, мещанин гор. Алапаевска Иван Львов Крылов, Нейво-Алапаевского завода: Иван Егоров Мелкозеров, Андрей Александров Таланкин, Александр Антонов Старцев, Модест Алексеев Гор-

дюшев, Никанор Афанасьев Кабаков, Андрей Алексеев Устинов, Алексей Трофимов Морозов и Невьянской волости и завода Екатеринбургского уезда Федор Лукоянов Козлов и др. Из них Иван Крылов и Петр Залесов потребовали от штейгера Порфирия Никифорова Деева, чтобы он допустил их к работам, а в случае его отказа они сами самовольно будут работать, и, когда Деев им отказал, они стали ему возражать, говоря: владельцы заводов не в праве останавливать работы и они, рабочие, будут требовать дачи работ на законном основании. Начальство мошенничает, делает все заодно, будет ему народ обманывать. Следует только руки поднять кверху, как все сразу восстанут и тогда всех начальников подавят. Скоро будет народное правительство, тогда все будет на рабочей стороне, восстанут миллионы народов и всех начальников подавят, не будет тогда бюрократии, не будут служащие и начальство получать громадное жалованье, все будут равны, и все это случится в непродолжительном времени. Тогда ни один солдат на рабочих штыка не подымет, и что они, рабочие, задумали, то будет по-ихнему, хотя голова за голову пойдет, но своего добьются, хоть и в тюрьму посадят, а кого нужно «кончат». После этого Крылов, Залесов и др. пошли по разрезам рудника, говорили рабочим, что все за бесценок работают, что нужно просить прибавки платы и при этом угрожали, что если им не дадут работ, то они и тех, кто работает здесь, прогонят.

Несмотря на такие выходки выше поименованных рабочих, особых беспорядков на рудниках не было и в настоящее время в округе Алапаевских заводов пока спокойно.

Губернатор (подпись).

Копия.

Август, 30 дня 1905 года. Окружной инженер Южно-Верхотурского горного округа составил настоящий акт в нижеследующем:

21 августа, по распоряжению управления Алапаевским округом, была составлена работа на Поскотинских рудниках. Причину останова работ управление объяснило в вывешенном за две недели до того объявлении.

Прибыв 24 августа по вызову обеих сторон, т. е. управления и рабочих, в Алапаевск, я принял меры к собранию всех сведений и справок и выяснению обстоятельств, вызвавших недоразумение между рудничной администрацией и рабочими.

Из объявлений рудничной администрации и письменного заявления управления видно, что рабочие на Поскотинских рудниках усвоили себе, за последнее время, привычку вымогать скопом от рудничной администрации увеличения платы за каждый отдельный забой, употребляя для этого против старшего штейгера рудника всякие средства насилия в форме крика, брани и угроз, закончившихся 5 августа фактическим над ним насилием. Если же, тем не менее, старший штейгер не прибавлял требуемой платы, то постать (забой) пустовала неделями и ни один рабочий, под угрозой остальных, не смел ее принять, в расчете, что когда, по условиям работ, явится необходимость подвинуть вперед упомянутый забой, администрация будет вынуждена увеличить плату. Так, например, если правила безопасности требовали работ на известной площади, то рабочие скопом заламывали безобразную плату и не позволяли никому взять необходимой работы за нормальную плату.

В порядке работ рабочие не желали подчиняться никаким распоряжениям: работали как хотели, где хотели и никакими средствами штейгера не могли заставить их исполнять указанный порядок в работах. Состояние рудника лучше всего подтверждает эти слова: уступы неправильны, почва взята буграми и подвалена породой, ширина уступов уже узаконенной ширины, свалки неправильны, сортировка руд безобразная, взвозы опасны для работ и забои отработаны неправильно. Помимо того, рабочие Поскотинского рудника усвоили себе привычку грозить не только заглазно, но и в глаза администрации даже смертью, т. е. управляющему округом, заведывающему рудниками, смотрителю Коновалову и прочим служащим рудников, что подтверждено полицейскими протоколами.

Такого рода угрозами рабочие Поскотинских рудников добились оплаты рудничных работ дороже в полтора раза против таковой же платы на других рудниках, чем открыто хвастались, так что рабочие других рудников стали настаивать, или поднять их цены до цен Поскотинских, или пустить их всех работать на Поскотинский рудник.

На заседании 29 августа выборные от рабочих отрицали это обвинение, утверждая, что они никому не грозили, цен не вымогали и, что неправильное ведение работ всецело происходит по вине администрации, что все эти недоразумения возникли благодаря штейгерам и старшему штейгеру Коновалову, против которого высказывали обвинение в злоупотреблении, что заработок их не был большим, а что лица рудничного надзора, производя неправильный обмер, брали с рабочих, благодаря чему общий заработок рабочих показывался больше, чем он был на самом деле.

Предоставляя управлению проверить частые обвинения против старшего штейгера Коновалова, клонящиеся к ущербу интересов управления и разбор которых не подлежит моей власти, я, окружной инженер, личным осмотром рудника установил следующее: 1) работы на Поскотинских рудниках велись действительно безобразно и недобросовестно не только в отношении внешней чистоты исполнения работ, но несогласно инструкции о безопасном ведении работ. Так, например, выпуклые стенки невыравненных забоев грозят во время работ обрушиться на производящего подбойку рабочего. Проездные площадки значительно уже узаконенной ширины и не везде по бортам защищены лежнями. Взвозы крутые от наваленной породы, отчего местами они не безопасны для рабочих. 2) Сравнивая средний заработок рабочих Поскотинских рудников с заработками рабочих остальных рудников Алапаевского округа, я убедился, что заработки первых действительно до полутора раз больше вторых и значительно выше заработков других рудников на Урале, сходных по условиям залегания с местными, а именно:

Средний заработок на остальных рудниках Алапаевского округа составляет за июнь и июль на забойщика с лошадью и гонщиком 2 руб. 10 коп., при средней цене куба 2 руб. 08 к. На каменских рудниках в породах тождественных с местными алапаевскими—2 руб. На Катавских и Симских рудниках, на Бакальском месторождении в Уфимской губернии, при более дорогом содержании рабочего и лошади 2 ру. 70 к. На высокогорском руднике, Алапаевского зав. 1 р. 88 к. На Поскотинском руднике № 1, при средней цене куба 3 р. 02 к., 3 р. 18 к. На Поскотинском руднике № 2, при средней цене куба 3 р. 46 к., 2 руб. 68 коп.

На вопрос выборных, будут ли открыты работы на рудниках, когда и на каких условиях, управление сообщило мне, что заводы обеспечены рудой на $1\frac{1}{2}$ года, а потому оно, не нуждаясь в немедленном пуске работ, думает, что будет лучше, если рабочие, недовольные условием работы на рудниках, займутся другими отраслями труда и предоставят заводам разрабатывать рудники теми средствами и людьми, которыми заводоуправление найдет выгодным, например, экскаваторами или пришлыми рабочими.

Из всего вышеизложенного я прихожу к заключению, что отношения между администрацией и рабочими настолько ненормальные, что открытие работ в настоящее время, до изменения этих отношений, является невозможным.

Такое положение создано самими рабочими и это доказано полицейскими протоколами.

Подлинный подписал: Окружной инженер Л. Кихлер.

С подлинным верно: Правитель канцелярии пермского губернатора (подпись).

Сверял: Помощник правителя (подпись).

Начальник
Уфимского губернского
жандармского
управления

24 января 1905 г.
№ 204
г. Уфа
К № 202

Секретно.

В дополнение к представленным уже сведениям по поводу происшествия с заведывающим механическим, кузнечным и котельным цехами Катав-Ивановского завода Гостищевым 19 сего января доношу, что заводоуправлением, во главе с окружным инженером Евглевским и уфимским исправником Дамриным, были приняты следующие меры: 20 сего января названные лица образовали совещание, на котором была рассмотрена просьба рабочих рельсопрокатного цеха, поданная на имя окружного инженера (при сем представляется в копии), при чем по всем пунктам, кроме 5, желания их решено удовлетворить отчасти; для переговоров по этому поводу предложено выбрать уполномоченных, с которыми заводоуправление будет иметь дело. 21-го же января, в 3 часа дня, окружной инженер, в присутствии управляющего заводом Иванова, уфимского исправника, некоторых чинов местной полиции, ротмистра Леонтьева и унтер-офицера Силина объявил рабочим механического, кузнечного и котельного цехов решение, к которому они пришли на совещании 20 января по поводу инцидента с Гостищевым, при чем таковое сводилось к следующему: рабочие названных цехов, выведя из помещения заведывающего Гостищева, поступили неправильно, совершив преступление (была прочитана соответствующая статья Улож. о Нак.) тем более, что накануне им было объявлено о том, что если рабочие имеют на Гостищева жалобы,

пусть выборные придут и ему обстоятельно их изложат. Принимая же во внимание, что рабочие ранее вели себя хорошо и будучи уверен, что большинство из них такому поступку своих товарищей не сочувствуют, решено главных участников ни к какой ответственности вообще не привлекать, но так как начальника никто не имеет право сменить, кроме его начальства, то Гостищев остается на своем месте и рабочие должны этому решению подчиниться, в виду же болезни Гостищева исполнять его обязанности будет назначено другое лицо.

На это заявление окружного инженера рабочие, как один человек, закричали: «не желаем Гостищева, не надо нам Гостищева». После этого с речью выступил исправник, старавшийся разъяснить рабочим их незаконные требования и претензии, но видно было, что речь не произвела на рабочих должного впечатления, хотя и была выслушана при гробовом молчании; после этого в том же роде говорил управляющий заводом Иванов, после чего был дан сигнал к началу работ и таковые начались без особенных инцидентов, хотя перед этим до слуха ротмистра Леонтьева долетели два робких возгласа: «мы хотим получить расчет». Унтер-офицер Силин доложил ротмистру Леонтьеву, что негласным путем им добыты сведения, из коих надо притти к заключению, что присутствие в заводе, как начальника, Гостищева поведет к всеобщей забастовке, а потому надлежит принять меры, чтобы хотя первое время, пока этот вопрос не утратил своей остроты, Гостищев в завод не появлялся; только отсутствием Гостищева во время описанных разговоров с рабочими можно объяснить их основательную корректность.

Для удовлетворения законных просьб и претензий рабочих, по распоряжению окружного инженера, с 1 февраля сего года на заводах Катав-Ивановском и Юрюзанском в каждом цехе заводятся книги жалоб, в которые рабочие могли бы вписывать свои претензии.

В настоящее время на заводе царит полное спокойствие. По докладу унтер-офицера Силина, порядок теперь замечается больший, чем в обыкновенное время, но за последнее время им получены негласные сведения, подтверждающие уже изложенное, т. е., если заведывающий цехом Гостищев появится в заводе, начнется общая забастовка.

Донося о сем, присовокупляю, что в виду выезда ротмистра Леонтьева из Катав-Ивановского завода до получения моей телеграммы, к переписке в порядке охраны им не приступлено, но при негласном расследовании выяснено, что главное участие в этом принимали и даже, надо полагать, руководили другими рабочими—мастеровые: Иван Федоров Цыганов, Максим Мартынов Тропинин, Иван Павлов Иванцев, Филипп Кузнецов, Петр Катунин и Николай Антропов; о первых трех имеются в делах управления неблагоприятные сведения.

По ознакомлении же с имеющимися в управлении по этому делу сведениями прокурора Уфимского окружного суда, последний высказал свое заключение, что упомянутые выше лица, как принимавшие активное участие в насильственном удалении из завода заведывающего Гостищева, подлежат ответственности по 142 ст. Уст. о Нак. налаг. Мир. Суд., а потому, я с своей стороны, пока ограничился установлением за назначенными лицами негласного наблюдения, сообщив о сем уфимскому губернатору с просьбой уведомить, не признает ли он нужным применить к ним одну из мер указанных в циркуляре министра внутренних дел от 12 августа

1897 года за № 7587,—на предмет (на предмет) дальнейших со своей стороны распоряжений.

О последующем донесу дополнительно.

Приложение: Копия с просьбой рабочих рельсопрокатного цеха.

Полковник (подпись).

Начальник
Уфимского губернского
жандармского
управления

2 февраля 1905 г.
№ 295
г. Уфа

Секретно.

Получены агентурным путем сведения, что 1 сего февраля к начальнику уфимских железнодорожных мастерских Лопатто явились около ста человек рабочих и предъявили нижеследующие требования:

1. Сократить рабочее время отменою вечерних занятий (вечеровок).
2. Увеличить расценку.
3. Ограничить права мастеров и их помощников.

Главными руководителями являются рабочие токарного цеха Алексей Олизов, Федор Сидоров, Владимир Токарев, Павел Рогожин и Николай Божанов, он же Николаев.

О предъявленных рабочими требованиях начальник мастерских обещался донести по начальству.

Из тех же сведений видно, что конторщики мастерских, по примеру рабочих, тоже предполагают предъявить требования, но в чем таковые будут выражаться пока неизвестно.

Об изложенном мною одновременно с сим сообщено уфимскому губернатору и начальнику уфимского отделения самарского жандармского полицейского управления ж. д.

Полковник (подпись).

М. П. С.

Уфимские мастерские

1 февраля 1905 г.
№ 39

На запрос от 1 февраля за № 114.

Копия с копии
Секретно.

Г. Начальнику Уфимского отделения самарского жандармского полицейского управления ж. д.

Сегодня около 11 часов утра действительно около 60 мастеровых разных цехов приходили ко мне с просьбой ходатайствовать о следующем:

1. Пересмотра расценки сдельных работ совместно мастерами с выборными от цехов рабочими.
2. Ограничение числа вечеровок до 3 в неделю (не более).
3. Ограничение процента прибыли сдельным работам до 100%.
4. Взыскание и увольнение рабочих предоставить администрации совместно с выборными из числа рабочих.

5. Устроить в мастерских приемный покой для медицинской помощи. и снабдить железнодорожную аптеку большими средствами, чтобы не требовалась покупка лекарств в городе заболевшими мастеровыми. По всем этим пунктам мною обещано ходатайствовать, причем в числе мотивов удовлетворения просьбы будет мною высказано, что исполнение просьбы полезно и для дела, так как избавит администрацию от тягостных и несправедливых нареканий на будто бы несправедливую расценку, взыскания и т. п., неограничение 50% заработка, как до сих пор, увеличить производительность мастерских, устройство приемного покоя в мастерских, избавить мастеровых от траты времени на дальнее хождение и ожидание. Что же касается инициаторов в этом ходатайстве, мне они неизвестны, и вероятно, неуловимы, так как эти мысли в том или ином виде передавались ранее и словесно были передаваемы мною начальству, но еще как не разработанные.

При заявлении просьбы мастеровые вели себя тихо и почтительно. Подписал начальник мастеровых Лопатто.

Честь имею добавить, что по своим делам мастеровые всегда обращались ко мне с просьбами: отдельные лица по личным делам по вторникам и пятницам в назначенные для этого часы, по общим же делам и ходатайствам временами в те же дни, что давало лишь возможность быть в курсе их нужд, их полезных и для службы и гарантировано от беспорядков. Копию подписал начальник Уфимского отделения самарского полицейского управления ж. д.

Подполковник Воскресенский.

С копией верно: Полковник (подпись).

Копия с копии.

Его высокоблагородию г-ну окружному инж.
Уфимского горного округа.

1. Прошу ваше высокоблагородие, чтобы позволяли стоять по две смены в сутки, т. е. 16 часов, а также вместо себя могли бы высылать кого-либо из товарищей, только чтобы дело не приостановить.

2. Еще просим сделать теплое помещение, где бы можно закусить и повесить одежду.

3. Просим вести ежедневно табель заработка каждого рабочего по профессии.

4. Табельщика Киселева, Михаила Спиридонова просим убрать.

5. Просим выдавать прежнее положение парусины, включая и правильщиков и убиральщиков.

6. На перевалку валок плата была положена одна, т. е. 15 р., кроме уборки окалины. Копию подписал ротмистр Леонтьев.

С копией верно: Начальник управления полковник (подпись).

Начальник
Уфимского губернского
жандармского
управления

16 мая 1905 г.
№ 1701
г. Уфа

Секретно.

В дополнение телеграмм моих по поводу забастовки на Катав-Ивановском заводе доношу следующие добытые на месте о сем сведения.

Еще в январе месяце рабочие заявили общие жалобы заводоуправлению и окружному инженеру Евглевскому о недостаточной плате за работы. 19 января произошел известный инцидент с заведующим механическим цехом Николаем Михеевым Гостищевым, рабочие механического, кузнецкого и котельного цехов собрались толпой и с криками вывели его из мастерских. Происшествие это было вызвано, по существу, тем обстоятельством, что Гостищевым была убавлена плата за сверхурочные и аккордные работы. При уходе Гостищева со службы, установилось на заводе спокойствие нарушенное, хотя пересмотра расценки по всем работам не было произведено и не был восстановлен нарушенный Гостищевым по его цехам порядок учета работы.

26 апреля, в 2 часа дня, рабочие со всех цехов явились к заводской конторе и заявили управляющему инженеру Иванову две просьбы: чтобы работы по всем цехам производились в 3 смены по 8 час. и, чтобы была повышена плата по таковому расчету: тем, которые получают по 50 коп., увеличить на 50%, а тем, которые получают по 1 руб. и более 1 руб. увеличить на 30%. Управляющий Иванов объявил им, что своей властью их просьбы удовлетворить не имеет права, но представит их требование в Опекунское управление над имуществом князя Белосельского-Белозерского. Вместе с этим управляющий Иванов предупреждал рабочих, что ответ Опекунского управления будет получен не раньше двух недель. Из толпы рабочих в то время были крики каких-то лиц, что если просьбы не будут удовлетворены, то все потребуем расчета.

30 апреля в Катав-Ивановский завод приезжал уфимский исправник Дамрин и приказывал в канцелярию катавского полицейского надзирателя по несколько рабочих со всех цехов для внушения через них, чтобы масса рабочих сохраняла порядок и не стремилась к забастовке. Вызванные же рабочие при этом ему высказывали жалобы на недостаточную плату, на грубое обращение мастеров и т. п. Исправник Дамрин посоветовал им все жалобы и претензии изложить письменно и просьбу подать по начальству. Изложение жалоб по цехам и всяких претензий отдельных лиц представляют такой труд, который вызванные рабочие (и все прочие не вызванные) не могут выполнить. И вот неизвестно кто составил (или может быть переделал из объявленных в какой-нибудь газете требований) записку от имени всех рабочих с 16 пунктами, копия при сем с которой представляется. Эти требования были поданы управляющему Иванову толпой рабочих, во время словесных их заявлений 3 мая. Кто именно вручил Иванову рукопись требования—остается неизвестным, так как Иванов личность подавшего не заметил, а рабочие не указывают ее. Иванов новые требования передал в Опекунское управление. Но 6 мая им был получен из Петербурга ответ телеграммой Опекунского управления на первые две просьбы рабочих (заявленные 26 апреля). 7 мая, в 2 часа дня, Иванов приказал призвать рабочих к конторе и объявил им содержание этой телеграммы (копия при сем представляется). При этом в толпе раздались крики, что без добавки рабочей платы работы не будут производиться. Три часа тянулись тогда переговоры управляющего Иванова с толпой и окончились тем, что рабочие разошлись по домам и Иванов должен был немедленно замазать и засыпать песком доменные печи, с находившимся в них в расплавленном состоянии материалом. По вечернему гудку в этот день и по гудкам в следующие дни 8 и 9 мая рабочие на завод не являлись.

9 мая в Катав-Ивановский завод прибыл непременный член Губернского присутствия Константинович, а на станцию «Вязовая», отстоящую от Катав-Ивановского завода в расстоянии 27 верст, была прислана воинская команда в 63 человека при офицере. На заводе находились только сторожа и старшие мастера. По селению рабочие порядка не нарушали и сходок не устраивали. 10 мая с утра рабочие стали собираться на площадь к заводской конторе и к 10 часам толпа набралась до 500 человек. С толпой сначала говорил окружной инженер Евглевский, а затем г. Константинович, убеждая рабочих прекратить забастовку. Требование в форме 16 пунктов рабочие не предъявляли, а высказывали только жалобы на недостаточную плату за работы и просили установить 8-часовой рабочий день. Кроме этого были заявления о грубом обращении с ними мастеров Хохлова и Запасника, о продолжительном удерживании молодежи на положении учеников, о большом штате заводского управления и больших окладах служащих в этом штате, о плате за работы женщинам, а некоторые высказывали мелкие личные претензии. Но жалоб на управляющего Иванова и его помощников Подлесского, Нагорного, Диордиенко они не заявляли и озлобление против них не высказывали. Последним в этот день с рабочими говорил сам Иванов, убеждая рабочих приняться за работу и указывая им, что их упорство может повлечь к охлаждению доменных печей и следовательно к прекращению работ до устройства новых доменных печей (на что потребуется полтора года). Разговор был продолжительный и со стороны рабочих опять-таки сводился к тому, что они просили ввести по всем цехам три смены (8 час.) и добавить им хоть что-нибудь к рабочей плате (хотя кому по 10 коп. кому по 5 коп.), при чем и ему, Иванову, указывалось, что расход этот отчасти может быть покрыт уменьшением окладов служащих по заводской администрации и сокращением штата этой администрации. Хотя г. Иванов обещал рабочим в случае если они станут на работу быть ходатаем по их просьбам и для того отправиться в Петербург для переговоров с Опекунским управлением, но рабочие настаивали на немедленном удовлетворении их желаний и в конце концов грозили требованием общего расчета. Разошлись рабочие в 3-м часу тихо. В этот день выяснилось, что рабочие доменного цеха (до 200 человек) склонны приняться за работу, что забастовка лишает их пропитания и, сознавая, что в других местах они не могут найти себе заработка. 11 мая рабочие без приглашения опять собрались с утра у заводской конторы, но уже в меньшем количестве—их было со всех цехов не более 300 человек и преимущественно молодежь. Переговоры с ними в этот день вел только управляющий Иванов с 10 человеками, но не долго. Он просил их начать работать, а они просили о том же 8-часовом дне и добавке к рабочей плате хоть в самом незначительном размере. Когда Иванов объявил, что никакой уступки он сделать не может, то в толпе раздались опять голоса: «давай всем расчет, на работу стать не согласны», но масса рабочих держала себя спокойно. Уходя из толпы Иванов просил доменных рабочих притти в этот день на завод помочь выдуть домны, т. е. выпустить из печей образовавшийся в них чугун и тем спасти печи и весь завод от грозящей приостановки в деятельности. Доменные рабочие на эту просьбу ответа не дали. После ухода управляющего Иванова разошлась и толпа. В 4 часа пополудни, в этот день управляющий Иванов распространил по селению объявление, экземпляр коего при сем представляется. С утра в этот день на завод явилось незначительное число доменных рабочих, а после обеда их соб-

ралось более, но они высказывали опасение, что могут подвергаться насилиям со стороны рабочих не согласных продолжать работы. В 4 часа пополудни на завод прибыла из Вязовой воинская команда, которая, однако, не была употреблена для постовой и патрульной службы, так как в селении был порядок. Когда рабочие стали в 5-м часу вечера бродить около завода и собрались на площади в числе до 100—150 человек, то их удалили по домам полицейские урядники и стражники, которых там было несколько человек. Рабочие вполне повиновались полиции и в течение всех дней забастовки.

12 мая все цеха и при полном составе рабочих приступили к работам, а за расчетом не явился ни один человек. Катав-Ивановский завод, кроме селения Катав-Ивановского обслуживает деревни: Карауловка, Верхне-Катавка, Тюльмень, Анновка, Бедярыш и Лемуза. Население этих деревень занимается рубкой леса и выделкой из него угля, сплавкой леса к заводу по реке Катав, подвозкою угля и дров в завод по грунтовым дорогам и подвозом руды в завод, а также обычной руды в завод, а также добычей руды в разных шахтах.

Только одна Карауловка в больших размерах занимается хлебопашеством и то на полях арендованных у башкир, прочие деревни посевов производят мало за отсутствием удобных полей, земля у них или горная или каменистая луговая (по ручьям). В самом Катав-Ивановском селении числится до 12 тысяч душ обоего пола и вся эта масса существует работой при заводе. Каждому рабочему действующему на заводе, заводское управление отводит бесплатно поля на посев в $1/3$ десятины, паек луга в 1, 2 или 3 десятины (смотря по качеству земли), а также отводит участок леса для рубки дров. Катавивановцы, не состоящие на работе, земли для посева, сборки сена и рубки дров не получают. Но каждый катав-ивановец все-таки считает себя в праве требовать от заводского управления пайков и работы как происходящий из рода оставшегося в крепостном владении князей Белосельских-Белозерских. Такие отношения возникли потому, что освобождение крестьян население не было наделено землей, ему было дано только у завода место под усадьбы. Ко дню забастовки числилось на заводе 1657 рабочих: по бессемеровскому цеху—153 человека, по доменному—257, по мартеновскому 183, по рельсопрокатному 335, по рельсоотделочному 195, по механическому 164, по кузнечному 96, по котельному 37, по вальцово-токарному 55, по котельной 59, по литейному 89 и по столярному и проч. 35 человек. Рабочий день не только по цехам, но и в каждом цехе по родам работы не одинаков, пример: бессемеровская работа производится большинством (126) в три смены (т. е. по 8 часов), а меньшинством (26) в две смены (по 12 час.) и в одну смену (по 10 ч.); в доменном цеху—181 человек работают в три смены (по 8 час.); 19 человек в две смены (по 12 час.) и 57 человек в одну смену (по 10 час.); рабочие механического, кузнечного, столярного и котельного цехов производят работы в две и в одну смены и рабочий день определен в 10 час. Помимо этого в заводе существует в некоторых цехах (бессемеровском, доменном, мартеновском и рельсовых) такой порядок: рабочие в течение месяца имеют право работать только две недели (т. е. чередуются партиями через две недели). Это производится с целью дать возможность большему количеству людей получить заработок, а вызвано переизбытком рабочих имеющих право на работы, но этот порядок уменьшает месячный заработок, так как у рабочего две недели подвергаются невольному прогулу. Рабочая плата не может быть равномерной по цехам и родам ра-

боты. Слесарь и токарь механического цеха—сдельно вырабатывают от 1 руб. до 1 руб. 60 коп.—1 руб. 75 коп., а ученик получает плату в день от 25 до 40 коп. В доменном цехе рабочий получает от 50 до 60 коп. в день, а женщина с лошадью зарабатывает до 70 коп. в день, а при ручной работе (без лошади) 20—25 коп. Заработок в прочих цехах представляет средние цены между заработками этих двух цехов. Так как жизненные припасы, за исключением молока и овощей, рабочие должны покупать, то большинству из них и в особенности те, которые работают только по две недели в месяц—заработка не может хватать на содержание их семейства.

Забастовку устроили более развитые и обеспеченные рабочие механического, кузнечного и литейного цехов. На всех сходках они были впереди и из их среды исходили заявления от имени всех рабочих и в защиту более обездоленных. По молве, руководителями забастовки были следующие лица: токаря Максим Мартынов Тропынин 35 лет, Иван Федоров Цыганов 30 лет, Филипп Федоров Кузнецов 33 лет, Иван Павлов Иванцов 30 лет, слесаря Петр Тарасов Катункин 40 лет, Николай Павлов Антропов 45 лет и котельщик Спиридон Поликарпов Путилин 45 лет (состоит под особым надзором полиции), но по наблюдению они не составляют кружка. Однако на сходках 10 и 11 мая только Тропынин и Антропов выступили с заявлениями, а прочие держали себя в стороне. По заключению помощника моего подполковника Бураго, командированного на место беспорядков, забастовка возникла по экономическим условиям быта рабочих, а не под влиянием политической пропаганды. Для устранения забастовок на будущее время, Опекунскому управлению следует не только пересмотреть расценки работ на заводе, но и поспешить наделить рабочих землею с тем, чтобы она поступила не в общинное владение, а в подворное. При этом условии часть населения, не находящая работы на заводе, могла бы свои усадьбы и участки земли перепродать более имущим и на вырученные деньги переселиться и устроиться в других местах. Земледелие в урегулировании имущественных отношений может привести к тому, что настанет время когда рабочие начнут смотреть не только на землю, но и на самый завод как на ценности, владение которыми должно быть признано не за одним князем Белосельским-Белозерским, но и за ними.

О вышеизложенном сообщено уфимскому губернатору.

Приложение: Копии 1) Записка от имени рабочих с 16 пунктами, 2) копия телеграммы Опекунского управления, 3) копия объявления заводоуправления.

Полковник (подпись).

Копия телеграммы, полученной из С.-Петербурга управляющим заводами 6 сего мая в ответ на требование рабочих Катавского завода (заявленные 26 апреля сего года).

Высочайше учрежденное Опекунское управление, обсудив подобные требования рабочих Катавского завода, сообщенные в письме вашем 26 апреля, журналом от 3 мая постановило: требования эти отклонить безусловно и в случае отказа мастеровых от работы предложить вам через три дня после прекращения мастеровыми работ закрыть Катавский завод, объявив мастеровым расчет и уведомив о закрытии завода все подлежащие власти для поручения подобных инструкций касательно скорейшего наделения землей мастеровых закрывающегося завода, по объявлении о сем мастеровым и всем властям, приезжайте сюда вместе с вашим юрисконсультом Султановым. Вместе с сим Опекунское упра-

вление просит вас передать мастеровым, что лишь с крайним огорчением решается оно на эту меру, неся в течение всего времени эксплоатации заводов известные вам громадные убытки. Опекунское управление не закрыло завода, понимая как тяжело отразилось бы на положении местного населения, а старалось изыскать меры, путем наделения землей, избавить завод от чрезмерного многолюдства и сделать его вновь жизнеспособным, сохранив тем для населения источник хорошего добавочного к земельному хозяйству заработка; предпринятые в этом направлении шаги, однако, показали, что требуется испрошение даже изменений в существующем законе и, следовательно, необходимо значительное время. Опекунское управление надеялось, что население не поддастся злоумышленным внушениям посторонних и с доверием отнесется к действиям Опекунского управления, состоящего из чинов семьи князя Белосельского, интересы которого близко связаны с интересами местного населения. Всякое увеличение заработной платы, падающей, как вам известно, одним рублем и тремя копейками на пуд продаваемого металла, довело бы убытки до размеров чрезвычайных, выдержать которые в течение времени необходимого для наделения землей, Опекунское управление не могло бы. Опекунское управление советует мастеровым обдумать спокойно: будет ли выгода или гибель завода, кормившего их десятки лет, могущего в будущем дать без ущерба для себя хороший приработок к земельному хозяйству. По изложенным причинам Опекунское управление никаких увеличений плат и уменьшение рабочих часов допустить не может и если мастеровые не пожелают работать на условиях, бывших до подачи своих требований, то Опекунское управление подтверждает вам свое распоряжение о закрытии завода и выдаче окончательного расчета.

Подпись: Опекунское управление над имуществом князя Белосельского-Белозерского.

С подлинным верно:
Полковник (подпись).
Начальник управления,

Копия.

Его в-дию г-ну окружному инженеру IV Уфимского горного округа и главному управляющему Катавских заводов.

От всех рабочих Катав-Ивановского завода князя Белосельского-Белозерсского.

Требование.

1. 8-часовой рабочий день.

2. Общую добавку, кто получает менее 1 руб. добавить 50 коп. на поденщину, а кто получает более рубля добавить 30 коп.

3. Штрафной капитал должен быть в пользу рабочих, чтобы могли его проверять и им распоряжаться и чтобы в каждом цеху было вывешено расписание сколько находится штрафного капитала.

4. Аккордные работы должны быть повышены на 30% и при расценке их должны участвовать выборные от рабочих лиц.

5. Полная заработная плата во время болезни рабочего.

6. Свобода рабочих союзов и собраний, неприкосновенность личности и жилища.

7. Подросткам должна быть поденщина не менее 50 коп. в день.

8. Малолетки, проработавшие пять лет, должны быть зачислены мастерами с платою не менее рубля.

9. Женщинам конным должна быть поденщина не менее рубля, а пешим не менее 50 коп. в день.

10. Освобождение всех рабочих от работ на 1 мая, с сохранением жалованья.

11. Принимать и увольнять с работы по усмотрению выборных от рабочих лиц.

12. Награду к пасхе 25% на заработанный рубль в течение года.

13. Семидневный отпуск во время покоса с сохранением жалованья.

14. Ночные работы должны оплачиваться в два раза дороже.

15. Работа накануне праздников должна оканчиваться на 2 часа ранее.

16. Ежегодно выдавать соснового леса пять дерев бесплатно.

Со дня подачи нами сего требования мы назначаем семидневный срок, в который быть должно нам извещено. 1905 года мая 3 дня

С подлинным верно:

За правителя канцелерией (подпись).

За начальника Уфимского губернского жандармского управления — Секретно.

24 июня 1905 г.
№ 2514
г. Уфа

О ЗАБАСТОВКЕ В ЮРЮЗАНОВСКОМ ЗАВОДЕ.

В разъяснение обстоятельств забастовки на Юрюзановском заводе, принадлежащем князю Белосельскому-Белозерскому доношу нижеследующее:

15 минувшего мая рабочие сварочного цеха обратились к управляющему инженеру Николаю Николаевичу Семенову с просьбой ввести 8-часовой рабочий день, т. е. поставить на работу три смены (вместо двух). Просьба эта была исполнена, при чем Семенов предупреждал рабочих, что заработок их должен будет понизиться, так как работа производится сдельно. 3 июня рабочие обратились к Семенову с просьбой о введении в сварочном цехе поденной платы: мастеру 1 руб. 50 коп., подмастерью 1 руб. 20 коп., рабочему клещевому и печному 80 коп., оправщику и прочим рабочим 60 коп. Кроме этого были сделаны и другие мелкие заявления. Инженер Семенов просьбы рабочих представил в Опекунское управление над имениями князей Белосельских-Белозерских (он сам лично не имеет права полного распоряжеения по заводу). На его представления последовал отказ, в виду предстоящего роспуска рабочих на покосные работы.

Командиру отдельного корпуса жандармов.

Когда об этом было объявлено рабочим, то они вновь повторили свои просьбы и требовали ответа на них через неделю. Семенов вторично представил заявление рабочих в Опекунское правление, которое телеграммой ответило вызовом его в Петербург для личного доклада о положении дела. После этого Семенов предложил сварному цеху выбрать несколько человек для вполне справедливого и основательного обсуждения их претензий и составления новой расценки рабочей платы. Но рабочие ответили на это забастовкой, которую постарались обставить законным порядком. 19 сего июня часть из них, более 100 человек, явилась к Юрюзанскому полицейскому надзирателю Ожихину и сделала ему заявления изложенные в протоколе, копия с коего при сем представляется: 20 и 21 сего июня сварочный цех в числе 950 человек не становился на работу, но прочие цеха: механический, пудлинговый, столярный, кузнечный и проч. в числе 1.020 человек работы производили и относились к забастовке сварщиков безучастно. 21 июня прибыли в Юрюзань помощник златоустовского исправника Медведев и подполковник Бураго, последний, совместно с земским начальником Раунером, рассмотрели жалобы поданные в волостное правление забастовщиков (явилось только 200 человек). Жалобы рабочих, главным образом, состояли в претензиях на заведывающего сварочным цехом Абаимова, который будто бы грубо с ними обращался, неправильно учитывал их издельный труд, не записывает в рабочие книжки количество рабочих дней и сорта выработанного железа и т. п. Приглашенный в волостное правление управляющий заводом инженер Семенов дал со своей стороны разъяснения, по которым оказалось, что рабочие преувеличили свои жалобы, представив в извращенном виде большинство оснований своих требований. При этом инженер Семенов заявил, что мастер Абаимов сам 6 июня подал прошение об увольнении его с заводской службы и ныне сдает находящееся в его распоряжении имущество.

Выяснил рабочим, что понижение платы происходит от уменьшения рабочих часов, что табель расценки может быть переменена им только с утверждения окружного инженера Евглевского (последний на разборе отсутствовал по случаю отъезда по служебным делам в Оренбургскую губернию) и с разрешения Опекунского управления. Инженер Семенов поставил рабочим в упрек то обстоятельство, что они намеренно отказались сами выбрать с своей стороны выборных, для выработки совместно с ним новых условий по работе и составлений новой табели, что он требовал от них дважды в начале июня месяца и перед забастовкой (рабочие отказались дать выборных из неосновательного опасения, что последние будут потом уволены с завода).

После обыкновенных продолжительных рассуждений, бестолковых и плутоватых со стороны рабочих, наконец состоялось между рабочими и Семеновым соглашение: рабочие приступят к работе на прежних условиях, а инженер Семенов при поездке в С.-Петербург будет ходатайствовать о перемене табеля с целью повышения рабочей платы. С утра 22 июня сварочный цех стал на работу. Наружный порядок в селении во все время не нарушался и сходок рабочие не устраивали. На забастовку у них состоялось соглашение при работе на заводе. Руководителями рабочих по этой забастовке были рабочие Усанов и другие подписавшие протокол, составленный полицейским надзирателем (упомянутые в копии), а также и прочие бывшие тогда вместе с ними у полицейского надзирателя, фамилии коих в настоящее время невозможно выяснить (подписать протокол они отказались).

Каких либо прокламаций или листков противоправительственного содержания распространено среди рабочих не было. Эта забастовка имеет чисто экономический характер.

Приложение: Копия протокола.

Ротмистр (подпись).

Копия с копии.

Протокол.

1905 года, июня 19 дня к полицейскому надзирателю Юрюзанского завода явились рабочие этого завода сварочного цеха и заявили, что ранее работали на двухсменной, 12-часовой работе и зарабатывали сдельно в день мастер от 2 руб. до 3 руб. 50 коп., а простой рабочий от 80 коп. до 1 руб. 30 коп., а месяц уже работали на 3-х сменной работе, переходя на нее мы рассчитывали, что заработок уменьшится на $^1/_3$, так что мастер будет получать от 1 руб. 25 коп. до 2 руб. 35 коп. и простой рабочий от 54 коп. до 85 коп., но при расчетах оказалось, что мастерам выдали заработки от 90 коп. до 1 руб. 30 коп., а простому рабочему от 38 коп. до 53 коп., железа же по нашему расчету выкатано больше, но служащие не взвешивали его, определяют по каким-то соображениям нам неизвестным и этим нас обижают, а главный руководитель всего этого произвольного расчета Ефимий Евменьев Абаимов, надзиратель сварного цеха; мы всем цехом его ненавидим за его плутовни и просим управителя убрать его из надзирателей, но управитель наоборот его повысил в должности в виду этого, мы просим доплачивать нам заработные деньги хотя бы до той суммы, что зарабатывали при двухсменной работе и этого нам не сделали. Ранее мы получили расчет за известное железо, а теперь пошли такие сорта, которые требуют то обрезки, то, что, и таким образом лежит неизвестно недели две-три, а жалованье платят на глазомер и все уменьшают. Ранее книжки были с записью каждого дня работы, а теперь и этого не пишут и ведут какие-то темные счеты выработанному железу и заработанным дням. Абаимова иметь в заводе мы положительно не желаем так как он невозможный человек, тем более, что он часто упрекает нам, что доведет нас до того, что мы будем носить крупчаточные мешки вместо рубах и мы уверены, что если он будет служить и доведет. Кроме того мы просили управителя сделать нам поденную плату с расчетом мастеру 1 руб. 50 коп. а подмастерью 1 руб. 20 коп., клещевому 80 коп., а так равно и печному и правщику 60 коп., но управитель на эти условия не согласился, просили при несогласии на поденную платить попудно с тем, чтобы норма платы была не ниже вышеперечисленной при поденной работе. Подлинный подписали: Иван Яковлев Решетов, Федор Парамонов Усанов, Федор Васильев Карлин, Василий Михайлов Усанов, Афанасий Жилов, Петр Варганов, Василий Шикунов, Алексей Михайлов Горшков. Неграмотные: Кузьма Иванов Долинин, Макар Шлемов, Петр Акшенцев, Дмитрий Федоров Гудков, Степан Абаимов, Дмитрий Дуранов, Григорий Чуманов, Федор Воробьев, Семен Гер. Кузнецов, Яков Ив. Тараканов, Кузьма Петр. Костич, а затем по доверию расписался Петр Варганов.

Постановил: изложенное записать в сей протокол. Полицейский надзиратель Ожихин.

Копию скрепил: Помощник начальника Уфимского губернского жандармского управления в Златоустовском уезде подполковник Бураго.

С копией верно:

За начальника Уфимского губернского жандармского управления, Ротмистр (подпись).

Начальник
Уфимского губернского
жандармского
управления
—═—
5 июля 1905 г.
№ 2650
г. Уфа

Секретно.

В дополнение телеграммы от 4 сего июля за № 2623 доношу об обстоятельствах предшествовавших объявлению рабочими железнодорожных мастерских и депо 4 сего июля забастовки и подробности осуществления таковой.

Из представленных из донесений департаменту полиции от 4 сего июля за № 2627 агентурных сведений можно усмотреть, что в истекшем мае месяце в гор. Уфе, под руководством невыясненной пока личности под кличкой «Приезжий» организовался кружок из интеллигентов и рабочих как железнодорожных мастерских и депо, так и других промышленных заведений гор. Уфы.

С субботы 2 сего июля, день расчета, можно было ожидать со дня на день забастовки, точное время которой держалось в строгой тайне, во избежание предупреждения властей, но тем не менее в 10 часов вечера 4 сего июля получились агентурным путем точные сведения, что забастовку железнодорожные рабочие намерены объявить утром 5 сего июля, о чем я тотчас же оповестил: управляющего губернией, уфимского полицмейстера и начальников жандармских железнодорожных отделений—уфимского—подполковника Воскресенского и Ашанского—ротмистра Кирсанова и, хотя в подробностях не был еще выяснен кружок лиц из интеллигентов подготовлявших рабочих к забастовке, а также рабочих примкнувших к этому кружку, тем не менее в ночь со 2 на 3 и с 4 на 5 сего июля было приступлено к ликвидации означенного кружка и с помощью чинов полиции в порядке 21 ст. положения о государственной охране были произведены обыски и подвергнуты личному задержанию пока лица перечисленные в представленном списке из интеллигентов как наиболее крайних подстрекателей к забастовке и могущих придать ей, кроме экономического, еще и политическое значение, а из числа рабочих те, которые состояли представителями групп разбившегося кружка.

По обыскам: у ученика местной гимназии Александра Стуколкина и у бывшего гимназиста Михаила Ларионова было обнаружено все необходимое для печатания гектографированных прокламаций, а также часть уже выполненной ими работы. В квартире бывшего семинариста Сергея Дмитриева Стрежнева был найден спящим, надо полагать, нелегальный, с тремя видами на жительство, вы-

данными Владимиру Васильеву Южакову, при чем по паспортной книжке от января 1905 г. за № 26 он значится ирбитским потомственным почетным гражданином, по свидетельству пермского уездного училища совета от 15 июня 1902 года за № 508 значится учителем начального училища при пермском детском убежище, а из билета, выданного помощником инспектора Харьковского ветеринарного института от 20 августа 1905 г. за № 767 видно, что Владимир Южаков состоит студентом I курса вышеназванного института. У означенного Южакова в кармане оказались рукописи, указывающие на принадлежность его к пермской противоправительственной партии.

Согласно агентурным сведениям, утром 5 сего июля, рабочие железнодорожных мастерских и депо Самаро-Златоустовской жел. дороги около 8 часов утра бросили работы и объявили забастовку, при чем негласно выяснено, что тревожный гудок, послуживший сигналом забастовки дал известный департаменту крестьянин Владимир Иванов Хаустов.

Не предъявив железнодорожной администрации определенных требований, рабочие как мастерских, так и депо, в количестве 2.300 человек, мирно разошлись по домам. Из своей среды они выбрали представителей, которые по уходе рабочих остались в конторе для составления петиции. С означенными представителями вступил в переговоры управляющий губернии, который, убедившись в твердом решении рабочих бастовать, сначала старался уговорить их возобновить работы, а затем, получив от них отказ, предупредил, что никакое нарушение порядка им допущено не будет и что для охранения спокойствия он не остановится ни перед какими мерами строгости. За исключением попыток отдельных лиц принудить к забастовке незначительные промышленные заведения, в общем порядок в городе Уфе до сих пор ничем не нарушался. В виду имевшихся у начальника уфимского жандармского отделения подполковника Воскресенского сведений о возможной со стороны забастовщиков попытке порчею пути и паровозов приостановить движение поездов, по распоряжению управляющего губернией были приняты меры охраны шайками необходимых зданий и других построек, находящихся в полосе отчуждения дороги.

В виду незначительного уфимского горизонта, для его усиления, управляющий губернией телеграммой в гор. Самару на имя заведующего передвижением войск просил о высылке в гор. Уфу двух рот солдат.

Приложение: Список задержанных лиц. Подлинное за надлежащим подписом. С подлинным верно:

Начальник Уфимского губернского
жандармского управления Полковник (подпись).

Копия.

Требование рабочих депо Уфа.

Мы, рабочие депо, подавая несколько раз заявление о своих нуждах, и не получая никакого удовлетворения, решили прибегнуть к забастовке; прекращая работы, мы требуем:

1. 8-часового рабочего дня.
2. Отмены сверхурочных работ.
3. Установления отдыха перед всеми праздничными днями.

4. Повышения заработной платы на 75% для рабочих получающих до 1 руб. и на 50% получающих более 1 рубля.

5. Выдачи заработной платы два раза в месяц.

6. Выдачи заработной платы за время забастовки (поденной).

7. Приема учеников на 35 коп. и прибавка жалованья по пробе рассматриваемой комиссией совместно с выборными от рабочих.

8. Перенесения святочных праздников на майские.

9. Назначения бригадиров самими рабочими.

10. Увольнения административных бригадиров Корнеева и Рыбина.

11. Поступления и увольнения рабочих по усмотрению выборных от рабочих.

12. Передачи библиотеки в распоряжение рабочих.

13. Устройства третейских судов.

14. Ответственности железной дороги за увечье и смерть рабочих, полученных во время работы в смысле материального вознаграждения.

15. Назначения докторов специалистов и присутствия их во время ведения работы.

16. Месячного отпуска с сохранением жалованья для рабочих, прослуживших 1 год.

17. Выдачи проездных билетов по всем дорогам для рабочих и их семейств с правом покупного (6 билетов).

12. Передачи библиотеки в распоряжение рабочих.

19. Неприкосновенности всех забастовавших рабочих.

20. Выдачи арестованных товарищей.

Выставляя эти требования мы решили не выходить на работы до тех пор пока все наши требования не будут удовлетворены. В случае получения ответа из управления на наши требования, мы требуем объявить об этом в Уфимских Губернских Ведомостях и бюллетенях расклеенных на витринах; для обсуждения ответа требуем пригласить всех рабочих на собрание. Город Уфа 1905 года 5 июля.

С подлинным верно:

Начальник управления Полковник (подпись).

Копия.

Требование мастеровых рабочих уфимских мастерских.

1. 8-часовой рабочий день.

2. Отмена сверхурочных работ.

3. Прибавка поденного жалованья получающим до 1 руб.—30 коп. в день, а выше 1 руб.—20 коп. в день.

4. Жалованье чернорабочих от 80 коп. до 1 руб. в день.

5. Выдать по окончании забастовки при вступлении на работу мобилизационные деньги по 20 коп. на заработанный рубль со дня объявления дороги на военном положении.

6. Выдача жалованья через две недели, в среду перед днем базарным (это нам даст возможность покупать жизненные продукты из первых рук без всякой надбавки в пользу кулаков, что у нас практикуется при существующем порядке) первая получка без процентов, вторая с процентами.

7. Увеличить расценок в некоторых цехах на сдельные работы по 35% на рубль.

8. Вступительная плата мальчиков учеников 35 коп. в день.

9. Вступительная плата мастеров всецело должна зависеть от комиссии выборных добросовестных и знающих эту специальность мастеров совместно с администрацией мастерских.

10. Во время болезни рабочих и мастеровых, чтобы платить ему полное поденное жалованье с первого же дня заболевания.

11. За увечья платить полуторное жалованье, во время болезни каждое поранение и увечье должно быть исследовано комиссией совместно мастеровых и медицинских персоналов.

12. В мастерских чтобы находилась аптека с необходимыми медикаментами и фельдшера для оказания первой помощи.

13. Улучшить гигиеническое положение мастерских.

14. Улучшить состояние больницы и увеличить штат докторов по специальностям. Устроить женское, детское отделения. При больнице должна быть женщина врач; за неимением лекарств в железнодорожной аптеке, прописанные частными врачами рецепты чтобы оплачивались средствами железной дороги; во все время производства работ, а также и в праздники чтобы был в больнице дежурный врач.

15. По заключению комиссии докторов и выборных от рабочих, признанных серьезно больными, выдавать беспрекословно пособие и признанное лечение, как бы оно ни было обременительно материально, приводить немедленно в исполнение за счет дороги и этим рабочий и его семейство продлят свои недолгие дни существования.

16. Разрешить железнодорожное училище и чтобы не было отказа мастеровым и рабочим в поступлении в оное детей их.

17. Отменить плату с детей мастеровых и рабочих в железнодорожном училище и снабжать их всеми необходимыми книгами учебными и принадлежностями и отделить в той же школе девочек от мальчиков.

18. Поступающие дети в ученики в железнодорожные мастерские должны быть осмотрены медицинским персоналом совместно с комиссией из выборных и рабочих для заключения трудоспособности.

19. Ограничить труд малолетних с 15 до 17 лет шестью часами и устроить для них вечерние и праздничные курсы с программой среднеучебного заведения.

20. Отделить от котельного цеха специальную школу учеников (вследствие преждевременного разрушения слуха от производящихся там котельных работ) и назначить им профессиональных руководителей с соответствующим образовательным цензом.

21. Устроить на счет дороги библиотеку и читальню для мастеровых и рабочих с программой городской публичной библиотеки.

22. Отменить существующий порядок выдачи проданных билетов, чтобы билеты выдавались количеством наравне со штатными служащими и имели бы равное право с покупными и чтобы семейные билеты выдавались здесь в мастерских от своего начальства по первому требованию, и чтобы нам не приходилось прибегать ни к каким выдумкам и ухищрениям получить их, не исключая и чужих дорог через один год после поступления, а по своей дороге через один месяц после поступления.

23. Прослужившим один год пользоваться месячным отпуском с сохранением жалованья.

24. Переместить время ремонта машин и станков вместо рождественских и святочных дней на июнь месяц с 1 по 15 и это будет служить нам каникулами и отдыхом.

25. Заменить некоторых административных бригадиров выборными по окончании забастовки самими мастеровыми.

26. Свобода собраний всех мастеровых и рабочих для обсуждения своих нужд в указанных помещениях администрацией мастерских.

27. Третейский суд.

28. Устроить в Уфе лавку общества потребителей независимо от существующей в Самаре на паевых началах и под контролем комиссии выборных мастеровыми и рабочими.

29. Уплата жалованья во время забастовки.

30. Чтобы никто не пострадал и не был уволен во время и после забастовки.

31. Ходатайствовать перед господином губернатором о немедленном освобождении арестованных мастеровых с 2 по 5 июля сего года.

32. Вежливое обращение администрации с мастеровыми и рабочими.

33. Заработанные деньги процентные не задерживать три месяца, а выдавать вместе с получкой первого месяца.

34. Инструкцию, составленную на основании примечания к § 2 врем. прав. 13 просим отменить.

С подлинным верно:

Начальник управления полковник (подпись).

М. В. Д. — Секретно.

Новгородского
губернатора

По канцелярии

27 января 1905 г.
№ 134
г. Новгород

В Департамент полиции

Начиная с 1901 года на Чудовском стекольном заводе потомственного почетного гражданина И. Е. Кузнецова, расположенном при ст. Чудово, Николаевской железной дороги и имеющем до 500 человек рабочих, производилось постепенное понижение расценков на сдельные работы. В 1901 году понижение было настолько значительно, что вызвало среди рабочих волнение, причем последние отказались возобновить договоры найма и владелец принужден был скидку несколько понизить.

Но установленная таким путем плата поддержалась всего шесть месяцев, а затем от времени до времени была понижаема и заработок все более и более уменьшался. Весной 1904 года на фабрике была уничтожена одна из двух имевшихся на ней печей, число же мастеров оставлено то же, что было и раньше, почему заработок понизился до такой степени, что мастера, получавшие ранее до 45 рублей в месяц, должны были довольствоваться 27—30 р.

Такое систематическое понижение заработной платы, практиковавшееся на всех фабриках Кузнецова как Чудовской, так и Волховской, Грузинской и Бронницкой в связи с установленными вычетами (баня, квартиры), существующим там тяжелым режимом и крайне грубым и бессердечным отношением к рабочим со стороны администрации, всегда поддерживало среди рабочих неудовольствие и глухое волнение.

Вообще почва для возникновения на фабриках Кузнецова беспорядков была в последнее время весьма благоприятной, вследствие чего стачки рабочих в Петербурге не замедлили отозваться прежде всего на Чудовском стекольном заводе этого фабриканта.

20 сего января мастера названного завода обратились к его управляющему Федоровскому с просьбой о повышении расценков и уменьшении квартирной платы и одновременно с сим просили того же управляющего передать их письменное о том же ходатайство.

В последнем им было отказано, но в то же время обещано передать их просьбу владельцу на словах, что было исполнено 21 того же января, но Кузнецов все требования удовлетворить отказался категорически, на просьбу же приехать в завод, чтобы лично переговорить с рабочими, тоже ответил отказом. Следствием этого было принятое рабочими решение—22 на работы не являться, устроить стачку. О всем изложенном я и местный старший фабричный инспектор были своевременно уведомлены, в виду чего 21 января отправились на ст. Чудово для личного выяснения положения дела и переговоров с рабочими, при чем выяснилось, что со стороны последних предъявляются следующие требования: увеличение заработка на 5—6 рублей в месяц и изменение соответственно этому расценок, уменьшение на 50% платы за квартиры, (за квартиры весьма тесные, с семейных взимается 3—4 руб. 50 коп. в месяц); предоставление рабочим права предварительного совещания с владельцем при установлении последних расценок и вообще распорядка на заводе и установление для этого среди рабочих известной организации с выборными лицами. Кроме сего рабочие отделочного отделения требовали еще: 1) установление 10-часового рабочего дня, а мастера—прекращения работы в воскресенье и праздничные дни (в настоящее время мастера имеют 4 свободных суток в месяц для отдыха). Не все означенные требования поддерживались, однако, рабочими с равной настойчивостью: они довольно решительно требовали выполнения.

Все эти требования были тогда же сообщены старшим фабричным инспектором Рубакиным владельцу фабрики, который в исполнении хотя каких-либо из них категорически отказал. Решение это было объявлено рабочим в моем присутствии и вместе с тем объявлено, что закон бессилен побудить фабриканта к исполнению предъявленных ему со стороны рабочих требований.

После этого рабочие, вероятно, под влиянием циркулирующих между ними слухов об оказываемой рабочим помощи со стороны правительства заявили о своем желании послать в С.-Петербург депутацию из своей среды с тем, чтобы просить об оказании им поддержки; после переговоров с ними по этому поводу рабочие отказались от означенного своего предположения и остановились на следующем: 1) просить старшего фабричного инспектора Рубакина лично ходатайствовать перед Министерством финансов о воздействии на Кузнецова в том отношении чтобы последний лично вошел в переговоры с рабочими и уступил бы их требованиям; 2) до получения от фабричного инспектора ответа вести себя спокойно и до 1 февраля, срока своего найма, работ не бросать.

В тот же день старший фабричный инспектор отправился в Петербург, а 24 сего января туда же был вызван для переговоров по настоящему делу и Кузнецов. Под влиянием этих переговоров Кузнецов 25 января поехал на Чудовский завод, но заявил лишь, что ни в какие соглашения с рабочими он вступить не может и никаких усту-

пок не сделает. На это рабочие, по словам Кузнецова, объявили, что согласны работать на старых условиях. Для подтверждения изложенного фабричным инспектором было вызвано на ст. Чудово шесть человек рабочих, которые объяснили, что согласия работать на старых условиях они Кузнецову не давали и что напротив теперь еще настойчивее предъявляют свои прежние требования, но что владельцу фабрики об этом не заявляли, так как беседа его была весьма кратковременной, да кроме того, он этим повидимому и не интересовался.

Старшим фабричным инспектором было после рабочих объяснено, что понудить Кузнецова согласиться на их требования закон не может, что Кузнецов был вызван по настоящему делу для переговоров к г. товарищу министра финансов в Петербурге, но что, очевидно, и увещания его превосходительства не могли повлиять на него.

Рабочие остались крайне недовольны результатом поездки фабричного инспектора и заявили, что он, да и вообще вся администрация не хотят им помочь и не обращают внимания на их бедственное положение.

В виду этого они решили послать шесть лиц выборных из своей среды в Петербург для подачи всеподданнейшего прошения его императорскому величеству государю императору. Сделать это они предполагают в феврале сего года.

До 1 февраля сего года, т. е. до окончания срока найма, они будут продолжать работать безостановочно и согласны возобновить договор еще на два месяца, т. е. до 1 апреля и работать также до этого срока безостановочно, но лишь при условии, если при возобновлении 1 февраля договора никто из них не будет уволен.

Требования бакинских рабочих.

ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ.

Товарищи рабочие.

По царским законам нам запрещено собираться, запрещено сообща обсуждать наши нужды. И правительству и капиталистам сподручнее обдирать нас в одиночку; выгодно им разделять нас и властвовать над нами... Но мы-то знаем, что в объединении наша сила, а в обсуждении наших дел всеми нами—наше спасение, и поэтому мы требуем:

1) Полной свободы рабочих собраний, свободы слова и печати.

Царское правительство запрещает нам организацию рабочих союзов, касс на случай нужды и стачек; оно карает самые стачки... Законами этими мы связаны по рукам и ногам. Мы проданы капиталистам. Нас заживо хоронят, нас бьют и грабят, и мы не можем защищать своей чести, своего кровного труда...

Требуем же товарищи:

2) Свободы союзов, касс и стачек. Но, товарищи, всего этого мало. Если мы собираемся, обсуждаем наши дела, устраиваем стачки, то ясно, что мы добиваемся каких-то наших справедливых требований... Еще яснее, что эти требования должны закрепляться за нами законом...

Но кто же будет издавать эти законы? Кто будет следить за исполнением этих законов? Товарищи! Только не царское правительство... Посмотрите — царские чиновники и жандармы, полицмейстера

и губернаторы, министры и военные генералы... Да ведь это сплошная язва, змеиное гнездо взяточников и казнокрадов.

Вся эта компания самодержавных разбойников при существующем порядке живет себе без труда, живет сытно и весело; и почти все они имеют свои доли в предприятиях капиталистов.

А царь? Российские самодержцы всегда играли роль старой ветоши и балаганных петрушек то в руках дворян-помещиков, а то, как теперь, в руках чиновного, титулованного сброда. К тому же г.г. Романовы, самые богатые помещики в России, и они также нуждаются в эксплоатации рабочей силы. И чего же ждать нам от этой шайки разбойников, как только не насилия и самого жесткого гнета.

Но какая же власть будет защищать наши интересы?

Защитниками наших интересов можем быть только мы сами, весь народ... У народа не должно быть властителей, а могут быть только слуги, которых выбирает он, чтобы они точно исполняли его законы.

Только сам народ может облагать себя налогами и никто больше. Без разрешения народа не может быть истрачена ни одна копейка...

Поэтому мы сейчас же заявляем:

3) Долой царское самодержавие.

4) Да здравствует самодержавие народа.

Мы требуем:

5) Немедленного созыва всероссийского учредительного собрания из представителей всего населения всей России без различия веры и национальности.

Кто же будет выбирать этих представителей?—Весь народ. 60-летний старец, и почтенная мать семейства, и юноши и девицы, достигшие 20-летнего возраста. И бедняк и богач. И ученый муж, и серый мужичок, и блестящий адвокат, и почерневший от копоти кочегар. Все имеют право прямо и равно подавать свой голос за своего избранника-депутата.

И требуем мы:

6) Всеобщего, прямого, равного и тайного избирательногго права.

Товарищи, мы не можем оставаться равнодушными к страшному преступлению царского правительства—это к войне с Японией.

Сотни тысяч человеческих жертв и миллиарды народных денег погибли на Дальнем Востоке по воле кучки разбойникоив, именующих себя правительством. Мы ставим предел ужасному насилию над всем русским народом.

Мы требуем:

7) Долой войну.

Товарищи, на днях, можно сказать, закончилась громадная стачка американских горнопромышленных рабочих... Американские товарищи добились восьмичасового рабочего дня. Восьмичасовой рабочий день—требование рабочего класса всего мира, и мы требуем:

8) Да здравствует восьмичасовой рабочий день.

9) Да здравствует двухдневное празднование 1 мая.

МЕСТНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ.

Сокращение работ.

Мы требуем:

1. Совершенной отмены воскресных работ. 2. Отмены всяких отрядных работ. 3. Безусловной отмены сверхурочных работ. 4. Отмены подрядчиков всякого рода. 5. Немедленного введения трехсменной си-

стемы работ для рабочих буровых партий, масленщиков, кочегаров, а также для тартальщиков, где это еще не введено. 6. Введения трехсменной же системы работ для помощников машинистов и промысловых приказчиков.

Примечание 1-е. В кануны воскресений для православных, пятниц для мусульман и суббот для евреев работа продолжается только до 2-х часов дня.

Примечание 2-е. Так как существующие работы сверхурочные, сдельные и воскресные увеличивают число безработных, а безработные по необходимости начинают конкурировать с рабочими же и понижают заработную плату вообще,—то мы особенно настаиваем на отмене этих работ. Только несознательный, темный рабочий или явный враг нашего дела могут стоять за эти работы, поэтому несознательного товарища мы должны научить, а явному нарушителю общих интересов, очевидно, придется внушить.

Заработная плата.

Мы требуем:

1. Обязательного повышения через каждые полгода поденной платы для рабочих, занятых на заводах, фабриках и мастерских: слесарей, токарей, кузнецов, молотобойцев, плотников, котельщиков, литейщиков и желонщиков—для получающих свыше 2 руб.—10%, для получающих свыше 1 руб.—20%, для получающих ниже 1 руб., в том числе и для учеников—25%. 2. Поденная плата молотобойцев устанавливается теперь же не ниже 1 р. 50 коп., для учеников не ниже 70 коп. со дня поступления. 3. Ученики, проработавшие не менее 2-х лет, должны допускаться к самостоятельной работе, а не оставаться по несколько лет на одной чистке. 4. Для рабочих, работающих помесячно—тартальщиков, масленщиков, кочегаров, рабочих буровых партий—заработная плата единовременно повышается на 50% и затем устанавливается повышение через каждые полгода, как и для рабочих заводских. 5. Помощникам машинистов, промысловым приказчикам, ключникам, тормозчикам, увеличение платы производится по поденному расчету, как и заводским рабочим. 6. Плата для чернорабочих караульщиков, дворников, дрогщиков и других не должна быть ниже 1 р. 50 к. в день. 7. Плата производится со дня поступления рабочего на фабрику, завод, промысел. 8. Отменить правило, по которому некоторые капиталисты практикуют неплатеж заработной платы под видом пробного испытания. 9. Заработная плата производится полностью за все семь дней недели как поденным, так и месячным, хотя как с 2-х часов дня кануна праздника и в самый праздник (воскресенье) работы и не будут производиться. Это время—отдых рабочего—и оно должно оплачиваться. 10. Полностью производится заработная плата за все время болезни рабочего—независимо от причины болезни. 11. Всякие прогулы, происшедшие по вине капиталиста, как отсутствие работы или стачки рабочих—местная (заводская) или всеобщая, вызванная общим гнетом рабочего класса, а также дни демонстраций и празднования 1 мая—оплачиваются полностью обычной заработной платой. 12. Расчет производится в строго определенные два срока: 10-го и 25-го числа ежемесячно. 13. Расчет производится наличными деньгами. Воспрещается расчет натурой во всех видах и даже такой, как доверительные записки лавочникам.

Увольнения, приемы и штрафы рабочих.

Мы требуем:

1. Отмены обычая, по которому заводская или иная администрация произвольно увольняет рабочих. Отныне всякие увольнения могут происходить только с согласия выборных от всех рабочих. 2. Независимо от причины увольнения—уволенный рабочий получает вознаграждение вперед за два месяца. 3. При приеме рабочих заводских, фабричных и вообще специалистов заработная плата устанавливается самими рабочими при участии администрации, согласно предварительной пробной работы. 4. Требуем отмены всяких денежных и прочих штрафов, выговоров и прочего, чем бы таковые ни вызывались. 5. Требуем отмены всяких залогов с рабочих или служащих при поступлении их на работу. 6. Требуем возврата всех взятых до настоящего времени залогов полностью вместе с проц. за все время продержания залоговых денег.

Квартирный вопрос.

1. Каждый рабочий без исключения, в том числе и ученики должны иметь за счет нанимателя бесплатную квартиру со всеми удобствами: водой, отоплением, освещением и необходимой меблировкой.

Так как большая часть нанимателей таких квартир не имеет, то мы требуем выдачи квартирных денег. Квартирные деньги вычисляются так: для семейного за две жилых комнаты и кухню, для холостого за одну комнату.

Вода, мазут, керосин в достаточном количестве отпускаются натурою или деньгами. В случае выдачи натурой наниматель обязан все доставить на квартиры, где проживают рабочие. Самые квартиры, если таковые даются нанимателем,—должны быть вблизи от места работы, а в противном случае рабочим выдается особая плата на проезд.

Далее, в виду того, что промысловые и городские квартиры рабочих вообще никуда негодны и в виду того, что сами предприниматели оказались неспособными оборудовать удобных рабочих квартир— мы, рабочие, заявляем следующие требования к Совету съезда нефтепромышленников и Бакинскому городскому самоуправлению:

2. Оборудование достаточного числа рабочих квартир как в г. Баку, а также и в следующих частях промыслов: Балаханы, Романы, Сабунчи, Биби-Эйбат, Черный и Белый городки. Рабочие квартиры должны удовлетворять всем требованиям здорового человеческого существования: электрическое освещение и ванные отделения, паровое отопление и прочее.

3. Совету съезда ставим в обязанность оборудование в населенных промысловых районах общественных бесплатных бань на тех же основаниях, как теперь существуют амбулатории и больницы.

Питание рабочих.

1. Требуем организации на всех промыслах и при всех заводах дешевых столовых. 2. Отменить порядок принятия пищи прямо на местах работы. 3. Совет съезда обязывается немедленно озаботиться об упорядочении убоя скота в промысловых районах.

Образование.

1. Требуем открытия новых школ в Балаханах, Забрате, Бог-Боге, Романах, Сабунчах и Биби-Эйбате. 2. Теперь же широко организовать

несколько библиотек-читален. 3. Требуем устройства в Балах.-Сабунч. районе технического училища. 4. Требуем устройства трех народных домов. Один в Балаханах, затем для Черного и Белого городов и третий—на Баилове и Биби-Эйбате.

Исполнение названных 4 требований всецело возлагается на Совет съезда.

Лечение рабочих.

1. Открыть три новых больницы-амбулатории: собственно в Балаханах, Забрате и Биби-Эйбате. 2. Лечение рабочих за счет нанимателей и безусловно бесплатное. 3. Упразднение ордеров. 4. Увольнение главного провизора Сабунчинской больницы, практикующего возврат рецептов врачам, если в них оказывается прописанным рабочему дорогое лекарство. 5 Поездки больных рабочих для лечения в другие города или местности производятся за счет нанимателя, при чем выдача необходимых средств рабочему возлагается на Совет съезда, каковое учреждение затем возвращает их с предпринимателя само.

Отпуска рабочих и безработица.

1. Рабочий, прослуживший на месте не менее года, должен пользоваться месячным отпуском с сохранением содержания. 2. Для всех безработных Совет съезда и Бакинское самоуправление должны организовать общественные работы.

Об администрации.

1. Немедленное увольнение по требованию рабочих управляющего, заведывающего, механика, мастера, приказчика, отличающихся жестким или невежливым отношением к рабочим.

Товарищи, перед нами целый ряд требований, которые мы и должны основательно обсудить... Всякий сознательный серьезный рабочий должен считать своей святой обязанностью широко распространить, растолковать все сказанное своим более слабым товарищам... И, главное, энергично, горячо звать всех на упорную борьбу. Будем же собираться в заводах, везде, где можно только, и обсудим наши дела.

Теперь же отложим наши сбережения, запасем хлеба... Поведем наше дело твердо, сознательно... И мы победим, товарищи.

Да здравствует всеобщая забастовка!

Типография балахинских и биби-эйбатских рабочих. 1 дек. 1904 г.
(Из дела деп. полиции, 4-е делопр., № 4, ч. 8, 1905 г.),
Кавказский союз Росс. соц.-дем. раб. партии.

Товарищи!

В тяжелых условиях нам приходится жить. Чрезмерная работа, хроническое недоедание, сырые и холодные квартиры, невозможность удовлетворить духовным запросам и др. подобные условия составляют значительный тормоз для сознания нами наших классовых интересов, для усиления обще-пролетарской борьбы. Отсюда необходимость оградить рабочих от нравственного и физического вырождения. С этой целью удовлетворение следующих наших требований считаем в данную минуту неотложным:

1) 8-часовой рабочий день.

Примечание. За ночные 8 часов—писать 10 час.

2) Уничтожение сверхурочных работ.

3) Уничтожение сдельных и поштучных работ.

4) Уничтожение работы вне мастерских (для портных, для столяров и других мелких мастерских).

5) Прибавка жалованья: а) для железнодорожных рабочих: для получающих меньше рубля—50 коп. для получающих от 1 р. до 1½ р.—40 коп. и свыше 1½ р.—30 коп., б) для типографщиков: по три рубля два раза в год для зарабатывающих до 40 р., а для зарабатывающих свыше 40 руб.—3 рубля один раз в год; для остальных фабрик и заводов 25% для получающих до 1 рубля и 15% для получающих свыше рубля.

6) Полное воспрещение дарового труда учеников.

7) Наименьшее жалованье для учеников 40 коп., для чернорабочих 1 рубль и для мастеровых 1½ рубля.

8) Полное жалованье за время стачки.

9) Полное вознаграждение за время стачки.

10) Получка жалованья в рабочее время для железнодорожных 2 раза в месяц.

11) Уничтожение выговоров и штрафов.

12) Улучшение гигиенических условий в больнице З. Ж. Д., а также устройство таковых на остальных заводах и фабриках; подача медицинской помощи на дому.

13) Улучшение гигиенических условий труда, улучшение питьевой воды, устройство бань, улучшение столовой (железнодорожной).

14) Выдача шести проездных билетов служащих на З. К. Ж. Д.

15) Отмена «добровольных» (читай: принудительных) пожертвований на войну.

16) За участие в стачке никто не должен быть уволен.

17) За политические дела не должны увольнять рабочих.

18) Прием рабочих должен зависеть от рабочих.

19) Отмена обысков при проходе из мастерских.

20) Депутаты рабочих не должны быть арестованы.

Тифлисский комитет.

Типография Тифлисского комитета.

(Из дела № 4 ч. 8 деп. полиции 4-е делопр. 1905 год).

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А.

Б.

12-12 м. № 6 1-я см. Нар. 4094.

Д.

Е.

Ж.

З.

И.

К.

Л.

М.

О.

43*

П.

С.

Т.

У.

Ф.

Х.

Ц.

Ч.

Ш.

Э.

Ю.

Я.

ОГЛАВЛЕНИЕ